

А. Б. ЕДЕМСКИЙ

**ОТ
КОНФЛИКТА
К
НОРМАЛИЗАЦИИ**

**Советско-югославские
отношения
в 1953–1956 годах**

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

A. B. EDEMSKIY

**FROM
CONFLICT
TO
NORMALIZATION**

*Soviet-Yugoslav
Relations
in 1953–1956*

MOSCOW NAUKA 2008

А. Б. ЕДЕМСКИЙ

**ОТ
КОНФЛИКТА
К
НОРМАЛИЗАЦИИ**

**Советско-югославские
отношения
в 1953–1956 годах**

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(4)“654”

ББК 63.3(4)

Е32

Ответственный редактор
доктор исторических наук К.В. НИКИФОРОВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук В.А. ТЕСЕМНИКОВ,
кандидат исторических наук А.С. СТЫКАЛИН

Едемский А.Б.

От конфликта к нормализации : советско-югославские отношения в 1953–1956 годах / А.Б. Едемский ; [отв. ред. К.В. Никифоров] ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2008. – 610 с. – ISBN 978-5-02-035195-0 (в пер.).

В монографии на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивов России, Сербии, Словении, Чехии, Великобритании рассматриваются процесс преодоления последствий конфликта 1948 г. между И.В. Сталиным и И. Броз Тито и основные этапы нормализации отношений между СССР и Югославией в 1953–1956 гг. в политической и экономической областях. В книге прослежено влияние внутренних и внешних факторов на отношения между Белградом и Москвой, рассмотрен механизм подготовки и принятия решений по этим вопросам правящими кругами обеих стран.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

Темплан-2007-І-360

ISBN 978-5-02-035195-0

© Институт славяноведения РАН, 2008

© Едемский А.Б., 2008

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2008

Вместо введения

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ТИТО И ЕГО КЛИКА!»*

Историки-профессионалы и люди, просто интересующиеся историей, в том числе историей международных отношений и, в частности, советской политикой на Балканах, не могут не задаться вопросом: как случилось, что героические югославские партизаны-антифашисты под командой не менее славного маршала Иосипа Броз Тито всего через несколько лет после окончания Второй мировой войны превратились в «фашистскую клику Тито – Ранковича», а затем, по прошествии еще немногих годов, вновь оказались «коммунистами-ленинцами», а глава югославского государства стал «дорогим товарищем Тито». Советские газеты и журналы середины прошлого столетия вносят лишь сумятицу, оповещая своих читателей то о «фашистской клике», то о «стойких югославских коммунистах», то о сближении Югославии с англо-американским империалистическим блоком, то о решительной критике югославским руководством агрессивных действий США. Примеры противоречивых, с точки зрения внимательного наблюдателя, пассажей советской пропагандистской машины можно множить бесконечно.

Если история возникновения советско-югославского конфликта 1948 г. и его начальных стадий (до 1950 г.) имеет обширную отечественную и зарубежную (в том числе югославскую) литературу, в которой сформировались достаточно четко выявляемые подходы к изучению сего конфликта¹, то его разрешению в 1953–1956 гг. посвящено гораздо меньше исследований².

Ставшие доступными в последние годы документы пленумов ЦК КПСС 50-х годов, минувшего века, открывая новые факты отечественной истории, не проливают достаточно яркого света на сумбур восприятия Югославии прошлых десятилетий. Если на пле-

* Из надписи на транспоранте на одной из железнодорожных станций во время визита И. Броз Тито в СССР в июне 1956 г.

нуме ЦК КПСС в июле 1953 г. арест всесильного главы МВД СССР Л.П. Берии оправдывался его стремлением договориться с А. Ранковичем и И. Броз Тито, то ровно через два года (в июле 1955 г.) министр иностранных дел СССР В.М. Молотов был осужден почти тем же составом пленума ЦК за непонимание необходимости недавнего майского визита высокой советской делегации в Белград. Поэтому автору данной книги очень хотелось бы внести свою лепту в рассеивание этого идеологического дурмана, показать скрытую в архивах и малоизвестной литературе подоплеку тех непонятных на первый взгляд идейно-политических шараханий.

Хронологические рамки книги охватывают период с 1953 по 1956 г. По нашему мнению, это тот важный рубеж отечественной истории, когда со смертью И.В. Сталина завершился ее ленинско-сталинский, левототалитарный период. В марте 1953 г. советское руководство, вне зависимости от собственных вербальных заявлений, начало поиск новых путей развития. «Коллективное руководство» Советского Союза имело в то время реальный выбор между ревизией коммунистической идеологии, отказом от нее и модернизацией страны. Однако столкновение политических амбиций отдельных членов руководства после марта 1953 г. вылилось в жестокую и изощренную борьбу за власть и помешало продуманному и аккуратному подходу к поэтапному реформированию общественно-экономической системы могущественной мировой державы XX столетия. В результате политической борьбы 50-х годов сложившийся за время сталинского правления баланс в руководящей верхушке между ее различными группировками, который поддерживался при помощи жестких карательных механизмов, был нарушен в пользу так называемых представителей партаппарата – зачастую малограмотных, но весьма пробивных и уверенных в себе функционеров-управленцев из южнороссийских и украинских регионов Советского Союза, объединенных общим карьерным прошлым.

Таким образом, уже к началу 60-х годов XX в. ведущие позиции в стране прочно заняли выходцы из партийного аппарата, которые оттеснили на второй план как силовые структуры, так и работников инженерно-технической сферы. В СССР сложился партократический режим, формированию которого в значительной мере способствовала деятельность Н.С. Хрущева, умело демонтировавшего карательные механизмы и использовавшего настроения антисталинизма, существовавшие в верхах советского общества. В то же время научно-технические достижения отечественного военно-промышленного комплекса второй половины 50-х – первой половины 60-х годов, прочная основа которых была заложена еще в 40-е, способствовали поддержанию иллюзии

успешной «десталинизации» как магистрального пути развития Советского Союза. Такой поверхностный подход, отсутствие реальных реформ и тогда и в дальнейшем не позволили стране своевременно подготовиться к промышленно-технологическим, информационным, экологическим и интеллектуальным вызовам последней четверти XX столетия, лишили ее возможности уверенного и безоговорочного вхождения в XXI век в роли одного из равноправных лидеров мирового сообщества.

Хронологические рамки монографии как раз совпадают с периодом политического возвышения Н.С. Хрущева. Более того, позиция его политических оппонентов по «югославскому вопросу» стала одной из причин их устранения с властного «олимпа» в небытие коммунистического «зазеркалья». Оба этих момента неожиданно оказались тесно связаны на протяжении рассматриваемых лет.

В глобальном внешнеполитическом контексте период нормализации советско-югославских отношений 1953–1956 гг. в значительной мере совпадал со временем так называемой «первой разрядки» в противостоянии советского лагеря и Запада. Она связывалась с окончанием в 1953 г. корейской войны, возобновлением с начала 1954 г. работы конференций министров иностранных дел ведущих мировых государств и встречей в верхах в Женеве (июль 1955 г.), с рядом мирных инициатив в советско-американских отношениях и с параллельными перечисленным процессам усилиям Вашингтона и Москвы по дальнейшему формированию двух военно-политических блоков, вползающих, как оказалось, в длительное глобальное соперничество. К тому времени советско-югославские контакты оказывали существенное влияние и на всю систему международных отношений ввиду геополитического положения Федеративной Народной Республики Югославии, и на отношения внутри стран социалистического содружества. Конфликт СССР с Югославией, рассматривавшийся сначала как столкновение амбиций двух лидеров, потом как трещина в «советском блоке», а в дальнейшем как потенциальный очаг международной напряженности всей системы миропорядка, превратился в неотъемлемую часть мировой политики конца 40-х – начала 50-х годов XX в.

Позиция Югославии имела важное военно-политическое измерение и для «демократического» Запада, и для «коммунистического» Востока. В условиях соперничества военно-политических блоков, чреватого не исключавшейся их лидерами третьей мировой войной, СССР видел в ФНРЮ важный форпост, необходимый для сохранения баланса сил в противостоянии Восток–Запад. Западные же страны рассматривали Югославию (прежде всего районы Словении и Хорватии) как существенный элемент

оборонительных порядков на южном фланге Североатлантического военно-политического альянса (НАТО). До апреля 1955 г. в Вашингтоне, Лондоне и Париже рассчитывали на включение ФНРЮ в систему военно-политических союзов западного мира. Одновременно с начала 1953 г., прежде всего под воздействием взглядов госсекретаря республиканской администрации США Дж.Ф. Даллеса, в риторике официальных ее представителей события в Югославии трактовались как начало успешной эрозии «советского блока». Постепенно, не без влияния пропаганды Запада, которой тонко подыгрывало руководство ФНРЮ, «югославский вопрос» перерос в нечто большее, чем просто конфликт между Москвой и Белградом. Со временем в глазах мирового сообщества получили признание как во многом романтизированное общественное устройство этой страны, отличавшееся от порицаемой советской общественно-экономической системы, так и усилия югославских лидеров в ее создании.

Значение югославского примера было многогранным. Югославия стала прецедентом существования социалистической страны вне единой системы во главе с Советским Союзом, что предоставило остальным государствам, находящимся в советском лагере, а также национально-освободительным движениям в странах «третьего мира» доказательство возможности развития по иному пути, нежели советский. Югославией был также поставлен вопрос о приоритете национально-государственных интересов перед внешненациональными абстрактными идеями «коммунистического братства», за которыми порой скрывались интересы отдельных советских руководителей и стоящих за ними клик. Действия безотносительно от конкретных планов Кремля, отказ подчиняться его своеволию явились ревизией на практике основополагающих решений конгресса Коминтерна в 1919 г., навязанных В.И. Лениным международному коммунистическому движению в годы ожидания мировой революции.

Основное внимание в книге уделяется изложению конкретно-исторического материала, что позволило рассмотреть взаимное восприятие «образов» и предпринимаемых шагов лидеров двух стран и правящих в них политических элит в отношении друг друга. С одной стороны, внимание концентрируется на советской концепции «югославского пути» как угрозе для единой советской внутри- и внешнеполитической системы, а также на конкретных шагах СССР в целях «нормализации» отношений с Югославией и ее возвращения в «советский блок». Другой стороной исследования явилось изучение эволюции образа советской модели общественного развития и ее внешнеполитических и внутривнутриполитических составляющих по югославским документам середины 50-х годов XX в., а также изложение стоящих за этим событий и объ-

яснение причин такой эволюции. Объемный исторический материал, который дал возможность проследить фактически всю канву событий на протяжении нескольких лет из месяца в месяц, как представляется, позволил ближе подойти к пониманию процесса формирования и принятия высшим руководством значимых политических решений, а также их последующего выполнения (в полном объеме или с корректировкой) обеими сторонами в эти годы.

При работе над монографией главное внимание автор сосредоточил на задаче ознакомления с дипломатическими записями внешнеполитических ведомств двух государств и соответствующими документами высших органов правивших в них партий, а также с иными документальными свидетельствами, имеющими отношение к событиям тех лет. Были изучены относящиеся к данной теме документы и материалы, которые хранятся в архивах России, Сербии, Словении и Чехии, США и Великобритании³. Помимо этого использовались публикации документов, изданные в 90-е годы прошлого века⁴, а также мемуарные свидетельства участников рассматриваемых событий.

Реконструкция помыслов политиков и дипломатов, процесса формирования, принятия и реализации политических решений поставлены нами в контекст постепенной и поэтапной нормализации отношений между Москвой и Белградом, которая продолжалась с марта 1953 по июнь 1956 г. и получила закрепление в двусторонних советско-югославских документах 1955–1956 гг. В этом смысле исследование близко тому направлению в изучении истории международных отношений, представители которого заняты описанием советской деятельности в 50-е годы в рамках концепции «поэтапного сокращения международной напряженности»⁵. Данный курс руководства КПСС и СССР определялся пониманием следующего обстоятельства: итогом жестко агрессивной великодержавной советской внешней политики после 1945 г. стало лишь сплочение фронта империалистических государств, одним из конкретных проявлений которого явилось вовлечение Западной Германии (с ее последующей ремилитаризацией) в систему военно-политических союзов с США. Поиск иных путей поведения на мировой арене позволял Кремлю избежать повторения этой ситуации в отношении Югославии.

¹ Основная литература по этому вопросу приведена в монографии А.С. Аникеева. См.: *Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия. СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957)*. М., 2002. С. 10–11. Разбор сложившихся за десятилетия концепций возникновения конфликта и хода его начальной стадии дан самым крупным отечественным исследователем этой проблемы Л.Я. Гибианским. См.: *Gibianskii L. The 1948*

Soviet–Yugoslavia Clash: Historiographic Versions and New Archival Sources // *Jugoslavija v hladni vojni*. Ljubljana 2004. S. 49–70.

² Волков В.К. Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: десталинизация «международных отношений нового типа» (1955–1957) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 154–165; Аникеев А.С. Указ. соч. С. 250–276. Событиям 1953–1956 гг. посвящены несколько статей сербских историков Д. Богетича, Д. Триповича, Л. Димича. В 2001 г. в Праге была издана книга Я. Пеликана «Югославия и восточный блок, 1953–1958» (*Pelikan J. Jugoslávie a východní blok, 1953–1958*. Pr., 2001), автор которой опирался на документы архивов Праги и Белграда.

³ В России – это Архив Президента Российской Федерации (АП РФ); Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ); Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Среди архивов стран, образовавшихся в результате распада СФРЮ, Архив Югославии в Белграде (AJ); Дипломатический архив внешнеполитического ведомства Югославии в Белграде (DASIP), Государственный архив Словении в Любляне (AS). Из чешских архивохранилищ использовались документы архива МИД Чешской республики в Праге (AMZV), а также архивная коллекция ЦК Компартии Чехословакии, хранившаяся в первой половине 90-х в Праге в бывшем здании ЦК КПЧ (A–UV–KŠČ). В книге также были использованы некоторые из материалов, собранные автором в 1992–1995 гг. в архивах Великобритании и США: в частности из коллекции Public Records Office (Kew) (далее: PRO), Национальных архивов Великобритании в Лондоне и документы Госдепартамента США из Национальных архивов (National Archives&Records Administration) в Вашингтоне (округ Колумбия), обозначенные в примечаниях аббревиатурой NARA.

⁴ См.: Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio R. Luburič. Podgorica, 1999; Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: документы и материалы. М., 1998; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 2002; Т. II: 1949–1953; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Отв. сост. В.Ю. Афиани: 2-е изд., испр. и доп. М., 2004; а также другие сборники документов.

⁵ Об этой концепции, имеющей англоязычную аббревиатуру GRIT (Graduated Reduction of International Tensions), см.: Larson D.W. Crisis Prevention and the Austrian State Treaty // *International Organization*. 1987. Winter. Vol. 41, N 1. P. 33–34, 57–58. См. также работы Р. Таккера и М. Евангелиста: Tucker R.C. Research Note on Stalin's Death: Paper presented to the U.S. – Soviet Seminar on the Cold War. Athens (Ohio). October 1988. (Пук.); Evangelista M. Cooperation Theory and Disarmament Negotiations in the 1950s // *World Politics*. 1990. July. Vol. 42, N 4. P. 502–529.

**ОТ КОНФЛИКТА КРЕМЛЯ
С «САМЫМ ВЕРНЫМ
СОЮЗНИКОМ ЮГОСЛАВИЕЙ»
ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ОТНОШЕНИЙ С ФНРЮ
«КАК С БУРЖУАЗНОЙ СТРАНОЙ»
(1948 – лето 1953 года)**

**1. На крутых выражах
советско-югославского конфликта
(февраль 1948 – февраль 1953 года)**

Концепция советского руководства о разделении мира на «два лагеря» – империалистический, антидемократический и антиимпериалистический, демократический¹ (с течением времени преобразованная в идею соперничества двух общественных систем), которая прозвучала в докладе А.А. Жданова на первом Совещании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа, Информбюро) в сентябре 1947 г., явилась одной из составляющих процесса структурирования международных отношений после Второй мировой войны. Вслед за начальным послевоенным этапом, когда произошло разграничение сфер интересов держав-победительниц в соответствии с ялтинско-потсдамскими договоренностями, наступил следующий этап, основным содержанием которого становился процесс создания и оформления двух противостоящих друг другу военно-политических союзов («блоков», или «лагерей»). Его наиболее яркими внешними проявлениями принято считать выступление У. Черчилля в Фултоне, высказывания И.В. Сталина в начале 1946 г., план Маршалла и доклад А.А. Жданова, а внутренним содержанием – идеолого-политический раздел Европы, который сопровождался на западе континента оттеснением компартий от рычагов непосредственного управления госаппаратом (прежде всего во Франции и Италии) и дальнейшей «советизацией» его восточной части.

Применительно к Югославии ход мировых событий заставлял ее руководство размышлять о собственном месте и роли страны

в формирующемся биполярном мире, поставив его перед необходимостью задуматься о проведении собственной внешней политики и перед дилеммой выбора ее приоритетов, поиска приемлемого варианта бесконфликтного сочетания политической зависимости от Кремля с национально-государственными (в том числе экономическими) интересами. Амбициозные югославские лидеры на первых порах были не прочь занять ведущее место в формирующемся «лагере мира и прогресса», ибо в соответствии с постулатами марксизма и ленинизма (о беззаветной преданности им неоднократно заявляли югославские коммунисты) именно за этими силами стояло «историческое будущее». Революционный опыт Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и ее вклад в победу во Второй мировой войне, – несоизмеримо больший, чем у польской или чехословацкой компартий, не говоря уже о компартиях стран бывших нацистских сателлитов, – казалось бы, органично выдвигали руководство Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) в первые ряды «советского лагеря». То обстоятельство, что руководство КПЮ смогло организовать масштабное восстание против немецких оккупантов уже в первые месяцы после раздела страны, давало югославским лидерам определенные преимущества и относительно верхов европейских компартий, включая коммунистов Франции и Италии. К этому добавлялись и успехи КПЮ в революционном преобразовании страны и в борьбе с национальной буржуазией. Помимо территориальных приращений югославы рассчитывали на ведущее положение в коммунистическом движении и, конечно, в своем секторе ответственности, который они на первых порах видели прежде всего на Балканах. Инициатива Тито по созданию Информбюро находилась в русле этих тенденций. Размещение штаб-квартиры Информбюро в Белграде явилось признанием заслуг и достижений КПЮ мировым коммунистическим движением, высокой степенью доверия со стороны советского руководства. Однако формальное перенесение центра «мирового коммунизма» в столицу ФНРЮ вызвало пристальное внимание Кремля ко всем действиям и высказываниям югославских лидеров, все шаги которых с этого времени начали ревниво отслеживаться и пристрастно взвешиваться.

Занятое восстановлением народного хозяйства страны, а также разработкой самых современных и весьма затратных систем вооружений, советское руководство явно не спешило с началом очередного этапа «мировой революции» и с решительными действиями вроде танкового прорыва во Францию или, по крайней мере, десанта в Грецию. Несмотря на значительное повышение Западом уровня пропагандистской полемики, в Кремле продолжали придерживаться договоренностей, достигнутых в конце

Второй мировой войны между лидерами ведущих мировых держав, о содержании которых югославские руководители имели скорее всего самые смутные представления.

Все это создавало определенные трудности для руководства Югославии в проведении внутренней политики, ибо последние годы революционные массы жили под лозунгами вроде «Америка и Англия будут пролетарскими странами!» К тому же расчеты югославских лидеров на ведущую роль Югославии и КПЮ в «советском блоке» явно не соответствовали представлениям советского руководства, которое постоянно одергивало, по его мнению, вырывающихся вперед югославы. В наиболее характерной форме такое сдерживание наблюдалось в подходе к решению внешнеполитических проблем – «греческого вопроса», взаимодействия с руководством Болгарии и Албании и при обсуждении различных вариантов региональных федераций.

Свою позицию Москва мотивировала высшими интересами, посвящать в которые югославы не желала. Подчинение некоей высшей необходимости, осознаваемой только Кремлем, не могло долго устраивать югославских лидеров, которые не без оснований подозревали, что за этим скрывались не только военно-политические соображения, но также либо конкретные интересы отдельных советских руководителей, занятых постоянной борьбой за место возле Сталина, либо даже капризы самого советского вождя. К тому же у руководства КПЮ отсутствовали иллюзии относительно сталинских «чисток» 30-х годов. Нахождение в «советском блоке» могло считаться приемлемым для Тито и его окружения лишь в том случае (и то до определенного времени), если оно компенсировалось экономическими выгодами и территориальными приобретениями.

Противоречия между советским и югославским руководством аккумулировались постепенно, но находились в регулируемом режиме их снятия, естественного для отношений дружественных государств с общими социально-политическими целями. В частности, в апреле 1946 г. И. Броз Тито и его сторонники исключили председателя планового совета А. Хебранга из состава политбюро ЦК КПЮ и вынесли ему строгий выговор, сопроводив это потоком обвинений – от фракционной деятельности (направленной в том числе лично против Тито) до уступчивости СССР в экономических вопросах, неверии в экономические силы ФНРЮ и недооценки югославских нужд и интересов. Отстранение А. Хебранга произошло после его первых контактов с советским послом А.И. Лаврентьевым².

В начале 1947 г. на советско-югославских переговорах затруднения возникли в вопросе о создании совместных экономических обществ, когда югославская сторона мотивировала отказ

принять предложения советской делегации политическими и материальными соображениями. В свою очередь, Кремль отклонил предложение югославов о строительстве алюминиевого завода в Мостаре³. 19 апреля 1947 г. «отец» экономических реформ в Югославии, в то время заместитель председателя правительства Э. Кардель в беседе со Сталиным фактически поставил вопрос о вмешательстве советских советников во внутренние дела своей страны, а затем, после резкой отповеди собеседника, заметил, что «речь только о некоторых недоразумениях в сотрудничестве наших и ваших специалистов»⁴.

Советский лидер согласился пойти навстречу всем требованиям, выдвигаемым югославской стороной на торгово-экономических переговорах. Однако он отказался помочь в реализации амбициозной югославской десятилетней программы создания военно-морского флота, включавшей спуск на воду больших линкоров, сославшись на то, что в СССР не готовы к строительству крупных кораблей, так как для этого придется «мобилизовать практически все народное хозяйство». Сталин предложил «затребовать кое-какие суда у итальянцев» и сделал весьма обидное заявление о том, что «ваш флот должен состоять в основном из легких кораблей»⁵.

Особо заметный всплеск противоречий произошел во второй половине 1947–начале 1948 г. в связи с балканскими проблемами. В Москве и Белграде исходили из собственной оценки своих национально-государственных интересов, по-разному смотрели как на перспективы различных вариантов региональной (балканской и/или южнославянской) федерации, так и на конкретные формы ее реализации. В особо острой манере советское руководство реагировало на развитие югославско-болгарских связей и действия югославских лидеров в отношении Албании. Не меньше разногласий вызывали и вопросы экономического сотрудничества, включая весьма чувствительную сторону советского содействия развитию экономики ФНРЮ в виде создания новых индустриальных объектов. В свою очередь, югославы зачастую понимали это содействие лишь как получение из СССР донорской помощи. После отказа принять участие в плане Маршалла в Белграде было естественным считать, что именно Кремль поможет осуществить те экономические ожидания, которые в первые послевоенные годы под влиянием коммунистической пропаганды о Советской России распространились и в народных массах, и среди членов КПЮ. В начале 1948 г. для Тито и его ближайших соратников стало очевидным, что Москва сделать это или не желает, или просто не в состоянии.

Ставшие в последние годы доступными архивные документы показывают, что явное недовольство действиями югославского руководства в Москве проявилось уже летом 1947 г. Но, по всей

вероятности, у советских лидеров не сложилось единства по этому вопросу. Среди материалов, готовившихся к докладу А.А. Жданова на совещании девяти компартий-членов Коминформа в сентябре 1947 г., находилась и информационная записка «О современном экономическом и политическом положении Югославии»⁶, подготовленная в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б). В ней на фоне в целом общих положительных оценок развития политической ситуации в стране и деятельности КПЮ в ряде мест прозвучали двойственные оценки, в которых можно обнаружить скрытые критические ноты в отношении внутренней политики югославских коммунистов. Многие фразы, да и весь материал был построен таким образом, что в зависимости от дальнейших указаний его можно было развернуть как в лобовую критику компартии Югославии, так и в панегирик «образцовой деятельности» ее лидеров.

В частности, в записке указывалось, что КПЮ «проводит своеобразную тактическую линию по отношению к партиям, входящим в Народный фронт... За весь военный период, а также после окончания войны не было опубликовано ни одного решения компартии по руководству политической и экономической жизнью страны». В данных строках при желании опытный аппаратчик мог найти криминальные тенденции относительно отличия югославской модели развития от советской. Вместе с тем в материале содержалась также и фраза о том, что «через своих членов компартия Югославии имеет возможность осуществлять полное руководство всей общественно-политической и экономической жизнью страны. Политика югославского правительства является политикой югославской компартии». Однако далее, после этой достаточно оптимистичной для дела социализма фразы, констатировалось, что «вследствие смешения деятельности компартии с деятельностью правительства в ее организациях отсутствует полнокровная партийная работа, направленная на организационное и идейное укрепление самой партии». Также обращалось внимание на то, что ЦК КПЮ, «существующий в очень ограниченном количестве..., регулярных заседаний не проводит и письменных решений не выносит. То же можно сказать и о Политбюро ЦК партии. Все принципиальные вопросы по руководству страной решаются в узком кругу (Тито, Кардель, Ранкович и Джилас)»⁷.

Внешнеполитическая деятельность югославского руководства оценивалась напрямую критично: «Нельзя не отметить некоторых тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремлений поставить югославскую компартию в положение своеобразной – руководящей – партии на Балканах». Среди таких прегрешений назывались «игнорирующая общие

интересы в борьбе с англо-американцами» неправильная позиция в вопросе Триеста, «недопустимо резкая критика действий итальянской компартии и ее руководителя тов. Тольятти в югославской печати». В записке указывалось на противоречия с Болгарией по «македонскому» вопросу и на то, что «руководители югославской компартии очень ревниво относятся к тому, что Албания стремится иметь непосредственные связи с Советским Союзом». В качестве «примера недоброжелательного отношения» руководства югославской компартии по отношению к СССР приводился «отказ югославского правительства в декабре 1946 г. принять ансамбль песни и пляски Советской Армии, несмотря на то что посылка ансамбля в Югославию была подготовлена по их просьбе».

«Эти и некоторые другие факты, – отмечали авторы записки, – свидетельствуют о наличии нездоровых тенденций у отдельных руководящих деятелей югославской компартии». В документе присутствовал вывод о «назревшей большой необходимости созыва съезда партии и создания ее руководящих органов», ибо «югославские товарищи, несмотря на длительный период времени, прошедший после окончания войны, еще не смогли провести это важнейшее мероприятие по организационному и идейному укреплению партии». Можно догадываться, что авторы не исключали возможность персональных перестановок в руководстве КПЮ. В заключительной части справки приводились восхваления в честь «товарища Сталина», произносимые Хебрангом как членом политбюро КПЮ и председателем планового совета, а не кем-либо из четырех югославских руководителей. Однако заканчивалась записка вполне мажорно: «Опираясь на могучую поддержку Советского Союза, югославская компартия смело и уверенно ведет свой народ по пути дальнейшей демократизации страны и укрепления независимости и обороноспособности своего народно-демократического государства»⁸.

В течение нескольких недель перед первым совещанием Информбюро произошли противоречивые события, и в Кремле отрицательно отнеслись к действиям или мнениям югославского руководства. 5 августа 1947 г. правительству Югославии было заявлено о недовольстве по поводу «закулисных переговоров за спиной Советского правительства» с представителями Великобритании по вопросу о территориальных требованиях ФНРЮ к Австрии и было выражено недоумение в связи с тем, что оно «не сочло нужным информировать об этом Советское правительство»⁹. 12 августа Сталин осудил совместную акцию И. Броз Тито и Г. Димитрова, которые не стали дожидаться 15 сентября, дня вступления в силу мирного договора с Болгарией, и подписали ряд существенных двусторонних

соглашений в Бледе в июле¹⁰. 20 августа 1947 г. Москва отказала в просьбе Тито пригласить на совещание компартий греческих коммунистов. Сделано это было под весьма двусмысленным предлогом Кремля, где посчитали, что их участие в совещании оказалось бы выгодно только «англо-американо-греческой реакции» и могло быть использовано для дискредитации компартии Греции «как агентуры компартий других стран... и дало бы возможность врагам обращаться с ней как с партией, действующей по приказу извне и поэтому предающей национальные интересы Греции»¹¹. Данная формулировка вполне могла быть применима к любой, за исключением ВКП(б), компартии, принявшей участие в совещании.

Почти до самого начала совещания Коминформа руководство КПЮ оставалось в неведении относительно его содержания. 14 сентября Тито просил Москву «сообщить хотя бы об основных пунктах повестки дня конференции в Варшаве. Ибо это необходимо для ориентации и подготовки наших представителей». Однако на его просьбу не откликнулись¹².

Установлено, что в первоначальном варианте проекта доклада Жданова «О международном положении», который готовился для зачитывания на Совещании Коминформа в сентябре 1947 г., имелись строки с критикой югославского руководства. Он содержал абзац, в котором упоминалось «об ошибках, если можно так выразиться, слева, связанных с критикой якобы недостаточной помощи, которую оказывает Советский Союз дружественным государствам, и предъявлением необоснованных претензий к размерам этой помощи. Такого рода ошибки имели место, в частности, в странах новой демократии, таких как Югославия, и заключались в утверждениях о том, что СССР якобы из соображений большой политики, из-за нежелания портить своих отношений с великими державами, недостаточно энергично борется за поддержку требований малых стран и, в частности, Югославии». В тексте также указывалось, что «такого рода критика исходит из недооценки великого значения и роли Советского Союза, который не может и не должен растрачивать силы, необходимые для более крупных боев. Претензии к Советскому Союзу, выражающиеся в том, чтоб он везде и при всех случаях поддерживал любое требование, хотя бы ценой ухудшения собственных позиций, — неосновательны»¹³.

Однако на этапе редактирования данный абзац не был включен в итоговый текст. Принято считать, что именно доброжелательное отношение Сталина к Тито в этот раз уберегло югославов от критики¹⁴. Впрочем, если принять во внимание утверждения, что совещание в Польше было «вынуждено... высказываться только по поводу ошибок западных компартий»¹⁵, то также

становится понятным, почему советские представители на совещании не стали заниматься критикой руководства КПЮ.

На протяжении всего этого времени негативная информация о Югославии и югославском руководстве поступала в Кремль из различных источников. Сообщения посла СССР в ФНРЮ А.И. Лаврентьева о том, что югославское руководство впадает «в национальную ограниченность», в дальнейшем «приобретали все более острый и обличающий характер». В частности, в своем первом обобщающем документе с момента появления в Белграде, в политотчете за 1946 г., советский посол указывал на наличие «грубого непонимания значения того политико-морального влияния Советского Союза, которое он оказывал на весь ход освободительного движения в Югославии». В сентябре 1947 г. Лаврентьев предлагал сделать замечания югославскому руководству через представителя КПЮ в Москве, а в январе 1948 г. считал необходимым критиковать его взгляды по военным вопросам через советский журнал «Военная мысль» и в личной беседе с прибывшим в СССР М. Джиласом. Данный подход посла разделяли как военный атташе при посольстве СССР генерал-майор Сидорович¹⁶, так и резидентура советской разведки в Белграде¹⁷.

Как стало недавно известно, главным источником негативной информации о югославском руководстве для советской разведки (по всей вероятности не без ведома лидера хорватских коммунистов В. Бакарича) послужил работавший в Загребе Й. Копинич – в годы Второй мировой войны резидент Коминтерна в Хорватии¹⁸, а в послевоенные годы оказавшийся вне рядов близкой к Тито партийно-государственной номенклатуры и явно недовольный этим обстоятельством. Негативный материал напрямую в ЦК ВКП(б) поступал и от находившейся в Белграде редакции издания Коминформа «За прочный мир! За народную демократию!» Его главного редактора П.Ф. Юдина Н.С. Хрущев впоследствии неоднократно называл виновником испортившихся отношений с Югославией¹⁹. В свою очередь, как свидетельствует расследование деятельности советской внешней разведки в Югославии, проведенное уже после начала советско-югославского конфликта, руководство ПГУ МГБ СССР не разрешало сообщать в ЦК ВКП(б) негативные факты о действиях югославского руководства против интересов Советского Союза, а в белградскую резидентуру «неоднократно давались указания не заниматься сбором сведений о руководстве КПЮ». Это же расследование показало, что большинство негативных материалов принадлежало военной части Комитета информации и поступало от начальников военной миссии СССР в Югославии²⁰.

С января 1948 г. в Москве находилась торгово-экономическая делегация ФНРЮ, в задачу которой входило подписание на

1948 г. соглашения с советской стороной по торгово-экономическим вопросам. Тогда же из Белграда прибыла военная делегация с целью обсуждения поставок вооружений для армии Югославии. Переговоры, которые поначалу воспринимались югославской стороной как успешные²¹, затягивались, шли медленно и со скрипом. Так случилось, по всей вероятности, потому что велись они на фоне резкого недовольства Кремля событиями на Балканах, – прежде всего заявлением Г. Димитрова на пресс-конференции 17 января 1948 г. о возможном создании в перспективе, когда условия созреют, федерации или конфедерации балканских и придунайских стран, с включением в нее Польши, Чехословакии и Греции, а затем в связи с полученными от посла А.И. Лаврентьева сведениями о намерении югославского руководства направить в Албанию югославскую дивизию без консультаций с советскими военными советниками.

Первого февраля 1948 г. из Москвы в адрес Тито была послана телеграмма, в которой утверждалось, что «СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства... как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собою союзническими отношениями». Когда же Тито попытался представить данный случай как досадное единичное исключение, Лаврентьев напомнил ему, что в 1947 г. «югославское правительство подписало договор о сотрудничестве с Болгарией не только без консультаций с Совпра (советским правительством. – А.Е.), но даже вопреки его рекомендации не подписывать этот договор до вступления в силу мирного договора с Болгарией»²².

В начале февраля 1948 г. в Москве прошла трехсторонняя встреча советских, югославских и болгарских представителей, которая завершилась подписанием 11 февраля советско-югославского протокола о взаимных консультациях. В тот же день между Э. Карделем и В.М. Молотовым состоялась беседа, во время которой, помимо вопросов экономического и военного сотрудничества Кардель сообщил о желании Тито приехать в марте или апреле в Москву, чтобы устранить недоразумения, возникшие в связи с Албанией. 13 февраля во время повторной встречи с Карделем Молотов сообщил о положительном отношении Сталина к приезду Тито, а также о том, что рассмотрение вопросов военно-экономического сотрудничества, в которых была заинтересована югославская сторона, будет продолжено²³.

Итоги советско-болгаро-югославских консультаций и состоявшиеся советско-югославских отношений обсуждались 19 февраля 1948 г. на заседании Политбюро ЦК КПЮ в самом узком его составе. Сообщение Джиласа «О встрече в Москве» Тито предварил замечанием: «Во внешней политике часто мы слишком забегаем вперед». После отчета Джиласа Тито не стал акцентировать внимание на расхождениях между Белградом и Москвой. По его мнению, во внешнеполитических вопросах их не имелось. «На всех международных конференциях мы помогали СССР; были незначительные погрешности в том, что мы их (советских вождей. – А.Е.) не оповестили, веря в то, что они с этим согласятся», – заметил он. Югославский лидер повторился: «Полагаю, что серьезных расхождений нет. Наша линия остается во внешней политике прежней»²⁴.

После аргументированного заявления о своем отрицательном отношении к идее федерации с Болгарией, выдвинутой Сталиным на трехсторонних консультациях в Москве, Тито перешел к вопросу экономических отношений с СССР и поставках вооружений югославской армии. В протоколе заседания лапидарным слогом записано дословно следующее: «Не ясно, желает ли СССР, чтобы мы были сильной, вооруженной страной. Вооружение – огромный груз. Мы должны опираться, прежде всего, на собственные силы, внести поправки в Пятилетний план и обучиться строительству военной промышленности». Тито предложил «не посылать людей на обучение в СССР. Советские товарищи из многого делают неправильные выводы... Мы должны проявить упорство в отношении нашей линии, в отношении укрепления роли Югославии в мире, что в конечном итоге и в интересах СССР»²⁵.

Первого марта 1948 г. отношения с Москвой вновь были подвергнуты рассмотрению на заседании Политбюро ЦК КПЮ с большим числом участников. Тито описал развитие советско-югославских отношений в последние месяцы, указывая на противоречия по балканским вопросам, отказ от вооружения югославской армии и затягивание советской стороной подписания торгового соглашения: «Они оказывают на нас экономическое давление. Необходимо выдержать это давление. Суть дела заключается в независимости нашей страны». Мысль об экономическом давлении и сохранении независимости Тито повторил и позже. В ходе обсуждения был сделан общий вывод о том, что Советский Союз не хочет считаться с интересами Югославии, стремится навязать свои устремления, оказывает давление. В качестве примера этого давления приводился такой факт: с конца января – начала февраля 1948 г. советская сторона, вопреки первоначальным обещаниям, стала тормозить решение вопросов о новых совет-

ских поставках вооружений для югославской армии, о дальнейшем развитии торгово-экономического сотрудничества. Политбюро ЦК КПЮ приняло решение ориентироваться в развитии экономики и укреплении армии на собственные силы²⁶.

Заседание 1 марта 1948 г., содержательно не отличавшееся от предыдущего 19 февраля, все же имело две особенности, ставшие существенными для последующего развития советско-югославских отношений. Обсуждение проблем прошло более развернуто, а состав участников оказался гораздо представительнее. На нем присутствовал генеральный секретарь Народного фронта ФНРЮ С. Жуйович, который не проронил ни слова, но, как оказалось, вел детальную запись происходившего. Именно от него советское руководство в изложении посла в Белграде узнало о прошедшем заседании. 7 марта Молотов поручил Лаврентьеву передать Жуйовичу благодарность ЦК ВКП(б) за «хорошее дело», которое тот сделал, «разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»²⁷.

Девятого марта 1948 г. Лаврентьев со ссылкой на С. Жуйовича и премьер-министра республики Боснии и Герцеговины Р. Чолаковича сообщил сведения об обстановке в рядах КПЮ и стране, привел их мнения относительно того, «как вывести из такого положения страну, в какое ее поставили югославские руководители». «Они полагают, – писал он, – что внутренними силами в партийных пределах без вмешательства ВКП(б) этот вопрос не может быть положительно решен, ибо Тито не допустит открытой оппозиции. Если бы вопрос об отношении с СССР был поставлен на открытое обсуждение в партии, то, по мнению С. Жуйовича, подавляющая часть партии высказалась бы против Тито... Низовые партийные ячейки в организационном и идеологическом отношении слабы. В руках Тито также армия». Посол передал предложение Жуйовича «пригласить делегацию Югославии в Москву для открытого разговора», заметив, что «если они будут откаться, то С. Жуйович согласен выступить с разоблачением. У него, как сказал С. Жуйович, бродят даже такие мысли: “Уж не договорились ли между собой Тито и англо-американцы, к чему, может быть, приложил руку В. Велебит”». При этом Лаврентьев все же предупредил руководство: «С. Жуйович подчеркнул, что это только мысли»²⁸. В тот же день в другой депеше советский посол сообщил в Москву о том, что вопреки существовавшей практике в Экономическом совете Югославии (где А. Хебранга сменил Б. Кидрич) советскому торгпреду Лебедеву отказались предоставить служебные данные об экономике страны²⁹.

11 марта 1948 г. посол А.И. Лаврентьев был принят Иосипом Броз Тито. Согласно изложению беседы в советской версии, Тито высказал ряд претензий к действиям советской стороны. В ча-

стности, было сказано, что «югославскому правительству непонятно, почему СССР отказывается заключить с Югославией торговое соглашение, в то время как с другими странами Советский Союз заключает подобные соглашения... Отсутствие торгового соглашения между Югославией и Советским Союзом нельзя будет объяснить югославскому народу так, как заявили в Министерстве внешней торговли, а этого от народа не скроешь. Кроме того, прекращение торговли между Югославией и СССР сильно ударит по выполнению Югославией и СССР пятилетнего плана... Тем более непонятно такое решение и потому, что о нем было сообщено югославской делегации после двухмесячного ее пребывания в Москве... Такое решение Москвы... несовместимо с дружественными отношениями между обеими странами и... нас обижает. Может быть... в Советском Союзе недовольны чем-либо Югославией, но даже в одной семье бывают неполадки между двумя братьями»³⁰.

12 марта на заседании у Сталина, в котором участвовали девять из 12 членов Политбюро ЦК ВКП(б) (отсутствовали находившийся в Киеве Хрущев, а также Ворошилов и Андреев) посол СССР в ФНРЮ Лаврентьев докладывал о ситуации в Югославии. По итогам обсуждения было решено пока воздержаться от резких шагов в отношении югославского руководства. Показателем такого мягкого подхода стала телеграмма Молотова Тито от 13 марта. В ней речь шла о выраженных президентом 11 марта претензиях Лаврентьеву, касавшихся в основном задержки советской стороной решения вопросов военного и экономического сотрудничества, а также двусмысленных высказываний советского поверенного в делах в Албании о Тито. В телеграмме опровергались сведения о негативном отношении к югославскому руководителю и выражалась готовность приступить к решению экономических и военных вопросов³¹.

Получив телеграмму, Тито 18 марта подготовил письмо, в котором предлагал как можно скорее продолжить переговоры по вопросам экономического и военного сотрудничества. Однако в тот же день, еще до отправки этого послания³², через посольство СССР в Белграде президенту доставили новую телеграмму. В ней сообщалось, что отказ югославской стороны предоставить советским представителям запрашиваемые данные об экономике ФНРЮ в Кремле рассматривают «как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР» и поэтому немедленно отзывают всех гражданских специалистов. Одновременно Тито был уведомлен и о телеграмме министра обороны СССР Булганина, в которой немедленно отзывались из Югославии все советские военные советники и инструкторы³³.

Фоном данному советскому решению явилась весьма негативная информация, поступавшая через советское посольство в Белграде от С. Жуйовича. В отсутствие посла Лаврентьева ряд встреч с ним провел поверенный в делах Армянинов. Он сообщил, что, давая характеристики Тито, Карделю, Ранковичу и Джиласу, его собеседник говорил о них как о «политических перерожденцах», утверждал, что «Тито и другие вынашивают мысль своего теоретического обоснования построения социализма новым путем и что Югославия является примером такого развития. Поэтому проявляется стремление оторваться от Советского Союза, а также появляется настроение охаивания положения в СССР»³⁴.

Тогда же, 18 марта 1948 г., ОВП ЦК ВКП(б) представил М.А. Сулову подготовленный по заданию руководства иностранный материал под названием «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики»³⁵. Он лег в основу письма Сталина и Молотова югославскому руководству. 20 марта, в то время как советское обвинительное послание еще готовилось, Тито направил письмо Молотову, в котором разъяснил введенный правительством ФНРЮ порядок передачи советским представителям материалов экономического характера. 24 марта через посла В. Поповича Молотов получил это письмо и попросил Лаврентьева подтвердить слова президента. Посол доложил, что советский торгпред «стал получать необходимую информацию».

26 марта Лаврентьев передал в Москву просьбу Карделя оставить в Югославии гражданских специалистов, занятых на строительстве индустриальных объектов³⁶. Но ответа с советской стороны не последовало. В Кремле, по всей вероятности, было принято решение оказать давление на югославское руководство по партийной линии, и в дальнейшем переписка происходила уже между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ.

27 марта 1948 г. датируется отправка письма, подписанного Молотовым и Сталиным «по поручению ЦК ВКП(б)» в адрес Тито и ЦК КПЮ. (Послание составлялось на основе записки ОВП ЦК ВКП(б) от 18 марта.) Перед принятием решения о письме в Кремле ознакомились с направленным 25 марта в адрес Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) докладом разведки «О действиях некоторых руководителей югославского правительства и югославской компартии, направленных против интересов Советского Союза». В нем были сведены воедино основные критические замечания в адрес югославского руководства, содержащиеся в ранее отправленных телеграммах из резидентуры в Белграде³⁷.

В письме от 27 марта югославские лидеры подвергались нападкам за то, что не давали отпора попыткам дискредитации Со-

ветской армии, ставили советских представителей под контроль органов безопасности ФНРЮ, делали антисоветские заявления и принижали значение опыта СССР. Руководство КПЮ критиковалось за полулегальную работу и недостаток внутрипартийной демократии, а также растворение партии во внепартийной массе, использовании оппортунистических теорий Бернштейна, Фолмара и Бухарина о мирном вращении капиталистических элементов в социализм. Особо оговаривалось, что во внешнеполитическом ведомстве Югославии работают английские шпионы. В письме содержалась глухая угроза в адрес «сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других», завершавшаяся двусмысленной фразой о том, что «политическая карьера Троцкого весьма поучительна»³⁸.

Доставленное в посольство СССР в Белграде помощником Молотова Лавровым письмо было передано Тито Лаврентьевым и Армяниновым. С текстом письма советский посол ознакомил и Жуйовича, который, как сообщал Лаврентьев, высказал мнение, что «если этот вопрос поставить перед партией, то не сомневаемся в благополучном его исходе. Но он не уверен, целесообразно ли сейчас так делать». Очевидно, что и Жуйович, и Лаврентьев продолжали подталкивать советское руководство к наращиванию давления. В частности, посол, ссылаясь на мнение Жуйовича, считал, что «внутренними силами в ЦК этот вопрос разрешить невозможно. Все попытки к выправлению положения будут задушены. Поэтому потребуется дальнейшее вмешательство ВКП(б)»³⁹.

Советское руководство тогда уже понимало, что конфликт постепенно выходит за рамки отношений между партиями. 31 марта на заседании Комитета по присуждению сталинских премий из списка тех, кого планировалось наградить, был вычеркнут поэт Н.С. Тихонов, автор поэтического сборника «Югославская тетрадь». Поясняя случившееся, Сталин заметил, что это произошло потому, что «Тито плохо себя ведет... враждебно себя ведет»⁴⁰.

На прошедшем 12–13 апреля 1948 г. пленуме ЦК КПЮ⁴¹ единственным, кто не согласился с предложенной Тито линией поведения в отношении Москвы, был С. Жуйович, заявивший, в частности, что «наши экономические возможности и теоретические установки о строительстве социализма повиснут в воздухе, если мы не пойдем по линии координации нашей экономики с советской». Его позиция была осуждена участниками заседания. Тито заявил, что «никто не имеет права меньше любить свою страну, чем СССР». Критику усилил Джилас, назвавший С. Жуйовича и А. Хебранга «носителями советской линии». Он указал, что «тот, кто передает информацию наверх, тот враг», подчерк-

нув, что «работа на разведслужбу СССР несовместима с пребыванием в партии»⁴².

13 апреля заседания пленума продолжились. Имеются утверждения, что его участники были ознакомлены с поступившим письмом Хебранга в поддержку позиции Сталина⁴³, которое не получило одобрения. Вслед за этим «проработали» и Жуйовича. Несколько выступавших (Тито, Крстулович и Янич) прямо заявили, что Жуйович дает информацию советскому посольству. Ранкович, осудив вмешательство Лаврентьева в «дела партии», заявил, что СССР с первых дней создает в Югославии разведывательную сеть⁴⁴. Не отрицая своих контактов с послом, Жуйович не согласился с утверждениями о том, что «информирование Лаврентьева вредит партии». Прямо на заседании проект ответа югославов ЦК ВКП(б) был скорректирован с учетом высказываний Жуйовича, и в тот же день письмо за подписями Тито и Карделя отправилось в Москву. В послании югославские руководители высказали ключевую фразу: «То, что каждый из нас любит СССР, страну социализма, не может ни в коем случае означать, что мы можем меньше любить свою собственную страну, которая тоже строит социализм». В заключение ЦК КПЮ в целях ликвидации конфликта предлагал советскому руководству направить в Югославию своих представителей для ознакомления на месте с положением дел⁴⁵. Письмо было передано Молотову послом Поповичем 19 апреля.

24 апреля 1948 г. СССР фактически разорвал советско-югославский протокол о консультациях от 11 февраля 1948 г. Сославшись на независимые действия Югославии по поводу вопроса о Триесте (изложение точки зрения правительства ФНРЮ в ноте от 22 марта в адрес США, Англии и Франции) без консультаций с СССР и квалифицировав их как «нарушение югославским правительством заключенного соглашения о взаимной консультации по важным международным вопросам», Москва сообщила, что «Советское правительство не считает себя связанным указанным соглашением о консультациях»⁴⁶.

Второе письмо от 4 мая 1948 г., адресованное Сталиным и Молотовым Тито и Карделю, отличалось обстоятельностью. Все советские претензии были изложены в нем на двадцати пяти страницах. Послание ЦК КПЮ от 13 апреля называлось в письме намерением «обострения конфликта». Дискуссия по спорным вопросам опустилась в нем до уровня обвинений и нападок на Тито и некоторых его ближайших соратников по руководству КПЮ из-за их антисоветских позиций и «клеветнической пропаганды». В частности, принижалась роль КПЮ в послевоенном преобразовании общества и в победе над фашизмом. «Никто не может отрицать заслуг и успехов югославской компартии.

Они бесспорны, – указывалось в письме. – Однако следует сказать, что заслуги и успехи, скажем, коммунистических партий Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании ничуть не меньше». Относительно роли партий итальянских и французских коммунистов в письме говорилось, что они «имеют перед революцией не меньше, а, пожалуй, больше заслуг, чем югославская компартия. И если... добились в настоящее время меньших успехов..., то это объясняется не какими-то особыми качествами югославской компартии, а преимущественно тем, что после разгрома штаба югославских партизан немецкими парашютистами, в момент, когда народно-освободительное движение в Югославии переживало тяжелый кризис, Советская Армия пришла на помощь югославскому народу, разбила немецких оккупантов, освободила Белград и тем самым создала условия, необходимые для того, чтобы коммунистическая партия пришла к власти». Среди прочего, во втором советском письме, как и в первом от 27 марта, содержалась и скрытая угроза в адрес югославских руководителей, которые «не только сами стали зазнайками, но и проповедают зазнайство среди других, не понимая того, что это может погубить югославских руководителей»⁴⁷.

К началу мая стало ясно: расчеты на то, что советские взгляды будут поддержаны в ЦК КПЮ, не оправдались. Возможные оппоненты Тито оказались к этому времени прочно изолированы. А. Хебранг с апреля находился под следствием. Ему были предъявлены тяжелые обвинения, в частности в том, что в 1942 г., находясь в тюрьме Независимого государства Хорватии, он стал «ушашско-гестаповским шпионом». 7 мая «за выдачу государственной и партийной тайны» был арестован С. Жуйович. Ему вменялась в вину также «попытка осуществить внутренний путч в ЦК КПЮ»⁴⁸.

В ответном письме от 17 мая 1948 г., утвержденном на пленуме ЦК КПЮ 9 мая, югославские руководители отмечали, что «письмо (от 4 мая. – А.Е.) произвело на нас тяжелое впечатление. Оно убедило нас в том, что напрасными являются все наши доказательства, даже факты, что все обвинения против нас являются результатом ошибочного информирования». В письме выражалась готовность воспринимать критику Москвы «по принципиальным вопросам» и вместе с тем было отмечено, что югославское руководство «чувствует себя настолько неравноправным», что не может согласиться обсуждать ситуацию «перед Информбюро».

Югославская сторона высказывала свое недовольство тем, что «первое письмо» советского руководства от 27 марта было направлено девяти партиям – членам Информбюро и эти партии уже приняли резолюции в поддержку линии Москвы. Второй

причиной обиды югославам стало то, что содержание советского письма «не осталось внутренним делом отдельных партий, а получило распространение и вне определенного круга». В частности, в Чехословакии и Венгрии «оскорбляется не только наша партия, но и страна в целом». Несмотря на это руководители КПЮ заявили о желании «доказывать, что обвинения против нас являются несправедливыми», обещая «упорно строить социализм и остаться верными Советскому Союзу, учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»⁴⁹. Позиция югославской компартии была предельно проста: ее лидеры, поднявшие вооруженное восстание против фашистских оккупантов еще летом 1941 г., не могли даже представить себе ситуацию, что их будут критиковать те, кто в годы Второй мировой войны вел себя иначе.

19 мая 1948 г. в Белград пришло письмо ЦК ВКП(б), подписанное М.А. Суловым, в котором настаивалось на участии делегации ЦК КПЮ в работе совещания Информбюро. Его автор давал понять, что в случае приезда И. Броз Тито, оно могло бы состояться на Украине с участием И.В. Сталина⁵⁰. 20 мая следующий пленум ЦК КПЮ отверг полученное предложение. Вслед за этим в новом письме ЦК ВКП(б), присланном в Белград 22 мая, сообщалось: вопрос о КПЮ будет обсужден Информбюро независимо от ее участия. Тито и его ближайшим соратникам удалось добиться единства в руководстве по вопросу конфликта с Москвой. На заседании политбюро ЦК КПЮ 13 июня прозвучал отказ на требование советской стороны о присутствии представителя ВКП(б) при проведении следственных действий в отношении Жуйовича и Хебранга⁵¹.

В июне 1948 г. завершилась скрытая стадия конфликта, известная только руководству компартий, близких к Москве. Для населения СССР и Югославии конфликт продолжал оставаться тайным. Терялись в догадках и правящие круги ведущих западных государств, не исключавшие возможности того, что внезапный конфликт – всего лишь хитроумная ловушка со стороны «советского блока». В открытую стадию советско-югославский конфликт перешел после второго совещания Коминформа и публикации его резолюции в печати. До начала работы совещания советская делегация (Жданов, Маленков и Сулов) провела двусторонние встречи с руководителями других делегаций.

В советской историографии была некритически принята точка зрения, имевшая источником утверждение В. Дедиера: именно ВКП(б) оказывала давление на представителей других компартий⁵². Он писал, что, «стремясь любой ценой убедить участников совещания в необходимости принятия антититовской резолюции», А.А. Жданов якобы заявил: «Мы располагаем данными, что Тито – иностранный шпион»⁵³. Однако архивные материалы,

ставшие доступными в 1990-е годы, свидетельствуют о более сложном процессе принятия на совещании документа, осуждающего югославское руководство.

20 июня после встречи с болгарской делегацией (Т. Костовым и В. Червенковым) в донесении Сталину советские делегаты сообщили мнение болгарской стороны: «нынешнее руководство КПЮ не способно исправиться и надо искать опоры в здоровых элементах партии и народа». В ответ на вопрос относительно возможности того, что в югославское руководство проникли «агенты англо-американцев», Костов рассказал об имевшихся в ЦК болгарских коммунистов подозрениях: в конце 30-х годов Тито, находясь в подполье, «вел образ жизни не по средствам». Болгары также отметили, что Болгарию и Албанию ожидают «серьезные затруднения, как политические, так и экономические до тех пор, пока не будет ликвидировано теперешнее положение в югославском руководстве». В частности, они «должны теперь наблюдать не только за турецкой и греческой границей, но и за югославской, поскольку из Югославии может начаться засылка банд в Македонию. Эти трудности необходимо предвидеть и скорее наводить порядок в Югославии»⁵⁴.

Об итогах состоявшихся в тот же день отдельных обстоятельных бесед «о югославских делах» советских представителей с П. Тольятти, Ж. Дюкло, М. Ракоши и Г. Георгиу-Дежем Сталин также был подробно информирован. Указывалось, что «тех фактов, которые были известны товарищам из наших писем и из собственной практики, по их мнению, вполне достаточно для того, чтобы прийти к заключению, что нынешнее югославское руководство и его политика враждебны коммунизму». Было особо оговорено, что «все товарищи убеждены, что в верхушке югославского руководства сидят прямые агенты американцев и англичан, которые и направляют политику руководства. Товарищи считают, что обстановка в Югославской компартии сложилась так, что необходимо перейти к открытому публичному разоблачению неправильной политики югославского руководства, без чего, по их мнению, положение в Югославской компартии не может быть исправлено».

Судя по тексту документа, Тольятти по своей инициативе «высказал подозрение насчет того, что в верхушке Югославского ЦК сидят агенты американцев и англичан», обосновав «свое подозрение» тем, что в марте 1948 г. о тайной встрече, которая была предложена руководству ИКП послом Югославии в Риме, стало известно американским СМИ⁵⁵. Особенно резко и странно высказывался в отношении югославских лидеров М. Ракоши. Он утверждал, что «позиция нынешнего руководства КПЮ безнадежно несправима», и указал на «необходимость

приступить к организации подпольной работы в Югославии против нынешнего руководства, опираясь, в частности на коммунистов из венгерского меньшинства в Югославии и используя такие средства, как подпольное радиовещание по Венгрии». Ракоши полагал, что Тито удастся изолировать Югославию от открытой критики, и считал особо необходимым ведение «подпольной работы как главным средстве борьбы». Затем Ракоши несколько смягчил позицию, вероятно, под влиянием советской делегации, и «признал, что публичная критика должна быть главным оружием, но не исключаяющим и методы подпольной работы». Он также сообщил, что «в своем узком кругу венгры не раз квалифицировали нынешнее руководство КПЮ как бандитов, способных на любую авантюру»⁵⁶.

В прочитанном 21 июня докладе «О положении в Коммунистической партии Югославии»⁵⁷ А.А. Жданов подверг югославское руководство жесточайшей критике, поддержанной всеми участниками совещания. 23 июня по предложению Тольятти была единогласно принята пространная резолюция с одноименным названием. В ней содержались обвинения, уже выдвигавшиеся Кремлем в официальных письмах и телеграммах последних месяцев в адрес югославских лидеров. В документе указывалось на неоправданную враждебность, которую они демонстрировали по отношению к СССР и ВКП(б), а также на обвинение в «отождествлении внешней политики СССР с внешней политикой империалистических держав»; недооценку ими тенденции к обострению классовой борьбы, особенно в деревне, на этапе перехода к социализму; принижение и искажение ими роли компартии, ревизию марксистско-ленинского учения о партии; забвение «внутрипартийной демократии»; упорный отказ от самокритики.

Особо критиковалось исключение из партии и арест Жуйовича и Хебранга «за то, что они осмелились критиковать антисоветские установки руководителей Югославской компартии и высказываются за дружбу Югославии с СССР». Подчеркивалось, «что в компартии не может быть терпим такой позорный, чисто турецкий, террористический режим. Интересы самого существования и развития Югославской компартии требуют, чтобы с таким режимом было покончено». В резолюции повторно упоминались Хебранг и Жуйович, когда было отмечено, что югославские руководители скрыли «от партии и народа» критику неправильной политики ЦК КПЮ со стороны ВКП(б) и ЦК других братских партий и «действительные причины расправы с т.т. Жуйовичем и Хебрангом»⁵⁸.

В заключительной части документа утверждалось: «В руководстве КПЮ за последние 5–6 месяцев открыто возобладали националистические элементы, имевшиеся ранее в скрытом виде,

что руководство КПЮ... стало на путь национализма». «Югославские руководители, видимо, не понимают, или, возможно, делают вид, что не понимают, – констатировалось в тексте, – что подобная националистическая установка может привести лишь к переждению Югославии в обычную буржуазную республику, к потере независимости Югославии и к превращению Югославии в колонию империалистических стран». В резолюции содержались строки, фактически призывающие югославских коммунистов к противодействию курсу, который проводило руководство КПЮ: «Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму, верных интернационалистическим традициям Югославской компартии, верных единому социалистическому фронту». Информбюро ставило задачу перед югославскими коммунистами «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, – сменить их и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ»⁵⁹.

То обстоятельство, что из доклада Жданова при его подготовке, а также из протокольной записи его выступления были старательно изъяты все моменты о расхождениях с югославами по внешнеполитическим вопросам, а в тексте резолюции они вообще не упоминались, свидетельствовало, что в Кремле, в расчете на последующий раскол в КПЮ, сознательно перевели обвинения из сферы национально-государственных интересов в виртуальную плоскость партийной идеологии. Шпионская версия действий руководителей Югославии, о которой шла речь в ходе консультаций 20 июня, затронута не была.

По решению совещания резолюция «О положении в Коммунистической партии Югославии» была опубликована 29 июня 1948 г. во всех центральных органах компартий, входящих в Информбюро. В газете ЦК ВКП(б) «Правда» она заняла всю вторую полосу. С этого дня конфликт вступил в новую фазу – он стал публичным. 30 июня в той же газете появился материал «Иностранские отклики на резолюцию»⁶⁰, где демонстрировалось, как витиеватые формулировки о «здоровых силах в КПЮ» значительно упрощались при обсуждении ситуации в соседних с Югославией странах. В частности, приводились выдержки из резолюции по югославскому вопросу пленума ЦК БРП (коммунистов). В ней выражалась «глубокая уверенность в том, что в коммунистической партии Югославии и в широких массах народов братской Югославии найдутся силы... способные преодолеть на-

ционалистический, антимарксистский и антисоветский уклон», которые создадут новое руководство в этой стране. В «Иностран-ных откликах...» также публиковалось изложение одной из статей, комментировавшей резолюцию следующим образом: «Югославские руководители могли проводить до сих пор свою неправильную и вредную политику только потому, что осуществляли ее за спиной партии и народов Югославии. Теперь же, после опубликования резолюции, народные массы узнают правду и делают соответствующие выводы».

Ответ югославского руководства в виде заявления ЦК, проект которого написал М. Джилас, был подготовлен уже 29 июня⁶¹. С самого начала открытой фазы конфликта югославское руководство не стало придерживаться линии на сокрытие советской позиции, а предпочитало аргументированно отвечать на обвинения, помещая в печати обе точки зрения. В частности, и резолюция совещания Коминформа, и ответное заявление ЦК КПЮ, были опубликованы в газете «Борба» 30 июня⁶².

Данный подход Тито выдерживал и в последующем, что стало характерной особенностью поведения югославской стороны в период конфликта. Столь рациональная линия руководства ФНРЮ, которое своевременно осознало, что при ведении информационных войн неразумно скрывать или отрицать существенные события, позволяла ему манипулировать в ходе полемики более мелкими фактами, придавая дополнительную достоверность интерпретациям позиции Тито и его соратников. На переход конфликта в открытую фазу югославская сторона отреагировала понижением уровня дипломатических отношений. Из Москвы, под предлогом отъезда на отдых, был вызван посол Югославии В. Попович. На прежнее место службы он так и не вернулся, но получил назначение заместителем министра иностранных дел. Через несколько месяцев посольство ФНРЮ в Москве возглавил С. Феич в ранге временного поверенного в делах.

Продолжением линии на призыв к «здоровым силам в КПЮ» явилось ожидание того, что падение Тито произойдет в день открытия партийного съезда 21 июля 1948 г. В соответствии с такой логикой твердый отрицательный ответ югославского руководства на резолюцию Коминформа требовал усиления давления и подходящей пропагандистской аранжировки. По всей вероятности, именно из этого исходил главе чехословацких коммунистов К. Готвальд, предложивший советским руководителям значительно расширить обвинительную базу за счет публикации материалов, компрометирующих действия руководства КПЮ и ФНРЮ в отношении СССР. Однако Кремль выступал против чрезмерного обострения конфликта. 14 июля 1948 г. Сталин в ответе Готвальду заметил, что он пока против такого шага и не

считает нужным «добавлять что-либо к резолюции Коминформа». «Мы, москвичи, – указывал советский вождь, – не рассчитывали и не рассчитываем на такое скорое поражение группы Тито. Мы знаем достоверно, что съезд КПЮ подобран тщательно, все инакомыслящие лишаются должностей или арестовываются, на съезд пропускаются только давшие подписку голосовать против Коминформбюро... Наша цель была на первом этапе изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жульнические махинации. Этой цели мы добились с успехом...» По мнению Сталина, у «группы Тито» пока достаточно возможностей для получения большинства на съезде, и «нужно время и терпение» с тем, чтобы дождаться момента, когда «в дальнейшем пойдет постепенное отпадение партийно-марксистских групп югославской компартии от Тито и его группы». К этому времени Сталин, по всей вероятности, имел возможность в результате недавней переписки между руководством двух партий убедиться, что югославская сторона достаточно аргументированно и твердо отвечала на выдвигаемые против нее обвинения, и посчитал неплодотворным (как он заметил в этом же документе) «вступать в дискуссию с югославскими политическими акробатами»⁶³.

Копии ответа Готвальду были разосланы лидерам остальных компартий, входивших в Информбюро, что фактически означало определение пределов травли руководства ФНРЮ для всех участников антиюгославской кампании. Не следует исключать и того, что у Кремля действительно имелся некий заранее намеченный план, в соответствии с которым давление следовало наращивать поэтапно, ибо Сталин действовал не только на основании донесений Лаврентьева о высказываниях Жуйовича и Чолаковича, но и опираясь на материалы, которые направлялись ему советской разведкой. Согласно ее донесениям в 1945–1947 гг. «тайными» критиками Тито в беседах с советскими разведчиками выступали его самые ближайшие сподвижники: в Любляне – Э. Кардель, а в Загребе – В. Бакарнич, и их «откровения» явились отражением борьбы за власть и стремлением быть замеченными в Москве⁶⁴.

Тем не менее югославское руководство осталось единым и твердо отвергло советские угрозы как по поводу арестов Хебранга и Жуйовича, так и относительно предложения прислать советских представителей для участия в расследовании их прегрешений. Окончательной точкой консолидации единства взглядов стало совместное заседание политбюро ЦК КПЮ и краевого комитета КПЮ для Боснии и Герцеговины, состоявшееся 7 июля⁶⁵. Руководители края признали ошибочность своей позиции, заключавшейся в том, что ЦК КПЮ следовало послать своих предста-

вителей в Бухарест для участия в совещании Информбюро и признать справедливость некоторых советских обвинений. Ключевым на заседании стало покаянное выступление Р. Чолаковича, который в итоге, поблагодарив Тито и Карделя за разъяснительные беседы, заявил о согласии с тем, что «партия предприняла по вопросу отношений с ВКП(б)»⁶⁶, избежав, таким образом, судьбы Жуйовича. В результате советский посол в Югославии Лаврентьев лишился еще одного информатора и потенциального раскольника.

Впрочем, расчеты Кремля на волнения внутри КПЮ имели под собой основу. Хотя при голосовании на V съезде партии из 2 323 его делегатов против действий югославского руководства высказалось только пятеро, в первичных организациях партии дела обстояли иначе. Более 55 тыс. коммунистов из 468 175 членов и 51 612 кандидатов в члены КПЮ высказались за резолюцию Информбюро⁶⁷. Ситуация для руководителей Югославии складывалась настолько сложной, что они прибегли к жесточайшему политическому террору. Известен иллюстрировавший это яркий пример, приведенный тогда советскими СМИ. В июле 1948 г. на совещании офицеров госбезопасности из регионов, граничащих с Венгрией, Румынией и Болгарией, министр внутренних дел Сербии С. Пенезич якобы дал жесткую директиву: «Бдительность и контроль после выхода резолюции Информбюро надо усилить. Любое лицо, задержанное на границе, необходимо проверить и, если задержанный окажется членом партии, убивать его на месте, невзирая на личность – будь то член ЦК, министр или кто-либо другой, но без шума. О выполнении докладывать. Нет надобности держать таких людей в тюрьме»⁶⁸.

В то же время в атмосфере нарастающего давления югославское руководство держалось стойко и не собиралось отказываться от ориентации в теории и практике на советскую модель социализма. Тито и его соратники по политбюро продолжали заявлять о приверженности КПЮ принципам марксизма-ленинизма и построения социализма в Югославии, подчеркивая тем самым необоснованность обвинений Кремля.

К осени 1948 г. конфликт перешел в стадию необратимого обострения. 18 августа югославская газета «Борба» опубликовала официальное сообщение МВД ФНРЮ о гибели «при попытке к бегству через границу» легендарного югославского генерала, начальника генштаба Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) в годы Второй мировой войны А. Йовановича. Этот боевой генерал, который был самым высокопоставленным из югославских военных, обучавшихся в Советском Союзе после 1945 г., по свидетельствам его ближайшего окружения, вернувшись в ФНРЮ в мае 1948 г. в разгар скрытой стадии советско-

югославского конфликта, не сумел приспособиться к новой ситуации, когда ему, боевому офицеру, прошедшему обучение в академии одной из лучших армий мира, доверили лишь управление национальной Высшей военной академией. Не мог привыкнуть он и к бесцеремонному поведению органов безопасности по отношению к офицерам, обучавшимся в Москве, а также к суровым расправам в верхах с политическими противниками, в числе которых оказался его соратник по недавнему военному времени С. Жуйович.

Несомненно, Йованович много знал о военном прошлом Броз Тито и его ближайшего окружения, в том числе о переговорах Верховного штаба с гитлеровцами в марте 1943 г., которые в переписке ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ Сталин и Молотов ставили Тито в вину; о разрушении мостов через реку Неретву в том же марте, а также о поведении Тито и Карделя в Дрварской печине в то время, когда Жуйович, Ранкович и Йованович удерживали позиции против гитлеровцев. Неприемлемо для него было и отрицание значения и объемов советской военной помощи югославским партизанам, так как Сталин сдержал данное им Йовановичу в Москве 20 января 1945 г. обещание вооружить двадцать югославских дивизий. Боевой генерал опасался, что в ходе критики Советского Союза могут быть разорваны глубокие и богатые духовные связи сербов с русским народом, значение которых занявшие командные посты в Югославской народной армии (ЮНА) после войны «последователи западной школы», как ему казалось, не понимали. С началом публичной стадии советско-югославского конфликта он занимал выжидательную позицию, не принимал активного участия в выступлениях и написании статей, воспевавших военный гений Тито⁶⁹.

После 18 августа появились оценки представителей военной верхушки Югославии, в которых смерть Йовановича связывалась с действиями Советского Союза. Первыми высказались генералы С. Вукманович-Темпо и П. Дапчевич, авторитет которых в годы борьбы с оккупантами был сопоставим с известностью Йовановича. Они увязали «позорный факт предательства страны и народа» с «классовым происхождением» Йовановича и его пребыванием в СССР, где он, по их словам, был «завербован со стороны НКВД»⁷⁰.

Произошедшее с Йовановичем глубоко тронуло советское руководство. Существовали такие предположения: побег в Румынию, совпавший по времени с проходившей в Белграде международной конференцией по вопросам судоходства на Дунае⁷¹, был не случайным. Йованович якобы совместно с заявившим о поддержке резолюции Информбюро послом Югославии в Румынии Р. Голубовичем намеревался создать в Бухаресте правительство,

которое должно было провозгласить незаконной власть в ФНРЮ⁷².

В Кремле, понимая, что ряды сторонников резолюции Информбюро по «югославскому вопросу» редеют, ужесточили публичную критику югославских лидеров. 8 сентября 1948 г. в «Правде» за подписью «Цека» была опубликована статья «Куда ведет национальная группа Тито в Югославии». Ее авторы утверждали, что Йованович «убит за то, что сомневался в правильности националистической и террористической политики группы Тито. В связи с этим в Югославии открыто говорят, что “группа Тито вырождается в клику политических убийц”». Стоящее за статьей кремлевское руководство считало, что «группа Тито не намерена признать и исправить свои ошибки... Хуже того: она “с перепугу” хватается и репрессирует всякого, кто осмеливается упоминать о ее ошибках».

В заключение указывалось, что «...теперь после разрыва с коммунистическими партиями, после того как она разодралась со всеми соседними республиками, после того как она перекочевала в лагерь национализма, – теперь группа Тито уже не представляет большинство партии. Теперь группа Тито есть *фракция* Тито, имеющая доверие лишь меньшинства партии и использующая государственный аппарат для того, чтобы подавлять волю интернационального большинства партии. Фракция Тито сама отделила себя от партии, поскольку она отдала партию под надзор палача Ранковича и поскольку она установила в партии жестокий террористический режим с его репрессиями, массовыми арестами и убийствами. На деле теперь фракция Тито находится в состоянии войны со своей партией... и оказалась вынужденной прибегать к массовым репрессиям...» В концовке материала делался чеканный вывод: «Фракция Тито представляет лишь меньшинство югославской Коммунистической партии, опирающееся не на доверие партии, а на административный полицейский аппарат Югославии»⁷³. Югославский поверенный в делах С. Феич, передав в Белград общее содержание статьи, высказал мнение, что с учетом стиля, ее автором является сам Сталин⁷⁴. Нет данных о том, известно ли было югославам об ответе советского вождя Готвальду в июле 1948 г., но, скорее всего, Феич был прав, ибо данная статья явилась органическим продолжением выраженной в ней уверенности о наличии различных фракций в КПЮ.

Рядом со статьей, явившейся, по сути, программным заявлением по югославскому вопросу, редакция поместила некролог генерал-лейтенанта югославской армии А. Йовановича. В нем сообщалось о жизненном пути героя, который «с июля 1941 г. до победы над фашистскими оккупантами» был начальником генерального штаба НОАЮ, а также «душой, мозгом всех

важнейших стратегических и тактических операций». С конца 1945 г. по май 1948 г. он учился в Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, а по возвращении из СССР был назначен начальником Югославской военной академии. Позицию Йовановича в советско-югославском конфликте газета излагала следующим образом: «В 1948 г., когда нынешние югославские руководители открыто встали на путь национализма, Арсо Йованович, осуждая националистическую позицию югославских руководителей, солидаризовался с известным решением Информбюро о положении в Югославской коммунистической партии» и в августе был «злодейски убит агентами палача Ранковича». Характеризуя отношение генерала к СССР, в некрологе указывалось: «Арсо Йованович был верным другом Советского Союза, воспитывал кадры Югославской армии в духе любви к великой стране социализма. Он не раз заявлял, что только в дружбе с Советским Союзом Югославия может отстоять свою независимость и свободу, развиваться по пути социализма»⁷⁵.

Статья «Цека» в «Правде» сняла психологические барьеры, которые сдерживали югославских руководителей, не реагирующих до этого публично (за исключением ответа на публикацию резолюции Коминформа от 29 июня) на советские выпады. Осенью 1948 г. в трех номерах (2, 3 и 4 октября) центральной югославской газеты «Борба» была напечатана статья М. Джиласа «О неправдоподобных и несправедливых обвинениях против нашей партии и страны». В ней впервые прозвучала приглушенная критика в адрес И.В. Сталина. В ноябре в Скупщине ФНРЮ И. Броз Тито говорил об империалистической политике СССР в отношении малых народов, направленной на их экономическое и политическое закабаление. В декабре ЦК КПЮ запретил правлению общества «Югославия–СССР» организовывать коллективные посещения Дома советской культуры в Белграде. Вслед за этим из учебных планов филологических специальностей были изъяты курсы по советской литературе⁷⁶.

Недовольство Москвы югославами продолжало нарастать. В частности, в отчете за 1948 г. посла СССР в Белграде Лаврентьева сообщалось, что «в силу террора в Югославии, там невозможна какая бы то ни было легальная работа против клики Тито». В документе делался вывод об отсутствии серьезного организующего и руководящего оппозицией центра. Его автор, по сути, подталкивал советскую верхушку к более жестким действиям: «При существующем разброде и кустарничестве ничем не связанных между собой нелегальных организаций, насыщенных провокаторами Ранковича, нельзя рассчитывать только на внутренние силы для изменения политического положения в стране»⁷⁷. Однако позиция посла в Белграде встретила противодействие руково-

дителя Балканского отдела МИД СССР В.А. Валькова, который указал в замечаниях на отчет, что «не считает внутренний фактор второстепенным», и был убежден в том, что «внешний фактор может оказаться при известных условиях одним из серьезных факторов, но не основным»⁷⁸.

Между тем, судя по сообщениям советской разведки, мощное движение против Тито и его соратников в Югославии отсутствовало. Так, например, вопреки пропагандистским утверждениям о едва ли не всенародном восстании против «режима Тито», резидентура в Белграде сообщала в начале 1949 г., что в вооруженном сопротивлении в Черногории, о котором говорилось как о самом мощном выступлении, реально участвовал лишь отряд численностью всего в 30 человек, да и тот был быстро рассеян. Резидентура информировала руководство СССР об отчетах пленумов республиканских партийных организаций КПЮ. Из них со всей очевидностью вытекало, что в «верхушке» партии лишь единицы встали на сторону июньской (1948 г.) резолюции Коминформа. Подробно освещался советской разведкой и ход чисток в армии, устранивших лояльных Сталину офицеров и генералов. В деталях отслеживалось строительство оборонительных рубежей у восточных границ, укрепление военной промышленности и вооруженных сил Югославии. Белградский аппарат разведки не пытался представить режим Тито слабее, чем он был в реальности. Информация резидентуры в своей основе отличалась объективностью, и сама по себе оказывала сдерживающее влияние на возможные попытки силового решения из Кремля⁷⁹.

Систематическое создание негативного образа Югославии в советской прессе сопровождалось изоляцией посольства ФНРЮ в Москве. Его персонал подвергался различным формам давления, которое ранее применялось только в отношении дипломатов капиталистических государств. Призывы к сотрудничеству с советской властью адресовались и высшим дипломатам посольства. Нервы сдавали и у представителей ФНРЮ в Москве, и в центральном аппарате внешнеполитического ведомства в Белграде. Например, в начале сентября 1948 г. временный поверенный в делах ФНРЮ в СССР С. Феич сообщал в Белград, что на приеме в посольстве Болгарии в Москве дипломаты из стран «народной демократии» говорили, что сейчас самый момент показать, «как он достойно мыслит». Глава югославской миссии жаловался, что больше не может оставаться в рамках дипломатических приличий, и просил указаний, как себя вести. В ответ из Белграда рекомендовали очень серьезно реагировать на подобные «безобразные выпады и провокации», заметив, что в таких случаях его не связывает «никакой дипломатический протокол»⁸⁰.

Новая ситуация привела к реорганизации всех сторон жизнедеятельности персонала посольства Югославии в Москве. В соответствии с курсом, начертанным руководством КПЮ, была усилена политическая работа среди всех без исключения членов югославской колонии, жестко сокращены контакты с советскими официальными лицами и гражданами. Руководство посольства стремилось развивать среди сотрудников «дух коллективизма» и общности интересов. Для этого организовывались совместные выезды дипломатов и членов их семей за город, шахматные турниры, культурно-развлекательные мероприятия, подключались также и служащие военной миссии ЮНА в Москве. Несомненно, что кроме воспитания «духа коллективизма» такое поведение позволяло представителям югославской службы безопасности контролировать граждан ФНРЮ в Москве в случае попыток вербовки с советской стороны и выявлять уже имеющиеся связи.

В целом же югославские дипломаты очутились в Москве в полной изоляции. Служебные контакты с МИД СССР стали редкими и холодными, советская сторона открыто демонстрировала свое пренебрежительное отношение и избегала встреч. Более того, была организована систематическая слежка за персоналом посольства. Феич, сообщавший об этом в сентябре 1948 г., высказал мнение, что слежка ведется не с целью проследить за возможными контактами, а для выведения югославы из равновесия⁸¹. Изоляция распространилась и на связи с дипломатами восточноевропейских государств, а общение с западными дипломатами в Москве оставалось на прежнем уровне взаимного недоверия.

Представители СССР в Югославии оказались в несколько лучшем положении. Будучи также подвергнуты давлению со стороны хозяев, они не были настолько изолированы, имея возможность для нормальных коммуникаций в рамках дипломатического корпуса в Белграде, прежде всего с сотрудниками дипмиссий стран «советского блока». Единственное ухудшение, которое было заметно, это качество служебных контактов по линии посольство СССР–МИД ФНРЮ, снизившееся до уровня отношения к посольству ФНРЮ в Москве со стороны советских властей. Работа белградского аппарата советской разведки оказалась максимально затруднена. Все его контакты «были взяты под плотную слежку югославскими органами безопасности и сразу же профилированы, а некоторые арестованы и отправлены в лагерь»⁸².

В конце 1948 г. новым послом в Москве был назначен К. Мразович; он вступил в должность в середине декабря после протокольной встречи с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Направление выдающегося партийного работ-

ника, который до Второй мировой войны несколько лет прослужил в аппарате Коминтерна в советской столице, демонстрировало желание югославского руководства уменьшить нарастающую напряженность между Белградом и Москвой. Однако отношения продолжали ухудшаться, предвещая опасное и драматичное обострение в 1949 г.

Приступив к работе, Мразович попытался доступными ему средствами прорвать навязанную блокаду. К примеру, узнав о том, что представители стран «советского блока», согласованно и в сопровождении сотрудников МИД СССР 21 января 1949 г. возложили венки к мавзолею Ленина, он на следующий день поступил так же. На его венке красовалась надпись «Великому Ленину от ФНР Югославии»⁸³. Но дискриминация в отношении югославского посольства продолжалась. Его представителей не только не приглашали на приемы и иные мероприятия, куда принято приглашать представителей иностранных держав, но и во всех других ситуациях, обычных для рутинной дипломатической практики, контакты сводились к рекордному минимуму. Так, к примеру, прием советника посольства в Москве Латиновича у начальника одного из отделов МИД 27 апреля 1949 г. продолжался всего две минуты⁸⁴.

Весной 1949 г. сотрудники дипмиссии ФНРЮ в Москве стали чаще встречаться со своими западными коллегами, хотя в то время избегали продолжительных бесед с дипломатами США и Великобритании. Встречи позволяли югославам «пробить» стену отчуждения вокруг своего посольства, сорвав советские планы. Глава дипломатического представительства ФНРЮ в СССР К. Мразович установил прежде всего рабочие контакты с послом Франции, через которого, в частности, получил 29 марта подтверждение информации о том, что в Болгарии готовится переброска вооруженных формирований через югославо-болгарскую границу⁸⁵.

Идеи о координации усилий политической эмиграции из Югославии витали среди самих политэмигрантов, высказавшихся за резолюцию Информбюро почти с самого начала открытой стадии конфликта. Осенью 1948 г. бывший посол ФНРЮ в Румынии Голубович предложил ЦК ВКП(б) использовать планы югославского руководства по созданию в каждой республике Югославии своей, республиканской организации и ее руководящих органов, добиться победы в них «противников фракции и клики Тито», а также образовать центральное нелегальное руководство антититовским «большинством» КПЮ, увязав это с переброской пропагандистских материалов через соседние с Югославией страны. Тогда же в ЦК ВКП(б) и в аппарате Коминформа приступили к разработке планов подрывной деятельности против Югославии,

и ставка во многом была сделана на югославских «революционных эмигрантов»⁸⁶. Тем более, что с момента публикации резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии» в ЦК ВКП(б) и в аппарат Коминформа стали поступать письма с предложениями по организации работы против руководства КПЮ и ФНРЮ. Среди них встречались и содержавшие конкретные предложения, которые «уходили во внешнюю разведку»⁸⁷.

В конце 1948 г. в Москве начали обдумывать, каким образом можно полнее задействовать потенциал политэмигрантов в пропагандистской работе. 8 декабря заместитель заведующего ОВП ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономарев в докладной записке Г.М. Маленкову сообщал о более чем 500 югославах, которые находились в Советском Союзе и отказались вернуться на родину после резолюции второго совещания Коминформа. В своих обращениях в ЦК ВКП(б) они предлагали образовать единое руководство югославской политэмиграции, создать «оперативные группы в Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии для переброски материалов и людей в страну и сбора информации». Пономарев предлагал согласиться с этими инициативами, а также наладить поступление информации в ЦК ВКП(б) о деятельности центра и групп политэмигрантов и тем самым обеспечить контроль за ними, уделяя особое внимание координации действий⁸⁸.

Третьего апреля 1949 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) об издании в СССР газеты «За социалистическую Югославию» – печатного органа югославских коммунистов, поддерживающих резолюцию совещания Коминформа о КПЮ. Среди решений Политбюро значились: разрешить созыв в Москве в начале апреля закрытого собрания 50–60 наиболее активных югославских коммунистов, на котором принять решение об издании газеты; направить для содействия работе редакции газеты тт. Лесакова В.И. и Сахарова В.М.; обязать ТАСС обеспечить редакцию газеты югославских политэмигрантов текущей информацией и другими материалами из Югославии; финансирование газеты осуществлять через Славянский комитет СССР по особой смете; «оказать содействие югославским коммунистам, выступающим против националистической клики Тито, в издании газет в Румынии, Болгарии и Чехословакии. Поручить т. Баранову через аппарат секретариата Информбюро оказать помощь югославским коммунистам, находящимся в Румынии, Болгарии и Чехословакии, в издании и распространении этих газет в Югославии»⁸⁹.

Параллельно с информационно-пропагандистским давлением продолжался и экономический нажим на югославское руководство. 28 апреля 1949 г. на первой сессии Совета экономической вза-

имопомощи (СЭВ) было принято решение об отношениях с Югославией, согласно которому «ввиду враждебной политики, проводимой правительством Югославии в отношении стран народной демократии и СССР, впредь до прекращения этой враждебности» странам-участницам Совета рекомендовалось в кратчайший срок пересмотреть имеющиеся у них с Югославией соглашения по экономическим вопросам⁹⁰.

С мая 1949 г. в Москве начала издаваться еженедельная газета «За социалистическую Югославию» (всего в странах «народной демократии» печаталось шесть газет тиражом 50 тыс. экземпляров). Литература и листовки доставлялись в ФНРЮ самыми различными способами. Направлялись в страну и диверсионные группы, обнаружение которых часто приводило к стычкам на границах. Действия по созданию групп «революционных югославских политэмигрантов» в СССР и странах «народной демократии» стали новым импульсом к обострению отношений.

По истечении года со дня открытой фазы конфликта явно наметилось его дальнейшее ужесточение. В середине июня 1949 г. советская позиция в отношении Югославии была озвучена на заседании секретариата Коминформа М.А. Суловым, который предложил включить в повестку дня планируемого совещания Информбюро вопрос о Югославии. Сулов аргументировал это тем, что «буржуазно-националистическая предательская клика Тито–Ранковича перекочевала в лагерь империализма и стала наиболее злобным и отъявленным врагом компартии, стран народной демократии и СССР», в связи с чем «возникает вопрос об усилении борьбы компартий против этой клики»⁹¹.

Тем временем в Будапеште вовсю шла подготовка показательного судебного процесса над Л. Райком⁹², первый этап которого, несмотря на жестокое и бесчеловечное обращение с обвиняемыми, не дал ожидавшихся результатов. На втором этапе к делу непосредственно подключились опытные советские советники (в конце июня по просьбе венгерского руководства в Будапешт прибыли начальник управления контрразведки МГБ СССР при Центральной группе советских войск генерал-лейтенант М.И. Белкин со следственной командой). Этот этап «расследования» существенно отличался от первого прежде всего изменением концепции самого «дела». Вместо прежней версии о действиях Райка в пользу американской разведки возник новый вариант обвинения: якобы обвиняемый являлся агентом Тито, и основной упор делался на «югославские связи» арестованных, а не на их троцкистскую и националистическую деятельность. Обвинение приобретало яркий внешнеполитический аспект, направленный против Тито и международного империализма. Подследственных перерядили в обычных шпионов и провокаторов.

Для разоблачения югославских лидеров организаторы процесса привлекли к «делу» показания бывшего ответственного сотрудника югославского посольства в Будапеште Л. Бранкова, который после резолюции Коминформбюро 1948 г. заявил о ее поддержке и остался в Венгрии. В апреле 1949 г. его вызвали в Москву. К лету он оказался в Лефортовской тюрьме, где подвергся допросам о «его участии в заговоре», затем его вернули в Будапешт. Таким образом, Бранков превратился в одного из центральных персонажей будущего процесса. Работая непосредственно с заместителем начальника управления государственной безопасности Венгрии Сючем, советская следственная группа допрашивала вместе Райка, Фильда и Бранкова, сосредоточив в своих руках весь обвинительный материал⁹³. Был использован протокол московского допроса Бранкова, согласно которому он являлся отъявленным «титоистом», специально направленным в Будапешт в качестве резидента югославской спецслужбы для организации и руководства сетью сторонников Тито в Венгрии, ведущих подрывную деятельность против советского лагеря. Им были завербованы Л. Райк, Т. Сени и другие, готовившие переворот с целью свержения ракошистского режима⁹⁴. Первые итоги работы Белкина и его группы вдохновили венгерское руководство. М. Фаркаш уже 11 июля 1949 г. с триумфом докладывал секретариату Коминформбюро, что «Райк начал впервые давать отдельные показания... Предполагаем, что Тито, Джилас и Ранкович – шпионы, завербованные в Испании и Франции. Райк имел с ними связи»⁹⁵.

Подготовка процесса шла на фоне дальнейшего обострения советско-югославских отношений. К этому времени были значительно ограничены связи между странами по линии международных организаций. Летом советский посол А.И. Лаврентьев, выехав в СССР в отпуск, в Белград больше не возвращался, став заместителем А.Я. Вышинского, занявшего тогда пост министра иностранных дел. С июля 1949 г. в Румынии началось вещание на территорию ФНРЮ радиостанции «Свободная Югославия».

Пятого августа во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 июня 1949 г. о созыве третьего совещания Коминформа, в аппарате ЦК на Старой площади подготовили справку «О борьбе коммунистических и рабочих партий против клики Тито–Ранковича», задуманную как проект основного доклада для предстоящего совещания. В ней была выстроена система обвинений против югославского руководства, которому приписывалось превращение в одно из звеньев общего фронта «борьбы во главе с англо-американскими империалистами против СССР». Главное место в цепи претензий в адрес И. Броз Тито и его окружения занимали утверждения, что политика Югославии сомкнулась с аг-

рессивным курсом англо-американских империалистов в целях проведения «подрывной работы внутри социалистического лагеря, расшатывания его единства» и «борьбы против его центрального звена – Советского Союза»⁹⁶. К этому времени взаимные упреки и безграничная шумиха во всех областях угрожали перерасти в военную агрессию «советского блока» против Югославии. Ультимативная нота правительства СССР от 18 августа 1949 г. по поводу арестов и унижений советских граждан в ФНРЮ, по сути, напрямую угрожала военной интервенцией. Параллельно с этим завершалась подготовка судебного процесса по «делу Райка». В течение августа–сентября между Будапештом и Москвой происходил систематический обмен информацией по «делу Райка» и согласовывались позиции. Проект текста обвинения в августе утвердил лично Сталин⁹⁷.

Публичное судебное разбирательство по «делу Райка» началось 16 сентября 1949 г. В обосновании зачитанного на процессе обвинения, в частности, говорилось о том, что «Райк и его товарищи по заданию империалистических кругов и Тито пытались свергнуть в Венгрии “народную демократию”». Руководящим центром такого заговора по версии следствия являлись якобы США, но американские империалисты главную роль в реализации этих планов поручили «фашистской клике Тито», стремившейся привлечь все страны народной демократии на свою сторону⁹⁸.

В обобщающей части обвинительного акта указывалось: «Ласло Райк и его сообщники создали такую организацию, которая преследовала цель свержения узаконенной конституцией ВНР, ликвидации независимости Венгрии, порабощения страны иноземцами... Райк и его банда поставили перед собой цель вырвать Венгрию из лагеря защитников мира... приковать нашу страну к империалистическому военному фронту, тем самым унижить ее до роли сателлита, марионетки империалистов. Эту цель они намеревались достигнуть при вооруженной поддержке своих хозяев – сегодняшних руководителей югославского государства – Тито, Ранковича, Карделя и Джиласа... Заговорщики хотели превратить Венгрию в югославскую колонию, колонию Тито, который вместе со своей бандой дезертировал из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитала и реакции и сделал таким образом Югославию вассалом империалистов. За планами Райка и его сообщников стоял американский империализм»⁹⁹.

«Процесс Райка» послужил кремлевскому руководству поводом для значительного понижения уровня дипломатических отношений с ФНРЮ. В период с сентября по октябрь 1949 г. произошло резкое смещение акцентов в советской критике югославского

руководства, что стало явным в начале октября, когда Москва перешла от тезиса «о борьбе против клики Тито» к формулировке «югославская компартия во власти убийц и шпионов», зафиксированной также в резолюции третьего совещания Информбюро. Как свидетельствуют документы, ход редактирования формулировок эволюционировал именно в этом направлении. Если в первоначальных вариантах югославская позиция характеризовалась в основном как измена коммунистическому движению и социалистическому лагерю в результате «троцкистского перерождения» «клик Тито» и ее перехода на позиции «буржуазного национализма», то в последнем варианте в качестве ударного тезиса использовалось утверждение: Тито и его окружение являются «агентами империалистических разведок», завербованными раньше и разоблаченными в результате судебного процесса над Райком и его сторонниками в сентябре 1949 г. в Будапеште¹⁰⁰.

Уже 28 сентября, через четыре дня после окончания процесса Райка, советское правительство направило ноту правительству ФНРЮ, подписанную А.А. Громыко; в ней сообщалось, что СССР считает себя свободным от обязательств, вытекающих из Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 11 апреля 1945 г. В ноте также отмечалось: факты свидетельствуют, что «сегодняшнее югославское правительство грубо нарушило и разорвало в клочья» этот договор¹⁰¹. По примеру Кремля правительства стран «народной демократии» также расторгли двусторонние договоры с Югославией. К собственной логике конфликта добавились также и усилия югославского руководства осенью 1949 г. добиться при поддержке Запада избрания ФНРЮ членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Попытки советской дипломатии помешать этому успеху не имели. 20 октября в ходе сессии Генеральной ассамблеи (ГА) место третьего, непостоянного члена СБ ООН вместо Чехословакии, в пользу которой активно лоббировали представители государств из советского лагеря, заняла Югославия.

За несколько дней до этого в МИД СССР, предчувствуя провал действий по недопущению югославского представителя в Совет Безопасности ООН, занялись подготовкой почвы для репрессий против югославских дипломатов в Москве. Посол К. Мразович находился в это время в отпуске на родине, и на первых порах мишенью для давления был избран замещавший его временный поверенный в делах ФНРЮ Латинович. В документе, направленном Громыко Сталину, он характеризовался как «тот самый, о котором речь шла на процессе Райка в Будапеште», где Латинович был изобличен «как один из участников заговорщицкой деятельности против СССР и стран народной демократии»¹⁰².

Вслед за этим репрессивные меры было решено принять и в отношении Мразовича. 22 октября Громыко подготовил материал для Сталина с обвинениями в адрес посла. В своей записке он обратил внимание вождя на «совпадение» ряда обстоятельств, подчеркнув, что «в обвинительном акте по делу Райка указывается, что Мразович занимался шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере». Данных фактов заместителю министра иностранных дел СССР показалось мало, и он упомянул еще о том, что именно Мразович «был тесно связан с Райком и организовал тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой обсуждался план антисоветской кампании, вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории, физического уничтожения отдельных членов венгерского правительства»¹⁰³.

Через три дня в ноте югославской стороне от 25 октября 1949 г. со ссылкой на материалы «дела Райка» посол Мразович объявлялся «персоной нон грата». В числе прочего указывалось: в ходе процесса было установлено, что он «долгое время занимался шпионской и подрывной деятельностью против Советского Союза»¹⁰⁴. В Белграде решили не предпринимать попытки по возвращению Мразовича в Москву, с тем чтобы не предоставлять советской стороне новый материал для антиюгославской кампании¹⁰⁵. В ответном пропагандистском ударе югославского руководства указывалось на абсурдность обвинения Москвы и делался вывод, что цель подобного поступка – дальнейшее обострение отношений между двумя странами¹⁰⁶.

В начале ноября 1949 г. из Югославии оказался изгнан ряд советских дипломатов и военных представителей, в основном под предлогом обвинения в шпионаже и подрывной деятельности. Но в Белграде стремились избежать подозрений в мести, поэтому это не были дипломаты ранга Мразовича или Латиневича. Внешнеполитическое ведомство ФНРЮ выдвинуло требования о выдворении из страны консула в Загребе Владимирова, помощника военного атташе СССР в Белграде Зеньковича и представителя Совинформбюро Кирсанова¹⁰⁷. Лишь после этого советская сторона немедленно, 16 ноября 1949 г., нотой правительства СССР заявила о выдворении поверенного в делах посольства ФНРЮ в Москве Латиневича, который, по ее мнению, злоупотребил служебным положением, занимаясь «шпионской и подрывной деятельностью» против СССР¹⁰⁸.

На третьем совещании Коминформа, состоявшемся с 16 по 19 ноября 1949 г. под Будапештом, название основного доклада Г. Геориу-Дежа стало более резким, чем это задумывалось летом: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Его генеральным тезисом был избран постулат о том, что югослав-

ское руководство установило в стране диктатуру фашистского типа. Сходные изменения претерпели и основные тезисы доклада; в результате на передний план выдвигались широко использовавшиеся советской пропагандой обвинения в том, что Тито и его окружение являются «агентами империалистических разведок, завербованными ранее и замаскированными, пока их не разоблачили». В докладе Георгиу-Дежа в качестве практической задачи ставилось создание в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов».

В докладе Суслова, который выступил после основного докладчика, содержалась обобщенная оценка значения суда над Л. Райком: «Будапештский процесс над шпионской бандой Райка-Бранкова раскрыл крупный международный заговор, организованный англо-американскими империалистами против стран народной демократии и Советского Союза, против мира и демократии. Этот заговор империалистов преследовал осуществление далеко идущих планов: свергнуть с помощью фашистской шпионской клики Тито, ставшей агентурой международной реакции, демократический строй в Венгрии и других странах народной демократии, оторвать эти страны от лагеря мира и демократии, восстановить в них реакционные фашистские режимы, превратить страны Юго-Восточной и Центральной Европы в марионетки империалистов и плацдармы для агрессии».

Совещание приняло так называемую вторую резолюцию Информбюро по Югославии (озаглавленную как и доклад Георгиу-Дежа), в которой утверждалось, что руководство ФНРЮ установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире¹⁰⁹.

В декабре 1949 г. в докладе Э. Карделя на III пленуме ЦК КПЮ советские действия в отношении Югославии характеризовались как «политика угроз и агрессивного давления, политика холодной войны». «Способ пропаганды, который Советский Союз использует сегодня против нас, указывает на то, что советская политика отреклась от самого существенного марксистско-ленинского принципа, – утверждал докладчик, – по которому между социалистическими странами не может быть войны как оружия решения взаимных столкновений и споров... Они все против нас двинули и сделали все, кроме того последнего, что они еще могут сделать, а именно – начать воевать с нами. И по всему очевидно, что они от этого оружия не отреклись в борьбе против новой Югославии». По высказанному в кругу членов ЦК мнению

Карделя, успех ФНРЮ в общем развитии социализма явился отрицанием тех бюрократических и гегемонистских методов, что остались и существуют не только в отношениях между социалистическими странами, но и внутри Советского Союза, где развитие социалистической демократии в действительности стагнировало, и на основе сильно выраженного бюрократизма начали развиваться явные антидемократические тенденции¹¹⁰.

Запустив механизм травли югославского руководства, советские вожди сами попали под своеобразное давление со стороны лидеров соседних с Югославией стран, стремившихся к тому, чтобы совместный натиск «советского блока» на Белград продолжал нарастать. Так, в январе 1950 г. М. Ракоши несколько раз заявлял при встречах с советским представителем Заволжским, что «отдельные положения, высказанные тов. Деж в его докладе, медленно реализуются. Назрела необходимость создания единого центра югославской эмиграции, создания нелегальной коммунистической партии в Югославии, образования подпольного ЦК компартии на территории Югославии, пора приступать к организации партизанской борьбы». Глава венгерских коммунистов неоднократно возвращался к необходимости организации единого центра югославской эмиграции, после чего можно было бы получить указания относительно позиции в отношении Белграда¹¹¹.

Югославская сторона не только отвечала на критику Москвы своими достаточно оригинальными обвинениями руководства СССР в бюрократизме и перерождении советского строя в государственно-бюрократический капитализм, но и предпринимала яркие пропагандистские акции. Скажем, осенью 1950 г. органы безопасности Югославии провели блестящую операцию по дезинформации советского лагеря относительно смерти в тюрьме Жуйовича, добившись, чтобы сообщение об этом появилось в печати стран восточного блока. Публикация затем в югославской печати покаянного письма Жуйовича в ЦК КПЮ (напечатанного 25 ноября 1950 г. в газете «Борба») с признанием заблуждений и ошибок, связанных с верой в то, что Югославия должна войти в СССР в качестве советской социалистической республики, а КПЮ стать частью ВКП(б), помогло властям дискредитировать средства массовой информации стран советского лагеря в глазах югославских граждан и мирового общественного мнения.

Югославские органы госбезопасности (УДБ) действовали весьма активно, арестовав до 11 тыс. коммунистов, которые выражали в той или иной форме несогласие с обострением советско-югославских отношений. Для их изоляции создавались специальные концлагеря. Предпринимались также попытки по формированию антисоветских групп из перебежчиков из стран «народной демократии» в противовес югославским эмигрантам, дейст-

вовавшим в странах «советского блока». Достаточно плотная защита была выстроена и для противодействия проникновению в Югославию пропагандистских материалов Информбюро. Постоянно происходили как задержания грузов при пересечении границы, так и провокации в виде создания ложных каналов пересылки антиюгославской литературы самими органами госбезопасности ФНРЮ.

Югославским властям удалось нейтрализовать и деятельность Дома культуры Всесоюзного общества культурной связи (ВОКС) в Белграде. В частности, в мае 1950 г., когда для общественного просмотра кинофильма «Кубанские казаки» дирекция Дома культуры распространила триста пригласительных билетов (их развезли «по адресам на квартиры и по учреждениям»), на просмотр пришло только два человека. Как указывалось в отчете Посольства, «простые люди, питающие в душе симпатии к Советскому Союзу, но будучи запуганы титовско-фашистским террором, боятся идти в наш Дом, зная, что их приход будет зафиксирован постоянно дежурящими возле Дома агентами УДБ и что это будет рассматриваться как тяжкое преступление»¹¹².

Вместе с этим лидеры Югославии углубляли антисоветскую критику. 18 апреля 1950 г. М. Джилас на студенческом митинге заявил, что в Советском Союзе государственная монополия над производством превратилась в государственную монополию над обществом¹¹³. Позднее, 28 июля, в ответ на выступление В.М. Молотова на митинге в Варшаве 21 июля 1950 г., в котором предвещалось скорое падение «фашистской клики» в Югославии, Броз Тито обвинил советское руководство в проведении политики геноцида народов Советского Союза.

К осени 1950 г. югославская сторона окончательно перенесла советско-югославскую полемику на уровень теории, пытаясь дать обоснование нападкам СССР. К тому времени Джилас уже сточил данную ранее оценку Советского Союза. Ведущий югославский идеолог пришел к выводу: о ситуации в СССР следует говорить не как о кризисе социализма, но как о государственном капитализме, управляемом «иерархически дифференцированной кастой бюрократов»¹¹⁴. Статьи, выступления на митингах и лекции Джиласа тех месяцев были опубликованы в виде отдельной брошюры «Современные темы». В ней давался наиболее последовательный и обстоятельный анализ советской системы и содержался призыв к продолжению «творческого применения марксизма-ленинизма для югославских условий»¹¹⁵.

Низкий уровень дипломатических отношений удерживался с осени 1949 г. в течение последующих трех лет. Позиция советских властей относительно югославских дипломатов оставалась жесткой: изоляция, ограничение передвижения и тотальная

слежка за персоналом посольства. В свою очередь, репрессивные органы в Белграде стремились не уступать своим московским коллегам. Однако резкие ограничительные меры, касавшиеся передвижений работников советских миссий в виде 30-километровой зоны вокруг столицы ФНРЮ, закрытия для них большинства районов и необходимости предварительного оповещения при передвижении по центральным магистралям и т.п., были введены достаточно поздно, с 1 декабря 1950 г.¹¹⁶

В 1950 г. положение югославских дипломатов в Москве неожиданно облегчилось. Они вышли из изоляции и установили прочные контакты с дипломатическими представителями стран Запада и других государств. Дипломаты ФНРЮ превратились в желанных собеседников на всех приемах и своего рода авторитетных экспертов-консультантов для западных посольств. В свою очередь, дипмиссии США и Великобритании сделали возможным использование югославами их пресс-досье с богатым выбором советской и иностранной прессы, а также и других источников информации. Контакты с иностранными представительствами отличались такой интенсивностью, что поверенный в делах Югославии К. Булаич просил Белград направить в Москву атташе по печати, а также по военным вопросам, поскольку западные дипломаты в последнее время адресовали приглашения на приемы именно военному атташе посольства ФНРЮ¹¹⁷.

В такой ключевой момент советско-югославского конфликта руководство ФНРЮ интернационализировало двусторонние противоречия, выведя их на уровень дискуссий в международных организациях. Вместе с этим в Белграде решились на открытые контакты с Западом, доказывая, что военная интервенция Кремля представляет непосредственную угрозу и интересам безопасности западных государств¹¹⁸.

Весной 1951 г. усилиями министерства иностранных дел ФНРЮ была издана «Белая книга»¹¹⁹ об агрессивных действиях правительств стран советского лагеря в отношении Югославии. Содержавшая свыше четырех сотен страниц, набранных убористым шрифтом, книга была разослана правительствам государств – членов ООН в качестве официального документа. Она стала попыткой с помощью документов, материалов судебных процессов в странах соцлагеря, выдержек из переписки между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ в 1948 г. обвинить СССР в агрессивной политике по отношению к ФНРЮ, во вмешательстве в ее внутренние дела, нарушении суверенитета и подготовке войны против нее. В МИД СССР, при всей отрицательной оценке «банды Тито», признавали, что советской стороне нечем ответить, ибо, как указывал глава Отдела балканских стран В.А. Вальков, «мы пока не располагаем необходимыми официальными документа-

ми, которые могли бы быть опубликованы нами для разоблачения клики Тито как агентуры англо-американских империалистов в подготовке войны против Советского Союза и стран народной демократии»¹²⁰.

Следующей успешной акцией в целенаправленных действиях югославского руководства по интернационализации конфликта стало вынесение жалобы Югославии в специальный политический комитет на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже 26 ноября 1951 г. На этом заседании представитель ФНРЮ указал на враждебную деятельность правительств СССР, Болгарии и Венгрии, Румынии и Албании, Чехословакии и Польши. 14 декабря 1951 г. в специальной резолюции Генеральная Ассамблея фактически поддержала Югославию¹²¹.

Успешно на этом направлении действовал в Москве глава миссии ФНРЮ Д. Джурич. С момента своего появления в Советском Союзе в ранге временного поверенного он установил прочные связи с западными дипломатами, в том числе с послом США Дж. Кеннаном, и успешно собирал информацию о советской политике в отношении Югославии, в том числе о возможной советской интервенции, что являлось главной задачей югославских дипломатов тех лет. В ее решении Белград рассчитывал как на свои силы, так и на поддержку Запада, озабоченного ростом влияния советского лагеря после окончательной победы Коммунистической партии (КПК) в Китае, а также непредсказуемыми событиями в Восточной Европе, связанными с борьбой внутри коммунистических сил.

Интернационализация советско-югославского конфликта способствовала общему ухудшению международной ситуации. Так, в ноте советского правительства руководству Великобритании от 24 февраля 1951 г. среди прочих моментов называлась «курьезом попытка британского Правительства стать в позу защитника национальных интересов Югославии. Советские люди поносят и будут поносить нынешних югославских правителей за то, что они установили у себя фашистский режим вроде режима Франко в Испании и лишили народы Югославии элементарных демократических прав. Советские люди поносили и будут поносить нынешних югославских правителей за то, что они организовали заговор против венгерского народно-демократического правительства и стали, таким образом, заклятыми врагами народно-демократических стран. Что касается национальных интересов Югославии, то угрозой для них является не Советский Союз, проливший немало крови своих сынов для освобождения народов Югославии от немецкой оккупации и обеспечения независимости Югославии, а нынешние правители Югославии, старающиеся во всей своей политике подчинить национальные интере-

сы народов Югославии интересам своих английских и американских хозяев»¹²².

Оказавшись во все большей зависимости от многосторонней западной помощи, выгоды которой в Белграде ощутили к началу 50-х годов, югославские дипломаты всеми силами стремились опровергнуть возникавшие время от времени слухи о возможном сближении с Советским Союзом. Об одном из них сообщил посол ФНРЮ в США В. Попович 20 июня 1952 г.: некий советский дипломат в Вашингтоне сказал военному атташе норвежского посольства, что столкновение с югославами не представляется серьезным и мы «вскоре дружески пожмем друг другу руки». В Югославии назвали это хорошо рассчитанным маневром советской стороны с тем, чтобы прервать, или, по крайней мере, нарушить процесс установления связей Югославии с Западом и таким образом помешать происходящим переменам в югославской экономической и политической системе. Югославы утверждали, что целью подобных советских маневров в конечном итоге является изоляция, а затем – военное поражение их страны¹²³.

В СССР крайне негативно оценивали последствия установления тесных связей между Югославией и ведущими государствами Запада. В феврале 1952 г. руководство советской разведки подготовило записку для лидеров СССР об американской политике в отношении ФНРЮ. В ней подчеркивалось: действия США направлены «на превращение Югославии в военный плацдарм для нападения на СССР и страны народной демократии», с этой целью ведутся переговоры о прямом вступлении ФНРЮ в региональный союз с Грецией и Турцией, с помощью которого американцы намереваются опосредованно «присоединить Югославию к Североатлантическому союзу». Тем не менее в документе утверждалось, что в Вашингтоне, «используя клику Тито, все же полностью не полагаются на нее, а поэтому поддерживают старые буржуазные партии»¹²⁴. За такой формулировкой скрывалась точка зрения о негативном отношении к Тито со стороны американской администрации.

Весной 1952 г. советское руководство (если обратиться к первомайским лозунгам) воспринимало «титовскую Югославию» как большого неприятеля, нежели американский империализм¹²⁵. Осень стала своего рода «новым изданием» дальнейшего обострения советско-югославского конфликта, связанным на этот раз с окончательным оформлением югославской позиции в отношении сталинского Советского Союза. В начале октября 1952 г. на XIX съезде КПСС лидеры партии фактически повторили прежние жесткие формулировки в адрес официального Белграда. В главном докладе, прочитанном Маленковым, югославский сюжет был описан в тонах третьего совещания Информбюро (но-

ябрь 1949 г.). Составители текста отнесли Югославию вместе с Грецией и Турцией к числу стран, которые «успели уже превратиться в американские колонии, а правители Югославии, все эти тито, кардели, ранковичи, джиласы, пьяде и прочие – давно уже определились в американские агенты, выполняющие шпионско-подрывные задания своих американских “шефов” против СССР и народно-демократических стран»¹²⁶. Одновременно в Москве прошло совещание югославских коммунистов-политэмигрантов, сторонников линии Информбюро, на котором их Координационный центр был переименован в «Союз югославских патриотов для борьбы с кликой Тито».

Югославское руководство весьма остро отреагировало на заявления съезда КПСС. На VI съезде КПЮ (ноябрь 1952 г.) в выступлениях его участников прозвучали резкие обвинения в адрес советских лидеров, а в резолюции о задачах и роли Союза коммунистов Югославии (СКЮ) в отношении советской внешней политики и внутреннего устройства СССР были вынесены жесткие определения.

В первом разделе резолюции констатировалось, что «современное международное положение характеризуется тем, что Советский Союз играет роль новой агрессивной империалистической силы, претендующей на мировую гегемонию». В обоснование данного тезиса указывалось, что «политика агрессивного гегемонизма советского правительства особенно выражена в отношении социалистической Югославии». Согласно этому документу, который должен был носить обязывающий характер для всех югославских коммунистов в течение ближайших лет, «правительство СССР обострило международное положение тем, что установило империалистическую гегемонию над рядом независимых европейских государств; оно и дальше обостряет эту ситуацию оказанием давления на другие независимые государства и упорным стремлением к проведению политики разграничения сфер интересов, которая особенно противоположна интересам малых и неразвитых стран и серьезно угрожает их независимости. Такая политика советского правительства включает в себе угрозу миру во всем мире и мирному сотрудничеству между народами»¹²⁷.

На подобные обвинения югославское руководство решилось также и потому, что международное положение страны нормализовалось. Сотрудничество с ведущими странами Запада развивалось достаточно успешно. Аналогично складывались и отношения с социалистическими и социал-демократическими партиями западного мира. Летом 1952 г. Тито получил официальное приглашение британского правительства посетить Великобританию, где у власти стояли лейбористы. В ноябре руководство ФНРЮ решилось на проведение переговоров о координации военного сотрудничества

с НАТО, однако они разочаровали югославскую сторону и способствовали тому, чтобы в Белграде достаточно четко осознали пределы сближения с Западом: недоверие к капиталистическому миру сохранялось. 27 ноября 1952 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ было принято решение, ограничивающее участие Югославии в военных структурах Североатлантического блока. Излагая ход переговоров с делегацией НАТО во главе с командующим войсками США в Европе генералом Хенди, Тито заявил: «Они вели себя по отношению к нам как к зависимой от них стране, но наши эту позицию отклонили и держались с достоинством. Они уехали недовольные». Югославский лидер сделал вывод: «Мы не должны вступать в Атлантический пакт. Следует вести переговоры с греками и турками». Он признал ошибочность прежних действий югославов: «Оказалось, что мы пошли ошибочным, военным путем, а не выяснили позицию европейских и американского правительств. Переговоры следует поднять, если до них дойдет, на политический уровень, а не ограничиваться исключительно военной стороной дела»¹²⁸.

Именно с этих позиций Белград вел переговоры с Афинами и Анкарой для организации Балканского союза, который был заключен в феврале 1953 г. Подписание договора давало возможность Югославии достаточно тесно сотрудничать с членами НАТО Грецией и Турцией, рассчитывать на поддержку Североатлантического пакта как в случае нападения войск «советского блока», так и в сдерживании итальянских действий в триестском вопросе, но в то же время формально и фактически находиться вне официальной структуры западного альянса.

К началу 1953 г. отношения между Москвой и Белградом достигли низшей точки заморозки. В январе только Сталин, Берия и Булганин были ознакомлены с позицией советской разведки по югославскому вопросу. В весьма обстоятельном материале заместителя министра иностранных дел, председателя Комитета информации при МИД СССР В.А. Зорина сообщалось о подготовке к созданию Балканского пакта. Как указывалось в документе, эта подготовка уже зашла достаточно далеко, но «титовцы по внутривластным соображениям все еще считают нежелательным официально подписывать военно-политический пакт между тремя странами, который пришлось бы предать гласности», хотя ограничиться «секретными военными конвенциями», что «позволит титовцам скрыть от югославского народа содержание конкретных военных обязательств, которые они берут на себя в агрессивном блоке». Отмечалось также недовольство Италии созданием тройственного блока, которое, впрочем, не сможет помешать, по мнению автора материала, его организации, «поскольку в его создании заинтересованы американцы»¹²⁹.

Данный документ разведки, несмотря на скудность доказательной базы, подтверждал прежние, уже известные советскому руководству, факты в развитии отношений Югославии со странами западного блока (как ведущими, так и балканскими) и не менял парадигмы восприятия Кремлем югославских действий. В то же время их реальная подоплека была скрыта от советской стороны. Отсутствие достоверных источников информации в высшем госаппарате ФНРЮ привело к тому, что Москва не имела возможности узнать о том, какие выводы сделал И. Броз Тито из общения с командованием НАТО в ноябре 1952 г. Кремль продолжал воспринимать действия югославских лидеров в международных делах как безостановочное движение на Запад. Поэтому не удивительно, что в феврале 1953 г. руководство МВД СССР фактически склонило Сталина отдать распоряжение о подготовке операции по физическому устранению Тито¹³⁰. Сложно сказать, к каким последствиям для международной ситуации могла бы привести попытка покушения с весьма низкими шансами на успех, ибо сталинское указание находилось в стадии проработки деталей операции, когда советский лидер смертельно заболел.

* * *

Спираль нагнетания пятилетнего советско-югославского конфликта к моменту смерти советского вождя в марте 1953 г. оказалась закручена достаточно жестко. Вместе с тем на всем его протяжении было заметно, что внутри советского лагеря существовали как «ястребы», намеренно нагнетавшие конфликт, так и их оппоненты, которые по мере возможности, осознанно или интуитивно, сдерживали его чрезмерное обострение. Несмотря на звучавшие все эти годы резкие обвинения в адрес Тито и его сторонников, в советских верхах сохранились некие, ввиду объективных обстоятельств весьма сдержанно себя проявлявшие, силы, которые могли бы если и не взять на себя инициативу устранения наиболее одиозных проявлений проводившегося курса в отношении Югославии, то хотя бы создать соответствующую атмосферу. Однако инерция установок резолюций двух совещаний Коминформа по Югославии и последовательность взглядов их авторов, ведущих деятелей международного коммунистического движения, свидетельствовали, что любой пересмотр их взглядов на югославский вопрос будет весьма болезненным (напомним, что с текстом первой резолюции связали себя Секкья, Маленков, Берман, Сланский, Кишиневский, Костов, Ракоши, Фажон¹³¹, а с обвинениями, содержащимися во второй, – Георгиу-Деж, Сулов, Тольятти, Ракоши, Берман, Дюкло, Червенков, Гэре, Чикалини, Юдин, Копржива и Поптомов¹³²).

2. «Клика Тито сумела закрепиться у власти и выдержала примененную против нее тактику прямого удара»* (март – май 1953 года)

О болезни И.В. Сталина стало известно в Белграде рано утром 4 марта. Сообщению оказались рады и в высшем руководстве страны, и на улицах югославской столицы¹³³. Вечером того же дня из посольства ФНРЮ в Москве пришла телеграмма о состоянии здоровья советского руководителя: «Ему нет спасения. Смерть ожидается в любое время». Глава югославского представительства в СССР Д. Джурич сообщал также о «нескрываемой радости», царящей среди дипломатов, аккредитованных в Москве. В оценках соотношения сил в советском руководстве его коллеги были сдержанны. Чаще всего говорили «об ослаблении единства и твердости», опасались «бонапартизма и непродуманных поступков». Некоторые ожидали, что «пока Маленков не укрепится как руководитель партии, Молотов на первых порах будет главой правительства». Джурич указывал на «подавленность» и «тревогу» русских¹³⁴.

Вести о болезни Сталина приковывали внимание в Белграде, но не нарушили привычного хода дел. Шифровальная служба дипломатического ведомства не работала ночью, и телеграмма о состоянии здоровья Сталина, полученная в последние часы 4 марта, была доставлена руководству только утром следующего дня. Сообщения из Москвы не изменили планы президента И. Броз Тито, который в начале марта был намерен посетить Лондон. Утром 5 марта правительственный поезд двинулся через Сараево к Адриатическому побережью Черногории, где в одной из бухт залива Бока-Которская президента и сопровождавших его лиц ожидал празднично сиявший фрегат «Галев», специально вычищенный для намеченного плавания в Великобританию. Вместе с Тито предвкушения долгожданной встречи с туманным Альбионом (о нем столько рассказывал побывавший в Лондоне в 1952 г. М. Джилас) разделяли его ближайшие соратники – А. Ранкович, К. Попович, А. Беблер, А. Лаврич, генералы М. Шумония и М. Жежел.

Отъезд сохраняли в тайне, опасаясь диверсий албанцев¹³⁵ во время плавания по узкому Отрантскому проливу, отделяющему враждебную сталинистскую Албанию от не менее враждебной Италии. С ней у Югославии уже который год не утихал спор по поводу принадлежности Триеста и окружающих его территорий.

* Из записки о Югославии военного атташе СССР в Швеции И.В. Чумака советскому руководству 19 апреля 1953 г.

Белградская пресса сообщала, что президент ФНРЮ занят осмотром производственных объектов в республике Босния и Герцеговина, включая и металлургический комбинат в Зенице – гордость коммунистической политики индустриализации, проводившейся в последние годы без поддержки Кремля и стран «советского блока».

Тито не спешил с отплытием, и, очевидно, причиной его медлительности являлось ожидание новостей из Москвы. Персоналу югославских посольств в государствах Восточной Европы было отдано поручение изучать «реакцию на болезнь Сталина, всемерно используя для этого данные, полученные в дипкорпусе, результаты наблюдений на улицах, а также разговоры с нашими или местными гражданами. Самое важное – вовремя сообщать о возможном расхождении в верхах по поводу событий, которые могут наступить в СССР, а также о реакции масс на нынешние вести из Москвы»¹³⁶. Но дипломаты, работавшие в восточноевропейских странах, не смогли выполнить полученные указания. В ночь с 5 на 6 марта в информационном агентстве ТАНЮГ стало известно о смерти Сталина. Вечером 6 марта поступила телеграмма посольства из Москвы. В ней сообщалось о мерах безопасности, принятых в центре советской столицы, и цитировались высказывания москвичей, опасавшихся «многочисленных врагов». В то же время в донесении сообщалось «и о имевшем место ликовании»¹³⁷.

Шифротелеграмму о смерти Сталина получили и в посольстве в СССР в Белграде. Вокруг посольства продолжало сохраняться кольцо отчуждения, созданное работниками югославской госбезопасности еще с конца 40-х годов. В эти дни оно было прорвано телефонным звонком неизвестного, выразившего «соболезнование югославских трудящихся» в связи с болезнью советского руководителя. В посольстве обрадовались звонку, предположив, что говоривший из опасения репрессий воспользовался для связи телефонным автоматом¹³⁸. В какой-то мере случай подтверждал верность тезисов резолюций Коминформа последних лет о пропасти между народами Югославии и «кликкой Тито». Тем не менее жест подобного рода не служил выражением массового недовольства режимом, как это ожидалось Кремлем еще на первых стадиях конфликта.

Первые признаки перемен проявились неожиданно быстро. Уже 6 марта посольство СССР в Белграде направило во внешнеполитическое ведомство Югославии официальную информацию советского правительства о смерти И.В. Сталина, сообщив, что соболезнования будут приниматься 7 и 8 марта в здании дипмиссии. Данный шаг советской стороны заставил Белград скорректировать прежнюю позицию. Если 5 марта на запрос поверенно-

го в делах Югославии в Москве Джурича о его поведении в случае ожидаемой смерти Сталина глава внешнеполитического ведомства А. Беблер указал на необходимость жестко придерживаться неизбежного в таких случаях минимума, определенного дипломатическим протоколом, то днем позже инструкция была уточнена: Джуричу рекомендовалось нанести визит руководству МИД СССР и в устной форме (это подчеркивалось в телеграмме) выразить соболезнование правительства ФНРЮ в связи со смертью Председателя Совета Министров Советского Союза¹³⁹.

В соответствии с новыми указаниями 6 марта вечером Д. Джурич заявил советской службе протокола о желании посетить МИД СССР для выражения соболезнования от имени своего правительства. В этот день он также согласился с предложением дуайена дипломатического корпуса в Москве возложить венок к гробу Сталина от имени всех глав дипломатических миссий. На фоне остальных глав миссий, возлагавших также и венки от лица своих правительств, это была весьма учтивая, но минимально возможная степень выражения соболезнования. Далее Джурич стал ждать указаний из Белграда, следует ли присутствовать на похоронах¹⁴⁰.

Поступавшие к Тито сообщения не давали оснований для отмены намеченной в Лондоне встречи с британским премьер-министром У. Черчиллем. Личный обмен мнениями с самым опытным политиком западного мира в создавшейся ситуации становился даже еще более желательным. Утром 7 марта на совещании членов югославской делегации в правительственной резиденции в Герцог-Новом было принято решение не откладывать визит. Оценив ситуацию в Советском Союзе, участники обсуждения считали, что власть в нем получили ближайшие соратники Сталина – прежде всего Л.П. Берия и Г.М. Маленков, а В.М. Молотов укрепил свои позиции. Важным было названо назначение Н.А. Булганина министром обороны. А. Ранкович выразил мнение, что все нити управления находятся в руках Л.П. Берии. По окончании совещания его участники ограничились рекомендацией Госсекретариату по иностранным делам (ГСИД) ФНРЮ делать все возможное для получения всесторонней информации из Москвы, ибо советская тема будет доминировать в ходе переговоров в Лондоне. К. Попович направил телеграмму своему заместителю В. Мичуновичу с соответствующими указаниями¹⁴¹.

Примерно в то же время ситуация в СССР была обсуждена в Белграде на совещании тех лиц из окружения Тито, кто оставался в стране. Перераспределение функций в советском руководстве позволило М. Джиласу назвать произошедшие перемены в Москве событием «исторического значения», «антиста-

линским путчем», подвергающим ревизии решения недавнего съезда партии как в отношении устава, так и персональных перестановок. Джилас заявил о неожиданном для него выборе Г.М. Маленкова на роль премьера, заметив, что ожидал назначения В.М. Молотова¹⁴².

Седьмого марта вечером Джурич исполнил распоряжение Белграда, выразив соболезнование, как он указал в отчете, «только от имени правительства». Его принял Д.Ф. Подцероб, помощник заместителя министра иностранных дел Я.А. Малика. Чиновник, как показалось югославу, «холодно, но учтиво» выслушал фразы соболезнования, пообещав передать их руководству. Джурич связал эту холодность с тем, что «все главы дипмиссий выразили соболезнования днем раньше», не придав особого значения тому, что его принял не заместитель министра иностранных дел, а его помощник. В подобном положении оказался не только он, но и посол Бельгии и ряд других дипломатов¹⁴³.

Освещая события 7 марта, Джурич отмечал: «Потекли реки паломников, составленные в основном из представителей предприятий и учреждений», однако вследствие «плохой и чрезмерно жесткой» организации было «очень много обмороков. При этом людей укладывали на скамьи или землю. Никто не плачет... Лица серьезные, но не печальны»¹⁴⁴. Глава югославской миссии отказался пройти в составе представителей дипломатического корпуса мимо гроба с телом Сталина, направив вместо себя секретарей посольства Жагара и Божича. На вопрос корреспондента агентства «Рейтер» о реакции маршала Тито на происходившее в Москве, югославские дипломаты ответили, что соболезнование выражено только от имени правительства. Несколько позже было доложено: «Сталин выглядит страшно, посинел. Нет ни жалости, ни атмосферы поклонения подобной той, что в мавзолее Ленина»¹⁴⁵.

Восьмого марта заявление о соболезновании правительства Югославии доставил в посольство СССР в Белграде заместитель союзного секретаря по иностранным делам В. Мичунович. Впоследствии в своих мемуарах он отмечал, что пытался держаться холодно и формально, но был не в силах контролировать тон собственного голоса. Его интонации, как ему казалось, выдавали «радость по поводу смерти врага Югославии», и переданные им соболезнования скорее напоминали поздравления по случаю долгожданного и счастливого события. В посольстве Мичуновича приняли весьма корректно, почти сердечно¹⁴⁶.

Утром того же дня в Москве газета «Правда» опубликовала сообщение о посещении МИД Джуричем и о вручении ему приглашения принять участие в церемонии похорон¹⁴⁷. Параллельно через советское посольство в Белграде югославскому руководству была передана нота с аналогичным содержанием. Ее доставил

глава дипмиссии СССР временный поверенный Г.П. Шнюков, который около семи часов вечера нанес визит начальнику Первого (Восточноевропейского) отдела внешнеполитического ведомства Югославии А. Милатовичу. Дипломаты хорошо знали друг друга с 1949 г., когда оба действовали в Софии как офицеры разведки противоборствующих в то время стран. Шнюков зачитал Милатовичу вопрос: намерена ли Югославия направить на похороны И.В. Сталина официальную делегацию, и в этом случае сообщить ее возможный состав, требования к размещению в Москве. Милатович ответил, что в качестве официального представителя правительства Югославии выступит ее поверенный в делах Джурич. Выполнив свою миссию, советский дипломат не ушел, а завел разговор о необходимости улучшения взаимных отношений, что удивило его собеседника. В ходе беседы Шнюков высказал пожелание, чтобы югославские власти ослабили жесткий контроль, запрещавший передвижение сотрудников посольства далее городской черты, и попросил для себя и своих подчиненных разрешения на отдых «хотя бы в непосредственной близости от Белграда»¹⁴⁸.

Инструкции Джуричу относительно его присутствия на церемонии похорон в качестве официального представителя ФНРЮ и необходимости «придерживаться основных протокольных правил» были направлены в Москву вечером 8 марта, но не получены в посольстве вовремя¹⁴⁹. Однако глава югославской миссии решил присутствовать на похоронах на свой страх и риск. В отчете в Белград он сообщил, что отправился туда, «не получив инструкций», так как посчитал, что «это будет меньшей ошибкой, тем более что в последнее время в отношении посольства не было дискриминации с советской стороны»¹⁵⁰.

Если на дипломатическом уровне мягкое сближение двух стран выглядело очевидным и глава дипмиссии ФНРЮ в Москве чутко уловил это, то на уровне глубинных структур инерция конфликта давала себя знать. Югославская печать сохраняла критический подход в освещении советских сюжетов. Утром 9 марта в день похорон Сталина белградская газета «Политика» вышла с комментарием: «Кто бы ни получил власть, никто не будет иметь равную Сталину мощь и авторитет. Взаимная борьба в высших сферах власти должна подтолкнуть к размышлению те сознательные революционные силы, которые все еще должны существовать в СССР». Такой весьма прозрачный намек в центральной печати, а по сути, скрытый призыв к неповиновению высшему советскому руководству, являлся следствием инерции конфликта последних лет.

Подобные комментарии резко контрастировали со знаменательным жестом советской стороны в этот день. После заверше-

ния церемонии похорон Сталина заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик демонстративно протянул руку Джуричу, явно рисуясь перед остальными дипломатами. Югослав считал данный поступок настолько важным, что срочно сообщил о нем в Белград¹⁵¹. Среди запомнившихся в ходе траурной церемонии деталей Джурич заметил, что Берия постоянно находился рядом с Маленковым, тогда как Молотов «как будто бы намеренно не использовал свое право на третье место, а находился на противоположной стороне» от них среди других руководителей Советского Союза¹⁵².

Позднее, прочитав запоздавшую инструкцию Мичуновича о необходимости присутствовать на похоронах как представителю правительства ФНРЮ, Джурич немедленно запросил встречу с руководством Отдела протокола МИД СССР. Во время краткой беседы он сообщил, что присутствовал на церемонии похорон по указанию югославского правительства. Советский собеседник пообещал передать данное уточнение своему руководству, заметив, что на Смоленской площади знали об этом от посольства в Белграде и относились к Джуричу именно как к «специальному представителю югославского правительства»¹⁵³.

Вечером в подробном отчете о событиях прошедшего дня Джурич писал: «Многие дипломаты считают, что русским все же не удалось добиться той торжественности, которую следовало ожидать. Все же похороны прошли лучше, чем процессии граждан перед гробом Сталина в Колонном зале в эти дни. Утверждают, что поведение граждан во время прощания напоминало рыночную толкучку и не было ничего похожего на атмосферу преклонения по отношению к покойнику. Возможно, этого и не желали. Складывается впечатление, что Сталин начал мешать как только умер и поэтому его быстро похоронили. Во время торжественных мероприятий думали не столько о Сталине, сколько о необходимости для нового правительства показать себя сильным в той же самой мере, что и правительство при Сталине»¹⁵⁴.

Проявляемые Москвой в адрес Белграда знаки внимания продолжали оказываться и после 9 марта. Сразу после похорон Сталина в югославском посольстве получили приглашение (впервые за последние пять лет) посетить сессию Верховного Совета СССР. Курировавший отношения с «советским блоком» заместитель министра Мичунович согласился с присутствием Джурича на этом форуме. Вслед за этим 18 марта в Белграде положительно встретили и приглашение национальной баскетбольной команде принять участие в проходившем в Москве первенстве Европы¹⁵⁵.

Все аналитические службы Югославии, не занятые визитом Тито в Лондон, напряженно изучали любые поступающие из СССР сообщения. Внимание придавалось даже малейшим изме-

нениям в устоявшейся советской рутине. Это касалось как общего внешнеполитического курса, так и конкретных вопросов в двусторонних отношениях с другими странами. Д. Джурич, слушавший выступление главы советского правительства Г.М. Маленкова в Верховном Совете 15 марта, отметил в его речи не только традиционные заверения в верности миролюбивой линии в международных делах, но и слова о том, что «советская политика мира зиждется на уважении прав народов других стран как больших, так и малых, на соблюдении установленных международных норм». Внимание привлекла фраза о том, что «в настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами»¹⁵⁶. Как показалось Джуричу, Маленков «особой интонацией» выделил последние слова.

Все эти недели югославское руководство воздерживалось от публичных заявлений по поводу оценки ситуации в СССР и советско-югославских отношений¹⁵⁷. Тито нарушил молчание лишь в Лондоне, да и то сделал это не публично, но в ходе бесед с политиками Великобритании, содержание которых не стало достоянием западной общественности. Югославский лидер полностью опирался на телеграммы Джурича из Москвы. По результатам встреч с Тито У. Черчилль сообщал американскому президенту Д. Эйзенхауэру о том, что руководитель Югославии «придерживается здравого смысла..., твердо уверен, что смерть Сталина не сделала мир безопаснее, но полагает, что новый режим некоторое время будет осторожно вести дела». Британский премьер обратил особое внимание на данную Тито оценку соотношения сил внутри нового советского руководства: «Он отмечает расхождение между ними. Маленков и Берия держатся вместе, но Молотов завис...»¹⁵⁸

На публике же югославские руководители продолжали хранить молчание по поводу ситуации в Советском Союзе, ограничиваясь общими комментариями в случаях, когда таковых избежать невозможно. В частности, госсекретарь по иностранным делам К. Попович на пресс-конференции в Лондоне 20 марта 1953 г. в ответ на прямой вопрос журналистов отметил, что придает значение «воздействиям, оказываемым смертью Сталина» на улучшение отношений с советским правительством, однако не может обещать присутствующим то, что «это улучшение отношений наступит»¹⁵⁹.

Обмен мнениями в Лондоне о событиях в СССР позволил Тито точнее позиционировать Югославию в международной ситуации, которая начала складываться в мире после 5 марта 1953 г.

Из Лондона в Белград полетела телеграмма с предложением включить в текст выступления Карделя в Скупщине 23 марта абзац о том, что «Югославия не имеет никаких требований в отношении стран восточного блока, за исключением того, чтобы ее границы оставили в покое и уважали». Следовало подчеркнуть, что ФНРЮ «старалась до нынешнего дня, и будет стремиться в будущем, нормализовать, насколько это возможно, свои отношения с этими странами»¹⁶⁰.

В беседах с западными дипломатами Э. Кардель высказывался несколько пространнее. В тех случаях, когда собеседникам удавалось заинтересовать вице-премьера ФНРЮ своими вопросами или комментариями, он говорил предельно конкретно. Так, в ответ на изложение послом ФРГ в ФНРЮ Кроллом взглядов «боннских кругов» на ситуацию в Советском Союзе, Кардель, оговорив, что излагает «собственные взгляды», подробно охарактеризовал ее: «Хотя основные цели советской политики не будут меняться, последние события могут подтолкнуть русских к поиску компромисса». По его мнению, не следует ожидать кардинальных изменений («опасно иметь иллюзии»), но необходимо «...использовать всякую возможность и выиграть время, сохранить мир. Любая демонстрация твердости или уступка со стороны русских, всякое решение отдельного нерешенного вопроса с ними, неблагоприятно отразится на их внутреннем положении, что в дальнейшем улучшит шансы на упрочение мира». Считая важными слова германского посла об ошибочной политике Запада, предлагающего народам Восточной Европы прежних правителей, Кардель обратил внимание собеседника на идеологические разногласия между советским и югославским руководством. Он предлагал использовать Югославию в качестве «тарана» для разрыхления «советского блока». «Человек № 2» в югославском руководстве говорил также и о «рабочем самоуправлении», предложив его в качестве альтернативы американской «политике освобождения». «Русские уже давно полемизируют с нами, но нас не упоминают», – заметил он. На его взгляд, «тот, кто в сателлитских странах предлагает рабочим возвращение прежних хозяев, конечно, будет там плохо принят. Тот же, кто предложит ввести рабочее самоуправление, будет иметь успех». «В этом, – подчеркнул Кардель, – важность роли Югославии в борьбе против советской агрессивной политики»¹⁶¹.

Первые несколько недель после смерти Сталина с целью ознакомления с материалами советских СМИ узкого круга югославского руководства в Югославии издавался специальный бюллетень¹⁶². В нем тщательно анализировались и общий внешнеполитический курс Советского Союза, и реакция на него Запада.

Особенностью ситуации считалось отсутствие прямых выпадов в сторону Белграда в высказываниях высших советских лиц, и не столь уж частое их появление в центральной прессе. 5 апреля 1953 г. «Правда» в Москве на последней странице анонсировала очередной номер газеты «За социалистическую Югославию» — «орган Союза югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито–Ранковича и империалистической неволи». Среди материалов выделялись: «Белградский палач в гостях у английских правителей» и «Титовские провокации на границах стран народной демократии». Подобное повторилось и в выпуске «Правды» от 19 апреля¹⁶³.

На обратном пути из Лондона Тито продолжил работу над определением югославской позиции в новых условиях. Длительное молчание он нарушил 31 марта на митинге в Белграде. Ссылаясь на свое «знакомство с людьми и ситуацией» в СССР, президент отметил, что не верит в возможность начала войны новыми советскими руководителями: «Они постараются хотя бы в какой-то мере найти выход из того положения, в которое попали в результате своей послевоенной международной политики. Я верю в это. Мы в Югославии будем счастливы, если они когда-нибудь признают свою ошибку в отношении нашей страны. Нас бы это обрадовало. Мы будем ждать, мы будем смотреть»¹⁶⁴.

Югославское руководство не ограничилось публичным высказыванием своих ожиданий, озвученных Тито в последний день марта 1953 г., но готовилось к возможным практическим шагам со стороны Кремля. В преддверии ожидаемых встреч вновь назначенного министра иностранных дел СССР В.М. Молотова с главами иностранных посольств в Москве и приема им представителя ФНРЮ во внешнеполитическом ведомстве Югославии подготовили указания Джуричу, используя для этого недавние публичные высказывания высших югославских руководителей. Заместитель союзного секретаря по иностранным делам ФНРЮ А. Беблер предписывал ему в предстоящем разговоре с Молотовым «в подходящей форме» выразить желание югославского правительства нормализовать отношения таким образом, чтобы прежде всего происходило решение конкретных и менее спорных вопросов¹⁶⁵.

Двумя днями позже в закрытом информационном бюллетене внешнеполитического ведомства, распространяемом для информации и инструктажа персонала дипломатических представительств ФНРЮ за рубежом, появился материал «Визит в Великобританию Председателя Республики Маршала Тито»¹⁶⁶. В нем отмечалось совпадение внешнеполитических подходов лидеров двух стран, выявленное в ходе двусторонних встреч: «Черчилль и Иден согласились с оценкой тов. Тито об опасности для мира

пропаганды любой превентивной войны, которая... сплачивает ряды руководителей СССР и их сателлитов, откладывает проявление существующих между ними противоречий и вызывает в народных массах этих стран чувство нависшей над ними угрозы». В тексте также указывалось: британское руководство заверило тов. Тито, что ответственные чиновники в американской администрации не являются сторонниками превентивной войны, хотя Черчилль и допускал возможность резких шагов со стороны США с тем, чтобы «вывести ситуацию на чистую воду».

В материале подчеркивалось: одной из основных целей внешней политики Югославии после 1948 г. было получение максимальных гарантий Запада в том, что она не останется в одиночестве в случае агрессии со стороны СССР и стран-сателлитов, при этом не будет жертвовать ничем из своей независимости, т.е. получит согласие на то, что «мы не вступаем в Атлантический пакт». В статье утверждалось: в Лондоне не только никто не требовал присоединения ФНРЮ к НАТО, но «даже назывались причины, по которым нам не следует в него входить». Особое внимание читателей обращалось на отказ британских лидеров от «тезиса о допустимости локальной войны, означавший, что нам удалось достичь значительного успеха в направлении получения необходимых гарантий». Документ завершался выводом: визит в Лондон «представляет завершение этапа укрепления международного положения Югославии и решительный вклад в ее безопасность и независимость»¹⁶⁷.

На следующий день югославское руководство высказалось о событиях в Советском Союзе в публичной форме. В выступлении на митинге в городе Крагуевац 7 апреля Э. Кардель упомянул о происходящих в СССР «изменениях» и заявил, что «несмотря на то что все они сами по себе не имеют большого значения, они важны тем, что производят впечатление об имеющемся у советского правительства намерении отречься от старой сталинской политики». Причины совершающихся в СССР перемен Кардель охарактеризовал туманной фразой: новое советское руководство вынуждено делать уступки «серьезному сопротивлению трудящихся масс бюрократическому деспотизму и иностранной империалистической экспансии», – не уточняя, было ли это сопротивление югославских трудящихся или же имеются в виду некие трудящиеся в самом Советском Союзе. Митинговая форма высказываний позволяла не уточнять формулировку. Действия Югославии на протяжении последних лет Кардель назвал верными – страна выстояла «как один человек на позициях социализма и сейчас сильнее, чем когда-либо в прошлом; а те, кто издавал антиюгославские резолюции, оказались в сложной внутривосточной ситуации»¹⁶⁸.

Вслед за этим в Белграде был выработан детальный план действий, направленных на извлечение более ощутимых результатов из знаков внимания, оказываемых советской стороной. В развитие телеграммы А. Беблера Джуричу от 4 апреля, руководитель политического отдела Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ А. Милатович рекомендовал посольству в Москве иногда выдвигать инициативы, касающиеся периферийных проблем в двусторонних отношениях, с тем чтобы определить реакцию советского руководства. Он также детально проинструктировал посольство относительно действий по сбору информации в Советском Союзе¹⁶⁹.

«Вопросы, которые нас интересуют в связи с последними изменениями в СССР, – неисчерпаемы. Чтобы найти на них ответы, следует по возможности использовать как можно больше источников», – рекомендовалось в документе ГСИД. Особое внимание было приказано уделять «выявлению позиции и намерений СССР в отношении Югославии». Для этого следовало «внимательно изучать отношение к дипломатам посольства со стороны сотрудников госбезопасности, занятых слежкой за ними, поведение МИД, Протокольного отдела и Бюробина (Бюро по работе с иностранцами МИД СССР. – А.Е.), отношение русских к сотрудникам посольства Югославии на тех приемах, где они присутствуют, поведение представителей стран-сателлитов и т.д., оценки прессы, радио и пр.» В Белграде даже советовали «время от времени просить разрешения на организацию загородных пикников, посещение традиционных для визитов дипломатического корпуса мест, внимательно отслеживая реакцию русских». Особо оговаривалась необходимость «получения разрешений на поездки на поезде в Ленинград, Варшаву, Хельсинки, Тегеран». «Словом, от советского МИД следует как можно больше требовать, – указывалось в инструкции, – и, если разрешения получены, отправляться в путь на автомобиле или поезде (в Белграде считали необходимым “требовать этого, ссылаясь на льготы, предоставляемые другим дипломатам”), ибо это сделает возможным получение качественной информации в результате личного наблюдения».

Интересовала Белград и советская реакция на ряд последних ключевых акций югославского руководства во внешней и внутренней политике. «Для изучения сегодняшней позиции советского правительства в отношении Югославии, – рекомендовалось в инструкции, – необходимо обратить особое внимание на его реакцию на Балканский пакт, поездку товарища Тито в Лондон и последнее решение правительства в связи с крестьянскими трудовыми кооперативами. Следует внимательно изучить: произошли ли какие-либо изменения (какие и в какой мере) в остроте и тематике советской пропаганды по отношению к нашей стране».

Милатович настоятельно просил «оповещать о всяком, даже и самом незначительном изменении позиции советского МИД в отношении Югославии»¹⁷⁰.

Интерес югославы к изменениям в Москве был не пустым. За фасадом структурных и персональных перестановок на вершине власти, шагами в сфере культурной политики и другими событиями, в частности сообщением МВД СССР об амнистии врачей-отравителей, скрывалась определенная политическая линия. В стране шла первая волна антисталинской критики, начатой новым руководством буквально через несколько недель после смерти вождя. Как вспоминал писатель К.М. Симонов, в апреле 1953 г. вскоре после официального объявления о фальсифицированности «дела врачей», членов и кандидатов в члены ЦК пригласили в Кремль, рассадили по нескольким комнатам и предложили ознакомиться «с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с “врачами-убийцами”, с показаниями Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы – и так далее, и тому подобное...» Как утверждал Симонов, «идея предоставить членам и кандидатам в члены ЦК эти документы для прочтения принадлежала, несомненно, Берии, именно он располагал этими документами, и впоследствии выяснилось, что так все и было»¹⁷¹.

Нечто сходное происходило и в советско-югославских отношениях. Апрель 1953 г. стал месяцем поиска путей к нормализации связей. Однако дело осложнялось сохранением антиюгославской инерции в советском руководстве. У большинства из сталинских наследников, принимавших политические решения весной 1953 г., отношение к югославам оставалось подозрительным и устойчиво отрицательным. Все они, за малым исключением, участвовали в антиюгославской травле последних лет. Новый руководитель правительства Г.М. Маленков, как и его заместитель и министр иностранных дел В.М. Молотов, плохо подходили для нового курса «на югославском направлении». Маленков принимал самое активное участие в решениях Коминформа по югославскому вопросу; Молотов также был в передовом отряде критиков «фашистской клики Тито–Ранковича».

На роль инициаторов нового курса Кремля в отношении титовцев могли претендовать разве что Берия и Хрущев, которые не особенно выделялись в публичной критике югославского руководства. Постепенно входящий в силу новый лидер КПСС Н.С. Хрущев до конца 1949 г. занимался преимущественно вопросами Украины и не имел прямого отношения к самым мрачным моментам советско-югославского разрыва 1948–1949 гг. Л.П. Берия, загруженный после 1945 г. стратегическими проектами развития советского военно-промышленного комплекса и

сохранявший полученное им в годы Второй мировой войны влияние над сферой разведки и контрразведки, из донесений резидентур в ведущих западных странах, не мог не видеть, что Тито придерживался независимых позиций в отношениях с Западом. Впрочем, и тот и другой с готовностью вступили в общий хор осуждения Белграда, включив в свои выступления на юбилейных торжествах по случаю 70-летия Сталина в декабре 1949 г. антиюгославские пассажи¹⁷².

В историографии имеется достаточно свидетельств о первых попытках нормализации советско-югославских контактов, среди которых самые невероятные сведения были добыты дипломатами МИД Франции. Наиболее ярким из них можно считать сообщение французского посольства в Женеве о двух ставших им известными попытках югославов установить связь с Москвой по неким «секретным каналам». Сначала, по данным французов, Белград попытался начать обсуждение груза накопившихся проблем в двусторонних отношениях через посла в Индии, а затем – при помощи так называемых югославов-интернационалистов из московской группы испанских добровольцев (участников военных действий в Испании в конце 30-х годов, оставшихся в Москве после конфликта 1948–1949 гг. – А.Е.), якобы безуспешно пытавшихся через московскую парторганизацию довести до советского руководства идею создания совместной комиссии по обсуждению двусторонних проблем¹⁷³.

Многочисленность подобных слухов, витавших во внешнеполитических кругах в этот период, в Белграде было принято объяснять советскими намерениями ослабить связи Югославии с Западом. Однако в равной мере не стоит исключать возможности зондажа со стороны Тито. Будучи весьма осведомленным о механизмах работы советской бюрократической системы, он желал лишь убедиться в правильности некоторых своих гипотез с тем, чтобы лучше понять реальную расстановку сил в Кремле. Впрочем, все эти версии еще не нашли подтверждения в доступных в настоящее время югославских архивных материалах.

До определенной степени документально подтверждена лишь советская инициатива (как считали сами югославы в апреле 1953 г., и их мнение разделяет ряд современных зарубежных исследователей) встречи Молотова с поверенным в делах Югославии Джуричем, которая состоялась в результате настоятельного посредничества главы дипломатической миссии Финляндии в Советском Союзе. В апреле финский посол Сундестрем трижды за менее чем двухнедельный период разговаривал с Джуричем о советско-югославских отношениях.

Первая беседа произошла 8 апреля 1953 г. после завершения приема по поводу годовщины советско-финского договора в по-

сольстве Финляндии, на который в числе прочих дипломатов был приглашен и руководитель югославской миссии в Москве. Он состоялся в присутствии глав дипмиссий Греции, Норвегии и Канады, задержавшихся после отъезда основной части гостей. Джурич сообщил о беседе в Белград следующим образом: Сундестрем «известен близостью к русским. Он был немного подшофе... Он гарантирует потепление отношения Советского Союза к нам и твердо уверен, что это случится уже в ближайшие дни. Он настаивал несколько раз, чтобы я сделал шаг в этом направлении, так как теперь мой черед, а русские это примут, чему имеется достаточно признаков, и в ближайшие дни я смогу убедиться в этом. Он не стал развивать эти утверждения, но убеждал меня упорно. У меня сложилось впечатление, что он говорил, по меньшей мере, по косвенному совету русских»¹⁷⁴.

Данная телеграмма вызвала живой интерес в Белграде. При ее обсуждении эксперты советского направления внешнеполитических служб Югославии согласились с тем, что финн «говорил со слов русских». Один из них, прочитав донесение, написал на полях документа следующее: если Джуричу «кажется, что русские через финна действительно стараются что-то предпринять, следует сообщить ему, чтобы он воспользовался такой возможностью и узнал что-либо конкретное»¹⁷⁵. Одновременно с сообщением о словах «финна» Джурич уведомлял отдельной шифрограммой (оба донесения были приняты в Белграде в одно время) о том, что «в дипкорпусе в эти дни распространяются слухи, их источник я не знаю, что уже произошли изменения по отношению к нам. Я отвечаю, что мы, как и всегда, хотим улучшения отношений, но реальных сигналов об этом нам не поступало»¹⁷⁶.

10 апреля в ответе на сообщение Джурича о слухах А. Беблер указал, что они «распространяются, чтобы прощупать наш пульс. Следите за этим и, по возможности, узнайте источник. До настоящего момента нет изменения в отношении к нам»¹⁷⁷. 11 апреля был дан ответ и на сообщение из Москвы о словах Сундестрема: «Мы согласны с вашим предположением о возможном совете (советской стороны. – А.Е.), сделанном через финна. Было бы очень интересным узнать что-либо конкретное о подоплеке и намерениях этого предложения, а также и перспективах того, кто якобы за ним стоит». Джуричу предписывалось «не проявлять при этом особого любопытства»¹⁷⁸. Через несколько дней внешнеполитическое ведомство ФНРЮ, передав в посольство в Хельсинки содержание телеграммы Джурича, приказало разузнать в правительственных кругах Финляндии, сообщал ли финский посланник в Москве что-либо об этом своему правительству¹⁷⁹.

После разговора 8 апреля Сундестрем еще раз мимолетно интересовался у Джурича о новостях в отношениях между Москвой

и Белградом, а 21 апреля состоялась еще одна его обстоятельная беседа с югославским дипломатом, который особо отметил, что его собеседник «удивился тому, что ничего не происходит, ибо логика событий позволяла ожидать этого». Сундестрем высказал предположение, что «дело в том, кто сделает шаг первым». «Он пожурил меня за то, – сообщил Джурич, – что я не просил о встрече с Молотовым и спрашивал, есть ли у меня что ему сказать, ибо вне всякого сомнения он (Молотов. – А.Е.) ответит позитивно»¹⁸⁰. Слова об «укоре» не прошли незамеченными в Белграде, а сама телеграмма дипломата из Москвы вызвала недоумение у его белградских коллег, удивленных тем, что тот продолжает затягивать с протокольным приемом у Молотова¹⁸¹.

22 апреля в центральной советской печати были опубликованы первомайские призывы. Их изучение позволило посольству ФНРЮ в Москве сделать вывод, что «по сравнению с прежними тон этих первомайских лозунгов более примирителен, и они соответствуют новым шагам правительства. Из 12 внешнеполитических на первом плане призывы к миру. Лозунги о корейском, немецком и японском народе очищены от выражений “империалистический”, “агрессоры”» и т.п. В числе 35 призывов, посвященных внутренним проблемам, в посольстве отметили совершенно новые (о правах граждан, единстве партии, правительства и народа и укреплении национального государства). Партия больше не «организатор и вдохновитель всех побед», а «направляющая и руководящая сила», указывалось в донесении. Было отмечено также отсутствие лозунга против Югославии¹⁸². Для внимательных наблюдателей, которые могли сопоставить данный документ с прошлогодним, это был признак существенного изменения в официальной советской позиции (в 1952 г. уже в седьмом призыве к советским трудящимся ЦК ВКП(б) приветствовал «славных патриотов Югославии, ведущих освободительную борьбу против фашистского режима клики Тито–Ранковича, за независимость своей Родины, за сохранение мира»).

Тем не менее глава югославской дипмиссии в Москве не спешил с визитом к Молотову. Лишь 25 апреля Джурич очень аккуратно, через одного из младших дипломатов посольства, дал понять, что желал бы встретиться с министром иностранных дел СССР. Секретарь посольства Божич сообщил в Отдел протокола МИД СССР о том, что «министр Джурич, поверенный в делах ФНРЮ, намерен нанести визит вежливости министру иностранных дел г-ну Молотову»¹⁸³. 27 апреля Божич получил ответ по телефону о согласии министра на встречу 29 апреля¹⁸⁴. Джурич незамедлительно сообщил об этом руководству, указав на необычное поведение советской стороны, пообещавшей встречу с Молотовым «в самое ближайшее время». «С другими поступали

иначе, – заметил он, – их держали длительное или краткое время в ожидании и сообщали о встрече за несколько часов до приема»¹⁸⁵.

Странное посредничество финского дипломата в налаживании советско-югославских контактов происходило параллельно с обсуждением в советских верхах югославского вопроса. Пикантность ситуации состояла в том, что инициатива такого обсуждения также имела «скандинавский след». 19 апреля 1953 г. советский военный атташе в Швеции И.В. Чумак, имевший более чем десятилетний опыт разведывательной работы на Балканах в 40-е годы, отправил в Президиум ЦК КПСС письмо о целесообразности изменения советской позиции по отношению к «решению югославской проблемы»¹⁸⁶.

Автор письма (хотя и прикрываясь несколькими цитатами Сталина) четко аргументировал свои взгляды. «Отлив движения и упадок революции в Югославии налицо, – считал он. – Действительность показала, что клика Тито всеми правдами и неправдами сумела закрепиться у власти и выдержала примененную против нее тактику прямого удара. Сумела удержаться она главным образом применением террора и насилия над своим народом, но, несомненно, сыграло роль в этом деле также то моральное расстройство, которому клика непрерывно подвергает народ Югославии». Чумак предостерегал: «Продолжая действовать старыми тактическими приемами, мы будем топтаться на месте и не используем всех возможностей для того, чтобы сделать все же 16-миллионный югославский народ резервом нашего лагеря». Он полагал, что «в настоящих условиях было бы полезно рассмотреть возможность перехода на тактику восстановления наших позиций в этой стране». Автор послания предложил и «первые конкретные мероприятия»: «Направить в Югославию нашего Посла, выделив для этого государственного деятеля, способного обыграть клику и посеять изнутри ее распри в вопросе отношения к нам: добиться восстановления в стране в полном объеме наших аппаратов Посольства, Торгпредства, Военного Атташе, ТАСС, Совинформбюро и обеспечить их активную деятельность». Чумак выражал уверенность в том, что «при достаточно гибкой работе в стране в дальнейшем может быть возобновлена деятельность наших консульств в западных областях Югославии, организован выпуск и распространение в стране информационного журнала нашего Посольства и даже восстановление деятельности югославско-советского общества культурной связи».

Автор этих рекомендаций предлагал использовать благоприятную международную ситуацию, сложившуюся весной 1953 г. По его мнению, изменение советской тактики «произошло бы более-менее незаметно и без особого шума. Под общим впечат-

лением смягчения международного положения мы могли бы, почти не поступаясь нашим принципиальным отношением к клике Тито, затруднить ей моральное растление народа Югославии, способствовать поддержанию в югославском народе просоветских и прорусских настроений и начать “вбивание клина” в дружбу клики с Западом». Полковник Чумак ясно очертил и конечную цель перечисленных шагов, указав, что «полное изменение» советской тактики «способствовало бы росту внутренних сил сопротивления предательской политике клики Тито и помогло бы созданию в стране уже через 2–3 года условий, подходящих для разрешения югославской проблемы на новой основе».

Исследователи уже высказывали предположение, что подробно процитированный нами документ стал предметом обмена мнениями в советских верхах в конце апреля¹⁸⁷. Письмо Чумака полностью отвечало сформировавшимся к тому времени соображениям о необходимости пересмотра прежнего курса в отношениях с Югославией и их нормализации. Поэтому оно попало на благоприятную почву, а самого его автора предполагалось использовать на ответственной работе в ФНРЮ или в центральном аппарате МИД в Москве¹⁸⁸. Вероятно, именно по этим причинам советник Божич так быстро получил четкий ответ Отдела протокола МИД СССР с согласием о приеме Молотовым поверенного в делах Югославии Джурича.

Встреча главы югославской миссии в Москве с Молотовым состоялась 29 апреля 1953 г. В историографии принято считать, что югославский дипломат в течение всех пятнадцати минут встречи отмалчивался. Исследователи объясняли это тем, что Джурич не получил соответствующих инструкций из Белграда¹⁸⁹. Однако два его сообщения (подробная телеграмма – послана сразу же после беседы¹⁹⁰, и отчет – составлен несколько позднее¹⁹¹), отправленные туда, свидетельствуют, что собеседники использовали предоставленную им возможность для свободного обмена мнениями по весьма широкому кругу вопросов и югослав говорил ничуть не меньше, чем его высокопоставленный визави. Годы острого конфликта последних лет сказывались на восприятии югославским дипломатом этой беседы: он стремился зафиксировать и передать руководству все мельчайшие детали встречи. В частности, он не упустил из виду: Молотов избегал словосочетания «правительство Югославии», а говорил лишь о Югославии, что могло означать неприятие собеседником этого правительства. Дипломат же, как он заметил в своем отчете, «постоянно вместо Югославии говорил “наше Правительство”». Тем не менее это не испортило общего впечатления. Автор отчета сделал вывод: министр принял его необыкновенно любезно и дружески, избегая обычных ранее конфронтационных заявлений.

Джурич также обратил внимание на такую подробность: они «смотрели друг другу прямо в глаза».

Уже в самом начале разговора Молотов подчеркнул общность интересов двух стран в обеспечении мира. В ответ временный поверенный в делах ФНРЮ в СССР заявил о мирных усилиях республики на мировой арене, указав, что его правительство «в соответствии с таким своим подходом к вопросу о мире, желает нормализовать отношения между Югославией и Советским Союзом». Далее собеседниками были обсуждены достаточно подробно двусторонние связи. Когда Джурич заявил о желании югославского правительства «нормализовать отношения», ему показалось, что Молотов «как-то неопределенно соглашался». Югославский дипломат отметил в отчете: «На вопрос, как я это вижу, я сказал: решением отдельных спорных вопросов из предыдущих времен. Он сразу же согласился, что это лучший путь, и предложил, чтобы я перечислил некоторые из них». После того как Джурич привел несколько примеров, Молотов без гнева ответил на каждый. Относительно дискриминации дипломатов из ФНРЮ в советской столице министр «кратко и достаточно убежденно сказал, что ее нет и не будет, но вместе с тем ее не отрицал. Относительно слежки за дипломатами сказал, что не знает, но полагает, что советские органы интересуются нами никак не больше, чем остальными иностранцами». Когда же Джурич посетовал на то, что по линии консульских связей югославская сторона не получает ответа на направляемые ею ноты, Молотов пообещал разобраться в сложившейся ситуации. Относительно ограничения передвижения персонала посольства ФНРЮ он заметил, что в соответствии с решением правительства это общая практика для дипломатов иностранных государств. Джурич также отметил, что «при прощании Молотов сказал, что готов меня всегда принять для того, чтобы в личной встрече снимались отдельные вопросы».

Собеседники смогли обменяться мнениями и о внешнеполитических проблемах. Замечания советского министра свелись, в основном, к тому, что вступление Югославии в Балканский пакт не способствовало укреплению ее безопасности. Когда же Джурич указал на мирный характер данного договора, «Молотов недоверчиво улыбнулся». Югославский дипломат отметил еще одну особенность беседы: советский министр весьма своеобразно отреагировал на его замечание о том, что в Балканский пакт «могут войти и другие страны». (В телеграмме Джурич сообщил, что им было заявлено буквально следующее: «Пакт открыт для присоединения и других стран, к нему могут, к примеру, присоединиться Болгария, Румыния, Албания или Финляндия, или любая другая страна, которая бы согласилась с его содержанием и

имела практический интерес». После этой тирады Молотов «удивленно посмотрел и благодушно заметил, что он не знакомился детально с этим вопросом, чтобы утверждать, насколько здесь затронуты интересы Советского Союза, но теперь это делает». Дипломату показалось, что министру явно понравилась его фраза о том, что при создании Балканского пакта подход ФРНЮ отличался от взглядов Греции и Турции, однако в конечном итоге обе страны «полностью согласились с оценкой и позицией нашего правительства»¹⁹².

Тем не менее такое событие, как прием 29 апреля 1953 г. Молотовым поверенного в делах ФРНЮ в Советском Союзе Джурича, воспринятый среди аккредитованных в Москве дипломатов в виде сенсации¹⁹³, не стало поворотным пунктом в двусторонних контактах. У встречи имелся достаточно противоречивый общий внешний контекст, ибо в этот день вышел из печати очередной номер еженедельника «Новое время» с прежним набором антиюгославских клише. «Трудящиеся Югославии не хотят умирать с голоду ради осуществления авантюристических планов Тито – этого наймита империалистов», – утверждалось в одной из статей еженедельника¹⁹⁴. На состоявшейся несколькими днями ранее (23–35 апреля) в Бухаресте 1-й конференции «Союза югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито–Ранковича и империалистической неволи» (СЮП) все документы – тексты приветствий Информбюро коммунистических и рабочих партий Центральному Комитету Румынской рабочей партии, вступительное слово при открытии конференции, доклад председателя СЮП Попиводы и принятые решения были подготовлены с использованием резолюций Информбюро.

В свою очередь, в Югославии также во многом сохранялись прежние подходы как в силу конфронтационной инерции, так и ввиду того, что ее руководство предпочло широко использовать сообщения об изменениях в СССР для укрепления своих внутриполитических позиций и оттенения собственной неустрашимой стойкости в недавнем конфликте. Так, в югославских комментариях советских событий, например об амнистии «врачей-отравителей», подчеркивалось, что этот «случай не следует толковать как отрицание злодейских методов и практики, но как сиюминутный маневр, который в данной ситуации навязан прежде всего внутренними факторами, отличающими новое положение в СССР»¹⁹⁵. В первоммайском обращении Центрального совета Союза профсоюзов Югославии указывалось, что югославским трудящимся приходится «упорно преодолевать препятствия и устранять различные преграды, несмотря на трудности, которые являются результатом нашего бурного развития или агрессивного да-

вления, оказываемого на нас Советским Союзом и подчиненными ему странами»¹⁹⁶.

Вслед за встречей Молотова с Джуричем 29 апреля продолжали проявляться и другие внешние признаки движения к нормализации двусторонних отношений¹⁹⁷. В ЦК СКЮ обратили внимание на то, что перед приездом участников международной встречи движения сторонников мира, состоявшейся в Будапеште 5–6 мая 1953 г., на зданиях железнодорожного вокзала оказались сняты антизападные и антиюгославские карикатуры, из витрин книжных магазинов были удалены брошюры, осуждающие югославское руководство¹⁹⁸.

Ответные жесты Белграда не заставили ждать. 5 мая 1953 г. глава внешнеполитического ведомства Югославии пригласил представителя советского посольства принять участие в организуемом торжественном приеме по случаю дня югославской молодежи, традиционно совмещенного с днем рождения Тито. 9 мая на церемонии возложения венков на могилы павших советских солдат во время Второй мировой войны от посольства СССР присутствовал представитель (начальник Протокольного отдела) ГСИД ФНРЮ. Правда, и советские дипломаты оповестили югославскую сторону заблаговременно – за несколько часов до начала церемонии, в отличие от прежних лет, когда такое оповещение происходило всего лишь за несколько минут до события. Эти факты были замечены и обсуждались аккредитованными в Белграде дипломатами¹⁹⁹.

Новые веяния в советско-югославских отношениях нашли отражение и в содержании внутренних рабочих документов МИД СССР, в том числе в материалах Комитета информации, эксперты которого поменяли свой подход к Югославии и всем связанным с ней сюжетам. Они стали более объективно относиться к получаемым из Югославии сообщениям. В частности, внимание аналитиков советского МИД привлекла белградская газета «Борба», где появился отчет о выступлении Карделя на съезде Социалистического союза трудового народа Словении. В разделе этого выступления, посвященном экономическим сюжетам, сотрудники Комитета отметили заявления «об ошибочных взглядах, являющихся результатом нашего чрезмерного страха перед капиталистическими тенденциями». Эксперты выделили слова Карделя о том, что «социалистический сектор в нашей экономике занимает абсолютно доминирующее положение, что позволяет ему преобразовывать всю экономическую жизнь по-своему – притом экономическими средствами». Выделялись такие, например, заявления: «Индивидуальный сельский производитель, работающий на своей земле, ни в коем случае не является классовым врагом или какой-либо общественной опасностью для соци-

алистической экономики»; «Социалистическое общество не видит необходимости ни теперь, ни в будущем экспроприировать крестьянина бедняка или середняка, будь то прямыми или косвенными методами... загонять его в кооперацию или какую-либо другую экономическую организацию, в которых он экономически не заинтересован и которые ему не могут принести пользу»; «Социалистическое общество должно предоставить единоличному крестьянину свободу действий и в рамках его экономических возможностей помочь ему»; «Для самих богатеев будет лучше, если они приспособятся к интересам социалистического общества»²⁰⁰.

В другом подобном материале – в интервью руководителя центральной комиссии по новой экономической системе ФНРЮ В. Беговича – аналитики Комитета информации МИД СССР выделили слова о том, что «самоуправляющиеся коммуны при новой экономической системе будут иметь прочную экономическую базу», а «упорядочение рынка и развитие свободного товарообмена являются главной причиной введения новой экономической системы»²⁰¹. Акцентирование внимания на таких сюжетах показывало, что эксперты Комитета информации пытались, по меньшей мере, спрогнозировать тенденции развития теоретических изысканий ведущих югославских руководителей, оттеняя в них социалистический характер югославской экономики. Можно предположить, что выделение подобного рода материалов служило не только показателем более трезвого подхода к оценке положения в Югославии и стремления серьезно разобраться в происходящем там, но и свидетельством того, что потребители данного материала на Смоленской площади разделяли реформаторские веяния советского руководства весны 1953 г., пытаясь внести свой посильный вклад посредством обсуждения тенденций мирового развития и вырваться из руслу жестких догматов сталинского времени.

Самым ярким примером изменения советского подхода в югославском вопросе стало отношение одного из экспертов Комитета информации МИД СССР к сообщению корреспондента итальянской газеты «Аванти» из Белграда от 9 мая, переданному по каналам ТАСС. В статье, со ссылкой на «просочившиеся из авторитетных и весьма близких к МИД Югославии источников», сообщалось о состоявшемся (как указывалось в статье. – А.Е.) в первых числах апреля совещании «для рассмотрения международного положения» с участием Тито, Карделя, Ранковича, Гошняка и Джиласа. Его участники «исходили в своих решениях из предпосылки, что мирное разрешение корейской проблемы, по-видимому, благоприятно отразится на возможности общего ослабления международного напряжения, поставив в довольно за-

труднительное положение Тито и его клику». В материале, со ссылкой на мнение Тито, утверждалось, что «для Югославии в этом случае возникнет ряд сложных проблем, поскольку экономическая структура и политический режим страны организованы в соответствии с политическими и военными планами западных стран в предвидении агрессии против СССР». Далее констатировалось, что «совещание признало необходимым дать указания югославским представителям в США, Англии и Франции, чтобы они встретились с руководителями этих стран и сообщили им об опасениях Югославии в связи с новым курсом на ослабление международного напряжения». Набор перечисленных антиюгославских тезисов дополнялся следующим утверждением: «Одновременно с этим югославские руководители сочли необходимым не ослаблять напряженного положения на границах с Албанией, Болгарией, Румынией и Венгрией, а, наоборот, усилить и увеличить число пограничных инцидентов»²⁰².

Показательной в новых условиях стала реакция на информацию ТАСС одного из аналитиков мидовского Комитета. Эксперт сначала внимательно подчеркнул многие из ключевых тезисов, вероятно, в надежде использовать их в своей работе, а затем крест на крест перечеркнул текст тщательно проработанной им статьи²⁰³. Подобный жест означал либо то, что к этому времени появилась прямая установка со стороны непосредственного руководства отказаться от использования этого материала, либо в Комитете информации МИД знали, что на продукцию, созданную на подобной основе, «спроса» в высшем руководстве страны уже не будет.

10 или 11 мая (а именно тогда могла вестись работа над документом) стал знаковым днем: советское руководство приняло решение о направлении нового главы дипломатического представительства СССР в Белграде С.П. Кирсанова в должности советника в ранге посланника, освободив занимавшего ранее эту должность Г.П. Шнюкова²⁰⁴. До этого назначения Кирсанов почти десять лет, с 1939 по 1948 г., с небольшими перерывами проработал в советском посольстве в Софии, дослужившись до посланника, в 1949–1950 гг. возглавлял IV Европейский отдел МИД, а с 1950 по 1953 г. находился на ответственной работе в центральном аппарате министерства. Не следует исключать, что именно весть об этом назначении оказала влияние на столь характерную реакцию эксперта.

Правящие круги Югославии по поводу отношений с Советским Союзом продолжали хранить неопределенное молчание. После своего выступления 31 марта Тито воздерживался как от публичных высказываний по международным проблемам, так и от встреч с послами. В тех случаях, когда югославским руководи-

телям все же приходилось заводить разговор об отношениях с «Востоком», они предпочитали высказываться аллегориями и в самой общей форме. 17 мая Тито заявил, что «Югославия никогда не будет игрушкой в руках чужих сил с разными империалистическими аппетитами»²⁰⁵. С учетом установок последнего съезда СКЮ об империалистической политике Советского Союза это высказывание можно было трактовать в равной мере как антизападное, так и как антисоветское.

Молчание югославских лидеров было неслучайным. По всей вероятности, Тито считал возможным и необходимым скорректировать вынужденный прозападный крен югославского внешнеполитического курса последних лет. Ситуация для этого казалась благоприятной. Несколько улучшившуюся атмосферу отношений с Советским Союзом югославы постарались обратить себе на пользу, стремясь получить определенные свидетельства серьезности советских намерений и решить некоторые застарелые проблемы, которые накопились в двусторонних отношениях. Воспользовавшись заседанием Красного Креста в Женеве, югославские представители подняли вопрос о репатриации югославских воспитанников, находившихся в СССР в военных училищах. Однако на форуме прозвучало требование о возвращении не будущих офицеров, а «югославских детей», и эти шаги были заблаговременно проанонсированы в югославской печати²⁰⁶.

12 мая в посольстве ФНРЮ в Москве сделали вывод, что среди советских руководителей преобладает течение, выступающее за нормализацию отношений с Югославией²⁰⁷. В тот же день заместитель министра иностранных дел СССР Зорин запросил у Джурича визу для Кирсанова. В течение нескольких следующих дней подвижки в контактах были продолжены. 14 мая посольство ФНРЮ в Москве уведомило ГСИД, что после встречи Джурича с Молотовым советская сторона дала ответ на три ноты по консульским вопросам²⁰⁸, а это фактически означало отсутствие поводов для задержки визы Кирсанову. 16 мая глава югославской дипмиссии передал в Белград, что после встречи с Молотовым за ним прекращена слежка и уже как несколько дней ее не замечают и его подчиненные²⁰⁹. 19 мая Джурич сообщил, что «уже пять дней посольство охраняет только один милиционер», тогда как ранее, с 1948 г., их всегда стояло двое, ибо выход из здания ведет к двум улицам²¹⁰.

Хотя в этот период сам Тито избегал давать характеристики новым советским лидерам, негативные оценки положения в СССР появлялись в Югославии довольно регулярно. Пресса продолжала помещать резко отрицательные отзывы о Советском Союзе, отказывая ему в признании социалистического характера общественно-экономического устройства, и давала довольно

прохладные характеристики внешнеполитическим инициативам Москвы. Явно недружественные оценки срывались с уст и ближайших сторонников Тито.

17 мая в газете «Борба» на первой полосе появился материал М. Джиласа «Идеологические войны». Автор довольно туманно повторил тезис югославской пропаганды начала 50-х годов: «В сравнении с идеями любой из империалистических держав-завоевателей коммунистические и социалистические идеи, которые приходят из Советского Союза, уже не лучше и не хуже». В том же номере газеты были опубликованы слова спикера Скупщины ФНРЮ М. Пияде, который находился с визитом во главе делегации в Стамбуле. Воспользовавшись заданным ему вопросом о предложении У. Черчилля созвать конференцию с участием США, Великобритании, Франции и СССР, он отметил, что мир должен строиться не только на переговорах великих держав, но и при участии всех заинтересованных стран. Югославский спикер предложил изменить подобный порядок и не преминул сделать антисоветский вывод о том, что политика СССР заключается именно в разделе сфер интересов между большими странами²¹¹. Следующее его заявление в Анкаре, прошедшее по каналам ТАСС, комментировало назначение нового советского посла в Белграде. Оно оказалось столь же недружественным. Подчеркнув, что выражает только собственное мнение, Пияде назвал назначение посла (скорее всего он намеренно повысил Кирсанова до этого ранга) примером «обычных показушных действий России». «На наших границах продолжаются инциденты, – попенял он. – От России никогда не следует ожидать дружбы»²¹².

Несмотря на не слишком благожелательные высказывания ближайших к Тито югославских руководителей, жесты дружелюбия, проявлявшиеся в последние недели на уровне дипломатов, в мае приобрели новое качество. 20 мая газета «Борба» сообщила, что «бывший до настоящего времени поверенный в делах СССР в Белграде советник посольства господин Григорий Прокофьевич Шнюков перемещен на новую должность, а на его место поверенного в делах приезжает господин Степан Павлович Кирсанов, которому уже выдана югославская въездная виза»²¹³. Согласно на выдачу Кирсанову агремана и визы предшествовали действия Джурича, которые показали, насколько в Белграде боялись резкой реакции Вашингтона на изменения в югославо-советских контактах. Глава миссии в Москве известил о просьбе советской стороны разрешить въезд Кирсанова в Белград своих американских и британских коллег, спрашивая их, известно ли что-либо в США и Великобритании о связях нового временного поверенного с МВД СССР²¹⁴.

Зарубежные дипломаты в Белграде узнали о переменах сразу. Так, о прибытии С.П. Кирсанова в посольстве Чехословакии в ФНРЮ стало известно уже 19 мая²¹⁵. На следующий день в Прагу было передано, что югославская пресса сообщила об отъезде Шнюкова и об ожидаемом 21 мая приезде Кирсанова, назначенного на должность советника в ранге посланника. Также сообщалось, что в Москву выехал новый югославский советник посольства. Указывалось также, что наблюдателям «до сих пор не ясно: будет ли сменен Джурич или речь идет о повышении персонального статуса представителей миссии»²¹⁶.

У опытного дипломата Кирсанова, готовившегося выехать в Белград в качестве нового главы посольства СССР, была подготовлена весьма детальная программа действий. Получив приказ о новом назначении²¹⁷, он представил к утверждению проект указаний относительно своих действий в Югославии. Написанный им материал был рассмотрен совместно В.А. Зориным и М.В. Зимяниным. 20 мая этот документ, озаглавленный «О некоторых мероприятиях в отношении Югославии»²¹⁸, получил министр В.М. Молотов. В сопроводительной записке Зорин назвал проект «предложениями Кирсанова в связи с его отъездом в Югославию»²¹⁹ и рекомендовал принять текст «как указание МИД СССР». В записке содержалась любопытная подробность: новый руководитель посольства должен был выехать в Белград не позднее 25 мая. Зорин просил Молотова до этого времени «вызвать Кирсанова и Зимянина для обсуждения предложений»²²⁰.

«Предложения Кирсанова» состояли из двух частей: «По посольству СССР в Югославии» и «По МИД СССР»²²¹. По прибытии в Белград Кирсанову надлежало сразу же договориться о встрече с главой внешнеполитического ведомства ФНРЮ, «в беседе с которым заявить, что он в своей деятельности будет также стремиться способствовать улучшению советско-югославских отношений». В этой беседе следовало выразить «в общей форме надежду на создание нормальных условий работы советского посольства в Югославии». Второй пункт документа предписывал «во взаимоотношениях с государственными деятелями (включая Тито) и официальными представителями Югославии... придерживаться обычно принятых норм отношений с представителями буржуазных государств, то есть не уклоняться от разговоров с ними, от приглашений на официальные встречи, приемы, разного рода церемонии, и т. д., если для этого нет каких-либо особых оснований».

Предполагалось, что в «беседях о взаимоотношениях СССР с Югославией т. Кирсанов должен, руководствуясь заявлением товарища Г.М. Маленкова в речи на Сессии Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 г., дать понять югославам, что содержа-

щеется в этом заявлении положение об отношениях СССР со всеми государствами в равной мере касается и отношений Советского Союза с Югославией». Особо оговаривалось: «Если югославские государственные деятели будут заявлять о желательности улучшения отношений с СССР, т. Кирсанов должен дать понять, что возможность улучшения отношений существует и что югославское правительство может своими практическими шагами, такими, например, как улучшение условий работы советского посольства в Белграде, нормализации положения советских граждан в Югославии и т.п., ускорить это улучшение отношений». Тот факт, что в Москве были настроены решительно, подтверждал четвертый пункт документа: «В случае сохранения неудовлетворительного положения вокруг советского посольства в Белграде» Кирсанову предписывалось «через две-три недели... вновь посетить государственного секретаря и обратить его внимание на это в конкретной форме»²²².

Если в первом разделе документа всего лишь подтверждались принципы действий, которых придерживались советские дипломаты в Югославии последние месяцы (за исключением встречи с главой внешнеполитического ведомства ФНРЮ), то в разделе «По МИД СССР» намечались шаги по развитию двусторонних связей. В нем подчеркивалась готовность советской стороны к взаимному увеличению состава посольств и обмену корреспондентами государственных информационных агентств. Особо оговаривалась необходимость совместного изучения МИД и Минобороны СССР вопроса о югославских гражданах, находящихся в лагерях МВД СССР, а также о югославских воспитанниках Суворовских училищ, с последующей подготовкой предложений²²³. Один из пунктов документа предписывал «подготовить к рассмотрению в ближайшее время вопросы обеспечения бесперебойного плавания советских судов на югославском участке Дуная, возобновления регулярных полетов советских самолетов через югославское воздушное пространство по линии Тирана–Москва, погашения Югославией задолженности Советскому Союзу»²²⁴.

Особенностью советской позиции в первые месяцы после смерти Сталина стало вслед за спонтанным улучшением дипломатических контактов весьма детальное обсуждение состояния и перспектив советско-югославских отношений. Внешнеполитическая элита СССР интуитивно осознала провал курса на жесткую конфронтацию, избранного сталинским руководством в отношении Югославии в последние пять лет. В то же время в Москве не намеревались пересматривать причины конфликта, но желали выйти из идеологического тупика, в который были загнаны советско-югославские связи. Сделать это предполагалось посредством установления отношения с ФНРЮ по модели связей Союза

СССР со странами капиталистического лагеря. После этого, добившись возвращения в Югославию всего спектра советских внешнеполитических служб, Москва рассчитывала оказывать воздействие на югославское население «мерами активной дипломатии». Концепция таких действий была достаточно подробно разработана в документах Чумака и Кирсанова, и внешнеполитические службы СССР готовились к ее реализации, хотя материалы, свидетельствующие о том, что подобный курс был принят особым решением высшего советского руководства, в распоряжении исследователей по-прежнему отсутствуют.

Все это время югославская сторона ограничивалась лишь ответными жестами, занимая преимущественно выжидательную позицию, тем не менее с удовлетворением замечая советские шаги в направлении расчистки сложных проблем²²⁵. В Белграде понимали, что нормализация отношений с восточным блоком значительно укрепит внешнеполитические позиции Югославии и улучшит отношения с соседями. Факторами, сдерживавшими более открытое движение к нормализации контактов с Советским Союзом, для югославской стороны являлись инерция недавнего конфликта, опасения, что Москва использует нормализацию для вбивания клина в отношения Югославии и западных стран, в результате чего Запад резко негативно отреагирует на любое улучшение советско-югославских связей, сократив весьма ощутимую для страны экономическую и военную поддержку. В итоге, в первые недели стороны ограничились лишь взаимными попытками нормализации двусторонних контактов согласно нормам традиционной дипломатической практики, свойственной цивилизованному миру, шаг за шагом переходя к обсуждению необходимости постепенно решения накопившихся вопросов.

3. «Составленное Берия письмо было рассчитано на установление тесных отношений с “тов. Ранковичем” и с “тов. Тито”»* (июнь 1953 года)

25 мая 1953 г. глава дипломатической миссии Чехословакии в Белграде М. Голуб направил в Прагу шифротелеграмму, в которой просил коллег срочно найти и переслать самолетом смокинг. Он получил приглашение на прием в посольстве Великобритании, организованный по случаю коронации английской принцессы Елизаветы²²⁶. За все время службы в Белграде Голуба ни разу не звали на торжества в западные посольства, а на встречах с дипломатами стран советского лагеря торжественный светский костюм не требовался, было достаточно дипломатического кителя. Интерес англичан к персоне Голуба, побудивший их изменить прежним привычкам, явился чисто деловым: глава миссии ЧСР²²⁷ в Югославии бегло говорил по-русски, часто находился в обществе советских коллег, поэтому английские дипломаты рассчитывали, что общение с ним станет дополнительным источником информации для британского посольства.

Последние шаги Москвы по нормализации контактов с Белградом, в том числе ожидаемый приезд нового поверенного в делах Кирсанова, вызвали ажиотаж в столицах западных стран. Традиционный интерес к Балканам в Лондоне подпитывался недавним визитом югославского лидера И. Броз Тито. Спекуляции на тему встреч с ним премьера У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена не прекращались несколько недель. В конце апреля 1953 г. генеральный секретарь дипломатической академии Франции Франгулис, со ссылкой на «хорошо информированные круги» рассказывал, как во время визита маршала Тито в Лондон по договоренности с англичанами было решено, что Югославии будет доверена роль посредника между русскими и Западом. По его словам, «после разрыва с ИБ (Информбюро. – А.Е.) Тито остался в тайных и весьма неплохих отношениях с Берией, который не одобрял империалистическую политику Сталина и его действия в отношении Югославии. Поэтому англичане посчитали его в данный момент самой подходящей фигурой для посредничества между Западом и СССР, ибо среди всех западных стран англичане проявляют самую большую активность в попытках расчистить отношения с русскими»²²⁸.

Позиция Великобритании относительно Югославии была известна советскому руководству, и английским материалам отво-

* Из материалов июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС.

дидась немалая роль при оценке развития ситуации. В мае 1953 г. от резидента советской разведки в Лондоне был получен и доложен Маленкову, Молотову и Хрущеву текст письма посла Великобритании в Югославии И. Маллета, направленного 8 мая 1953 г. премьер-министру Черчиллю. В нем сообщалось, что в Белграде внимательно следят за советской политикой после смерти Сталина, проявляя пока определенный скептицизм по поводу возможности «мгновенного» изменения взглядов соратников умершего вождя, но придают большое значение их заявлениям и считают необходимым в данный период «избегать всякой видимости угроз и ультиматумов в адрес России»²²⁹.

Если изложенная Франгулисом версия о посреднической роли, отводимой Югославии Западом, устраивала югославское руководство, поднимая его престиж в мире, то слухи о сближении и возвращении в «советский блок» гораздо меньше соответствовали его настроениям. Используя для опровержения слухов любые символические жесты, лидеры ФНРЮ, старались не допустить распространения подобного предположения. Югославское правительство 20 мая объявило о начале работы новой воздушной линии Белград–Стамбул, демонстрируя укрепление связей Югославии с балканской страной, входящей в НАТО. Этой же цели служило выступление Тито 21 мая перед личным составом югославских ВВС на авиабазе в городке Батайница, где он перечислил условия, которые в Белграде хотели бы поставить Москве, и одновременно постарался снять множившиеся на Западе подозрения относительно новых веяний в советско-югославских контактах.

Югославский лидер опроверг «безосновательные, лживые и тенденциозные» утверждения «тех итальянских кругов», которые, по его мнению, распускают слухи о тайной подготовке ФНРЮ «к возвращению в советский лагерь». Он заявил, что «не видит признаков улучшения отношений» с Москвой, указав на продолжение пограничных столкновений, «клевету прессы Информбюро и СССР». «Одного лишь смягчения пропагандистского наступления, – отметил Тито, – недостаточно для того, чтобы Югославия “в одну ночь” попала в объятия тех людей, которым мы не можем доверять из-за того, что случилось в прошлом». Напомнив, что «доверие нужно завоевать делами», руководитель ФНРЮ вновь завел речь о желательности «нормальных, сносных отношений с Советским Союзом и с соседними странами». Явно обращаясь к Западу, он подчеркнул, что «сносные отношения еще не являются глубоко дружественными». Вместе с тем югославские действия на «советском направлении» Тито назвал «огромным вкладом в сохранение мира» в Юго-Восточной Европе²³⁰.

В Белграде не испытывали уверенности в искренности нового советского руководства и считали нежелательным и даже опасным нарушение отлаженных в последние годы механизмов взаимодействия с Западом. Заявления, подобные высказываниям в Батайнице, делались югославскими руководителями (в том числе самим Тито²³¹) и при общении с прессой, и в доверительных беседах с дипломатами. Когда 22 мая посол Великобритании в Белграде Маллет в беседе с госсекретарем по иностранным делам Поповичем упомянул о слухах относительно предстоящей нормализации отношений между ФНРЮ и СССР, его собеседник «не пытался скрыть недовольство» тем, что «слухам подобного рода... имеющим широкое хождение в Италии, верят в дружественных странах». Маллет передал в Лондон со слов Поповича следующее: на советском направлении югославы «не намерены препятствовать возможному сдвигу в сторону более мирных условий... Они искренне желают, чтобы их отношения с Советским Союзом были нормализованы. Но до настоящего момента... они не получили серьезных проявлений стремления к этому со стороны Советского Союза». В то же время, по мнению посла, сложившемуся не без влияния Поповича, внутренние и внешние обстоятельства заставляют советское правительство уступать²³².

Иллюстрируя позицию югославского руководства, 24 мая газета «Борба» поместила на первой полосе статью В. Дедиера «Чужого не хотим, свое не отдадим». В ней автор, считавшийся официальным биографом Тито, писал о триестском вопросе, но заголовок статьи имел символическое значение для всего внешнеполитического курса ФНРЮ.

Выступление Тито 21 мая в Батайнице было внимательно изучено в Москве. В МИД СССР выделили слова маршала о том, что «Югославия не постыдится сказать всякому прямо в глаза о своих пожеланиях создать с любой страной равноправные и прочные отношения. Поэтому Югославия стремится также к нормализации отношений с Советским Союзом и соседними странами, а эти отношения ни в коем случае нельзя считать дружественными»²³³. При изучении реакции Запада на эти слова аналитики советского МИД обратили особое внимание на противоречивые высказывания печати о советско-югославских отношениях. В частности, был выделен комментарий корреспондента агентства «Франс Пресс» из Белграда, считавшего, что своим выступлением «Тито опроверг слухи о “заигрывании” с Москвой, более решительно, чем когда-либо прежде объявил, что он находится на стороне западных держав». По мнению французского журналиста, выступление Тито преследовало цель «показать, что разногласия с Италией не отразились на его сочувствии западной точке зрения в целом»²³⁴.

26 мая 1953 г. госсекретарь по иностранным делам ФНРЮ К. Попович провел развернутую пресс-конференцию, ответив почти на три десятка вопросов журналистов. Отношения с Советским Союзом служили второй по важности (вслед за «проблемой Триеста») темой его высказываний. Во вводной части пресс-конференции глава внешнеполитического ведомства не ограничился повторением формулировок Тито (в частности, что «мы всегда были и остаемся сторонниками нормальных и сносных отношений со своими соседями»), но в ходе ответов на вопросы журналистов добавил к известной позиции Югославии относительно будущих связей с СССР ряд существенных деталей. К. Попович подчеркнул, что у его страны с этим государством существуют дипломатические контакты и нет необходимости их восстанавливать, но одновременно заметил, что «Югославия не видит причин быть исключением из числа остальных стран, поддерживающих такие отношения с Советским Союзом»²³⁵.

В сказанном не содержалось ничего неожиданного, но, воспользовавшись вопросом корреспондента «Нью-Йорк Таймс» о новом руководителе советского посольства в Белграде, Попович назвал его «послом» и заявил, что это назначение будет воспринято югославской стороной как поданный СССР знак желания нормализовать отношения, но «только в рамках целого ряда других мер, которые бы это подтвердили». Госсекретарь указал, что Москва должна изменить свою политику дискриминации ФНРЮ, подробно не поясняя свой тезис. Он также выразил сомнение в том, что «нормальные экономические контакты с Советским Союзом могут быть восстановлены в ближайшем будущем»²³⁶. Кроме этого, не желая осложнить отношений с Западом, Попович повторил следующий тезис: вопрос о состоянии связей между ФНРЮ и СССР «слишком раздут» из-за особого внимания итальянской прессы²³⁷.

Вскоре после выступления Поповича²³⁸, югославская сторона предприняла шаги по разрешению спорных проблем, накопившихся за время пятилетнего конфликта. 30 мая 1953 г. в МИД СССР была передана нота о встрече югославских дипломатов с «суворовцами» – воспитанниками советских военных училищ, выходцами из Югославии, которые остались в СССР после начала конфликта в 1948 г. Поскольку в «предложениях Кирсанова» необходимость решения этого вопроса называлась в числе первоочередных, советская сторона спокойно восприняла запрос.

Несмотря на общее потепление дипломатических контактов Белград не останавливался перед жесткой публичной критикой советских внешнеполитических шагов, когда они затрагивали жизненные интересы ФНРЮ. Так, в критическом комментарии «К заявлению Малика», распространенном 28 мая агентством

ТАНЮГ, отказ СССР принять участие в совещании по австрийскому вопросу в Лондоне на уровне заместителей министров иностранных дел был воспринят весьма негативно. По мнению автора комментария, данная встреча давала советскому правительству «первую возможность продемонстрировать Европе свое искреннее желание положить конец напряженности во всем мире», что означало бы «действительное подтверждение того, что прошлое больше не будет повторяться». В Белграде полагали, что «заключение соглашения по Австрии и вывод советских войск из этой страны, устранили бы все предлоги для дальнейшего сохранения войск в Венгрии, Чехословакии и Румынии, и это было бы немаловажным фактором ослабления международной напряженности»²³⁹.

В начале июня 1953 г. ход нормализации советско-югославских отношений принял неожиданный оборот. Отъезд в Белград С.П. Кирсанова, который столь подробно и тщательно разрабатывал и согласовывал «рекомендации» по своим действиям в Югославии, был отложен. По наблюдениям чехословацкой миссии в Белграде это стало полной неожиданностью для югославских властей, ибо после согласия югославской стороны на приезд высокопоставленного советского дипломата Отдел протокола ГСИД ФНРЮ поспешил занести его во все официальные дипломатические протокольные списки²⁴⁰. Предстоящий приезд Кирсанова сопровождался положительными комментариями и смелыми прогнозами. 20 мая Д. Джурич сообщал из Москвы свое мнение о том, что «выезд Кирсанова в Белград вместе с остальными моментами определенно означает положительный ответ правительства Советского Союза на наше заявление Молотову о желании нормализовать отношения, так как эта нормализация полностью отвечает интересам русских в общем контексте их внешней политики и нужна им из-за Запада. Конечно, речь идет о нормализации дипломатических отношений. К настоящему времени еще нет каких-то серьезных признаков того, что они желают идти еще дальше, но мы этого ожидаем»²⁴¹.

По всей вероятности, в Москве внимательно отнеслись к оговоркам югославского руководства, назвавшего направление Кирсанова в Белград «назначением посла» (кроме К. Поповича на пресс-конференции 26 мая об этом говорил и М. Пияде в Анкаре), и решили не просто поменять временного поверенного в Югославии, а вернуть отношения двух государств на доконфликтный уровень, когда дипломатические представительства в столицах возглавляли именно послы. Впрочем, вопрос о том, явились ли именно эти публичные высказывания югославской стороны причиной задержки с приездом Кирсанова, пока не нашел ответа-подтверждения в отечественных архивах.

В настоящее время доподлинно известно лишь то, что в конце мая в советском руководстве постепенно вызревало решение о необходимости серьезных кадровых перестановок в посольстве СССР в ФНРЮ. Они произошли в начале лета. 6 июня Совет министров «принял предложение МВД СССР (т. Берия) о назначении т. Федосеева С.М. советником Посольства СССР в Югославии»²⁴². В тот же день на пост главы советской дипмиссии в Белграде был рекомендован В.А. Вальков, и об этом сообщено югославским властям на встрече Молотова с Джуричем.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Валькова послом Советского Союза в ФНРЮ был подписан 16 июня после получения согласия югославской стороны на его приезд²⁴³. Столь серьезные назначения должны были повлечь за собой дальнейшие кадровые перемещения как в штате посольства в Белграде, так и в соответствующих службах на всем «югославском направлении».

Назначения В.А. Валькова и С.М. Федосеева предварила аналитическая записка «О положении дел в Югославии и о ее внешней политике», подготовленная 31 мая в IV (Восточноевропейском) отделе МИД СССР. Документ, будучи, конечно, результатом усилий многих сотрудников министерства, подписал М.В. Зимянин²⁴⁴. Югославия недавно была передана в ведение Восточноевропейского отдела МИД в ходе реорганизации Отдела балканских стран, которым до недавнего времени и руководил Вальков. Сам Зимянин, в недалеком прошлом занимавший пост второго секретаря ЦК КП Белоруссии, не являлся профессиональным дипломатом, но пользовался доверием Л.П. Берии, который знал его по работе в 1940–1946 гг. первым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии, когда республика превратилась в центр партизанской борьбы с гитлеровскими оккупантами. Весной 1953 г. в секретариате Берии, озабоченного катастрофическим состоянием дел в этой западной республике СССР и развитием событий в ГДР, уже готовилось постановление Президиума ЦК КПСС «О положении в Белорусской ССР», в соответствии с которым Н.С. Патоличева должен был заменить именно Зимянин²⁴⁵. Освобождающаяся должность начальника отдела в МИД предназначалась Ю.В. Андропову – еще одной креатуре всесильного «лубянского маршала».

В пространном документе М.В. Зимянина сохранилось большинство характеристик и формулировок периода разрыва советско-югославских контактов. В частности, в нем указывалось, что «внутренняя политика клики Тито после разрыва с СССР и странами народной демократии направлена на реставрацию капиталистических порядков в Югославии, на ликвидацию всех демократических завоеваний югославского народа, на фашизацию го-

сударственного аппарата и армии». Столь же резко характеризовалась и внешнеполитическая деятельность ФНРЮ, направленная якобы «на расширение экономических и политических связей с капиталистическими государствами, прежде всего с США и Англией, что привело Югославию к прямой зависимости от них, к вовлечению ее в агрессивные блоки, сколачиваемые англо-американскими империалистами». Наряду с этим в тексте документа просматривалась попытка осмыслить причины нахождения у власти прежней группировки во главе с Тито и, тем самым, объяснить, почему тезисы документов по «югославскому вопросу» 1948–1949 гг. о неизбежной смене режима не выдержали проверки временем. Связывалось это прежде всего с созданием огромного репрессивного аппарата. «Внутриполитическое и экономическое положение Югославии в настоящее время представляется сложным и противоречивым, – утверждали авторы документа. – Клика Тито потерпела серьезное поражение по важнейшим вопросам экономического развития Югославии. В то же время клике Тито удалось создать большую армию и широко разветвленный полицейский аппарат, поставленные в привилегированное положение и используемые для подавления революционного движения в стране».

Несмотря на сохранение общего враждебного тона во всем документе, наметившиеся тенденции к нормализации двусторонних отношений с марта 1953 г. не позволили его авторам использовать одну лишь черную краску в описании ситуации в Югославии. «Следует отметить, – указывалось в тексте, – что, сохраняя в принципе антисоветский курс, югославское правительство в последние месяцы несколько умерило свой пыл. Выступления руководящих деятелей Югославии, включая Тито, приняли более сдержанный характер». Отмеченные изменения авторы текста самодовольно и подобострастно объясняли шагами руководства СССР на международной арене: «Внешнеполитические мероприятия Советского правительства, направленные на улучшение международных отношений, находят широкий отклик и в народных массах Югославии, в результате чего занимать столь агрессивную антисоветскую позицию, как это было раньше, для югославского правительства становится все труднее. Тем самым созданы некоторые реальные предпосылки для нормализации отношений с Югославией, как с буржуазной страной. В этой связи определяется также перспектива некоторой нормализации отношений и между странами народной демократии и Югославией». В документе ставились также задачи, которые должны быть решены в ближайшее время. «Одной из важнейших задач нашей внешней политики в отношении Югославии... является тщательное изучение внутренних

изменений, происходящих в Югославии, ее внешнеполитических отношений, использование всех возможностей для проникновения в Югославию правдивой информации об СССР, проведение мероприятий, могущих ослабить американско-английское влияние и предотвратить создание антисоветского стратегического плацдарма на Балканах», — отмечалось в записке²⁴⁶.

В новейшей историографии появилась несколько упрощенная интерпретация существования двух линий в подходах советского руководства к «югославскому вопросу» в первые месяцы после смерти Сталина: одну из них, направленную на улучшение двусторонних отношений, проводил Берия, другую Молотов. Последний сопротивлялся нормализации отношений с ФНРЮ, считая Тито «правым уклонистом» и полагая — «признание различных путей к социализму будет ересью»²⁴⁷. Не следует исключать, что трения между указанными линиями и их исполнителями могли иметь место по поводу германского вопроса в мае–июне 1953 г. (и по «югославскому вопросу» в 1955–1958 гг., хотя Берии уже не было в составе советского руководства), но проанализированные выше документы (докладная записка Чумака, «предложения Кирсанова» и аналитическая справка Зимянина) показывают, что особых расхождений весной 1953 г. по югославскому вопросу в советских верхах не имелось.

Версия о том, что Берия мог быть взбешен взглядами Зимянина и угрожал «стереть в лагерную пыль» авторов, готовивших в МИД ряд документов по внешнеполитическим вопросам, нуждается в дополнительных документальных подтверждениях²⁴⁸. Имеющиеся к настоящему времени в распоряжении исследователей опубликованные архивные материалы свидетельствуют как раз об обратном: Лаврентий Павлович весьма высоко ценил профессиональные качества Зимянина и уже после появления документа за его подписью намеревался взять его в свою «команду реформ», подбиравшуюся энергичным зампреда правительства в мае–июне 1953 г. Об этом свидетельствовали два телефонных разговора Берии с Зимяниным в начале июня и прием первым вторым 15 июня²⁴⁹, т.е. после назначения того первым секретарем ЦК КП Белоруссии, к чему, как уже отмечалось, он сам приложил руку. Следовательно, можно предполагать, что гнева всесильного в то время заместителя Маленкова изложенные в документе от 31 мая взгляды не вызвали.

О некоем наличии двух подходов можно рассуждать (с весьма серьезными оговорками) лишь имея в виду последние дни перед заговором, организованным Хрущевым против Берии, и только при допущении версии о Кирсанове как «человеке Берии». Но и в таком случае речь должна идти только о противоречиях, когда говорили о темпах, но не о целях нормализации. Сопоставление

рассмотренных материалов Кирсанова и Зимянина (как и несколько более раннего письма Чумака) свидетельствует только о том, что «рекомендации» Кирсанову давались весьма конкретные и предусматривали более последовательную расчистку проблем двусторонних отношений, на которую обе стороны вышли только к осени 1954 г. Аналитическая записка Зимянина являлась более идеологизированной, но между документами нет кардинальных противоречий: оба материала рекомендовали нормализацию отношений с Югославией как с буржуазной страной, хотя Кирсанов и уходил от упоминания этого определения.

Несмотря на существование определенной связи между документами Кирсанова и Зимянина, последующие звенья принятия решения советского руководства можно реконструировать лишь в самой общей форме. В архивах не обнаружено формального решения по югославскому вопросу, принятому Президиумом ЦК КПСС²⁵⁰. Судя по последовательности событий, «записка Зимянина» от 31 мая легла в основу решения о направлении в Белград посла В.А. Валькова, а не временного поверенного С.П. Кирсанова. По всем негласным нормам советской дипломатической иерархии пост посла надлежало занять более тяжеловесной фигуре, нежели Кирсанов. Кандидатура давно связанного с балканским направлением Василия Алексеевича Валькова, который имел ранг посла и служил с 1949 г. исполняющим обязанности, а с 1951 г. заведующим реорганизованным в мае 1953 г. Отделом балканских стран МИД СССР, должна была вполне устраивать тех советских руководителей, которые отвечали за внешнеполитическую деятельность государства в это время. В период недавней мировой войны Вальков, работавший в должности советника в советском посольстве при союзных правительствах в Лондоне, мог быть известен и возглавлявшему тогда Совет Народных Комиссаров Молотову, и курировавшему советские спецслужбы Берии.

Шестого июня 1953 г. министр иностранных дел СССР Молотов в беседе с временным поверенным в делах ФНРЮ Джуричем передал просьбу советского правительства к руководству Югославии принять нового советского посла Валькова. Согласно отчету Джурича, министр использовал выражение «советское правительство полагает, что пришло время направить своего посла в Югославию». Молотов также выразил надежду, что «стороны обменяются послами», т.е. Югославия последует советскому примеру и вскоре направит в Москву главу дипломатического представительства в самом высоком ранге. В телеграмме (кратком варианте отчета) Джурич передал слова министра следующим образом: «Правительство... надеется на взаимный обмен послами»²⁵¹. О том, что стояло за сказанным именно тогда, можно до-

гадываться по версии событий, изложенной Молотовым менее чем через месяц: «Ясно, что если в лоб не удалось, мы решили взять другим, мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: посты, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее»²⁵².

Предложение советского министра в дипмиссии ФНРЮ восприняли с некоторым удивлением. Ситуацию осложнило и то, что в ходе такой скоропалительной встречи югославский дипломат не осмелился спросить об уже выданном агремане Кирсанову и дальнейшем месте службы последнего. В Белграде о предложении Молотова размышляли несколько дней. Замешательство вызывало не то обстоятельство, что во все списки дипломатического корпуса в Белграде, как уже упоминалось, была внесена фамилия Кирсанова, но явная непоследовательность и нескрываемая поспешность Москвы. Некоторое время потребовалось и для сбора имеющихся в Белграде данных на Валькова. Были опрошены все дипломаты, которые могли встречаться с ним в Англии и Голландии. Одного из них даже срочно разыскали через службу госбезопасности в Словении. Серьезного возражения кандидатура нового посла не вызвала, хотя в ходе «проверки» вскрылось немало курьезных фактов. В частности, оказалось, что дипмиссия Югославии считала, что Вальков – это «Вольков», а вновь назначенный Зимянин на первых порах в донесениях посольства из Москвы звался «Семеновым»²⁵³.

Тем временем Джурич направил в Белград сообщение о негативных публикациях о Югославии, появившихся в советской печати в последние недели. Он писал: «Советская печать после смерти Сталина пишет о нас более мирным тоном, но все еще употребляет старые ругательные выражения. В майском номере “Славяне” имеются против нас такие статьи, как “Жилищный кризис в Ю(гославии)” и “Деликатная миссия Джорджа Алена” с выражениями “б(андитская) ф(ашистская) клика”, “ф(ашистские) правители”, “ф(ашистская) банда Тито”, “ф(ашистский) клоун Тито”, “ф(ашистский) выродец Тито”, “Т(ито) и его банда” и другие» (расшифровка сокращений моя. – А.Е.). Посольство сообщало, что подобные выражения в апреле и мае встречались в восьми различных изданиях, и запросило согласие Белграда на то, чтобы обратить внимание советского МИД «на подобные проявления и потребовать их прекращения, ибо это – оскорбление главы государства»²⁵⁴. Предложение не встретило поддержки, его отклонение имело странное обоснование: «...сейчас это не следует переносить на дипломатический уровень, так как может получиться, что мы предполагаем, будто бы подобная практика будет прекращена»²⁵⁵. Несмотря на все старания коллектива посольства в Москве, собранного негативного материала оказалось

явно недостаточно для того, чтобы совершать демарши перед советским МИД, тем более затянуть с выдачей агремана Валькову.

Девятого июня Джурич направил в Белград еще одну телеграмму с оценкой предложения Молотова. «Оказывается, что России, – указывалось в ней, – нужна нормализация отношений с нами не только из-за Запада, но и потому, что наша внешняя политика по своей сути отвечает их (советских лидеров. – *А.Е.*) интересам. Кроме этого их должно интересовать и наше дальнейшее развитие. Решение направить вместо Кирсанова посла свидетельствует о желании ускорить нормализацию. Представляется, что решение принято после выступления товарища Маршала (Тито. – *А.Е.*) в Батайнице, и частично из-за желания продолжить интригу». Джурич предлагал Белграду оговорить направление посла в СССР выдвижением Москве ряда условий, среди которых: прекратить оскорбления властей ФНРЮ в советской прессе, остановить деятельность прокоминформовской югославской политэмиграции и не поддерживать агрессивную деятельность в отношении Югославии со стороны соседних с ней стран²⁵⁶.

В тот же день, 9 июня, Зимянин принял на десять минут Джурича по его просьбе. Югославский дипломат, избравший в качестве благовидного предлога для визита необходимость уточнения запросов, сделанных ранее в югославских нотах, дал понять, что «по содержанию эти ноты не являются важными, и он не намеревался специально поднимать этот вопрос»²⁵⁷. Это высказывание можно было расценивать как демонстрацию того, что Белград не ставит факт обмена послами в зависимость от решения проблем, затронутых в нотах. В отчете о встрече Зимянин указал, что Джурич хотел уточнить: «Отпадает ли вопрос о поездке в Югославию Кирсанова С.П. в связи с предполагаемым назначением послом СССР в Югославии Валькова В.А.» Ответ советского дипломата гласил: «Вопрос о поездке т. Кирсанова в связи с назначением посла, вероятно, отпадает»²⁵⁸. Показательно, что и сам Зимянин не чувствовал себя достаточно уверенно в создавшейся ситуации, аккуратно употребив слово «вероятно». Но он верно определил цель визита Джурича, который, согласно версии самого югославского дипломата, изложенной им в его собственном отчете для Белграда, встречался с новым главой отдела МИД как для получения подтверждения того, что Зимянин назначен на место Валькова, так и для уяснения состояния дел с назначением Кирсанова. Согласно записи Джурича, «на вопрос, уехал ли уже Кирсанов в Белград, Веньямин (так он называл Зимянина. – *А.Е.*) ответил, что нет и что его отъезд “снят”, т.е. отпал, снят с повестки дня в связи с запросом агремана для Валькова». Поскольку Джурич ничего не сказал в отношении Валькова, «Веньямин добавил, что случай Кирсанова в любом случае будет решаться

“отдельно!”»²⁵⁹. После этого согласие на выдачу агремана Валькову было сообщено советской стороне менее чем через неделю.

10 июня из ведомства по иностранным делам Югославии в посольство ФНРЮ в Москве была направлена телеграмма с оценкой недавних достаточно сумбурных советских действий, которую, по всей вероятности, югославская сторона и использовала при принятии решения о положительном ответе на предложение Молотова. «Эти советские шаги и спешка со столь качественным пополнением их посольства в Белграде, – указывал в документе куратор советского направления В. Мичунович, – совпадают с ведением военных переговоров между государствами – участниками Балканского пакта, подготовкой конференции великих держав на Бермудах, давлением Запада на Югославию относительно вступления ее в НАТО, а также и с продолжением советского мирного наступления на Запад, который все же начал считать, что отношение СССР к Югославии – пробный камень для советской миролюбивой политики».

Действия Москвы оценивались в документе с позиций реальной политики: «Одним из поводов такого советского поведения, конечно, является желание изолировать Югославию от Запада. Для этого выбран особый момент – время, когда укрепляется Балканский договор». Авторы телеграммы указывали на необходимость «учитывать и внутренние трудности в Советском Союзе, и сложности в странах-сателлитах, а также в отношениях между ними и СССР». Предложение об обмене послами Мичунович квалифицировал как «советскую капитуляцию по значительному вопросу», но не исключил «существование враждебных антиюгославских комбинаций». Он рекомендовал Джуричу сохранить советское предложение в строгой тайне до тех пор, пока Кремль сам не заявит о нем. Посольству поручалось «продолжить сбор данных о всех внешних и внутренних факторах... подвинувших СССР на столь значительную капитуляцию» с целью понять, «что же СССР желает получить в качестве платы за такую крупную уступку в борьбе против нас»²⁶⁰.

В Белграде думали не только о необходимости проведения расчетливой политики в отношении СССР, но и о том, как преподнести мировому сообществу свои действия, чтобы их интерпретация не нарушила связи, наработанные в последние годы югославским руководством на Западе. 11 июня ГСИД Югославии в директиве, подписанной вторым лицом внешнеполитического ведомства А. Беблером, проинструктировал все свои посольства за рубежом²⁶¹. «Через десяток дней мы дадим положительный ответ на просьбу правительства СССР об обмене послами, – указывалось в депеше. – Сделаем это в виде коммюнике. Это событие

неизбежно будет живо комментироваться в мире. Враждебные круги разыграют тезис о нашем возвращении в советский блок. С нашей стороны необходимо, чтобы вы заняли ясную и твердую позицию: наша внешняя политика не меняется, но мы идем на предложенную Советским Союзом нормализацию отношений потому, что наше решение полностью гармонирует со стремлениями к достижению мира, на которых основывается наша внешняя политика».

Разобравшись с «внешним» аспектом нормализации, Беблер объяснил «мягкость русских» относительно ФНРЮ несколькими причинами, поставив на первое место желание «продемонстрировать всему несоветскому миру, что правительство Маленкова действительно желает ослабления напряженности» и поэтому «югославское направление, наряду с корейским, является для этого самым эффективным». Автор депеши выражал убежденность, что советское правительство, проводя новую политику, «стремится через Югославию разбить или нейтрализовать новую группировку балканских стран, чья твердость и сотрудничество с великими западными державами – это иголка в пятке для московского правительства». Беблер предупреждал посольства: действия СССР получат благоприятный прием в мире. По его мнению, «препятствовать этому и не впасть в беспринципность мы не можем. Мы должны идти на нормализацию отношений». «С другой стороны, – указывалось в директиве, – мы можем парализовать их намерения на Балканах за счет укрепления и расширения сотрудничества с Грецией и Турцией, а также продолжения развития сотрудничества с великими западными державами... Турки в рамках Балканского пакта предложили основать постоянный политический орган. Мы принимаем и поддерживаем эту инициативу»²⁶².

Одновременно югославское правительство сделало несколько жестов доброй воли в сторону Кремля. 10 июня газета «Борба» сообщила о пребывании в Москве в рамках чемпионата Европы команды югославских баскетболистов и их сердечном приеме советскими зрителями, высказав предположение о возможности сотрудничества между двумя странами в области спорта. Следующим жестом Белграда стала доброжелательная реакция на инцидент с советским самолетом, пилот которого (Бондаренко) в результате поломки радиостанции сбился с курса и был вынужден выпрыгнуть с парашютом в окрестностях Загреба. После того как летчик отказался от предложения югославских властей принять политическое убежище, они выполнили просьбу посольства СССР и немедленно передали его советским дипломатам²⁶³.

Выдвинутая в Белграде версия об обмене послами как «советская капитуляция» получила распространение у западных дипломатов, анализировавших развитие советско-югославских свя-

зей. Например, посол Великобритании в Москве Хайтер на основе данных, собранных его подчиненными во время встреч с югославскими коллегами, почти полностью разделил их оценки. Англичанин смотрел на события с учетом всего контекста действий СССР на Балканах, полагая, что советское правительство желает улучшить отношения с Турцией и Югославией, но сделанные до сих пор жесты (за исключением югославского примера, стоившего Кремлю некоторой «потери лица») обошлись недорого. Эти действия были оценены им положительно. «Стремление нового советского правительства добиться более тесного контакта с Белградом показывает нам, – писал английский посол в Лондон, – еще один яркий пример намерения уйти от прежней вредной тактики Сталина»²⁶⁴.

Позиция югославского руководства была доведена до Вашингтона самим Тито во время состоявшейся 12 июня на Бриони встречи с бывшим послом США в Москве Дж. Дэвисом, демонстрировавшим во время этой беседы свою близость к президенту Эйзенхауэру²⁶⁵. В ответах на вопросы экс-посла об СССР и югославо-советских отношениях руководитель Югославии в основном повторил свои прежние оценки: «Россия представляет для нас сейчас новую проблему, которую мы, как и вы, изучаем. Мы изучаем все самые последние их жесты, но при этом исходим из предпосылки, что мы их уже знаем, и знаем очень хорошо. Появившиеся после смерти Сталина проявления были неминуемы, так как там отсутствует авторитетный лидер его масштаба, который мог бы авторитарно определять внешнюю и внутреннюю политику. И в скором времени он не появится». Тито также отметил, что Сталин умер как раз тогда, когда вся русская внешняя и внутренняя политика оказалась в тупике. По его словам, советские лидеры «упустили время своего наивысшего подъема, когда Запад в военном отношении был очень слаб. Период их сверхмогущества прошел, превосходство все больше переходит на сторону Запада, экономический и военный потенциал которого продолжает расти». В Москве, считал он, учитывая эти обстоятельства, «уже сейчас начинают бояться, что также является одной из причин смены их политики»²⁶⁶.

Югославский лидер особо остановился на обстоятельствах того, что «изменение отношения русских к Югославии в виде легкой улыбки Советского Союза в нашу сторону используется за рубежом чрезвычайно злонамеренно и представляется как возможность разворота Югославии к Советскому Союзу». Президент ФНРЮ заявил, что он будет «самым последним, кто поверит Советскому Союзу». Впрочем, отметил он, «это не означает, что мы не примем установления нормальных отношений с ними, ибо сегодняшнее состояние – ненормально». Усиливая свою аргумен-

тацию, Тито заметил: «Но иметь посланников не означает иметь и хорошие отношения, так как нормальные и хорошие отношения – это две различные вещи. Мы идем на нормализацию отношений со всяким, кто к этому стремится, и такие отношения имеют почти все страны. Но никогда не произойдет того, чтобы мы стали довеском Советского Союза и он вернул прежние позиции, которые ранее имел в нашей стране»²⁶⁷.

Опробовав свою аргументацию на доверенном лице президента США, 14 июня 1953 г. Тито сделал пространное публичное заявление о нормализации отношений с СССР, в котором он развернул весь веер югославских претензий к действиям советского руководства, имевшим, по его мнению, касательство к двусторонним связям²⁶⁸. Это выступление прервало период замалчивания и уклончивых комментариев к происходившим изменениям в Советском Союзе и его внешнеполитическим шагам и стало программным для дальнейших действий югославской дипломатии на советском направлении в последующие месяцы. Заявив о готовности принять предложение об обмене послами, президент страны образно описал состояние двусторонних контактов: «Действительно, в Советском Союзе уже немного нам улыбнулись. Но и после этого они продолжают хмуриться». Югославия, по словам Тито, всегда хотела установить с СССР «нормальные дипломатические отношения», но «обмен послами еще не означает нормализации». Советским руководителям «будет тяжело исправить все то, что они нам причинили, и есть много того, что они к сегодняшнему дню не поправили, хотя могли». Он указал также на рост числа инцидентов и агрессивных акций на пограничных рубежах ФНРЮ после смерти Сталина. Общий его вывод был следующим: «После того, что они сделали нам за последние четыре года, мы с трудом сможем в будущем верить им на сто процентов».

Развивая этот тезис, Тито напомнил и о фальсификации истории в советских учебниках и энциклопедиях, и о заявлениях, в которых Югославию называли «фашистской страной». Он отверг утверждения о Балканском пакте как нестабильном и хрупком союзе: «Ошибаются те, кто рассчитывает на... распад пакта в результате готовности Советского Союза к улучшению отношений с балканскими странами, его шагов в отношении Турции»²⁶⁹. Президент ФНРЮ отметил, что в случае установления хороших советско-югославских отношений «и этот пакт никому не будет мешать», впервые открыто давая понять, что данная группировка была организована как раз для защиты Югославии от возможной советской агрессии. Тито особо остановился на произошедших изменениях во внешней политике Москвы. Их он назвал искренними, но вынужденными: «Советский Союз сейчас делает

известные уступки. Это не маневр, ибо не может все быть маневром, но потребность. Советский Союз попал в тяжелое положение из-за необходимости немного изменить свою внешнюю политику, отойти от жесткой линии Сталина, который вообще не признавал ни за одним малым народом право на существование, а считал, что свободу народу можно принести только на штыках». «Я верю, – продолжил Тито, – что у руководителей Советского Союза имеется реальное желание как-то изменить свои внешнеполитические методы, действовать несколько иначе, немного уступить, а позднее, по всей вероятности, они уступят еще больше».

Руководитель Югославии проявил реализм в оценке перспектив этих изменений. «Разумеется, я не могу поверить в то, что они (советские лидеры. – А.Е.) отрекутся от своих целей, – заметил он. – Не первый год они руководствуются сталинским пониманием силы как ведущем факторе в мире». Югославские действия в отношении СССР Тито объяснил необходимостью: «Мы обязаны сделать все возможное в наших силах для установления со всеми странами, включая Советский Союз, сколько-нибудь хороших связей с тем, чтобы мы не имели на границах с восточными странами столько страданий, сколько их имеем сегодня». Развивая тему соседей, входящих в «советский блок», он утверждал: «Мы эти народы не ненавидим. Нам жаль, что сталинская политика разбила то, что мы строили после 1945 года с целью сближения и достижения лучшего сотрудничества между всеми нами. Нам жаль, но я думаю, что еще больше жаль тем, кому удалось сохранить голову на плечах. Они сожалеют, что не последовали за нами по пути самостоятельного управления на своей собственной земле. В таком случае и дружба с Советским Союзом была бы действительно реальной»²⁷⁰.

Восприятие процитированного выступления советской стороной прошло несколько стадий. Сначала оно было получено в Комитете информации МИД СССР как сообщение «Лондонского радио». Эксперты комитета выделили слова Тито о том, что факт обмена послами «не обязательно будет означать улучшение отношений между двумя странами». Вскоре на Смоленскую площадь поступил весь текст выступления в части, касающейся советско-югославских отношений. 14 июня был подписан Указ Президиума ВС СССР о назначении В.А. Валькова послом в ФНРЮ. Высказывания Тито не вызвали озабоченности в советском лагере. Так, представитель ЧСР в Белграде оценил выступление в виде краткой телеграммы: из речи очевидно, что Тито считает необходимым успокоить Запад; адресованные СССР упреки должны служить именно этому, а также внутривосточным целям²⁷¹.

15 июня 1953 г. заместитель секретаря ГСИД ФНРЮ Б. Црнобрня пригласил Г.П. Шнюкова в здание внешнеполитиче-

ского ведомства, где, ссылаясь на беседу Молотова с Джуричем и извиняясь за отсутствие госсекретаря К. Поповича в Белграде, сообщил, что югославское правительство дает агреман Валькову и «в ближайшие дни в свою очередь запросит агреман на своего нового посла в Москве. Вопрос о кандидатуре на этот пост еще окончательно не решен, и поэтому он не может еще назвать ее»²⁷². Шнюков не стал строить предположений о том, почему ответ на запрос Молотова он получил не от госсекретаря, хотя сам контекст беседы и данные его заместителем пояснения позволяли утверждать, что оба сообщенных ему решения могли быть согласованы у Тито. Не стал Шнюков рассуждать и о том, что днем раньше югославский лидер выступил на митинге, где обнародовал факт предстоящего обмена послами.

Публичное выступление И. Броз Тито было намеренно сделано перед тем, как вопросы нормализации отношений с СССР обсуждались руководством Югославии на состоявшемся на острове Бриони 16–17 июня пленуме ЦК СКЮ²⁷³. Краткая стенограмма пленума не содержит значительных дискуссий относительно советско-югославской нормализации. Однако она интересна тем, что в отличие от митингового, а следовательно эмоционального и достаточно запутанного вследствие повторов выступления Тито 14 июня сжатая форма записи заседания позволяет яснее увидеть подлинное отношение югославского руководства к нормализации и действиям СССР в целом.

Ключевым для пленума стало выступление 16 июня генсека ЦК СКЮ. Просьба Москвы о направлении советского посла в Белград в нем называлась важным шагом «в установлении дипломатических отношений», предпринятым «советскими правительствами». Оценивая итог пятилетнего конфликта, Тито указал: «Мы были правы во всех отношениях. Наша правда нашла подтверждение в их ослаблении, а с другой стороны, мы, разумеется, приняли их (советских руководителей. – А.Е.) предложение об обмене посланниками, поскольку это ни в коей мере не противоречит нашим заявлениям о желании иметь нормальные отношения. До недавнего времени это были отношения формальные. Нормальными отношения станут после прекращения провокаций на границах нашей страны. Мы должны продвигаться к их нормализации постепенно. Это не означает, что мы намерены вновь купиться на всякую улыбку с их стороны, что мы тотчас же слепо поверим во все, что они заявляют сейчас и будут говорить в дальнейшем. Мы будем внимательно наблюдать за развитием событий».

Оценивая действия СССР, руководитель СКЮ сказал, что «это мирное наступление, а не только маневр», это «не маневр только ради обмана, а результат значительных внутренних и внешнеполитических сложностей, того тупика, в который они

попали. Оказавшись в этой ситуации, они идут на такие пертурбации как в Германии, где со стороны Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) запрещено, убрано с повестки дня строительство социализма и многим возвращается частная собственность. Не предпринимаются нападки на другие народы, на Англию, и даже на Америку, как это было до недавних пор. Они сейчас возвращаются назад, на исходные позиции, говорят о демократии – это самое левое слово, которое они употребляют». На примере Восточной Германии Тито продолжил характеризовать подход Москвы к союзным режимам в Восточной Европе, подводя слушателей к мысли о правильности разрыва 1948 г.: «Советская политика обернулась крахом, и, разумеется, случай в Восточной Германии – типичный пример того, как весьма важная страна может... быть использована для достижения советских внешнеполитических целей, поступая так, как это необходимо Советскому Союзу». «Мы счастливы, что не стали тем, кем можно крутить и делать с ним все, что хочется», – заметил он.

Отказ СЕПГ от курса на строительство социализма в ГДР, совершенный под давлением Кремля, Тито назвал «самой большой катастрофой и ударом», который нанес Советский Союз «после удара по Югославии всему международному рабочему движению». Он отметил, что сегодня советское руководство «переходит в другую крайность и считает, что социалистическая идея является препятствием сотрудничеству с внешним миром». С учетом того, что «они будут продолжать это, идя на еще большие уступки», Тито подчеркнул необходимость «сохранить твердость», заявив, что Югославия – «единственная независимая страна и в отношении Востока, и в отношении Запада. Только в таком положении она сможет сыграть надлежащую роль»²⁷⁴.

Дискуссии на заседании не проводились. Выступления остальных участников пленума, в особенности Э. Карделя, касались восприятия населением фактов нормализации отношений с СССР и идеолого-пропагандистской работе СКЮ в новых условиях. Он остановился на «многочисленных фактах дезориентации», несмотря на то что Тито по возвращении из Лондона «дал достаточно ясные необходимые ориентиры», а в выступлении в Батайнице «ясно выразил наш подход». Однако, заметил «человек № 2» в югославском руководстве, печать и наша политическая работа оказались не на высоте²⁷⁵. Кардель подверг критике недавние выступления прессы, которая занялась обсуждением серьезности мирных намерений Москвы, вместо того чтобы писать о победе Югославии в конфликте. «Не чувствовалось, что наша пропаганда действительно использовала эту нашу большую победу», – сделал он вывод.

Затронутую Карделем тему развил делегат из Хорватии, который отметил, что в Загребе в клерикальных кругах и среди интеллектуалов распространены компрометирующие Союз коммунистов суждения о том, будто Югославия склоняется к пакту с русскими. После смерти Сталина в загребской печати можно прочесть, что «Советский Союз в одну ночь превратился в главного борца за мир». Хорватский делегат указал на наличие в республике «людей, которые все это время не стояли твердо на наших позициях и тайно продолжают считать, что они были правы...» Последнее высказывание о сохранении скрытой оппозиции курсу югославского руководства, которую «не выжгли репрессии на Голом отоке»*, привлекло внимание Тито, попросившего уточнить: «Что они говорят?» В ответ выступающий повторился: «В загребской печати нашел выражение подход, согласно которому после смерти Сталина, после изменений, которые произошли в СССР и после разных событий во внешней политике Советского Союза, особенно по вопросам Кореи, – Советский Союз стал главным борцом за мир». Это разъяснение Тито сопроводил ироничным комментарием: «Когда получаешь тумаки, вынужден становиться борцом за мир»²⁷⁶.

Критические высказывания генсека на пленуме ЦК СКЮ в отношении советской политики в Восточной Германии дополнили картину причин, по которым Белград сдержанно относился к примиренческим жестам Москвы в последние месяцы. Можно предполагать, что новый курс Кремля в ГДР вызывал у него подозрения. И слова осуждения были искренними, а не произнесены специально для партийного актива. Идеологический выбор и убежденность Тито в коммунистических идеалах, постепенно обретенная в годы разрыва со Сталиным уверенность в правильности избранного Югославией курса на строительство социализма по собственной модели, являлись, наряду с зависимостью от финансовой, военной и технической помощи Запада и нежеланием терять его поддержку в споре с Италией по триестскому вопросу, равноправными составляющими курса, которого придерживалось в то время высшее руководство страны на международной арене. В словах лидера югославских коммунистов на пленуме еще не просматривалась рефлексия по поводу последних акций в Восточном Берлине 17–18 июня 1953 г. и участия советских войск в подавлении протестного движения – он оперировал более ранними событиями.

* Один из самых печально известных канцлагерей на Адриатике, куда в годы конфликта 1948–1949 гг., были брошены тысячи сторонников резолюции Информбюро из числа югославских коммунистов, не согласных с политикой официального Белграда.

Впрочем, судя по его оценкам советского курса в отношении СЕПГ и будущего Германии еще до июньских событий, волнения в Восточной Германии, которые начались на следующий день после выступления Тито на пленуме ЦК, лишь подтвердили высказанные им суждения об опасности тотальной зависимости стран советского лагеря от решений, принимаемых в Москве. Его аргументация о вреде советского контроля на примере Восточной Германии, руководство которой по указаниям из Кремля сначала проводило политику развернутого строительства социализма, а затем занялось свертыванием этого «строительства», получила полное подтверждение почти сразу после доклада Тито. Применение против демонстрантов на улицах Восточного Берлина и других восточногерманских городов советских танков не могло не произвести неизгладимого впечатления на участников заседания на Бриони.

Выступление на пленуме Карделя во многом объясняло резкий антисоветский акцент, который был сделан в югославских комментариях по поводу текущего кризиса в странах Восточной Европы. 18 июня в газете «Борба» в материале о событиях в ГДР и Чехословакии под названием «Сбрасывается социалистическая маска» указывалось: «Хотя демонстрации в Восточном Берлине имеют собственный внешнеполитический аспект, они, как и демонстрации в городах Чехословакии, имеют те же основные причины: неудовлетворенность масс эксплуататорской и недемократической политикой своих правительств». Статья крайне жестко оценила всю ситуацию в советском лагере: «Массовость сопротивления и протесты... показывают, что в этих странах в рабочие массы уже глубоко проникло осознание предательства со стороны руководства, построившего вместо социализма систему государственно-капиталистической диктатуры, подчиненную СССР как иностранной силе, которая не знает границ в эксплуатации». В ней отвергались официальные объяснения причин демонстраций, согласно которым «протест рабочих масс есть результат деятельности агентов иностранных служб». Действия такого развитого рабочего класса (как в ГДР и ЧСР) не могут быть следствием «влияния» со стороны, указывалось в статье, но «исключительно результатом осознания своих подлинных жизненных интересов»²⁷⁷. Освещение югославскими СМИ событий в Восточной Европе в ракурсе, одобренном на брионском пленуме ЦК СКЮ, было продолжено²⁷⁸. Несколько позднее и сам Кардель продемонстрировал образец пропагандистского мастерства, опубликовав в «Борбе» 28 июня большую статью, приуроченную к пятилетнему юбилею начала конфликта с Информбюро.

Речи выступавших, отраженные в стенограмме пленума ЦК СКЮ, находились в общем русле оценок хода нормализации кон-

тактов с Москвой, которые югославская сторона давала на всех уровнях в последние несколько недель. Они мало чем отличались от бесед югославского руководства и работников посольств ФНРЮ с западными дипломатами. Как передавал в Лондон посол Великобритании в Белграде И. Маллет, 20 июня в беседе с А. Беблером ему было сказано, что события в Восточной Европе продемонстрировали глубокий внутренний кризис советской системы, заставляя Москву искать новые пути. Однако, по словам заместителя госсекретаря по иностранным делам, «основы политики советского экспансионизма не изменились. Русские будут отступать настолько далеко, насколько они будут к этому вынуждены». В то же время правительство Югославии считает важным принимать во внимание мировое общественное мнение и настроения в самом Советском Союзе и поэтому полагает, что Запад должен недвусмысленно продемонстрировать желание оказывать давление в направлении мирного развития международной обстановки. «Если русские сделают следующие шаги в отношении Югославии (а я их ожидаю), первой реакцией Тито будет холодность и корректность. Он будет требовать снятия торговой блокады со стороны Коминформа, прекращения пограничных провокаций и враждебного радиовещания», – заявил А. Беблер²⁷⁹.

Несмотря на то что сказанное Беблером Маллету явилось лишь изложением выступления Тито 14 июня, это не помешало британскому послу на основе услышанного написать достоверный прогноз: «Если Маленков проявит готовность отнестись к югославскому лидеру с уважением, равным оказываемому Мао Цзэдуну, следует полагать, что Тито не отклонит его заигрывания. Он не сделал секрета из его желания нормальных отношений с Россией... Вполне возможно, что он будет стараться получить лучшее из обоих миров – как из готовности Запада к сотрудничеству, так и от советского подхода»²⁸⁰.

Сопоставление записей бесед дипломатов (и югославских, и западных стран) с публичными и закрытыми выступлениями Тито и людей из его ближайшего окружения дает возможность сделать вывод, что югославские дипломаты, описывая во время встреч с западными коллегами подход Белграда, излагали, как правило, общий смысл выступлений руководства, а иногда и давали «прямые цитаты». Впрочем, и сам Тито не делал существенных различий между своими публичными высказываниями и беседами «с глазу на глаз», хотя открытые выступления, рассчитанные во многом на внутривластительское употребление, носили неизбежный оттенок пропаганды и популизма, и порой намеренно не оттачивались стилистически.

Вместе с тем случались и отклонения от данного правила, связанные с тем, что югославской дипломатии требовалось до-

полнительно аргументировать свою позицию. В частности, краткая информация о пленуме, сообщенная Беблером в ответ на вопрос Маллета о его содержании, несколько расходилась с доступной ныне стенограммой. Югослав несколько расширил интерпретацию высказываний на пленуме, и, по всей вероятности, используя краткую реплику «делегата из Хорватии», рассказал англичанину: в ходе пленума на Бриони не исключалась возможность того, что возобновление отношений с советским правительством ослабит внутреннее единство Югославии. Но в целом, по словам Беблера, на пленуме пришли к выводу о необходимости распространения в общественном мнении страны точки зрения о назначении советского посла как большой победе югославского руководства, а также посчитали нежелательным отталкивать руку, протянутую советским правительством²⁸¹.

24 июня 1953 г. Д. Джурич сообщал из Москвы о сохранении интереса со стороны дипкорпуса к позиции СССР в отношении Югославии. «Большой частью подчеркивается наша морально-политическая победа и считается, что русским было очень тяжело решиться на просьбу об агремане, но они были к этому принуждены общей ситуацией, – писал он. – Выступления товарища Маршала (Тито. – А.Е.) приняты с удовлетворением особенно нашими друзьями... Болен (посол США. – А.Е.) считает, что новое Правительство делает все это в отношении нас и других, чтобы освободиться от всего унаследованного от Сталина излишнего балласта, который мешает тому, чтобы та же самая политика проводилась успешнее»²⁸².

Усилившаяся после вмешательства советских войск в Восточной Германии атмосфера недоверия, не помешала выдаче въездной визы Валькову 22 июня. Однако, по всей видимости, именно противоречивой, но все же отрицательной реакцией Белграда на подавление советскими войсками волнений в ГДР следует объяснять указание В. Мичуновича посольству ФНРЮ в Москве держаться в отношении Валькова «корректно, но сдержанно». В случае возможного предложения со стороны советского МИД об организации протокольной встречи перед отъездом Валькова в Белград Джурич получил указание участвовать в мероприятии, но прием «должен пройти без какой-либо теплоты и сердечности». Мичунович, подписавший указание Джуричу, особо оговорил все детали подобной встречи: ни в коем случае не устраивать для советского дипломата обед «или что-либо подобное»²⁸³.

25 июня в ходе встречи на Бриони с влиятельным американским политиком, лидером Демократической партии США Стивенсоном, которая продолжалась четыре часа, Тито, еще не догадывавшийся о судьбе, которую уготовили советские руководители своему товарищу по Президиуму ЦК КПСС

заместителю главы правительства и министру внутренних дел СССР Л.П. Берии, в очередной раз высказался о ситуации в СССР и дал характеристику состояния советско-югославских отношений²⁸⁴. Последовавшие события в Москве, связанные с путем против Берии, заставили югославского президента несколько недель воздерживаться от любых высказываний в адрес Советского Союза и от встреч с представителями западного мира.

События мая–июня 1953 г. в советско-югославских отношениях, развернувшиеся на противоречивом международном фоне, стали итогом поступательного движения к нормализации контактов между двумя государствами. Югославское руководство с недоверием относилось к советским проявлениям доброжелательности, но охотно отвечало на каждое из них. Значительными сдерживающими факторами для югославской стороны являлись как негативный опыт взаимоотношений с советским руководством конца 40-х – начала 50-х годов, так и опасения резко негативной реакции на возобновление контактов с Москвой ведущих стран Запада, опасавшихся последующего возвращения Югославии в советский военно-политический блок. В Белграде попытались совместить обе эти линии, ссылаясь на необходимость поддерживать с СССР такие же отношения, какие имеют с ним государства западного мира.

В Кремле после смерти Сталина были заняты определением курса политики в отношении Югославии, проявляя «на югославском направлении» новые инициативы, несмотря на то что это отрицательно сказывалось на внешнеполитическом престиже советского руководства. Причины ведения подобной политики объяснялись не столько заинтересованностью в собственно «югославском вопросе», сколько ситуацией глобального геополитического порядка. Но с течением времени «югославский вопрос» получил в Москве собственную значимость, и там занялись разработкой сначала конкретных практических действий, а затем и общей политики, касающейся данной проблемы. Вместе с тем подготовленные для этого в МИД СССР документы (как «предложения Кирсанова», так и «записка Зимянина») не позволяют подтвердить гипотезу о том, что «советское руководство исходило из ошибочных предположений и считало, что Югославия с нетерпением ожидает подходящего момента для возвращения в лагерь социалистических стран»²⁸⁵. Советские документы этих месяцев показывают, что в Москве совершенно не принимали во внимание подобный вариант и лишь постепенно отходили от оценок периода пятилетнего конфликта с ФНРЮ, которые по-прежнему оставались в основе восприятия Кремлем всех действий югославского руководства.

: Развитие советско-югославских контактов не только привлекало внимание дипломатов западных государств, но и живо интересовало представителей стран «советского блока» в Белграде. 26 июня 1953 г. глава дипмиссии Чехословакии М. Голуб в своем донесении в Прагу изложил версию развития событий, в основу которой положил разговор с поверенным в делах СССР в ФНРЮ Г.П. Шнюковым²⁸⁶. Последний готовился к возвращению домой и был, очевидно, по этой причине особенно откровенным с коллегой по «восточному лагерю». Шнюков подтвердил предположение собеседника относительно улучшения отношений между Москвой и Белградом, отметив, что в настоящий момент речь идет о нормализации дипломатических контактов. Затронув вопрос о задолженности Югославии СССР, которая, по его словам, составляла 800 млн долларов, он сказал о возможности проведения двусторонних переговоров по этому вопросу с последующим возобновлением торговых связей.

О нормализации отношений с ФНРЮ советский дипломат рассуждал в духе недавних предложений в ЦК КПСС И.В. Чумака. М. Голуб передал в Прагу соображения Г.П. Шнюкова о том, что при прежнем уровне дипломатических контактов было невозможно вызвать конфликт Югославии с Западом, в то время как нормализация отношений позволит увеличить возможности оказания влияния на югославский народ. Глава советской дипмиссии в Белграде выразил уверенность в том, что «большинство народа с режимом не согласно». Чехословацкого дипломата удивило, как пренебрежительно его собеседник отозвался о Президенте ФНРЮ Тито: он «перестал быть политиком и превратился в формальную фигуру, занятую приемом различных делегаций»²⁸⁷.

Голуб также передал в Прагу слова Шнюкова о том, что С.П. Кирсанов «из-за тяжелой болезни в Белград не приехал и, возможно, не придет вовсе». На основе полученной информации (и, по всей вероятности, других высказываний Шнюкова, которые Голуб не счел возможным приводить в телеграмме, направляемой в МИД ЧСР, где продолжали активно работать советские советники по линии МВД СССР) чехословацкий дипломат достаточно уверенно высказал предположение о том, что в Москве в скором времени решат принципиальные вопросы, касающиеся советско-югославских связей. «С учетом потепления общей международной ситуации и разговора с главой советской миссии, который до сегодняшнего дня по этому вопросу избегал высказываться, – подчеркнул Голуб, – можно ожидать, что нормализация советско-югославских дипломатических отношений будет проходить даже быстрее, чем я ожидал»²⁸⁸.

Намеки советского поверенного в делах в разговоре с Голубом не являлись случайными. Судя по всему, как на основании со-

общений о новых назначениях в советское посольство в Белграде, проведенных в первой половине июня, так и по общему тону телеграмм из Москвы, Шнюкову стало ясно, что на «югославском направлении» советской внешней политики следует ожидать радикальных перемен. Его догадки были близки к действительности: в Москве наметилась серьезная тенденция по пересмотру оценок, данных югославскому руководству во времена конфликта, и ее развитие могло привести к существенным изменениям в советском лагере в целом.

Косвенным свидетельством тому явилась встреча советского руководства с венгерской делегацией в Кремле 13 июня 1953 г. На ней лидер Венгрии М. Ракоши подвергся критике за многочисленные репрессии, проводившиеся в стране при его непосредственном участии²⁸⁹. Например, Л.П. Берия упомянул о том, что арестованный органами советской госбезопасности по «делу министра госбезопасности Венгрии Петера Габора» генерал Белкин, рассказавший о совместной с венгром шпионской деятельности, позднее отказался от своих показаний²⁹⁰.

Дальнейшее развитие этого сюжета могло привести к существенному смягчению или даже полному пересмотру хода советско-югославского конфликта, так как именно на материалах «процесса Райка» строились обвинения против Тито и других руководителей, которые вошли во «вторую» резолюцию по югославскому вопросу (на третьем совещании Коминформа в ноябре 1949 г.). Можно с высокой степенью уверенности полагать, что Берия действовал при молчаливом непротивлении присутствовавших на переговорах с венгерской делегацией других советских руководителей²⁹¹.

В то же время внешне все выглядело по-старому. Так, 24 июня посольство СССР в Белграде передало в ГСИД ФНРЮ ноту о том, что советское правительство не намерено репатриировать воспитанников суворовских училищ – югославских детей, оставшихся в СССР после конфликта в июне 1948 г. По-видимому, в самых верхах Советского Союза задумывался значительно более глубокий и резкий пересмотр советско-югославских отношений, чем планировалось в МИД СССР и ЦК КПСС в первые месяцы после смерти Сталина. Не следует исключать, что эти действия могли быть частью внутренней борьбы за власть, но и в таком случае они вели бы к пересмотру оценок конфликта 1948 г., вышедшего после «дела Райка» на новый, почти необратимый уровень конфронтации.

Качественный прорыв на «югославском направлении» готовился в секретариате зампреда правительства и министра МВД СССР, куратора советских силовых структур Л.П. Берии²⁹². 25 июня он обсудил с главой правительства

Г.М. Маленковым текст заявления, которое должен был сделать во время встречи с куратором партийных кадров и силовых структур Югославии А. Ранковичем новый представитель МВД СССР в советском посольстве в Белграде С.М. Федосеев. В заявлении говорилось: «Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что Маленков, Берия и их друзья²⁹³ стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран. В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито и, если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде. Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно»²⁹⁴.

По воспоминаниям П. Судоплатова, Л.П. Берия получил согласие Г.М. Маленкова на отправку этого письма, которое надлежало передать с направляемым в Белград в качестве резидента МГБ полковником Федосеевым. Одновременно Судоплатов получил приказ готовить при помощи агента Макса (И.Р. Григулевича) альтернативные варианты для сообщения Тито планов Берии. Сам же Г.М. Маленков на пленуме ЦК КПСС 2 июля 1953 г. сказал, что он предложил Берии обсудить вопрос о целесообразности направления этого послания 26 июня 1953 г. на Президиуме ЦК²⁹⁵. В конечном итоге содержание письма осталось для Ранковича неизвестным. Как раз 26 июня на заседании Президиума ЦК КПСС в Кремле Берия был арестован Г.К. Жуковым, возглавлявшим внушительную группу высших военных чинов. Его протеже П.Н. Федосеев также был взят под стражу. И вся вышеозначенная комбинация, которая могла бы ускорить нормализацию советско-югославских отношений и, возможно, привести к существенному изменению ситуации летом 1953 г., оказалась нереализованной.

Аресту Л.П. Берии посвящена объемная и достаточно противоречивая литература. Мы упомянем лишь о том, что 25 июня, накануне ареста, Берия кроме обсуждения с Маленковым текста послания Ранковичу направил в Президиум ЦК КПСС еще один документ – Записку о ходе следствия по делу М.Д. Рюмина²⁹⁶. В ней среди ряда существенных признаний, которые могли взорвать ситуацию в политической элите СССР, содержались строки о том, что «Рюмин участвовал в

фальсификации следственных материалов по... “Ленинградскому делу”»²⁹⁷. Данное обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на изложенную в зарубежной историографии версию советско-югославского конфликта – о непосредственной связи между конфликтом с Югославией и ослаблением влияния Жданова²⁹⁸, который принадлежал к набиравшей в то время силу «ленинградской группе» в советском руководстве²⁹⁹. В черновике же выступления Маленкова 26 июня присутствовали указания на единоличное поведение Берии по венгерскому вопросу как одной из причин его устранения³⁰⁰. В письмах после ареста, которые Берия направлял бывшим коллегам, он признавал свою вину лишь в том, что не дал Маленкову самому назначить Имре Надя³⁰¹, но в них не содержалось признания вины относительно подготовленного им послания Ранковичу для Тито.

**4. «Специальные мероприятия
по линии борьбы с титовцами...
должны быть гораздо более квалифицированными
и тщательно подготовленными»***
(июль 1953 года)

Международным фоном для приостановки поступательного развития советско-югославских контактов стала острая ситуация в странах Восточной Европы, сложившаяся в конце весны и самом начале лета 1953 г. В Москве крайне болезненно отреагировали на оценки Белградом кризисных событий в ГДР и Чехословакии. Впрочем, для огорчений советских лидеров существовали и иные поводы.

За два дня до ареста Берии, 24 июня в Югославии была обнародована декларация о ратификации Балканского договора. Спланированный югославами ранее данный жест в условиях подавления советскими войсками волнений в ГДР превратился в демонстративную реакцию официального Белграда на мероприятия Москвы³⁰². Это, несомненно, способствовало сохранению восприятия Югославии советским парт- и госаппаратом как западной страны, подтверждало в глазах многих его представителей верность прежних жестких оценок внешней политики Белграда. Впрочем, негативное отношение к Югославии сохранялось вообще в большей части советского бюрократического аппарата. Даже в тех документах, которые не были посвящены собственно югославским сюжетам, ФНРЮ упоминалась не иначе как «перешедшая в лагерь империализма»³⁰³.

В конце июня 1953 г. накапливавшееся раздражение советской стороны получило повод для выхода. Публикации в югославской прессе, в особенности статья Э. Карделя «Эти пять лет» в газете «Борба» от 28 июня о победе югославских коммунистов в столкновении с Коминформом³⁰⁴, спровоцировали резкие характеристики в посольстве СССР в Белграде. Позитивные оценки действий югославского руководства, дававшиеся советскими дипломатами в последние недели, были перечеркнуты теми же авторами донесений. «Клика Тито, – вновь считали в посольстве, – не намерена ни на йоту отказаться от своей прежней провокационно-вызывающей политики в отношении СССР»³⁰⁵.

Арест Федосеева, как и сам заговор против Берии, советской стороне удалось сохранить в тайне от югославов. 1 июля 1953 г. начальник Консульского управления МИД СССР А.П. Власов был очень любезен с Джуричем, рассуждал о скорой смене всего со-

* Из указаний Президиума ЦК КПСС от 31 июля руководству Болгарии.

става советского посольства в Белграде (как и во многих других странах), интересовался причинами, по которым «в югославском посольстве в Москве нет новых лиц». На встречный вопрос Джурича об исчезнувшем из поля зрения сотрудников югославского посольства и уже получившем визу Федосееве: «Может быть... отправился в Югославию?», Власов ответил, что «вероятно, еще на этой неделе» Федосеев вместе с Вальковым отправится в Белград³⁰⁶.

Политику советского руководства внутри страны и на международной арене в Югославии оценивали с позиций реалистического анализа, без наслоений засоряющих сознание фраз коммунистической идеологии. И кратким изречениям, и пространным высказываниям Тито предшествовала хорошо организованная и скоординированная масштабная работа аналитических служб внешнеполитических ведомств и аппарата ЦК СКЮ. Впрочем, недостатком их качественных материалов, рассылавшихся всем руководителям партии и государства с традиционным девизом «Смерть фашизму – свобода народу!», нередко являлось отсутствие оперативности. Такое свойство отличало прежде всего экспертов ЦК СКЮ. Ярким примером этого служила судьба аналитического материала от 30 июня, в котором почти с двухмесячным опозданием подводились итоги встречи движения сторонников мира в Будапеште 5–6 мая 1953 г.

Среди идей, выраженных в заключительной Декларации форума, ее авторы выделили тезис о том, что «миролюбивое сосуществование различных систем и режимов не только необходимо, но возможно и взаимовыгодно при сегодняшних обстоятельствах»³⁰⁷. Общий вывод документа представлял собой компиляцию недавних оценок советских действий, высказывавшихся югославскими лидерами. По мнению аналитиков, вследствие своих внешнеполитических и внутривнутриполитических неудач советская политика будет развиваться под знаком дальнейшего ослабления СССР, но она будет продолжена с целью сохранения и, по возможности, закрепления достигнутых ранее результатов. «Частичными уступками и прекращением войны в Корее СССР стремится к созданию благоприятных условий для своих дальнейших шагов в Европе... с тем, чтобы свести к нулю Европейское Оборонительное Сообщество, используя противоречия между Германией, Францией и Великобританией. Москва будет идти на создание единой нейтральной Германии, – указывалось в материале. – СССР будет проводить политику заигрывания с Англией и Францией и, по возможности, стремиться “оживить” договоры о дружбе и взаимной помощи, а также предпринимать действия для раздувания противоречий между западными странами, в особенности по линии США – Англия». В документе также подчеркива-

лось, что Москва не намерена «идти в наступление против Запада по всему фронту, но будет стремиться к достижению договоренностей со всеми странами посредством проведения отдельных переговоров с тем, чтобы несмотря на идеологические различия и даже взаимное недоверие, сделать невозможными единые действия Запада». Эксперты ЦК СКЮ отмечали намерение Советского Союза «заключить мирный договор с Австрией, опираясь на существующее в этой стране достаточно сильное течение за независимость, которое готово идти на усиление экономического сотрудничества с СССР»³⁰⁸.

Создатели этого документа, естественно, использовали для его подготовки не только материалы совещания в Будапеште, но и другие источники. В результате они достаточно полно проследили намечавшийся до заговора против Берии внешнеполитический курс Советского Союза. Однако день 26 июня и дальнейшие события несколько затормозили проявление всех вышеперечисленных тенденций, затронув и ускорившуюся к тому времени нормализацию советско-югославских отношений.

На расширенном заседании пленума ЦК КПСС (2–7 июля 1953 г.) члены Президиума ЦК пытались обосновать причины, по которым они устранили всесильного заместителя Г.М. Маленкова. Из выступлений ясно видно, что после 5 марта 1953 г. Л.П. Берия пытался инициировать масштабные изменения в советской системе, что, несомненно, раздражало большинство советских руководителей, и, должно быть, вызывало опасения утраты ими собственных властных позиций и снижения влияния чиновничьего аппарата КПСС. Между тем все изменения, авторство которых выступавшие на пленуме ЦК связывали с деятельностью Берии, явно не дотягивали до внятного объяснения причин ареста динамичного, полного разнообразных идей и реформаторских планов заместителя председателя правительства.

Обвинения в замыслах установить связь с Тито стали, по сути, единственным серьезным политическим аргументом, выдвинутым в адрес Берии в ходе пленума ЦК КПСС. Уже на первом заседании 2 июля Маленков выступивший с докладом, среди различных прегрешений своего недавнего коллеги сообщил о подготовленном Берией письме Ранковичу и Тито, которое, как он дал понять, министр МВД СССР пытался согласовать с ним 25 июня, т.е. накануне ареста. Маленков зачитал полностью его текст, заменив лишь несколько слов в одной фразе оригинала. Подмена была существенной. Вместо: «Маленков, Берия и их друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран», он произнес: «Берия и его друзья»³⁰⁹. И далее как ни в чем не бывало Маленков заявил, что «осущест-

вить эту меру Берия не успел ввиду того, что мы повернули события в отношении его лично в другом направлении»³¹⁰.

Выступивший на пленуме В.М. Молотов также привлек внимание его участников «к попытке Берия установить связь с Ранковичем и с Тито». Возвращение Молотова к письму югославам, после того как его зачитал Маленков, показывает, что путчисты до самого его выступления не испытывали уверенности в том, будет ли он зачитывать это послание, в котором упоминается и его фамилия. В пользу такого предположения свидетельствует следующий эпизод: когда Молотов рассказывал о югославских сюжетах в советской внешней политике, его перебил Маленков фразой: «...мы хотели нормализации отношений»³¹¹. Впрочем, не следует исключать, что режиссеры этого постсталинского «партийного шоу» просто уже утратили некие навыки подготовки процессов 1920–1930-х годов и плохо контролировали ситуацию.

Молотов также упомянул письмо к Ранковичу в качестве главного свидетельства сотрудничества Берии с мировым империализмом. Министр подчеркнул, что фактом «проекта письма ...к “товарищу Ранковичу” для “товарища Тито”... предатель выдал себя с поличным. Он от руки им написан, и он никак не хотел, чтобы Президиум ЦК обсудил этот вопрос. Что это за человек?»³¹² Играя этими словами, старейший член ВКП(б) явно лукавил. Будучи несколько лет куратором Комитета информации МИД СССР – органа советской разведки, он не мог не знать, что наиболее секретные документы подобного рода писались от руки в единственном экземпляре и принимались к исполнению при минимально возможном числе посвященных. Так уже было в феврале 1953 г., когда решение об устранении Тито готовилось для Сталина всего лишь несколькими высшими руководителями МГБ СССР³¹³.

«Мы хотим нормализации отношений, и мы письменно сформулировали в ЦК, как мы относимся к Югославии в настоящее время, – продолжил Молотов, суммируя наиболее важные документы по югославскому вопросу последних месяцев (Чумака, Кирсанова и Зимянина). – Ясно, что если в лоб не удалось, мы решили взять другим, мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее. А что это такое: пользуюсь случаем, чтобы передать вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия и информировать товарища Тито, что если товарищ Тито разделит эту точку зрения, то было бы целесообразно...» Молотов сделал вывод: «Он не хотел решения Правительства. Он вертелся, и в руки попался ...Первое, что для себя мы должны сказать: Берия – агент, классовый враг»³¹⁴.

Исходя из дальнейших весьма туманных и путаных высказываний «старого ленинца», можно было догадаться, что он подозревал Берия в стремлении создать в стране двухпартийную систему, упомянув в этом контексте и Тито. «В нашей стране любая другая партия не может быть не чем другим, как агентом иностранного капитала, как агентом империалистов, – предостерег Молотов. – И вот, товарищи, когда нам хотят создать новую организацию, планируют и прочее, то эти люди либо мечтают о том пути, по которому пошел Тито и его банда, либо вроде этого они могут мечтать что-то создать, потому что до сих пор Тито считается коммунистом. Почему Берия не может считаться коммунистом и делать не так, как делает партия? Любого такого агента золотом засыплет буржуазия, капитализм, только бы он нашелся»³¹⁵.

В стенографическом отчете, готовившемся в аппарате ЦК КПСС до осени и разосланном, предположительно, в сентябре 1953 г., бóльшая часть выступления Молотова оказалась переписанной. В нем, насколько это было возможно, конкретизировались уже высказанные и добавлялись новые выпады в адрес Берии в связи с Югославией, а также получили обоснование проводимые СССР в последние месяцы действия на югославском направлении³¹⁶. Факт обмена послами в выправленном тексте выступления Молотова представлялся как продолжение линии Коминформа на устранение титовского режима, «поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам». Югославия была названа уже не просто «буржуазным государством», но отнесена к числу «буржуазных государств, связанных с Североатлантическим агрессивным блоком»³¹⁷.

В правленной стенограмме Молотов словно полемизировал с кем-то, кто и к сентябрю 1953 г. не мог понять, почему письмо с таким незатейливым текстом должно быть уликой, и попытался все же развернуть некоторую аргументацию: «Но разве не ясно, что означает эта попытка Берия сговориться с Ранковичем и Тито, которые ведут себя как враги Советского Союза? Разве не ясно, что это письмо, составленное Берия в тайне от нашего Правительства, было еще одной наглой попыткой ударить в спину Советского правительства и оказать прямую услугу империалистическому лагерю? Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия – агент чужого лагеря, агент классового врага»³¹⁸. Вслед за этим в почти полностью отредактированном и существенно дополненном варианте «выступления Молотова», данном в стенографическом отчете, была развита версия о заговоре Берии-заговорщика, который, согласно откорректированному тексту, «мог рассчитывать главным образом на сочувст-

вие и поддержку ... черчиллей, даллесов или тито-ранковичей. Ни на кого, кроме заклятых врагов Советского Союза, он не мог рассчитывать в своих планах захвата власти»³¹⁹.

В стенографическом отчете выступления Молотова было использовано ритуальное клише времен конфликта 1948 г. об «антикоммунистической клике Тито, захватившей власть в Югославии под маской коммунизма, ... эта клика и теперь еще именует себя “коммунистической”, хотя она уже открыто находится в услужении у Североатлантического блока империалистов»³²⁰. Таким образом, авторы и редакторы текста Молотова продолжали поддерживать версию о Берии как агенте империалистов, аргументируя ее во многом именно тем, что он пошел по пути, прототипу Тито, и рассчитывал на поддержку югославского лидера, намереваясь направить ему письмо с предложением встречи.

Вслед за выступлениями Г.М. Маленкова и В.М. Молотова версию о «большом, матером международном авантюристе, международном агенте и шпионе» в связи с письмом Ранковичу и Тито поддержали министр обороны Н.А. Булганин³²¹ и член Президиума ЦК КПСС Л.М. Каганович. Последний даже стилизовал свое выступление в духе резких характеристик, дававшихся Тито в конце 40-х – начале 50-х годов, творчески применив их к данному случаю («ядро фашистской банды Берия», «банда воров-рецидивистов и убийц»)³²², и заявил о том, что Берия, «безусловно, был связан с международной империалистической разведкой как крупный их агент и шпион». Каганович также прочно увязал шпионскую деятельность Берии с «его письмом и братанием с Ранковичем и Тито, после того как Тито приехал из Англии и побывал в Америке». «Это линия агента империализма, выполнявшего заказ империалистических держав – предать нашу Родину в руки империалистов», – заявил выступавший³²³.

Вероятно, подобные характеристики должны были, по замыслу режиссеров пленума, не оставить никакого сомнения в «предательстве Берии». То, что Тито к этому времени выезжал только в Лондон, совершенно не волновало организаторов инсценировки. В дальнейшем сюжет о «письме Берии» югославскому руководству упоминался и в выступлениях секретарей горкомов КПСС двух крупнейших парторганизаций (Москвы и Ленинграда) Н. Михайлова и А. Андрианова³²⁴. Все эти выступления на долгие годы оставили в сознании советской номенклатуры глубокое впечатление опасности любых, кроме негативных, рассуждений о Югославии.

Впрочем, «югославский след» в обвинениях против Берии несколько сглаживался уже в ходе самого пленума, по мере того как члены ЦК не выражали сомнений в правомерности его устранения. Резкие, но совсем не криминального характера, фор-

мулировки проекта постановления пленума от 4 июля следующего типа: «...в самые последние дни обнаружился такой чудовищный факт, как подготовленный им проект дружеского письма Тито и Ранковичу в Югославию»³²⁵, – были заменены формулировкой «преступные замыслы», а упоминание о письме Ранковичу опущено. В окончательном варианте постановления пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии», принятого 7 июля, значилось: «В самые последние дни обнаружались преступные замыслы Берии установить через свою агентуру личную связь с Тито и Ранковичем в Югославии»³²⁶.

В сообщении о прошедшем пленуме ЦК КПСС, опубликованном в печати, «югославский след» Берии уже не упоминался. Отсутствовал он и в Постановлении Президиума ЦК КПСС. В тексте под названием «В Прокуратуре СССР» сообщалось: «Как установлено следствием, Берия и его сообщники совершили ряд изменнических актов, пытаясь ослабить обороноспособность Советского Союза». Берии вменялись «в вину организация секретных переговоров с Германией в октябре 1941 г. и вредительские действия в ходе обороны Северного Кавказа в 1942 г.»³²⁷.

Необходимость составить четкое представление по поводу политики Москвы относительно Белграда после устранения Берии потребовала разъяснений в странах «народной демократии», руководство которых желало узнать, каков должен быть их курс в отношении титовской Югославии. Уже 8 июля в разговоре с Маленковым глава правительства Болгарии В. Червенков, сославшись на поручение ЦК КП Болгарии, поставил вопрос о целесообразности продолжения в дальнейшем «специальной работы» по линии борьбы с титовцами. По всей вероятности, абсурдность сложившегося положения была ясна Маленкову. Тем не менее он ушел от прямого ответа, попросив болгарского коллегу «особо напомнить» об этой просьбе позднее, с тем чтобы советское руководство обсудило данный вопрос отдельно³²⁸. Фигура умолчания, избранная Маленковым, была неслучайной: с учетом обвинений в адрес Берии на недавнем пленуме ЦК КПСС вопрос требовал осторожного подхода и дополнительного рассмотрения.

Пленум, посвященный осуждению Берии, еще не закончился, а 6 июля в посольстве СССР в Белграде был подготовлен доклад, завуалированный, по всей вероятности, в связи с сообщениями о его аресте под информационный материал «Обзор югославской печати за июнь 1953 г.»³²⁹ Его авторы пытались угадать настроения в Кремле и дать интерпретацию последних событий в развитии советско-югославских контактов. На деле же документ стал своего рода подведением итогов курса СССР, который проводился в отношении Югославии в предыдущие месяцы.

Авторы «Обзора...», не оставив без внимания некоторые подвижки в югославской позиции в сторону сближения с СССР, имевшие место в первой половине июня, сделали акцент на событиях конца месяца: «самые последние выступления представителей клики Тито», а также оживление провокационной деятельности на границах и в печати показывают, что «клик Тито не намерена ни на йоту отказываться от своей прежней провокационно-вызывающей политики в отношении СССР»³³⁰. Они также отмечали: «Советская власть по принятым у титовцев штампам трактуется как власть бюрократии». Советские дипломаты обратили внимание, что Кардель в статье в газете «Борба» от 28 июня «в туманной форме наметил основные внешнеполитические установки титовцев на предстоящий период, которые, по существу, являются лишь перепевами американского агрессивного антисоветского курса»³³¹.

Можно предположить, что в июне 1953 г. немедленная нормализация советско-югославских отношений на основе полного признания ответственности Москвы за разрыв с Югославией не устраивала большинство руководителей СССР. К тому же их в значительной мере беспокоили заявления Карделя о волнениях в лагере стран народной демократии в июне 1953 г., носившие, по мнению советских дипломатов, во многом провокационный и подстрекательский характер. В посольстве в Белграде обращалось внимание на то, что упомянутые события Кардель ставил «в один ряд с предательством клики Тито» и утверждал: это лишь первые проявления «революционной социалистической критики закореневших государственно-капиталистических отношений в советской системе», которая «переживает острый внутренний кризис». Поэтому означенные события, по словам Карделя, служили «лишь предвестником других, которые рано или поздно должны произойти во внутренней жизни советской системы»³³².

Впрочем, не все враждебные заявления югославского руководства в советском посольстве были склонны приписывать исключительно имманентной враждебности к СССР. Там считали, что есть и другие поводы, связанные с особой чувствительностью к внешнеполитической активности Москвы на балканском направлении, в частности с ее недавними шагами по нормализации отношений с Турцией и Грецией. В подготовленной посольством справке позиция югославской стороны значительно упрощалась и внимание было обращено на следующую «особенность» ее поведения: «До тех пор, пока было известно о шагах Советского правительства в отношении Югославии (приглашение баскетбольной команды, беседа тов. Молотова В.М. с Джуричем, предложения об обмене посланниками и послами), югославская печать в проведении антисоветской кампании проявляла известную

умеренность. Но как только стало известно об аналогичных шагах в отношении остальных партнеров Балканского военно-политического союза, титовские газеты сразу же сменили самодовольный тон на встревоженный. Все советские предложения сразу же стали истолковываться лишь как «маневр» и «очередное мирное наступление на Балканах» с целью внести разлад в ряды стран – участниц Балканского блока и т.д.»

Как указывалось в справке, начали раздаваться тревожные призывы «не допускать, чтобы советское мирное наступление» разбило совместные «оборонительные усилия», «укреплять Балканский договор и сотрудничество трех стран и т.п.»³³³ В этой части материал справки показывал, что поддержка взглядов, отраженных в резолюциях Коминформа 1948 и 1949 гг. по «югославскому вопросу», имела (в силу традиций тоталитарного режима) ритуальное значение, отступая перед профессиональным анализом причин антисоветского поведения югославов. Помимо этого и несмотря на общую политическую линию критики югославского руководства, в посольстве СССР в Белграде признавали, что Балканский пакт тесно связан с интересами ФНРЮ.

Судя по всему, после устранения Берии у советского руководства не нашлось оснований к резкому пересмотру курса в отношении Югославии. 10 июля в Президиум ЦК КПСС из МИД СССР за подписью Молотова была направлена рекомендация о положительной реакции на запрос югославской стороны выдать агреман назначенному послом в Советском Союзе Добривое Видичу. Молотов приводил детали биографии этого дипломата: являлся секретарем комитета Автономной области Воеводины; 1951–1952 гг. работал в югославском посольстве в Лондоне; с 1952 г. по настоящее время – посол в Бирме. Член ЦК Союза коммунистов Сербии и член ревизионной комиссии ЦК СКЮ³³⁴. Несмотря на то что «Союз коммунистов Югославии» по традиции брался министром в кавычки, на следующий день, 11 июля, Президиум ЦК партии принял решение согласиться с назначением Видича послом ФНРЮ в СССР³³⁵.

Реакция Белграда на устранение Берии послужила темой многих спекуляций и мистификаций, которые нашли отражение в донесениях западных дипломатов и печати того времени. Наиболее яркая версия была изложена в начале 1954 г. проживавшим в США хорватским эмигрантом Б. Радицей, который утверждал, что в начале июля С. Вукманович-Темпо, одетый в партизанскую форму времен Второй мировой войны, в сопровождении сотрудника некоего «особо секретного Отдела» УДБ (Управление госбезопасности) Александра Кнеза (партизанский псевдоним «Савва») несколько раз летал в Люблянну для встреч с Тито, а затем с 8 по 10 июля находился в Москве, где провел секретные

переговоры с советским руководством. По утверждению Радицы, их итоги были обсуждены на совещании руководителей ЦК СКЮ и Генштаба ЮНА. В результате, 18–19 июля были сняты ограничения на передвижения советских дипломатов в Югославии, а югославских – в СССР³³⁶.

Талантливо разработанная и ярко изложенная версия Радицы не находит подтверждений в доступных материалах российских и югославских архивов. Согласно известным документам, в Белграде, впрочем, как и в ведущих столицах западного мира, со значительным опозданием узнали об аресте Берии.

Первого июля информационное агентство ТАНЮГ анонсировало статью о югославо-советских отношениях, опубликованную в журнале «Международные проблемы». В ней указывалось, что «сталинская политика привела к перевооружению и объединению миролюбивых народов». СССР перешел к новой тактике после того, как проиграл первую стадию «холодной войны». По мнению авторов статьи, Советский Союз «сочетает свои примирительные шаги с продолжающимся экономическим, военным, дипломатическим и пропагандистским нажимом». Целью предлагаемого Москвой разоружения является «попытка рассорить миролюбивые народы и добиться нейтрального отношения к советской экспансии». После столь нелюбимых характеристик советских действий в материале подчеркивалось: новая тактика, в том числе предложения об обмене послами, «не означает нормализации взаимных отношений и того, что Советский Союз прекратил свою холодную войну против Югославии». Материал заканчивался строками, почти дословно цитировавшими одно из высказываний Тито: «В том случае если бы советское правительство и решило прекратить свою холодную войну и добиться подлинной нормализации отношений, не изменяя характер власти в Советском Союзе, не изменяя свою общую внутреннюю и внешнюю политику, Югославия будет продолжать оставаться настороже и недоверчиво относиться к этой великой державе»³³⁷.

Отношение югославского руководства к устранению Берии было, конечно, приоритетным для определения дальнейшего курса действий Югославии на «советском направлении». Но ясности, к чему все это может привести, у югославских властей еще не возникло. Так, в отчете британского посольства в Белграде отношение ФНРЮ к факту «падения Берии» было отнесено к разряду главного события последних двух недель. Англичане обратили внимание на выступление Тито по случаю годовщины антифашистского восстания в Сербии³³⁸, где тот сказал, что «недавние советские шаги не будут иметь влияния на внутреннее развитие Югославии». Но британские дипломаты не могли понять,

имел ли Тито в виду подавление советскими войсками волнений в Берлине, арест Л.П. Берии в Москве или же решение Кремля направить в Белград посла. В отчете указывалось на почти полное отсутствие официальных комментариев в югославских СМИ по поводу «падения Берии»: «Отдельные официальные лица придерживаются линии, согласно которой еще невозможно сделать ясные выводы из этого, за исключением того, что внутренние условия в Советском Союзе оказались даже хуже, чем они предполагали»³³⁹. В том же ключе работала югославская пресса, которая воздерживалась от вынесения собственных суждений, публикуя лишь комментарии из зарубежной печати. В выступлении в Биело-Полье 13 июля М. Джилас также обошел молчанием арест Берии и завершившийся неделю назад пленум ЦК КПСС³⁴⁰.

Сдержанная реакция в столице ФНРЮ на сообщение об устраниении Берии означала лишь одно – произошедшее в Москве там считали действительно неординарным и тщательно разбирались в самом событии и его возможных разносторонних последствиях, включая прежде всего влияние на советско-югославские отношения³⁴¹. В Белграде молчали, пытаясь понять: намерен ли Советский Союз продолжать нормализацию связей с Югославией или он вернется к политике, проводившейся до марта 1953 г., как составляющей прежнего «сталинского курса». В эти дни югославская дипломатия воспользовалась ситуацией, связанной с выдачей визы Валькову, и 4 июля через советское посольство в Москву был направлен запрос об агремане для Д. Видича как нового посла в СССР. 6 июля об этом факте стало известно чехословацкому посольству в ФНРЮ³⁴².

Характер изменений в советском руководстве оставался для Белграда неясным. Об «исчезновении» Берии посольство ФНРЮ в Москве сообщило лишь 1 июля, когда Джурич передал в ГСИД информацию о слухах, витавших в дипкорпусе. Первый из них о том, что военный атташе одной из западных стран заметил 27 июня (в субботу вечером) особые меры безопасности, введенные в Москве; согласно другому слуху – на повторной премьере сезона оперы «Декабристы» в Большом театре в тот же день Берия не был замечен среди других советских руководителей. Но его отсутствие объяснялось сразу двумя версиями: занятостью в связи с паникой населения, вызванной предстоящим сообщением об обмене денег (денежная реформа в то время уже была проведена в Чехословакии. – А.Е.) или же тем, что он вылетел в Берлин в связи с недавними событиями в Восточной Германии³⁴³.

Первую более достоверную информацию Джурич направил в Белград лишь 5 июля после полученных им известий о предстоящем пленуме ЦК КПСС и возникшей у послов Франции и США

гипотезы об устранении Берии в результате каких-то противоречий между ним и Маленковым³⁴⁴. Тем не менее данные версии не получили развития в югославских аналитических материалах, хотя для этого имелась возможность. Как раз 7 июля 1953 г., когда пленум ЦК КПСС одобрил резолюцию о Берии и Хрущев праздновал свою первую победу, югославские эксперты закончили работу над материалом «О Коммунистической партии Советского Союза». Однако его авторы не шли дальше общих выводов относительно основных тенденций деятельности КПСС в советской внутривластной жизни, сделанных на материале последних месяцев³⁴⁵.

После публикации 10 июля в советских СМИ краткого сообщения о состоявшемся пленуме ЦК КПСС в телеграммах из югославского посольства в Москве была переслана целая серия версий. Дипломаты подтверждали, что об устранении Берии «народ узнал 10 июля из газет, за которыми выстроились огромные очереди». Сообщалось также о повсеместном снятии портретов Берии, развешенных в общественных зданиях, и проведении заседаний парткомов, на которых его деятельность была подвергнута осуждению. В телеграмме приводились слова некоего «партийного активиста, рассказавшего, что после смерти Сталина Берия укреплял буржуазный национализм и сионизм». Оценивая эти реплики, югославские дипломаты в Москве отмечали, что советским гражданам больше по душе иное объяснение причин устранения Берии, который при помощи репрессивных органов хотел «подмять под себя и партию, и правительство»³⁴⁶.

Такие объяснения в Белграде посчитали явно недостаточными. По получении официального сообщения советской печати о Берии, руководство Югославии определилось с постановкой задачи для своих дипломатических миссий. Уже в тот же день, 10 июля, внешнеполитическое ведомство потребовало от всех югославских посольств в странах, входящих в Информбюро, «уделить максимальное внимание получению всей информации в связи с событиями вокруг Берия», своевременно направлять в Белград все возможные комментарии и мнения самих посольских сотрудников. В ГСИС требовали информации, которая могла бы помочь понять, «является ли ликвидация Берии линией на антисталинский или просталинский курс»³⁴⁷.

В соответствии с полученными указаниями посол ФНРЮ в СССР Джурич исправно передавал по инстанции все собранные его подчиненными сведения в связи с этим делом. 12 июля в Белград было сообщено о широко распространенном в столице Советского Союза слухе о том, что Берия – еврей, в связи с чем амнистированные в апреле 1953 г. «врачи-отравители», возможно, будут вновь арестованы, а Игнатъев и Рюмин – выпущены на сво-

боду³⁴⁸. 13 июля посольство Югославии передало версию американских журналистов (корреспондентов ЮПИ и АФП), каждый из которых независимо от другого слышал от нескольких советских граждан, что Берия имел связи с Ранковичем и хотел стать «советским Тито». Впрочем, глава югославской дипломатической миссии в Москве не придал подобным сведениям серьезного значения³⁴⁹.

14 июля Джурич направил в Белград сразу две телеграммы с серьезными рассуждениями «о случившемся с Берией». Он уведомлял: «Все проведено в сталинском стиле. Обвинения неконкретны, а от народа требуется принять их как точные. После смерти Сталина и пропагандистских мероприятий против деятельности МВД советские граждане начали размышлять чуть-чуть свободнее. Большинство людей, с которыми мы разговаривали, озабочены и сомневаются в истинности обвинений и правительственных обещаний». Повествуя об истории расследования «дела Берия», проведенного сотрудниками посольства посредством аккуратных расспросов советских граждан, глава югославской миссии писал далее: «Поначалу мы встретили повсеместное одобрение действий против Берии просто потому, что он был шефом полиции. Но сегодня в конфиденциальных беседах собеседники “признают”, что этого недостаточно, и озабоченность нарастает. Некоторые говорят, что Берия желал добра народу. Они делают этот вывод из звучащих в его адрес обвинений в намерении “реставрировать капитализм”, что в народе трактуют как стремление Берии уменьшить давление на крестьянство...» «Дело Берии серьезнее, чем думалось на первых порах, – указывал также Джурич. – Оно потрясло весь устоявшийся порядок дел в Советском Союзе». В посольстве предполагали, что «на формальном суде» Берия будет обвинен как заговорщик и националист.

Свои обобщения Джурич сделал в традиционном стиле: «Бюрократическая система создала особую оппозицию, которая стихийно сотрясает укореняющийся принцип властвования. Мы полагаем, что победители в Кремле, если у них хватит сил, пойдут на широкую ликвидацию различных противников подобных Берии, чтобы на обозримое время сделать невозможным возникновение похожего случая... Кремль нанес значительный ущерб своему имиджу и в стране, и внешнем мире, но в скором времени (если дела пойдут по накатанной колее), последствия будут серьезнее. Поэтому победители должны идти дальше и достичь временной, но все же длительной консолидации власти». Относительно судьбы самого Берии в дипмиссии Югославии не оставалось сомнений: дипломаты считали, что «его умертвят», ибо, если он будет в заключении, «никто не сможет на что-либо рассчитывать».

Однако в посольстве полагали, что в сложившейся ситуации власти не посмеют пойти на физические ликвидации в значительных масштабах. Одновременно высказывалось предположение, что «процесс смещений и отставок и т.п. будет достаточно объемным»³⁵⁰.

Вслед за процитированным Джурич направил в Белград еще одно донесение, в котором опроверг предположения ряда западных дипломатов, предсказывавших «возвращение Советского Союза, прежде всего во внешней политике, к последовательному сталинизму». Ссылаясь на консолидированное мнение сотрудников посольства, он писал: «Мы думаем, что этого ни в каком случае не случится и развитие (ситуации в стране. – А.Е.) будет продолжено по уже объявленному пути, который, в сравнении с прежним, достаточно популярен и ведет к определенным уступкам перед требованиями народа». В телеграмме обращалось внимание на то, что после ареста Берии в советской политике «не замечено серьезных изменений за исключением большего акцента на необходимость быть бдительнее в отношении внешнего врага». «Если даже Берия и был инициатором планов... поднятия уровня жизни, примирения с Западом и т.п., – указывал Джурич, – то сегодняшнее правительство не сможет от них отступить (а тем более в грубой форме и быстро) вследствие их популярности, хотя, возможно, некоторые из этих мер будут замедлены или откорректированы»³⁵¹.

Сообщения из Москвы подвигли руководство ФНРЮ к необходимости отреагировать на устранение Берии. Лидеры Югославии определились с позицией, которую следовало занять по отношению к случившемуся в СССР. Согласно дневниковым записям В. Дедиера, Тито в одном из частных разговоров 15 июля назвал смещение Берии «прогрессивным». В тот же день Дедиеру удалось побеседовать со всеми югославскими лидерами, которые проявили завидное единство в оценках. Ранкович в унисон с Тито назвал произошедшее в советской столице прогрессивным шагом, так как «полиция» ставится под контроль партии. В телефонной беседе Джилас, предварительно поинтересовавшись у Дедиера мнением Тито, согласился с точкой зрения о «прогрессивности события» и говорил о необходимости написать о произошедшем большую статью, так как «больше нет смысла ждать»³⁵².

Общее мнение руководителей ФНРЮ выразил Э. Кардель, выступая 19 июля на митинге по случаю открытия памятника Б. Кидричу. (Раздел его выступления о событиях в Советском Союзе в прессе так и был озаглавлен «Что происходит в СССР».) Официальный идеолог югославского руководства использовал ситуацию для подтверждения верности прежнего

курса Югославии и весьма обтекаемо говорил о случившемся: «События в царстве сталинского бюрократического деспотизма свидетельствуют о том, что и там социалистические силы становятся все активнее и уже начали ломать стену государственной капиталистической деспотии. Об этом свидетельствует не только движение трудящихся в Восточной Германии, Чехословакии и других странах, не только перемены в Венгрии, но и в самом Советском Союзе». Назвав устранение Берии «падением НКВД* – столпа сталинской тирании», Кардель уклонился от оценок оставшегося у власти руководства: «Не рассматривая, какие цели при этом преследует Маленков вместе с людьми его группы и до какого предела они пойдут, будут ли вынуждены начать разрушение сталинской системы, мы тем не менее можем считать позитивным уже сам факт того, что новые люди во главе советского государства могут укрепиться только за счет подкопа под машину НКВД, ее силу и влияние, машину, являющуюся опорой сталинского деспотизма».

Югославский идеолог очертил варианты дальнейшего развития событий, которые зависели, по его мнению, от выбора новым руководством социальной опоры. «Большого выбора нет, – заметил он, – или новое НКВД и военная клика, или трудящиеся массы. В первом случае кризис системы будет только углубляться и обостряться, во втором – будут необходимы уступки трудящимся и большая демократизация, а тем самым будет нарастать давление демократических сил, социалистических сил на основы бюрократического деспотизма и государственного капитализма». В итоге Кардель свел случившееся в СССР к победе югославского руководства в событиях после 1948 г., однако заявив, что «система, которую во имя “социализма” в агрессивной манере хотели навязать нашему трудовому народу, оказалась в тяжелом внутреннем кризисе». После данных слов он не замедлил противопоставить этому кризису успехи югославской общественно-политической системы³⁵³.

Параллельно с этими высказываниями югославская сторона в это время продемонстрировала в отношении СССР символический «жест доброй воли». 18 июля Государственный секретариат по иностранным делам Югославии сообщил советскому посольству в Белграде о том, что его сотрудники имеют право на передвижение по всей стране за исключением пограничных зон. В ответ уже 19 июля работники югославского посольства в Москве также получили разрешение на поездки по всему Советскому Союзу, кроме «закрытых районов»³⁵⁴.

* Кардель намеренно использовал старую аббревиатуру для дополнительной негативной характеристики советских карательных органов.

Весьма скоро и в публичных, и в личных оценках Карделя жесткие характеристики советской системы были смягчены. Дедьер не мог скрыть удивления его словами, когда 22 июля тот в частной беседе с ним высказал суждения на этот счет. Начав разговор с обсуждения событий вокруг «дела Берии», Кардель, казалось, подтвердил прежние выводы. Устранение силового министра он назвал «событием огромного значения, несомненно, представляющим сильный удар по зданию, возведенному Сталиным». Новое советское руководство под давлением масс должно было совершить такой компромиссный шаг. Дальнейшие слова собеседника Дедьер процитировал заковыченными: «Мы должны исходить из оценки базиса в СССР. Он прогрессивен. Нам следует подвергнуть некоторому пересмотру наши оценки общественного строя в СССР. Мы их давали в разгар борьбы, вследствие этого сознательно отодвигали на задний план такие позитивные элементы советского общественного устройства, как базис»³⁵⁵.

В конце июля 1953 г. во внешнеполитическом ведомстве ФНРЮ «ликвидации Берии и связанным с ней событиям» продолжали отводить «первое и центральное место» в ряду «самых важных вопросов». Основная тяжесть выполнения задачи по выработке позиции в отношении этого дела легла на работников первого отдела ГСИД, в круг повседневных обязанностей которых входило «советское направление». Первый отдел тесно взаимодействовал с посольством в Москве. Доступные архивные материалы позволяют оценить деятельность экспертов, синтезировавших политическую позицию высшего руководства Югославии, с конкретными данными, которые присылали из советской столицы подчиненные Джурича.

В директивных указаниях посольству, которые направил 30 июля в Москву начальник первого отдела Т. Рафаэль, предписывалось «за основу оценок и подходов» по вопросу об устранении Берии взять выступление Карделя по случаю открытия памятника Борису Кидричу, а также руководствоваться соответствующими телеграммами внешнеполитического ведомства ФНРЮ предыдущего периода. В Белграде считали необходимым подчеркнуть ряд основных положений с тем, чтобы сотрудники посольства в Москве занялись их дополнительным подтверждением или развитием. Оговорившись, что пока в отделе не претендуют на окончательную оценку события, Рафаэль указал, что «ликвидация руководителя НКВД, одного из столпов бюрократического порядка, есть лучшее доказательство жесткого внутреннего кризиса»; новое руководство «было вынуждено расправиться со всемогущим НКВД и разрядить ситуацию в ответ как на требования народных масс, так и на внешний фактор». В Белграде полагали, что «процесс внутреннего и внешнего ослабле-

ния напряженности будет развиваться и дальше, но его темпы невозможно предугадать, ибо они зависят от ряда условий. При этом следует ожидать жестокой борьбы различных фракций и групп и дальнейшего давления масс на руководство в направлении ослабления сталинских порядков».

При составлении директивы для дипмиссии в СССР в «советском» отделе внешнеполитического ведомства ФНРЮ опирались на материалы самого посольства в Москве и не скрывали этого. «Вы заявляли о наличии известных прогрессивных течений в массах, – отмечали в Белграде. – Поэтому вам следует приложить все силы для конкретного подтверждения изложенных вами предположений с тем, чтобы мы были в состоянии по возможности самым полным образом дать оценку значения и последствий этого важного обстоятельства. Мы считаем, что для вас это будет заданием на длительный период, ибо последствия устранения Берии найдут отражение на всех направлениях советской политики». Эксперты «советского направления» ГСИД Югославии считали, что «из официальных обвинений против Берии отчетливо не видно, какие вопросы были на первом плане (все дано слишком обобщенно)», но тем не менее просили посольство специально проработать и обратить особое внимание на политику свергнутого шефа госбезопасности по национальному вопросу и в отношении колхозов.

Служба в политической системе, сходной с советской, заставила Т. Рафаэля обращать внимание на наиболее существенные стороны политического процесса тоталитарного государства, что значительно облегчало анализ текущего состояния ситуации и позволяло представить прогноз ее развития. Посольству ставилась задача «обратить внимание, насколько во всех этих действиях ощущается влияние среднего и низшего партийного звена, в какой мере действия центрального руководства находят поддержку или же наталкиваются на сопротивление». Автор директивы обратил внимание и на то, что после устранения Берии, как и после смерти Сталина, стали слышны призывы к необходимости коллективного руководства и борьбы с «культом личности». По его мнению, это «объективно означало бы дальнейшее дезавуирование Сталина и его политики». В директиве давалось поручение «найти подтверждение таких выводов»³⁵⁶.

10 августа на основе указаний из Белграда посольство ФНРЮ в Москве подготовило еще один доклад с анализом причин «ликвидации Берии»³⁵⁷. Политически заданная линия директивы от 30 июля в оценке этой акции была выдержана самым скрупулезным образом. Дипломаты посольства указывали, что устранение Берии произведено «по типичному образцу действий НКВД, а обвинения были предъявлены в классическом сталинском стиле –

совсем не приводятся (или приводятся очень мало) конкретные факты, но много тяжелых и общих выводов, вытекающих один из другого за счет формально-логических рассуждений». Вслед за этим обращалось внимание на использование «в деле Берии» мощного пропагандистского аппарата: «Люди до бессознательности повторяют пустые фразы обвинения и уверяют себя в том, во что никто из них не верит и ничего не понимает». Основу случившегося конфликта в советском руководстве авторы доклада видели в столкновении между Берией и Маленковым по поводу политики на селе, по национальному вопросу и ряду других. Главной же причиной, по мнению посольства, стал «вопрос о власти».

Вместе с тем установка июльской директивы ГСИД ФНРЮ на необходимость придерживаться тезисов, изложенных в выступлении Карделя 19 июля, принесла свои плоды. В объективный, реалистический анализ были инкорпорированы идеологические оценки, что оказало влияние на общие выводы документа, в итоговой части которого говорилось: «Независимо от того, вокруг каких проблем произошло расхождение, Маленков поднялся на борьбу против Берии с позитивных позиций, по меньшей мере, в вопросе о месте полиции в системе государственного управления и о соотношении влияния полиции и партии в этой системе. Эта позиция навязывает Маленкову проведение соответствующих действий, которыми он и занят. Возможно, что Маленков выбрал эту линию поведения по чисто практическим причинам, но это не меняет объективно прогрессивного характера его позиции. В таком случае падение Берии влечет за собой конец супрематии НКВД и открывает позитивную перспективу дальнейшего развития ситуации»³⁵⁸.

После подведения известной черты под «делом Берии» югославское руководство продолжало продумывать дальнейшие шаги по развитию отношений с СССР. Следующим вероятным этапом должно было стать обсуждение экономических проблем в двусторонних отношениях. В югославском ведомстве по иностранным делам столкнулись с «появлением срочной задачи по подготовке необходимой документации относительно экономических претензий ФНРЮ к СССР» и в свою очередь потребовали того же от посольства в Москве. При оценке претензий, считали в ГСИД Югославии, «следует принимать в расчет: затраты на проведение репатриации, возмещение ущерба, который наша страна понесла в результате выдворения наших официальных дипломатических представителей, выплату ущерба нашим гражданам в СССР, уравнивание запросов в отношении Интуриста, остальные хозяйственные иски». Белград просил посольство передать все требуемые данные «с учетом того, что дело очень срочное»³⁵⁹. Совпадение полученного указания с готовившейся в это

время передачей новым советским послом В.А. Вальковым верительных грамот Президенту ФНРЮ И. Броз Тито вполне объясняло срочный характер задания. Появление посла СССР предвещало, что рано или поздно завалы на хозяйственном поле советско-югославского взаимодействия, образовавшиеся в конце 40-х годов, обеим сторонам придется если не расчищать, то, по крайней мере, обсуждать.

Одновременно в Белграде стремились показать: Югославия не намерена идти на полное сближение с Западом и прежде всего по той причине, что у нее есть собственные государственно-политические интересы. 26 июля 1953 г. центральная югославская газета «Борба» опубликовала на первой полосе статью В. Дедиера «По поводу “освобождения” Восточной Европы»³⁶⁰. В ней весьма определенно указывалось, что в Белграде не принимают установок американской внешней политики на «освобождение Восточной Европы», т.е. на возвращение к власти в странах региона прежних режимов. Данное заявление известного своей близостью к Тито автора не могло остаться незамеченным в Москве. Впрочем, в Кремле после некоторого размышления пришли к выводу о необходимости проведения в отношении Югославии курса, взятого весной 1953 г.

Сотрудники «высотки» на Смоленской площади, несмотря на внутривластные потрясения в СССР, продолжали отслеживать ситуацию в Югославии. Заявлениям югославских руководителей о перспективах отношений с Москвой придавалось важное значение. Особое внимание уделялось высказываниям, отражавшим условия, на которых югославы были готовы к развитию контактов. В начале июля советский МИД не обнаружил серьезных отклонений от прежних заявлений о готовности к формальному сближению с СССР³⁶¹. Некоторое смягчение позиции Тито относительно Советского Союза, связанное со стремлением югославского руководства играть роль посредника в отношениях между Западом и «восточным» блоком, не проходило мимо внимания советских аналитических служб³⁶².

К тому времени во внешнеполитическом ведомстве СССР перестали предвзято подходить к заявлениям Тито о пограничных конфликтах на югославских границах, вызывавшихся действиями со стороны стран «восточного» блока. В подготовленной 9 июля за подписью В.А. Валькова информационной справке о пограничных инцидентах вокруг Югославии признавалась справедливость высказываний по данному вопросу, сделанных президентом Тито 14 июня³⁶³. В материале отмечалось, что «в ряде случаев наши друзья (руководство граничащих с ФНРЮ стран советского блока. – А.Е.) не принимают должных мер для предупреждения инцидентов на границах с Югославией. Тов. Георгиу-

Деж в беседах с тов. Лаврентьевым 8 июня с.г. отмечал, что румынские пограничники проявляют некоторую горячность и поспешность. Об излишней горячности болгарских пограничников говорил тов. Червенков тов. Бодрову». Сходными были выводы Валькова относительно югославо-венгерских отношений. Он привел слова советского посла в Будапеште Киселева, который сообщил, что «до последнего времени в ряде случаев сами венгры повинны в инцидентах, имевших место на венгеро-югославской границе... указание тов. Ракоши, данное в свое время пограничным властям о необходимости активизировать пограничную охрану, привело к увеличению числа инцидентов...»³⁶⁴

Заданный еще до ареста Берии импульс к сотрудничеству с Белградом продолжал определять курс Москвы. Именно об этом свидетельствовал и ряд высказываний Г.М. Маленкова и В.М. Молотова на рассмотренном выше июльском пленуме ЦК КПСС (1953 г.), в которых не опровергались прежние действия по нормализации советско-югославских отношений. К тому же и самому автору документа В.А. Валькову, который получил значительное продвижение по службе в результате назначения послом в ФНРЮ еще в начале июня и просидел «на чемоданах» более полутора месяцев, не имело смысла подливать масла в огонь готовой вот-вот вновь разгореться советско-югославской полемики. Новый посол СССР в Белграде, готовя материал, добросовестно использовал сообщения советских послов начала июня и в итоге пришел к мнению, сходному с высказанным югославским лидером³⁶⁵.

Внимательный анализ заявлений руководителей Югославии не давал оснований для особой тревоги относительно дальнейших шагов по нормализации дипломатических контактов. 10 июля В.М. Молотов направил Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву предложение МИД СССР о выдаче агремана послу Югославии Д. Видичу. 11 июля Президиум ЦК КПСС утвердил это предложение³⁶⁶. То обстоятельство, что на июльском пленуме Хрущев, в отличие от выступивших на нем многих советских руководителей, воздержался от высказываний по «югославской тематике», позволило иметь свободные руки и не мешало продолжить в отношении Югославии курс, избранный Кремлем весной 1953 г.

О согласии советской стороны с выдачей Видичу агремана в югославской прессе сообщили 15 июля³⁶⁷, что означало начало формально нового этапа в развитии связей между СССР и ФНРЮ. Это событие привлекло внимание в дипломатическом мире. Лучшая характеристика действий Москвы относительно Югославии была дана в донесении от 22 июля, направленном в Лондон британским посольством. В нем отмечалась замедлен-

ность советских шагов на «югославском направлении»: «Российский спикер (посол Великобритании имел в виду Г.М. Маленкова. – А.Е.) не дал авторитетного комментария, подобного произнесенному маршалом Тито 14 июня. Советское правительство продвигается вперед постепенно, шаг за шагом, изучая последствия каждого из них... Россия желает свернуть Югославию с пути растущего сотрудничества с Западом, противостоять ее желанию построить Балканский блок и добиться ее изоляции. Но русские относятся к этому как к неспешному делу, давая понять, что обольщение Югославии с целью возвращения ее к действительному партнерству с советским блоком не является одной из задач ближайшего будущего. В настоящий момент ими проводится линия на формальную коррекцию курса для устранения угрозы, которую создавало движение Югославии в сторону сближения с Западом»³⁶⁸.

Хотя автор депеши и заявлял, что свои замечания он основывал на наблюдениях за реакцией посольства ФНРЮ в СССР на развитие советско-югославских отношений («действия персонала югославского посольства в Москве создают впечатление, что его подход к советско-югославским отношениям представляет своего рода заинтересованную, но скептическую бдительность»), в приведенной фразе было больше собственных аналитических рассуждений самого англичанина. Ему также бросилось в глаза (и он это особо отметил), что в беседах его югославские собеседники «ревниво реагируют на любую угрозу независимости своей страны»³⁶⁹.

Утром 21 июля на железнодорожном вокзале Белграда для участия во встрече приезжающего в Югославию посла Советского Союза В.А. Валькова с супругой собрались сотрудники посольства и дипломаты представительств стран «народной демократии». Среди встречавших находилось и руководство Службы протокола Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ³⁷⁰.

Прибытие в Югославию советского посла давало формальный повод для его встреч с югославскими руководителями. В Москве решили использовать появление в Белграде Валькова для беседы с Тито. Почву для такой встречи должен был подготовить символический шаг в деле возобновления экономических связей. 25 июля Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об изготовлении и поставке Югославии двух канатных дорог и металлоконструкций для моста»³⁷¹. Решение, потребовавшее отдельного постановления высшего партийного руководства, явилось вместе с тем и жестом поощрения лидеров Югославии за то, что они не выступили с осуждением произошедшего в конце июня – начале июля переворота в советском руководстве. Постановление было

знаменательно также демонстрацией Хрущевым своей силы. Он показал, что отныне все, даже незначительные, документы по хозяйственным вопросам должны быть «освящены» постановлениями Президиума ЦК КПСС.

В Москве тщательно готовились к встрече Валькова с Тито, все ее нюансы и возможные повороты в разговоре были заранее оговорены. В частности, была отработана советская позиция, которую послу предписывалось высказать в самой общей форме. Для ситуации, когда формальная официальная беседа может перейти в обсуждение двусторонних отношений, Президиум ЦК КПСС утвердил следующие указания: «В случае беседы с Тито после вручения ему верительных грамот, внимательно выслушайте то, что будет им сказано, и со своей стороны скажите, что Ваша деятельность как посла СССР будет направлена на укрепление дружбы между народами СССР и ФНРЮ и на развитие отношений между нашими государствами в интересах мира и международного сотрудничества». Если же возникнут вопросы и пожелания со стороны югославского лидера, Валькову предписывалось не связывать себя какими-либо заявлениями и ответить, что он доложит об этом советскому правительству³⁷². Тщательно подбирая фразы Валькова для ответа Тито, в Москве отсекали любые иллюзии о партийных контактах и признании КПСС возможности переговоров с Союзом коммунистов Югославии, которые могли возникнуть у югославо. Текст заявления Валькова должен был показать, что Югославия рассматривается советским руководством как одна из буржуазных стран.

Начальный этап нормализации советско-югославских отношений после смерти Сталина завершился первой встречей посла Валькова с главой ФНРЮ, которая состоялась в резиденции Тито на острове Бриони 30 июля 1953 г. Продлившаяся 35 минут, она не стала лишь эпизодом простой передачи верительных писем, а как и предполагалось в Москве, переросла в беседу. Начав разговор на сербо-хорватском языке, югославский президент постепенно перешел на русский, высказав озабоченность по поводу освещения югославских сюжетов средствами массовой информации Советского Союза. Главную претензию он предъявил по поводу радиопередач, вероятно имея в виду вещание на Югославию³⁷³.

Тематика, с которой обратился к Валькову руководитель ФНРЮ, ясно показала, что Тито намерен продолжить выдвигание условий советской стороне, только после выполнения которых можно было наращивать двусторонние связи. Тем самым югославский лидер выбрал безошибочный тон всех дальнейших контактов с Кремлем. То, что Вальков в изнуряющую летнюю жару предпочел совершить длительный вояж до правительствен-

ной резиденции на севере Адриатики (правда на Бриони ему показали окрестности и позволили искупаться, а на обратном пути и побывать в Опатии, любимом курорте австрийской знати в XIX в., а также в Загребе, Любляне и знаменитых пещерах в Постойно), а не стал дожидаться возвращения президента в Белград, давало югославской стороне все основания полагать, что в Москве, вне зависимости от преследуемых целей, все же больше заинтересованы в развитии связей. Приезд посла СССР на Бриони широко освещался в югославской прессе³⁷⁴.

Первого августа 1953 г. на прощальном обеде в честь отъезда из Бирмы посла ФНРЮ Д. Видича, получившего пост главы югославского посольства в СССР, состоялся его первый разговор с советскими дипломатами в новом качестве. Посол Сухарев, напомнив югославу о том, что Вальков уже находится в Белграде, поинтересовался сроками приезда Видича в Москву. Он выразил также надежду на нормализацию взаимных отношений. То, что было до этого, дипломат назвал «плохим», добавив, что сейчас приняты меры и «все будет хорошо». Советский посол высказал суждение о том, что «невозможно сразу и быстро все изменить» и выразил надежду на восстановление экономических связей. Выслушав все эти высказывания, Видич ограничился общим кратким замечанием: «Мы всегда подчеркивали необходимость нормальных межгосударственных отношений»³⁷⁵.

Сам факт появления в Югославии посла СССР требовал объяснений в странах «советского блока». В частности, 27 июля попросило разъяснений болгарское руководство, ссылаясь на состоявшуюся в начале месяца беседу Червенкова с Маленковым. 31 июля на заседании Президиума ЦК КПСС советскому послу в Болгарии было поручено передать Червенкову следующее: «Дипломатические отношения СССР с Югославией в настоящее время строятся в направлении их нормализации. Причем Югославия рассматривается нами как буржуазное государство. Мы полагаем, что и Болгарии следует при рассмотрении обычных текущих вопросов с Югославией придерживаться порядка, который принят в отношениях с другими буржуазными государствами. Из этого вытекает, что не следует устанавливать особые ограничения для югославского дипломатического представительства в Софии, добиваясь соответственно и нормальных условий для работы болгарского диппредставительства в Белграде. Целесообразно также рассмотреть возможность постепенного дипломатического урегулирования спорных и нерешенных вопросов болгаро-югославских отношений (например, пограничных)».

Послу СССР в Софии предписывалось передать болгарскому руководству, что «официально болгарская печать должна также учитывать эти соображения и выступать в умеренном тоне по от-

ношению к Югославии, оставаясь, конечно, на принципиальных партийных позициях». В Москве не обошли вниманием и вопрос о необходимости так называемых «спецмероприятий», проводившихся против югославского режима со времени принятия второй резолюции Коминформбюро по «югославскому вопросу». Они не были запрещены, но болгарам следовало «исходить из того, что эти мероприятия должны быть гораздо более квалифицированными и тщательно подготовленными». В связи с этим органам МВД Болгарии в соответствующих случаях рекомендовалось устанавливать контакт со старшим советским советником министерства, «которому будут даны дополнительные указания». Послу предписывалось также сообщить болгарскому руководству, что «в ближайшее время будут приняты некоторые меры по повышению неофициального уровня радио- и печатной пропаганды на Югославию»³⁷⁶.

Болгарское руководство в точности выполнило указания «инстанции». 13 августа на заседании политбюро ЦК БКП по инициативе В. Червенкова в повестку дня включили вопрос о восстановлении дипломатических связей с Югославией. После доклада Т. Живкова был принят ряд решений. Первое из них определяло остальные: «С Югославией установить нормальные отношения как с буржуазным государством». В другом предписывалось дублирование советских действий по снятию особых ограничений на передвижения югославского дипломатического персонала (выполнение возлагалось на органы МВД), положение югославов во всех отношениях приравнивалось к положению дипломатов других капиталистических стран. Политбюро особо оговорило, что снимаются и «ограничения... в его снабжении и пр. по сравнению с дипломатическим персоналом других капиталистических стран». Важным явился и третий пункт: «Взять курс на разрешение в близком будущем спорных пограничных, территориальных, этнических и прочих вопросов. С этой целью найти повод и принять югославское предложение об образовании Смешанной комиссии». Было также решено «испросить у правительства Югославии агреман на назначение послом Л. Ангелова – помощника министра иностранных дел». Существенное значение имел и пункт пятый: «Дать указания печати поддерживать умеренный тон в отношении Югославии, не отказываясь от прежних принципиальных позиций»³⁷⁷.

Наблюдение посольства Великобритании, касающееся отсутствия заявлений советского руководства относительно его политики на «югославском направлении», оказалось весьма точным. Даже во внешнеполитической части речи Г.М. Маленкова, прочитанной 8 августа 1953 г. в Верховном Совете СССР и ставшей своего рода манифестом действий советского руководства после

событий начала июля, о Югославии говорилось немного. Глава Кабинета министров упомянул о решении правительства СССР нормализовать отношения с Югославией и обменяться послами. Это упоминание прозвучало в минимально конкретной форме, ибо о ФНРЮ упоминалось в том же абзаце, что и о Греции, а следующий, значительно больший, абзац речи посвящался желательности нормализации отношений СССР с Италией. Если данное обстоятельство продумывалось заранее и имело целью показать Югославии ее подлинное место во внешнеполитических акциях СССР, то его нельзя было признать во всем удачным. Подобный внешнеполитический пассаж Председателя советского правительства можно было интерпретировать и как проявление симпатий к Риму в момент достаточно противоречивых итало-югославских отношений по «триестскому вопросу»³⁷⁸.

Последующее развитие событий в двусторонних контактах показало, что импульс к нормализации связей с Югославией в советском руководстве сохранился. Несмотря на арест Л.П. Берии, а затем постепенное вытеснение с ведущих властных позиций Г.М. Маленкова и В.М. Молотова в результате уверенного роста влияния Н.С. Хрущева, движение к нормализации советско-югославских отношений развивалось вне зависимости от персональных перестановок в высшем советском руководстве. Вместе с тем вся югославская проблематика и все, что хоть как-то было с ней связано, считались в советской партийно-государственной номенклатуре относящимися к разряду строго секретных вопросов и чрезвычайно опасных для откровенного обсуждения.

¹ Об участии советских лидеров, в частности Л.П. Берии, в разработке этой концепции см.: *Адибеков Г.* Как готовилось первое совещание Коминформа // *Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы.* М., 1998. С. 14.

² *Гиренко Ю.С.* Сталин–Тито. М., 1991. С. 292–294.

³ Там же. С. 305.

⁴ *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944–1957. Ljubljana; Beograd, 1980. S. 102.

⁵ *Гиренко Ю.С.* Указ. соч. С. 305.

⁶ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. I: 1944–1948. Новосибирск, 1997. С. 704–709. Док. 240: Из информационной записки «О современном экономическом и политическом положении Югославии», подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б) к совещанию в Польше. Сентябрь 1947 г.

⁷ Там же. С. 706.

⁸ Там же. С. 707–708.

⁹ *Гиренко Ю.С.* Указ. соч. С. 318.

¹⁰ *Гибианский Л.Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // *Холодная война. Новые подходы, новые документы.* М., 1995. С. 106–107.

¹¹ Ди Бьяджо А. Создание Коминформа // Совещания Коминформа... С. 25.

¹² Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 899: Telegram Valtera (Tita, СК КПЈ) – Dedi (СК СКР(b)). Beograd, 14. septembra 1947; Telegram СК СКР(b) – Titu, СК КПЈ. Moskva, 18. septembra 1947.

¹³ Адибекоев Г.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁴ Считается, что, «учитывая доброжелательное отношение Сталина к высшему политическому руководству Югославии, именно он мог предложить сократить заключительный абзац первоначального проекта» (Адибекоев Г.М. Указ. соч. С. 15). С этим предположением можно согласиться, если иметь в виду, что фраза в проекте доклада о «критике якобы недостаточной помощи, которую оказывает Советский Союз дружественным государствам, и предъявлении необоснованных претензий к размерам этой помощи» относилась не только, как считал Адибекоев, «к позиции СССР по проблеме Триеста и прилегающей к ней территории» (Там же. С. 15. Примеч. 31), но и к оказываемой СССР экономической помощи. Именно после беседы Сталина с Карделем 19 апреля многие вопросы в экономической и финансовой сферах, казавшиеся спорными в первые месяцы 1947 г., были сняты.

¹⁵ Ди Бьяджо А. Указ. соч. С. 37.

¹⁶ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 350–353.

¹⁷ Руководство советской разведки стремилось не отставать от МИД и Минобороны. Об этом свидетельствует составленный 25 марта 1948 г. и направленный Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б) доклад «О действиях некоторых руководителей югославского правительства и югославской компартии, направленных против интересов Советского Союза». Он был подготовлен бывшим заместителем резидента НКГБ в Белграде Тишковым, который свел «воедино основные критические замечания в адрес югославского руководства из прежних телеграмм». См.: Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 312.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: в 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 143.

²⁰ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 312–313.

²¹ В самом начале переговоров М. Джилас, вдохновленный обещаниями Сталина на встрече 17 января 1948 г., оценивал их ход почти восторженно. См.: Гибианский Л.Я. Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1. С. 204.

²² Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 338.

²³ Гибианский Л. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа... С. 362.

²⁴ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog Komiteta KPJ (11 jun 1945–7 jul 1948) / Priredio B. Petranović. Beograd, 1995. S. 234. Dok. 34: Sastanak Politbiroa СК КПЈ. 19. II.1948.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. S. 237–247. Dok. 35: Sjednica Politbiroa СК КПЈ. 1. III.1948.

²⁷ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 347–350.

²⁸ Там же. С. 353–354.

²⁹ Гибианский Л. От первого ко второму совещанию... С. 363.

³⁰ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 355–356.

³¹ Гибианский Л. От первого ко второму совещанию... С. 363; Он же. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 124–125; Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 356.

³² Гибианский Л. От первого ко второму совещанию... С. 363–364.

³³ Там же.

³⁴ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 356.

³⁵ Восточная Европа в документах... Т. I. С. 787–800. Док. 267: Справка ОВП ЦК ВКП(б) М.А. Сулову «Об антимарксистских установках руководителей

лей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», 18 марта 1948 г.

³⁶ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 357–358.

³⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 312.

³⁸ Гибианский Л. От первого ко второму совещанию... С. 365; Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 360–362.

³⁹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 360.

⁴⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1998. № 4. С. 58.

⁴¹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 362–364.

⁴² Там же. С. 367.

⁴³ Этого письма исследователи, включая и В. Дедиера, не видели. Возможно, на пленуме ЦК КПЮ цитировалось более раннее письмо А. Хебранга, датированное апрелем 1946 г., а упоминавшие о нем в своих мемуарах Э. Кардель и С. Вукманович-Темпо ошибочно трактовали его как повое письмо. См.: *Gličić V. Otpor sukobu sa Informbiroom u vrhu KPJ // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1999. S. 175.*

⁴⁴ Советский исследователь Ю.С. Гиренко использовал материалы В. Дедиера: *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broz Tito. Beograd, 1984. T. 3. S. 384.* См.: Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 368.

⁴⁵ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 371–374.

⁴⁶ Там же. С. 374–375.

⁴⁷ Там же. С. 376–378.

⁴⁸ Там же. С. 379.

⁴⁹ Вестник МИД. 1990. № 6. С. 61.

⁵⁰ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 380. Автор опирается на: *Dedijer V. Izgubljena bitka Josifa Staljina. Beograd, 1978. S. 121.*

⁵¹ *Zapisnici sa sednica... S. 251. Dok. 37: Sjednica Politbiroa CK KPJ. 1. III.1948.*

⁵² *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju... S. 498.*

⁵³ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 386.

⁵⁴ Совещания Коминформа... С. 483–484. Прилож. А. Док. 1: Журавлев, Максимов, Сорокин – Москва. Филиппову. 20 июня 1948 г.

⁵⁵ Там же. С. 485. Док. 3.

⁵⁶ Там же. С. 486–487. Док. 4.

⁵⁷ Там же. С. 407–417.

⁵⁸ Там же. С. 455–458.

⁵⁹ Там же. С. 460–461.

⁶⁰ Правда. 1948. 30 июня. С. 4.

⁶¹ *Jugoslavija 1918/1988. S. 930–934: Izjava Centralnog Komiteta KPJ povodom rezolucije IV-a komunističkih partija o stanju u KPJ. 29. juna 1948.*

⁶² *Ibid. S. 930.*

⁶³ Гибианский Л.Я. Коминформ в зените активности // Совещания Коминформа... С. 520; Волокитина Т.В. На «югославском фронте» информационной войны // Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. М., 2002. С. 352.

⁶⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 312.

⁶⁵ *Zapisnici sa sednica... S. 253–258. Dok. 37: Sjednica Politbiroa CK KPJ. Od 13.VII.1948.*

⁶⁶ *Ibid. S. 254–255.*

⁶⁷ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 391.

⁶⁸ Мурашко Г., Носкова А. Югославский вариант политических репрессий // Москва и Восточная Европа. С. 585.

⁶⁹ *Matović J. Tragom sudbine Arsa R. Jovanovica // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948 godine. S. 190.*

⁷⁰ *Ibid. S. 191.*

- ⁷¹ В Дунайской комиссии, постоянное местоположение которой находилось в Белграде, обе стороны в основном были представлены разведчиками. См.: *Очерки истории российской внешней разведки*. Т. 5. С. 317–318.
- ⁷² *Jugoslavija 1918/1988*. S. 953. Fusnota 5.
- ⁷³ *Правда*. 1948. 8 сент. С. 4.
- ⁷⁴ *Tripković Đ. Zapadne sile i konflikt Tito–Staljin 1948. godine // Jugoslavenski istorijski časopis*. 1996. № 1/2. S. 144.
- ⁷⁵ *Правда*. 1948. 8 сент. С. 2.
- ⁷⁶ *Волокитина Т.* Указ. соч. С. 356–357.
- ⁷⁷ Цит. по: Там же. С. 355.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ *Очерки истории российской внешней разведки*. Т. 5. С. 313–314.
- ⁸⁰ *Tripković Đ. Normalizacija jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa 1953. godine // Istorija 20. veka*. Beograd, 1994. Br. 1. S. 112.
- ⁸¹ *Ibid.* S. 112–113.
- ⁸² *Очерки истории российской внешней разведки*. Т. 5. С. 314.
- ⁸³ *Tripković Đ. Normalizacija...* S. 113.
- ⁸⁴ *Ibid.*
- ⁸⁵ *Ibid.* S. 114.
- ⁸⁶ *Волокитина Т.* Указ. соч. С. 359.
- ⁸⁷ *Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953*. Т. II: 1949–1953. М., 2002. С. 298–299. Док. 97. Примеч. 2.
- ⁸⁸ *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 150–151; *Волокитина Т.* Указ. соч. С. 359.
- ⁸⁹ *Восточная Европа в документах...* Т. II. С. 87–88. Док. 23.
- ⁹⁰ *Вестник МИД*. 1990. № 6. С. 63.
- ⁹¹ *Гибианский Л.Я.* Коминформ в зените активности. С. 516–518.
- ⁹² О ходе подготовки процесса см.: *Желицки Б.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // *Новая и новейшая история*. 2001. № 3. С. 166–177.
- ⁹³ Там же. С. 168–171.
- ⁹⁴ Впоследствии Бранков вспоминал слова Белкина о допущенной «большой ошибке», заключавшейся в том, что в Москве с Бранковым не поговорили «ответственные товарищи», среди которых он назвал Молотова. См.: *Желицки Б.* Указ. соч. С. 171.
- ⁹⁵ Там же. С. 172.
- ⁹⁶ *Волокитина Т.* Указ. соч. С. 365.
- ⁹⁷ *Желицки Б.* Указ. соч. С. 172. В опубликованных в Венгрии мемуарах Ракоши есть текст, где, по мнению Желицкого, «речь идет явно о русском переводе подготовленных к процессу документов», подтверждающих, что Сталин был знаком с проектом текстов обвинения. См.: Там же. С. 173–174.
- ⁹⁸ Там же. С. 174.
- ⁹⁹ Ласло Райк и его сообщники перед народным судом. Будапешт, 1949. С. 27.
- ¹⁰⁰ *Гибианский Л.Я.* Коминформ в зените активности. С. 524, 527.
- ¹⁰¹ *Правда*. 1949. 30 сент. С. 2.
- ¹⁰² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 19: Записка Громыко А.А. 16 октября 1949 г.
- ¹⁰³ Громыко ставил в вину Мразовичу и то, что тот «подписал опубликованное в югославской прессе заявление, содержащее клеветнические и оскорбительные измышления против СССР». Как свидетельствует список рассылки документа, с подоплекой невозвращения югославского посла в Москву, за исключением Хрущева и Ворошилова, были знакомы почти все члены высшего советского руководства (Молотов, Маленков, Берия, Микоян, Каганович, Бул-

ганин). См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 24–25: Громыко А.А. – товарищу Сталину И.В. 22 октября 1949 г.

¹⁰⁴ *Гибанский Л.Я.* Коминформ в зените активности. С. 527–528.

¹⁰⁵ *Tripković Đ.* Normalizacija... S. 115.

¹⁰⁶ *Bela knjiga o agresivnim postupcima vlade SSSR, Poljske, Čehoslovačke, Mararske, Rumunije, Bugarske, Albanije prema Jugoslaviji.* Beograd, 1951. S. 164–165. Dok. 64.

¹⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 32: Громыко А. – товарищу Сталину И.В. 15 ноября 1949 г.

¹⁰⁸ Там же. Л. 31: Постановление ПБ ЦК. Вопрос МИД (Об утверждении проекта ноты) 15 ноября 1949 г. См. также: Сообщение ТАСС // Правда. 1949. 19 нояб.

¹⁰⁹ Выступления по докладу Георгиу-Дежа и текст резолюции совещания см.: Совещания Коминформа... С. 623–659, 672–691, 701–704.

¹¹⁰ *Jugoslavija 1918/1988.* S. 966.

¹¹¹ *Восточная Европа в документах...* Т. II. С. 297–298. Док. 97: Запись беседы С.Г. Заволжского с М. Ракоши о необходимости активизации борьбы против политического режима в Югославии. 31 января 1950 г.

¹¹² Там же. С. 343–344. Док. 113.

¹¹³ *Ђилас М.* Пад нове класе. Повест о саморазарању комунизма. Београд, 1994. С. 112–127. Статья «Сталин вертится по кругу» («Сталин се врти у круг») была опубликована в октябре 1952 г.

¹¹⁴ *Ђилас М.* Савремене теме. Београд, 1950. С. 18–20.

¹¹⁵ Там же. С. 45. Как впоследствии утверждал Ёжилас, он сделал вывод, что различия между Югославией и СССР существеннее, чем между СССР и капиталистическим Западом. См.: *Ђилас М.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 222.

¹¹⁶ *Восточная Европа в документах...* Т. II. С. 669–670. Док. 246.

¹¹⁷ *Tripković Đ.* Normalizacija... S. 116.

¹¹⁸ Подробнее см.: *Аникиев А.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957 годы). М.: Исл. РАН, 2002. С. 137–181. Разделы: «Интернационализация советско-югославского конфликта и новые подходы в политике администрации США по отношению к Югославии»; «Обострение отношений между Москвой и Белградом в 1949 году и реакция Вашингтона».

¹¹⁹ *Bela knjiga o agresivnim postupcima...* 441 s.

¹²⁰ *Восточная Европа в документах...* Т. II. С. 499–500. Док. 172: Записка В.А. Валькова В.А. Зорину о «Белой книге», изданной в Югославии. 27 марта 1951 г.

¹²¹ *Jugoslavija 1918/1988.* S. 969–972.

¹²² Правда. 1951. 25 февр.

¹²³ *Tripković Đ.* Normalizacija... S. 116.

¹²⁴ *Очерки истории российской внешней разведки.* Т. 5. С. 317.

¹²⁵ В первомайских призывах 1952 г. Югославии был посвящен седьмой лозунг: «Привет славным патриотам Югославии, ведущим освободительную борьбу против фашистского режима клики Тито – А. Ранковича, за независимость своей Родины, за сохранение мира!» (Правда. 1952. 22 апр. С. 1). Очевидно, что он был гораздо более воинственным, чем девятый, прославлявший «дружбу народов Англии, Соединенных Штатов Америки и СССР в их борьбе за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире», ибо не содержал обращения к народам этих стран бороться против своих правительств.

¹²⁶ Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП (б) тов. Г.М. Маленкова // Правда. 1952. 6 окт. С. 3.

¹²⁷ Борба комуниста Југославије за социјалистичку демократију. VI конгрес КПЈ (Савеза комуниста Југославије). Београд, 1952. С. 276.

128 AJ. F. 507/III. 27 novembar 1952. godine. S. 91.

129 Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 670–671. Док. 69: Председатель Комитета информации при МИД СССР В. Зорин. Январь 1953 г.

130 Факт разработки операции подтвержден в мемуарах высших офицеров советской разведки, генералов госбезопасности П. Судоплатова и В. Павлова. См.: Павлов В. Операция «Снег». М., 1996. С. 158–160. В скандально-газетном стиле некоторые ее детали приводил генерал Д.Ф. Волкогонов. См.: Волкогонов Д.Ф. Несостоявшееся покушение. Как советский агент Макс готовился к террористическому акту против Тито // Известия. 1993. 11 июня. С. 7. Судоплатов, которому была поручена разработка операции, считал ее слабо продуманной. См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 391–394, 506. Официальная историография отечественного разведсообщества не подтверждает, но и не исключает подготовки теракта в отношении И. Броз Тито. В частности, указывается, что «простым физическим устраниением югославского лидера ничего нельзя было изменить, и все планы на этот счет, о которых в своей книге “Разведка и Кремль” пишет П. Судоплатов, если они и были, оставались не более чем “теоретическими разработками”, так и не переходившими в практическую плоскость». См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 314.

131 Соповещения Коминформа... С. 417, 447.

132 Там же. С. 691.

133 *Dedijer V. Izgubljena bitka...* S. 397–398.

134 DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D.13/42877: Telegram iz Moskve (Djurić) – DSIP-u. Broj: Bb. 4.III. 1953.

135 *Milutinović M. Balkanski Robin Hood // Danas (Zagreb).* 1988. 3. V. S. 56.

136 DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D.1 3/42917: Bebler – Svim IB zemljama i Vojnoj misiji (Berlin) osim SSSR (Moskva). 5.III. 1953.

137 *Ibid.* D.13/43065: Telegram iz Moskve (Djurić). Broj: Bb. 6.III. 1953.

138 Советские дипломаты поделились этой новостью со своими коллегами из стран Восточной Европы. См.: AMZV. F.: Telegrame došle (TD). 1953. K. 2. Č. 2242/53: Bělehrad. 6.III. 1953. Holub 140. ZEO/2.

139 Исследователи обращали внимание на то, что «не только по содержанию, но и по форме нота явилась исключительным событием. Советская сторона спустя более четырех лет использовала обычные учтивые формулировки, которых ранее избегала во время контактов с представителями ФНРЮ». См.: *Pelikan J. Jugoslavija i Istočni blok 1953. godine // Balkan posle drugog svetskog rata.* Beograd, 1996. S. 98–99.

140 DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D.13/43066: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Bb. 6.III. 1953.

141 *Dedijer V. Izgubljena bitka...* S. 420.

142 *Dedijer V. Veliki buntovnik Milovan Djilas. Prilozi za biografiju.* Beograd, 1991. S. 297.

143 DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D.14/ 43125: Telegram iz Moskve (Đurić). Broj: Bb. 7.III. 1953.

144 *Ibid.* D. 14/ 43126: Telegram iz Moskve (Đurić). Broj: Bb. 7. III. 1953.

145 *Ibid.* D. 14/43127: Telegram iz Moskve (Đurić). Broj: Bb. 7. III. 1953. В одном из внутренних документов внешнеполитического ведомства ФНРЮ называлась формулировка соболезнования Джурича («От имени своего правительства выражаю соболезнование по поводу смерти Иосифа Виссарионовича Сталина»), в которой он не упоминал СКЮ, ограничившись ссылкой на «свое правительство», и обошелся без пышных эпитетов в адрес покойника. Дипломат появился в советском МИД предпоследним, так как главы дипломатических миссий принимались в алфавитном порядке представленных в Москве государств. В документе также отмечалось, что «не было никаких особых поздравлений новому пред-

седателю Правительства Маленкову». См.: Ibid. D. 17/48429. Protokolami postupak nekih zemalja povodom Staljinove smrti.

¹⁴⁶ Mićunović V. Moskvske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 21–22.

¹⁴⁷ Pelikan J. Op. cit. S. 99.

¹⁴⁸ Этот визит имеет две значительно расходящиеся версии, вышедшие из-под пера самого Милатовича: в изданных в 1985 г. мемуарах он сообщил, что разговор зашел далеко за полночь, тогда как в официальном отчете о беседе 8 марта 1953 г. указывалось, что прием продолжался всего десять минут. См.: Pelikan J. Op. cit. S. 99–100.

¹⁴⁹ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D.16/44612: I odeljenje (Mićunović) – Ambasadi FNRJ u Moskvi. Beograd. 8.III. 1953.

¹⁵⁰ Ibid. D.14/43165: Telegram iz Moskve (Djurić). Broj: Bb. 9. III. 1953. То обстоятельство, что телеграммы, посланные из Москвы 9 марта, не нумеровались, свидетельствовало о спешке, с которой Видич стремился сообщать в Белград о событиях этого дня.

¹⁵¹ Ibid. D.14/43184: Telegram iz Moskve (Djurić). Broj: Bb. 9. III. 1953.

¹⁵² Ibid. D.14/43186: Telegram iz Moskve (Djurić). Broj: Bb. 9. III. 1953.

¹⁵³ Ibid. D.1/45300: Ambasada FNRJ u Moskvi. Br. 16/53. Zabeleška otpravnika poslova Dragoja Đurića o poseti Načelnika Protokola Kulaženкова na dan 9 marta 1953 g.

¹⁵⁴ Ibid.: Ambasada FNRJ u Moskvi. Br. 14/53. Zabeleška otpravnika poslova Dragoja Đurića o pogrebu Stalina. Moskva, 9 marta 1953 g.

¹⁵⁵ Чешский исследователь Я. Пеликан ссылается на переписку между Мицуневичем и Джуричем 11, 13 и 17 марта 1953 г. См.: Pelikan J. Op. cit. S. 100.

¹⁵⁶ Известия. 1953. 16 марта; DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D. 14/43125: Telegram iz Moskve (Djurić). Broj: Bb. 7. III. 1953. Югославы не были единственными, кто обратил внимание на это выступление. В отчетах посольства ЧСР в Москве связали выступления Маленкова и Берии на траурном митинге 9 марта, доклад Маленкова 15 марта и речь И. Эренбурга в комиссии «Конгресса народов в защиту мира» в Вене 17 марта. См.: AMZV. F. Politický zpravu: Moskva. 1953. Nejdůležitější zahraničné politické události (od 5. března do 5. dubna 1953). Velvyslanectví ČSR v Moskvě. čís: 3787/53-DJ/VP. Moskva dne 24.IV.1953.

¹⁵⁷ 15 марта 1953 г. И. Броз Тито на борту яхты «Галей» дал интервью корреспонденту ТАНЮГ, который немедленно передал его текст радиограммой в Белград. В опубликованном сообщении агентства не было и намека на события в СССР.

¹⁵⁸ FRUS. 1986. Vol. IX, pt. II. P. 2026–2027: Churchill to Eisenhower. March 19. 1953. Известны также слова И. Броз Тито, сказанные им Г. Макмиллану во время ужина, данного Черчиллем в особняке на Даунинг-стрит, 10: «Борьба за власть в Кремле не завершена. На самом деле она только начинается». См. Macmillan H. Tides of Fortune, 1945–1955. L., 1969. P. 545.

¹⁵⁹ Борба. 1953. 21. III. С. 1–2.

¹⁶⁰ Dedijer V. Novi prilozi za biografiju... Т. III. S. 545.

¹⁶¹ AS. F. 1277. 1953. Šk. 33. Št. 15: Zabeleška o razgovoru podpredsednika Saveznog izvršnog veća druga E. Kardelja i nemačkog ambasadora g. Krolla na dan 24. III. 1953 u zgradi Saveznog izvršnog veća.

¹⁶² Всего был издан 21 бюллетень общим объемом 235 страниц. Последний (№ 21) вышел 1 апреля 1953 г. См.: AJ. F. 507. IX, 119/II–35: Posebni bilteni povodom smrti J.V. Stalina.

¹⁶³ Сообщалось, в частности, об обзоре словенской газеты «За людско змаго» под заголовком «Словенский народ под гнетом клики Тито–Ранковича».

¹⁶⁴ Tuto Broz J. Говори и чланци. Београд; Загреб, 1959. Књ. VIII. С. 52; New York Times. 1953. 1. IV. P. 1.

¹⁶⁵ DASIP. Str. pov. br.146: Bebler – D. Đuriću, 4 april 1953. Цит. по: *Tripković Đ. Početak i eskalacija sukoba Tito–Staljin prvih meseci 1948. godine // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije*. Beograd, 1998. S. 111.

¹⁶⁶ AS. F. 1277. 1953. Šk. 33. Št. 18: Poseta Predsednika Republike Maršala Tita Vel. Britaniji. Str. pov. br. 145. 6. IV. 1953. Bilten br. 6/53. F-V.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ NARA. RG 59. Box 3807: Department of State. Incoming telegram from Belgrade (Wallner) to Secretary of State. N 1420. April 8, 1953. DC/R. Central Files. 761.00/4-853.

¹⁶⁹ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D. 9/44380: Arso Milatović 6.IV.1953 – Ambasadi FNRJ, Moskva.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ *Симонов К.* Указ. соч. С. 114.

¹⁷² «Предательство англо-американского наймита Тито и его фашистской клики, продавших свою страну в кабалу американским и английским империалистам, – заявлял Л.П. Берия, – не расстроит ряды демократического лагеря». См.: *Берия Л.* Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма // *Правда*. 1949. 21 дек. С. 4. В выступлении Н.С. Хрущева, посвященном национальному вопросу, указывалось: «Измена Советскому Союзу, измена пролетарскому интернационализму неизбежно приводит в лагерь национализма, фашизма, в лагерь империалистической реакции. Примером этого является банда убийц и шпионов Тито–Ранковича, которая завершила переход от национализма к фашизму, превратилась в прямую агентуру империализма, стала его орудием в борьбе против социализма и демократии». См.: *Хрущев Н.* Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей Родины // Там же. С. 9.

¹⁷³ Сопоставляя многие из этих версий, югославский исследователь Д. Бекич обнаружил совпадение упоминаний о «миссии Йосиповича» во французских дипломатических документах и в статье югославского эмигранта Б. Радицы, который мог воспользоваться материалами американских спецслужб. См.: *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikimi silama. 1949–1955. Zagreb, 1988. S. 469.

¹⁷⁴ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 85. D.14/44624, 1: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 8. 8.IV. 1953.

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Podgorica, 1999. S. 100. Dok. 4: Telegram iz Moskve (Đurić)–SIP-u. Broj 80. 8.IV.1953.

¹⁷⁷ Ibid. S. 101. Dok. 6: Bebler – Ambasadi FNRJ. Moskva. Br. 44617. 10.IV. 1953.

¹⁷⁸ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 85. D. 14/44624, 2.

¹⁷⁹ Ibid. D. 25/44830, 1. II odeljenje. Poverljivo. 14.IV. 1953: Šifrovano pismo (Bebler) – Poslanstvu FNRJ u Helsinki. Ответ из Хельсинки пришел только в начале мая. В нем говорилось, что о разговоре с Джуричем Сундестрем ничего не сообщал ни МИД Финляндии, ни кабинету министров, а они не давали ему указаний относительно подобной беседы. В донесении также указывалось, что финский посланник «близок к русским». См.: Ibid. D. 25/46004: Šifrovano pismo (Zore) – SIP-u. Helsinki. Br. 42. 4.V. 1953.

¹⁸⁰ Ibid. D. 25/45261: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 180. 21.IV. 1953.

¹⁸¹ Ibid.

¹⁸² Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 107. Dok. 15: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 181. 22.IV. 1953.

¹⁸³ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 1/46634: Zabeleška M. Božića, sekretara Ambasade FNRJ u Moskvi o razgovoru sa Postojevim, zamenikom načelnika Protokola MID SSSR, na dan 25 aprila 1953 g.

¹⁸⁴ Ibid. Fasc. 85. D.14/44624: Telegram iz Moskve (Đurić) od 9. IV. 1953; D. 14/45582: Telegram iz Moskve (Đurić) 25.IV. 1953.

¹⁸⁵ Ibid. D. 28/45582: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 196. 27.IV. 1953.

¹⁸⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 90–92.

¹⁸⁷ Волков В.К. Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: де-сталинизация «международных отношений нового типа» (1955–1957) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 154. Действительно, основанием для такого вывода является употребление В.М. Молотовым на пленуме ЦК КПСС 6 июля 1953 г. некоторых речевых оборотов (в частности, о безуспешности «тактики прямого удара», необходимости смены «старых методов» и т.п.) из данного документа.

¹⁸⁸ По всей вероятности, те, кто ведал в ЦК КПСС кадровыми назначениями, не исключали того, что в скором времени эксперты по Югославии будут востребованы. Секретарь ЦК КПСС Н. Шаталин считал, что «возможно, т. Чумак будет нужен для работы в Югославии», и рекомендовал своим подчиненным, «заинтересоваться, что он за человек». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 89; Шаталин Н.Н.– Бараненкову Ф.Н. 11 мая 1953 г.; Там же. Л. 94; Бараненков – Секретарю ЦК КПСС тов. Шаталину Н.Н. 13 июня 1953 г.

¹⁸⁹ *Pelikan J.* Op. cit. S. 102.

¹⁹⁰ AS. F.1277. Šk. 33. Št. 23: Telegram iz Moskve (Đurić) Str. pov. br. 3. 30.IV.1953.

¹⁹¹ Ibid. Št. 24: Амбасада ФНРЈ у Москви. Стр. пов. бр. 5. 1953. Забелешка отправника послава ФНРЈ Драгоја Ђурића о разговору са Молотовом на дан 29 априла 1953 г.

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ Версии, витавшие в воздухе после приема у Молотова, и объяснения югославских дипломатов, дававшиеся западным дипломатам, приведены Д. Бекичем См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 474–475.

¹⁹⁴ Безрадостная весна // Новое время (Москва). 1953. № 18. С. 19.

¹⁹⁵ Исти методи, иста признања // Борба. 1953. 6. IV. С. 3. Данный подход сохранился и позже. Так, 19 мая «Борба» в сходном стиле комментирвала выборы в Венгрии и напечатала большой материал о «подлинном смысле снижения цен на товары в СССР».

¹⁹⁶ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 290. Л. 318.

¹⁹⁷ Об истории начального этапа нормализации можно судить по документу, подготовленному для заседания Политбюро ЦК КПЧ в конце июля 1954 г. См.: А–ЎV–KSČ (Praha). F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11: bod 10: («Zprava o poslednim vyvoji vztahu ČSR a Jugoslavii a navrh na dalsi postup».

¹⁹⁸ AJ. IX. 199/IV-93: Informbirovski kongres svetskog saveta za mir u Budimpešti. (30. 06.1953). S. 2.

¹⁹⁹ В частности, этот факт отметили чехословацкие дипломаты. См.: AMZV. F. TD. 1953. Kr. 3. Č. 4938/53: Vělehrad. 12. 5. 53. Holub 267.

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 291. Л. 50–56.

²⁰¹ Там же. Л. 70–71.

²⁰² Там же. Л. 44.

²⁰³ Там же. Л. 44–45. 8 мая 1953. ТАСС. Секретно. Лист 37-О. Газета «Аванти» о страхе Тито перед ослаблением международного напряжения. Рим, 7 мая (ТАСС). Корреспондент «Аванти» из Белграда.

²⁰⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 118: Постановление Совета министров СССР «О советнике Посольства СССР в Югославии» (подписали Г. Маленков, М. Помазнев).

²⁰⁵ Выступление Броз Тито на торжествах по случаю десятилетия создания Шестого славонского корпуса в Славонском Броде. См.: Борба. 1953. 18.V. С. 2.

²⁰⁶ AMZV. F. TD. 1953. Kr. 3. Č. 4984/53. Bělehrad. 13. 5.1953. Holub 265. Заседание Комитета Красного Креста состоялось в Женеве 13–22 мая 1953 г. Позиция Югославии была высказана перед его началом в интервью генерального секретаря югославского Красного Креста О. Милошевич, потребовавшей урегулировать, вернуть в ФНРЮ из стран советского блока югославских воспитанников. См.: *Југославија не поставити питање репатриације југословенске деце* // *Борба*. 1953. 9.V. С. 1.

²⁰⁷ 1948 Jugoslavija i Kominform. Pedeset godina kasnije. Beograd, 1998. S. 112.

²⁰⁸ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 1/48377: Ambasada FNRJ u Moskvi. Str. pov. br. 14. Zabeleška otpravnika poslova FNRJ Dragoja Djurića o poseti Zorinu na dan 12 maja 1953 godine.

²⁰⁹ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... Dok. 32. S. 121: Telegram iz Moskve (Đurić)– SIP-u. Broj 247. 16.V. 1953.

²¹⁰ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 85. D. 29/46601: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 250. 19.V. 1953.

²¹¹ Борба. 1953. 17.V. С. 1.

²¹² АВП РФ. Ф. КИ. Оп. 1. Д. 129. Л. 150: ТАСС. 23 мая 1953. (Стамбул, 22 апреля). Заявление М. Пияде в Анкаре.

²¹³ Борба. 1953. 20.V. С. 3.

²¹⁴ FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe, The Soviet Union. Wash. (D.C.), 1988. P. 1352. Факты биографии Кирсанова давали основания для подобных спекуляций, подтверждая тем самым гипотезу о «руке Берии» в нормализации. Некоторую косвенную поддержку этой же версии дает то обстоятельство, что Кирсанов самостоятельно готовил предложения о своих действиях после приезда в Белград.

²¹⁵ AMZV. F. TD. 1953. Kr. 3. Č. 5223/53: Bělehrad. 19. 5.1953. Holub 273.

²¹⁶ Ibid. Č. 5284/53: Bělehrad. 20. 5.1953. Holub 278.

²¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 118: Постановление Совета министров СССР от 9 мая 1953 г. № 1237-496с «О советнике Посольства СССР в Югославии» (подписали Г. Маленков и М. Помазнев).

²¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 617. Л. 1–4.

²¹⁹ Там же. Вместе с «предложениями Кирсанова» Молотов получил подготовленный Зимяниным материал о претензиях СССР к Югославии. Его положения, как указал Зорин, были учтены в материале Кирсанова.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. Формулировка названия второй части документа «По МИДУ» и название, которое Зорин в сопроводительной записке Молотову дал всему документу («Предложения, подготовленные Кирсановым»), могли означать либо дистанцирование Зимянина и Зорина от его содержания и самого факта направления в Белград С.П. Кирсанова, либо показывать, что Кирсанов самостоятельно готовил этот документ по решению более высокой инстанции, не требовавшей участия Зорина. В целом, стилистика материала, его прагматизм и отсутствие сугубо идеологических оборотов отличали «материал Кирсанова» от документов, составлявшихся до этого чиновниками МИД СССР. Материал на номинал документы по внешним и внутривнутриполитическим вопросам, готовившиеся окружением Л.П. Берии весной 1953 г. На это также указывает и деловитость, с которой Кирсанов подошел к рассмотрению спорных вопросов в отношениях между ФНРЮ и СССР, включая указания для Минобороны СССР о югославах – воспитанниках Суворовских училищ.

²²² Там же.

²²³ Там же. К рассмотрению комплекса проблем, связанных с югославскими «суворовцами», в МИД СССР вернулись в середине мая. 19 мая 1953 г. был направлен срочный запрос в Генштаб Советской Армии (т. Соколовскому) с просьбой предоставить характеристики на югославских детей – воспитанников

советских суворовских училищ и указанием «разобраться, где они в настоящее время находятся, чем занимаются, состоит ли кто-либо из них в советском гражданстве и ставит ли кто-либо из них вопрос о возвращении в Югославию» (Там же. П. 73. Д. 607. Л. 3). В МИД также изучили вопрос о югославских гражданах, интернированных в СССР в годы Второй мировой войны. Согласно подписанной М. Зияяниным записке «К ноте госсекретариата Югославии по иностранным делам № 47035 от 30 мая с.г.», по данным МВД СССР, в его лагерях на 1 апреля 1953 г. содержалось 233 военнопленных и интернированных граждан Югославии, из которых 101 осужденных и 132 неосужденных. «Из числа осужденных югославских граждан, – писал Зияянин, – подлежали освобождению по указу Президиума ВС СССР от 27 марта с. г. 14 человек, а в соответствии с решением Президиума ЦК КПСС от 15 апреля с.г. – 15 человек» (Там же. Л. 4).

²²⁴ 20 мая 1953 г. была также составлена информационная справка «К вопросу о советских претензиях к Югославии», в которой приводились цифры задолженности (оформленной, документированной и фактической) ФНРЮ перед СССР. См.: Там же. П. 74. Д. 617. Л. 5–6.

²²⁵ В посольстве ФНРЮ в Москве отмечали «изменившийся тон» МИД СССР, который в мае дал ответы на четыре югославские ноты, направленные в 1951–1953 гг. См.: DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D. 9/48443; M. Božić – Konzularnom odeljenju DSIP. 12.VI.1954. Br. 87.

²²⁶ AMZV. F. TD. 1953. Kr. 3. Č. 5519/53; Bělehrad. 25. 5.1955. Holub 293.

²²⁷ 25 мая посланник Чехословакии в Белграде Голуб направил пространную телеграмму в Прагу с оценкой последних событий в советско-югославских отношениях. Перечисляя многие взаимные жесты, делавшиеся с начала марта обеими сторонами, он упомянул и о разрешении советским дипломатам на совершение поездок вне Белграда на расстояние до 100 км. См.: Ibid. Č. 5517/53; Bělehrad. 25. 5.1953. Holub 251.

²²⁸ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 111. Dok. 20: Telegram iz Pariza (Prica) – SIPu. Br. 826. 25. IV.1953.

²²⁹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 318.

²³⁰ Броз Тито J. Указ. соч. Кнь. VIII. С. 90–95.

²³¹ Эксперты Комитета информации МИД СССР обратили внимание на высказывание Тито, опубликованное 25 мая в турецкой газете «Ени Истамбул», о «назначении советского посла». Были выделены его слова о том, что «установление таких отношений с СССР и другими соседями Югославии никоим образом не наносит ущерба отношениям, существующим между Югославией, Турцией и другими странами». См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 291. Л. 155.

²³² Public Record Office. (Далее: PRO.) London. FO 371/107829: British Embassy (Belgrade) to White Hall. 23rd May 1953.

²³³ Эти слова были выделены экспертами Комитета информации. См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 291. Л. 164.

²³⁴ Там же. Л. 139.

²³⁵ Борба. 1953. 27.V. С. 3.

²³⁶ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 291. Л. 157: Выступление В. Поповича. Белград, 26.V.1953 г. Протокольная запись.

²³⁷ Борба. 1953. 27.V. С. 3.

²³⁸ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 291. Л. 156: Протокольная запись этого выступления Кочи Поповича на пресс-конференции была передана из Белграда 26 мая в 23 часа и распространена ТАСС 27 мая 1953 г. См.: Там же. Л. 157–159.

²³⁹ Там же. П. 129. Д. 129. Л. 168.

²⁴⁰ AMZV. F. TD. 1953. Kr. 3. Č. 6452/53. Bělehrad. 15.VI.1953. Holub 339.

²⁴¹ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 127. Dok. 39: Telegram iz Moskve (Đurić) – DSIP-u. Br. 258. 20.V.1953.

²⁴² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 119. Распоряжением Совета министров СССР за подписью его Председателя от 6.VI.1953 № 7721-рс было принято «Предложение МВД СССР (Берия) о назначении т. Федосеева С.М. советником Посольства СССР в Югославии».

²⁴³ Там же. Л. 120: Указ Президиума ВС СССР (К. Ворошилов, Н. Пегов) от 16 июня 1953 г. «О назначении Валькова В.А. Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Югославии».

²⁴⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 617. Л. 7–22: М. Зимянин – В. Молотову, 27 мая 1953 г. «О положении дел в Югославии и о ее внешней политике».

²⁴⁵ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигалев. М., 1999. С. 61–62. Док. 20: Постановление Президиума ЦК КПСС, 12 июня 1953 г. «О положении в Белорусской ССР».

²⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 617. Л. 21–22.

²⁴⁷ Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Harvard Univ. Press, 1996. P.158. Опираясь на публикацию Б. Старкова «Сто дней лубянского маршала» (Источник. 1993. № 4. С. 86), авторы несколько модернизировали противоречия между В. Молотовым и Н. Хрущевым в 1955 и 1957 гг., перенеся их в весну 1953 г.

²⁴⁸ Ibid.

²⁴⁹ Неизвестная Россия. XX век. М., 1994. Кн. 3. С. 45–48: Докладная записка члена ЦК КПСС М.В. Зимянина Секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву 15 июля 1953.

²⁵⁰ Лаврентий Берия. 1953. С. 421. Примеч. 153.

²⁵¹ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... Dok. 2, 4. S. 143, 145–146: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 277. 6. IV.1953; Zabeleška otpravnika poslova FNRJ Dragoja Đurića o razgovoru sa Molotovom na dan 6 juna 1953 g.

²⁵² Лаврентий Берия. 1953. С. 103.

²⁵³ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... Dok. 3–4. S. 144–147: Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Br. 279. 6. IV.1953; Zabeleška otpravnika poslova FNRJ Dragoja Đurića o razgovoru sa Molotovom na dan 6 juna 1953 g.

²⁵⁴ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D.11/47662: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 284. 9.VI.1953.

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 149. Dok. 7: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 285. 9.VI.1953.

²⁵⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 73. Д. 609. Л. 1: Из дневника М.В. Зимянина. Прием поверенного в делах Югославии Джурича 9 июня 1953 г.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 1/48383: Ambasada FNRJ u Moskvi. Br. 45/1953. Zabeleška otpravnika poslova Dragoja Djurića o poseti novom načelniku otkseka MID Venjaminu na dan 9 juna 1953 g.

²⁶⁰ AS. F.1277. 1953. Šk. 33. Št. 35: Telegram Ambasadi FNRJ u Moskvi. Str. pov. br. 315. 10.VI.1953. Эта телеграмма дублирует телеграмму Беблера, отправленную 9 июня 1953 г. во все (кроме СССР) представительства ФНРЮ в странах Информбюро (Ibid. Št. 34). Судя по телеграмме Беблера 9 июня, можно предполагать, что скорее всего телеграммой за № 377 было сообщение Посольства ФНРЮ в Москве о том, что 6 июня Молотов попросил у Джурича агреман для Валькова.

²⁶¹ Ibid. Š. 36: Bebler – Svim predstavnicima FNRJ. Str. pov. br. 276. 11 juna 1953 g.

262 Ibid.

263 A-ÚV-KSČ. F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11; bod 10: «Zprava o poslednim vyvoji vztahů ČSR a Jugoslavii a návrh na další postup».

264 PRO. FO 37/107829. N 432: Secret Telegram from Moscow to Foreign Office. June 10, 1953.

265 DASIP. F. PA.1954. Fasc. 82. D.18/42682: Brioni, 12 juna 1953.

266 Ibid.

267 Ibid.

268 В советских документах эта речь Тито 14 июня называлась различно: «Выступление Тито в Бераме», «Выступление Тито в Пазине». См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 201. Л. 254, 287–290.

269 Имеется в виду нота Правительства СССР правительству Турции от 30 мая 1953 г.

270 *Tito Broz J.* Указ. соч. Књ. VIII. С. 133–138.

271 AMZV. F. TD. 1953. Kř. 4. Č. 6453/53: Bělehrad. 15.6.1953. Holub 341.

272 Восточная Европа в документах... Т. II. С. 926–927. Док. 131: Из дневника Г.П. Шнюкова. Запись беседы с подсекретарем Государственного секретариата по иностранным делам Югославии Б. Црнобрней об обмене послами между СССР и Югославией. 15 июня 1953 г.

273 Имеющаяся в Архиве Югославии (Белград) стенограмма пленума ЦК СКЮ, проведенного 16–17 июня 1953 г. на Бриони, содержит лишь запись заседания 16 июня. См.: AJ. F. 507. II/10. Drugi plenum CK SKJ.

274 Ibid. S. 5–6.

275 Ibid. S. 40–41.

276 Ibid.

277 Борба. 1953. 18. VI. С. 3.

278 Вслед за этим появились статьи «Бурная неделя в Восточной Германии» (Борба. 1953. 21.VI. С. 5); «Сопrotивление рабочего класса в ЧСР» (Там же. 24.VI. С. 3), а также статья Владо Теслича «Нарастает бунт трудящихся в Румынии» (Там же. 25.VI. С. 3).

279 PRO. FO 371/107829. British Embassy in Belgrade (Sir I. Mallet) to London. June 20, 1953.

280 Ibid.

281 Ibid.

282 Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 158. Dok. 18: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 330. 24.VI.1953.

283 Ibid. S. 160. Dok. 21. I. DD. Br. 48626. 26.06.1953: Ambasadi FNRJ Moskva.

284 Об этом до некоторой степени свидетельствует документ, подготовленный 10 июля 1953 г. лидером Демократической партии США Э. Стивенсоном по настоянию американского посла в Австрии Томпсона. Стивенсон изложил свое восприятие наиболее важных сюжетов из своей четырехчасовой беседы с Тито на Бриони 25 июня. Выжимки из этого документа Томпсон отослал в Вашингтон. См.: Memorandum by Adlai E. Stevenson to the Ambassador in Austria (Thompson). Secret. Vienna. July 10, 1953 // FRUS. 1952–1954. Vol. VIII.

285 *Pelikan J.* Op. cit. S. 104.

286 AMZV. F. TD. 1953. Kř. 4. Č. 6452/53: Bělehrad. 15. 6. 53. Holub 339.

287 Ibid.

288 Ibid.

289 Во время встречи советское руководство утверждало, что из 9,5 млн жителей Венгрии в последние годы репрессиям подверглось 1,5 млн человек, в том числе только в 1952 г. – 250 тысяч. См.: Transcript of the Conversation between the Soviet Leadership and a Hungarian United Worker's Party Delegation in Moscow on 13 June 1953 // Cold War International History Project. Bulletin. 1998. Iss. 10. March. P. 83.

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ В рукописи мемуаров М. Ракоши отсутствует страница, описывающая его встречу с И.В. Сталиным перед началом «процесса Райка». Сам М. Ракоши в весьма общей форме описывал подготовку и ход процесса, деятельность главы советских советников МВД и собственное участие. Тем не менее из журнала регистрации посетителей И.В. Сталина 20 августа 1949 г. известно, что среди советского руководства к процессу имели отношение Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, руководители МГБ и МВД СССР Абакумов и Круглов. См.: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 110–111, 131–133, 155.

²⁹² Реконструкция событий произведена преимущественно на основе материалов обвинений против Л. Берия, озвученных высшим советским руководством на пленуме ЦК КПСС в начале июля 1953 г.

²⁹³ Составители сборника документов «Лаврентий Берия. 1953» указывали, что в архиве имеется рукописный текст этой записки, видимо, написанный рукой Л. Берия. Вместо слов «Берия и его друзья...» в этом документе упоминается также и Маленков: «Маленков, Берия и их друзья...» (Лаврентий Берия. 1953. С. 419. Примеч. 142). В докладе Маленкова (т.е. его стенографическом отчете) на первом заседании пленума ЦК КПСС 2 июля упоминание о Маленкове опущено и фраза была такой: «Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья...» (Там же. С. 223).

²⁹⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997 С. 418; Лаврентий Берия. 1953. С. 222–223.

²⁹⁵ Лаврентий Берия. 1953. С. 222. В выступлении на пленуме Г.М. Маленков утверждал, что он предложил Л. Берия «обсудить этот вопрос в ЦК».

²⁹⁶ Там же. С. 64–66. Док. 22. Записка Л.П. Берия в Президиум ЦК КПСС о ходе следствия по делу М.Д. Рюмина. 25 июня 1953 г.

²⁹⁷ Там же. С. 65.

²⁹⁸ Версия имеет в своей основе сообщения, появившиеся в западной прессе (в частности в берлинской газете «Der Abend» («Дер Абенд»), а также в издававшемся в Париже С.П. Мельгуновым журнале «Возрождение») по поводу массовых арестов в Ленинграде и Москве как начале «ленинградского дела». В частности указывалось, что «процессы инсценированы в связи с титовским конфликтом – обвиняемые сопричислены к сторонникам Жданова». См.: Возрождение. (Париж). 1949. Т. 5. Сент.–окт. С. 144. Во второй половине 50-х годов XX в. эти взгляды получили развитие в книге Ф. Боркенау. См.: *Borkenau F. Der europäische Kommunismus: Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart*. Bern, 1952. S. 489–495, 509–513. В первой половине 80-х эту теорию подробно разработал американский исследователь Г. Раанан. См.: *Ra'anán G. International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina*. Hamden, 1983. В начале 90-х годов XX в. данную концепцию убедительной критике подверг Л.Я. Гибианский, который опирался в том числе и на интервью с Джиласом 13 июля 1990 г. См.: *Гибианский Л.Я. Вызов в Москву*. С. 197–199. Тем не менее английский биограф Тито Джаспер Ридли продолжает придерживаться этой версии о расхождении между Сталиным и Ждановым по вопросам внешней политики. Он считает, что Сталин хотел ослабить Тито с тем, чтобы подорвать позиции Жданова и Молотова, о чем югославское руководство могло и не знать. Ридли даже указывал, что он напомнил об этом Джиласу во время их встречи в 1993 г. См.: *Ridley J. Biografija*. Zagreb, 2000. S. 309.

²⁹⁹ Обзор историографии о соотношении сил в советском руководстве во второй половине 40-х годов см.: *Гибианский Л.Я. Вызов в Москву*. С. 196–199. Факт направления Берией записки о показаниях Рюмина позволяет по-иному взглянуть и на утверждения о его совместном с Маленковым участии в фабрикации «ленинградского дела».

³⁰⁰ Лаврентий Берия. 1953. С. 70. Док. 1: Черновая запись выступления Г.М. Маленкова на заседании Президиума ЦК КПСС. К решению вопроса о Берии. Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.

³⁰¹ Там же. С. 73. Док. 6: Письмо Л.П. Берии в ЦК КПСС. 1 июля 1953 г. Товарищу Маленкову.

³⁰² В историографии имеется версия, что этот ход был связан со стремлением югославов «дождаться момента, когда русские будут вынуждены заплатить как можно больше за уравнивание взаимных отношений». См.: *Pelikan J.* Op. cit. S. 104.

³⁰³ В частности, в подготовленной М. Сергеевым и П. Струнниковым в июне 1953 г. информационной записке «О последних событиях, связанных с Триестом». См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. Д. 618.

³⁰⁴ Было опубликовано также интервью с председателем Союза профсоюзов Югославии Дж. Салаем «Движение восточногерманских рабочих – выражение ненависти к советским оккупантам». См.: Борба. 1953. 28.VI. С. 5. Тема событий в Берлине и других городах Восточной Германии получила развитие в статье «Глубокий кризис» (Там же. С. 5).

³⁰⁵ АВП РФ. 1953. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 619. Л. 1: Посольство СССР в Югославии. Позиция клики Тито в отношении СССР и стран народной демократии (июнь). 6 июля 1953 г.

³⁰⁶ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D.1/49522. Забелешка отправника послова Драгоја Ђурића о разговорима воћеним 1 јула 1953 г. на пријому у Амбасади Канаде поводом националног празника.

³⁰⁷ АЈ. F.507. IX. 199/IV-93: «Informbirovski kongres svetskog saveta za mir – u Budimpesti» (30. 06.1953).

³⁰⁸ Ibid.

³⁰⁹ Лаврентий Берия. 1953. С. 222–223; см. также. С. 419. Примеч. 142.

³¹⁰ Там же. С. 223.

³¹¹ Там же. С. 103.

³¹² Там же.

³¹³ *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950-е годы. М., 1997. С. 528–529.

³¹⁴ Лаврентий Берия. 1953. С. 103–104.

³¹⁵ Там же. С. 105.

³¹⁶ Там же. С. 246.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. С. 247.

³²⁰ Там же. С. 249.

³²¹ Там же. С. 111–112.

³²² Там же. С. 132.

³²³ Там же. С. 138. Слова Кагановича о том, что Тито бывал в США, не были исключены и из тщательно правившегося стенографического отчета пленума (Там же. С. 286).

³²⁴ Там же. С. 179. Секретарь Московского горкома КПСС Н. Михайлов отметил: «Действуя против партии, пытаясь расколоть ее единство, Берия, ослепленный злобой, антинародными настроениями, авантюризмом, хотел повести дело по другому пути... Недаром он затеял переписку с Тито. Это был далеко идущий план». Словам Михайлова вторил и В. Андрианов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, заявивший, что «главное устремление» Берии «проявлялось в захвате власти, чтобы возвести себя в диктаторы по типу Тито – Ранковича, а идеологические основы нашей партии – марксизм – сменить на американизм. Поэтому не случайно и его стремление к сближению с Тито – Ранковичем» (Там же. С. 330).

³²⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 30–31.

³²⁶ Там же. Л. 18.

³²⁷ Лаврентий Берия. 1953. С. 423. Примеч. 8.

³²⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 98: Маленкову, Молотову, Хрущеву. Копия. Ш/телеграмма из Софии № 19652. 27 июля 1953 г. Спец. 191.

³²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 619. Л. 1–8: Посольство СССР в Югославии. Белград, 6 июля 1953 г. Краткий обзор югославской печати за июнь 1953 г.

³³⁰ В качестве наиболее характерного примера была взята передовая статья «После пяти лет» Э. Карделя в газете «Борба» от 28 июня 1953 г., опубликованная по случаю 5-й годовщины со дня появления резолюции Коминформа «О положении в Коммунистической партии Югославии». В советском посольстве приняли ее за «программную». В записке посольства особо выделили характеристики событий в соцлагере летом 1953 г., данные Карделем, но придали этому свою трактовку. «Фашистскую провокацию в Берлине, события в восточной Германии, антиправительственные выступления в Чехословакии в период проведения денежной реформы, – считали дипломаты, – Кардель ставит в один ряд с предательством клики Тито и утверждает, что все это лишь первые проявления “революционной социалистической критики закореневших государственно-политических отношений в советской системе”, которая, по его словам, “переживает острый внутренний кризис”. Эти события, утверждает он, “являются лишь предвестниками других событий, которые рано или поздно должны произойти во внутренней жизни советской системы”». Автор обзора Ханов среди основных положений статьи Карделя выделил также слова о том, что «смерть Сталина ускорила все процессы в Советском Союзе, нарушила якобы “равновесие системы”» и «обратила все ошибки сталинизма против его (Сталина) наследников». См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 74. Д. 619. Л. 2: Посольство СССР в Югославии. Белград, 6 июля 1953 г. Краткий обзор югославской печати за июнь 1953 г.

³³¹ Там же. Л. 3.

³³² Там же. Статью Э. Карделя см.: Борба. 1953. 28.VI.

³³³ Борба. 1953. 6.VI.

³³⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 50: В. Молотов – в Президиум ЦК КПСС тов. Хрущеву Н.С. 10 июля 1953 г.

³³⁵ Там же. Л. 49: Выписка из Протокола № 141 заседания Президиума ЦК от 11 июля 1953 г. – Об агремане послу Югославии в СССР Видич Добривое.

³³⁶ *Raditsa B. Secret Alliance with Moscow. The Inside Story // Freeman. 1954. N 1. P. 264.*

³³⁷ АВП РФ. Ф. КИ. 1953. Оп. 1. П. 130. Д. 292. Л. 56–57.

³³⁸ Имеются в виду события 4 июля 1941 г.

³³⁹ *Yugoslavia Political Diaries 1918–1965. Vol. 4: 1949–1965 / Ed. R.L. Jarman. L.: Archive Editions. 1997. P. 471. N 42: From Belgrade (Sir I. Mallet.) to Foreign Office. July 18, 1953.*

³⁴⁰ Этой позиции Тито придерживался и позднее. 10 августа 1953 г. на Бриони на вопрос корреспондента Ассошиэйтед Пресс: «Показывают ли самые недавние события в России, включая и зачистку Берии, некие перемены в империалистической политике Советского Союза?» – югославский руководитель ответил, что «не может дать иного ответа, кроме того, что вопрос Берии – чисто внутреннее дело Советского Союза». См.: *Броз Тито J. Указ. соч. Кн. VIII. С. 179.*

³⁴¹ Учитывая пребывание Тито в СССР в 30-е годы XX в., не следует сбрасывать со счетов и строки Серго Берии о сотрудничестве Тито с Берией «по линии стратегической разведки, по линии связи, которую мой отец имел с целым рядом государственных деятелей, контакты с Тито не прерывались даже после

официального разрыва отношений между СССР и Югославией. Могу сказать больше, в интересах тех задач, которые были возложены на отца по линии стратегической разведки, они даже укреплялись в тот период... Иосип Броз Тито, А. Ранкович и еще целый ряд людей поддерживали с отцом связь по линии стратегической разведки еще до войны...» См.: *Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994. С. 370.* Свидетельство С. Берии несколько размывается тем, что сам автор с трудом и довольно путано раскрывает понятие «стратегической разведки» (Там же. С. 146–147).

³⁴² 6 июля 1953 г. глава диппредставительства ЧСР сообщил в Прагу о запресе югославам, отметив, что «отъезд в отпуск всех советских дипломатов откладывается», а дата приезда советского посла остается неизвестной. См.: *AMZV. F. TD. 1953. Kr. 4. Č. 7359/53; Bělehrad. 6. 7. 53. Holub 369.*

³⁴³ *DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 1/49522; Забелешка отправника послера Драгоја Ђурића о разговорима вођеним 1 јула 1953 г. на пријому у Амбасади Канаде поводом националног празника.*

³⁴⁴ Вновь приводились факты отсутствия Берии в субботу 27 июня на премьеры оперы «Декабристы», где был весь состав Президиума ЦК КПСС, и передвижения в ту же ночь десятка танков через центр советской столицы. См.: *Ibid. Fasc. 85. D.5/49160; Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 351. 5.VII.1953.*

³⁴⁵ *Ibid. Fasc. 84. D. 9/49521: О Komunističkoj partiji Sovjetskog Saveza. 7 јула 1953 г.*

³⁴⁶ *Ibid. Fasc. 85. D. 5/49401: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 361. 10.VII.1953.*

³⁴⁷ *Ibid. Fasc. 84. D. 3/49337: Снобрнаја – Свим IB zemljama. 10.VII.1953.*

³⁴⁸ *Ibid. D. 1/49483: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 366. 11.VII.1953.*

³⁴⁹ *Ibid. D. 4/49571: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 378. 13.VII.1953.*

Джурич полагал, что это может быть результатом размышлений самих журналистов, желающих сенсации и подбирающих для этого факты и недовольных жесткостью советской цензуры в отношении их сообщений. Он оговорил, что сообщает эту версию «из-за возможности того, что она появится на Западе».

³⁵⁰ *Ibid. D. 4/49672: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 380. 14.VII.1953.*

³⁵¹ *Ibid. D. 4/49671: Telegram iz Moskve (Djurić) – SIP-u. Br. 381. 14.VII.1953.*

³⁵² *Dedijer V. Izgubljena bitka... S. 547.*

³⁵³ Борба. 1953. 20.VII. С. 1.

³⁵⁴ Об этом сообщило ТАНЮГ 19 июля 1953 г. См.: *АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 292. Л. 195.*

³⁵⁵ *Dedijer V. Izgubljena bitka... S. 548.*

³⁵⁶ *DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D. 6/411202: Tabor Rafael za Načelnika I odeljenja – Ambasadi FNRJ u Moskvi. 30.VII.1953.*

³⁵⁷ *Ibid.: Povodom likvidacije Beriје. Ambasada FNRJ u Moskvi (Djurić) – DSIP-u. Br. 463. 10 avgusta 1953 g.*

³⁵⁸ *Ibid.*

³⁵⁹ *Ibid.: Tabor Rafael za Načelnika I odeljenja – Ambasadi FNRJ u Moskvi. 30.VII.1953.*

³⁶⁰ Борба. 1953. 26.VII. С. 1.

³⁶¹ *АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 292. Л. 140–141.* 5 июля был получен фрагмент выступления Карделя в Оточанах: «Если советское правительство готово, независимо от причин, руководящих им при этом, что-либо сделать для нормализации дипломатических отношений с нами, мы не против этого». Кардель также заявил о готовности «сделать все возможное в нынешних условиях для того, чтобы, насколько это возможно, нормализовать наши отношения с Советским Союзом и другими странами Советского блока». В этот же день ТАНЮГ передало его выступление. Эксперт Комитета информации выделил ряд его высказываний, в том числе о том, что недавние «шаги СССР» трактовались

Карделем как «согласие с тем, что следует изменить политику угроз и запугивания. Югославия готова к установлению нормальных отношений, напомним слова Тито». Эксперт также выделил строки о том, что «мы не можем верить в прочность мирных деклараций, пока советская антиюгославская политика, проводившаяся в прошлом, не будет осуждена и пока сущность советской политики в целом не изменится» (подчеркнуто в док. – А.Е.) (Там же. Л. 120–121).

³⁶² Там же. Л. 133. 8 июля 1953 г. Тито на встрече с представителями СМИ среди других тем коснулся изменений в Советском Союзе и необходимости учета их на Западе. Он назвал их вынужденными, следствием ошибок прошлого, подчеркнув, что события в Венгрии окончательно убедили его в том, что последние изменения в СССР нечто большее, чем просто тактический маневр. По его мнению, Запад должен использовать это, чтобы достичь соглашения с русскими. «Я не верю, – говорил Тито, – что русские когда-нибудь откажутся от своих основных целей. Поэтому Запад должен подходить к вопросу реалистичнее, не требовать от русских слишком многого». Данное сообщение попало в Москву как протокольная запись «Лондонское радио о заявлениях Тито» (Лондон. Европейское вещание, английский. 8 июля, 21 час. 30 мин.).

³⁶³ 2 июля В.М. Молотов, по всей вероятности, собирая компромат на Берию в день начала пленума, отдал указание разобраться с высказыванием Тито об увеличении числа инцидентов на югославских границах после смерти И.В. Сталина. Аппарат МИД СССР неспешно подходил к оценке ситуации, уже не обвиняя огульно югославскую сторону. 9 июля 1953 г. В. Зорин направил Молотову справку, подготовленную В. Вальковым «Об инцидентах на границах Югославии со странами народной демократии», с припиской «Представляю согласно Вашему указанию 2 июля 1953 г.» К тому времени необходимость поиска «преступлений» Берии уже отпала, а неясность ситуации на югославском направлении заставила Молотова сделать паузу и вернуться к вопросу о пограничных столкновениях только 8 августа, когда он прочел этот документ. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 3. Д. 60. Л. 8–9.

³⁶⁴ В заключительной части документа было указано, что «по сообщениям товарищей Бодрова, Лаврентьева и Кисилева в настоящее время пограничные власти Болгарии, Венгрии и Румынии имеют строгое указание – не давать никаких поводов для провокаций со стороны югославов» (Там же. Л. 9).

³⁶⁵ Тем не менее документ долго пролежал у Молотова без движения.

³⁶⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 49. № П14/Ш: Выписка из протокола № 141 заседания Президиума ЦК от 11 июля 1953 г. – Об агремане послу Югославии в СССР Видич Добривое.

³⁶⁷ Борба. 1953. 15.VII. С. 1.

³⁶⁸ PRO. FO 371/107829. British Embassy (Moscow) to W Strong. July 22, 1953.

³⁶⁹ Ibid.

³⁷⁰ Хозяева были представлены начальником Службы протокола ГСИД ФНРЮ Белянски и еще одним чиновником в ранге первого секретаря. См.: AMZV. F. TD. 1953. Kr. 4. Č. 7852/53: Vělehrad. 18.7.1953. Holub 383.

³⁷¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 1.

³⁷² Там же. Д. 903. Л. 122.

³⁷³ Вальков также сообщил, что Смодлака встретил его в Риеке на двух машинах, выехав для этого за 150 км от Бриони. Голуб передал в Прагу фразу советского посла о том, что югославы – «хороший народ», а все официальные встречи прошли «весьма учтиво». См.: AMZV. F. TD. Kr. 5. Č. 8752/53: Vělehrad. 10. 8.1953. Holub 429.

³⁷⁴ 1 августа 1953 г. газета «Борба» на первой полосе в статье «Президент Республики принял аккредитационные грамоты нового советского посла», опубликовав фотографию встречи, указала, что при этом присутствовали госсекретарь по иностранным делам К. Попович, генеральный секретарь Президи-

дента Республики Й. Вильфан и полномочный министр, начальник протокола Президента С. Смодлака. Автор материала перечислил также всех советских дипломатов (первый секретарь А.М. Зубов, второй секретарь Ю.В. Любимов и атташе по печати А.А. Ханов), сопровождавших Валькова. В статье было сообщено, что 29 июля Вальков нанес протокольный визит госсекретарю Коче Поповичу.

³⁷⁵ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 170–171. Dok. 1: Šifrovano pismo (Vidić) – SIP-u. Rangun. Str. pov. br. 73. 11.VIII.1953.

³⁷⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 101–103: Сов. секретно. П21/Ш. 31.VII.1953. Выписка из протокола заседания Президиума ЦК от 31 июля 1953 г. – О проекте ответа тов. Червенкову в связи с его телеграммой на имя тов. Маленкова. Проект ответа был подготовлен МИД СССР и представлен 29 июля 1953 г. В. Молотовым «в Президум ЦК КПСС товарищу Маленкову и товарищу Хрущеву Н.С.» (Там же. Л. 103–104).

³⁷⁷ Восточная Европа в документах... Т. II. С. 903. Док. 324. Примеч. 2.

³⁷⁸ Речь Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова // Правда. 1953. 9 авг. С. 3.

НОВЫЙ ВИТОК ОТНОШЕНИЙ (август 1953 – октябрь 1954 года)

1. «Обходить все вопросы, о которых мы заранее знаем, что они приведут к обострению отношений, и искать приемлемую форму для нашей инициативы»*
(август – декабрь 1953 года)

Вторая половина 1953 г. стала для СССР и Югославии временем стабильных дипломатических отношений и некоторого наращивания двусторонних связей. С августа этого года советско-югославские контакты перестали восприниматься с оттенком чрезвычайности даже в тех случаях, когда стороны обсуждали деликатные проблемы. 13 августа поверенный в делах Югославии в СССР Д. Джурич посетил М.В. Зимянина и напомнил ему об обещании В.М. Молотова прекратить пристальную полицейскую слежку за югославскими дипломатами. Глава миссии ФНРЮ сообщил о ряде «грубых и открытых» фактов сопровождения югославы «агентами полиции... на автомобилях и пешком», высказав предположение, что это делается для предотвращения свободных контактов югославских дипломатов с советскими гражданами. Напор югослава и отсутствие опыта сказались немедленно. Зимянин, в отличие от той беседы с Молотовым, на которую ссылался Джурич (а тогда министр заметил, что это – обычная практика и для югославы просто не делают исключений из соображений их же безопасности), не отрицая самих фактов слежки, поспешил заверить собеседника, что все это не означает изменения позиции Советского Союза по «югославскому вопросу» и все прежние высказывания советских руководителей сохраняются в силе. Он также обещал доложить изложенные Джуричем факты с тем, чтобы были изучены все обстоятельства действий советских органов безопасности в отношении югославских дипломатов¹.

15 августа И. Броз Тито организовал прием в резиденции на острове Блед в честь аккредитованных в Югославии глав дипло-

* Из письма начальника Восточноевропейского отдела ГСИС ФНРЮ М. Милатовича в посольство ФНРЮ в СССР 6 ноября 1953 г.

матических миссий (с югославской стороны на нем присутствовали Э. Кардель, А. Ранкович, государственный секретарь по иностранным делам К. Попович, его заместитель А. Беблер, генеральный секретарь Президента ФНРЮ Й. Вильфан). На этом приеме впервые после разрыва в 1948 г. побывали главы дипломатических миссий стран «советского блока» (СССР, Чехословакии, Польши и Румынии). В.А. Вальков прибыл с супругой и в сопровождении нескольких работников посольства СССР. Контакты с Тито и другими югославскими руководителями во время приема не выходили за рамки обычной светской беседы. Вальков отметил любезный тон Тито и его супруги, которая «специально разыскивала» жену советского посла, «чтобы поговорить с ней». Словно по инерции, в своем отчете Вальков сообщил мельчайшие детали охраны Тито, автомашина которого в поездках по окрестностям Бледа «сопровождалась 4 автомашинами и 8 мотоциклами»².

Необходимость серьезного расширения круга информационных источников стала первым выводом, который сделал советский посол на новом месте службы. 22 августа в МИД СССР поступила телеграмма Валькова, где он просил направить в Югославию корреспондента ТАСС. 31 августа Молотов согласился с предложением Зорина послать в Белград сотрудника ТАСС Козина³. Его приезд значительно расширил для Москвы возможности получения достоверной информации о Югославии, которая поступала ранее преимущественно из других стран и нередко препарированной в зависимости от ее источника.

Оценки развития двусторонних отношений, дававшиеся югославским посольством в Москве в летние месяцы, были благоприятными. Дипломаты положительно характеризовали отсутствие «полицейской слежки» за ними во второй половине августа 1953 г., связывая это с демаршем Джурича перед Зимяниным. Положительно оценивалось также и то, что представители дипмиссии получали приглашения на все мероприятия с участием иностранных дипломатов, организованные советской стороной.

В посольстве ФНРЮ в Москве отмечали, что, «судя по беседам с советскими гражданами, нормализация дипломатических отношений (назначение Валькова послом в Белграде и передача им аккредитационных писем Президенту Республики), о чем сообщалось во всех центральных газетах, замечены и приняты с радостью». Югославы полагали, что «советские граждане, особенно после речи Г.М. Маленкова на заседании Верховного Совета СССР, склонны переоценивать значение этих событий, что ...является не только выражением их желаний, но и доказательством того, что их (т.е. советская. – А.Е.) пропаганда не оставила глубокого следа и для многих оказа-

лась неубедительной». В отчетах посольства обращалось внимание, что русские при редких встречах «любезны», а «когда пообмякнут (особенно излишне выпив), то отдают должное нашему участию в войне и, возможно, внутренне уважают нас за наше сопротивление в 1948 г. Но есть и такие, кто все еще оценивает нас на основании сообщений в прессе»⁴.

Югославская сторона не скрывала потепления отношений с СССР, умело используя их в дипломатических играх с Западом. Так, 3 сентября по каналам югославского информационного агентства ТАНЮГ было распространено сообщение о том, что за последние сорок восемь часов советский посол неоднократно беседовал с Беблером. Впрочем, оценки сторонними заинтересованными наблюдателями деятельности Валькова в Югославии, активность которого, по их мнению, ограничивалась регулярными ознакомительными встречами с югославскими руководителями различного уровня, оставались невысокими. Действительно, дождавшись окончания периода летних отпусков, Вальков начал весьма активно знакомиться с югославской дипломатической элитой. Та, в свою очередь, старалась превратить эти протокольные визиты в возможность для настойчивого доведения до Москвы наиболее горячих проблем в двухсторонних отношениях, которые следовало бы разрешить. Встречи и беседы между дипломатами двух стран перестали носить чрезвычайный характер. Это еще раз доказывало, что в общем контексте международной деятельности СССР Югославию уже не выделяли как «особого врага» и контакты с ней уже мало чем отличались от уровня связей с капиталистическими государствами.

Как правило, беседы дипломатов относительно хода и перспектив дальнейшего развития советско-югославских отношений проходили корректно, но югославы в весьма твердой форме указывали, что дальнейшие инициативы по их развитию должны исходить с советской стороны. Наиболее ярко об этом свидетельствует югославская запись беседы В. Мичуновича и В.А. Валькова, состоявшейся 2 сентября. Заместитель государственного секретаря ФНРЮ в ответ на слова советского посла о том, что Г.М. Маленков выступил с инициативой нормализации отношений с Югославией, заметил, что ему об этом известно, но «точно так же точно и то, что кто-то, возможно, или г-н Маленков, или кто-то из его предшественников, инициировал известную политику СССР в отношении Югославии в 1948 г. Поэтому совершенно естественно, что и сейчас инициатива может быть только с их стороны». В ответ же на слова Валькова об общей заинтересованности в продолжении нормализации, Мичунович вновь подчеркнул, что «конкретно в отношениях СССР–Югославия наши позиции, наши обязательства не идентичны, так как если иметь в

виду все, что произошло в последние пять лет, то дело в руках СССР, а не Югославии, и разумеется, мы всегда будем рады содействовать нормализации наших отношений»⁵. После этого Мичунович в легкой форме попенял Валькову на то, что за два месяца его пребывания в стране в контактах между двумя странами ничего не изменилось. Согласно югославской версии беседы, Валькову не оставалось ничего как только напомнить, что он здесь работает «не два, а полтора месяца»⁶.

Впрочем, как свидетельствует советская запись данной беседы, аргументация югославской стороны далеко не во всем принялась послом СССР (возможно, поэтому он занес эту беседу в свой дневник только 7 сентября). Опустив слова собеседника о Маленкове и о том, что Мичунович считает, будто два месяца посол проработал в Югославии впустую, Вальков лишь привел свои слова о том, что ему «непонятна такая постановка вопроса, поскольку мероприятия по дальнейшей нормализации этих отношений и инициатива в постановке того или иного вопроса может исходить не только от Советского Союза, но и от Югославии, и что Советское правительство могло бы рассмотреть такие предложения югославского правительства»⁷.

Не менее твердо и наступательно вела себя югославская сторона и в освещении в прессе советской тематики. В Югославии продолжали негативно оценивать внутреннюю политику советского руководства, не смущаясь тем, что подобные комментарии должны были восприниматься в СССР особенно болезненно. Хотя дипломатические контакты были нормализованы, идеологические разногласия между руководителями двух стран сохранялись. Так, «Радио Югославии» в комментарии постановления сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства язвительно подчеркивало, что в этом пространным документе введение, сообщающее об успехах советского сельского хозяйства, и заключительная часть, где утверждается, что «советская деревня уверенно идет к коммунизму», противоречат основной части текста. Данный документ оценивался югославским комментатором как «признание бедственного положения народа, признание его систематического ограбления». «Радио Югославии» с иронией указывало, что «именно в этой деревне, которая “уверенно идет к коммунизму”, ни одна отрасль сельского хозяйства не является рентабельной, а скота меньше, чем в 1940 г., и много меньше, чем в 1922 г.» Не находили одобрения в Белграде и способы, которыми ЦК КПСС рассчитывал исправить положение. Автор статьи в газете «Политика» обращал внимание на то, что партия в СССР стремится ликвидировать тяжелое положение в сельском хозяйстве за счет усиления бюрократического

аппарата и потому «от так называемых новых мероприятий многого ожидать не следует»⁸.

Несмотря на сохранение явных противоречий между сторонами при внешне корректных дипломатических связях повседневные контакты между работниками внешнеполитических служб становились теплее. Постепенно дипломаты двух стран начали обсуждать проблемы и существовавшие расхождения без прежнего политизированного надрыва. Перед отъездом Д. Видича в Москву советский посол устроил прием и просмотр кинофильма «Смелые люди». Гости из внешнеполитического ведомства Югославии (руководители Отдела протокола, начальник Отдела СССР и стран «народной демократии», а также один из работников ведомства) задержались до половины двенадцатого ночи⁹.

Одновременно с этим В.А. Вальков обдумывал перспективы развития торговых связей между Советским Союзом и Югославией. В конце сентября в одной из бесед с поверенным в делах Чехословакии М. Голубом Вальков высказал предположение о том, что югославы приветствовали бы развитие экономических связей с социалистическими странами, ибо экономические связи Югославии с капиталистическими странами наталкиваются на трудности, включая неблагоприятный для нее платежный баланс¹⁰. Тем не менее Вальков не спешил с выдвижением подобных инициатив, а ограничивался их осторожной проработкой в беседах с югославскими официальными лицами. 24 сентября он сделал это во время встречи с членом Исполнительного веча (правительства. – А.Е.) М. Поповичем. Сначала посол поинтересовался взглядами собеседника на перспективы развития хозяйства Югославии и спросил, имеется ли «какой-либо план экономического развития», после этого на память цитировал цифры негативного внешнеторгового баланса ФНРЮ, выразив уверенность в том, что она, «несомненно, испытывает достаточно сложностей при размещении товаров на иностранных рынках, так как обычно другим не нужно то, что кто-то может предложить, а нужно то, что кому-то самому не хватает»¹¹.

Между тем официальная позиция югославских лидеров в отношении развития связей с Советским Союзом и остальными странами «советского блока», отраженная в их публичных выступлениях, перемежаясь с предложениями о нормализации, оставалась достаточно жесткой. Например, 13 сентября в речи в городе Сплит Тито выразил неудовлетворение результатами нормализации отношений ФНРЮ со странами Восточной Европы главным образом из-за продолжения пограничных инцидентов¹². Несмотря на это, Белград сделал ряд жестов доброй воли в сторону этих стран. Хотя в конце сентября 1953 г. кабинеты послов

Болгарии и Венгрии в Югославии по-прежнему пустовали, условия передвижения болгарских и венгерских дипломатов по всей территории ФНРЮ были значительно облегчены и единственным ограничением оставалась необходимость уведомить югославские власти за 24 часа о направлении передвижения¹³. В свою очередь, работники посольств стран «советского блока» стали более охотно встречаться с югославскими дипломатами.

25 сентября во время общей дискуссии на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке глава внешнеполитического ведомства ФНРЮ К. Попович коснулся проблемы развития связей Югославии со странами социалистического лагеря. Он отметил, что «изменений, имеющих жизненно важное значение, не произошло», хотя дипломатические контакты между Советским Союзом и Югославией восстановлены, что, по словам руководителя ГСИС ФНРЮ, можно рассматривать как «хорошее предзнаменование для общей нормализации отношений». Тем не менее общий тон заявлений югославского министра оставался антисоветским. Некоторое улучшение международного климата за последние месяцы он связал «с изменением позиции советского правительства», а это, по его мнению, «является доказательством того, что именно советское правительство несет главную ответственность за напряженность в мире». Попович подчеркнул: «Важнейшую роль в перемене позиции Москвы сыграло и изменение соотношения сил не в пользу Советского Союза». Сами произошедшие изменения он отнес на счет «победы миролюбивых сил». Министр подчеркнул, что не уверен в том, «идет ли речь о длительном и прочном или только временном изменении советской политики». Характеристику общей мировой ситуации, данную главой внешнеполитического ведомства Югославии, также никак нельзя было назвать дружественной по отношению к СССР¹⁴.

Выступление Поповича не явилось «экспортным» вариантом, специально рассчитанным на участников Генеральной Ассамблеи ООН. Подобные оценки давались югославскими руководителями и в речах перед своими избирателями в ходе предвыборной кампании в Скупщину ФНРЮ. В ставшем известным советским экспертам в Москве заявлении Союзного Комитета ССТНЮ¹⁵ (официальной предвыборной платформы властей, растиражированной в югославских СМИ), различие в отношении к «Западу» и «Востоку» было очевидным. В документе в самой общей форме сообщалось, что «на ноябрьских выборах мы будем голосовать за продолжение нынешней внешней политики нашей страны, за укрепление дружбы со всеми народами, которые желают дружбы с нашей страной, за укрепление балканского соглашения с Грецией и Турцией, за дальнейшее развитие дружественных отношений с США, Великобританией и Францией...» Отношение к

Востоку скрылось за словами: «Мы будем голосовать... за нормализацию отношений со всеми соседними и другими странами, которые в настоящий момент все еще занимают враждебную позицию по отношению к нашей стране... за активную борьбу против всех агрессивных тенденций в современной международной жизни и против всех сил, которые желают разжечь и расширить споры и разногласия, существующие в настоящий момент в мире». Во второй части заявления указывалось, что Югославия выступает за «развитие сотрудничества с рабочими организациями, социалистическими партиями и другими прогрессивными демократическими движениями»¹⁶, но ничего не говорилось о компартиях. Эти установки не являлись единичными фактами. В частности, на пленуме Главного комитета ССТН Сербии подчеркивалось, что во время предвыборной кампании «необходимо разъяснить значение победы Югославии над Информбюро»¹⁷.

Ряд других действий и высказываний югославской стороны в отношении СССР также нельзя было зачислить в разряд доброжелательных. 23 сентября 1953 г. постоянный представитель ФНРЮ в ООН Л. Матес воздержался от голосования в Генеральном Комитете Генассамблеи ООН по советскому предложению о возобновлении дискуссии о составе стран-участниц политической конференции в Корее, посчитав, что «оно может вызвать политические и процедурные затруднения»¹⁸.

Югославская пресса продолжала в едкой форме отзываться о советской помощи в строительстве социализма в Восточной Европе. Характерным было описание причин прекращения проведения канала Дунай–Черное море на территории Румынии, которое произошло, как отмечало информационное агентство «Югопресс», из-за «резкого сокращения советских поставок необходимых механизмов». Вследствие этого «объект представляет жалкую картину безуспешных и напрасных усилий, не принеших никаких результатов для румынского народа». Огромные издержки стройки связывались с «заработной платой многочисленных советских специалистов и возмещением натуральными поставками, которые Румыния должна направлять в Советский Союз за использование советских машин»¹⁹. Москву не могли оставить равнодушной и комментарии югославской газеты «Борба» о советско-китайских отношениях. Газета обращала внимание на то, что советская помощь не выходит за рамки обучения китайских рабочих и направления советских специалистов, но больше нет финансовой помощи, хотя бы в ограниченных масштабах 1950 г.²⁰

Прибытие югославского посла в Москву 22 сентября 1953 г. явилось «полным восстановлением отношений» между СССР и ФНРЮ, но не знаменовало собой качественного скачка в их раз-

вити. Верительные грамоты Д. Видича принял даже не председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, а его заместитель. Югославскому послу не удалось получить аудиенцию у министра иностранных дел В.М. Молотова ни в сентябре, ни в октябре 1953 г. Тем не менее появление посла ФНРЮ, воспринятое как знак «полной нормализации дипломатических отношений» между двумя странами, приковало внимание иностранных дипломатов. Авторы отчета посольства Великобритании в Москве от 24 сентября подвели итоги развития советско-югославских связей с весны 1953 г. Они указали, что «с момента “нового взгляда” в советской внешней политике отношение к югославскому посольству улучшилось на сто процентов». Но высказывания самих работников посольства ФНРЮ в Москве демонстрировали то, что они «не были очарованы внешними проявлениями советских выступлений за мир». В документе приводились слова югославских дипломатов о том, что «инциденты на югославских границах могли быть остановлены, если бы Кремль пожелал этого». При всяком удобном случае дипломаты ФНРЮ решительно выражали несогласие с высказывавшимся их собеседниками предположением, будто многие югославы «страстно желают возвращения в советский блок», отмечая, что это повышает риск потери государственной независимости. Под влиянием бесед с югославскими коллегами в посольстве Великобритании в Москве пришли к выводу, что «югославские коммунисты начали осознавать свою общность с британскими социалистами, а не с советскими коммунистами»²¹.

Позиция Советского Союза на югославском направлении, заключавшаяся в ожидании дальнейших инициатив в развитии нормализации с югославской стороны, не претерпела изменений и в октябре 1953 г. В беседе со своим чехословацким коллегой М. Голубом В.А. Вальков делился расчетами на неизбежность для «титовцев» дальнейшей нормализации отношений с СССР. По его мнению, в пользу этого говорил и славянский характер югославского народа, и воздействие миролюбивой политики Москвы, и заинтересованность Белграда в экономическом сотрудничестве со странами «восточного блока»²².

Югославскую точку зрения этого времени достаточно подробно характеризует первый пространственный отчет посла Д. Видича «Краткий обзор деятельности со времени моего приезда», направленный им в Белград 13 октября 1953 г.²³ Говоря о «контактах с советскими официальными кругами», Видич отмечал «корректные», но весьма прохладные встречи с начальником Отдела протокола МИД Жуковым и замминистра А.А. Громыко в первые дни по приезде. Во время встречи с Зориным 5 октября Видич отметил, что советский дипломат «изрядно занервничал пос-

ле его слов о разумности обеспечения того, чтобы 1948 год не повторился, и о необходимости того, что они нас в этом должны убедить». В ходе беседы посол также сказал, что «изменение их политики в отношении Югославии в Белграде приветствовали, но, искренне говоря, отсутствует вера, что они будут продолжать движение по этой дороге». Зорину не понравилось выражение «изменение политики». Хотя, по мнению Видича, его собеседник «не мог оспорить факт, что они выступили с инициативой обмена послов, что означает некоторое изменение их прежнего отношения к Югославии». Все же Зорин заметил: из марксизма известно, что «все изменяется» и в Югославии «также кое-что изменилось».

Посол истолковал завершающую фразу Зорина: «нахожусь в вашем распоряжении в любое время в случае возникновения конкретных вопросов» – как «не оставляющую сомнений в том, что они (лидеры СССР. – А.Е.) желают, чтобы дальнейшие инициативы были с нашей стороны». В материале также упоминалось о встречах Видича с поверенным в делах Финляндии, который говорил, со ссылкой на Молотова, «о необходимости нашей инициативы, о том, что русские приняли бы нашу инициативу, если бы мы перечислили Молотову нерешенные проблемы, и было бы хорошо сейчас выйти с конкретными предложениями в сфере торговли, культурных связей и т.п.» В отличие от весны 1953 г. посол ФНРЮ воспринимал финского коллегу как «находящегося на русской службе» и соответственно относился к его настойчивым рекомендациям²⁴.

Видич видел два пути продолжения своей работы в Москве. Согласно одному, можно было бы «ждать и смотреть, намерены ли они сами принимать во внимание выступление товарища Тито в Сплите, в котором были перечислены самые конкретные проблемы, требующие решения». Согласно второму, более импонировавшему самому послу, следовало «в официальной форме выдвигать требования о решении тех конкретных вопросов, в которых мы заинтересованы, предоставляя им возможность поставить те вопросы, в которых заинтересованы они... только так мы можем вывести их на чистую воду, потому как они не проявляют инициативы». «Точно так же, – считал Видич, – мы должны на них умело, в оборонительной манере воздействовать через нашу пропаганду, заставляя их определиться по вопросу развития наших отношений в целом». Видич выражал уверенность, что таким образом эта «нормализация» продлится значительно дольше²⁵.

Вялотекущий ход нормализации советско-югославских отношений несколько ускорило стечение внешнеполитических обстоятельств. 11 октября радист советской миссии в Организации Объединенных Наций принял указание Президиума ЦК КПСС

представителю СССР в ООН А.Я. Вышинскому сделать заявление по триестскому вопросу. В Москве требовали созыва Совета Безопасности, на котором рассчитывали разоблачить «закулисный сговор» США и Англии по передаче «Свободной территории Триест» (СТТ) под управление Италии, что нарушало мирный договор 1947 г. с этой страной. При обсуждении ситуации в Совете Безопасности Вышинскому было поручено высказаться в пользу введения в число участников обсуждения триестской проблемы представителей Италии и Югославии.

Оглашенная Вышинским 11 октября нота не явилась экспромтом. Эксперты МИД СССР обратили внимание на рост напряженности вокруг Триеста уже в конце лета 1953 г. 12 августа их внимание привлекло заявление Тито, которое тот сделал после падения в Италии кабинета Де Гаспери. Югославский лидер выразил сомнение в «возможности разрешения триестинского конфликта в скором времени». В советском МИД не пропустили и сообщение газеты «Аванти» о приказе Тито сосредоточить несколько дивизий Югославской Народной армии в районе Любляны.

В Москве были заняты поиском признаков противоречий в отношениях Югославии с Западом, внимательно отслеживая все нюансы во взглядах югославского руководства. 22 августа 1953 г. ТАСС обратил внимание на авторскую статью заместителя секретаря по иностранным делам ФНРЮ А. Беблера, опубликованную в одном из английских журналов, в которой он предлагал создать орган совместного югославо-итальянского управления СТТ. 6 сентября в очередном выступлении, на этот раз близ городка Нова-Горица, Тито отметил, что «вопрос о Триесте зашел в тупик, и нет другого решения, кроме интернационализации Триеста и присоединения к Югославии его хинтерланда»²⁶.

Столь же внимательным образом события вокруг Триеста освещались и в советских средствах массовой информации. Югославское посольство в Москве назвало подход советской прессы «очень объективным» и отмечало взвешенный «стиль сообщений, дававших читателям суть проблемы». По оценке дипломатов, «такой подход был, несомненно, благоприятнее для Югославии, чем для Италии». Еще одним знаком интереса Москвы к событиям вокруг Триеста стало предложение посла Финляндии в СССР югославским дипломатам проконсультировать советское правительство по триестской проблеме²⁷. По аналогии с рассмотренными нами событиями весны 1953 г. это могло означать пробуждение интереса советского руководства к первичным формам взаимодействия с Белградом.

Удачно складывавшуюся внешнеполитическую конъюнктуру Кремль смог использовать только в октябре. Заявление Вышинского готовилось в аппарате МИД СССР в самом начале это-

го месяца²⁸. По-видимому, в Москве уже знали о предстоящем появлении 8 октября американско-британского заявления по «триестскому вопросу» и искали пути адекватного ответа. Однако он не был связан с каким-то особым планом на «югославском направлении». В оценке событий советское внешнеполитическое ведомство исходило прежде всего из интересов СССР как победившей во Второй мировой войне великой державы, которой важны текущие процессы европейского урегулирования²⁹. В качестве факторов, существенных для формирования советского курса в этом вопросе, в Москве стремились учитывать устремления как правящих кругов Италии, так и югославского руководства. В МИД СССР выступали с позиций равноудаленности от Белграда и Рима. Поведение Италии характеризовалось советскими экспертами как «вынужденное приспособление» к изменению курса великих держав Запада³⁰, что давало определенное основание предполагать наличие у Кремля несколько больших симпатий в отношении Рима, нежели Белграда.

В Москве весьма внимательно реагировали на каждый нюанс в политике югославского руководства на любом внешнеполитическом направлении. В отношениях Югославии с Западом особых перемен не отмечалось³¹. При изучении западных комментариев по Югославии эксперты Комитета информации МИД СССР, в отличие от мая–июня 1953 г., вернулись преимущественно к предвзятому, своего рода «обвинительному уклону», выискивая прозападные тенденции в действиях Белграда³². Но в расчет принимались и материалы противоположного характера. От внимания экспертов Комитета информации не укрылся даже незначительный комментарий о негативной реакции в Вашингтоне на статью в югославской газете «Борба», автор которой призывал западные страны «изменить избранную в отношении Кремля тактику и проявить больше уступчивости в связи с неоднократными проявлениями мирных инициатив Советского Союза»³³.

Нюансы в югославском подходе касательно Триеста в МИД СССР выявились уже с августа 1953 г. Трещина, которая проявилась в отношениях Югославии и Запада в этом вопросе³⁴, не была устранена и в сентябре, что продолжало привлекать внимание аналитиков советского внешнеполитического ведомства. В частности, большое значение придавалось статье югославского генерала В. Колта «География на службе агрессии», в которой разоблачались «империалистические планы Италии в отношении Балкан»³⁵. Материал служил своего рода идеологическим обоснованием учений ЮНА, которые завершились 21 сентября в Загребском военном округе, как «проверки одной из югославских концепций обороны от возможного противника на важнейшем направлении Риеки и Триеста»³⁶. И сами маневры, и посвященная

им статья свидетельствовали о наличии в Югославии серьезных антиитальянских настроений, которые могли быть трансформированы в антизападные. Об этом же говорили и ответы Э. Карделя в интервью французской газете «Экспресс» (в том числе фраза о «давлении со стороны нынешних пресловутых друзей Югославии»). Среди других высказываний второго лица в руководстве страны, вызывавших интерес у экспертов МИД СССР, имелось его заявление о том, что вхождение Югославии в Балканский союз не означает непосредственного присоединения страны к Атлантическому пакту³⁷.

После публикации американо-британской ноты от 8 октября, в которой объявлялось о выводе войск из союзной части спорной зоны «Свободной территории Триест», югославско-итальянские отношения резко обострились. В ряде городов Югославии состоялись внушительные демонстрации, начавшиеся вечером того же дня. Их участники подвергли осуждению «решение Запада»³⁸. В ходе манифестаций подвергся разгрому американский информационный центр в Загребе. Однако в первые дни резкого обострения триестского кризиса Белград предпочитал взаимодействовать исключительно с ведущими державами Запада, даже не пытаясь выяснить позицию Москвы.

Советское заявление, сделанное в ООН А.Я. Вышинским 11 октября³⁹, побудило Белград к обмену мнениями с Кремлем по дипломатической линии. Д. Видич постарался подробнее раскрыть югославскую позицию, а также затронуть ряд тем, которые, судя по прежним беседам, считались принципиальными для Москвы. Посол добросовестно пытался определить возможные точки соприкосновения позиций Белграда и Москвы. Поскольку он так и не получил возможности встретиться с высшими советскими руководителями, для этого была использована беседа с заместителем Зимянина Барановым 12 октября, которая стала образцом продемонстрированного югославом дипломатического мастерства.

Традиционное начало беседы, в ходе которого советский чиновник напомнил о возможности «улучшения отношений между Югославией и Советским Союзом на основе борьбы за мир и безопасность народов» и обещал послу «понимание и поддержку», не обескуражило Видича. Посол ФНРЮ был более конкретен. Целью своей работы в Москве он определил достижение состояния, при котором советско-югославские отношения стали бы «не только нормальными, но и добрососедскими». При этом он раскрыл имевшийся для этого потенциал со стороны Югославии. В контексте рассказа о триестском кризисе, он проинформировал собеседника о том, что «по всей Югославии происходят массовые демонстрации, направленные против американцев и англичан, ко-

торые в отношении Югославии поступили не только недемократично, но и открыто враждебно». В ответ на это его собеседник, в духе прежних установок Коминформа о наличии противоречий между руководством и населением ФНРЮ, сухо заметил, что «народ открыто выразил свое отношение к США и Англии». Видич, пропустив этот выпад, попытался убедить собеседника в том, что в «отношении англичан и американцев мы никогда особых иллюзий не питали. Но сейчас, в триестском вопросе, наш народ, правительство и Тито выступают совершенно единодушно»⁴⁰.

Посол проявил себя как профессионал высокого класса, проведя сравнение масштабности проходящих в Югославии демонстраций с событиями марта 1941 г. после подписания королевским правительством договора о присоединении Югославии к итало-германскому договору, что вызвало падение правительства. Он также отметил, что в связи с этими событиями «кое-кто на Западе пытается охарактеризовать нас как профессиональных бунтовщиков, считая, что если они оказывают нам помощь, то мы должны отказаться от защиты своих прав». Все построение фразы говорило о стремлении Видича внушить собеседнику, что помощь Запада не является определяющей для руководства Югославии. В качестве примера его готовности идти в вопросе Триеста так далеко, насколько это потребуется, Видич сослался на выступление Иосипа Броз Тито 11 октября в городе Скопле перед 280-тысячной демонстрацией⁴¹, в котором тот указал на выдвижение югославских войск на полуостров Истрия близ Триеста в зону «Б» и потребовал от США и Англии не осуществлять своего плана в отношении зоны «А», а начать переговоры по данному вопросу. Посол обратил внимание собеседника на слова лидера ФНРЮ о том, что «Югославия будет защищать свои интересы всеми имеющимися у нее средствами»⁴². На вопрос Видича о мнении собеседника по вопросу о Триесте, советский дипломат ответил в духе советской ноты от 11 октября: правительство СССР последовательно стоит на точке зрения необходимости безусловного выполнения условий мирного договора с Италией в отношении СГТ, а американцы и англичане грубо их нарушают⁴³.

Выработанная в МИД СССР и озвученная Вышинским в ООН 11 октября позиция по вопросу о Триесте больше отражала подход Советского Союза к этой проблеме как великой державы, интересы которой были нарушены ревизией послевоенных договоренностей, чем определяла стремление подготовить почву в поддержку позиции Белграда. Тем не менее в беседах советские дипломаты не продемонстрировали ожидавшейся от них открытости. Видич убедился в том, что в Москве, несмотря на критические стрелы в адрес ведущих западных держав, нарушавших послевоенные договоренности, не имели намерений идти на

обострение отношений с ними и стремиться к каким-либо, естественным в этом случае, совместным действиям с Белградом. В том же ключе вел себя и советский посол В.А. Вальков, который во время состоявшейся несколько ранее встречи с Э. Карделем дважды выразил недовольство односторонними действиями американцев, но этим и ограничился⁴⁴.

Через несколько дней югославское руководство, убедившись в своей изоляции, отмежевалось от советской ноты, но сделало это не заявлением высших чиновников страны, а в виде статьи в печати за подписью главы югославского парламента. В белградской газете «Политика» от 15 октября М. Пияде, упомянув о возникших на Западе подозрениях в советско-югославском «сговоре», подчеркнул, что позиция Москвы не соответствует интересам «ни Югославии, ни населению Триеста». Сходство советских и югославских взглядов при осуждении англо-американской ноты Пияде назвал лишь «случайным и кажущимся».

Во время октябрьских событий вокруг «триестского вопроса» югославы были заметно уязвлены благосклонным отношением Запада к Италии и его отказом учитывать требования руководства ФНРЮ. В Белграде началось активное использование тезиса о политике Италии и (в несколько меньшей мере) поддерживающего ее Запада как угрозе миру на Балканах. В югославских средствах массовой информации появились материалы, связывавшие эту проблему с историческими интересами народов Югославии⁴⁵. Хотя в заявлениях на уровне официальных лиц югославы отказывались подтвердить эти усилившиеся акценты, нашедшие крайнее проявление в недавних событиях, у американских дипломатов не возникло сомнений в том, что демонстрации были спонтанными. Одновременно с этим югославские лидеры умело разыграли «проблему Триеста» в ходе парламентской избирательной кампании, а также использовали в пропагандистской дуэли высказывания своих союзников по Балканскому пакту⁴⁶.

Антизападные настроения югославских участников демонстраций, которые громили культурно-информационные центры ряда западных стран, произвели впечатление на работников советского посольства в Белграде. От их внимания не ускользнуло и то, что в октябре на фоне «триестского обострения» в Югославии проявилась благожелательность в отношении Советского Союза, что выражалось как в отсутствии антисоветских лозунгов в рядах демонстрантов, так и в знаках дружественного внимания, оказанного ими автомашине с советскими дипломатическими номерами. В посольстве продолжали связывать эти случаи с традиционно добрым отношением народа к СССР, полагая, что «народ» и «режим» враждебны друг другу. Характерно, что советское посольство, опасаясь затоптать хрупкие ростки доверия, ре-

комендовало румынским коллегам воздержаться от протестов по поводу поврежденного демонстрантами автомобиля посольства Румынии⁴⁷.

Советский подход к «югославскому вопросу» по-прежнему находился под гнетом резолюций Коминформа, авторы которых рассчитывали на спонтанное или конспиративно подготовленное выступление трудящихся против правящего «режима Тито–Ранковича». Антизападные демонстрации периода «триестского кризиса» как будто подтверждали обоснованность подобных надежд. Народные демонстрации в октябре даже несколько укрепили идеологические конструкции резолюций Коминформа времен советско-югославского конфликта, хотя внутривосточная ситуация в Югославии не давала советскому руководству оснований рассчитывать на возможность народного восстания против «политики белградских правителей». Вместе с тем практика обсуждения на дипломатическом уровне международных проблем, представляющих интерес для СССР и ФНРЮ, стала и началом осознания определенной общности интересов двух стран во внешнеполитической области.

Всю осень 1953 г. на внутривосточной сцене Югославии доминировали сюжеты, связанные с предвыборной кампанией в союзный парламент, в которой М. Джилас демонстрировал исключительно высокую активность. В предвыборных статьях и на митингах он выступал наиболее последовательным и жестким критиком советской системы, давая тем самым понять, что не следует ожидать возвращения Югославии в «советский лагерь». Критика общественного устройства СССР в статье «Начало конца и начала» в журнале «Нова мисао», перепечатанной затем в газете «Политика» 23 и 24 августа, вызвала негативную реакцию советского посла. В беседах с заместителями государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ (с А. Беблером 1 сентября и с В. Мичуновичем 2 сентября) В.А. Вальков не скрывал своего недовольства текстами «господина Джиласа», называя их в числе «дел, которые не идут в пользу нормализации»⁴⁸.

Время подтвердило, что позиция М. Джиласа отличалась достаточной последовательностью и являлась следствием не столько его антисоветизма, сколько осознания им необходимости реформирования сложившейся в Югославии однопартийной политической системы. Вскоре Джилас, наряду с резким осуждением советской системы, начал распространять критический пафос своих выступлений и на сложившиеся общественные отношения в Югославии, что, впрочем, не нашло должного отражения в аналитических документах ни МИД СССР, ни советского посольства в Белграде.

Результаты выборов в Скупщину ФНРЮ в ноябре 1953 г. имели двойственный характер. Они продемонстрировали, что позиции руководства Союза коммунистов Югославии в стране прочны, а разногласия между правящей элитой и народом, по крайней мере, не столь серьезны, как это указывалось в резолюциях совещаний Информбюро 1948–1949 гг. В Комитете информации МИД СССР обратили внимание на чрезвычайно высокую активность югославских граждан, пришедших к избирательным урнам; на большой процент отданных в пользу кандидатов голо-сов⁴⁹; на высказывание М. Пияде, назвавшего продемонстрированную избирателями активность «прекрасным доказательством той прочной поддержки, которой пользуется правительство, и глубокого интереса к политике со стороны трудящихся масс»⁵⁰.

В свою очередь, в Югославии также сделали выводы относительно советских и западных поступков в ходе «триестского кризиса». После того как Запад поддержал Италию и Югославия оказалась в фактической изоляции, ее руководство стало придавать большее значение вопросу о нормализации отношений с СССР. 20 октября под председательством Э. Карделя состоялось совещание, на котором присутствовали М. Пияде, М. Джилас, А. Ранкович, В. Мичунович, Б. Црнобрня, А. Беблер и Й. Капичич. Кардель передал собравшимся мнение Тито о желательности ускорения нормализации отношений с Советским Союзом и даже о «необходимости совершить перелом». В итоге обсуждений было принято решение о разработке внешнеполитическим ведомством плана дальнейшего развития советско-югославских отношений⁵¹. К реализации этих решений приступили незамедлительно, даже не дожидаясь разработки этого плана. Уже на следующий день, 21 октября, во все дипломатические представительства ФНРЮ за рубежом была послана депеша с указанием принимать возможное приглашение русских участвовать в организуемых ими торжествах по случаю 7 ноября⁵².

Более серьезные шаги для советско-югославского сближения требовали тщательной проработки и предпринимать их во внешнеполитическом ведомстве Югославии явно не спешили. Но, с другой стороны, в Белграде не торопились и с выдвиганием жестких требований к советским партнерам по устранению спорных проблем. 28 октября посол ФНРЮ в Москве Д. Видич телеграммой запросил согласия руководства на визит к В.А. Зорину, с тем чтобы обсудить вопросы о югославских воспитанниках в СССР, прекращении радиопропаганды, ведущейся югославской эмиграцией и т.п. Особенно неприемлемым посол считал статьи эмигрантов в издании «За социалистическую Югославию», выходящем при советской материальной поддержке (типография, бумага и т.д.). Во время беседы с Зориным он предлагал охарак-

теризовать их в качестве «вмешательства в наши внутренние дела», а также «указать на ряд клеветнических выпадов советской прессы со времени обмена послами». Однако одобрения на все эти действия Видич в Белграде не получил.

Вместо этого в начале ноября в посольство ФНРЮ в Москве поступило специальное письмо, доставленное курьерской почтой⁵³. В нем давалось понять, что ответ на инициативы Видича не мог быть сообщен обычной телеграммой ввиду необходимости сохранения секретности. Глава первого отделения, ответственного за «советское направление» деятельности внешнеполитической службы ФНРЮ, А. Милатович сообщал, что по проблемам возвращения югославских воспитанников и деятельности эмигрантов, которые Видич намеревался поставить перед Зориним, «мы не можем ожидать изменения позиции русских... Они все – офицеры своей армии и, без сомнения, агенты МВД. Поэтому исключена всякая возможность того, что они разрешат их передачу нашей стране. Постановка этого вопроса означает обострение отношений, следовательно, мы можем использовать его только тогда, когда это нам потребуется». Подобным образом оценивал Милатович и желание Видича высказаться о деятельности югославской коминформовской политэмиграции: «Мы не можем ставить вопрос существования объединений и организаций эмигрантов и их газет... до тех пор, пока мы имеем таковые в нашей стране. К тому же, они (советские руководители. – А.Е.) из собственной, да и из эмигрантской пропаганды, в основном выбросили все ругательные выражения». Ввиду этого Милатович сообщал, что «сейчас следует обходить все такие вопросы, о которых мы заранее знаем, что они привели бы к обострению отношений, и надо искать подходящую и приемлемую с обеих сторон форму нашей инициативы по решению вопросов»⁵⁴.

Наряду с этим в ГСИД ФНРЮ настоятельно требовали от посольства в Москве продолжения информационно-аналитической работы по основным тенденциям внутренней и внешней политики Советского Союза. Обращаясь ко всему персоналу посольства, Милатович отмечал, что «наше руководство очень заинтересовано в изучении и оценке всех действий и тенденций в советской внешней и внутренней политике». Подобную заинтересованность он раскрыл без обиняков: «Вы, читая выступления и статьи наших руководителей, должны были заметить, что ряд официальных мер советского правительства остается без оценки, и еще более это ощущается в работе нашей пропаганды»⁵⁵.

Кроме этого, ссылаясь на полученные данные от югославских агентов на Западе, в Белграде требовали от посольства уточнения или дополнительного раскрытия содержащейся в них информации. В частности, в югославскую столицу поступили

сведения о том, что для создания таможенного и хозяйственного союза в Восточной Европе и координации деятельности стран «советского блока» в начале сентября в Москве была сформирована специальная комиссия во главе с Л.М. Кагановичем, в состав которой вошли А.И. Микоян, П.Н. Поспелов, А.Н. Косыгин, М.З. Сабуров, В.А. Зорин, М.Г. Первухин. А. Милатович также просил посольство обратить внимание на «украинские сюжеты», отмечая, что «ряд фактов указывает на развитие на Украине стремления к самостоятельности. При этом не только в народе, но и в республиканском руководстве. Подтверждением этому могут служить случай с Мельниковым, письмо Мануильскому, требование непосредственной связи (а не через МИД СССР) с представительством в ООН, замена русского языка украинским во всех высших школах и т.д.» Милатович считал, что «благодаря таким тенденциям некоторые западные державы стремятся установить прямые дипломатические связи с Украиной». Однако попытки добиться этого через Москву «натолкнулись на неблагоприятную реакцию украинского правительства (Барановский), которое считает, что такой шаг следует предпринимать через Киев, так как это решить может он, а не Москва»⁵⁶.

Хотя 20 октября на узком совещании югославских руководителей было принято решение воплотить в жизнь поручение Тито совершить «перелом» в советско-югославских отношениях, к его выполнению они подходили весьма своеобразно. Югославские лидеры ни в коей мере не желали ни поступиться прежними оценками советской действительности, ни пересмотреть причины и ход советско-югославского конфликта. Свою принципиальность в этом вопросе лидеры ФНРЮ подчеркивали в каждом удобном случае. Во время предвыборной кампании в Союзную Скупщину наряду с выпадами против Италии основным рефреном их высказываний служило напоминание об успешном противостоянии Югославии давлению со стороны Коминформа, Советского Союза и лично Сталина.

26 октября «Борба» сообщила, что М. Джилас в выступлении в Титограде посчитал необходимым остановиться на вопросе «новых отношений с СССР». Он упомянул «новое состояние в душе и сознании югославов», назвав «смешными заявления тех..., кто говорит о возвращении прежних отношений СССР и Югославии, бывших между ними до 1948 г.» Джилас заявил, что прежние «дружеские» отношения с Советским Союзом вернуть невозможно, поскольку югославы тогда не обладали равными правами и во взаимоотношениях не было подлинной дружбы⁵⁷. В выступлении повторялись условия нормализации: «В случае, если бы СССР не проводил в отношении нас и наших друзей (Греции и Турции. – А.Е.) агрессивную политику, в случае если

бы решительно встал на позиции мирного решения споров, были бы возможны нормальные и экономические, и политические отношения». При этом он дал понять, что Югославия готова отстаивать свои собственные интересы, но не выполнять волю других, прежде всего Запада, пусть даже и за деньги⁵⁸. Критическое отношение к Западу Джилас уравнивал таким же взглядом на СССР как на государство с иным социальным устройством. «Советский порядок отличается от нашего, и различия не могут быть стерты, – писал он. – Не может быть задушена и принципиальная критика, неминуемая при различной социальной организации, но нормальные межгосударственные отношения возможны, ибо наличие одинаковых внутренних условий не должно быть обязательным». Вслед за М. Пияде М. Джилас указывал, что «в вопросе Триеста Советский Союз был и остался против нас». В то же время он повторил, что «мы не ведем и не будем проводить ни просоветскую», ни любую другую линию, кроме своей собственной⁵⁹.

В сходной тональности позицию Югославии определял и Э. Кардель, что не оставили без внимания западные дипломаты. Британское посольство в Белграде в одном из отчетов упомянуло его интервью французской газете «L'Express», в котором вице-президент отметил, что текущий кризис в России случился потому, что Маленков не оказался достаточно крупной фигурой, заполняющей образовавшуюся после Сталина пустоту. Кардель добавил, что борьба за власть среди лидеров советской бюрократии, в конечном счете, не столь важна, но важно сопротивление трудящихся масс, советских рабочих существующей системе⁶⁰.

Замысел И. Броз Тито о новых инициативах, задача выработки которых была поставлена Карделем 20 октября 1953 г., выродился в ряд мелких акций, которые явно не дотягивали до задуманных крупных преобразований. В начале ноября В. Мичунович предложил В.А. Валькову обменяться поздравлениями по поводу ноябрьских национальных праздников двух стран⁶¹. Вслед за этим на приеме в советском посольстве 6 ноября побывали не только союзный секретарь по иностранным делам Попович, его заместитель Мичунович и начальник секретариата Президента ФНРЮ Вильфан, но и Кардель – второе лицо в югославском руководстве⁶². Тем не менее и после этого в выступлениях членов югославского руководства не появилось новых интонаций. В посвященных советско-югославским отношениям строках повторялись, как правило, формулировки речей Тито периода мая–июня 1953 г.⁶³ Стадия размышлений и переоценки отношений требовала времени и выдвижения конкретных мер с обеих сторон.

В последние месяцы 1953 г. размышления югославских лидеров о возможности эволюции советской тоталитарной системы в

сторону демократизации, появившиеся в оценках событий вокруг «дела Берии» в июле–августе, получили новое подкрепление в виде реферата монографии И. Дейтчера «Россия после Сталина», переведенного и распространяемого ЦК СКЮ. Взгляды американского политолога о трех возможных вариантах развития ситуации в СССР – возвращение к сталинистской форме диктатуры, введение военной диктатуры, постепенная эволюция режима к социалистической демократии – вызвали неподдельный интерес. Составители данного реферативного обзора обратили внимание на высказывание американского автора о том, что в Советском Союзе «возвращение на длительный период к сталинизму очень маловероятно», а «военная диктатура возможна только в случае военной угрозы со стороны Запада». Дейтчер (а вслед за ним, видимо, и его заинтересованные читатели) склонялся к тому, что реальный вариант дальнейшего развития советской действительности лежит где-то между военной диктатурой и демократической эволюцией. Этот путь Дейтчер назвал «демократической регенерацией», которая начинается с отказа от практики правления, при которой все полномочия и вся полнота принятия решений находятся в руках одного вождя⁶⁴.

В работе американского советолога давалась оценка «реформам Маленкова», которые трактовались как отражение стремления масс к свободе. В частности, отмечалось, что русский народ всегда удовлетворялся и самыми незначительными реформами, а действия Г.М. Маленкова ни в коей мере нельзя называть «скромными», так как, «несмотря на конечный результат его деятельности, ему уже принадлежит историческая заслуга в том, что совершены первые шаги, которые должны вести к демократической регенерации». К их числу была отнесена «замена власти диктатора коллективным руководством, означавшая восстановление до известной степени практики, преобладавшей во времена Ленина».

В обзоре показывалась и перспектива желательного развития «свободы слова и дискуссий», данная автором в определенной очередности. «Начать должны руководители, хотя, – признавал Дейтчер, – они не имеют для этого достаточно куража. Но начавшиеся однажды дискуссии будут иметь продолжение: они охватят различные темы, среди которых – вопрос о разных формах национализма и интернационализма; вслед за этим – дискуссия об индустриализации, сельском хозяйстве и т.д. Когда однажды правящая партия начнет дискуссии, она больше не сможет долго препятствовать делать это и другим»⁶⁵. Преобразования виделись автору в результате «вливания» демократии в коммунистическую партию, поскольку только отсюда свобода выражения мнений может распространяться на другие структуры общества, приоб-

ретая все больший охват до тех пор, пока не появится полная советская демократия, которая имеет за собой высокую промышленную цивилизацию и модернизированную социалистическую систему⁶⁶.

Демонстрация интереса к развитию контактов с СССР со стороны югославского руководства не находила поддержки в Москве. Хотя Д. Видич был приглашен на прием по случаю юбилея Октябрьской революции, у него создалось впечатление, что советские лидеры его демонстративно избегали. Вторым проявлением прохладного отношения Москвы к жестам Белграда, по его мнению, стало то обстоятельство, что югославскому послу, появившемуся в СССР 20 сентября, несмотря на все старания, так и не удалось добиться личной встречи с В.М. Молотовым ни в октябре, ни в ноябре⁶⁷.

В атмосфере неясности и неопределенности югославское посольство в Москве решило отказаться от инициативных действий. 1 декабря Видич выразил согласие с мнением А. Милатовича о том, что не следует затрагивать большие вопросы в двусторонних отношениях. Приняв логику Милатовича и «дух письма» его инструкций, он согласился с выраженным в них взглядом на то, что постепенно развивающаяся нормализация может быть нарушена излишне жесткой или слишком ранней постановкой известных «тяжелых» вопросов. Ввиду этого Видич соглашался с необходимостью «идти по пути решения более легких вопросов на базе взаимности», запрашивая Белград о том, какие именно вопросы следовало бы инициировать перед советской стороной⁶⁸.

К такому выводу Видича подтолкнули и беседы с чиновниками советского МИД, имевшие место в ноябре. Состоявшаяся 10 ноября встреча Видича и Зимянина явно демонстрировала, что развитие контактов после их «полной дипломатической нормализации» находится в тупике⁶⁹. Согласно записи беседы, сделанной советским дипломатом, посол ФНРЮ выразил надежду на дальнейшую нормализацию и развитие отношений между его страной и СССР, подчеркнув, что, по его мнению, «для этого имеется благоприятная почва». При этом он указал на урегулирование пограничных вопросов со странами «народной демократии». Сославшись на свои личные наблюдения, посол указал, что «отношения между нашими двумя странами могут и должны быть значительно лучше». Видич констатировал, что в советской печати «нет ничего худого в отношении Югославии», и пообещал, что ФНРЮ «проявит инициативу в деле дальнейшей нормализации и улучшения отношений» посредством «выдвижения предложений по отдельным конкретным вопросам, в которых заинтересована Югославия». Он выразил уверенность, что «Советский Союз со своей стороны также проявит инициативу»⁷⁰.

В ответ на эти высказывания М.В. Зимянин ограничился упоминанием о выступлении Г.М. Маленкова на сессии Верховного Совета СССР и о заявлении Молотова в беседе с прежним югославским поверенным в делах Д. Джуричем, характеризующих «отношение СССР к Югославии». Зимянин согласился с Видичем «по вопросу о необходимости дальнейшей нормализации советско-югославских отношений» и принял к сведению «заявления относительно стремления Югославии к их улучшению». Но при этом он указал на участие ФНРЮ в Балканском пакте как на препятствие, отметив, что «этот пакт вряд ли может содействовать нормализации и улучшению отношений между Советским Союзом и Югославией».

Советский дипломат настаивал, что в «пакте содержатся элементы военного соглашения, направленного против СССР и стран народной демократии», которые якобы «никогда не угрожали и не угрожают Югославии». В ответ на это Видич дважды повторил три тезиса в защиту участия Югославии в Балканском пакте⁷¹, сделав особый упор на утверждении о том, что «пока Югославия будет членом Балканского блока..., этот блок нельзя будет использовать против соседних с Югославией стран, а тем более против Советского Союза». При этом посол упомянул, что «Югославия не вступила в Атлантический блок, несмотря на то, что ее к этому принуждали, оказывая на нее сильный нажим». Встреча закончилась ссылкой Видича на будущее, которое «покажет, что Югославия стремится к установлению хороших отношений с Советским Союзом, и он считает это своей главной задачей». В ответ Зимянин заверил, что «всякая инициатива посла, направленная на улучшение отношений между Советским Союзом и Югославией, встретит со стороны его Отдела понимание и поддержку»⁷².

Тон и содержание высказываний Видича продемонстрировали, что Белград, во исполнение задачи, поставленной высшим руководством, искал сближения, но Москва не желала идти навстречу, объясняя это участием Югославии в Балканском пакте, давая понять, что именно это является главным препятствием в дальнейшей нормализации. Однако у советской стороны отсутствовала конкретная платформа для альтернативной политики Белграду. Вместо этого имелись лишь планы пропагандистской работы в новых условиях. Министр иностранных дел В.М. Молотов в записке в Президиум ЦК КПСС от 11 ноября пообещал Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву, что МИД СССР «в ближайшее время» внесет предложения, «имеющие целью разъяснения нашей печатью политики СССР в отношении Югославии»⁷³.

Общий критический тон советской стороны в ноябре–декабре явно просматривался как в контактах между дипломатами, так и в советской прессе. Если югославская сторона в соответствии с

имевшимися инструкциями воздерживалась от постановки решения больших вопросов в двусторонних отношениях, то советские собеседники не особенно стеснялись в выборе тем. Особое внимание они продолжали уделять участию Югославии в Балканском пакте как враждебном советскому лагерю. 10 ноября во время беседы с Видичем Зимянин в ответ на замечание югослава о «постепенном создании благоприятной атмосферы для дальнейших усилий в направлении нормализации», заявил о том, что «много еще нужно сделать» и, извинившись за недипломатичность, подчеркнул, что СССР вынужден занимать критическую позицию в отношении югославов прежде всего из-за Балканского пакта – военного союза, направленного против СССР. Этот пакт противоречит заявлениям югославского правительства о желании нормализации и ей не способствует. «Советский Союз и демократический лагерь не угрожают Югославии, и время покажет подлинную суть и этого пакта, и подтвердит справедливость его оценок», – заметил Зимянин⁷⁴.

В более жестком стиле 23 ноября в газете «Красная звезда» была опубликована статья о военных переговорах в Белграде делегаций стран-участниц Балканского пакта. Югославское посольство, передавшее содержание статьи в Белград, выделило тезис о том, что Балканский пакт возник по инициативе США и носит агрессивный характер, а главной причиной его создания являлось стремление привлечь ФНРЮ к НАТО, что и стало фактическим присоединением Югославии к западной группировке. В посольстве также отмечали сходные комментарии в передачах «Радио Москвы» на сербском языке, в которых правительство Югославии называлось антинародным⁷⁵.

Общую линию поведения СССР достаточно полно изложил В.А. Вальков в беседе с чехословацким коллегой М. Голубом в середине ноября в Белграде⁷⁶. По его мнению, шагами, направленными на нормализацию отношений с Югославией, СССР подтвердил свое миролюбие и стремление к мирному сотрудничеству со всеми народами. Как результат – югославы были вынуждены пойти на нормализацию. Реагируя на это, англо-американцы проявляют обеспокоенность, что подтверждает заинтересованность западных дипломатов и журналистов в получении от него, Валькова, разъяснений. Опасения Запада, просвещал Голуба советский посол, будут тем более понятны, если принять во внимание тот факт, что в Югославии, в отличие от остальных капиталистических стран, проживают славянские народы, которые, несмотря на политические позиции, связаны с другими славянскими народами живыми узами, что, естественно, совершенно противоречит желаниям не только американцев, но также и «титовцев».

Чехословацкий дипломат передал в Прагу позитивную оценку Вальковым югославского народа и то, что в посольстве отмечают изменения в отношении к советским представителям в стране. Посол СССР также напомнил о необходимости организации как можно более широких контактов с югославами. Именно поэтому, пояснил он, на советский прием 6 ноября было приглашено много представителей югославской культуры, тем более что другие непосредственные контакты с народом, за исключением этой формы общения, невозможны. «“Титовцы”, – заметил посол, – используют нормализацию отношений с Советским Союзом в торговых переговорах с Западом, где у них продолжают сохраняться большие трудности, а сейчас (конкретно – в “триестском вопросе”) возникли и политические трения». Этим, по мнению Валькова, и объяснялся интерес «титовцев» к нормализации, однако их отношение к США не изменилось. Он указал также на заинтересованность югославы в хозяйственных связях со странами «народной демократии»⁷⁷, сославшись на высказывания Тито в разговоре с новым главой миссии Венгрии в ФНРЮ Ш. Куримски. На вопрос Голуба, можно ли ожидать от общих усилий миссий стран советского блока в Югославии позитивных результатов, Вальков ответил утвердительно⁷⁸.

Дальнейшее развитие событий не продемонстрировало радикального улучшения советско-югославских отношений. 29 ноября «в связи с государственным праздником Югославии» К.Е. Ворошилов как глава Верховного Совета СССР направил И. Броз Тито поздравительную телеграмму вполне нейтрального содержания, попросив «господина президента» принять его «поздравления и пожелания благополучия народам Югославии»⁷⁹. Советский посол и ряд дипломатов стран «народной демократии» посетили прием по случаю «Дня республики», организованный Тито в Сараево.

Итоги выборов в Скупщину имели большое значение для югославского руководства. Массовое участие избирателей показывало высокую степень контроля властей над населением страны, его удовлетворенность «социальным выбором». Результаты выборов явились и косвенным одобрением твердого курса в отношении Италии и Запада в целом, продемонстрированного осенью 1953 г. По всей вероятности, именно эти обстоятельства дали югославскому руководству возможность несколько жестче отреагировать на донесения Видича об игнорировании его руководителями СССР на официальных мероприятиях в ноябре. 3 декабря советскому посольству в Белграде было сообщено о прекращении переговоров об авиационном сообщении между Москвой и Тираной через территорию ФНРЮ. Впрочем, этот гневный жест не нарушил размеренного хода формальной нормализации

связей. В начале декабря 1953 г. советская сторона запросила аг-реман для военного атташе⁸⁰.

В новейших статьях по истории советско-югославских отношений в 50-е годы XX в. декабрь 1953 г. принято считать окончанием одной из фаз процесса нормализации связей между СССР и ФНРЮ, которая воспринималась как стратегический курс, продуманный югославским руководством в отношении Москвы на многие годы вперед еще весной того года и последовательно реализуемый Тито. Согласно этой точке зрения, в начале декабря «титовское руководство энергично окончило период примирительных жестов в отношении Москвы»⁸¹. Однако отсутствие документального подтверждения разработок такого курса Белграда в те месяцы и наличие указаний на то, что югославское руководство всерьез, хотя и без видимых результатов, занялось проблемой выработки курса на «советском направлении» только после 20 октября 1953 г., не позволяет согласиться с данными утверждениями.

Хотя советские дипломаты (в частности В.А. Зорин в дискуссии с Д. Видичем 4 октября 1953 г.) и не отрицали, что югославские коммунисты – марксисты, дальнейшую нормализацию сдерживали прежде всего встроенные в подход советской стороны прежние идеологические установки, через призму которых в Кремле продолжали воспринимать югославских лидеров. Об этом свидетельствовали два важных аналитических документа, имевшие хождение в аппарате МИД СССР в конце 1953 г. Один из них был создан в советской дипмиссии в Белграде, другой – на Смоленской площади в Москве.

28 октября посольством СССР в Югославии была подготовлена информационно-аналитическая справка «“Рабочие советы” на предприятиях Югославии»⁸². К самому термину «рабочие советы» авторы отнеслись с иронией, приводя его в своем документе в кавычках, тем самым считая, что название не соответствует содержанию. Во вводной части материала отмечалось, что «рабочие советы» на югославских предприятиях явились лишь одним из звеньев в цепи мероприятий, направленных на полную реставрацию капиталистических отношений в стране. Под их прикрытием, по мнению авторов, происходило дальнейшее наступление на права трудящихся. «С помощью демагогии о мнимой демократичности “рабочих советов” и их якобы истинно рабочем характере, – отмечалось в документе, – титовцы систематически отравляли и отравляют сознание рабочих, рисуя перед ними ложную перспективу возможности улучшения жизненных условий в рамках существующих в стране капиталистических отношений»⁸³. На той же ноте, что и введение, был подготовлен раздел «выводы» этого документа. «Рабочие советы» характеризовались в нем как псевдосоциали-

стическая ширма, за которой «титовцы закрепляют реставрацию капиталистических отношений в стране»; с их помощью «путем псевдодемократических лозунгов проводится систематический обман отсталой, малосознательной части трудящихся»⁸⁴. В духе резолюций Коминформа авторы указывали, что «откровенно антирабочий характер титовских “рабочих советов” убеждает рабочий класс Югославии в лживости титовской пропаганды о якобы социалистическом рабочем характере этих “советов”. Дискредитация этих “советов” в настоящее время еще не является полной. Но уже сейчас можно сказать, что эти “советы” далеко не пользуются тем влиянием, на которое рассчитывали титовцы, и с каждым днем это влияние становится все менее ощутимым»⁸⁵. Подобные характеристики предполагали и соответствующий вывод, долженствующий возникнуть у читателей документа после его прочтения: ситуация в Югославии может в скором времени измениться в сторону возвращения к советской модели развития. Впрочем, авторы материала не занесли этот вывод на бумагу.

Через два месяца, 28 декабря в аппарате МИД СССР Б. Яковлевым была подготовлена обстоятельная (на двадцати трех страницах) информационно-аналитическая справка «О ходе нормализации отношений СССР и стран народной демократии с Югославией»⁸⁶. В документе в крайне жестком антиюгославском тоне давалась оценка событий последних месяцев. В то же время в нем высоко оценивались советские внешнеполитические инициативы и «наметившаяся возможность нормализации отношений с Югославией», которые «привели к усилению просоветских и антивоенных настроений в массах югославского народа». С позиций традиционного разделения югославского режима и «югославского народа», в документе подчеркивалось, что «другую реакцию вызвали эти мероприятия у титовских правителей. Мероприятия СССР по нормализации отношений с Югославией были встречены ими с настороженностью и вызвали многочисленные выступления титовцев». «В связи с действиями Советского правительства, направленными на нормализацию отношений с Югославией, — указывалось в документе, — у югославских руководителей появилось опасение разоблачить себя перед своим народом как врагов мира и нормализации отношений с Советским Союзом. Они боятся, как бы югославский народ не понял, что именно югославское правительство является противником нормализации и что именно оно всячески противодействует ей»⁸⁷.

В заключительной части справки Яковлев характеризовал ситуацию следующим образом: «Титовская Югославия, порвав с СССР и странами народной демократии, встала на путь реставрации капитализма в стране. Внешняя и внутренняя политика Югославии направлена в настоящее время на обеспечение интересов

англо-американских империалистов, готовивших Югославию роль плацдарма для агрессии против СССР и стран народной демократии». Он указал, что «после подписания Балканского пакта Югославия превратилась фактически в соучастника Атлантического блока, так как Греция и Турция являются участниками Атлантического блока». «Исходя из такого положения, – отмечалось в документе, – наша страна строит свои отношения с Югославией как с капиталистическим государством, находящимся во враждебном Советскому Союзу лагере». Шаги СССР по урегулированию отношений с ФНРЮ, сделанные им для ослабления международной напряженности, поставили югославское руководство, по мнению автора, в сложную ситуацию, из которой оно «пытается выйти путем всякого рода провокационных тактических приемов». К их числу автор отнес заявления «югославского правительства о готовности рассмотреть любое предложение Советского правительства, направленное на нормализацию отношений». В документе особо звучал призыв не доверять заявлениям югославской стороны о том, что Балканский пакт «преследует только оборонительные цели». Именно так Яковлев оценил аргументы Видича в беседе с Зимяниным 10 ноября, ибо «такими методами югославские правители стремятся нажать себе соответствующий политический капитал и замаскировать подготовку к войне против СССР и стран народной демократии»⁸⁸.

В «позитивной» части этого документа критике подвергалась антититовская пропагандистская работа. «Уже длительное время наша печать и печать стран народной демократии, – считал Яковлев, – не помещают материалы, разоблачающие титовскую антинародную репрессивную политику, не разъясняют сущность внешней и внутренней политики югославских руководителей». Досталось и советской дипломатии. «Задача нашей дипломатии и дипломатии стран народной демократии, – писал автор документа, – заключается в настоящее время в том, чтобы наши мероприятия ставили в затруднительное положение югославское правительство, создавали противоречия между Югославией, с одной стороны, западными странами и участниками Балканского пакта – с другой, с тем, чтобы своевременно и умело использовать их в наших интересах». Деятельность подразделений МИД (Отдела восточноевропейских стран и посольства СССР в ФНРЮ), работающих на «югославском направлении», Яковлев оценил как «имеющую серьезные недостатки». Они «недостаточно тщательно изучают экономическое и политическое положение в Югославии, противоречия между Югославией и западными странами, между участниками Балканского пакта, не вносят своих предложений руководству МИД по постановке перед югославами вопросов, дающих нам активную позицию в наших отношениях с Юго-

славией». Не была обойдена стороной и дипломатия стран «советского блока», которая была охарактеризована как «недостаточно проявляющая инициативу в постановке перед югославами вопросов, которые ставили бы в трудное положение титовцев»⁸⁹.

«Позитивная» часть документа не отличалась оригинальностью и конкретикой и по этим причинам не могла оказать существенного влияния на дальнейшую разработку курса по отношению к Югославии. Ответственность за это возлагалась на В.А. Валькова: «Предложить нашему посольству в Югославии тщательно изучать внешнеполитическое и внутривнутриполитическое положение в стране с тем, чтобы вносить руководству МИД СССР предложения о нашей дальнейшей политике в отношении Югославии». Столь же неконкретно давалась установка и для пропагандистской деятельности: «Нашей печати следует разоблачать внешнюю и внутреннюю политику титовцев, вскрывая ее антинародную сущность и агрессивность, ее антисоветскую направленность. То же самое следует делать и нашим друзьям в странах народной демократии». Яковлев считал необходимым «подсказывать нашим друзьям в странах народной демократии о необходимости проявлять больше инициативы в постановке перед югославами таких вопросов, которые давали бы им активную позицию в отношениях с Югославией»⁹⁰.

За десять месяцев, прошедших с марта 1953 г., в советско-югославских отношениях произошел определенный прогресс: стороны нормализовали контакты на государственно-дипломатическом уровне, была прекращена практика публикаций негативных статей и публичных высказываний с резко отрицательными характеристиками друг друга. В то же время связи в остальных сферах – экономической, культурной, а тем более между государственными лидерами оставались неразвитыми. Взаимные представления политических элит обеих стран сохранялись на прежнем, конфликтном уровне. Для советской правящей элиты попытка Л.П. Берии вступить в диалог с югославским руководством, ставшая известной на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., оказалась достаточным идеологическим прикрытием для устранения этого наиболее посвященного во все тайны советской внутренней и внешней политики последних десятилетий государственного деятеля как антисоветского заговорщика, агента империализма, готового идти по пути капитуляции перед Западом, уже пройденному Тито. За все это время не было и речи о возможности контактов по партийной линии.

Наследство советско-югославского разрыва конца 40-х годов оставалось доминирующим в советском подходе к Белграду и в последние месяцы 1953 г. Идеологические разногласия, как и расхождения во взглядах правящих кругов обеих стран на внутреннее

развитие друг друга, оставались непримиримо различными. В Москве сохраняли негативные оценки в отношении югославского руководства («клика титовцев»), хотя определение «фашистская» исчезло из внутренних документов. На Смоленской площади продолжали считать, что на международной арене Югославия неуклонно склоняется к системе связей Атлантического союза и даже готовится к войне со странами «советского блока». Имевшиеся в советских рабочих документах оценки внутренней ситуации в ФНРЮ, проводившие резкую разграничительную линию между властной элитой и народом этой страны в соответствии с положениями соответствующих резолюций Коминформа 1948–1949 гг. периода конфликта, продолжали определять советский подход.

Взгляды на СССР официальной Югославии также оставались негативными как в публичных выступлениях лидеров (особенно этим выделялись М. Джилас и М. Пияде), так и во внутренних документах (ЦК СКЮ, ГСИД и др.). Впрочем, югославское руководство считало возможной смену советских стереотипов восприятия своей страны, и во второй половине 1953 г. среди ее лидеров, а затем и в политико-государственной элите постепенно укрепляется взгляд на неизбежность внутренней эволюции советской системы в направлении ее относительной демократизации или «демократической регенерации». Белград с большим реализмом оценивал ситуацию в СССР, чем Москва – в Югославии. Осмысление последствий устранения Берии в соответствии с традиционными марксистско-ленинскими схемами и борьба за разрешение триестской территориальной проблемы подтолкнули югославское руководство к постановке вопроса об углублении нормализации. Это сопровождалось и некоторой эволюцией собственных идеологических оценок – от жесткой критики советской системы как государственно-монополистической к признанию того, что в ней сохранились элементы социализма, прежде всего, согласно марксистской терминологии, в общественном базисе, противопоставлявшемся «надстройке».

Враждебные взаимоотношения могли быть устойчивыми при отсутствии активно работающих послов. Но обмен послами неминуемо должен был сказаться на развитии межгосударственного диалога, стимулировав, в свою очередь, работу дипломатов. После их появления увеличился поток информации, стали налаживаться рабочие контакты с чиновниками и руководством двух стран. Все это побуждало искать пути к развитию взаимодействия между ними. Причем, если первоначальный импульс к нормализации исходил из Москвы, то затем инициатива в этом вопросе перешла к Белграду. Однако внутренние документы с обеих сторон свидетельствовали, что им предстояло сделать еще немало для преодоления атмосферы взаимного отчуждения.

2. «Мы идем в социализм своей дорогой, мы не поддадимся попыткам нас с нее столкнуть»* (январь – март 1954 года)

Начало 1954 г. не предвещало резких изменений во взаимоотношениях СССР и ФНРЮ. Ситуация в Югославии внешне выглядела стабильной. В печати, со ссылкой на информационные агентства, появились краткие сообщения о предстоящем визите в страны Скандинавии делегации Социалистического союза трудового народа Югославии во главе с председателем Международной комиссии этой организации М. Джиласом и ее секретарем В. Дедиером. То, что М. Джилас, избранный к тому времени по предложению руководителя хорватских коммунистов В. Бакарича на должность председателя Союзной Скупщины ФНРЮ (спикера парламента), выезжает из страны с визитом в ином статусе, не вызвало особых подозрений у наблюдателей, расслабленных рождественскими и новогодними праздниками.

В советском посольстве в Белграде пока не делали серьезных выводов из серии публикаций Джиласа (за исключением одной из них в сентябре, о которой отрицательно высказался Вальков), которые появились в югославской прессе в последние месяцы 1953 г. Подчиненные Валькова занимались проработкой возможности восстановления экономических контактов между СССР и ФНРЮ. 4 января 1954 г. посол В.А. Вальков направил в Министерство иностранных дел свои предложения по этому вопросу. Сформулированы они были крайне осторожно. «При рассмотрении вопроса об отношении титовцев к возобновлению экономических связей с СССР, – указывалось в документе, – следует иметь в виду, что они, видимо, исходят не только из желания советской инициативы, но также и из того, что в этом случае они рассчитывают на более благоприятные для них условия переговоров о погашении югославской задолженности Советскому Союзу по кредитным соглашениям 1946–47 гг., а также соглашению о неторговых платежах от 1948 г., исчисляемой, включая проценты, – почти в 100 млн долларов». Поэтому, считал Вальков, отдавая дань глубине конфликта 40-х годов и учитывая то, как югославы преподнесли стране и миру предложение Молотова об обмене послами летом 1953 г., «советская инициатива позволила бы югославскому руководству лишний раз заявить о новой “победе” Югославии»⁹¹.

В соответствии с традициями составления документов по «югославскому вопросу», Вальков упомянул и о «клеветниче-

* Из выступления Иосипа Броз Тито на пленуме ЦК СКЮ 30 марта 1954 г.

ской, враждебной пропаганде титовцев», и о срыве переговоров по заключению соглашения о воздушном сообщении Москва–Белград–Тирана. По его мнению, «в этих условиях ...представлялось бы целесообразным пока не делать с нашей стороны каких-либо конкретных предложений югославам о возобновлении экономических отношений». Но Вальков не являлся бы дипломатом высокого класса, если бы не занимался в Белграде непосредственным делом – налаживанием связей со страной пребывания. Отдав должное столь лестным для хозяина смоленской высоты антиюгославским заявлениям, посол перешел к конструктивной части документа. Он допускал, что «сами югославы, будучи крайне заинтересованы в возобновлении экономических отношений с СССР и странами народной демократии, особенно имея в виду ухудшающееся экономическое положение и обострение проблемы ее торгового и платежного баланса, будут все же вынуждены в той или иной мере проявить инициативу». Вальков предполагал, что это произойдет, «скорее всего, в виде зондирования в разговорах с нами о возможности возобновления таких отношений». Он сослался на имеющиеся уже подобные случаи «в отношении некоторых стран народной демократии» и предлагал «использовать такой зондаж».

После этой фразы посол в осторожной форме выразил собственное мнение, полагая, что «возобновление экономических отношений с Югославией было бы и в наших интересах, так как усилило бы наши позиции в Югославии». Он считал «целесообразным при случае в осторожной форме позондировать позицию югославов по этому вопросу», предлагая сделать это «в очередной беседе» с госсекретарем по иностранным делам ФНРЮ или одним из его заместителей. В качестве предлога для разговора он намеревался использовать «заявление на пресс-конференции 29 декабря 1953 г. государственного советника Брилея, что со стороны восточноевропейских стран не поставлены вопросы о финансовой задолженности и якобы не предприняты шаги по нормализации авиационного сообщения». Допуская, что «югославы увяжут эти вопросы с установлением нормальных экономических отношений с СССР и странами народной демократии», Вальков предлагал руководству утвердить формулировку своего ответа: «Советское правительство отнеслось бы положительно к рассмотрению вопроса о возобновлении экономических отношений между СССР и Югославией. При этом имеется в виду, что при переговорах с югославами о конкретных шагах по возобновлению этих отношений будет поставлен вопрос о погашении югославской задолженности Советскому Союзу»⁹². Таким образом, посол считал необходимым не ограничиться «зондажем», но даже сделать, со ссылкой на личное мнение, полуофициальное

предложение югославам начать обсуждение вопроса о восстановлении экономических связей.

Данная инициатива Валькова являлась достаточно смелым шагом в условиях хорошо известной ему общей атмосферы в советском партийно-государственном аппарате вокруг вопроса о нормализации отношений с Югославией, дополнительно осложненной в конце декабря 1953 г. документом Яковлева по «югославскому вопросу». Поэтому посол подстраховался, закончив свое донесение следующей фразой: «В случае, если будет признано нецелесообразным принятие такого предложения, то считал бы возможным уже сейчас напомнить югославам о необходимости погашения ими задолженности Советскому Союзу со ссылкой на ноту МИД Югославии от 23 сентября 1950 г.»⁹³ Посол полагал, что в таком случае югославы, «видимо, в той или иной форме будут готовы подтвердить свою “позицию”, изложенную в этом документе, а возможно, предложить рассмотреть одновременно и другие экономические вопросы, интересующие обе стороны, с чем можно было бы согласиться»⁹⁴.

Вряд ли Вальков осмелился сделать такое предложение, не рассчитывая на то, что в Москве его инициатива найдет поддержку. Документ позволяет утверждать, что у советской внешнеполитической элиты все же существовало желание продолжить движение по пути дальнейшей нормализации отношений с Югославией еще до и вне всякой зависимости от «дела Джиласа», потрясшего югославскую политическую жизнь в январе 1954 г. и позволившего Кремлю (прежде всего Н.С. Хрущеву) представить в ином контексте дальнейшее развитие советско-югославских связей.

Предложения Валькова от 4 января были положены в Москве «под сукно». Во время его изучения в МИД СССР стало известно о произошедших в Югославии событиях, связанных с предполагаемой резкой критикой высшим югославским руководством взглядов Милована Джиласа, который в связи с недавней предвыборной кампанией в Союзную Народную Скупщину Югославии незаметно, но уверенно превращался в «лидера № 2» югославской политической элиты. Этот достаточно молодой политический деятель выдвинулся в первые ряды югославского руководства еще во время борьбы с оккупантами в Черногории в ходе Второй мировой войны. В годы советско-югославского конфликта Джилас получил признание как один из наиболее ярких критиков политики советского руководства и всего общественно-политического устройства СССР. И после марта 1953 г. Джилас продолжал выделяться среди остальных югославских руководителей жестким обличением внутренней и внешней политики Советского Союза, считая, что дело не в персоналиях, а в закостеневшей

тоталитарной системе, созданной в СССР усилиями Сталина и его соратников.

Вместе с тем, как свидетельствовали материалы, вышедшие из-под его пера во второй половине 1953 г., Джилас не остановился на этих заключениях, а постепенно переходил к более глубоким обобщениям социалистической практики не только на советском, но и на отечественном материале. В серии статей, опубликованных в газете «Борба» в последние месяцы 1953 г., и в появившемся в канун 1954 г. в журнале «Нова мисао» памфлете Джилас начал переносить свой критический пафос, наработанный в отношении Советского Союза времен конфликта конца 40-х годов, на систему общественного устройства современной ему Югославии, затрагивая и сложившиеся отношения в высшем слое политической элиты ФНРЮ.

В отношении происходивших в Белграде в начале января 1954 г. событий, смысл и содержание которых представлялись весьма туманными, советское Министерство иностранных дел заняло выжидательную позицию. На дискуссии и персональные перемены в руководстве СКЮ не спешила реагировать и советская печать, ожидая указаний сверху. Было очевидно, что устойчивое равновесие в высшем эшелоне власти ФНРЮ, которое выдержало тяжелейшие испытания войной и давлением советского лагеря, серьезно нарушилось, но чтобы понять, в какую сторону произошло смещение и по каким причинам, потребовалось время, в особенности для уяснения возможного влияния новой расстановки сил на советско-югославские отношения. Внешнеполитические службы СССР на первых порах ограничились лишь внимательным изучением всего доступного потока информации.

Западные СМИ, напротив, отреагировали на январские события 1954 г. в Югославии незамедлительно. Существенные потрясения в тамошней политической элите, связанные с отстранением М. Джиласа со всех занимаемых им постов, иностранные средства массовой информации сразу же окрестили «делом Джиласа». Одним из первых зарубежных известий о нем, на которое в Москве обратили внимание, стало сообщение радиостанции «Свобода» от 5 января 1954 г. В нем Джиласа назвали руководителем, который «выразил сомнение в том, что сталинская партийная дисциплина была нужна в предшествующий период». Мониторинг иностранных сообщений велся в МИД тщательно. Из сообщения «Статья Джиласа о “Союзе коммунистов Югославии”» белградского корреспондента агентства «Франс Пресс», появившегося в тот же день, мидовские аналитики выделили строки «об отказе от партии и государства ленинского типа» и о том, что «Союз коммунистов Югославии “постепенно теряет партийный характер”»⁹⁵.

10 января Исполком ЦК СКЮ сделал официальное заявление, указав, что опубликованные М. Джиласом статьи, в особенности «Анатомия морали», являются плодом его собственных измышлений, которые «в своей основе противоречат мнению всех остальных членов Исполнительного комитета, духу решений VI съезда... Он печатал их, не высказывая предварительно своим товарищам из Исполнительного комитета идеи, которые в них собирался выразить, даже и вопреки тому, что некоторые товарищи во время публикации первых статей из этой серии указывали ему не только на теоретическую и политическую ошибочность его предположений, но и на очевидный вред, которые такие статьи могли нанести идейному единству и развитию Союза коммунистов и строительству социалистической демократии в нашей стране»⁹⁶.

В Комитете информации было изучено много комментариев в иностранных СМИ по поводу этого заявления, и МИД обратил внимание на тезис о том, что происходящее свидетельствует «о крупных разногласиях среди партийного руководства Югославии»⁹⁷. Из последующих многочисленных комментариев ситуации в высшем руководстве ФНРЮ сотрудников МИД СССР привлекло сообщение итальянского агентства АНСА из Рима от 12 января, в котором предлагались три версии (со ссылкой на «журналистские круги») относительно дальнейшего развития ситуации. В соответствии с одной из них предполагалось, что М. Джилас будет осужден партией за опубликованные статьи, в которых призывал к свободной дискуссии и критике, т.е. фактически открыто признавал, что в югославской демократии нет места дискуссии, критике, личному мнению и т.д. Вторым возможным вариантом развития событий могло быть сохранение Джиласом, хотя и впадшим в немилость, поста председателя Народной Скупщины, чем, по мнению агентства, будет подтверждена возможность занимать высшие государственные должности, не имея поддержки единственной партии в стране. Согласно третьему варианту, Джилас мог отказаться от своих взглядов в обмен на сохранение места в югославском руководстве. В этом случае его «самокритика», сообщалось в материале, даст возможность говорить о «возвращении югославского социализма к восточным методам, а не об его уступках демократии».

Лишь 15 января 1954 г. ТАСС распространил собственное сообщение из Белграда. Давно ожидавшийся материал был бесцветен, носил исключительно информационно-справочный характер и сохранял принятый в СССР антиюгославский настрой. Как и прежде, словосочетание Союз коммунистов Югославии бралось в кавычки, что означало отказ считать эту партию подлинно коммунистической в соответствии с ранними резолюциями

Коминформа. В тексте ТАСС указывалось, что статьи Джиласа «о проблемах общественного развития Югославии» и «роли Союза коммунистов Югославии» публиковались в «Борбе» с начала октября 1953 г., «однако первые отклики югославской печати на них появились только в конце декабря – начале января 1954 года». Подобной подачей информации белградский корреспондент ТАСС давал понять, что длительное время взгляды Джиласа, изложенные им публично, не отвергались югославским руководством и, возможно, даже находили у него поддержку.

Особо подчеркивалось, что «характерной особенностью» первых откликов на статьи Джиласа являлось то, что «написаны они второстепенными лицами и в сдержанном тоне» и «в этих статьях в основном, кроме некоторых оговорок, содержалось одобрение высказываний Джиласа». К тому же, напоминал корреспондент ТАСС, «до сообщения Центрального комитета (СКЮ. – А.Е.) о статьях Джиласа и после этого сообщения никакой реакции со стороны руководящих деятелей Югославии на них не было», «во всех откликах умалчивается о так называемых “теоретических вопросах”, поднятых в статьях Джиласа»; «как правило, обсуждаются, и в большинстве случаев одобряются, лишь конкретные предложения Джиласа по свертыванию организационной и политической работы в первичных организациях СКЮ». Особое внимание было обращено на то, что «после появления сообщения ЦК СКЮ (автор, как и в годы конфликта, продолжал писать СКЮ в кавычках. – А.Е.) о статьях Джиласа, всякие отклики в югославской печати на них прекратились»⁹⁸. Иными словами весь материал ТАСС о «случае Джиласа» был подан таким образом, что его читатель должен был прийти к однозначному выводу: до совсем недавнего времени взгляды этого политика находили одобрение в высшем эшелоне власти Югославии.

Осуждение взглядов М. Джиласа и репрессивные «оргвыводы» в отношении него самого во время специально созванного по этому случаю пленума ЦК СКЮ повергли советских экспертов в состояние задумчивости и потребовали некоторого времени для выдвижения соответствующих версий объяснения случившегося. Торопиться с выводами было, по меньшей мере, опрометчиво, ибо отстранение Джиласа со всех руководящих постов и резкое осуждение его взглядов не могло не вызвать пристальный интерес руководства КПСС.

В последних статьях Джилас продвинулся значительно дальше в критической оценке общественного устройства, созданного в Югославии после 1945 г. В Москве могли опасаться, особенно с учетом распространенных в СССР тезисов о подчинении «титовской Югославии» Западу, что дальнейшее развитие и реализация этих идей может привести к либерализации политической систе-

мы в стране, вплоть до утраты СКЮ монопольной власти. Тем самым создавался бы опасный прецедент для всех стран социалистического лагеря. Ситуация осложнялась тем, что как раз в это время Н.С. Хрущев проводил линию окончательного захвата партаппаратом ЦК КПСС всех главенствующих позиций в СССР и все увереннее оттеснял технократические силы, набравшие вес в государственном аппарате и общественной жизни за годы научно-технического рывка, который сделал Советский Союз после Второй мировой войны при самом непосредственном участии Л.П. Берии и Г.М. Маленкова.

Внимание Москвы привлекали также государственно-политический масштаб личности М. Джиласа, его политический вес в Югославии, влияние на формирование в прошлом курса Белграда в отношении СССР (в частности, именно он в 1944 г. осуждал поведение советских офицеров в Югославии после освобождения страны и первым резко осудил С. Жуйовича за информирование советского посла о заседании Политбюро КПЮ 1 марта 1948 г.), особенно на пропагандистскую полемику конца 40-х – начала 50-х годов. Немаловажным представлялось и то обстоятельство, что еще со времен советско-югославского конфликта конца 40-х годов Джилас наряду с Б. Кидричем и Э. Карделем входил в круг теоретиков, разрабатывавших собственную югославскую модель общественного развития на базе марксизма, отличную от советской. Расправа с М. Джиласом (как и смерть Б. Кидрича весной 1953 г.) давали Кремлю шанс рассчитывать на то, что изменение соотношения сил в верхах Югославии может привести к переменам во внутривластной жизни и, возможно, в отношении ее руководства к СССР.

По всей вероятности, те же самые факторы учитывались и в Белграде. Положение Тито и поддержавшего его большинства руководства СКЮ осложнялось тем, что еще со времени наиболее ожесточенной фазы советско-югославского конфликта конца 40-х годов именно Джилас совершил ряд визитов в государства Западной Европы и во многом стал выполнять роль своего рода связующего звена в налаживании доверительных отношений прежде всего с теми западными политиками, которые придерживались социалистических и либеральных взглядов. С учетом этого югославское руководство предприняло серьезные усилия для того, чтобы на Западе не начали подозревать Югославию в стремлении «вернуться в коммунистический лагерь». Пытаясь не дать хода подобным суждениям, источником которых, по мнению Белграда, выступали правящие круги Италии, югославская сторона занялась продвижением соответствующей информации среди представителей западных стран.

Одной из наиболее серьезных подобных акций стало распространение 9 января 1954 г. среди аккредитованных в Белграде иностранных корреспондентов письменного заявления Президента ФНРЮ И. Броз Тито. В нем опровергалось содержание статьи югославского эмигранта в США Богдана Радицы, которая вышла в самом начале 1953 г. в одном из близких к внешнеполитическим службам США американских журналов. Ее автор писал о тайном соглашении югославского руководства с Маленковым относительно «возобновления союзнических отношений между Белградом и Москвой». В заявлении указывалось, что «данная ложь распространяется из Италии» с целью помешать сотрудничеству Югославии со странами Запада, подорвав к ней доверие США, Великобритании и Франции, остановить дальнейшее поступление западной помощи ФНРЮ и окончательно решить «триестский вопрос» в ущерб Югославии⁹⁹.

Значение «дела Джиласа» для дальнейшего развития советско-югославских отношений обе стороны решили выяснить по дипломатическим каналам. Подходящий момент представился во время беседы посла Югославии Д. Видича с первым заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко 19 января – на второй день по завершении пленума ЦК СКЮ и на следующий после публикации сообщений о его решениях. Встреча состоялась по инициативе югослава формально для того, чтобы получить сведения о возможном ходе обсуждения австрийского вопроса на предстоящей вскоре Берлинской встрече министров иностранных дел четырех ведущих мировых держав. Видич рассказал о смещении Джиласа, сообщив, что он освобожден от занимаемых им постов в партии, но остался ее членом. В своем дневнике Громыко отметил, что собеседник затронул этот вопрос «как бы между прочим и чувствовалось, что он не хотел дальше развивать разговор на эту тему»¹⁰⁰. Советский дипломат немедленно сообщил о случившемся своему руководству.

21 января состоялась беседа Д. Видича с В.М. Молотовым¹⁰¹, которой югославская сторона когда-то так настойчиво добивалась. После обсуждения австрийской темы, вновь ставшей официальным поводом для встречи, собеседники перешли к обмену мнениями по главному вопросу, интересовавшему советскую сторону. При этом были соблюдены все формальные уловки «дипломатической конспирации». Как свидетельствовала сделанная в секретариате советского министра запись разговора, Молотов напомнил собеседнику, что «в беседе с Громыко Видич также коснулся вопроса о Джиласе». Югославский посол, в свою очередь, подстраховался словами о том, что «он не имел в виду касаться вопроса о Джиласе: когда он и А.А. Громыко закончили обсуждение вопроса об Австрии, то в ходе беседы, не в офици-

альном порядке, а как бы между прочим, он спросил А.А. Громыко, слышал ли последний о деле Джиласа». В ответ Молотов в том же стиле ответил, что, «поскольку А.А. Громыко сообщил ему о своей беседе с Видичем, он, Молотов, в том же неофициальном порядке, что и Видич, хотел бы заметить, что в Москве с интересом относятся к вопросу о Джиласе и к обсуждению этого вопроса в Югославии».

Министр сказал после этого следующее: «Известно, что Джилас увлекался Западом и проявлял большую недоброжелательность к Советскому Союзу. Возможно, что меры, принятые в отношении Джиласа, будут содействовать налаживанию отношений между Югославией и Советским Союзом». Видич прекрасно понял смысл этих слов. Но его ответная фраза была весьма туманна, он заметил лишь, что «как представитель Югославии... хотел бы поблагодарить В.М. Молотова за его слова». Вновь с оговоркой («лично от себя»), посол добавил, что «вопрос о Джиласе рассматривался самым серьезным образом. Нам не нравились идеи Джиласа и тот путь развития, который он предлагал для Югославии. Именно по этой причине его идеи были недвусмысленно и решительно осуждены Центральным Комитетом коммунистической партии Югославии». Сказанное не давало никаких оснований рассчитывать, что Видич разделяет предположение советского министра.

Вторая же часть обсуждения «дела Джиласа» между собеседниками была связана со спорными проблемами коммунистической идеологии и выбора путей развития Югославии. Беседа вернулась в русло обычных прежних дискуссий. Видич заявил, что «югославские коммунисты всегда были марксистами», что «они никогда не мыслили по-иному» и «никогда не пытались идти по иному пути». В ответ Молотов, бросив примирительную фразу, — «чем больше будет марксистов, тем лучше», — тонко поинтересовался у собеседника, «можно ли считать Джиласа марксистом», тем более что «Джилас был теоретиком в Югославии». Видич не растерялся и ответил, что «и в Советском Союзе были люди, которые вначале считались марксистами, а в ходе борьбы показали, что они не являются марксистами». Пикировка закончилась вничью: Молотов согласился, заметив, что «в Советском Союзе были такие случаи»¹⁰².

В конце беседы Видич пообещал, что «незамедлительно информирует свое правительство» о разговоре. В ответ советский собеседник, учитывая тонкость вопроса, на всякий случай отметил, что «Видич имеет на это право... он, Молотов, высказал то, что считал своим долгом высказать». Последняя оговорка министра и заместителя председателя советского правительства о том, что его слова — лишь его личное мнение, свидетельствовала

об опасении возможности использования югославами его высказываний в пропагандистских целях. Она предназначалась прежде всего для Видича и его руководителей в Белграде, однако не следует исключать, что эти слова были произнесены Молотовым и для его коллег по Президиуму ЦК КПСС. 25 января 1954 г. должна была начаться встреча министров иностранных дел четырех держав в Берлине для обсуждения германского вопроса, и Молотов уже готовился к отъезду. Опытный дипломат и государственный деятель, он предвидел, что данная беседа с послом ФНРЮ может быть рассмотрена на заседании Президиума ЦК КПСС в его отсутствие и поэтому в ее записи стремился поставить все точки над «і».

Став во многом этапной во взаимоотношениях двух стран, беседа 21 января Молотова и Видича, тем не менее, не привела к быстрым серьезным подвижкам в деле дальнейшей нормализации отношений между ними. На следующий день, 22 января, встречаясь с советским послом в Белграде, заместитель главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ отклонил ряд советских предложений по улучшению отношений, внесенных за последние месяцы советским посольством на рассмотрение югославской стороны. В основе данной позиции лежало не только недоверие Белграда к Москве, но и более прозаические причины, которые во многом объяснил аналитический материал «Основные тезисы по поводу внутренней и внешней политики СССР», который готовился сотрудниками посольства ФНРЮ в Москве в первые недели 1954 г. и оказался завершен как раз 21 января во многом под влиянием встречи Видича с Молотовым¹⁰³.

В выводах этого важного документа указывалось:

«1. Нормализация создает для СССР более благоприятные условия для повседневной дипломатическо-агентурной работы в Югославии, чем Югославии в СССР. Этим объясняется их стремление к расширению связей (культурных, спортивных, экономических и т.д.). Ограничения, накладываемые с нашей стороны, всегда будут сопровождаться их протестами и заявлениями по поводу нашего нежелания искренне сотрудничать и нормализовать отношения. С учетом неизменных конечных целей советской внешней политики, развитие связей должно быть соразмерно степени наших потребностей в отношениях с Западом и не должно нарушать наших жизненных интересов. На данном этапе для СССР расширение связей является потребностью ведения им политики подрыва доверия к Югославии со стороны стран Запада и партнеров по Балканскому пакту, ее “верности союзникам” и т.п., особенно в расчете на существующие различия в общественных системах между ФНРЮ и остальными странами.

2. Детальное изучение всех сегодняшних возможностей двусторонних связей (выставки, книжные магазины, использование Советского Дома в Белграде, посольства в Москве, обмен научной литературой и научными делегациями, спортивные обмены, театральные-балетные и музыкальные группы и ансамбли, кино, экономические отношения) показывает, что мы можем высказываться в пользу взаимности только в ограниченных областях и нашим интересам нигде, кроме обмена научной литературой, футбольными командами и шахматными мастерами на международных турнирах и организации выставки в Москве, не выгодно выдвигание нами инициатив.

3. Конкретные вопросы, которые уже существуют как спорные (дети, советское радио и другая пропаганда, деятельность эмигрантов), не подходят для нахождения решения проблем тех специфических областей, которые они затрагивают. Мы можем лишь настаивать на отмене тех элементов пропаганды и деятельности эмигрантов, которые могут оправданно считаться вмешательством в наши внутренние дела. В отношении детей мы могли бы потребовать у советских властей разрешить нам контакт с ними для приведения в порядок их документов, что предоставило бы возможность познакомиться с их положением и, возможно, предпринять что-либо еще. По линии работы консульской службы с МИДом существует нормальное поле для деятельности. Необходимо требовать их помощи в приведении в порядок данных о проживающих в СССР наших гражданах и их документах.

4. Задачи исследовательского характера, контакты с гражданами, поездки и т.п. остаются основополагающими. Следовательно, все вышеизложенное ставит нас в достаточно пассивное положение по сравнению с советскими представителями в Белграде... Но... и в этих условиях можно совершить определенную работу по популяризации Югославии без нарушения соразмерности, которая сейчас считается нами достаточной»¹⁰⁴.

В скором времени югославское руководство, не упоминая о встречах Видича с Громько и Молотовым (однако, несомненно, с учетом этих бесед), публично очертило условия, на которых оно было бы готово вести дальнейшую нормализацию отношений с Советским Союзом. Главный акцент делался на нормализации отношений с соседними странами-членами «советского блока». Это произошло 29 января 1954 г., на второй день заседания Союзной Скупщины, в отчете о работе федерального правительства за 1953 г. президента ФНРЮ Тито. Во внешнеполитической части доклада отношения со странами «советского блока» были названы им «частичной» нормализацией. Помимо прочего, это привело к тому, что «состояние на границах сейчас более приемлемое». В то же время, по словам Тито, «некоторые восточно-

европейские страны не проявляли готовности к нормализации»¹⁰⁵. Подразумевалась прежде всего Албания, напряженность на границах с которой сохранялась. 31 января один из «влиятельных неназванных руководителей ФНРЮ» (обычно американские репортеры называли так госсекретаря по иностранным делам Югославии или кого-либо из его заместителей) в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» подтвердил эту позицию¹⁰⁶.

В день, когда в Белграде перед депутатами Скупщины ФНРЮ югославский лидер перечислял условия, на которых Югославия соглашалась продолжить нормализацию со странами «советского блока», в Бухаресте появилась полуофициальная оценка «дела Джиласа», распространенная по всему «лагерю народной демократии». 29 января 1954 г. вышел очередной номер печатного органа Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!» со статьей «“Дело” Джиласа и югославская действительность»¹⁰⁷.

Можно согласиться с мнением хорватского исследователя Д. Бекича о том, что пропагандистам Коминформа было сложно найти приемлемую форму реакции на смещение Джиласа¹⁰⁸. Приветствовать принятые по «делу Джиласа» решения означало впервые за долгие годы поддержать Тито и ЦК СКЮ, промолчать – упустить инициативу и внести замешательство в ряды сторонников Кремля в международном коммунистическом движении. Невозможно было и «заступить» за Джиласа, некогда главного критика Советского Союза и стран Восточной Европы.

Авторы статьи попытались отреагировать на события в привычном стиле тотальной критики «всех и вся» в югославском руководстве. Обличительные замечания Джиласа в адрес правящей элиты в статье назывались вынужденным признанием того, что самыми типичными чертами нынешней югославской действительности являются бюрократизация партийного и государственного аппарата сверху донизу, беззаконие, принуждение населения к посещению официальных митингов, моральное разложение и интриги в руководящих кругах. Относительно работ теоретического характера, публиковавшихся Джиласом в последние месяцы, было замечено, что они выходили «под нарочито туманными заголовками: “Общее и частное”, “Субъективные силы”, “Новые идеи”, “Союз или партия”», и их автор «всячески избегал называть вещи своими именами, прикрывался обычными для титовцев демагогическими разглагольствованиями о “социалистической демократии”, выболтал действительные цели и намерения белградских правителей». «Если перевести все эти “теоретические” выверты Джиласа на простой человеческий язык, – отмечала газета, – то существо выдвинутых им “новых идей” можно было бы изложить следующим образом: пора уже открыто сделать выводы из фактов возрождения в Югославии капитали-

стических порядков децентрализации промышленности, роспуска крестьянских кооперативов, возврата земли кулакам и помещикам, из фактов растущего влияния иностранного капитала в стране; пора ввести многопартийную систему по типу западноевропейских стран и открыто узаконить переход Югославии в лагерь империалистической буржуазии». Именно в этих тезисах авторы коминформовского издания усматривали «существо статей Джиласа»¹⁰⁹.

Сам факт осуждения М. Джиласа на пленуме ЦК СКЮ 16–17 января авторы материала трактовали не менее «последовательно». Они указали, что появление этих статей вызвало замешательство в правящих кругах Югославии, но не потому, что Джилас высказал то, что противоречило бы взглядам этих кругов, политика которых привела к ликвидации демократических завоеваний народов Югославии и к утрате национальной независимости, а потому, что Джилас «предал гласности то, что втайне от народа вынашивали югославские руководители и о чем они, не стесняясь, говорили между собой». Действия югославских лидеров по «разоблачению» Джиласа комментировались в том же стиле. Они, по мнению автора, стремились «избежать полного разоблачения своих замыслов» и «решили пожертвовать Джиласом». Таким образом, указывалось в статье, «намереваясь и дальше сохранить “социалистическую” маскировку, правители Югославии поспешили “отмежеваться” от Джиласа и выступить против него».

В материале было приведено высказывание Карделя на III пленуме ЦК СКЮ (январь 1954 г.) о том, что «нет существенных различий между позициями Тито, Карделя и Джиласа» за исключением того, что Джилас попытался систематизировать югославские теоретические изыскания. В подтверждение своей позиции авторы статьи привели также цитаты из выступления Тито, признавшего факт консультаций с ним Джиласа и то, что его работы «несли идеи, которые мы и многие другие товарищи уже излагали». Не была забыта и фраза Джиласа на прошедшем пленуме ЦК СКЮ, что «90 процентов его идей идут от самого Тито». Вывод статьи напоминал о временах самой острой стадии конфликта Коминформа и Югославии: «Дело Джиласа свидетельствует прежде всего о том, что правящая клика в Югославии находится в глубоком внутреннем кризисе. Этот кризис связан с процессом распада так называемого “Союза коммунистов Югославии”». В комментарии, как и прежде, согласно духу и букве резолюций Коминформа по «югославскому вопросу», все происходившее в связи с «делом Джиласа» называлось «прямым следствием растущего недовольства широчайших народных масс антинациональной,

антинародной политикой белградских руководителей, поставивших страну на грань национальной катастрофы».

В прежнем стиле были сделаны и остальные выводы статьи. Не обращая внимания на происшедшую в последние месяцы нормализацию дипломатических контактов, авторы подчеркивали, что «правлящие круги в Белграде порвали с лагерем демократии и социализма и заковали страну рабскими договорами с американскими, британскими и западногерманскими промышленно-финансовыми монополиями». В духе прежних оценок выносились суждения о политической стабильности в Югославии: «Многочисленные активисты из высших эшелонов СКЮ, верные “старым идеям”, все более открыто выражают неудовлетворение положением в “Союзе”. В такой ситуации руководители “Союза” развернули дискуссии по “делу Джиласа” в первичных организациях, стремясь направить это неудовлетворение в выгодном для себя направлении, упрочения к себе доверия».

Газета настаивала, что для народов Югославии решение всех проблем находится на «пути восстановления исконных связей с братскими народами стран народной демократии, с великим русским народом, который помог балканским народам освободиться от пятивекового турецкого ига, помог южным славянам обрести свою национальную независимость». Делался вывод о том, что «народные массы Югославии с еще большим упорством и решительностью будут бороться за этот единственно верный выход из сегодняшней ситуации». В статье также приводилась трафаретная формулировка о недавней совместной борьбе против фашизма, согласно которой народы Югославии не забыли и никогда не забудут помощь, оказанную советским народом в их освобождении от немецко-фашистского рабства¹¹⁰.

Приведенные в статье оценки во многом перекликались с подходами, отраженными во внутренних документах МИД СССР на протяжении всего 1953 г., включая информационно-аналитическую записку Яковлева, а также во многом были созвучны и с материалом ТАСС от 15 января 1954 г. Данные оценки сохранились во внутренних документах советского внешнеполитического ведомства и в последующем¹¹¹.

Сами югославы получили разъяснения по поводу этой статьи в неофициальном порядке. Как сообщил в Белград посол Видич, московский корреспондент агентства «Франс Пресс», не менее известный среди зарубежных дипломатов и корреспондентов в Москве как «русский агент, проживающий в России уже 12 лет», первым сообщил за рубеж содержание статьи и дал к ней соответствующие комментарии. В беседе с Видичем он заверил югославского посла в том, что статья – призыв правительства СССР правительству ФНРЮ «вернуться назад»¹¹².

Столь странный призыв к возвращению в советский лагерь вызвал крайне негативную реакцию и в югославских средствах массовой информации, и среди сотрудников Госсекретариата по иностранным делам Югославии. Молниеносной была антисоветская реакция югославских дипломатов, работающих в США. Сначала высокопоставленный сотрудник посольства ФНРЮ в Вашингтоне¹¹³, а вслед за ним один из югославских дипломатов миссии при штаб-квартире ООН в Нью-Йорке заявили репортерам газеты «Нью-Йорк Таймс», что возвращения Югославии в Информбюро не предусматривается, а статья «“Дело” Джиласа и югославская действительность» оценивается ими как «пропагандистское давление» на Югославию. При этом один из дипломатов указал, что враги его страны оказывают такое давление с целью углубления недоверия к ней Запада¹¹⁴.

Несмотря на реакцию советского официоза на январские перемены на политическом Олимпе Югославии, напомиравшую скорее заявления периода до марта 1953 г., смещение и осуждение взглядов Джиласа, сыграли некоторую позитивную роль в нормализации отношений СССР с ФНРЮ. Ни на официальном уровне, ни в центральной советской печати реакции, которую можно было бы действительно интерпретировать как позицию советского руководства на январские события, не последовало. То, что в Югославии из руководства страны и партии был выведен политик, теоретические воззрения которого стали неприемлемы для ее партийно-государственной элиты, могло истолковываться и как достаточно очевидный показатель намерения Тито и верного ему окружения сохранить господство партаппарата и монопольное положение партии в стране. Так или иначе, но именно после «дела Джиласа» получили «зеленый свет» инициативы посла в Белграде В.А. Валькова, изложенные в его донесении от 4 января 1954 г.

Об их существовании В.А. Вальков напомнил через месяц. Посчитав, что настало время для очередного хода на югославском направлении, он 1 февраля направил в Москву телеграмму, где упоминал о своей попытке поднять вопрос восстановления экономических связей и о недавней встрече с высокопоставленным сотрудником внешнеполитического ведомства ФНРЮ А. Милатовичем, где говорилось о недостаточном уровне развития контактов между двумя странами, в том числе о возможности развития культурных связей. Ставя в известность МИД СССР о своей предстоящей встрече 10 февраля с заместителем государственного секретаря по иностранным делам Югославии А. Беблером, Вальков считал целесообразным в беседе с ним «попытаться выяснить действительные причины отрицательного отношения югославов к некоторым из наших предложений, имея при

этом в виду и их высказывания о “недостаточном” уровне советско-югославских отношений». Посол сообщал, что в беседе с Библером он намерен вновь затронуть вопрос восстановления культурных связей и в частности вернуться к вопросу о возобновлении книгообмена советских научных учреждений с рядом научных организаций Югославии¹¹⁵.

В ответ на запрос Валькова о возможных темах беседы с Библером на Смоленской площади были подготовлены указания, оформленные в виде проекта постановления ЦК КПСС «О советско-югославских экономических отношениях». Подписанный заместителем министра В.А. Зориным (он замещал Молотова, находившегося с 27 января по 10 февраля 1954 г. на конференции по германскому вопросу), документ был направлен на утверждение постановлением Президиума ЦК КПСС. Согласно предложениям МИД, Валькову в разговоре с Библером рекомендовалось («можете») «высказаться в том смысле, что прекращение югославами переговоров об авиалиниях, нежелание установить обмен гидрографическими изданиями, как и некоторые другие факты, находятся в противоречии с заявлением государственных деятелей Югославии о желании нормализовать отношения с СССР». Вместе с тем, указывалось в проекте, разговор не должен носить рутинный характер. С этой целью в документе отдельно оговаривалась необходимость настойчивого определения в беседе с Библером состояния советско-югославских отношений и перспектив их дальнейшего развития. Послу также предлагалось («можете добавить») заявить, что «намеки югославам на “недостаточный уровень” советско-югославских отношений требуют разъяснений, поскольку югославская сторона, как показывают факты, не выразила в должной мере действительного стремления к улучшению отношений с СССР». Валькову предписывалось «постараться выяснить, есть ли что-либо новое в позиции югославам в этом вопросе» (этому в проекте документа был уделен отдельный абзац). Представляется, что данное указание, выделенное в отдельный абзац, с учетом недавнего разговора в Москве между Молотовым и Видичем о «деле Джиласа», имело особое значение.

Вторым пунктом предлагавшегося МИД СССР проекта директивы Валькову стали тезисы о позиции Советского Союза относительно развития экономических отношений с Югославией. Послу в Белграде предписывалось «руководствоваться тем, что проявление инициативы в этом направлении со стороны СССР нецелесообразно. Однако в случае проявления такой инициативы с югославской стороны можно дать понять югославам, что возобновление и развитие советско-югославской торговли возможно при урегулировании, разумеется, вопроса о погашении за-

долженности Югославии Советскому Союзу»¹¹⁶. Эти строки выявили достаточно твердую позицию внешнеполитического ведомства, согласно которой предполагалось ни в коей мере не идти на поводу у югославов и не возобновлять экономические связи до погашения задолженности Белградом. Авторы документа, не веря в чудесные прорывы в двусторонних отношениях, предлагали продолжить сочетание мелких взаимных уступок в этой сфере (включая культурные контакты и книгообмен) без выдвигания инициатив в экономической области.

Подготовленный документ предполагалось рассматривать восьмым вопросом повестки дня заседания Президиума ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. под названием «О возобновлении экономических отношений и культурных связей между СССР и Югославией». Однако есть все основания полагать, что его основного обсуждения не произошло. Судя по всему, советские руководители просто не сумели уделить этому вопросу достаточно времени потому, что вторым пунктом повестки дня заседания значилось обсуждение реорганизации Министерства внутренних дел СССР с выделением из его состава Комитета государственной безопасности в самостоятельный орган при Совете министров СССР и назначения руководителей обоих ведомств. Обсуждение реорганизации силовых структур, подчинение их партаппарату для его лидера – Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева – являлось «вопросом № 1», затмившим в тот день все остальные.

Как известно из опубликованных материалов, заседание вел Г.М. Маленков, но готовил и докладывал вопрос об МВД Н.С. Хрущев, который и предложил кандидатуру И.А. Серова на пост председателя КГБ СССР. Первый секретарь ЦК КПСС был заинтересован в его утверждении, ибо Серов занимал пост наркома внутренних дел Украинской ССР в годы, когда сам Никита Сергеевич работал Первым секретарем ЦК КП Украины. Данная им Серову характеристика была поддержана подавляющим большинством. Каганович выразил общее мнение в отношении Серова: «Он будет связан более с партийными органами; Комитет – это отдел партийный». Ему вторили Маленков («больше партийности», «честно служить партии», «доверять можно Серову») и Микоян («За Серова. Близкий к партии»). Протокол обсуждения также показывает, что кандидатура Серова не была принята единодушно. М.А. Суслов поддержал его с оговорками: «Т. Серов должен укреплять партийность... Не все хорошо у Серова. Предупредить его. Свысока к парторганам». Сусллова поддержал Н.А. Булганин, предложивший Серову «подняться на уровень крупного партийно-политического работника». Весьма двусмысленная поддержка прозвучала со стороны Первухина: «Лучше сейчас не найти. Грубый, начальника изображает, немножко под-

халим». Диссонансом прозвучало выступление Шаталина, единственного, кто открыто высказался против предложения Хрущева: «Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Малопартийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии натастал»¹¹⁷.

В материалах к заседанию Президиума ЦК 8 февраля 1954 г., однако, имеются свидетельства того, что вопрос об отношениях с Югославией все-таки рассматривался советским руководством в тот день¹¹⁸, хотя на основании имеющейся записи можно предположить, что дискуссии, вышедшей за рамки предложений МИД, не состоялось. Тем не менее предлагавшиеся Зориним к утверждению Президиума ЦК директивы послу Валькову приняты не были, а вместо них возникло «поручение» Президиума ЦК КПСС М. Сулову, В. Зорину и В. Кузнецову «в 5-дневный срок на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК подготовить предложения по югославскому вопросу». Отношение к этому вопросу-«поручению» было весьма серьезным – курировать подготовку документа взялся сам Хрущев. В дополнение к этому кураторству вопросу был придан сугубо партийный характер, о чем свидетельствовало и то, что материал заседания из «дела» с названием «Югославия. Политико-экономические отношения» был перенесен в папку «О положении в КП Югославии»¹¹⁹.

Несмотря на конкретные сроки «поручение» Президиума ЦК КПСС оказалось не выполнено ни в пять, ни в десять дней, ни в две недели. Версию о том, почему документы не подготовили в пятидневный срок, выдвинул Сулов на пленуме ЦК в июле 1955 г., рассказывая о начале длительного процесса подготовки документов по решению Президиума ЦК 8 февраля 1954 г. При описании состояния отношений за последние несколько месяцев 1953 г. Сулов напомнил, что «фактически к Югославии продолжилось отношение как к фашистскому государству. В отношении нее сохранялся запрет на торговлю, не устанавливались культурные, научные и спортивные связи». По его словам, когда была начата работа по выполнению решения Президиума 8 февраля, «первоначальный проект предложения, подготовленный для комиссии аппаратом МИД'а, полностью исходил из отношения к Югославии, как к фашистскому государству»¹²⁰.

Сулов утверждал, что «когда же из этого проекта, после дискуссии в комиссии, были вычеркнуты подобного рода характеристики Югославского государства, тов. Молотов пытался повлиять на мнение комиссии и сохранить старые оценки...»¹²¹ Оставим это свидетельство на совести Сулова, ибо после того как в июле–августе Президиум ЦК принял решения о том, что отношения с Югославией должны строиться как с капиталистической стра-

ной, транслировав его руководству соседних с ней государств, термин «фашистский» перестал употребляться – он отсутствовал даже в жесткой записке Яковлева. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что как раз то обстоятельство, что именно Хрущев должен был утвердить подготовленный комиссией материал, привело к затягиванию сроков его подготовки. К обсуждению этого вопроса, перенесенного всего на пять дней, Президиум ЦК вернулся много позже.

13 февраля 1954 г. главной темой заседания Президиума (вновь в отсутствие В.М. Молотова) стало обсуждение проблемы взаимодействия советского руководства с союзными партиями, выросшей из споров по поводу действий посла СССР в Польше Г.М. Попова¹²². Пикантность разбору его деятельности придавал тот факт, что в 1938–1949 гг. он работал вторым, затем первым секретарем МК и МГК ВКП(б) и одновременно председателем Исполкома Моссовета. Попов сначала был очевидцем деятельности Хрущева в Москве, а затем, сменив его на посту первого секретаря МК и МГК, мог авторитетно судить о результатах его хозяйствования в столице. Несомненно, такой свидетель мог помешать Хрущеву в задуманном им плане антибериевской кампании по «точечной» реабилитации арестованных и осужденных в годы сталинских репрессий видных советских и зарубежных коммунистических деятелей. Наряду с этим выяснение «поведения» Попова использовалось для установления необходимой иерархии в действиях МИД и ЦК КПСС во внешнеполитических вопросах.

Как свидетельствует протокол заседания, обсуждение бесед Попова с польским руководством в конце февраля 1954 г. на заседании Президиума ЦК переросло в его персональное дело. Рассматривалась в том числе и его прежняя деятельность в Москве, где он, по словам Кагановича, проявил себя «незрелым, политически озлобленным», «держал себя высокомерно». Действия Попова подверглись единодушному осуждению как «вредная линия» (слова Сабурова) под надуманным предлогом, что он, член Центрального Комитета, не является, как выразился Хрущев, «представителем ЦК»¹²³.

Информационная записка, авторами которой стали Сулов, Зорин и Кузнецов, была передана в Президиум ЦК только 25 февраля 1954 г.¹²⁴ Вместе с ней подготовили проект (на четырех страницах) постановления ЦК КПСС «Об отношении к Югославии»¹²⁵. В информационной записке, в частности, указывалось, что «Югославия является капиталистическим государством, и ее политика, как внутренняя, так и внешняя, является буржуазной политикой, прикрывающейся, однако, “социалистической” фразеологией с целью дезориентации и обмана народных масс»¹²⁶.

В представленном документе дано краткое описание недавней предыстории отношений с Югославией, которую авторы начали рассматривать с июля 1953 г., когда «ЦК КПСС дал указание в отношении с Югославией рассматривать эту страну как буржуазное государство. В соответствии с этим указанием были осуществлены некоторые меры по нормализации советско-югославских отношений». Далее в материале отмечалось, что «указание ЦК КПСС строить отношения с Югославией как со всеми другими капиталистическими странами на практике полностью развития не получило: сохранился запрет на торговлю, в отличие от других стран с Югославией не устанавливаются культурные связи, нет обмена делегациями и коллективами в области науки, искусства, спорта и т.д.» Критически, но уже с другой стороны, оценивалось в записке то, что «в советской пропаганде Югославия также выделена из ряда других буржуазных стран. Длительное время советская печать и радио не затрагивают югославские темы, не разоблачают антисоветские происки титовцев и даже не публикуют информацию ТАСС из официальных югославских источников о бедственном положении трудящихся Югославии».

После этого критической оценке подверглась деятельность коминформовской антититовской эмиграции. Сначала досталось газете «За прочный мир, за народную демократию!», которая «не имеет ясной линии по югославскому вопросу, ограничивается публикацией изредка случайных статей и заметок о положении в Югославии». Деятельность «Союза югославских патриотов» избежала резкой оценки, но сама подача материала показывала, что она является весьма затратной. «Союз Югославских патриотов ведет пропаганду на Югославию через радиостанцию “Свободная Югославия”, работающую в Румынии, и шесть газет, издающихся в Москве, Бухаресте, Софии, Будапеште, Праге и Тиране. Общий тираж шести газет составляет около 45 тысяч экземпляров». Однако результаты этой деятельности предлагалось оценить как плачевные: «Широкое распространение в Югославии изданий политэмигрантов организовать не удалось. Заброска литературы через границу из стран народной демократии влечет за собой пограничные конфликты и положительных результатов не дает. В последнее время Болгария, Румыния и Венгрия прекратили работу по заброске литературы на югославскую территорию». Кризис действий антититовской прокоминформовской эмиграции признавал и абзац о том, что «в результате жестоких мер югославских властей приток политэмигрантов с 1952 г. прекращается полностью. В настоящее время в СССР и странах народной демократии проживает всего 1293 югославских политэмигрантов».

Критика «информбюровцев» была усилена: «Ввиду малочисленности эмигрантов и отсутствия среди них опытных и политически зрелых работников, шесть газет “Союза югославских патриотов” издаются на низком уровне, содержат ошибки принципиального и фактического характера». К тому же «Правление Союза, находящееся в Москве, не в состоянии осуществлять контроль за деятельностью газет, издающихся в странах народной демократии. Правление обратилось в ЦК КПСС с предложением в дальнейшем издавать вместо шести газет югославских политэмигрантов – одну газету в Бухаресте и привлечь к работе в ней наиболее способных сотрудников, освобождающихся в других газетах». Таким образом, достаточно критичная оценка деятельности эмиграции завершалась смехотворным предложением, логически никак не связанным с изложенным в документе текстом: «согласиться с предложением Правления Союза о слиянии шести газет в одну»¹²⁷.

В подготовленном проекте постановления Президиума ЦК¹²⁸ дававшиеся Югославии характеристики оказались значительно более радикальными, чем в пояснительной информационной записке. В частности указывалось, «что Югославия за последние годы полностью скатилась на путь капиталистического развития и буржуазной диктатуры». Сам этот тезис раскрывался не менее жестко: «Изменив делу социализма, правители Югославии насаждают в стране капиталистические порядки – передают промышленность и торговлю в руки югославской и иностранной буржуазии, ликвидировали в деревне производственную кооперацию и укрепляют позиции кулачества, поставили рабочий класс и трудящееся крестьянство в условия капиталистической эксплуатации. Наряду с предоставлением широкой свободы частнокапиталистическим элементам в югославской экономике происходит внедрение государственного капитализма в ключевые отрасли народного хозяйства». Столь же резко характеризовалась и внешняя политика ФНРЮ: «В области внешней политики Югославия все более связывается с возглавляемым США империалистическим лагерем, проводящим агрессивную политику в отношении СССР и стран народной демократии. Не находясь формально в Атлантическом блоке, Югославия участвует в Балканском агрессивном союзе, два члена которого (Греция и Турция) входят в Атлантический блок». После этого создатели документа перешли к очернению «югославских правителей», которые «в своих печатных и устных выступлениях... до последнего времени продолжают вести антисоветскую пропаганду, подвергая враждебной критике в особенности внешнюю политику Советского правительства». И далее: «Все это подтверждает тот факт, что нынешняя Югославия является капиталистическим го-

сударством и ее политика, как внутренняя, так и внешняя, является буржуазной политикой, прикрывающейся однако “социалистической” фразеологией с целью дезинформации и обмана народных масс».

Однако в характеристике состояния отношений с Югославией прозвучали и новые ноты: «Опыт отношений СССР с Югославией за последнее время показывает, что в связи с предпринимаемыми Советским правительством некоторыми мерами, направленными к нормализации дипломатических отношений с Югославией, во внешней политике югославского правительства, которое продолжает оставаться антисоветским, наметилась тенденция к установлению нормальных отношений с Советским Союзом и странами народной демократии. Югославские правящие круги не могут не считаться с наличием глубоких симпатий к СССР в широких массах трудящихся Югославии и с ростом сопротивления югославского народа политике подчинения страны англо-американскому диктату и вынуждены всячески маневрировать. Это может заключать в себе некоторые возможности для дальнейшей нормализации советско-югославских отношений».

Далее сообщалось о принципах, на основе которых следует развивать связи с Белградом: «ЦК КПСС считает, что отношения Советского Союза к Югославии в дальнейшем должны строиться в таком же направлении, как и с другими буржуазными государствами, и исходит из основного принципа советской внешней политики, принципа возможного сосуществования государств с различными социально-экономическими и политическими системами. Из этого вытекает, что в нынешних отношениях с Югославией не следует устанавливать особых по сравнению с другими буржуазными государствами ограничений. Однако в советской внешней политике в отношении Югославии в области экономического сотрудничества, торговли, спортивных и культурных связей сохранились еще некоторые ограничения, каких нет для других буржуазных государств, имеющих с нами дипломатические отношения, что дает повод югославским правящим кругам обвинять Советский Союз в дискриминации Югославии и тем самым дезориентировать югославский народ в отношении внешней политики Советского Союза».

Комиссия предлагала сформулировать в постановлении ряд мер, которые могли бы реализовать намеченный курс: «По линии Министерства иностранных дел СССР обеспечить проведение таких внешнеполитических мероприятий, которые были бы рассчитаны на дальнейшую нормализацию отношений между Советским Союзом и Югославией, содействовали бы усилению влияния СССР на Югославию и затрудняли окончательный переход Югославии в Атлантический блок, были бы направлены на

срыв антисоветских планов американо-английского империализма в Югославии. Особое внимание должно быть обращено на глубокое изучение внутреннего положения Югославии и ее отношений со странами американо-английского блока с тем, чтобы можно было своевременно предпринимать соответствующие шаги в нашей внешней политике в целях усиления влияния на Югославию».

Торговлю с Югославией предлагалось строить «по линии Министерства внешней торговли», приняв меры к восстановлению экономических отношений. С этой целью предписывалось «изучить ближайшие возможности возобновления торговли между СССР и Югославией при условии удовлетворительного решения вопроса о задолженности Югославии Советскому Союзу. Если со стороны Югославии будет проявлено положительное отношение к этому вопросу, считать возможным снять существующий запрет на торговлю СССР с Югославией и восстановить торгпредство СССР в Белграде». Наряду с этим предлагалось и «по линии советских общественных и культурных организаций предпринять меры по возобновлению обмена общественными и культурными делегациями, художественными и спортивными коллективами, по продвижению советских кинофильмов и восстановлению других форм культурных связей».

Рекомендации относительно действий в сфере пропаганды в документе были даны в духе недавней записки Яковлева, но более конкретно. Предлагалось: «Советская печать и советское радио должны в своей пропаганде на Югославию исходить из соображений дальнейшей нормализации внешнеполитических отношений СССР и Югославии, выступать по вопросам, касающимся Югославии, в умеренном тоне и не давать поводов для дипломатических осложнений. В то же время наша печать и радио должны оставаться в отношении Югославии на принципиальных партийных позициях, в хорошо аргументированных, умело составленных и выдержанных в спокойном тоне статьях разоблачать антидемократический, ничего общего не имеющий с марксизмом и социализмом, существующий буржуазный режим Югославии, освещать положение в Югославии так же, как это делается в отношении других капиталистических стран. По вопросам внешней политики советская печать и радио должны на основе проверенных фактов разоблачать всякие попытки Югославии к дальнейшему сближению со странами агрессивного блока и военные приготовления для участия в агрессии. Не поддаваясь на провокации и не впадая в мелкую полемику, советская печать не должна оставлять без должного, хорошо обоснованного ответа разного рода клеветнические измышления югославской пропаганды относительно Советского Союза и его внешней политики».

Постановление затронуло и деятельность коминформовской политэмиграции: «Согласиться с предложением Правления “Союза Югославских Патриотов” об издании вместо шести существующих газет Союза одной газеты в Бухаресте со следующими задачами: вести работу по разоблачению тяжелого положения широких масс трудящихся Югославии, освещать их борьбу за демократические права и свободы, за независимую внешнюю политику Югославского правительства; за выход Югославии из агрессивного империалистического лагеря; популяризировать успехи мирного социалистического строительства в СССР и странах народной демократии, борьбу свободолюбивых народов во главе с СССР за мир, за смягчение международной напряженности; содействовать морально-политической поддержке демократических сил внутри Югославии»¹²⁹.

Однако эти подготовленные по решению Президиума ЦК КПСС от 8 февраля документы до конца месяца так и не были обсуждены. С 23 февраля по 2 марта 1954 г. в Москве проходил пленум ЦК КПСС, принявший решение «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель». Хрущев, главный докладчик и разработчик этой идеи, был целиком поглощен ее продвижением на пленуме ЦК. Тем более, что подготовка необходимого для этого постановления ЦК не шла гладко¹³⁰. Расхождения в советском руководстве по этому вопросу (В.М. Молотов возражал против подъема целинных земель в северном Казахстане, считая, что первоочередной задачей для советской экономики должен быть подъем сельского хозяйства в европейской части СССР) не благоприятствовали обсуждению дискуссионных внешнеполитических вопросов. К тому времени не было завершено и «дело Попова» (он был отозван из Варшавы только через месяц). На заседании Президиума 2 марта тот же Молотов высказался против действий Хрущева по освобождению Попова с должности посла и выведения его из состава ЦК КПСС¹³¹. К тому же и реорганизация МВД, сопровождаемая зачисткой «бериевских» кадров, еще не была завершена юридически. Лишь 13 марта 1954 г. появился Указ Президиума ВС СССР о КГБ СССР.

Из всего этого следует, что в начале марта 1954 г. не имелось сочетания необходимых условий для принятия советским руководством важного решения на «югославском направлении». Сами документы по югославской проблеме являлись еще весьма сырыми, страдали отсутствием единой логики изложения, а в части выводов явно не вытекали из изложенного ранее. Хрущев, который должен был придать их доработке политический импульс, полностью погрузился в решение других вопросов, в свете которых югославский отходил на задний план.

В свою очередь, тон югославской прессы в освещении советских сюжетов на протяжении первых месяцев 1954 г. не создавал у руководителей СССР положительного настроения, необходимого для обсуждения дальнейших шагов в нормализации советско-югославских отношений. Объектом открытой критики югославской печати стали высказывания Молотова на Берлинской конференции министров иностранных дел. 4 февраля газета «Борба» жестко напала на советского зампредсовмина, который выступил в Берлине с предложением об организации конференции по будущему устройству Германии. Конференция министров иностранных дел в Берлине без привлечения малых европейских государств и прежде всего Югославии как участницы антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны вызвала легкую панику в Белграде. Югославское руководство опасалось, что продолжение успешного диалога великих держав между собой может резко снизить значение Югославии как для Советского Союза, так и для Запада.

Критические публикации по поводу советской позиции на конференции министров иностранных дел в Берлине совпали также и с началом лондонских консультаций по вопросу о Триесте. Это позволяет предполагать, что они стали и знаком публичного дистанцирования Югославии от нескончаемых предположений по поводу сближения с Советским Союзом, которые распространялись на Западе преимущественно итальянскими дипломатами; тем более что подозрения Югославии по данному поводу усилились после устранения М. Джиласа. Французские дипломаты, к примеру, считали, что в результате падения Джиласа усилился Ранкович – «человек русских»¹³².

Нервную реакцию Белграда на активизацию политики Советского Союза на европейском направлении советские дипломаты отмечали на протяжении всего февраля 1954 г. В посольстве СССР в ФНРЮ обратили внимание на высказывания югославского посла в Бонне М. Ивековича, выполнявшего роль наблюдателя на Берлинской конференции, который заявил, что предложения главы советской делегации В.М. Молотова по «австрийскому вопросу» идут вразрез «с правом австрийского народа на независимость и государственный суверенитет». «Правительство Югославии, – подчеркнул Ивекович, – заинтересовано в независимости этой страны, тогда как советские предложения основываются на продолжении оккупации Австрии»¹³³.

Критика югославской дипломатией действий Москвы была удачно объяснена и прокомментирована посольством Великобритании в Югославии в одном из отчетов за начало февраля 1954 г. В нем говорилось, что «ход Берлинской конференции рассматривался в Югославии с интересом и нашел достаточно пол-

ное отражение в прессе. Оба предложения Молотова (и по объединению Германии, и о коллективной безопасности в Европе) были восприняты достаточно критично. Вопрос о коллективной безопасности в свете последних советских шатаний был воспринят как совершенно неискренний». Работники внешнеполитических ведомств Великобритании, ведущие тщательный мониторинг югославских средств массовой информации, посчитали, что они обвиняли Молотова в том, что он не причислил Югославию к тем странам, которые должны принять участие в подготовке Мирного договора с Германией. Когда же советский министр исправил свою ошибку, в прессе отметили, что «для русских типично признавать ошибки в таких незначительных вопросах, но проводить совершенно obstructионистскую политику в существенных проблемах». Несложно было догадаться, отметили аналитики английского посольства, что данное замечание югославов указывало на критическое отношение к отказу Москвы признать ошибки в конфликте 1948 г.¹³⁴

Подобные негативные оценки внешнеполитических инициатив СССР представлялись вполне логичными. Они отражали господствовавшее в югославских кругах отношение к Советскому Союзу, которое сформировалось на поздних стадиях советско-югославского конфликта. В документе внешнеполитического ведомства ФНРЮ «Год правительства Маленкова», предназначенном для внутреннего использования, отмечалось, что «проводимая Маленковым внутренняя политика свидетельствует о том, что нынешнее руководство видит ситуацию в значительно более реальном свете, не переоценивая свои силы и считаясь с давлением народных масс. Оно готово к пересмотру сталинской политики в тех областях и тех пределах, которые обеспечивают безопасность бюрократической системы и производственных государственно-капиталистических отношений... в СССР готовы к некоторой либерализации властной системы, сложившейся при Сталине, уделяют больше внимания жизненному уровню трудящихся масс и принимают меры по оздоровлению экономики, смягчению диспропорций, но при этом совершенно не намерены затронуть положение бюрократии». В документе делался вывод, что «реформирование происходит в рамках совершенствования государственно-капиталистической – для СССР специфически бюрократической – системы, затронутой до известной степени процессом демократизации, которая, тем не менее, не выходит за установленные рамки»¹³⁵.

С тех же позиций оценивалась в документе и внешнеполитическая линия правительства Г.М. Маленкова: «Оно не готово идти дальше того, что было предпринято в период консолидации (советского руководства против Берии. – А.Е.). С учетом огром-

ных внутренних сложностей в СССР и контролируемых им странах, ему выгодно уменьшение международной напряженности, тем более что СССР уже проиграл навязанную им самим гонку вооружений, а соотношение сил в мире все более складывалось не в его пользу». Советскому Союзу, отмечалось в отчете, «нужен мирный период, который он желает использовать для решения внутренних проблем и для того, чтобы помешать Западу укрепить ряды, намереваясь как можно эффективнее использовать существующие между ними (западными странами. – А.Е.) противоречия. СССР жизненно заинтересован в развитии своих внешнеэкономических отношений и будет предпринимать шаги в этом направлении, одновременно стремясь добиться достижения ряда политических целей – выхода из изоляции и отделения стран Западной Европы, Азии и Южной Америки от США». Однако, считали югославские дипломаты, Советский Союз «не проявляет готовности и даже не чувствует, что он должен отступить с позиций, занятых во время войны и послевоенного урегулирования, и его интересам отвечает сохранение статус-кво»¹³⁶.

Если о негативных оценках политики СССР во внутренних документах югославского внешнеполитического ведомства советские дипломаты могли только догадываться, то все критические выпады в адрес советской внешней политики в югославской печати подвергались их внимательному изучению. По всей вероятности, критическое отношение к выступлениям Молотова в Берлине создало негативный фон при подготовке аналитических материалов по «югославскому вопросу» в феврале–марте 1954 г. Работники МИД, обычно игравшие первую скрипку в подготовке документов подобного рода, не могли пройти мимо критики югославами действий своего непосредственного руководителя.

Хотя, как уже отмечалось, причины отказа от обсуждения февральских документов по «югославскому вопросу» объяснялись общей ситуацией в стране и физической занятостью Хрущева более неотложными делами укрепления личной власти и позиций партаппарата во властных структурах, не следует исключать и того, что текст проектов документов по данному вопросу мог не удовлетворить взыскательные требования и самих сотрудников аппарата ЦК КПСС, догадывавшихся о намерении Первого секретаря ЦК КПСС совершить прорыв на «югославском направлении». Тем более что качество февральских документов и логика изложения на самом деле оставляли желать лучшего. В силу всех этих причин они не могли превратиться в полноценную основу принятия решений по вопросам экономических и культурных связей с Югославией, как это планировалось в начале февраля и предлагалось МИД СССР по инициативе Валькова. К тому

же у аппарата Хрущева не было времени дорабатывать эти предложения. Помимо дискуссий в советских верхах о необходимости освоения целинных земель северного Казахстана в Кремле были заняты поиском нового баланса сил внутри СССР, которого намеревались достичь в том числе и за счет некоторой перекройки внутренних административных границ СССР. Для этого велась подготовка совместной просьбы Верховных Советов РСФСР и УССР Верховному Совету СССР о передаче Крыма Украине. Решение об этом было принято 19 февраля 1954 г., а сообщение ТАСС опубликовано 27 февраля.

Представленные в ЦК КПСС 25 февраля «комиссией Хрущева» документы «по югославскому вопросу» так и не стали предметом последующего обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС. В тот же день в Белграде состоялась продолжительная беседа Тито с иностранными корреспондентами. Во время встречи югославский лидер сделал ряд важных заявлений, ставших достоянием широкой общественности 2 и 3 марта. Беспрецедентное пятичасовое общение югославского лидера с журналистами вызвало необходимость, по меньшей мере, дополнить советские проекты документов по югославскому вопросу, с учетом новых высказываний лидера ФНРЮ.

Выступление Тито вызвало дискуссии и в посольствах западных государств в Белграде. В тех заявлениях, которые сделал югославский лидер в части взаимосвязей со странами советского лагеря, он подтвердил независимость Югославии в отношении Востока и Запада и подчеркнул, что пока не имеется никаких признаков изменений в экономических отношениях между Югославией и «советским блоком». Посол Великобритании в ФНРЮ И. Маллет, обратив внимание на эти слова, не дал им прямой оценки. Однако с учетом практики публичной дипломатии югославов в последние годы, он полагал, что подобное заявление могло явиться сигналом советскому руководству о том, что в Белграде ожидают соответствующих шагов Москвы в данном направлении. При этом британский посол допускал, что это высказывание может быть также и своего рода попыткой отрицать уже существующие советско-югославские контакты с тем, чтобы по тем или иным причинам ввести в заблуждение Запад¹³⁷.

4 марта 1954 г. текст с полной версией выступления Тито стал известен компетентным советским органам¹³⁸, которые занялись его подробным изучением. Работа предстояла нелегкая. Пятичасовое выступление было обильно насыщено разнообразными высказываниями, каждое из которых во многом являлось откровением и требовало тщательного анализа и серьезных выводов. В частности, Тито вел речь и о Балканском пакте, указав, что югославское руководство «ничего не имеет против» присоеди-

ния Греции и Турции к Североатлантическому пакту, «но мы не думаем, что весь Балканский пакт присоединится к Североатлантическому пакту». В Москве выделили и ту часть речи югославского лидера, в которой говорилось об отношениях ФНРЮ с восточноевропейскими странами: «Эти отношения будут улучшаться. Это – наше желание». Вдаваясь в подробности связей со странами «советского блока», Президент ФНРЮ особо остановился на освещении средствами массовой информации этих стран югославских сюжетов. Для этого он специально обратился к материалу «Дело Джиласа и югославская действительность». Он охарактеризовал его как статью, которая «очень мало отличается от высказываний 1948 г., в которых упомянут только народ и говорится о том, что народ сбросит руководство и найдет правильный путь». Югославский лидер подчеркнул, что данная статья «не принесла ни малейшей пользы делу укрепления отношений между нами, а наоборот, снова обострила положение». Указав на то, что «мы сожалеем, что так произошло, но не следует упрекать нас, если мы ответим тем же», Тито, тем не менее, выразил уверенность, что «мы и в таких случаях должны продолжать дальше нормализацию отношений».

Третий тезис из высказываний Тито по поводу отношений с «советским блоком», привлечший внимание в МИД СССР¹³⁹, был посвящен попытке дать развернутое определение советско-югославской нормализации. За этими строками звучал призыв к возобновлению хозяйственных связей между СССР и Югославией. Тито отметил, что нормализация «должна касаться не только политической области, но и экономической. Экономические факторы играют при этом очень важную роль. Что же касается экономических отношений, то на пути их нормализации мы не продвинулись ни на миллиметр от того состояния, в каком они были после разрыва отношений в 1948 г.»¹⁴⁰ После этого он не только подчеркнул сложность стоящих перед двумя странами запутанных вопросов, но уверенно заявил о необходимости их решения: «Это длительный процесс, который необходимо продвигать и при этом не смотреть на вещи трагически»¹⁴¹.

Полуофициальные заявления Тито явились добротной основой для интенсификации встреч между дипломатами двух стран и последующих обсуждений самого широкого круга проблем¹⁴². С этого времени югославская сторона не желала терять темп в наработанных контактах. Когда во внешнеполитическом ведомстве Югославии стало известно, что советский посол намеревается поехать в Москву, посольству ФНРЮ в Советском Союзе было рекомендовано пригласить Валькова на обед с тем, чтобы иметь представление о взглядах, которые он будет излагать своему руководству. И действительно, 29 марта В.А. Вальков вместе с

М.В. Зимяниным был приглашен в посольство на ужин. По мнению югославских дипломатов, «разговор полностью раскрыл содержание доклада Валькова в МИД, и Зимянин (югославы называли его начальником Балканского отдела МИД. – А.Е.), очень активно проявивший себя в ходе беседы, только подтвердил, что МИД соглашается с его оценкой состояния наших отношений». В направленном в Белград донесении посольства указывалось, что оба советских чиновника «выражали сожаление в связи с все большим ухудшением наших отношений в последнее время». Югославам бросилось в глаза, что их собеседники часто употребляли фразу «особенно в последнее время». В сообщении посольства отмечалось, что оба чиновника «очень недовольны прекращением переговоров по вопросу перелетов в Албанию. Их особенно удивляет то, что подписание соглашения было остановлено в самый последний момент. Вальков сожалеет, что... уже два месяца тов. Коча Попович не дает ему официального ответа, хотя и обещал». В числе других «огорчений» советского посла югославская сторона зафиксировала отказ в выдаче виз ряду советских дипломатов и нежелание идти на обмен метеорологической информацией о состоянии на Дунае¹⁴³.

Хотя советские дипломаты соглашались с тем, что в нормализации двусторонних отношений за последний год достигнуты некоторые результаты в таких вопросах, как соглашения о пограничных инцидентах, обмене послами и пр., они утверждали, что прогресс достигнут главным образом при посредстве соседей Югославии. И Вальков, и Зимянин считали недопустимым, что югославская печать «полна антисоветских статей и сообщений». При этом, как отмечалось в югославском отчете о встрече, «их особенно раздражала даваемая югославами оценка СССР как государственно-капиталистического бюрократического общества, критика выборов (в Верховный Совет СССР. – А.Е.), освещение предложений Молотова на Берлинской конференции». В свою очередь, югославы приводили примеры «враждебных публикаций» о Югославии, особо выделяя статьи в советском журнале «Славяне», в которых сообщалось о связях штаба Тито с гестапо во время Второй мировой войны. В ответ советские собеседники стремились заверить югославов в верности этих утверждений только применительно к В. Велебиту. Они также желали убедить югославских дипломатов в том, что «в отношении ФНРЮ советское радиовещание не является враждебным, а только критическим», а за передачи радио «Свободная Югославия» советская сторона ответственности не несет – сторонники Коминформа «действуют как политические эмигранты и являются патриотами». Однако от внимания югославов не ускользнуло замечание Зимянина о том, что «в случае подлинного сближения между

Югославией и СССР» эта проблема исчезнет «естественным образом».

В ходе обмена мнениями по вопросам международной ситуации¹⁴⁴ советские представители не согласились с утверждениями работников посольства ФНРЮ, что Балканский пакт – региональный договор в духе Устава ООН, а продолжали утверждать, что он – «довесок к НАТО в духе НАТО». В отчете о беседе югославы отметили, что Вальков был особенно ироничен по этому поводу. Тем не менее они также обратили внимание на более примирительную позицию Зимянина, который принял к сведению доводы югославы о том, что «только присутствие в пакте ФНРЮ является гарантией того, что пакт не станет инструментом агрессии». «Возможно это так, – заметил советский дипломат, – но это может показать только время. Сейчас наши мнения о его характере расходятся»¹⁴⁵.

При обсуждении состояния двусторонних связей югославы обратили особое внимание на то, что советские собеседники подчеркивали необходимость сосредоточиться на развитии «межгосударственных отношений» как главного поля деятельности на сегодня. При этом они отмечали ненужность изучения того, кто был виновен в событиях 1948 г., так как «мы хорошо знаем, кто виновен». Из этой фразы Видич поспешил сделать вывод, что его собеседники считают виноватой югославскую сторону, хотя дальнейшие слова Зимянина о том, что «Правительство Маленкова сделало основной шаг в нормализации, в результате которого Вальков сейчас в Белграде, и мы здесь, и советская сторона проявила честность», наталкивали на иное заключение. (Впрочем, в отчете о беседе Видич заметил, что он так и не понял смысла этого высказывания: «Хотел ли Вальков таким образом признать свою ответственность – не ясно, но из предыдущего выходит, что он так не думает»¹⁴⁶.)

В конце беседы Зимянин и Вальков пообещали с советской стороны инициативные действия в целях нормализации, заметив, что и югославы должны «проявить реализм и со своей стороны показать волю к нормализации». Оба советских собеседника при этом выразили удивление тем, что Югославия медлит с обновлением экономических и культурных связей, а в Белграде в качестве отговорки используют слова о том, что это «не отвечает степени развития наших отношений». Высказывание советских собеседников о том, что югославский народ «замечательный, но правительство нужно судить по его делам», насторожило югославы, которые почувствовали в этих словах отзвуки советской позиции времен конфликта конца 40-х годов и полагали, что Зимянин с Вальковым намекали на то, что «это правительство... народ не желает»¹⁴⁷.

Обобщая итоги этой исключительно важной беседы, в посольстве отметили, что она «еще раз подтвердила то, что по основным вопросам наших отношений они (советская сторона. – А.Е.) ни в чем не изменились, что они стоят на тех же самых позициях, которые заняли в “резолуции Информбюро”». Однако в отчете были указаны и побудительные мотивы советских действий: «Бросается в глаза то, насколько им нужно с нами “что-то делать”, насколько им ФНРЮ является “костью в горле”». Вывод из этого был достаточно идеологизирован: «...Им мешает звучащий по всему миру голос Югославии, свободно высказывающей свои взгляды, особенно при оценке их политики». В посольстве сделали вывод, что беседа «демонстрирует, насколько они желают добиться нашей нейтрализации в общей расстановке борющихся в мире сил». Видич подытожил, что вне всякого сомнения «в своей стратегии они придают этому особое значение». Еще один вывод, сделанный по итогам встречи, – советская сторона «рассержена тем, что в ходе нормализации с нашей стороны отсутствует желание пожертвовать чем-то из наших национальных и идеологических интересов». Сделав акцент на анализе слов Зимянина о возможности «подлинного сближения», югославские дипломаты отметили: беседа показала «пределы, до которых они сейчас готовы идти, или, точнее, желают идти». По их мнению, советские руководители желали, чтобы «плоды нормализации достались им, хотели развивать такие ее формы и предпринимать инициативы по нормализации, которые должны были бы удушить наш голос, постепенно изолировать нас с тем, чтобы в последующем в определенный момент нанести повторный удар с большими шансами на успех». Видич сделал вывод, что с учетом контекста всего разговора слова Зимянина о «подлинном сближении» означали бы в этом случае капитуляцию для Белграда¹⁴⁸.

30 марта 1954 г. в выступлении на пленуме ЦК СКЮ И. Броз Тито сделал заявление о ходе советско-югославской нормализации, обозначив цели, которые Югославия стремится достичь в отношениях с СССР. Сопоставление выступления югославского лидера и отчета Видича о беседе с Вальковым и Зимяниным днем раньше показывает, что Тито учел как последние выводы югославского посла, так и результаты разговора Видича с Молотовым, который состоялся два месяца назад.

В частности, Тито заявил, что «на Востоке остаются на позициях 1948 г.: они полагают, будто мы тогда ошиблись, что наше столкновение – чисто идейная вещь, оно произошло не по государственной линии (по вопросам независимости, экономики и пр.), но по линии сугубо идеологической, ибо мы якобы свернули с позиций марксизма-ленинизма». Он охарактеризовал ожидания двух сторон следующим образом: «Ожидается, что мы покаянно

отречемся от своих подходов, посыпав голову пеплом. Мы должны им сказать, что они ошибаются, так как мы никогда это не сделаем. Мы не ожидаем, что они будут посыпать себя пеплом, так как я не верю в то, что великая держава с внутренней системой госкапитализма и империалистическими тенденциями, которая ничуть не уступает некоторым другим империалистическим государствам с такими же аппетитами, когда-либо согласится признать нас как равноправного партнера в разных внешнеполитических и других проблемах. Я в это не верю. Я верю только в возможность того, что складывающиеся в мире обстоятельства заставят их относиться к нам хотя бы так же, как к капиталистическим странам. И мы ничего более от них не требуем, только знаем, что от них не можем ничего полезного получить. Их методы больше не будем перенимать, у нас свой собственный путь, которым идем в социализм, и никому не дадим, ни этим с Востока, ни этим с Запада, нас свернуть с этого пути. Постоянно выдерживать давление – тяжелая задача, но и ее могут выполнить наши коммунисты». Текст выступления югославского лидера был полностью опубликован в центральной печати¹⁴⁹.

Высказывания Тито о сохранении независимости Югославии и ее движении к социализму по собственному пути обозначили принципиальную позицию, согласие с которой, по мнению югославской стороны, должно было стать важным условием дальнейшей нормализации отношений с Кремлем.

Очевидно, что Белград, высказываясь несколько раз на самом высоком уровне (на упомянутой встрече Тито с иностранными журналистами в конце февраля, а затем на пленуме ЦК СКЮ в конце марта) по поводу отношений с Советским Союзом, намеревался прервать чрезмерно затянувшуюся паузу в развитии нормализации. Эта пауза возникла после обмена послами, продолжилась в результате устранения Джиласа и не закончилась после встречи Молотова с Видичем. Югославское руководство все яснее демонстрировало готовность к дальнейшим шагам по пути нормализации, четко очерчивая при этом ее параметры. Москва, напротив, воздерживалась от открытых заявлений. Пока в высшем политическом эшелоне шла борьба за власть, югославский вопрос оставался уделом дипломатов.

Подводя итоги развития советско-югославских отношений за предыдущие месяцы¹⁵⁰, в посольстве ФНРЮ в Москве отмечали, что «никто из лидеров СССР в своих выступлениях перед выборами в Верховный Совет не упоминал Югославию. Здесь избрали тактику замалчивания, а если пишут о нас, то делают это чрезвычайно враждебно, как дважды за последние три месяца писали “Славяне” о связях штаба Тито с немцами во время войны и “За прочный мир” в статье о “деле Джиласа”». Ключ к объяснению

подобного положения авторы отчета посольства видели в высказывании заместителя министра иностранных дел СССР Зорина на ужине в югославском посольстве 23 марта относительно того, что «СССР работает, а мы не работаем над нормализацией»¹⁵¹. В выводах политического отчета посольства ФНРЮ в Москве, заверенного Видичем, посол оставил на усмотрение своего руководства, «насколько мы все же с позиций наших общих интересов можем продвигаться вперед, придавая нормализации подлинное содержание»¹⁵².

Оговорка авторов отчета посольства в Москве об «общих интересах», о которых должны были заботиться в Белграде, была не случайной. Югославское руководство желало продолжения сближения. Неоднократные полуофициальные высказывания югославского лидера были подтверждены на официальном уровне Государственного секретариата по иностранным делам 7 апреля заявлением его представителя о том, что Югославия рассматривает торговлю с восточноевропейскими странами как естественный процесс в установлении с ними нормальных отношений. Хотя это заявление прозвучало в общей форме и не касалось только отношений ФНРЮ и СССР, оно подтвердило правильность оценок и прогнозов, данных советским посольством в Белграде в самом начале года, подчеркнув дипломатическое мастерство, упорство и огромный опыт Валькова, как, впрочем, и несомненные аналитические таланты сотрудников английского посольства в Белграде.

**3. «Следует заставить уважать нашу концепцию
межгосударственных отношений:
уважение независимости, взаимность и т.п.»***
(апрель – май 1954 года)

К весне 1954 г. после трех месяцев активного и весьма открытого общения представителей внешнеполитических ведомств двух стран советско-югославские отношения вступили в фазу достаточно открытых контактов. Четкие и ясные публичные высказывания югославского руководства по проблемам двусторонних отношений в феврале и марте рельефно очертили подход Белграда к нормализации. Эти сигналы югославской стороны подтолкнули советское руководство к необходимости выработки более сфокусированного взгляда на «югославские темы» и стали началом периода активного обсуждения позиции, которую следовало занять в отношении Югославии. С этого времени внешнеполитические службы Советского Союза начали обсуждение различных вариантов возможного развития внутренней ситуации в Югославии и ее дальнейшего внешнеполитического курса, моделирования поведения югославов с целью оценки последствий ее возможного сближения со странами «советского блока». Готовившиеся ранее документы «комиссии Хрущева» по югославскому вопросу были дополнены в результате активных дискуссий между различными подразделениями советского внешнеполитического ведомства. Импульсы к развитию нормализации, посылаемые из посольства СССР в Белграде В.А. Вальковым, указывавшим на необходимость использования экономических рычагов для улучшения отношений, были поддержаны в Комитете информации МИД СССР.

Однако эта линия в апреле 1954 г. встретила противодействие руководителя IV Европейского отдела МИД М.В. Зимянина, который считал неверным связывать «вопрос о нормализации отношений Югославии с СССР и другими странами демократического лагеря с вопросом о современном экономическом положении Югославии». Хотя будучи сторонником марксистско-ленинского учения член ЦК КПСС Зимянин не мог не разделять позиции своих коллег по поводу того, что «экономические данные... могут в значительной мере служить обоснованием внешнеполитических позиций Югославии», он выступал против упрощенного, по его мнению, подхода. «Сложность экономического положения... никак не исчерпывает существа вопроса», – полагал

* Из внутренней аналитической справки ГСИС ФНРЮ «СССР-Югославия», весна 1954 г.

Зимянин, обращая внимание на то обстоятельство, что югославы «не делают никаких конкретных предложений Советскому Союзу о возобновлении экономических отношений, но они делают совершенно конкретные предложения народно-демократическим странам». В этом он увидел «стремление югославов вбить клин между СССР и народно-демократическими государствами» и уверенно утверждал, что «правящие круги Югославии делают это в расчете на осуществление в будущем определенных политических диверсий, причем, надо полагать, не без ведома американцев».

Зимянин полагал «не подлежащим сомнению» то, что «Югославия с экономической стороны кровно заинтересована в развитии экономических отношений с СССР», но в развитии дальнейших событий указывал на «решающую роль политического фактора». По его убеждению, «нынешние правители Югославии исходят из того, что они могут рассчитывать на помощь со стороны США, Англии и Франции только при условии проведения в Югославии антисоветского курса, и поскольку они становятся все более и более зависимыми от этой помощи (ввиду катастрофических результатов своей экономической политики), они, несомненно, будут проводить антисоветский курс и дальше». При этом Зимянин считал, что «все разговоры югославских руководителей о желании нормализации отношений с Советским Союзом... являются вынужденными и носят в основном показательный характер». Несколькими абзацами ниже он попытался усилить данный тезис, хотя сделал это в явном противоречии с предыдущим текстом документа: «Нельзя связывать нежелание югославов проявлять инициативу в нормализации отношений с Советским Союзом и странами народной демократии только с нажимом со стороны США»¹⁵³.

По мнению Зимянина, лидеры Югославии «...были прижаты к стенке внешнеполитическими мероприятиями СССР, направленными на ослабление международной напряженности, во-вторых, в результате неблагоприятной для них внутривосточной обстановки в Югославии, где они не в состоянии подавить какими бы то ни было репрессивными мерами глубоких симпатий основных народных масс к Советскому Союзу». Тем не менее связи между ФНРЮ и США Зимянин охарактеризовал настолько прочными, что их не смогут испортить новые шаги в советско-югославской нормализации: «Американцы это понимают не хуже югославских правителей и поэтому продолжают им помогать и смотрят сквозь пальцы на “вольности”, которые позволяют себе Тито и его окружение, будучи уверенными, что в коренных вопросах внутренней и внешней политики правящие круги Югославии будут послушными исполнителями требований США». При

столь жестком анализе в документе все же допускалась возможность укрепления советско-югославских контактов, называемых, впрочем, «мероприятиями», цель которых должна быть прежней – «укреплять влияние Советского Союза в Югославии, предотвратить ее окончательный переход в Североатлантический блок и оказать известную морально-политическую поддержку подлинно революционным и демократическим элементам, борющимся против режима Тито в Югославии»¹⁵⁴.

Хотя оценки М.В. Зимянина, заведующего IV Европейским отделом МИД СССР, члена Коллегии министерства и члена ЦК КПСС, с одной стороны, по-прежнему сохраняли ответ резольюций второго и третьего совещаний Коминформа 1948–1949 гг., а с другой – несли на себе отпечаток идеологического самолюбования результатами советского внешнеполитического «мирного наступления» на международной арене после марта 1953 г., в целом они являлись общим итогом мнений работников названного отдела, дававшихся с позиций реальной политики. При этом данный документ органично вписывался в политический курс, который проводился советским руководством в отношении ФНРЮ с весны 1953 г., а большая часть используемых в нем тезисов была абсорбирована из более ранних подобных документов.

Скорее тактические, нежели стратегические расхождения во взглядах и оценках внутри министерства между его подразделениями, а также между МИД СССР и посольством СССР в ФНРЮ хотя и влияли на формирование позиции в отношении Югославии, но непосредственно проявлялись лишь на промежуточных этапах затянувшейся с февраля 1954 г. подготовки решения высшего советского руководства по югославскому вопросу. Дискуссия между дипломатами и экспертами МИД СССР имела скорее сугубо прикладной характер. К тому же она подстегивалась необходимостью выработки четкой позиции по «югославскому вопросу» ввиду того, что его нельзя было замолчать на различного рода международных форумах, участия представителей СССР в которых требовала политика постепенной разгерметизации советской экономики, начавшаяся после смерти Сталина.

19 апреля Президиум ЦК КПСС утвердил директивы для советской делегации на открывавшемся на следующий день в Женеве Совещании европейских стран по торговле¹⁵⁵. Позиция, которой должны были придерживаться представители СССР, заключалась в желательности положительного решения принципиального вопроса – возобновления полномасштабных торговых отношений с Западом. В Москве считали подобное развитие событий возможным и хотели этого: «Если представители западноевропейских стран предложат Советской делегации провести во время Совещания двусторонние переговоры, то дать на это сог-

ласие». Президиум ЦК также утвердил общие принципы ведения дальнейших переговоров.

В этом контексте было подготовлено и решение о Югославии, отнесенной в подготовительных документах высшего советского руководства именно к западному лагерю. Это оговаривалось особо: «На тот случай, если во время Совещания возникнет вопрос о торговле с Югославией, советская делегация должна, с целью выработки единой линии в этом вопросе, предварительно обменяться мнениями с делегациями стран народной демократии, внеся при этом предложение о том, чтобы представители СССР и стран народной демократии при обращении к ним югославов дали принципиальное согласие на торговлю с Югославией, имея в виду осуществление торговли с этой страной как с капиталистическими странами». В дальнейшем, «по получении делегациями стран народной демократии от своих правительств согласия с этим предложением и в случае обращения югославского представителя к советской делегации», указывалось в директиве, ее представителям следовало «выслушать конкретные предложения югославов по развитию торговли с Советским Союзом». Подобная осторожная позиция означала только одно: в советском руководстве по-прежнему отсутствовал единый принципиальный подход в отношении Югославии, и оно стремилось продолжать затягивать время принятия столь важного решения.

Заблаговременная подготовка советской позиции по югославскому вопросу оправдалась уже через несколько дней. На встрече в Женеве югославская делегация, используя для этого неформальную обстановку в кулуарах, проявила инициативу и выдвинула конкретные предложения, оговорив, что беседа является неофициальной. Дальнейший ход событий вышел за рамки инструкций, одобренных директивой Президиума ЦК КПСС, ибо представитель югославской делегации заявил, что его правительство предпочитает осуществлять торговлю с Советским Союзом на основе межправительственного торгового соглашения, и передал список товаров, которые Югославия могла бы поставлять в Советский Союз в течение двенадцатимесячного периода, а также список советских товаров, в покупке которых была бы заинтересована его страна¹⁵⁶. Советский представитель согласился взять югославские предложения, оговорив, что ответ на них будет направлен правительству ФНРЮ непосредственно из Москвы¹⁵⁷. Сходные предложения были сделаны и ряду участвовавших в конференции представителей стран Восточной Европы. В отличие от сохраненного в тайне предложения советской стороне, остальные были преданы весьма широкой огласке¹⁵⁸.

В отношении искренности намерений, скрывааемых в широковещательных заявлениях о миролюбивой политике стран со-

ветского лагеря, югославская сторона не питала особых иллюзий. Своими оценками она охотно делилась с западными дипломатами. В частности, в начале апреля 1954 г. посол ФНРЮ в Москве Д. Видич в беседе с английскими дипломатами полагал, что «текущей задачей советского правительства является нейтрализация Югославии и внесение недоверия к югославской политике на Западе, особенно в США». По его мнению, «русские дали ясно понять, что совершенно неудовлетворены так называемой “нормализацией” двусторонних отношений и не будут удовлетворены ничем иным, кроме возвращения Югославии ее прежнего статуса сателлита». Югославский посол верно почувствовал настроение в советских верхах, сделав своевременный прогноз и предугадав ход подготовки официального решения советского руководства, готовившегося в это время по югославскому вопросу. Впрочем, к тому времени англичане перестали полностью полагаться на мнение Видича и, сообщив о нем в Лондон, сопроводили его оговоркой, что не исключают возможности действий Тито на советском направлении без ведома посла Югославии в Москве¹⁵⁹.

Следует предполагать, что мнения, которые высказывались в беседах с зарубежными коллегами послом ФНРЮ в СССР, советской стороне были известны. Когда 13 апреля 1954 г. Видич, желая, по всей вероятности, распространить связи с чисто дипломатических контактов на обсуждение возможностей сотрудничества в сферах экономики, культуры и науки, а заодно расширить круг информационных источников, существенно повысив качество направляемой в Белград информации, попытался договориться о встречах с членами советского правительства М.З. Сабуровым, Г.Ф. Александровым и президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым¹⁶⁰, то натолкнулся на стену отчуждения, за которой укрылись высшие советские чиновники. В МИД СССР решили «ответ о визите Видича к тов. Сабурову затянуть»¹⁶¹, согласовав лишь возможность его встречи с Александровым. В свою очередь, высшие советские руководители, с учетом отсутствия определенной позиции в руководстве СССР по «югославскому вопросу», не стремились к контактам с работниками посольства ФНРЮ. В частности, когда сотрудники МИД СССР передали просьбу Видича о встрече Александрову, тот заявил, что «этой встречи не хочет»¹⁶².

Политика Югославии в отношении СССР не служила производной экспромтов и личных обид посла ФНРЮ в Москве. Неоднократные заявления советских дипломатов об «осложнении отношений в последнее время» заставили югославскую сторону еще раз внимательно проанализировать состояние двусторонних связей. В Государственном секретариате по иностранным делам

пришли к выводу¹⁶³, что «советское правительство не удовлетворено ходом нормализации отношений с Югославией. Оно рассчитывало в результате нормализации достичь большего воздействия на наше общественное мнение и полагало, что наше правительство проявит больше инициативы и доброжелательности». В Белграде считали, что советская сторона проводила нормализацию в расчете «на изоляцию Югославии и ослабление ее положения и авторитета в мире». По мнению экспертов югославского внешнеполитического ведомства, политика нормализации со стороны СССР «направлена на достижение трех целей: изоляции Югославии и ослабления ее международного положения; получения и оценки всевозможных данных о состоянии Югославии, в особенности ее внутренней политики (экономики, общественных отношений, социальных вопросов, культуры, прессы и проч.) и произошедших в стране изменений после 1948 г.; получения возможностей воздействия на югославских граждан за счет всевозможных легальных и нелегальных контактов».

После этого делался вывод, что советское руководство «в отношении Югославии не изменило по существу ни пропаганду, ни своих конечных целей». Новизна заключалась исключительно в том, что антиюгославская пропаганда проводится через эмигрантские издания, радиостанцию «Свободная Югославия», а также другие радиостанции с территориями стран-участниц Коминформа. Советская сторона таким образом «пытается показать, что официальная пресса и радио в СССР не высказываются против Югославии», хотя советское руководство фактически дирижует всей антиюгославской пропагандой. Курс СССР в отношении ФНРЮ был помещен в общий контекст советских действий на международной арене: «Советское правительство уделяет особое внимание нормализации отношений с Югославией в рамках своей внешнеполитической стратегии и понимает нормализацию как средство для реализации своих великодержавных интересов и внешнеполитических комбинаций».

С учетом всего изложенного, авторы документа предсказывали «постоянные столкновения» между югославской и советской сторонами «помимо всего прочего и по поводу диаметрально противоположных взглядов на само понятие нормализации». «Наш подход, – подчеркивали авторы внутреннего документа ГСИД, – заключается в том, что мы можем решать взаимно интересующие нас вопросы исключительно на равноправной и взаимовыгодной основе, но такой подход расценивается правительством СССР как наше желание обострить отношения». Было указано, что советским руководителям «мешает наша критическая оценка советской общественной системы и, в особенности, их внешней политики. Поэтому подходы нашей пропаганды они

считают враждебным поведением. Они постоянно стремятся нас нейтрализовать и изолировать и каким-то образом повлиять на нашу пропагандистскую работу в отношении советского руководства». В традиционных формулировках последних месяцев оценивалась и советская позиция, касающаяся сотрудничества ФНРЮ с Западом и ее участия в Балканском пакте.

В документе рассматривались ближайшие перспективы двусторонних взаимосвязей, в частности, указывалось, что советская сторона «весьма заинтересована в более широкой нормализации отношений с Югославией и, особенно, в инициативе с нашей стороны. Наша инициатива была бы русским вдвойне полезна. Они использовали бы ее, во-первых, для изоляции Югославии от Запада и компрометации в его глазах. Кроме этого, русские инициативы в начальной фазе формальной нормализации отношений, помимо пользы (представить их “мирное наступление” еще убедительнее и пр.) имели и негативные последствия в виде потери престижа в глазах собственного общественного мнения и общественного мнения в странах Коминформа, рабочем движении вообще». Поэтому авторы материала считали, что югославская «инициатива по фактической, а не формальной нормализации отношений (в сфере торговли, культурного сотрудничества и пр.) в известной мере могла бы смягчить для нас все негативные последствия, тогда как в противоположном случае последующие инициативы с нашей стороны окажут влияние на дальнейшее укрепление авторитета Югославии в собственных народных массах, чего в Москве не могут допустить ни в какой мере». «Представляется, – отмечалось в документе, – что именно по данной причине русские не могут относиться к нам таким же образом, как к малым капиталистическим странам. Они уже начали открыто подчеркивать, что сейчас “наш черед” быть инициаторами дальнейшего развития связей, указывая, что они готовы согласиться на решение ряда трудных вопросов (например, даже вопроса об эмигрантах)». Что касается возможного влияния нормализации отношений с Советским Союзом на позиции ФНРЮ в мировом сообществе, в документе был сделан следующий вывод: «Нет сомнений в том, что дальнейшая нормализация обеспечит нам больше простора для маневра в целях сохранения независимости нашей внешней политики и создания условий для снижения давления со стороны Запада. Мы можем использовать в дальнейшем этот фактор, учитывая, что мы не нарушим наши отношения с Западом».

В документе предсказывались возможные последующие действия Кремля: «Сегодня не в интересах русских новое серьезное обострение отношений с Югославией. Для них особенно нежелательно, чтобы мировое общественное мнение посчитало их ви-

новниками такого обострения. Поэтому если наши контакты зайдут в тупик, они попытаются любой ценой возложить ответственность на нас... Возвращение наших связей в состояние до обмена послами им не подходит, так как Югославия для них – очень сильный стратегический регион, и, кажется, они питают иллюзии относительно своих возможностей влиять на дальнейший ход нашего развития хотя бы посредством работы на раскол изнутри». Авторы полагали, что интересам советской стороны «соответствует существование нормальных межгосударственных отношений и ввиду этого они предпринимают весьма серьезные усилия (пропагандистские и другие) с целью хотя бы частичного возвращения своего потерянного веса в нашем обществе». За выводом следовал и прогноз: «Русские были бы готовы пойти на уступки в известных вопросах, но желают сделать это самым безболезненным для них образом. Нам следует использовать это обстоятельство для постановки и решения ряда интересующих нас вопросов (югославские воспитанники, эмигранты и пр.), а также заставить их относиться с уважением к нашей концепции межгосударственных контактов (уважение независимости, взаимность и пр.), укрепить наш вес в странах ИБ в сферах пропагандистской работы и идеологического влияния».

По поводу ближайших перспектив в документе был сделан следующий вывод: «Сейчас наши политические интересы состоят в том, чтобы свести нормализацию отношений с СССР к снятию нерешенных вопросов, делая упор на те из них, в которых мы особо заинтересованы и разрешением которых русские были бы вынуждены яснее и откровеннее выразить свое отношение к нам. В этих вопросах мы бы могли проявить инициативу. Но было бы бесполезно... предоставить инициативу русским и рассматривать каждый вопрос отдельно. С другой стороны, нашим интересам отвечало бы развитие широкого сотрудничества (торгового, экономического, культурного и спортивного) с остальными странами Коминформа. Таким образом, помимо прочего, мы окажем влияние на развитие противоречий между ними и СССР»¹⁶⁴.

Рассуждения по поводу тактики, изложенные в документе еще в достаточно сыром виде (хотя в нем не содержалось принципиально новых моментов), требовали дополнительной проработки. Однако политическая ситуация внесла в размеренный процесс нормализации свои коррективы. Президент Тито был явно неудовлетворен ходом взаимоотношений Югославии с Западом (прежде всего в триестском урегулировании) и состоянием общества, сделав выводы из «дела Джиласа». 28 апреля Тито неожиданно появился на III пленуме ЦК СК Сербии, где выступил с кратким докладом по поводу дальнейшего развития югослав-

ского общества, его внутренней организации, роли Союза коммунистов Югославии в государстве, а также его организационном строении на принципах демократического централизма. Выступление лидера Югославии давало основания для рассуждений о предстоящей корректировке организационного строения СКЮ и его роли в стране по образцу советской модели.

Подобные высказывания не остались незамеченными в странах «восточного блока», в особенности в их компартиях. К примеру, при оценке IV пленума ЦК СКЮ эксперты-югославысты МИД ЧСР обращали внимание на тезис о том, что «демократический централизм – один из самых важных принципов организации СКЮ». В заключительном выступлении Тито после общей дискуссии по докладу Ранковича выделялись тезисы о югославском социализме¹⁶⁵, что говорило не столько об интересе к существованию особой югославской модели развития, сколько о признании в Праге тезиса о том, что в Югославии господствует именно социалистический строй. По сравнению с прежними формулировками о «югославском фашизме», которые присутствовали до этого в подобных документах, данные утверждения явили существенные изменения во взглядах на Югославию.

Сохранявшаяся ситуация взаимного отторжения между Советским Союзом и Югославией вела к тому, что из Белграда по-прежнему раздавались антисоветские выпады. 1 мая 1954 г. в газете «Политика» появилась статья заместителя госсекретаря по иностранным делам А. Беблера, в которой указывалось, что «СССР и его внешняя политика являются «главным препятствием на пути прочного мира». Вместе с сохранением дистанции в отношении «советского блока» югославские лидеры указывали на неприемлемость вхождения ФНРЮ в НАТО. Свидетельством тому, в частности, стало большое интервью Президента ФНРЮ Тито газете «Нью-Йорк Таймс», опубликованное 9 мая после его визита в Анкару и накануне посещения Греции. В ответ на вопрос журналиста Сульцбергера: «Почему Белград не желает формально войти в НАТО, уже имея отношения с Североатлантическим блоком через Балканский пакт и сотрудничая с остальными членами НАТО?», Тито сказал, что необходимости вхождения в этот блок Югославии нет¹⁶⁶. В целом в мае–июне 1954 г. и президент, и его окружение воздерживались от высказываний по поводу отношений с третьими странами, уделяя основное внимание обоснованию шагов югославской дипломатии по укреплению Балканского пакта. Эти действия, впрочем, вызывали недовольство и встречали противодействие ряда западных стран, что, в свою очередь, вызывало недовольство Тито.

Контакты советских экспертов с югославской экономической делегацией в Женеве в апреле 1954 г. и разговоры во время

участившихся встреч дипломатов СССР и ФНРЮ создали более прочную ткань отношений между двумя странами, способствовали определению спорных вопросов и выявлению зон общих интересов. В мае дипломаты двух стран во время личных встреч¹⁶⁷, которые становились гораздо менее официальными, а зачастую напоминали застольные дискуссии, достаточно откровенно обсуждали весь спектр вопросов в отношениях своих стран, подводя, по сути, итоги прошлых месяцев нормализации контактов.

Наиболее показательной явилась беседа 16 мая во время ужина в резиденции советского посла В.А. Валькова с участием Беблера¹⁶⁸. Политическая дискуссия между присутствовавшими дипломатами началась, когда Вальков заговорил о демонстрации советских фильмов в Югославии и заявил, что политика югославской стороны мешает развитию культурного обмена между ФНРЮ и Советским Союзом. Посол СССР утверждал, что югославские власти помешали демонстрации фильма о русском балете перед учениками белградской балетной школы. В ответ прозвучали замечания присутствовавшего на ужине президента Сербской академии наук Белича о препятствиях, чинимых советской стороной развитию контактов в издательской деятельности и научной переписке между академиями наук двух стран. Как докладывал по итогам этой дискуссии А. Беблер, советскому послу было заявлено, что «нормализация отношений остается без развития. Вальков находится в стране уже девять месяцев, имеет в своем распоряжении около 40 сотрудников, но какие-либо практические результаты не заметны. Ни один спорный вопрос, о которых мы упоминали в ООН в 1950 году, не решен, и Вальков не стремится к их решению. Ни он, ни его сотрудники вообще не приходят в Государственный секретариат». После этого Беблер перечислил спорные проблемы: вопросы о югославских гражданах в СССР, пропагандистскую работу восточноевропейских радиостанций, деятельность югославских эмигрантов и отсутствие торговли. В ответ Вальков утверждал, что югославская сторона «ничего не предлагает и ничего не просит», а когда посольство СССР выдвигает что-либо конкретное, внося это на рассмотрение югославов, вопрос не решается. Вальков привел ряд примеров, среди которых упоминались перелеты советских самолетов в Албанию; визы для новых служащих посольства и советское предложение об обмене гидрографическими картами.

В ответ на упреки Валькова Беблер постарался аргументировать позицию Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ. В отношении перелета самолетов он заметил, что дело идет о контактах между СССР и Албанией, тогда как задача посла СССР – нормализовать связи с ФНРЮ. По поводу гидрографических карт дипломат сослался на незнание вопроса, а

касательно отказа советским работникам в визах, он заметил, что югославская сторона не видит необходимости увеличения советского посольства, ибо сегодняшний состав не исчерпал возможностей по улучшению отношений и ведет себя «совершенно неактивно». Впрочем, несколько позже, во время отъезда гостей, когда Вальков с глазу на глаз с Беблером вновь поднял вопрос о въездных визах и конкретно просил за нескольких сотрудников военного атташата и служащих для замены уже отозвавшихся в СССР дипломатов, Беблер согласился, что подобные просьбы следует рассматривать¹⁶⁹.

Много и откровенно рассуждалось на ужине о двусторонней пропаганде. Югославы подвергли критике советскую сторону за передачи радиостанций (в том числе и восточноевропейских), за материалы, публикуемые в изданиях «Новое время» и «За прочный мир, за народную демократию». При этом указывалось, что «вся советская пропаганда основывается на прежней линии вмешательства в наши внутренние дела, отделение правительства от народа и т.д.» Как отмечалось в югославской версии беседы, Вальков защищался, уверяя, что «Правда» и «Известия» «такие вещи не публикуют, члены советского правительства благоприятно высказываются в пользу необходимости нормализации, а за издание “За прочный мир...” они не отвечают». По поводу статей в этом издании произошел достаточно резкий обмен репликами. Беблер не соглашался с утверждениями Валькова о том, что это – издание югославской оппозиции. В ответ советский посол продолжал настаивать, что югославская пресса «клеветает на Советский Союз, что нет и дня, когда в нашей прессе не появляются антисоветские статьи»¹⁷⁰.

После этого дискуссия перекинулась на обсуждение общей линии внешней политики стран в отношении друг друга. Вальков утверждал, что Балканский союз – агрессивная структура и Югославия продолжает вооружаться при помощи США. Беблер ответил, что «подобная критика означает недопустимые претензии» советской стороны, так как может быть истолкована таким образом, будто в Москве «обуславливают нормализацию отказом Белграда от вооружения и создания союзов с другими странами». Советский посол ответил напоминанием о том, что американцы объявили о предоставлении в следующем году 300 млн долларов для вооружения Греции, Турции, Югославии и Западной Германии, «но не объявили, сколько будет предоставлено каждой стране. Этим Югославии, – заметил Вальков, – сказано, что она получит больше, если будет хорошо себя вести, и меньше, если она ведет себя плохо». Ответ Беблера стал образцом для полемиста. Слова Валькова как раз и говорят о том, – заметил югославский дипломат, – что Югославия может вести себя по своему усмотрению

нию – «хорошо или плохо», тогда как в СССР утверждают, что Югославия порабощена. Беблер также ехидно поинтересовался, «имеют ли восточноевропейские страны возможность вести себя “хорошо или плохо” по своему усмотрению, а не по указке советского правительства?»

По итогам беседы А. Беблера и В.А. Валькова во внешнеполитическом ведомстве Югославии сделали достаточно прозорливый вывод: «У нас сложилось впечатление, что Вальков имеет указание допускать достаточно острую критику, но избегать серьезной ссоры. К тому же он не получал инструкций обещать нам положительное решение любого конкретного спорного вопроса или брать на себя инициативу в их решении»¹⁷¹. Данное замечание экспертов югославского внешнеполитического ведомства совершенно точно отразило позицию Валькова. В день беседы в Москве действительно отсутствовало ясное понимание того, следует ли предпринять дальнейшие конкретные шаги на югославском направлении; со времен свержения Берии отсутствовала и политическая воля в руководстве страны, никто не хотел брать на себя груз ответственности. Но этот период заканчивался.

Воспользовавшись отсутствием министра иностранных дел В.М. Молотова, занятого на встрече с коллегами ведущих западных держав в Женеве, Н.С. Хрущев готовился к своего рода политическому прорыву, намереваясь вывести связи с Югославией на новый уровень. В зарубежной историографии сложилось мнение, что этот шаг был связан с выходом Хрущева на первые позиции в руководстве страной, где он начал теснить Молотова в принятии решений и практических действиях по вопросам внешней политики¹⁷². Общей активизации интереса советского руководства к Югославии в это время способствовало то, что Кремль (несомненно, опираясь на разведданные, полученные из капиталистических стран) был озабочен возможностью продолжения «дрейфа» Югославии в сторону Запада, считая это серьезным провалом советской внешней политики. Все эти предположения до некоторой степени находят подтверждение в отдельных доступных второстепенных источниках того периода, хотя не следует исключать и того, что рост международной популярности советского министра иностранных дел вызывал элементарную зависть со стороны Никиты Сергеевича.

Дело состояло в том, что конец апреля – большая часть мая 1954 г. стали периодом активных внешнеполитических шагов Югославии. В мае Белград принял решение дополнить Балканский пакт военными соглашениями. В рамках подготовки этого решения состоялся визит в Турцию Президента ФНРЮ Тито. Советский Союз не высказал жесткой реакции на этот внешнеполи-

тический шаг главы югославского государства. Лишь 24 мая его итоги подвел еженедельник «Новое время», опубликовавший комментарий, в котором сообщалось, что США, давая понять, что подписание военного соглашения облегчит одобрение конгрессом нового транша американской экономической помощи, тем самым оказывают давление на Югославию. Это утверждение как бы вторило словам Валькова, сказанным Беблеру за пресловутым ужином 16 мая.

Впрочем, автор «Нового времени» выдвинул и предположение о том, что Белград проводил свою балканскую политику не только вследствие американского нажима. По его мнению, поставив подпись под военным договором, «югославские руководители пытаются избежать всех сомнений относительно их желания через Грецию и Турцию заключить союз с Западом»¹⁷³. Тем самым журнал «Новое время» вновь возвращался к тезису о том, что югославское руководство готово к определенному договорному оформлению союза с Западом.

Военно-стратегические соображения оказывали существенное влияние на восприятие в советском руководстве югославской темы. К возможности вступления Югославии в НАТО через Балканский пакт добавились и опасения о вероятности ее присоединения к Европейскому оборонительному союзу. Основания допускать такую возможность давали заявления, звучавшие довольно часто в ФНРЮ в это время. Все они тщательно фиксировались в МИД СССР, например, переданные ТАСС из Белграда слова корреспондента «Рейтер» о «намечах Тито на возможное участие Югославии в Европейском оборонительном союзе, представлявших собой самый большой шаг Тито в направлении открытой связи с западной обороной»¹⁷⁴. Не проходили мимо внимания экспертов Комитета информации МИД СССР также сообщения ТАСС о словах главы секретариата Президента ФНРЮ Й. Вильфана на пресс-конференции 23 апреля о том, что Югославия «начнет нормальным дипломатическим путем обмен мнениями со странами Западной Европы по вопросу о присоединении к Европейскому оборонительному союзу»¹⁷⁵, а также строки из статьи в газете «Политика» от 1 мая заместителя главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ А. Беблера, где отмечалось, что «мы сейчас решим даже, в случае необходимости, если Европейский оборонительный союз изменит свой характер и так далее, вступить в это сообщество»¹⁷⁶.

Последующие исследования покажут, насколько эти и подобные высказывания были искренни, а насколько являлись частью стремления добиться благоприятных условий для решения триестского вопроса, ибо в мае 1954 г. в Лондоне проходила заключительная часть переговоров по вопросу о зоне вокруг Триеста¹⁷⁷.

Но советские эксперты не могли исключать того, что успешное завершение переговоров в Лондоне помогло снять прежние препятствия для интеграции Югославии в систему западных союзов.

По всей вероятности, все эти соображения являлись всего лишь выгодным для Хрущева фоном доказательства безуспешных действий МИД СССР во главе с Молотовым и были ловко использованы им для упрочения позиций с целью последующего вытеснения конкурентов с руководящих позиций в стране. По стечению обстоятельств югославский вопрос оказался наиболее подходящей для этого темой. Весь май и первую половину июня 1954 г. советское руководство занималось продолжением дискуссий в Президиуме ЦК КПСС по данной проблеме. За короткий срок Президиум обращался к югославскому вопросу шесть раз: 4, 20, 27 и 31 мая, а также 2 и 18 июня 1954 г.

Обсуждение возобновилось после почти трехмесячного перерыва на заседании Президиума ЦК КПСС 4 мая внесением в повестку дня вопроса «Об отношении к Югославии»¹⁷⁸. В ходе дискуссии был отклонен проект постановления ЦК по данной проблеме¹⁷⁹. Все документы, подготовленные еще 25 февраля 1954 г. и разосланные членам Президиума ЦК 3 марта, явно устарели. Проект не учитывал ни процессов, развивавшихся в СКЮ после «дела Джиласа», ни событий февраля–марта, связанных как с выступлениями Тито, так и с весьма откровенным обсуждением советско-югославских отношений на встречах дипломатов двух стран. В итоге на заседании Президиума ЦК было принято решение: «Считать представленные комиссией ЦК предложения по данному вопросу неприемлемыми». В нем также ставилась задача «на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК выработать новые предложения об отношении к Югославии и внести эти предложения в 5-дневный срок на рассмотрение Президиума ЦК». Помимо этого были произведены персональные изменения и в авторском коллективе группы, готовившей материалы по данному вопросу, – Кузнецова заменили Поспеловым. Любопытно, что и Хрущев больше не фигурировал в качестве непосредственного куратора документов по югославскому вопросу и исполнение решения Президиума ЦК КПСС было возложено на Сулова, Поспелова и Зорина¹⁸⁰. Появление в составе комиссии П. Поспелова вместо В. Кузнецова значительно ослабило позиции МИД в подготовке документов. То же обстоятельство, что Хрущев формально перестал курировать ее работу, на деле ничего не меняло. Как Первый секретарь ЦК он продолжал оказывать решающее влияние на ход подготовки документов и вынесение проблемы на заседание Президиума ЦК.

Новый авторский коллектив выполнил поручение в срок – были подготовлены новый проект постановления и сопутствующий ему аналитический материал, но обсуждение доработанного документа отложили до 20 мая. Если прежде в документах четко прописанная советская политика по «югославскому вопросу» отсутствовала, то где-то в середине мая (не исключено, что уже 4 мая в ходе обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС) родилась идея направления в Белград представителя ЦК КПСС для переговоров с представителями ЦК СКЮ. Данная идея была зафиксирована в документах (в частности в записке Сулова, Поспелова и Зорина от 18 мая 1954 г.), подготовленных новым авторским коллективом «во исполнение решения 4 мая».

Представляется, что в этот раз влияние внешнеполитического ведомства на формирование решения свелось к минимуму. Возможно, в ходе подготовки МИД попытался внести свой вклад в разработку документа за счет реанимации записки Б. Яковлева от 28 декабря 1953 г., на основе которой, по всей вероятности, была написана справка, где повторялись основные ее идеи. Следует полагать, что сделал это Зорин, входивший в комиссию от министерства и к тому же замещавший тогда Молотова. Однако мидовский документ был отвергнут как несоответствующий моменту – ситуация требовала свежих идей.

Кардинально новые взгляды в оценке югославского вопроса получили оформление уже на следующий день¹⁸¹. Судя по тому, что материал МИД был отвергнут и заменен другим буквально в тот же день, новый документ уже был готов. Отсутствие документальных свидетельств хода его подготовки не позволяет с точностью установить автора новых идей, но если судить по произведенным в «комиссии Хрущева» персональным перестановкам, то им мог выступить как раз заменивший Кузнецова Поспелов. Впрочем, П. Поспелов мог просто выразить новые идеи или даже лишь оформить то, что высказывалось на обсуждении членами Президиума ЦК 4 мая 1954 г.

В подготовленной 18 мая записке¹⁸² на семи страницах разрыв с Югославией характеризовался уже как ошибочный. Признавая необходимость критики действий и позиций югославского руководства, в ней указывалось, что при наличии всех противоречий в 1948 г. из них «не вытекала необходимость немедленного разрыва с компартией Югославии. Разрыв отношений с КП Югославии серьезно затруднил возможность нашего воздействия на коммунистов и народ Югославии и тем самым облегчил клике Тито проведение демагогической националистической линии». В документе также появился тезис о взаимной ответственности Берии и Джиласа в ухудшении советско-югославских отношений и их последующем разрыве¹⁸³.

Текст заканчивался двумя предложениями:

«1. Утвердить текст телеграммы Совпослу в Югославии.

2. Считать возможным, в случае положительного реагирования руководства СКЮ на предложение ЦК КПСС, направить для переговоров с руководством СКЮ представителя ЦК КПСС». Членам Президиума предлагалось «утвердить директивные указания представителю ЦК КПСС»¹⁸⁴. Рабочая комиссия по «югославскому вопросу» заранее подготовила проект директивы Валькову, где ему предписывалось добиться встречи с Тито и в разговоре с ним сделать предложение о личной встрече представителей ЦК двух партий. Были разработаны и директивы представителю ЦК КПСС для переговоров с ЦК СКЮ, которые предлагалось «утвердить как директивные указания представителю ЦК КПСС»¹⁸⁵.

Проект директивы Валькову удивительно походил на проект письма Берин Ранковичу 25 июня 1953 г.: «Вам следует способом, который не привлек бы к себе внимание, обратиться к Тито с просьбой о конфиденциальном приеме. На приеме, сославшись на поручение Москвы, скажите Тито следующее. “За последнее время правительства Советского Союза и Федеративной Народной Республики Югославии были предприняты известные шаги по нормализации отношений между нашими странами. Вы лично и другие руководящие деятели ФНРЮ, касаясь в своих выступлениях вопросов о взаимоотношениях с Советским Союзом, неоднократно выражали пожелание о дальнейшем улучшении этих отношений. Ту же мысль излагал и посол ФНРЮ в Москве Добриное Видич. Я уполномочен сообщить Вам, что эти заявления были положительно встречены в Москве. В связи с этим советские руководящие деятели считали бы возможным в ближайшее время совместно обсудить важнейшие вопросы, касающиеся отношений между Советским Союзом и Югославией. Если Вы в принципе согласны с этим мнением, то при существующих условиях такое совместное обсуждение представляется нам более целесообразным провести не дипломатическим путем, а в порядке личной встречи между Вами и специально на то уполномоченными представителями ЦК Коммунистической партии Советского Союза. ЦК КПСС может направить в Югославию своего представителя для встречи с Вами. О времени и конкретном месте встречи можно было бы договориться особо”». Последние строки директивы напоминали приказ: «Выслушайте внимательно все, что скажет Тито. Немедленно телеграфируйте о результатах встречи»¹⁸⁶.

Согласно версии Микояна, изложенной им в июле 1955 г., «в Президиуме ЦК договорились, что надо пойти на сближение с Югославией как по линии государственной, так и по линии пар-

тийной». В результате было «принято решение, противоречащее тому решению, которое подготовил МИД совместно с аппаратом ЦК до отъезда тов. Молотова в Женеву». Документ отослали Молотову, как отметил А.И. Микоян, «чтобы он знал»¹⁸⁷. Молотов, находившийся в то время на встрече министров иностранных дел ведущих мировых держав, где обсуждались вопросы урегулирования положения в Юго-Восточной Азии, ознакомился с предложениями по югославскому вопросу в паузах между заседаниями. Как и следовало ожидать, его реакция была отрицательной. 19 мая министр прислал в адрес членов Президиума ЦК КПСС записку, в которой высказывался против этих предложений (возможно, под влиянием дискуссий в Женеве).

В написанной от руки записке Молотов указывал, что «не может быть сомнений в том, что Тито связан с английскими лейбористами (левыми и правыми), а значит, все наши шаги в указанном направлении станут известны правительству Англии и, конечно, правительству США. Это может дать им повод рассматривать указанные попытки в отношении СКЮ как проявление слабости СССР, что, разумеется, опасно». В качестве альтернативного подхода он полагал необходимым начинать нормализацию «по линии взаимоотношений между государствами, например, по экономической линии». Рассчитывая вернуться из Женевы через 10–15 дней, министр просил коллег по Президиуму дожидаться его возвращения и не обсуждать до этого времени «югославский вопрос»¹⁸⁸. Записка Молотова от 19 мая имела лишь частичное влияние¹⁸⁹. На заседании 20 мая были все же обсуждены документы, подготовленные тремя авторами, хотя до определенной степени учтены и возражения Молотова.

Согласно протоколу Президиума, проект постановления ЦК КПСС по «вопросу Югославии», представленный Суловым, Поспеловым и Зориным, был «принят в основном». Возражения Молотова учли самым косвенным образом в п. 2 постановления: «Поручить тт. Сулову, Поспелову и Зорину в трехдневный срок составить письмо ЦК братских коммунистических и рабочих партий, в котором изложить мотив, почему ЦК КПСС принимает такое решение в отношении Югославии. Текст письма и проект директивных указаний обсудить на Президиуме ЦК КПСС, разослать предварительно проекты указанных документов членам Президиума ЦК». Третий пункт документа вытекал из второго: «По принятии Президиумом ЦК директивных указаний по вопросу Югославии считать необходимым довести их до сведения ЦК братских коммунистических и рабочих партий: Китайской компартии (т. Мао Цзэдуна), ПОРП (т. Берута), Чехословацкой компартии (тт. Запотоцкого и Новотного), ВПТ (тт. Ракоши и Имре Надя); Румынской рабочей партии (тт. Георгиу-Деж и Апо-

стола); Болгарской компартии (тт. Червенкова и Живкова); Албанской партии труда (т. Энвер Ходжа), СЕПГ (тт. Пика, Ульбрихта и Гротеволья); Французской компартии (тт. Тореза и Дюкло), Итальянской компартии (т. Тольятти), с тем, чтобы согласовать с ними общую линию поведения по югославскому вопросу»¹⁹⁰.

25 мая «комиссия трех» вновь представила пакет документов к заседанию 27 мая. В него входили проект письма руководителям коммунистических и рабочих партий, записка Сулова, Поспелова и Зорина «Об отношении к Югославии», проект «Постановления ЦК об отношении к Югославии», проекты телеграмм советским послам в Рим и Париж, а также проект текста директивы послу в Белграде¹⁹¹. В этих приложениях под № 3 имелся и проект «Указания представителю ЦК КПСС для переговоров с ЦК СКЮ»¹⁹².

Главным отличием этого пакета документов от подготовленного к заседанию Президиума ЦК 20 мая был проект письма в братские компартии¹⁹³, подписанный обезличенно – «ЦК КПСС». В нем указывалось на неоднократные заявления югославских руководителей и дипломатов о стремлении к нормализации отношений. «По мнению ЦК КПСС, – подчеркивалось в проекте, – с точки зрения интересов лагеря мира и социализма было бы нежелательным игнорировать эти заявления и не попытаться использовать возможности для улучшения отношений с Югославией и усиления влияния лагеря мира и демократии на югославский народ. Установление более широких связей с Югославией означало бы, в первую очередь, появление для наших стран возможностей для некоторого общения с населением Югославии и воздействий на него через торговлю, культуру, спорт и другие формы связей в целях противодействия американско-английскому влиянию»¹⁹⁴. В проекте письма делался реверанс в сторону лидеров братских партий в виде указания, что их опасения в отношении югославы не ставятся под сомнение и симпатии Москвы полностью на их стороне: «Свою недружелюбную политику по отношению к Советскому Союзу руководители КПЮ распространяли и на страны народной демократии, к которым они еще до разрыва относились высокомерно, требуя признания за собой права на несуществующие особые заслуги и преимущества»¹⁹⁵.

Вина в разрыве 1948 г. возлагалась на Л.П. Берия: «ЦК КПСС считает также необходимым информировать братские партии, что, как показало следствие по делу агента международного империализма Берия, его сообщники из органов разведки без ведома ЦК и правительства СССР в провокационных целях позволяли себе недопустимые факты вербовки югославских гра-

ждан для разведывательной работы, что в свое время вызвало обоснованные упреки со стороны руководства КПЮ». Вспомнили в тексте и попытку Берии подготовить и переслать письмо югославскому руководству в июне 1953 г.: «Позднее Берия в своих преступных целях, направленных против ЦК КПСС, пытался установить личную связь с Тито и Ранковичем».

Предполагаемые действия советского руководства описывались так: «При сложившихся условиях ЦК КПСС пришел к выводу, что необходимо еще раз проверить, каковы подлинные позиции ЦК СКЮ в коренных вопросах его внутренней и внешней политики и сделать новые шаги для улучшения дипломатических, экономических и культурных взаимоотношений с Югославией, имея в виду предотвратить окончательный переход Югославии в лагерь империализма и расширить возможности для усиления коммунистического влияния на югославский народ. При благоприятных условиях наши страны могли бы предпринять меры к возможному возвращению Югославии в демократический лагерь, что явилось бы серьезной победой международного коммунистического движения»¹⁹⁶.

В письме братским партиям сообщалось и о намерении войти в контакт с югославским руководством: «ЦК КПСС считает целесообразным установить с этой целью контакт с руководством Союза коммунистов Югославии, сообщив ему мнение ЦК КПСС о том, что если руководство СКЮ не на словах, а на деле намерено следовать учению марксизма-ленинизма и бороться за социализм, за сохранение и упрочение мира, то можно было бы совместно рассмотреть все вопросы, относящиеся к восстановлению взаимного сотрудничества в интересах мира, социализма и дружбы народов наших стран». Указывалась и «наиболее подходящая форма» этого контакта – «встреча представителя ЦК КПСС с Тито».

Авторы проекта внесли в текст обещание проинформировать адресатов о результатах переговоров. В документе оговорили и возможность неудачи предложения, которое намеревались передать через посла Валькова: «Выдвигая это предложение, мы допускаем и такую возможность, что югославские руководители настолько далеко зашли в своих связях с империалистическим лагерем, что могут уклониться от установления контакта с нами или выдвинут такие необоснованные претензии, которые сделают невозможными дружественные отношения с Югославией и СКЮ. В таком случае мы обсудим с Вами дальнейшую позицию по отношению к СКЮ и его руководству». В завершение авторы письма не забыли послать товарищам по лагерю «коммунистический привет»¹⁹⁷.

Решение Президиума ЦК 27 мая выглядело следующим образом: «В основном принять представленный тт. Суловым, Поспе-

ловым и Зориным проект постановления ЦК КПСС по данному вопросу. Поручить тт. Суслову, Поспелову и Зорину с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК представить на утверждение ЦК КПСС к 29 мая с. г. окончательный текст постановления ЦК КПСС об отношении к Югославии и текст указаний представителю ЦК КПСС для переговоров с руководством Союза коммунистов Югославии, предварительно разослав эти документы членам Президиума ЦК»¹⁹⁸.

На этом же заседании Президиума ЦК 20 мая обсуждалось предложение Министерства внешней торговли о начале сотрудничества с Югославией. Предложение югославского представителя на совещании европейских стран по торговле в Женеве в апреле, на которое обещали дать ответ из Москвы, требовало решения высшего советского руководства. Особый вес этому обсуждению придавало то, что Молотов считал необходимым дальнейшее продвижение в деле нормализации отношений с Югославией именно через серьезное развитие экономического сотрудничества. По всей вероятности, руководство внешнеэкономического ведомства посчитало ситуацию благоприятной для вынесения вопроса об обновлении торговых связей на решение Президиума ЦК КПСС именно в это время. Предложения руководства МВТ СССР готовились синхронно с документами, дорабатывавшимися «комиссией трех». Министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов внес свою информационно-аналитическую записку на заседание Президиума ЦК КПСС в тот же день, когда рассматривались подготовленные комиссией Суслова, Поспелова и Зорина документы, хотя сопутствующие записке Кабанова материалы (списки товаров), по всей вероятности, готовились несколько ранее¹⁹⁹.

Глава МВТ СССР И.Г. Кабанов предлагал принять ряд решений, оформив их постановлением Президиума ЦК КПСС «О торговых переговорах с Югославией». Согласно подготовленному в МВТ проекту решений, послу СССР в ФНРЮ поручалось (со ссылкой на обращение югославской стороны в Женеве) «сообщить, что Советское правительство готово вступить в переговоры с представителями югославского правительства в Москве или в Белграде по вопросу о взаимных поставках товаров». В минвнешторге считали, что его представители должны «провести переговоры с представителями югославского правительства... и по достижении договоренности подписать Протокол о товарообороте с Югославией на ближайший 12-месячный период».

В записке Кабанова не был упущен и вопрос о задолженности. В ней давались конкретные цифры: «По соглашениям 1946–47 гг. югославское правительство задолжало Советскому Союзу около 397 млн рублей по кредитным и торговым соглашениям. С июля 1949 г. югославское правительство не производит

платежей погашения указанной задолженности». Приводилась и вторая часть югославского долга: «В годы войны с фашистской Германией и послевоенные годы Советский Союз поставил вооружений и военно-технического имущества для югославской армии, а также оказал некоторые другие услуги на общую сумму 643 млн руб.» Общая задолженность Югославии Советскому Союзу, согласно оценкам МВТ СССР, «составляла около 1040 млн рублей».

Кабанов от имени МВТ («Минвнешторг считает целесообразным») предложил начать обсуждение проблемы долгов: «В ходе торговых переговоров поставить перед югославами вопрос о погашении их задолженности Советскому Союзу, однако не связывать этот вопрос с возобновлением торговли с Югославией и с подписанием соглашения о списках взаимных поставок. По выяснению позиции югославского правительства по этому вопросу Минвнешторг доложит свои соображения в ЦК КПСС». В ходе торговых переговоров представителям МВТ следовало поставить вопрос о задолженности Югославии Советскому Союзу и выяснить предложения югославской стороны о ее погашении. МВТ СССР также поручалось «договориться с югославским правительством об учреждении Торгового представительства СССР в Белграде»²⁰⁰.

Кабанов не предполагал новых «условий торговли» и заключения нового торгового соглашения, считая, что «торговлю можно осуществлять на основе заключенного 5.VII.1947 г. Соглашения о товарообороте и платежах между Сов. Союзом и Югославией, которое ни той, ни другой стороной не денонсировано, и т[аким] образом формально действует. Указанное Соглашение не отличается по существу от подобных соглашений, заключенных с другими странами. В свете этого Минвнешторг не имеет в виду ставить перед югославами вопрос о заключении нового торгового и платежного соглашения, а предложит им вести торговлю на основе Соглашения от 5.VII.1947 г.»²⁰¹ Однако и после столь обстоятельной подготовки окончательного решения по торговым отношениям принято не было. Президиум подключил к подготовке документов Микояна; ему и Кабанову поручалось «на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК представить в ЦК КПСС свои предложения по данному вопросу»²⁰².

Уже 25 мая 1954 г. «комиссия трех» в составе Сулова, Поспелова и Зорина закончила внесение поправок в документы и вернула их в Президиум ЦК КПСС. Предлагавшиеся ею решения были утверждены на заседании Президиума ЦК 27 мая, на котором обсуждался «вопрос Югославии» и принято соответствующее постановление. Президиум рекомендовал «в основном при-

нять» представленный проект и доработать его, представив на окончательное утверждение на заседании Президиума ЦК 29 мая. Дословно это решение выглядело следующим образом: «В основном принять представленный тт. Суловым, Поспеловым и Зориным проект постановления ЦК КПСС по данному вопросу» и «Поручить тт. Сулову, Поспелову и Зорину с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК представить на утверждение ЦК КПСС к 29 мая с. г. окончательный текст постановления ЦК КПСС об отношении к Югославии и текст указаний представителю ЦК КПСС для переговоров с руководством Союза коммунистов Югославии, предварительно разослав эти документы членам Президиума ЦК». Документ шел за подписью Секретаря ЦК²⁰³.

Таким образом, под грифом «СС/ОП» – «Совершенно секретно. Особая папка» – не скрывались какие-то страшные тайны. Главным секретом служило то, что члены Президиума ЦК КПСС не могли найти общей позиции. И целью наносившегося грифа стало желание утаить разногласия! В данном случае он использовался из-за Молотова, с которым Хрущев решил не считаться, принимая решения в его отсутствие и вопреки его настоятельной просьбе в виде упомянутого письма из Женевы. И на этот раз за словами о «доработке» скрылись существенные изменения, вносимые в саму концепцию процесса урегулирования югославского вопроса. Личная встреча представителей ЦК партий двух стран заменялась решением о направлении письма ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ. К тому же был подготовлен проект письма ЦК КПСС в адрес «братских компартий».

В появившейся новой записке Сулова, Поспелова и Зорина от 29 мая 1954 г. указывалось, что «для вручения письма ЦК КПСС руководителям соответствующих братских партий можно было бы использовать открывающийся 11 июня съезд КПЧ. В этих целях было бы целесообразным попросить ЦК компартий включить в свои делегации на съезд КПЧ кого-либо из своих руководящих деятелей. Для вручения письма т. Мао Цзэдуну было бы целесообразно направить в Пекин зам. Зав Отделом ЦК т. Смирнова. Тов. Э. Ходжа можно ознакомить с письмом в начале июня в Москве»²⁰⁴. В дополнение к этой записке и проекту постановления ЦК об отношении к Югославии прилагался целый пакет сопроводительных документов²⁰⁵, необходимых для реализации решения, но на этот раз директивы представителю ЦК КПСС на переговорах с представителем ЦК СКЮ были заменены на проект письма ЦК КПСС – ЦК СКЮ²⁰⁶.

Если в документах 27–29 мая еще присутствовали слова о необходимости готовить текст указаний представителю ЦК КПСС для переговоров с руководством Союза коммунистов Югославии,

что свидетельствовало о сохранении идеи о предполагавшихся переговорах с руководством СКЮ, то ни в бумагах, представленных комиссией Сулова, Поспелова и Зорина 29 мая к заседанию 31 мая, ни в самих документах, сопровождавших проект решения Президиума ЦК от 31 мая, директив к ведению переговоров уже не было: они плавно в эти два-три дня трансформировались в письмо ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ.

Отсутствие при обсуждении югославского вопроса Молотова стало четким индикатором резко возросшего влияния Хрущева в советском руководстве. Вместе с тем опасения министра, высказанные им в записке из Женевы, были также включены в подготовленные документы. Вопрос о поездке представителя ЦК КПСС в Белград для ведения переговоров с ЦК СКЮ оказался снят.

Первый вариант этого послания²⁰⁷ был написан к заседанию Президиума ЦК КПСС 27 мая 1954 г., несмотря на то что в постановлении Президиума ЦК от 27 мая (оформленном 29 мая) сохранялись слова о директивах для переговоров с представителями ЦК СКЮ. Невозможно определить, что оказало решающее воздействие на изменение уже внесенной в решение Президиума ЦК позиции. Среди таких факторов могли быть не только мнение Молотова, но и взгляды по югославской проблеме руководителей большинства компартий союзных СССР государств, самым тесным образом связанных с принятием двух резолюций Коминформа. К тому времени Хрущев лишь только начал устанавливать контроль за руководством братских партий, и конфликт с ними на ранней стадии из-за югославов, по всей вероятности, не входил в его планы.

Не следует исключать и того, что целью действий Хрущева виделась не нормализация отношений с югославским руководством, а повышение собственного авторитета в руководстве советском. В этом случае возникшая в ходе обсуждений в мае идея о необходимости консультаций с остальными компартиями оказалась для него подарком, который пришелся как нельзя кстати. Толчком к отступлению в вопросе о встрече представителей двух ЦК могло послужить и настроение благодушия, в котором находился Хрущев в связи с проходившими в те дни празднованиями 300-летия Переяславской Рады, воссоединения Украины с Россией и окончательной передачей Украине Крыма, на что в то время никто не обратил особого внимания. Не следует сбрасывать со счетов и того, что в окружении Хрущева решили все же избежать прямой аналогии между направлением представителя ЦК КПСС в Белград и посланием, готовившимся Берией Ранковичу всего 11 месяцев назад. Вряд ли Хрущев опасался обвинений в плагиате и уж тем более повторения судьбы Берии, но, тем не

менее, и это могло заставить его воздержаться от резких действий на югославском направлении. Так или иначе, выбранный им вариант с посланием был, возможно, менее действенным, но более надежным – от неожиданной тайной встречи с представителем ЦК КПСС Тито мог бы и отказаться.

К настоящему времени не найдено документальных свидетельств о том, что югославским внешнеполитическим службам стало известно о столь напряженной работе по «югославскому вопросу» в высшем советском руководстве. По косвенным признакам они всего лишь пришли к выводу об обретении Хрущевым доминирующей роли в политическом руководстве Советского Союза. Во время рабочего визита на Украину югославских дипломатов в одной из художественных галерей ими были замечены две свежие картины (написанные в первые месяцы 1954 г.) с изображением Никиты Сергеевича, на которых он красовался один, тогда как остальные советские руководители изображались исключительно на групповых полотнах²⁰⁸.

«Украинские наблюдения» получили подтверждения во время посвященного «воссоединению Украины с Россией» торжественного заседания Верховного Совета РСФСР, проходившего в Кремле 29 мая 1954 г. Корреспондент югославского информационного агентства ТАНЮГ Д. Чулич, как свидетельствуют архивные документы, пересылал новости не только для информационного агентства, от которого он был официально аккредитован в Москве, но также направлял весьма яркие материалы во внешнеполитическое ведомство ФНРЮ. Так вот он обратил внимание своих кураторов на взаимоотношения Маленкова и Хрущева. Согласно его наблюдениям, во время «самой интересной» части заседания Маленков вытащил из кармана какие-то бумаги и начал их зачитывать Хрущеву. Как заметил журналист, делалось это так, «будто ученик подносит свои конспекты учителю. Хрущев же, как и обычно, держался весьма вызывающе, даже с оттенком покровительства в отношении Маленкова, к метаниям которого несколько позднее присоединился и Булганин». По мнению Чулича, «Хрущев производил впечатление весьма довольного собой человека, который с симпатией смотрел на молодых соратников»²⁰⁹.

Не исключено, что документ, который обсуждали Хрущев, Маленков и Булганин, как раз и был тем вариантом постановления Президиума ЦК КПСС по «югославскому вопросу», принятого затем 31 мая 1954 г. Решение стало усредненной реакцией Москвы на необходимость выработки позиции, учитывающей столкновения всех противоречивых тенденций и факторов на югославском направлении, что проявились в последние месяцы. «Рассмотрев материалы, относящиеся к истории разрыва Ком-

партии Югославии с Компартией Советского Союза и другими коммунистическими и рабочими партиями, а также последовавшего за этим выхода Югославии из демократического лагеря, – указывалось в тексте документа, – ЦК КПСС считает, что руководящее ядро Компартии Югославии, несомненно, допустило в тот период, как в отношении к Советскому Союзу, так и в других вопросах своей политики, серьезные отступления от марксизма-ленинизма, сползание на позиции буржуазного национализма и антисоветские выпады»²¹⁰.

Наряду с этим отмечалось, что «начавшийся в 1948 году и продолжающийся до настоящего времени разрыв дружественных отношений между Югославией и Советским Союзом наносит серьезный ущерб как Югославии, так и Советскому Союзу и всему лагерю мира и социализма. В результате этого разрыва из демократического лагеря выбыла страна, занимающая важное стратегическое положение на юго-востоке Европы, насчитывающая 16 млн населения». После этого была обрисована та опасность, которую советское руководство намеревалось устранить: «Если бы американско-английским империалистам удалось полностью осуществить свои замыслы в отношении Югославии, то это принесло бы не только новые бедствия и страдания народам Югославии, но и серьезно осложнило бы обстановку на Балканах, усилив позиции агрессивного блока в его борьбе против лагеря мира, демократии и социализма». Задачи в постановлении Президиума ЦК ставились в столь же чеканной форме: «Советский Союз в своей внешней политике в отношении Югославии должен преследовать цель сорвать эти антисоветские планы американско-английских империалистов и использовать все возможности для усиления нашего влияния на югославский народ»²¹¹.

Несмотря на то что в постановлении оказались несколько смягчены оценки внутренней ситуации в ФНРЮ, оно фактически воспроизводило все прежние формулировки, выработанные в МИД СССР в отношении Югославии на протяжении последнего года, и почти повторяло (и по сути, и по форме) подходы времен советско-югославского конфликта конца 1940 – начала 1950-х годов: о конфликте между руководством СКЮ и трудящимися и о необходимости «влиять на югославский народ». В то же время оценка действий югославских лидеров оказалась существенно смягчена. Виновниками разгоревшегося в 1948 г. конфликта назывались «стремящиеся осуществить свои планы американско-английские империалисты» и югославские руководители, допустившие «серьезные отступления».

Отсутствие во внешнеполитических службах СССР единства подхода к политике в отношении Югославии, что отражало расхождение во взглядах среди высшего советского руководства, ло-

гически привело к необходимости решения противоречий постановлением ЦК КПСС. Подобный ход облегчался тем, что с весны 1954 г. влияние Хрущева в советском руководстве стало подавляющим. Неопределенность позиции Югославии на международной арене делала возможными любые варианты решения, вызывая все больший интерес к данному вопросу со стороны советского руководства. Этому способствовали и внутренние события в Югославии, связанные с очередным креном политического курса в сторону более ортодоксального коммунизма и подавлением либеральных тенденций в начале 1954 г. Впрочем, позиция югославского руководства в отношении развития советско-югославских отношений скрывала определенный идеологический подтекст, в рамках которого нормализация представлялась в качестве победы югославского руководства в конфликте 1948 г. и капитуляции руководства советского. Вместе с тем югославский подход определялся не в меньшей мере взглядами лидеров страны на экономические возможности и хозяйственными потребностями ФНРЮ, а также расчетами на получение дивидендов от сотрудничества (экономического и политического) с «восточным блоком».

Можно предполагать, что именно эволюция идеологических концепций югославского руководства, проявившаяся в выступлениях Тито того времени, послужила дополнительным импульсом к пересмотру отношения к Югославии со стороны руководства КПСС. Смещение Джиласа давало Москве основания рассчитывать на эволюцию югославской позиции. Определенные надежды на это порождали и высказанное несогласие остальных лидеров СКЮ со взглядами М. Джиласа, которое доводилось до советского руководства югославской стороной (в частности в беседе Видича с Молотовым 21 января 1954 г.). Особое правдоподобие таким предположениям придавали и выступления И. Броз Тито на партийных форумах первых месяцев 1954 г. с тезисами об «отмирании» партии как долгосрочном, а не моментальном процессе, взятие им под защиту кадровой партийной бюрократии, подчеркивание необходимости увеличения процента рабочих в рядах СКЮ, а также заявление о важности демократического централизма²¹².

По всей вероятности, дополнительными факторами, побуждавшими советскую сторону к более активным действиям, стали все более частые с весны 1954 г. заявления югославского руководства о возможности, при известных обстоятельствах, вступления Югославии в Европейское оборонительное сообщество. Это не могло не волновать Кремль, который предложил создание системы коллективной безопасности в Европе на Берлинской конференции министров иностранных дел в январе 1954 г. Все эти

обстоятельства являлись фоном, на котором происходило развитие советско-югославских отношений и формирование решений советского руководства в первые месяцы 1954 г.

Югославская дипломатия не проявляла особой активности на советском направлении. В числе событий мая 1954 г. заметен лишь протокольный прием маршалом Соколовским военного атташе посольства ФНРЮ в Москве Б. Мамулы. Среди других, достойных упоминания событий, – краткая беседа Видича с послом Польши в Москве во время приема в посольстве Афганистана, когда польский дипломат откровенно заявил, что югославы «проводят сомнительную политику с капиталистическими странами и маневрируют между Востоком и Западом вместо демонстрации солидарности с “лагерем мира”». Поляк подчеркнул, что с Западом желателен «модус вивенди», а с югославами – дружба. В депеше, излагавшей содержание беседы, Видич заметил, что, без сомнения, ценой такой дружбы должно быть возвращение под контроль СССР. Этот вывод он сделал из высказываний, в которых его собеседник «нахваливал Югославию “вообще” и обвинял товарища Тито»²¹³.

После заявления о желании возобновления торговых отношений с Советским Союзом, переданного через представителя на конференции в Женеве в конце апреля, югославское руководство ожидало советского ответа. Определенная пауза в проявлении иной активности с югославской стороны была связана прежде всего со сложными и скрытыми внешнеполитическими маневрами по поводу окончательного урегулирования территориальной проблемы с Италией вокруг Триеста. Ввиду решения этой задачи как главной в тот момент отсутствие ярких событий в отношениях с СССР отвечало пониманию югославским руководством национальных интересов страны, ибо любой всплеск на советском направлении мог бы поднять волну спекуляций по поводу возвращения в «советский блок» и в очередной раз осложнить триестские переговоры. В связи с этим на советском направлении интересам Югославии в целом гораздо более отвечал бы небольшой инцидент, который позволял бы разыграть его в свете переговоров в Лондоне, с тем чтобы лишний раз дезавуировать возможные слухи о возвращении в «советский блок».

Повод для этого представился в самом конце весны, и о нем Видич немедленно сообщил в Белград. 28 мая в телеграмме посол писал о том, как он сам, советники посольства Бабич и Кликовац, военный атташе Б. Мамула и представитель ТАНЮГ Д. Чулич с семьями отправились в Ясную Поляну, и «всю дорогу в самой неприкрытой форме» за ними следовало сопровождение на мотоциклах. Посол жаловался в депеше на то, что «нигде по дороге нам не позволили остановиться для отдыха и питания... не

позволили на шоссе даже выпить воды, заявив, что мы можем сделать это в Ясной Поляне». Однако и там «отношение к нам было столь же хамское. В этот солнечный день они не позволили нам на лугу рядом с деревней съесть даже то, что мы взяли с собой. Все это они объясняли правилами и приказами». «В знак протеста, – сообщил посол, – мы вернулись из Ясной Поляны немедленно, даже не посетив музей. Мы провели в автомобиле 9 часов». Возмущенный до глубины души Видич изложил консолидированное мнение всех служб посольства: «Мы считаем, что следует пойти на как можно более высокий уровень и выразить протест, а в отношении Валькова и остальных поступить аналогично... Применительно к другим главам дипмиссий подобным образом здесь уже давно не поступают»²¹⁴.

Таким образом, к лету 1954 г. в советско-югославских отношениях намечались важные события. Главным являлось то, что инициатива в урегулировании вновь переходила к Советскому Союзу. Причем в верхах советского руководства, где все более прочные позиции занимал Н.С. Хрущев, существовал уже достаточно конкретный и утвержденный Президиумом ЦК КПСС план действий. Был поднят вопрос и о возобновлении торгово-экономического сотрудничества. Такого не достигалось даже во времена «бериевских реформ».

4. От начала «партийной дипломатии» к первым уступкам Кремля (июнь – август 1954 года)

Во второй половине дня 31 мая 1954 г. в кабинет заместителя министра иностранных дел В.А. Зорина, замещавшего улетевшего в Женеву для участия в работе конференции министров иностранных дел ведущих мировых держав В.М. Молотова, вошел посол ФНРЮ Д. Видич, который утром просил о встрече в экстренном порядке. Он заявил, что пришел, дабы вручить «ноту о дискриминационных действиях советских органов в отношении персонала югославского посольства в СССР». Видич не стал зачитывать весь текст протестного документа, а передал его Зорину. Он назвал приводившиеся в ноте факты «неприятной и невозможной практикой», спросив: «Намеренные ли это действия или случайность?» Посол ФНРЮ напомнил, что во время встречи министра Молотова в прошлом году (29 апреля 1953 г. – А.Е.) с его предшественником Джуричем он получил обещание, что «для югославского посольства и его персонала не будет делаться какого-либо исключения по сравнению с другими иностранными представительствами»²¹⁵.

Зорин не стал раздувать инцидент, а лишь вяло возразил, что «заявление посла о преднамеренных действиях и дискриминации» вряд ли правомерно, так как «советские центральные органы не могут дать подобных указаний». На всякий случай он высказал предположение, что «случившееся может быть лишь следствием ошибочного поведения отдельных работников местных властей», заверив, что «заявление» В.М. Молотова «остается в силе и никаких изменений в этом отношении нет». Он обещал рассмотреть вопрос «со всей тщательностью»²¹⁶. Видич удалился. Встреча длилась всего несколько минут.

Демарш югославского посла подозрительно совпал с проходившим 31 мая заседанием Президиума ЦК КПСС, где как раз принималось принципиальное решение по «югославскому вопросу», в подготовку которого с февраля 1954 г. Зорин был включен от МИД СССР. Его до сих пор бросало в дрожь от воспоминаний о критике, которой подвергся представленный им от лица МИД проект письма братским партиям по «югославскому вопросу»²¹⁷. Зорину еще не были известны решения заседания от 31 мая, но он понимал, что попал между двух огней.

О разногласиях между МИД СССР и ЦК КПСС по «югославскому вопросу» Зорину было хорошо известно. Первоначальные материалы, подготовленные МИД по этой проблеме, были критически восприняты «наверху», и Зорину пришлось выдержать

нелегкие «накачки» сначала в аппарате Секретариата ЦК, где требовали смягчения антиюгославской линии, а затем от Молотова, который настаивал на сохранении его собственных оценок. На этот раз министр в Москве отсутствовал. Он был занят в словесных дуэлях на совещании министров иностранных дел в Женеве, и переписка с ним велась по дипломатическим каналам. А тут еще Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев, съездив в марте 1954 г. с визитом в Польшу²¹⁸, вошел во вкус волнующих воображение международных дел и, вероятно, посчитал, что он обязан быть «первым» и в определении внешнеполитических приоритетов, по крайней мере в межпартийных контактах.

Ярко выраженный, до назойливости, интерес Хрущева к международным событиям становился все более заметен. В апреле 1954 г. на сессии Верховного Совета СССР, посвященной обсуждению бюджета, Никита Сергеевич поразил наблюдателей, как показалось, несвоевременной воинственной филиппикой по отношению к США и госсекретарю этой страны. Оскорбление Дж.Ф. Даллеса, которого он фактически назвал «психом», вызвало дипломатический скандал. Списать эти слова на то, что речь предназначалась только для «внутреннего потребления», не удалось. Но за резкими высказываниями скрывался тонкий расчет: Хрущев уловил недовольство руководителей военно-промышленного комплекса, а также офицерского корпуса взятым Маленковым курсом на преобладание производства товаров группы «Б». В результате столь резких оценок Хрущев превращался в глазах правящих группировок из лидера партаппарата в фигуру, интегрирующую интересы и остальных основных сегментов советской элиты, завоевывая популярность и у директоров предприятий тяжелой индустрии, и у высшего офицерского состава Советской Армии²¹⁹.

Никита Сергеевич явно хотел быть первым во всем. В аппаратных интригах внутри страны он явно преуспевал. В апреле 1954 г. ему исполнилось 60 лет. Торжества по случаю очередного дня рождения В.И. Ленина 22 апреля почти совпадали с празднованием юбилея Первого секретаря ЦК КПСС 17 апреля. В то время за ним закрепилась характеристика «выдающегося деятеля КПСС и Советского государства, верного ученика Владимира Ильича Ленина и одного из ближайших соратников Иосифа Виссарионовича Сталина»²²⁰.

Карьерного дипломата В.А. Зорина тяготило это противостояние, которое явно обострилось в последние недели. Требовалось сохранить нормальные отношения с Молотовым, который выступал против новых веяний в контактах с Югославией. Однако ясно было и то, что Хрущев будет продолжать настаивать на нормализации отношений с Белградом, в том числе и межпартий-

ных связей. С учетом диаметрально противоположных взглядов Молотова и Секретариата ЦК на югославские проблемы и непростое развитие советско-югославских отношений, любое обострение – тем более по такому достаточно незначительному поводу, как воскресная поездка в Ясную Поляну югославских дипломатов, – представлялось излишним. К тому же совсем не ясно было и то, какие отчеты по этому поводу получают верные Хрущеву руководители КГБ СССР И.А. Серов и МВД СССР С.Н. Круглов и как Первый секретарь ими распорядится. На всякий случай Зорин ограничился описанием инцидента и не стал включать в запись беседы жалобы на «поведение сопровождения» в отношении сотрудника посольства ФНРЮ Бабича в Киеве, Ярославле и Одессе²²¹.

Через три дня, 4 июня, Зорин вновь принял посла Югославии. От имени МИД СССР Зорин подчеркнул, что «отдельными работниками местных органов милиции были допущены ошибочные нетактичные действия по отношению к Послу и представителям посольства ФНР Югославии во время их поездки в Ясную Поляну 28 мая с.г.», что «противоречило имеющимся на этот счет указаниям центральных советских органов». Зорин выразил сожаление по поводу произошедшего и подтвердил, что «в отношении членов югославского посольства, само собой разумеется, сохраняются все права и привилегии, которыми пользуются члены других дипломатических представительств, аккредитованных в Москве». Видич ответил, что теперь считает «вопрос исчерпанным». Тем не менее советский дипломат не удержался от того, чтобы под конец беседы не «подсыпать соли под хвост» югославу, «мимоходом спросив его, почему секретарь Божич назвал себя послом Чехословакии, обратившись к милиционеру за содействием?» По мнению Зорина, этот вопрос явно смутил Видича, который ответил, что ему это неизвестно и, «во всяком случае, это совсем глупо»²²². Возможно, Зорин и несколько преувеличил свою находчивость, показывая, как он «посадил в лужу» югослава, но обстоятельства обязывали. Запись беседы была направлена не только непосредственному начальнику Зорина Молотову и членам коллегии МИД. На этот раз рассылка была необычной – текст записи беседы направили восьми членам Президиума ЦК КПСС и руководителям силовых органов Круглову (МВД) и Серову (КГБ).

Любопытно, что и югославы в своей дипломатической переписке придали этому инциденту непропорционально большое значение²²³. Узнав о случившемся, в Белграде тут же приказали отказать советской стороне в просьбах по оформлению въездных виз для ряда дипломатов, а также попытались оповестить мировые агентства и зарубежные СМИ о случившемся происше-

ствии и протесте Видича через корреспондента ТАНИУГ в Москве Д. Чулича. Чулич быстро подготовил сообщение уже в 13 часов 45 минут, но оно было задержано советской цензурой на восемь с половиной часов²²⁴. У югославской стороны осталось ощущение, что в исчерпании инцидента принесением извинений Зориным сыграло роль то обстоятельство, что Белград все же воздержался от его передачи в СМИ. В посольстве ФНРЮ в Москве гордились своим поведением в этом мини-кризисе, считая, что оппоненты «почувствовали, как югославы полностью отобилизовали дипломатический корпус в Москве, заставив говорить о случившемся как о главной теме на нескольких приемах»²²⁵.

Ситуация в развитии нормализации складывалась непростая. Как уже отмечалось, с февраля 1954 г. «югославский вопрос» начал курировать Н.С. Хрущев. Впрочем, он еще не был всемогущим и считался с авторитетным и опытным в международных делах мнением главы МИД СССР. 31 мая 1954 г. постановление Президиума ЦК КПСС по Югославии вроде бы приняли, но фактически советские руководители во многом согласились с точкой зрения Молотова. Таким образом, напряженная дискуссия в советских верхах завершилась достижением консенсуса: сохранением прежних оценок (в несколько смягченной форме) в отношении Югославии, к которым привыкли в советском руководстве со времен смерти Сталина при общем согласии интернационализировать процесс нормализации советско-югославских отношений, включив в него и союзные СССР режимы, а также начать диалог с югославским руководством посредством обмена письмами. Данный подход нашел отражение в постановлении Президиума ЦК «Об отношении к Югославии», принятом 2 июня.

В постановлении Президиума ЦК говорилось:

«(1) Утвердить представленный тт. Суловым, Пospelовым и Зориным проект постановления ЦК КПСС об отношении к Югославии с приложением к нему: а) письма центральным комитетам коммунистических и рабочих партий (по специальному списку), б) телеграммы совпослам в Париже и Риме, в) телеграммы Совпослу в Белграде и г) письма Центрального Комитета КПСС Центральному Комитету СКЮ – товарищу Тито, с поправками, принятыми на заседании Президиума ЦК КПСС.

(2) Направить письмо ЦК КПСС центральным комитетам: ПОРП (т. Беруту), Чехословацкой компартии (т. Новотному), ВПТ (т. Ракоши), РРП (т. Апостолу), Болгарской компартии (т. Живкову), СЕПГ (т. Ульбрихту).

(3) Поручить т. Хрущеву передать содержание письма ЦК КПСС центральным комитетам Французской компартии (т. Торезу), Итальянской компартии (т. Тольятти), представителям

этих партий, которые будут присутствовать на съезде компартии Чехословакии в Праге.

(4) Письмо ЦК КПСС Центральному Комитету Албанской Партии Труда (т. Энвер Ходжа), вручить т. Энверу Ходже по его прибытии в Москву.

(5) Для вручения письма ЦК КПСС Центральному Комитету Компартии Китая (т. Мао Цзедуну) направить в Пекин зам. зав. отделом ЦК КПСС т. Смирнова»²²⁶.

Впрочем, 2 июня Президиум обсуждал не только идеологические вопросы и вопросы международной партийной жизни в контексте отношений с Югославией. Советское руководство также вернулось к рассмотрению проблемы возобновления двусторонних торговых связей с этой страной. В ходе обсуждения были утверждены предложения, внесенные совместно Микояном и Кабановым. Они повторяли предложения от 20 мая, за одним исключением – вопроса о югославской задолженности СССР. Прежние формулировки оказались смягчены с желанием не отпугнуть Белград от торгового сотрудничества. Микоян и Кабанов предлагали «югославскую заявку на советские товары удовлетворить полностью» и особо подчеркнули, что «предстоящие торговые переговоры не имеет в виду связывать с вопросом о взаимных расчетах между СССР и Югославией за прошлый период. Этот вопрос целесообразно рассмотреть после заключения с югославами Соглашения о взаимных поставках»²²⁷. В итоговом документе прежнее предложение «Поставить в ходе торговых переговоров вопрос о задолженности Югославии Советскому Союзу и выяснить предложения югославской стороны в отношении погашения этой задолженности» было заменено более мягким: «Заявить представителям югославского правительства, что вопрос о погашении югославской задолженности СССР советская сторона считает целесообразным обсудить позднее, после подписания Соглашения о списках взаимных поставок»²²⁸.

Таким образом, в тексте неброско названного постановления Президиума ЦК КПСС «О списках взаимных поставок» содержались решения большого политического смысла: советская сторона выражала готовность отступить от своей прежней жесткой позиции в отношении югославской задолженности Советскому Союзу, не обуславливая возобновление торговых отношений ее предварительным урегулированием. Этой проблеме отвели отдельный пункт решения, по которому от внешнеторгового ведомства советское руководство ожидало «внесения в ЦК КПСС предложений по вопросу о погашении югославской задолженности Советскому Союзу». Среди прочих мер предполагалось «по возобновлении торговых операций с Югославией возобновить деятельность Торгового Представительства СССР в Белграде»²²⁹.

Особенностью течения нормализации отношений СССР и ФНРЮ в начале лета 1954 г. стало совпадение сразу двух составляющих этой нормализации – поиска общей позиции по идеологическим аспектам с целью восстановления межпартийных контактов и восстановления торговых отношений. К тому же Первый секретарь ЦК КПСС нашел ловкий ход, чтобы заручиться поддержкой лидеров «братских партий» и в то же время не нанести урона собственному престижу в споре с Молотовым. В духе постановления Президиума ЦК КПСС от 31 мая по югославскому вопросу в аппарате ЦК родился проект письма с изложением содержания сего документа. Письмо было направлено 4 июня руководителям «братских компартий»²³⁰. Вскоре после этого, 15 июня, в кулуарах проходящего в Праге очередного съезда КП Чехословакии Н.С. Хрущеву предстояло (в соответствии с решением Президиума ЦК от 2 июня) передать письма М. Торезу и П. Тольятти через присутствовавших на съезде представителей ЦК КП Италии и ЦК КП Франции²³¹.

Однако Никита Сергеевич поступил по-другому: ведя разговор с итальянской делегацией в присутствии немалого числа делегатов КПЧ, он заявил, что переговоры об обновлении отношений с югославами уже ведутся²³². Осталось совершенно непонятным, что имел в виду Первый секретарь, ибо никаких документальных свидетельств об этом не было и нет, как, по всей вероятности, не приступали и к переговорам. Возможно, что сумятицу внесла погрешность в переводе. В таком случае, под «переговорами» следовало понимать обсуждение в советском руководстве самой идеи контактов с Тито. Не исключено, что советский лидер имел в виду и обсуждение вопроса о восстановлении торговых отношений. Однако, скорее всего, Никита Сергеевич выступил с типичной для него импровизацией, в результате которой высказанные им идеи начинали жить собственной жизнью и не оставалось иного выхода, как пытаться предпринять усилия чтобы еще не начавшийся процесс хоть как-то соответствовал произнесенным словам или даже озвученным идеям, авторство которых партийный вожак незаметно приписывал себе. Данная особенность политического поведения Хрущева уже отмечалась западными советологами²³³. После сказанного им в Праге советскому руководству пришлось действительно предпринимать шаги «на югославском направлении». То, что всего лишь год назад с подобной идеей о прямых переговорах с югославскими лидерами выступил одиозный шеф силовых структур Л.П. Берия и это послужило формальной причиной его ареста, укрепившего собственные позиции в стране, Никиту Сергеевичу, по всей вероятности, уже мало волновало.

В Белграде в действительности не знали о подготовке в Москве данных неординарных шагов. По имевшимся у югославской стороны сведениям, в Советском Союзе не происходило изменений в оценках Югославии. На следующий день после получения советских извинений по поводу изложенного выше инцидента с поездкой югославских дипломатов в Ясную Поляну посольство ФНРЮ в Москве передало в Белград сообщение о том, что «на одном хорошо известном предприятии» на вопрос о Югославии лектор ответил, что югославское правительство «перешло на сторону Америки, которой предоставлены базы для нападения на СССР, и что народ “борется” против режима». «Мы и раньше слышали о лекциях в учреждениях и на предприятиях в том же духе», – прокомментировало это сообщение посольство²³⁴.

Югославское руководство относилось к вопросу о дальнейшем развитии советско-югославской нормализации, исходя из собственных представлений, и следовало при этом ранее определенной парадигме нормализации. Последние высказывания чиновников МИД СССР и советских дипломатов (прежде всего посла Валькова в Белграде и представителей торговых делегаций в Женеве) дали материал для предположений о вероятности развития нового этапа нормализации в виде восстановления торговых связей. 12 июня 1-й Отдел ГСИД ФНРЮ запросил у экспертов Правового совета дать оценку статуса Торгового представительства СССР в Белграде, а также возможностей урегулирования его положения в случае возобновления торговых отношений с Советским Союзом²³⁵. Ожидания югославской стороны подтвердились – в скором времени, уже 14 июня, или всего через два дня после запроса мнения юристов, из Москвы последовало предложение об установлении торговых связей, переданное через посла В.А. Валькова К. Поповичу²³⁶.

Несмотря на то что само правительство ФНРЮ через своего представителя обратилось к советской стороне с предложением возобновить торговые связи еще в конце апреля 1954 г., сообщения посольства в Москве о негативных оценках в СССР ситуации в Югославии явились причиной настороженного отношения Белграда к этому официальному предложению. В подготовленном 16 июня 1954 г. специальном аналитическом документе Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ²³⁷ оценки выглядели малодружелюбно: «Неудивительно, что русские пошли на установление торговых (а также и культурных и спортивных) отношений с нами, так как им это приносит многосторонние политические выгоды, несмотря на возникающую проблему первого шага и политического престижа в связи с авторством инициативы. Выдвижение инициативы с их стороны означало бы очередную жертву своим престижем в глазах собственных масс и

среди стран лагеря Коминформа. С другой стороны, отсутствие торговых отношений с нами (а они убедились в том, что мы не будем брать на себя инициативу) наносило им политический ущерб. Они постоянно утверждали, что желают торговать со всеми государствами, но не организовали торговые отношения с нами. Помимо этого, они рассчитывают посредством торговых связей изолировать, скомпрометировать и ослабить положение Югославии в мире».

Если последняя фраза представлялась данью инерции антисоветского мышления последних лет, то следующая стала примером непредвзятого анализа. «Предложение русских об установлении торговых отношений, – отмечалось в документе, – имеет прежде всего политический характер. Они выбрали благоприятный момент для возобновления торговли с нами, при этом инициатива все же выглядит не как советская, а как наша». По мнению югославских экспертов, выдвижением предложения о возобновлении торговых связей советская сторона желала достижения сразу трех целей: «1) Представить в своей пропаганде югославам как инициаторов возобновления торговли и тем самым укрепить имеющиеся мнения о нашем заигрывании с русскими; 2) Сейчас, во время перерастания Балканского пакта в союз, пытается поддержать итальянские и другие интриги вокруг Балканского Союза; 3) Оценив наши затруднения во внешнеторговом балансе, она желает их еще большего осложнения (может быть, постановкой вопроса о выплате нашей задолженности) нашего и без того сложного положения в экономике или, возможно, чтобы мы сами предложили что-либо подходящее с тем, чтоб это могло скомпрометировать Югославию на Западе». Еще одной задачей, к решению которой стремится советское руководство, по мнению югославских экспертов, является возвращение в Белград торгпредства, что «сделает возможным увеличение численности персонала в Югославии, занимающегося изучением нашей внутренней ситуации и агентурной работой»²³⁸.

Общая оценка предложения Москвы от 14 июня была следующей: «Ход русских хорошо продуман. Он имеет прежде всего политический характер и для него выбран удачный момент». Во внешнеполитическом ведомстве ФНРЮ считали «в принципе возможным отклонить русское предложение... У нас нет какого-либо особого интереса к торговле с СССР. Наш хозяйственный и торговый интерес заключается прежде всего в сфере торговли с соседними странами Коминформа, а затем – с Чехией и Польшей». Тем не менее эксперты ГСИД ФНРЮ полагали, что принятие предложения принесло бы Югославии по меньшей мере две политические выгоды: снижение давления и сокращение возможностей для шантажа со стороны Запада, а тем самым привело бы

к расширению возможности для внешнеполитического маневрирования, ускорению становления торговых и экономических отношений с остальными странами лагеря Коминформа, ибо авторы документа считали необходимым идти с этими странами «на более широкие экономические и торговые отношения, что принесет нам экономическую и политическую выгоду»²³⁹.

К числу первоочередных шагов, которые следовало сделать югославам в связи с предложением Москвы, в документе были намечены следующие: «Недвусмысленно заявить русским, что именно они явились инициаторами разрыва торговых отношений с нами и организации экономической блокады». «Подобная четкость, – по мнению авторов, – поможет нейтрализовать те пропагандистские заявления о возобновлении торговых отношений, которые могут повредить Югославии». При этом следовало определить: «Нужно ли оговорить согласие югославской стороны на восстановление торговых связей предварительным решением спорных вопросов, о которых мы уже ранее заявляли русским...» Впрочем авторы данной аналитической записки не шли дальше изложения вариантов возможного ответа, понимая, что решение о принятии советского предложения – прежде всего политическое. «Вопрос заключается именно в политической оценке того, насколько нашим интересам в данный момент (учитывая внешнеполитическое положение Югославии в целом) отвечает немедленное согласие на возобновление торговых связей или же следует оттянуть его, увязав с некоторыми другими вопросами, – отмечалось в записке. – ...На этот вопрос мы должны дать ответ, так как здесь мы идем на непосредственные межгосударственные отношения с русскими, а не на торговлю с отдельными предприятиями»²⁴⁰.

К мероприятиям, которые следовало совершить до принятия высшим югославским руководством политического решения о возобновлении торговли, эксперты ГСИД ФНРЮ отнесли необходимость «хорошо изучить экономическую сторону вопроса», проработать список товаров для экспорта и импорта, ускорить работу комиссии в связи с югославской задолженностью, «уточнив позиции на случай, если русские поставят вопрос выплаты задолженности», определиться со статусом советского торгового представительства в Белграде, которое сохраняет прежний дипломатический статус, а также подготовить хорошего эксперта-экономиста (одновременно и хорошего политика) для направления на работу в посольство в Москве²⁴¹.

По возвращении из Праги Н.С. Хрущев срочно вызвал советского посла в Белграде В.А. Валькова, который прибыл в Москву 20 или 21 июня. Причем его пребывание здесь осталось тайной для югославов, в частности для Д. Видича. 22 июня советский ли-

дер подписал письмо ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ. 25 июня вернувшийся в Белград с этим письмом Вальков нанес визит в Государственный секретариат по иностранным делам ФНРЮ. Советского посла не смутило то, что его не смог принять глава ведомства К. Попович, находившийся на заседании координационного комитета Союзного исполнительного веча. Сославшись «на инструкции своего правительства», Вальков заявил, что «желает быть принятым Президентом Республики и как можно скорее, т.е. в течение нескольких следующих дней». Дипломата не остановило объяснение принявшего его А. Беблера, что «Президент отдыхает на Бриони». Вальков сказал, что «ему это нисколько не мешает, именно там он вручал свои аккредитационные документы». В дополнение просьбы о встрече с Тито Вальков сообщил о согласии советского руководства на репатриацию двадцати трех югославских граждан. Он также напомнил, что в Москве ожидают ответа на предложение восстановить торговые отношения. Психологический контекст взаимоотношений дипломатов верно отразила ремарка принимавшего Валькова А. Беблера, дописанная им в конце отчета о беседе: «Вальков, очевидно, сильно удивлен тем, что я не проявил явной радости (ни мимикой, ни на словах) по поводу его сообщения. Мое поведение привело его в серьезное замешательство и он, не зная в каком тоне вести разговор, его прекратил и быстро вышел»²⁴².

Югославская сторона не спешила с ответом Валькову, и согласие на приезд посла в резиденцию Президента ФНРЮ на острове Бриони было получено лишь через несколько дней. 30 июня Вальков вручил югославскому лидеру подписанное Хрущевым письмо ЦК КПСС. Если факт передачи послания и его содержание сохранялись в секрете, то скрывать сам факт поездки Валькова к Тито смысла не имело. Тем более что уже 30 июня Видич сообщил из Москвы в Белград об интересе, проявленном послом США Ч. Боленом к этой встрече, в особенности к тому, были ли с советской стороны предложения о сотрудничестве между КПСС и СКЮ²⁴³. Югославские СМИ 1 июля сообщили о приеме Тито на Бриони посла Советского Союза Валькова. Когда же 2 июля западные дипломаты в Белграде попытались узнать от куратора советского направления во внешнеполитическом ведомстве Югославии В. Мичуновича что-нибудь о причинах, побудивших советского посла приехать к Тито, черногорец ушел от прямого ответа, но дал понять собеседникам, что Москва вновь, как и в октябре 1953 г., пытается подорвать доверие между Белградом и Западом²⁴⁴.

В подписанном Хрущевым письме «ЦК СКЮ. Товарищу Тито»²⁴⁵, сообщалось, что ЦК КПСС рассмотрел советско-югославские отношения, «дополнительно изучив обстоятельства, кото-

рые привели к разрыву между КПСС и КПЮ и резкому ухудшению отношений» между двумя государствами, пришел к выводу о наличии «известных условий для улучшения отношений между нашими странами, а также для установления контакта между ЦК КПСС и руководством СКЮ»²⁴⁶.

В послании делалась попытка обосновать причины появления письма тем, что «недружелюбные отношения между нашими странами наносят определенный ущерб как интересам Югославии, так и интересам Советского Союза, интересам народов наших стран, которые были связаны узами вековой дружбы и совместной освободительной борьбы». Используя понятие «коренные интересы обеих стран», авторы письма сослались на «очевидность» того, что «не существует никаких серьезных противоречий, которые могли бы быть источником вражды и непримиримых разногласий между нашими государствами и народами».

В тексте использовалась и иная аргументация: «ЦК КПСС исходит... из того, что за последнее время правительствами Советского Союза и Югославии предприняты известные шаги по нормализации отношений между нашими странами». В письме присутствовала и ссылка на «Президента Югославии Тито и других руководящих деятелей СКЮ и правительства ФНРЮ», которые «неоднократно заявляли в своих выступлениях о своем стремлении к улучшению отношений между Югославией и Советским Союзом», что «полностью» отвечает «желаниям и советских руководящих деятелей». «Наличие подобного рода обоюдного стремления, – именно так было написано в тексте с явным желанием сделать упор на взаимной заинтересованности, – ведет к тому, что могут быть улучшены не только дипломатические отношения, но и налажены экономические и культурные связи между нашими странами на основе полного равноправия и взаимных выгод». После этого в достаточно неловкой форме было внесено предложение о восстановлении партийных контактов. Югославских адресатов поставили в известность о том, что в Москве был «заново рассмотрен также и вопрос о взаимоотношениях между нашими партиями».

За довольно путаным вступлением следовал абзац, который можно было рассматривать как своего рода признание вины советской стороны в развязывании конфликта 1948 г. при сохранении взаимной ответственности за разрыв связей и возложении вины на враждебное международное окружение – «мировой империализм». Югославскому руководству дали понять, что в Москве «считают достойным сожаления то обстоятельство, что в свое время с обеих сторон не были использованы все возможности для того, чтобы попытаться достигнуть урегулирования возникших в

1948 году спорных вопросов и разногласий», так как «некоторые факты, послужившие непосредственно поводом к разногласиям между ЦК КПСС и ЦК КПЮ, в настоящее время выглядят в ином свете». В письме приводились конкретные примеры, в частности отмечалось, что «в вопросе о положении советских специалистов в Югославии и о предоставлении в их распоряжение различной информации, как теперь выяснилось, не было основательных причин для спора и обвинений по адресу Югославии». Свое признание несправедливости обвинений авторы документа объясняли некими «новыми фактами», ставшими якобы известными в результате «следствия по делу агента международного империализма Берии», но сами эти «факты» так и остались «за кадром». Ответственность возлагалась не столько на самого Берия, сколько на «его сообщников из органов разведки», которые «без ведома ЦК и правительства СССР в провокационных целях позволяли себе недопустимые факты вербовки отдельных югославских граждан для разведывательной работы». Таким образом, по мнению авторов письма ЦК КПСС, причина конфликта крылась в «провокации ныне разоблаченных врагов», и вина переносилась на «международный империализм», его «агента Берия» и персонифицировалась в «помощниках Берии».

В тексте письма было заложено предложение разделить ответственность за разрыв, так как «руководство компартии Югославии в равной мере не использовало всех возможностей для урегулирования разногласий с ЦК КПСС», ибо «немарксистские заявления и антисоветские выпады Джиласа не получили в свое время должного отпора со стороны руководства ЦК КПЮ». Воспользовавшись тем, что М. Джилас к тому времени уже отсутствовал среди югославского руководства, именно ему отводилась роль «югославского Берии» – своего рода «стрелочника» со стороны Югославии. Авторы послания без всякого стеснения чернили его как «лжемарксиста, человека, чуждого делу коммунизма, который проповедовал ликвидаторские взгляды в отношении партии, немало способствовал ухудшению югославско-советских отношений. Действия югославского руководства в связи с «делом Джиласа» в начале 1954 г. оценивались положительно: «Исключение Джиласа из ЦК СКЮ и осуждение его враждебных марксизму-ленинизму взглядов облегчают возможности улучшения взаимоотношений между ЦК КПСС и ЦК СКЮ».

После этого в письме с одобрением отзывались о руководстве СКЮ: «Руководящие деятели СКЮ заявляли и заявляют о том, что коммунисты Югославии руководствуются учением марксизма-ленинизма, хотят продолжать строительство социализма в своей стране и считают необходимым сохранение и упрочение мира». В заключительных строках этого сумбурного текста авто-

ры еще раз вернулись к будущему взаимоотношений КПСС и СКЮ, а также имеющимся, по их мнению, основам для нормализации: «Никакими обстоятельствами не может быть оправдано состояние разрыва и недружелюбия между двумя партиями, деятельность которых должна строиться, исходя из принципов марксизма-ленинизма и из принципов невмешательства во внутренние дела». Эти строки понадобились не только для того, чтобы выразить согласие с «принципом невмешательства во внутренние дела» другой компартии, но и для заявления о наличии «объективных условий не только для улучшения политических, экономических и культурных отношений между нашими государствами, но и для установления контакта между ЦК Компартии Советского Союза и ЦК Союза коммунистов Югославии». После этого в третий раз использовалась аргументация о наличии «коренных интересов» обеих компартий и стран, хотя признавалось, что процесс нормализации будет постепенным: «Элементы недоверия и предубежденности, накопившиеся за последние годы, не могут исчезнуть сразу. Потребуется некоторое время, терпение, добрая воля с обеих сторон добиться взаимопонимания. Однако общие коренные интересы наших государств, народов наших стран, интересы великого дела мира и социализма должны возобладать над различного рода субъективными моментами и соображениями».

Письмо заканчивалось столь же путанно и нелогично: советская сторона ожидает «мнения ЦК СКЮ по изложенным выше вопросам». При этом творцы документа, словно не веря, что адресаты воспримут всерьез предыдущие строки, этой фразой не ограничились, а сразу же заявили о готовности «заслушать и обсудить соображения ЦК СКЮ по вопросам взаимоотношений наших государств, а также взаимоотношений между КПСС и СКЮ». После этого авторы добавили абзац о желательности и пользе «встречи ответственных представителей ЦК КПСС и ЦК СКЮ для обмена мнениями по изложенным выше вопросам». Столь сенсационное для югославской стороны предложение было усилено фразой о том, что в случае согласия «встреча могла бы состояться в ближайшее время в Москве или в Югославии по Вашему усмотрению»²⁴⁷.

Весь удивительно туманный текст этого послания (а с учетом истории обсуждения проблемы в мае 1954 г. данное коллективное послание не могло быть иным) дает основания полагать, что он не только отражал предложение обсудить принципиальные расхождения и наличие общих подходов у руководителей двух стран, а скорее показывал столкновение амбиций внутри самого советского руководства, являясь свидетельством продолжения процесса советско-югославской нормализации с учетом особен-

ностей внутренней политики СССР и соотношения сил в советской руководящей верхушке. При всей нелогичности построения письма, сумбурности и противоречивости в изложении, оно не было пустым заявлением, хотя и оставляло много возможностей для его различных толкований. Тон письма был достаточно взвешенным: в нем предлагалось разделить ответственность, признав югославские обвинения о вербовке советской разведкой югославских специалистов, однако завязка конфликта объяснялась вредительством Берии. Вместе с тем в письме содержались суровые обвинения не только Джиласа (после таких характеристик он, по нормам коммунистической практики, должен быть расстрелян), но и ЦК СКЮ, которому в весьма назойливой форме предлагалось согласиться с тем, что югославское руководство не дало отпора его «антимарксистским взглядам и антисоветским выпадам». Характерным было то, что в письме отмечалась необходимость встречи представителей двух партий. И в аппарате ЦК КПСС, и самому Хрущеву был очевиден рост влияния Молотова, связанный с его деятельностью на международных форумах первой половины 1954 г. Воспользовавшись частыми отлучками министра иностранных дел, партийные верхи стремились продемонстрировать симметричную активность на другом направлении. В этих действиях просматривалась и неоспоримая логика: прочных отношений между двумя социалистическими странами без нормализации связей между их правящими партиями достичь было невозможно.

Момент для направления письма оказался достаточно выигрышным, свидетельствуя об определенном политическом чутье Хрущева: Тито к этому времени проявляла чрезвычайное недовольство состоянием взаимодействия с Западом²⁴⁸. Негативное отношение югославского руководства к ведущим государствам Запада нарастало на протяжении более чем полугода и осложнялось как их поддержкой итальянской позиции осенью 1953 г., так и сохранением этой поддержки весной 1954 г. на переговорах в Лондоне по разграничению территории вокруг Триеста. В июне 1954 г. в американско-югославских отношениях появилась еще одна трещина. В течение нескольких недель югославская дипломатия настоятельно, но безуспешно требовала у американской стороны воздержаться от проведения встреч лидеров хорватской католической диаспоры в Северной Америке в госдепартаменте и конгрессе США, но в этом югославам, со ссылкой на базовые ценности американской демократии, было отказано.

Реакция Тито на письмо ЦК КПСС, полученное более чем с недельной задержкой, оказалась сдержанной. Он решил выдержать паузу и сразу ответ не давать. Письмо было сохранено в тайне среди ограниченного числа высших руководителей Юго-

славии²⁴⁹. В публичных выступлениях югославский лидер продолжал достаточно критически относиться к состоянию дел внутри Советского Союза: он проводил различия между общественным устройством СССР и ФНРЮ и высказывался, естественно, в пользу созданной при его участии и под его руководством югославской модели развития, настаивая на положительном значении собственной модели движения к социализму и губительности советского образца²⁵⁰.

Таким образом, в Белграде не спешили делать вывод об изменении позиции советской стороны, хотя в постоянных контактах дипломатов проявились новые нотки, призывавшие к достижению договоренности. В июне 1954 г. продолжались контакты по формулированию спорных вопросов в двухсторонних отношениях. В качестве первоочередных проблем, важных для югославской стороны и требовавших приоритетного решения, назывались пропаганда против Белграда югославских политэмигрантов – сторонников Коминформа в СССР и Болгарии, проблема югославских детей в Советском Союзе (по мнению югославов), а также установление авиалинии Москва–Тирана через Белград (по мнению советской стороны).

В то же время сношения между дипломатами шли значительно дальше формального дипломатического протокола или аргументации при отстаивании взглядов руководства своей страны, перерастая в полномасштабный обмен мнениями по самому широкому кругу вопросов, хотя лед недоверия постепенно таял. Встречи между дипломатами проходили и в столицах третьих стран, прежде всего там, где между послами устанавливались доверительные отношения. В частности, этим выделялся «софийский канал», который стал не менее важным для обеих сторон, чем Белград или Москва. Посол СССР в Болгарии Ю. К. Приходов 9 июля 1954 г. в отчете о разговоре со своим югославским коллегой Милковичем оценил слова собеседника о Балканском пакте как «разглагольствование о мирных инициативах Югославии». В то же время после первого письма ЦК КПСС 22 июня, в контактах дипломатов двух стран появились новые ноты, которые выразил тот же Приходов фразой: «При желании договориться, это всегда можно сделать»²⁵¹.

Сохраняя верность принятой еще весной 1953 г. тактике ожидания конкретных мер со стороны Кремля, югославская сторона не спешила делать ответный ход, тем более что эта пауза была заполнена согласием на развитие торговых контактов. 16 июля Вальков посетил Государственный секретариат по иностранным делам и вручил Мичуновичу приглашение для югославской делегации посетить сельскохозяйственную выставку в Москве. Посол напомнил о советской просьбе разрешить направить советского

торгового представителя речного флота в городок Велико Градиште на Дунае. Вслед за этим Вальков получил ответ и на советское предложение о возобновлении торговых связей. Ему было сказано, что «на первых порах они будут делом заинтересованных в них югославских предприятий и Хозяйственной палаты, а не государственных органов»²⁵². Согласие югославской стороны на возобновление торговых связей с СССР, пусть и в половинчатой форме развития деловых контактов между отдельными предприятиями и их объединениями, явилось ощутимым шагом в развитии экономических отношений и новым этапом советско-югославской нормализации в целом, хотя и не было ожидаемым их восстановлением на государственном уровне, как это предполагал Президиум ЦК КПСС, дважды принимая решение по данному вопросу.

19 июля на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ в Белграде И. Броз Тито с почти трехнедельной задержкой оповестил собравшихся о полученном послании от имени «ЦК КПСС – Хрущева», заявив, что поднятые в нем вопросы требуют сохранения самой строгой секретности всего того, о чем будет идти дискуссия на заседании. Тито указал также на необходимость проведения позднее и пленума ЦК. После прочтения письма и уже подготовленного проекта ответа развернулось обсуждение, в ходе которого точка зрения Тито получила поддержку²⁵³.

Обмен мнениями Тито начал с вопроса о возможной реакции западных стран на известие о письме ЦК КПСС. Несмотря на недовольство политикой Запада, югославское руководство беспокоило возможное резкое охлаждение отношений, хотя в выступлении Тито антизападные интонации, звучавшие в его высказываниях в июне²⁵⁴, оказались даже усилены. «На Западе считают, – заметил Тито, – что мы разорвали отношения с СССР и идти нам некуда. Поэтому они думают, что мы у них в руках. (По их мнению. – А.Е.) Триест, Балканский пакт и другие факты якобы ясно говорят, что это так. Они видят в нас коммунистическую страну. Хотят сделать нас сателлитами. Считают, что мы не можем больше быть независимыми. Они оказывают на нас давление, словно мы увязли по горло, и постоянно муссируют идею о грозящей нам опасности со стороны Советского Союза. Они желают держать нас за волосы якобы для того, чтобы вода не попала нам в рот. Через Балканский пакт они хотят привязать нас к Атлантическому пакту и поэтому стремятся отложить его (договор о Балканском союзе. – А.Е.) подписание. Они мешают нам и по вопросу о Триесте. Словом, политика западных стран, и прежде всего американская политика, в отношении нашей страны неискренна и нечестна». Прогноз Тито относительно реакции Запада на дальнейшую советско-югославскую нормализацию звучал оп-

тимистично: «Не следует бояться того, что Запад повернется к нам спиной и превратится во врага. Ему более удобен нейтралитет югославов, чем враждебность».

Остановившись на версии о том, что ЦК КПСС направил письмо для его последующей огласки в целях подпитки недоверия Запада к действиям югославского руководства, Тито указал на бесполезность подобного развития событий. По его мнению, «публикация письма не привела бы к ухудшению отношений с Западом. Несомненно, что наиболее реакционные элементы в мире это бы использовали. Возможно, что это повлияло бы на прекращение помощи, которую, впрочем, и так не будут оказывать долго». Он даже указал на желательность развития событий по такому сценарию, считая, что не следует ставить политические решения в зависимость от предоставления помощи: «Мы не будем никому продаваться»²⁵⁵. Дальнейшие его слова были замешаны на идеализме: «Передовой мир увидит, что мы проводим правильную политику. Поэтому пусть наши переговоры получают огласку (впрочем, не сейчас) с тем, чтобы была видна наша принципиальность. Весь передовой мир это поймет. Америка не протестовала, когда мы нормализовали отношения с СССР. Когда она увидит нашу позицию, то будет стараться нас удержать в случае, если не размышляет о начале агрессии против СССР или если посчитает себя обманутой. Мы и дальше останемся на позиции, осуждающей любую агрессию». «Полученное письмо, – заметил Тито, – крупное дело и требует длительных размышлений». Он призвал к проведению принципиальной политики, принятию решений без оглядки на западную помощь. «Таким образом, мы еще выше поднимем авторитет нашей страны», – подчеркнул он²⁵⁶.

Руководитель ФНРЮ и СКЮ остановился и на мотивации советских действий: «Всякое сомнение в том, что это письмо является каким-то маневром, не оправданно. При помощи подобных писем не маневрируют. Они оказались в тупике со своей политикой. По всей вероятности, они не отрекутся от своих внешнеполитических претензий, но взгляд на коммунистическую партию они должны будут поменять. Это придаст силы партиям в том, что они могут самостоятельно мыслить и свободнее работать»²⁵⁷.

В ходе дальнейшего обсуждения высказывались разные мнения. В частности, говорилось о необходимости «нормализовать международные (вероятно, имелось в виду “межгосударственные”. – А.Е.) отношения и ни в коем случае не признавать, что они (советские руководители. – А.Е.) марксисты и социалисты». Полемизируя с этой точкой зрения, Кардель посчитал необходимым «идти на государственную нормализацию отношений, но не отбрасывать и сотрудничество с Коммунистической партией

СССР, поскольку мы сотрудничаем с разными социалистическими партиями». Кардель также настаивал на том, что «не следует отказываться от критики бюрократической государственно-капиталистической системы». В ответ на это Тито повторил уже известный с августа 1953 г. тезис о «наличии в СССР скрытых социалистических сил». «Этот процесс заметен, и нам следует играть в нем некоторую роль», – подчеркнул он²⁵⁸.

Убедившись в поддержке своих взглядов со стороны ближайших соратников, в заключительном слове Тито указал на необходимость «торговаться с русскими под благовидными предложениями». Выразив озабоченность тем, что советско-югославская нормализация отстает от налаживания отношений Запада с СССР, он особо остановился на текущих внешнеполитических действиях Советского Союза, заметив, что считает «вредным формулировать Балканский пакт как договор против СССР», «это следует учесть и отклонить существующие в некоторых кругах тенденции» придания антисоветского характера данной форме балканского сотрудничества. С Балканским пактом и триестским вопросом лидер Югославии увязал сроки ответа на письмо ЦК КПСС, полагая, что отвечать на него следует, но после того как определится ситуация с этими вопросами. Советскому же руководству он предложил сообщить по дипломатическим каналам, что ответ будет дан после ознакомления с содержанием письма партийного и государственного аппарата.

Особо оговорил Тито и краткосрочные югославские действия на «советском направлении», призвав «уже сейчас принять меры к тому, чтобы в нашей пропаганде не было обидных выпадов». Для этого он посчитал необходимым «осуществлять контроль и конкретно указывать на любую статью, которая была бы политически вредна сейчас во время нормализации отношений». Тито высказался и по поводу содержащегося в письме ЦК КПСС предложения о «контактах» представителей партий, назвав это «необходимым», так как «существует целый ряд вопросов, которые следует решить и по которым следует обменяться мнениями». И тут же лидер СКЮ добавил, что «тем не менее в ответном письме об этом не следует говорить ничего», а нужно сообщить советской стороне это мнение в устной форме²⁵⁹.

Как и было решено на заседании, предварительный ответ на письмо ЦК КПСС дал Кардель через Валькова. Для этого был использован ближайший прием, устроенный Тито 21 июля в честь абиссинского негуса. Кардель отвел советского посла в сторону от беседовавшего с ним главы болгарской миссии Л. Ангелова и председателя Исполнительного веча Сербии Й. Веселинова, заговорщицки попросив «сообщить в Москву, что руководство ЦК СКЮ положительно относится к предложениям, содер-

жащимся в письме ЦК КПСС». Он также просил передать, что руководству ЦК СКЮ потребуется еще две–три недели «для обсуждения письма ЦК КПСС с некоторыми другими руководителями СКЮ»²⁶⁰.

Ответ из Москвы на устное сообщение Карделя 21 июля последовал незамедлительно. Советское руководство попыталось закрепить согласие югославской стороны на переписку. 24 июля Президиум ЦК КПСС принял постановление, согласно которому Вальков получил указание передать через Поповича послание Карделю²⁶¹. Это поручение было выполнено 26 июля – Вальков вручил Поповичу «письмо в закрытом конверте». Советское послание, занимавшее по объему всего половину страницы, как и первое письмо, адресовалось «ЦК СКЮ, товарищу Тито»²⁶². Его текст походил на переписку заговорщиков: «ЦК КПСС с удовлетворением принял сообщение товарища Карделя о том, что руководство ЦК СКЮ положительно относится к предложениям, содержащимся в письме ЦК КПСС от 22 июня 1954 года. Мы убеждены в том, что именно этот путь соответствует жизненным интересам наших народов и коммунистических партий. Мы принимаем к сведению, что югославские товарищи смогут дать ответ на это письмо в ближайшее время».

О том, что в Москве спешили закрепить начало диалога, говорила вторая часть телеграммы, делавшая обе стороны до некоторой степени сообщниками в «триестском вопросе»: «ЦК КПСС известно, какое большое значение для Югославии имеет вопрос о Триесте, урегулирование которого в соответствии со справедливыми интересами Югославии мы также считаем желательным. Если для Югославии имеется возможность урегулировать этот вопрос в ближайшее время, то нам, разумеется, вполне понятно, что этому не должно помешать преждевременное сообщение о наших переговорах». Доверительный тон послания и установление регулярного диалога на высшем уровне имели и другое назначение. С учетом начатой переписки с руководством «братских партий» по югославскому вопросу и обнажившихся разногласий с Молотовым, Хрущеву нужно было иметь возможность представлять избранный им курс в отношении руководства Югославии и СКЮ безупречным и находящим отклик в Белграде. Рассуждения по поводу Триеста имелись возможность представить как согласие Тито, а задержки с ответом и реальным результатом тем, что югославскому руководству требовалось время для переориентации внешних связей ФНРЮ.

Длительная задержка с письменным ответом на послание Хрущева от 22 июня была связана с тем, что Тито (как он и отмечал на заседании Исполкома ЦК СКЮ 19 июля) считал необходимым ответить ЦК КПСС в несколько иных международно-

политических обстоятельствах, которые должны были сложиться после подписания военного протокола Балканского союза 9 августа на Бледи. Факт сохранения и укрепления связей с балканскими союзниками подтверждал бы бесполезность надежд Кремля на возвращение советско-югославских отношений к ситуации до разрыва 1948 г. Кроме того, в случае утечки на Запад текстов писем (или даже всего лишь сведений о начавшейся переписке), можно было бы фактом подписания военного протокола подтвердить, что начало обмена посланиями с ЦК КПСС не оказывает решающего влияния на внешнеполитический курс Югославии. К тому времени югославское руководство убедилось в том, что хотя участие ФНРЮ в Балканском союзе тревожит Советский Союз, но его отрицательные эмоции лишь усиливают югославские позиции, ибо Москва все же готова идти на более тесные связи с Белградом.

Югославская сторона не спешила с ответом на письмо ЦК КПСС, но и не стала затягивать паузу в отношениях с Москвой. Возможность сделать это дало советское предложение о необходимости развития торговли между двумя странами. 3 августа Белград положительно ответил на предложение Москвы, сделанное через Валькова в июне. Советская сторона молниеносно отреагировала на этот шаг. Уже 5 августа министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов представил в ЦК соответствующую записку с предложениями²⁶³, а 7 августа она была рассмотрена высшим советским руководством.

Во вводной части записки Кабанов описал предысторию ответа югославской стороны, данного Валькову 3 августа. Он напомнил, что списки товаров для торговли были составлены на основе югославских предложений, переданных в Женеве в апреле 1954 г.²⁶⁴

Министр также подробно изложил аргументацию югославской стороны, считавшей, что поскольку первая половина 1954 г. прошла, а переговоры о заключении торгового соглашения могут занять длительное время, целесообразно в ближайшее время начать взаимные поставки товаров, а в конце 1954 г. – заключить соглашение. Он сообщил и о приглашении советским представителям приехать в Белград в конце августа – начале сентября для заключения компенсационных сделок и о «возможности поездки югославских представителей в СССР».

В оценке предложения от 3 августа, И.Г. Кабанов был резок: «Югославы уклоняются в настоящее время от межправительственных переговоров по заключению соглашения о взаимных поставках товаров, предпочитая начать торговлю с заключения компенсационных сделок». Вместе с тем министр рационально подошел к оценке ситуации: «Позиция югославов объясняется их

опасениями, что в межправительственных торговых переговорах мы можем поставить вопрос по погашению их задолженности нам, образовавшейся по кредитным и торговым соглашениям 1946–47 гг., а также в результате поставок вооружений для югославской армии». Не вдаваясь в обсуждение проблемы задолженности, Кабанов сослался на консолидированное мнение своего ведомства: «Министерство внешней торговли считает целесообразным принять югославское предложение о заключении отдельных компенсационных сделок и направить в Югославию трех-четыре советских представителей». Общий объем поставок оценивался в документе примерно 10 млн рублей с каждой стороны²⁶⁵.

Проект решения ЦК, подготовленный МВТ СССР, гласил: «1. Поручить МВТ направить трех-четыре представителей. Тов. Кабанову в двухдневный срок представить кандидатуры; 2. Поручить МИД СССР через посла СССР в Белграде поставить в известность югославское правительство о согласии Советского правительства на заключение компенсационных сделок... с тем, чтобы в конце 1954 г. заключить торговое соглашение, а также сообщить, что с советской стороны не имеется возражений на приезд в Москву представителей югославских внешнеторговых организаций для ведения торговых переговоров и заключения сделок». Исполнение этого решения предписывалось М. Сулову, И. Кабанову, А. Вышинскому, Коробову. К участию в подготовке второго вопроса привлекался Н. Шаталин²⁶⁶.

Вместе с тем, на первый взгляд, чисто экономический сюжет содержал в себе подлинную интригу с политической подоплекой. Это было видно по той скорости, с которой МВТ предписывалось представить кандидатуры для поездки в Белград, а еще в большей степени – по списку тех, кто должен был выполнить решение Президиума ЦК. Контроль за этим решением возлагался на М.А. Сулова, что автоматически ставило вопрос о торговых отношениях в контекст начавшейся переписки между Центральными Комитетами партий двух стран.

Наиболее адекватное отражение позиция Тито в рассматриваемый период получила в его беседе с личным представителем президента США Дж. Дэвисом, которая состоялась 8 августа за несколько дней до направления 11 августа ответного письма ЦК СКЮ «ЦК КПСС и товарищу Хрущеву». Последующие исследования покажут точное время подготовки текста ответа (был ли он написан до встречи с Дэвисом, или же сразу после нее), но слова Тито во время беседы²⁶⁷ позволяют предполагать, что «советская тема», размышления о возможной эволюции внешней и внутренней политики СССР являлись главными для югославского лидера в те дни.

Тито обратил внимание Дэвиса на «произошедшие в Советском Союзе серьезные изменения во взглядах, включая изменения в его внешней политике». Заранее оговорив, что он не считает и не может утверждать, что «у них уже меняются и цели... но если меняется политика, постепенно должны меняться и цели», Тито указал на имеющиеся в Советском Союзе «достаточно большие внутренние трудности. После смерти Сталина необходима стабилизация режима, и поэтому советские руководители меняют некоторые формы деятельности», позволяя «странам-сателлитам известную самостоятельность, а также проведение изменений в экономических и других вопросах». «И сам факт того, что Советский Союз первым поднял вопрос нормализации отношений с Югославией, – продолжил Тито, – доказывает, что СССР не считает возможным решение столкновений, подобных конфликту с нашей страной, вооруженным путем, но желает внести некоторое успокоение в этой части континента». По словам Тито, именно с учетом советских усилий югославское руководство согласилось на нормализацию отношений. Президент ФНРЮ несколько подробнее остановился на своей недавней встрече с Вальковым, которая так интересовала американцев. «Поскольку после обмена послами не произошло изменений в отношениях, они сейчас еще сильнее говорят о желании нормализовать наши отношения. Я это говорю только Вам, и это не говорил ни одному иностранцу»²⁶⁸. Намек Тито на последнее советское письмо прозвучал явно, но Дэвис его вряд ли понял.

Рассказав об изменениях внутри СССР и в двусторонних отношениях, Президент ФНРЮ заявил: «Советский Союз сейчас впервые подчеркнул, что будет абсолютно строго придерживаться невмешательства во внутренние дела Югославии. Мы это приняли позитивно, так как действительно хотим нормализации отношений. Нам не все равно, имеем ли мы здесь постоянную угрозу и испорченные отношения, или мало-мальски стабильную ситуацию. Но нормализация отношений ни в коем случае не означает изменения наших принципов во внешней политике, понимаемых как сотрудничество со всеми странами, которые этого желают». В конце беседы югославский лидер отметил: «Мы хотим сохранить полную во всем смысле этого слова (Тито дважды употребил слово «полную». – А.Е.) независимость наших действий во внутренней и внешней политике» и заявил, что никто в руководстве ФНРЮ не ожидает изменений в данном вопросе.

Создается впечатление, что во время встречи с Дэйвисом Тито словно бы еще раз проговаривал темы, занимавшие его перед направлением ответного письма в Москву. Он остановился на признаках изменений в СССР, суммируя то, что уже обсуждал со своим ближайшим окружением 19 июля на заседании Исполкома

ЦК СКЮ. Югославский лидер обратил внимание американского собеседника на наличие «целого ряда других моментов, которые свидетельствуют о том, что действия Советского Союза являются не только маневром в обычном смысле слова – хотя это, разумеется, маневры для достижения цели другим путем, – но это уже изменения, и они будут в дальнейшем вынуждены идти и дальше в этом направлении». Когда в ответ Дэвис упомянул о либеральных деятелях на Западе, веривших в изменения в СССР, Тито согласился со взглядом, что «ликвидация Берии была ударом по сталинской политике». В отношении же столь интересовавшего американского собеседника вопроса о борьбе за власть в СССР югославский лидер указал, что «мы не можем строить прогнозы относительно развития внутренних конфликтов, но... несомненно то, что в Советском Союзе не будет новых внутренних обострений». После этого Тито повторил: он не верит в утверждения о том, что «дело вновь дойдет до нового Сталина»²⁶⁹.

Бледский военный договор, подписанный 9 августа 1954 г. между ФНРЮ, Грецией и Турцией, не нарушил наметившихся ранее тенденций поступательного развития советско-югославских отношений. Советское руководство было настолько заинтересовано в получении ответа на свое письмо от 22 июня и опасалось возникновения любых неожиданных помех этому, что даже оказывало влияние на союзные режимы, пытавшиеся критиковать действия Белграда. Когда в Кремле стало известно об отрицательной реакции албанского руководства на укрепление тройственного союза и, в особенности, на действия Белграда в этом вопросе, из Москвы в Тирану поступила рекомендация прекратить критику – и «подписание Бледского договора произошло как бы незамеченным странами Восточной Европы»²⁷⁰.

Такая линия сохранилась и после подписания Бледского договора. Через несколько дней в аппарате ЦК КПСС не дали хода инициативе МИД СССР опубликовать в органе ЦК КПСС «Правде» статьи за подписью «Обозреватель» под заголовком «Что скрывается за балканским военным союзом» с негативной оценкой этого события. В материале, со ссылкой на зарубежную печать, указывалось, что «балканская военная группировка является продолжением той системы военных союзов, которая была начата Североатлантическим пактом и продолжена турецко-пакистанским соглашением... Новая военная группировка на Балканах не служит ни делу мира вообще, ни делу укрепления мира на Балканах. Будучи опутанными системой военных союзов, которыми командуют из Вашингтона, участники балканского союза способны лишь попасть в еще большую зависимость от тех кругов США, которые рассматривают Балканский пакт как придаток к Северо-атлантическому блоку»²⁷¹. Внесенный в ЦК заме-

стителем В.М. Молотова А.А. Громыко²⁷² проект статьи, подготовленный совместными усилиями аппарата МИД и редакции «Правды», был обсужден с Н.А. Булганиным²⁷³, но она так и не была напечатана.

Несомненно, что на принятие решения об отказе публикации статьи оказало влияние появление в центральном аппарате на Смоленской площади и переданной в ЦК КПСС сразу вслед за материалом, предназначенным для «Правды», информационно-аналитической справки главы IV Восточноевропейского отдела МИД СССР М.В. Зимянина, в которой рассматривалась ситуация вокруг Балканского союза²⁷⁴. В документе подчеркивалось отсутствие антисоветских высказываний югославских лидеров в связи с заключением Бледского соглашения: «За последние дни существенной информации о Балканском союзе в югославской печати не было, заметно стремление югославы не поднимать по этому вопросу большого шума и публиковать, главным образом, отклики зарубежной печати». Автор материала обратил также внимание и на отсутствие негативной реакции на Бледский договор со стороны посольства СССР в Белграде: «Информации по этому вопросу от тов. Валькова после 9 августа с. г. не поступало»²⁷⁵. Это высказывание можно было интерпретировать как то, что в посольстве СССР в ФНРЮ данный договор особой озабоченности не вызвал. Позиции Зимянина и Валькова показывали также, что по «югославскому вопросу» произошел раскол не только по линии ЦК КПСС – руководство МИД, но и внутри самого внешнеполитического ведомства, где окрепли позиции оппонентов жесткой линии Молотова–Громыко.

Итак, предложение МИД СССР о демонстрации недовольства через газету ЦК КПСС «Правда» принято не было. Это явилось первым существенным отступлением от прежнего курса осуждения участия Югославии в Балканском пакте и началом отхода от советского тезиса о данном союзе как составной части агрессивного Североатлантического договора, до этого высказывавшегося во время большинства встреч советских и югославских представителей. Несомненно, что взвешенный аналитический материал Зимянина также способствовал приостановке появления публикации. Но главным было то, что в Центральном Комитете ожидали ответного югославского письма и не желали возникновения повода, который мог бы оттянуть это событие. К тому же согласие югославской стороны на возобновление торговых отношений, хотя и в несколько усеченной форме, давало дополнительные аргументы, чтобы закрыть глаза на Бледский договор и с большим вниманием относиться к заявлениям югославской стороны об отсутствии антисоветской направленности Балканского пакта после марта 1953 г.

Ответ ЦК СКЮ последовал гораздо раньше, чем ожидалось в Москве и даже рассчитывали в самом Белграде, ибо ранее Тито считал необходимым сделать это только после решения «триестского вопроса». Тем не менее письмо Исполкома ЦК СКЮ (обстоятельный документ на четырех страницах, равный по объему первым двум советским посланиям) вручили советскому послу Валькову 11 августа. Адресатом по аналогии с советскими посланиями был назван «ЦК КПСС, товарищу Хрущеву», а текст подписан Исполкомом ЦК СКЮ.

Югославское послание представляло собой блестящий образец уклонения руководства ФНРЮ от большинства поставленных в письме ЦК КПСС от 22 июня вопросов. Его составители мастерски использовали все возможности, предоставленные им аморфностью и неконкретностью первого письма ЦК КПСС и крайне умело акцентировали внимание на нужных им темах. В долгожданном в Москве ответном тексте сообщалось об обсуждении письма ЦК КПСС на расширенном заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ. При этом советское послание от 22 июня было названо письмом «о необходимости нормализовать наши взаимные государственные отношения», а предложение о возобновлении контактов между двумя компартиями демонстративно игнорировалось. Несмотря на это, в целом тон югославского ответа был благоприятным. Югославы выражали «принципиальное согласие с большей частью» содержания письма ЦК КПСС, «в особенности с тем местом, где говорится, что нынешние ненормальные отношения, исполненные постоянной напряженностью, вредны для обеих стран». Начавшаяся с марта 1953 г. нормализация дипломатических отношений фактически называлась ими недостаточной: «Очень медленное до сих пор продвижение к нормализации подтверждает необходимость приложения больших усилий для полного выяснения отношений и усердного стремления к постепенному устранению отрицательных элементов, накопившихся с 1948 г. и продолжающих портить отношения, углубляя тем самым пропасть между двумя странами».

Не обошлось и без своего рода «мании величия». Выразив согласие с советским предложением «устранить элементы, препятствующие нормализации отношений между нашими странами», авторы югославского ответа заметили, что эти элементы «отравляют атмосферу как между народами двух стран, так и оказывают влияние на ухудшение и без того напряженного положения не только в Юго-Восточной Европе, но и во всем мире». Впрочем, эта фраза выдавала не только наметившийся в последние годы у югославского руководства симптом гипертрофированного геополитического и идеологического самовозвеличивания, но и являлась напоминанием о недавнем прошлом, когда югославской

дипломатии удалось интернационализировать конфликт 1948 г., добившись избрания ФНРЮ в число непостоянных членов Совета Безопасности ООН в 1950 г. и заявления Запада с выражением озабоченности давлением на Белград Москвы и его готовности поддержать ФНРЮ в случае агрессии со стороны «советского блока».

Соглашаясь с утверждениями о необходимости восстановления двусторонних контактов, югославы, вместе с тем, условием реализации этого предложения поставили одновременную нормализацию отношений ФНРЮ с остальными странами «советского блока». Прочими сдерживающими факторами, по мнению югославского руководства, являлись недавний конфликт, выход Югославии из советского лагеря и ее налаженные отношения с Западом. Все эти обстоятельства «зашифровывались» в утверждении о том, что «нормализация и улучшение наших отношений должны развиваться в направлении, соответствующем нашей политике международного сотрудничества. Иначе говоря, мы должны предотвратить ухудшение международного положения нашей страны, а также новые внутренние трудности политического либо экономического характера».

При сравнении текстов советского письма от 22 июня и югославского ответа на него от 11 августа обращает на себя внимание избирательность, которую продемонстрировало югославское руководство, выделяя из путанного хрущевского послания именно те места, которые его устраивали. Приняв советскую игру в идеологическую фразеологию, югославская сторона решила не уступать своим адресатам. Ее, по всей видимости, не смущало высокопарное словоблудие и применение формулировок, никак не соответствовавших смыслу и характеру происходившей переписки. Впрочем, главное Белградом упущено не было и даже акцентировалось. В советском письме, – сообщал Исполком ЦК СКЮ, – «мы с удовлетворением прочли слова о необходимости соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Вызывая положительный отклик среди наших народов, они непременно будут содействовать правильному развитию наших отношений». При всем естественном для политиков цинизме во фразе «о положительном отклике среди наших народов» содержался явный перебор, так как она никак не совмещалась с тайным характером начатой переписки²⁷⁶. Впрочем, эта фраза точно была в цель, ибо могла вызвать у советской стороны некоторые иллюзии по поводу того, что переписка станет широко известна в Югославии.

В Белграде не намеревались заниматься резким пересмотром собственных внешнеполитических и внутривнутриполитических подходов, выработанных в конце 40-х – начале 50-х годов. Авторы по-

слания ясно давали понять, что советские заявления об общности «жизненных интересов» не дают оснований для отождествления позиций двух партий и стран, а СССР рассматривают в Белграде только как одного из многих партнеров: «Мы отстаиваем и будем отстаивать социалистический характер нашей страны как в нашей внутренней жизни, так и в нашей внешней политике, прежде всего в вопросах борьбы против опасности войны и за сохранение мира во всем мире, в деле защиты нашей независимости и в готовности сотрудничать с теми странами, которые соблюдают принцип равноправия». Исполком ЦК СКЮ указывал, что именно из такого понимания международных отношений происходит его «уверенность в том, что сотрудничество между странами с различным общественным строем и их совместное существование не только возможны, но и необходимы. Другого выхода мы не видим, поскольку хотим предотвратить величайшую катастрофу в истории человечества». Употребив обтекаемую, но все же весомую фразу, авторы послания в следующем абзаце выразились уже конкретнее: «Было бы нереально предполагать полное единодушие в понимании и решении всех международных вопросов и подчинить ему течение нормализации и улучшение наших отношений, точно так же как и обуславливать эти отношения нашими внутренними вопросами, их развитием и способами решения. Это будет только препятствовать нашему сотрудничеству по всем значимым для обеих сторон экономическим, культурным и другим вопросам».

В переводе с коммунистического «новояза» это означало, что югославское руководство не желает полного совпадения подходов по всем проблемам внешней и внутренней политики, а предпочитает сотрудничество в экономике и культуре, не исключая и иных областей, скрытых за словами «и другим вопросам». Данное словосочетание – «и другим вопросам», – показывало, что в Белграде заранее жестко не ограничивают пределы возможного сближения. При некоторой фантазии ее можно было толковать и как готовность к партийным контактам в будущем.

В ответе Исполкома ЦК СКЮ особо оговаривались причины конфликта 1948 г. и проявилось стремление Белграда навязать Москве свое понимание теоретических корней столкновения. Югославы отказывались от предложенного Хрущевым своего рода «нулевого варианта» – возложения всей вины на Берию и Джиласа. Раздел ответственности показался Тито и его соратникам неприемлемым: «В этом письме мы не желаем обсуждать данный вопрос. Исходя из того, что нынешнее состояние отношений наносит вред обеим сторонам, мы считаем, что он не является существенным для нормализации и улучшения отношений между нашими странами». После этого реверанса авторы письма

все же посчитали себя вправе ответить без обиняков на предложение о назначении персональных виновных за 1948 г. В Белграде сформулировали свое понимание сути случившегося, указав, что причиной разрыва «мы не считаем отдельную личность, скажем, Джиласа, несмотря на его непостоянство и впадение в крайности. Именно из-за таких качеств Джилас никогда не играл в нашем руководстве решающую роль». Объясняя причины разрыва, авторы ответа 11 августа сослались на решения V и VI съездов Компартии Югославии. Относительно влияния Берии на разрыв в Белграде лишь заметили, что «вам, несомненно, более известна его роль в этом деле, а у нас нет никаких оснований сомневаться насчет ваших объяснений».

Вслед за этим было выражено отношение к предложению о межпартийных контактах. В югославском ответе не было сакрального отношения к КПСС как ведущей силе мирового прогресса. Она попросту приравнивалась ко всем прочим социалистическим движениям и партиям, выступавшим в пользу мира и взаимопонимания между народами. Руководство Югославии было «принципиально не против контакта между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, так как СКЮ никак не отвергает сотрудничество с теми организациями и движениями, которые хотят бороться за мир и взаимодействие между народами, а тем более он не отвергает сотрудничество с социалистическими движениями и партиями». Именно в такой форме звучал ответ на призыв ЦК КПСС к возобновлению контактов. Тем не менее, с учетом выраженного осенью 1952 г. взгляда на Советский Союз как на новую империалистическую державу, данное высказывание представляло собой, несомненно, значительную подвижку в отношении к советскому режиму, но все же далеко не то, чего добивался Хрущев.

В Белграде не желали встречи партийных представителей (хотя и не утверждали, что она невозможна), поставив подобную встречу в зависимость от нормализации межгосударственных связей: «Предлагаемая встреча... преждевременна до тех пор, пока не будут достигнуты некоторые успехи в нормализации отношений по государственной линии». По мнению авторов ответа, подобная встреча «не смогла бы устранить все то, что наносит материальный ущерб и политический вред обеим странам». Письмо заканчивалось фразой, говорившей о том, что иного пути, кроме высказанного в ответном послании, югославская сторона не приемлет: «Мы убеждены, что именно такой подход к устранению элементов, отравляющих наши отношения, окажется самым полезным для обеих стран»²⁷⁷.

Можно согласиться с более поздними комментариями Тито, где тот пояснил членам ЦК в ноябре 1954 г., что «ответ составлялся так, чтобы в случае необходимости его можно было опублико-

вать». В Белграде принимали во внимание возможность утечки на Запад содержания своего ответа или же использования его в советской внешнеполитической пропаганде. Текст от 11 августа в таком случае являл бы собой образец твердости югославского руководства, не оставляя никаких иллюзий относительно того, что ФНРЮ возвращается в «коммунистический лагерь». По всей вероятности, Тито учитывал внутривластную ситуацию последних лет разрыва с Москвой, когда и пропагандистская работа КПЮ, и деятельность органов госбезопасности ФНРЮ против сторонников линии Информбюро делали невозможным резкий поворот от прежних оценок. Это подорвало бы доверие и элиты, и народа к Тито и его окружению, пошатнуло укоренившийся в стране авторитарный режим. И наоборот, непреклонный тон письма можно было использовать также и в целях легитимизации сложившегося в Югославии лидерства Тито и поддерживающих его сил внутри страны.

Укреплению внешнеполитических позиций правящего режима были посвящены и разъяснения фактов встреч Тито с советским послом, дававшиеся югославами западным дипломатам. Белград стремился не оставлять без аргументированного комментария любое событие в советско-югославских контактах, с тем чтобы на Западе не развивались подозрения относительно готовности Югославии к возвращению в «советский лагерь». Уже 12–13 августа 1954 г. руководство Госсекретариата по иностранным делам Югославии информировало послов Великобритании и США о состоявшейся 11 августа встрече Валькова с Тито. Сделано это было в осторожной манере, напомилавшей аккуратный шантаж Западом имеющимся желанием Востока вернуть Югославию в свой лагерь. Факт встречи, естественно, был преподнесен не как передача ответного письма Исполкома ЦК СКЮ ЦК КПСС, а как получение неких советских предложений, содержание которых связывалось с дальнейшей советско-югославской нормализацией²⁷⁸.

Долгожданное письмо от 11 августа повлияло на отношение советских руководителей к югославским дипломатам. Это проявилось уже 17 августа на приеме в посольстве Индонезии в Москве в отношении секретаря посольства ФНРЮ Божича. Его отчет Видич переслал в Белград. Уходя с приема и пожимая руки хозяевам и главам ведущих дипломатических стран Запада, Булганин дошел и до того места, где стоял Божич. Последний красочно описал последовавшую сцену: «“Кто вы?” – спросил он меня. Я сказал: “Югослав”. Он ответил: “Вот молодец”». Затем Булганин стиснул руку Божича обеими руками и сказал: «Мы урегулируем наши отношения». Потом нагнул и добавил на ухо: «По-нашему». «Все это время он держал меня за руку, – со-

общил Божич, – и уходя, вновь нагнулся ко мне и произнес: “Ты скоро узнаешь”. После этого отошел на два-три шага, прощаясь с другими и искал меня взглядом. Затем вновь подошел ко мне и протянул руку»²⁷⁹.

Расчет на прорыв в советско-югославских отношениях посредством весьма нетрадиционных для международной дипломатии средств в виде обмена посланиями между руководящими органами правящих партий обоих государств под предлогом общности целей и коренных интересов не был провальным, но его нельзя назвать и слишком успешным. Советские лидеры начали, наконец, диалог на самом высоком уровне, и югославы его не отвергли. Был получен ответ Исполкома ЦК СКЮ от 11 августа на письмо ЦК КПСС от 22 июня. Можно было рассчитывать на продолжение переписки и восстановление связей на уровне правящих партий, тем более что обмен посланиями руководящих лиц летом 1954 г. происходил на общем благоприятном фоне дальнейшего потепления дипломатических контактов. В Москве готовились к поездке советской торговой делегации в Белград для ведения переговоров о возобновлении экономических контактов – на этом направлении тоже наметился прорыв. В то же время твердая позиция югославской стороны, настаивавшей на постепенной нормализации через развитие традиционных форм межгосударственных связей, показала всю тщетность надежд на резкие перемены и заставила советское руководство согласиться с югославским подходом. Стало ясно, что возвращение к уровню отношений, существовавшему до 1948 г., тем более возвращение быстрое, – абсолютно невозможно.

¹ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 2/412769: Izveštaj Dragoja Đurića o poseti Načelniku Balkanskog odeljenja MID SSSR-a Zimjaninu na dan 13 avgusta 1953 g.

² Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Документы. Т. 2: 1949–1953. М., 2002. С. 804–806. Док. 307. Из дневника посла СССР в Югославии В.А. Валькова. Запись о приеме, устроенном И. Тито для глав дипломатических миссий. 15 августа 1953 г.

³ Тем не менее и после этого значительная часть информации о Югославии (переводы опубликованных в газетах выступлений югославских лидеров и обзоры прессы) продолжала поступать в ТАСС из Вены.

⁴ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 84. D. 10/412827. Izveštaj za avgust 1953 g. Ambasada FNRJ u Moskvi (Djurić)–DSIP-u (I Odeljenju). Str. pov. br. 43. 12 septembra 1953. Более подробно см. также: Ibid. D. 9/412826. Ambasada FNRJ u Moskvi (F. Babić): O odnosu gradjana SSSR-a prema SFRJ. 12.IX.1953.

⁵ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Podgorica, 1999. S. 179–181. Dok. 49. Zabeleška o razgovoru V. Mićunovića sa sovjetskim ambasadorom g.Valjkovim 2.IX.1953.

⁶ Ibid.

⁷ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 814–815. Док. 311: Из дневника В.А. Валькова. Запись беседы с заместителем государственного сек-

ретаря по иностранным делам В. Мичуновичем о советско-югославских отношениях. 7 сентября 1953 г.

⁸ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 115–116: Радио Югославии, 8 сентября 1953 г. Сербский язык. «Антисоветская пропаганда титовского радио».

⁹ Факт задержки до столь позднего времени опровергает утверждения А. Милатовича, отмечавшего довольно натянутую атмосферу во время этого приема См.: *Milatović A. Pet diplomatskih misija. Rim–Sofija–Tirana. Ljubljana; Zagreb, 1985. S. 137–138.*

¹⁰ AMZV. F. TD. 1953. Kt. 6. Č. 10646/53; Bělehrad. 24.IX. 1953. Holub 488.

¹¹ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 194–195. Dok. 60: Zabeleška o razgovoru druga Milentija Popovića sa sovjetskim ambasadorom Valjkovim 24 oktobra 1953 g.

¹² 13 сентября Тито выступил в Сплите на праздновании десятилетия создания VIII Далматинского корпуса. В прессе высказывания о взаимоотношениях с восточноевропейскими странами были помещены как отдельная часть его выступления, озаглавленная с использованием цитаты из речи: «В строительстве социализма мы смело продолжаем следовать нашим путем» (Борба. 1953. 14.IX. С. 4).

¹⁴ AMZV. F. TD. 1953. Kt. 6. Č. 10596/53; Bělehrad. 23.IX. 1953. Holub 487.

¹⁴ Попович осудил и намерения всех великих держав, назвав их стремление «проводить политику, которая развязывает им руки и дает возможность самим принимать решения...одной из опасных тенденций для международного мира». См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 172–174: Речь Кочи Поповича в ООН. «Радио Югославии». 24 сентября.

¹⁵ Имеется в виду Социалистический союз трудового народа Югославии.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 167–168. 25 сентября 1953. ТАСС. Секретно; Л. 48-о; Вена, 23 сентября: Предвыборное обращение Союзного комитета «Социалистического союза трудового народа Югославии». Обзор югославской прессы за 21 сентября.

¹⁷ Там же. Л. 201: Радио Югославии. 30 сентября 1953 г.

¹⁸ Там же. Л. 141.

¹⁹ Там же. Л. 157.

²⁰ Комментарий «Трудности Китая» появился в газете «Борба» 23 сентября 1953 г. В нем упоминалось заявление члена делегации китайского правительства на переговорах с СССР Ли Фучуна. См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 141.

²¹ PRO. FO 371/107829. Sept. 24, 1953. British Embassy to London.

²² A–ÚV–KSČ. F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11. L. 5: PB UV KSČ. K bodu: «Zpráva o posledním vývoji vztahů mezi ČSR a Jugoslavií a opatření z toho vyplývající». Podava: s. David. 28 července 1954.

²³ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 190–193. Dok. 58: Kratak pregled aktivnosti od mog dolaska. Ambasada FNRJ u Moskvi (D. Vidić) – DSIP-u FNRJ (I odeljenju). Br. 586. 13.X. 1953.

²⁴ Ibid. S. 192.

²⁵ Ibid. S. 193.

²⁶ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 3, 21, 63.

²⁷ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 184. D. 10/412827: Izveštaj za avgust 1953 g. Ambasada FNRJ u Moskvi (Djurić)–DSIP-u (I Odeljenju). Str. pov. br. 43, 12 septembra 1953.

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. П. 30. Д. 470. Л. 28–31. 3 октября 1953 г. А.А. Громыко представил В.М. Молотову проект постановления Президиума ЦК КПСС «Вопрос о Свободной Территории Триест», включавший проект телеграммы А.Я. Вышинскому и пояснительную записку, адресованную Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву.

²⁹ Там же. Л. 30. В МИД считали, что демонстрация нарушений со стороны США и Англии «укрепит нашу позицию на будущее в вопросе об австрийском договоре», так как вопрос о нем «нами связывается с выполнением тремя державами своих обязательств по мирному договору с Италией в отношении Триеста» (Там же).

³⁰ Там же. Л. 29. В материалах МИД СССР констатировалось, что США, Англия и Франция «ведут закулисные переговоры с Италией и Югославией относительно раздела СГТ между Италией и Югославией». Указывалось, что «Правительство Италии, вынужденное считаться с изменением позиции США, Англии и Франции, в последнее время выдвинуло предложение о проведении плебисцита на Свободной Территории Триест, рассчитывая при этом, что большинство населения территории выскажется за присоединение к Италии. Что касается правительства Югославии, то его позиция была заявлена в выступлении Тито в сентябре 1953 года об интернационализации порта и города Триест и о передаче Югославии территории, прилегающей к Триесту. Это предложение встретило отрицательное отношение со стороны Италии» (Там же).

³¹ Там же. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 292. Л. 101. В МИД СССР полагали, что Белград рассчитывал на непредвзятое посредничество Вашингтона в разрешении кризиса. 3 сентября 1953 г. во время встречи посла Югославии в Вашингтоне В. Поповича с госсекретарем США Дж. Даллесом речь шла о ряде вопросов, интересовавших обе стороны, в том числе о последних провокациях на югославских границах. Стороны заявили о взаимном удовлетворении окончанием военных переговоров между Югославией и США, которые были названы «успешными». В ходе беседы В. Попович поднял также вопрос о возможности дополнительных поставок Югославии из США 430 тыс. тонн пшеницы.

³² Эксперт Комитета информации МИД СССР, анализируя статью корреспондента «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергера из Парижа о внешней политике Вашингтона, с данным ей в ТАСС характерным заголовком: «Предстоящий створ западных держав с Тито», выделил строки о том, что «Югославия... склонна быть осторожной... может разработать некоторые региональные планы, рассчитывая на поддержку в деле обороны со стороны всего Атлантического союза». Автор считал, что «Белград желает ускорения поставок материалов из Вашингтона и, если это возможно, какого-то публичного обязательства о поддержке Югославии в случае, если она подвергнется агрессии». В статье указывалось, что «Рим не протестовал против проектируемых переговоров, но ясно заявил, что они ему не нравятся». См.: Там же. Л. 181–182.

³³ Там же. Д. 293. Л. 87.

³⁴ Антисоветские выпады продолжали иметь место. 6 сентября они были отмечены в газете «Борба» в интервью с М. Маринком, часть которого была озаглавлена «Рука Москвы после капитуляции Италии». См.: Борба. 1953. 6. IX. С. 3.

³⁵ Ее автор выступил с резкой рецензией на книгу «Балканский полуостров и Адриатика», подготовленную на основе лекций, прочитанных в авиационной школе во Флоренции генералом Гвидо Бозелли. См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 293. Л. 95.

³⁶ Там же. Л. 174–179. Однако присутствие на маневрах глав военных миссий стран НАТО в Югославии, давших высокую оценку маневрам (Там же. Л. 178), не могло обрадовать советских экспертов.

³⁷ Там же. Л. 206–207.

³⁸ Живописные картины событий давал глава миссии ЧСР М. Голуб, полагавший, что демонстрации, носившие стихийный характер, с 12 октября были взяты югославскими властями под контроль и направлены против Италии. См.: AMZV. F. TD. 1953. Kг. 6. Č. 11442/53; Vělehrad. 13.X. 1953. Holub 520.

³⁹ В историографии поведение Советского Союза в ходе «триестского кризиса» было названо «противоречивым». См.: *Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikimi silama. 1949–1955. Zagreb, 1988. S. 520–521.*

⁴⁰ Демонстрации прошли перед посольствами Великобритании, США и Италии. В здания летели камни, и каждое разбитое стекло в толпе встречали бурными аплодисментами. Милиция вмешалась значительно позднее. Посольство Чехословакии в Белграде отмечало, что «англо-американцы опять были названы империалистами». См.: *AMZV. F. TD. 1953. Kr. 6. Č. 11282/53. Bělehrad. 9. X. 1953. Holub 510.*

⁴¹ «Оног момента када италијански војник ступи у зону А – и ми ћемо тамо ући». См.: *Борба. 1953. 12. X. С. 1–2.*

⁴² Дипломаты стран «советского блока» выделили как слова Тито о готовности защищать часть территории всеми средствами, которые допускает Устав ООН, так и его утверждения о том, что позиция Югославии не может быть обусловлена помощью, получаемой с Запада. См.: *AMZV. F. TD. 1953. Kr. 6. Č. 11386/53; Bělehrad. 12.X. 1953. Holub 516.*

⁴³ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 73. Д. 610. Л. 3: Запись беседы заместителя заведующего IV Европейским отделом МИД СССР Л. Баранова с послом Югославии Д. Видичем 18 октября 1953 г. Она была разослана членам Президиума ЦК КПСС.

⁴⁴ *AS. F. 1277. 1953. Šk. 33. Št. 46. Zabeleška o protokolanoj poseti g. Valjkova, ambasadora SSSR u Beogradu drugu E. Kardelju, potpredsedniku SIV dne 13. oktobra 1953 g.*

⁴⁵ 18 октября «Борба» на первой полосе поместила интервью Тито лондонской газете «Обсервер»: «Мы твердо считаем вступление итальянских войск в зону “А” как агрессию против Югославии». 24 октября «Борба» также на первой полосе под заголовком «Претензии Италии не только на зону “А”, но и на зону “Б” и всю Истрию представляют опасность стабильности мира на Балканах» опубликовала ответы Тито на вопросы агентства Франс Пресс. На следующий день, 25 октября, «Борба» на первой и второй полосах опубликовала начало статьи Карделя «Триест и югославско-итальянские отношения», содержащее три раздела («О чем идет речь»; «Триестский вопрос в свете процессов освобождения и объединения югославских народов»; «Цели современного итальянского империализма»), и 26 октября на второй и третьей полосах ее окончание в четырех частях («Триест, великие державы и Югославия»; «Политика шантажа – политика подрыва европейской безопасности»; «Перспективы югославско-итальянских отношений»; «Что теперь?»).

⁴⁶ 17 октября 1953 г. «Борба» опубликовала «Выступление М. Джиласа на встрече с избирателями в Пожаревце». Редакция разбила текст на четыре части: «На Западе постоянно идут на уступки итальянскому империализму»; «Мы не изменим словам товарища Тито»; «Наши опыты с уступками империализму обходятся слишком дорого», а также «Тевфик Рушди Арас о триестском вопросе, о сотрудничестве и дружбе между балканскими народами». В этом разделе сообщалось, что турецкий лидер «выразил удивление» по поводу заявлений премьера и парламента Италии, идущих вразрез с решениями Запада от 8 октября. 18 октября «Борба» поместила статью Джиласа «Югославия», а на четвертой полосе материал, озаглавленный «Смерть фашизму – свобода Триесту», перифразируя лозунг коммунистов времен Второй мировой войны «Смерть фашизму – свобода народам!»

⁴⁷ Подробно они описаны в телеграммах из Белграда посла Чехословакии. См.: *AMZV. F. TD. 1953. Kr. 6. Č. 11282/53; Bělehrad. 9.X. 1953. Holub 510; Č. 11288/53; Bělehrad. 10.X. 1953. Holub 511; Č. 11290/53; Bělehrad. 9.X. 1953. Holub 513; Č. 11386/53; Bělehrad. 12.X. 1953. Holub 516).*

⁴⁸ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 181. Dok. 49: Zabeleška o razgovoru V. Mičunovića sa sovjetskim ambasadorom g. Valjkovim 2.IX. 1953 g.

⁴⁹ 24 ноября стало известно, что за М. Джиласа в Титоградском избирательном округе проголосовали 99,9% из 89,6% избирателей, пришедших на участки для голосования. В Сараевском избирательном округе за Влайко Беговича отдано 99% голосов. В целом за кандидатов, выставленных в ходе кампании, голосовало 95,7% населения. Из общего числа в 10 527 644 зарегистрированных избирателей голосовали 9 422 297 или 89% (в Сербии – 89%, Словении – 90,7, Боснии и Герцеговине – 89,8, Македонии – 87,8, Черногории – 91,5%). См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 129. Д. 294. Л. 76.

⁵⁰ Там же. Л. 86. Данное заявление было сделано 22 ноября. Через несколько дней (27 ноября) М. Пияде сделал акцент на том, что результаты выборов являются свидетельством очередной победы социализма. Он также подчеркнул, что это внушает президенту Тито уверенность в народной поддержке в споре с Италией. См.: Там же. Л. 88.

⁵¹ См.: *Dedijer V. Novi prilozii za biografiju Josipa Broz Tita*. Beograd. 1984. T. 3. S. 549.

⁵² Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 194. Dok. 59: I odeljenje (Cicmil) – svim predstavništvima FNRJ. 21 oktobar 1953.

⁵³ Ibid. S. 201–205. Dok. 68: Načelnik I odeljenja (M. Milatović) – Ambasadi FNRJ u Moskvi. 6 Novembar 1953.

⁵⁴ Ibid. S. 202.

⁵⁵ Ibid. S. 203–204.

⁵⁶ См.: Ibid. S. 204–205. По мнению Милатовича, значительный массив этих сведений был получен в результате чтения газеты «Радянска правда».

⁵⁷ Речь Джиласа была опубликована в «Борбе» на первой и четвертой полосах. Подзаголовок «Вера югославов в возможность равноправного сотрудничества с западными державами пошатнулась» был набран несколько крупнее остальных. Публикация была отмечена дипломатами стран «советского блока». См.: A–ÚV–KŠČ (Praha). F. 02/2 Sv. 9 Ar. j. 11; bod 10. K bodu: «Zprava o poslednim vyvoji».

⁵⁸ Борба. 1953. 26.X.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Yugoslavia Political Diaries 1918–1965. Vol. 4: 1949–1965 / Ed. R.L. Jarman (Archive Editions). 1997. P. 491. N 52: From Belgrade (Sir I. Mallet) to Foreign Office. October 9, 1953.

⁶¹ Чешский исследователь Я. Пеликан ссылается на запись разговора Мицуневича с Вальковым 3 ноября 1953 г. См.: *Pelikan J. Jugoslavija i Istočni blok. 1953. godine // Balkan posle drugog svetskog rata*. Beograd, 1996. S. 114.

⁶² Высокий уровень гостей в историографии принято объяснять стремлением югославской стороны продемонстрировать удовлетворение тем, что «Москва незаметно снизила статус политического партнера антититовским организациям в Восточной Европе», хотя они не были распущены, а их члены продолжали публиковать (не столь много, как прежде) антититовские материалы в СМИ. Советские деятели перестали вести с ними консультации по вопросам политики в отношении Югославии. Автор данной версии Я. Пеликан выдвинул ее после изучения недатированного материала внешнеполитического ведомства Югославии, отнесенного им к началу 1954 г., не обнаружив там никаких следов плана Госсекретариата по иностранным делам, который следовало разработать согласно решению совещания от 20 октября и, по всей вероятности, не зная о нем. См.: Ibid. Однако представляется, что в появлении Карделя в советском посольстве следует видеть свидетельство выполнения указаний Тито и решений упомянутого совещания.

⁶³ В особенности это было характерно для выступлений государственного секретаря по делам национальной обороны ФНРЮ И. Гошняка. См.: АВП РФ. Ф. 5595. Оп. 1. П. 129. Д. 294. Л. 19.

⁶⁴ AJ. F. 507.IX. 119/II-36: Isaac Deutscher, Rusija posle Staljina (Kratak sadržaj). Beograd. 28.XI. 1953 godine. S. 171.

⁶⁵ Ibid. S. 174.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Видич сообщал об этом в телеграмме от 16 ноября и «Докладе» в конце ноября 1953 г. См.: *Pelikan J.* Op. cit. S. 114.

⁶⁸ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 215–219. Dok. 81: Opšti politički izveštaj (Vidić). Pov. br. 627. I.XII. 1953.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 73. Д. 609. Л. 3–5. Из дневника М.В. Зимянина. Запись беседы с послом Югославии в СССР Д. Видичем 10 ноября 1953 г.

⁷⁰ Там же. Л. 3.

⁷¹ Там же. Л. 4. Зимянин дословно привел утверждения Видича, который считал, что при оценке Балканского пакта необходимо иметь в виду следующие три важных момента. «Во-первых, Югославия заключила Балканский пакт задолго до заявления Маленкова. Во-вторых, вступление Югославии в Балканский блок было вызвано существовавшей тогда политической обстановкой; другого выхода у нас не было. В-третьих, и я это особо подчеркиваю, – сказал Видич, – до тех пор, пока Югославия находится в этом блоке, Балканский пакт никогда не сможет быть использован в агрессивных целях против СССР и стран народной демократии».

⁷² Там же. Л. 5.

⁷³ Там же. Л. 7: В. Молотов – в Президиум ЦК КПСС тов. Маленкову Г.М., тов. Хрущеву Н.С. 11 ноября 1953 г.

⁷⁴ DASIP. F. PA. 1953. Fasc. 86. D. 2/416100: Ambasada FNRJ u Moskvi. Br. 37. Zabeleška druga Dobrivoja Vidića; Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 210; Dok. 74: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 604. 10.XI. 1953.

⁷⁵ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 213–214. Dok. 79: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 620. 26.XI. 1953.

⁷⁶ Данная беседа глав чехословацкого и советского дипломатических представительств в Белграде была включена в справочный материал к заседанию Политбюро ЦК КПЧ в июле 1954 г. См.: A-ÚV-KSČ. F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11. L. 5: PB SK KPČ. K bodu: «Zprava o poslednim vyvoji vztahu mezi ČSR a Jugoslavii...» Podava: s. David. 28 července 1954.

⁷⁷ Об интересе югославов к развитию экономических связей с ЧСР и ГДР посол Чехословакии Голуб сообщил Валькову еще 23 сентября. См.: AMZV. F. TD. 1953. Kr. 6. Č. 10597/53: Vělehrad. 23.09. 1953. Holub 489.

⁷⁸ A-ÚV-KSČ. F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11. L. 5. PB ÚV KSČ: K bodu: «Zprava o poslednim vyvoji vztahu mezi ČSR a Jugoslavii...».

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 13. П. 24. Д. 334. Л. 7.

⁸⁰ 12 декабря 1953 г. дипломатическое представительство ЧСР в Югославии сообщило об этом в Прагу.

⁸¹ *Pelikan J.* Op. cit. S. 115.

⁸² 28 октября 1953 г. Посольство СССР в Югославии (А. Ханов) подготовило информационно-аналитический материал «“Рабочие советы” на предприятиях Югославии». См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 73. Д. 608. Л. 6–17.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Сопоставление дат позволяет утверждать, что этот материал (АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 44–67) предназначался для Президиума ЦК КПСС во исполнение обещания Молотова 11 ноября 1953 г.

⁸⁷ Там же. Л. 41–42.

⁸⁸ Там же. Л. 66.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 67.

⁹¹ Там же. Ф. 021. Оп. 8. П. 6. Д. 162. Л. 4–5: Выписка из записки Валькова от 4 января 1954 г.

⁹² Там же. Л. 5.

⁹³ Там же. Вальков ссылался на ноту МИД Югославии от 23 сентября 1950 г., где указывалось, что «Югославское правительство признает свои обязательства по отношению к Советскому Союзу и по этим обязательствам будет отвечать в соответствии со своими возможностями и обстоятельствами, при которых обязательства возникли и выполнялись».

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Ф. 595. Оп. 3. П. 772. Д. 1422. Л. 5.

⁹⁶ Борба. 1954. 11. I. С. 3.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 3. П. 772. Д. 1422. Л. 5: БРК о заявлении Исполкома ЦК «Союза коммунистов Югославии». Лондон (заокеанское вещание), англ. яз. 10 января 1954 г.

⁹⁸ Там же. Л. 16, 19: 15 января 1954. ТАСС. Секретно. Л. 89-о–93-о. «Югославская печать о статьях Джиласа». Белград, 14 января.

⁹⁹ New York Times. 1954. 10. I. P. 27. В посольстве США в Белграде тщательно собирали все возможные версии, часть из которых была включена 12 января в доклад «Предварительная оценка случая Джиласа». Одна версия имела советский след. Согласно ей, Джилас как один из самых ярких критиков Советского Союза периода столкновения Югославии с Информбюро, приносился Тито в жертву, которая «делает возможным примирение с СССР». См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 572.

¹⁰⁰ Аникеев А. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957 годы). М.: Исл РАН, 2002. С. 257.

¹⁰¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 109–110. Впоследствии, на июльском пленуме ЦК КПСС в 1955 г., некоторые советские руководители пытались представить эту встречу как результат решения Президиума ЦК КПСС, поручившего министру иностранных дел встретиться с послом Югославии и «прозондировать его видение ситуации в югославском руководстве и перспективы советско-югославских отношений». В частности, Маленков говорил о том, что «Президиум ЦК поручил тов. Молотову принять посла Югославии после того, как мы получили определенные сведения и данные, свидетельствующие о желании югославских руководителей установить контакт с Советским Правительством». По утверждению Маленкова, Молотов получил указания «переговорить с послом Югославии, прощупать настроение югославов и дать понять послу о нашем положительном отношении к сближению СССР и Югославии». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 177об.

¹⁰² На пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г., зачитывая запись беседы, Г.М. Маленков намеренно сократил ее, представив будто бы В.М. Молотов говорил только об идеологии и марксизме. После этого Н.С. Хрущев указал, что «можно и нужно было иметь дружескую беседу с югославским послом, а не отталкивать его своей более чем холодной беседой», а Маленков заметил: «Что это за выполнение поручения ЦК о прощупывании настроений югославов! Разве это выполнение директивы ЦК о том, чтобы дать понять югославам, что мы за сближение с Югославией? Тов. Молотов просто не хотел выполнить поручения ЦК, и это совершенно очевидно». По словам Маленкова, «тов. Молотов вызвал югославского посла и, как очевидно теперь, в соответствии со своими взглядами по югославскому вопросу и, в расхождении с линией Президиума ЦК,

своим сухим по форме и содержанию приемом охладил стремление югославов к сближению и доложил Центральному Комитету, что с послом ничего не вышло». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 177об.– 178.

¹⁰³ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 85. D. 3/4709: 21.I. 1954. Osnovne teze o unutrašnjoj i spoljnoj politici SSSR-a (D. Vidić). Br. 20/54.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ *Tito Broz J.* Говори и чланци. Београд; Загреб, 1959. Књ. IX. С. 71–72.

¹⁰⁶ New York Times. 1954. 1. II. P. 1. В том же ключе была приведена реакция Тито на статью о Джиласе в издании Коминформа со слов встречавшегося с югославским лидером премьера Греции генерала Папагоса, который в Гааге рассказал об этом журналистам. См.: New York Times. 1954. 31. I. P. 4.

¹⁰⁷ По поводу этой статьи Д. Бекич указывал: «Из статьи можно было понять, что постсталинское руководство еще не усвоило политику нормализации отношений с Югославией, точнее – внутренние различия по этому вопросу еще не преодолены». См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 580.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ За прочный мир, за народную демократию! (Бухарест). 1954. № 5. С. 4.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Указывалось, что «статьи Джиласа в “Борбе”, публиковавшиеся более трех месяцев», «по существу носили официальный характер» и представляли собой «открытый отказ от идей марксизма-ленинизма». Перелом во взглядах югославского руководства произошел, с точки зрения МИД СССР, после появления в январе 1954 г. памфлета «Анатомия одной морали», в котором Джилас «охарактеризовал правящую верхушку Югославии как замкнутую касту беспринципных, аморфных карьеристов, дорвавшихся до власти», что «заставило югославских руководителей отмежеваться от Джиласа». Оценивая взгляды М. Джиласа, эксперты МИД СССР считали, что для него главной идеей является тезис «о необходимости ликвидации СКЮ», и это стало «логическим следствием и прямым выражением глубокого идейного разложения СКЮ». По мнению советских аналитиков, Джилас «невольно показал действительное политическое положение в стране и особенно в СКЮ». См.: АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8а. П. 11. Д. 114. Л. 42: Справка от 6 декабря 1954 г. «О внутривластном положении Югославии».

¹¹² Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 270. Dok. 11: Opšti politički izveštaj (D. Vidić). Ambasada FNRJ u Moskvi. Pov. br. 33. 22 februar 1954.

¹¹³ New York Times. 1954. 31.I. P. 2.

¹¹⁴ Ibid. P. 1.

¹¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 118–119: Шифротелеграмма (Валькова) из Белграда. 1 февраля 1954 г.

¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8. П. 6. Д. 162. Л. 3. Вместе с проектом решения Президиума ЦК, оформленным как «Проект указаний послу СССР в Югославии», В.А. Зорин представил также выписки «Из записки посла СССР в Югославии т. Валькова от 4 января 1954 г.» и его же шифротелеграмму из Белграда от 1 февраля 1954 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 112–119.

¹¹⁷ Если в отношении кандидатуры Серова советские руководители были в целом солидарны, то в вопросе о его заместителях они разошлись: Маленков старательно продвигал Лунева и возражал против Панношкина, а Булганин предлагал Ильичева. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2003. С. 19–24. Док. 1: Протокол № 50. Заседание 8 февраля 1954 г.

¹¹⁸ В отличие от обычной практики ведения учета решений советского руководства, протокол решения Президиума ЦК КПСС (№ 50 / VII. 10.II. 54) был

оформлен не днем обсуждения (8 февраля), а 10 февраля 1954 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 111.

¹¹⁹ Там же. Д. 911. Л. 4: № П50/VII от 8.II. 1954: Т.т. Хрущеву, Суслову, Зорину, Кузнецову (МИД). Полностью дело, в котором был подшит этот документ, называлось «3–66–911 ЮГОСЛАВИЯ. Политико-экономические отношения» (27 июля 1953 г. – июль 1955 г.).

¹²⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 168об.

¹²¹ Там же.

¹²² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 24–26. Док. 2. Протокол № 51. Заседание 13 февраля 1954 г.

¹²³ Там же. С. 25.

¹²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 121–122. 25.II. 1954, вх. 1880. П 681-оп.: Записка М. Суслова, В. Зорина и В. Кузнецова «Об отношении к Югославии» (25.II.1954 г.). И записка, и проект решения Президиума ЦК КПСС были представлены в ЦК для заседания Президиума 2 марта 1954 г.

¹²⁵ Там же. Л. 123. Вокруг ее подготовки сложилась целая серия политических мифов, которые впоследствии были использованы в июле 1955 г. для критики работы аппарата МИД СССР и В.М. Молотова по югославскому вопросу. В выступлении на пленуме ЦК КПСС 11 июля 1955 г. М.А. Суслов указывал, что «первоначальный проект предложения, подготовленный для комиссии аппаратом МИДа, полностью исходил из отношения к Югославии, как к фашистскому государству. В этом проекте отмечалось, что “в отличие от капиталистических государств в Югославии мерами фашистского террора подавляются” прогрессивно мыслящие силы. После обсуждения текста МИД в ЦК КПСС из этого проекта были вычеркнуты подобного рода характеристики югославского государства, но Молотов пытался повлиять и сохранить старые оценки». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 168об.

¹²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 123–126.

¹²⁷ Там же. Л. 121–122: Записка М. Суслова, В. Зорина и В. Кузнецова «Об отношении к Югославии» (25.II. 1954 г.).

¹²⁸ Там же. Л. 123–126: Постановление ЦК – Об отношении к Югославии (проект).

¹²⁹ Там же. Л. 123–125.

¹³⁰ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 883: Протокол № 53 от 2 марта 1954 г. Примеч. 3.

¹³¹ Там же. С. 28.

¹³² *Bekić D.* Op. cit. S. 585.

¹³³ Об этом заявлении М. Ивековича в Бонне 14 февраля сообщила «Борба» 15 февраля 1954 г. См.: АВП РФ. Ф. 144. Оп. 15. П. 34. Д. 5. Л. 16.

¹³⁴ Yugoslavia Political Diaries 1918–1965. Vol. 4. P. 533. N 7: From Belgrade (Sir I. Mallet) to Foreign Office. February 12, 1954.

¹³⁵ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 85. D. 2/17314: Godina dana vlade Maljenkova. 11.III. 1954.

¹³⁶ *Ibid.*

¹³⁷ Yugoslavia Political Diaries 1918–1965. Vol. 4. P. 542. N 23: From Belgrade (Sir I. Mallet) to Foreign Office. April 10, 1954.

¹³⁸ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 3. П. 772. Д. 1422. Л. 64–66. ТАСС, 4 марта 1954. Секретно. Л. 16–о–35-о: «Ответы Тито на вопросы иностранных корреспондентов». Белград, 3 марта.

¹³⁹ Там же. Л. 66. Эти строки были выделены двумя чертами на полях слева.

¹⁴⁰ Там же. Эта фраза была также выделена в Комитете информации МИД при работе над текстом.

¹⁴¹ Там же. Л. 64.

¹⁴² 13 марта посол Видич впервые пригласил в посольство на ужин 23 марта заместителя Молотова Зорина и начальника Отдела протокола МИД СССР Жукова. См.: DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 1/43187: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 104. 13.III. 1954).

¹⁴³ Ibid. D. 6/44456: Zabeleška o razgovorima na večeri u Ambasadi FNRJ u Moskvi vodjenim sa Valjkovim i Zimjaninom, na dan 29 marta 1954 g.

¹⁴⁴ К тому времени консультации по международным вопросам между дипломатами двух стран также достигли определенного уровня. 24 марта Зорин, по сути, достаточно широко информировал Видича о проблемах международных отношений. Темой их встречи явилось обсуждение итогов Берлинской конференции министров иностранных дел, а особый акцент был сделан на «австрийском вопросе». См.: Ibid. D. 9/413631. Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 121. 24.III. 1954.

¹⁴⁵ Ibid. D. 6/44456: Zabeleška o razgovorima na večeri u Ambasadi FNRJ u Moskvi vodjenim sa Valjkovim i Zimjaninom, na dan 29 marta 1954 g.

¹⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid. Fasc. 85. D. 3/44469: Ambasada FNRJ u Moskvi. Pov. Br. 65. 1 aprila 1954. Opšti politički izveštaj.

¹⁴⁹ АЖ.П/12. Л. 7, 161; Борба. 1954. 31.III. С. 3.

¹⁵⁰ Отношения между СССР и Югославией было посвящено несколько страниц «Общеполитического доклада». См.: DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 85. D. 3/44469: Ambasada FNRJ u Moskvi. Opšti politički izveštaj. Pov. Br. 65. 1 aprila 1954.

¹⁵¹ Ibid. S. 7–8.

¹⁵² Ibid. S. 11.

¹⁵³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 62. Д. 45. Л. 37–40: Зав. IV Европейским отделом М.В. Зимянин – А.А. Громько 17 апреля 1954 г. «О нормализации отношений СССР и стран народной демократии с Югославией». Замечания по поводу записки тт. Солодовника и Куприкова о проекте записки «О позиции Югославского правительства по вопросу о нормализации отношений с СССР и странами народной демократии».

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 6–7. Постановление Президиума ЦК «О директивах для Советской делегации на Совещании Европейских стран по торговле, открывающейся в Женеве 20 апреля 1954 г. Выписка из приложения “Руководство при переговорах” (Югославия)». № П59/24. Выписка из Протокола № 59 заседания Президиума ЦК 19.IV.1954.

¹⁵⁶ Позднее в Москве это расценили как то, что «представитель Югославии обратился к советскому представителю с предложением о возобновлении торговли между Советским Союзом и Югославией». См.: Там же. Л. 9. Записка МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС. 18 мая 1954.

¹⁵⁷ А–ЎВ–КСЧ. F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11. PB ЎВ КСЧ: K bodu: «Zprava o poslednim vyvoji vztahu mezi ČSR a Jugoslavii...». Podava: s. David. 28 července 1954.

¹⁵⁸ Как считали позднее в Москве, «на совещании югославы проявили большую заинтересованность в торговле с СССР и странами народной демократии». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 9: Записка МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС. 18 мая 1954.

¹⁵⁹ PRO. FO 371/113162: British Embassy, Moscow (Hoher) – to P. Mason. April 7, 1954.

¹⁶⁰ Просьба носила полуофициальный характер в силу обстоятельств беседы, которая состоялась на приеме во французском посольстве 12 апреля 1954 г. Тогда в разговоре с Жуковым Видич попросил помочь ему в организации визи-

тов (к Сабурову, Александрову, Денисову и Несмеянову). См.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 333. Л. 1. Справка М. Филатова. 14 октября 1954.

¹⁶¹ Там же. Решение «затянуть вопрос» было принято самими работниками МИД.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 88. D. 1/17427: SSSR–Jugoslavia. Pov. Br. 17427.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ A–ÚV–KŠČ (Praha). F. 02/2. Sv. 9. Ar. j. 11: bod 10. «Zprava o posledním vývoji vztahů mezi ČSR a Jugoslavií a návrh na další postup»; PB ÚV KŠČ. Čis. 113.480/54–ZEO/2, Karty Jugoslaviie. GS. Kabinet 1945–1954. Odb. A–odd. Kabinet 014. Jugoslaviie. Kr. 156. Četvérté zasedání Ústředního výboru Svazu komunistů Jugoslávie. Pro schuzi PB ÚV KŠČ.

¹⁶⁶ New York Times. 1954. 9.V. P. 20.

¹⁶⁷ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D.10/46670. DSIP (I Odeljenje). Br. 46670/54: Zabeleška o razgovoru Dragoja Djurića na večeri kod sovjetskog ambasadora g. Valjkova na dan 7 maja 1954 g.

¹⁶⁸ В разговоре с советской стороны участвовал только В.А. Вальков, а с югославской – А. Беблер, А. Белич и М. Ристич. См.: Ibid. D. 10/46232: Zabeleška (Bebler) o razgovorima kod sovjetskog ambasadora g. Valjkova – posle večere. Pov. Br. 46232. 15.V. 1954.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² К примеру, хорватский исследователь Д. Бекич, комбинируя имевшиеся в его распоряжении западные документы, мемуарную литературу (включая изданные к тому времени на Западе краткие воспоминания Н.С. Хрущева), статьи в прессе, выступления Тито и некоторые документы, отражающие обсуждение руководством ЦК СКЮ вопросов внешней политики летом 1954 г., выдвинул версию о том, что «решение югославского руководства принять и военную составляющую Балканского пакта ускорило осознание Кремлем того, что дальнейшая медлительность в “нормализации” отношений с Белградом может только нанести вред советским стратегическим и политическим интересам на Балканах и в Южной Европе в целом». См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 600. Бекич проводил параллель между движением к нормализации и возвышением Н.С. Хрущева, который, по его мнению, в мае 1954 г. превратился в советском руководстве в «человека № 2» вслед за Маленковым, оттеснив Молотова на третью позицию (Ibid. S. 589). Бекич все же сдвигает события, опираясь на изданную на Западе англоязычную версию воспоминаний Н.С. Хрущева (Ibid. S. 591). Не исключено также, что поскольку исследователь имел доступ к некоторым материалам Архива ЦК СКЮ, он был знаком с находившейся там краткой версией июльского (1955 г.) пленума ЦК КПСС, добытой югославской разведкой в начале 60-х годов XX в. См.: AJ. F. 507. IX/I-56: Fragmenti iz zapisnika o sastanku plenuma CK KPSS jula 1955 g. na kome je vodjena diskusija o politici SSSR-a prema Jugoslavií posle povratka sovjetske delegacije iz Beograda).

¹⁷³ New Times (Moscow). 1954. 24.IV. N 14. P. 19–20.

¹⁷⁴ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 39. Д. 45. Л. 155: ТАСС. 23.IV. 1954. Л. 78-о.

¹⁷⁵ Там же. Л. 82-р.

¹⁷⁶ Там же. Л. 156–157.

¹⁷⁷ Переговоры велись в Лондоне с начала февраля по 31 мая 1954 г.

¹⁷⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 120: Выписка из Протокола № 63 заседания Президиума ЦК от 4.V.1954 г. – Об отношении к Югославии.

¹⁷⁹ Там же. Л. 123–126.

¹⁸⁰ Там же. Л. 120.

¹⁸¹ Там же. Л. 133–140: вх. 2131. Записка (М. Сулова, П. Поспелова и В. Зорина) «Об отношении к Югославии». 18.V. 1954. В деле имеется ссылка на поручение от 4 мая 1954 г.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Л. 137–138.

¹⁸⁴ Там же. Л. 140.

¹⁸⁵ Там же. Л. 143–146. Приложение № 3. Проект директивных указаний.

¹⁸⁶ Там же. Л. 141–142. Проект этой директивы был представлен 18 мая 1954 г. в пакете документов для заседания Президиума ЦК 20 мая 1954 г.: Приложение № 2. Проект. Белград. Совпосол.

¹⁸⁷ Микоян рассказал об этом более чем через год, 11 июля 1955 г., на двенадцатом заседании пленума ЦК КПСС. См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 153.

¹⁸⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 127–131: 19.V. 1954. Записка В. Молотова по поводу ознакомления с проектом Сулова, Пономарева и Зорина по вопросу об отношении к Югославии (от 18.V. 1954).

¹⁸⁹ 11 июля 1955 г. на пленуме ЦК КПСС А.И. Микоян утверждал, что особое мнение Молотова учли: «Когда мы, члены Президиума ЦК, говорили между собой в связи с этим письмом, то договорились, что будем настаивать на подготовленном проекте, но должны принять все меры к тому, чтобы не раздувать разногласия и по возможности добиться согласия... Члены Президиума “сочли законным такое письмо и сочли своим долгом удовлетворить просьбу” и отложить обсуждение». Однако Микоян, мягко говоря, лукавил. Верным было только то, что большинство решило «настаивать на подготовленном проекте» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 153).

¹⁹⁰ Исполнение решения возлагалось на Сулова, Поспелова и Зорина. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 132. 22 мая 1954 г. П65/IV. Выписка из протокола № 65 заседания Президиума ЦК от 20 мая 1954 г.

¹⁹¹ Там же. Л. 148, 150–164.

¹⁹² Там же. Л. 165–167.

¹⁹³ Там же. Л. 156–161. Типовое письмо в адрес ЦК коммунистических и рабочих партий было приложением № 1 к решению Президиума ЦК 27 мая (выписка из протокола была оформлена 29 мая 1954 г.).

¹⁹⁴ Там же. Л. 158.

¹⁹⁵ Там же. Л. 158–159.

¹⁹⁶ Там же. Л. 160.

¹⁹⁷ Там же. Л. 161.

¹⁹⁸ Там же. Л. 147: Сов. секретно. Особая папка. № П66/IV. 29 мая 1954 г. Выписка из протокола № 68 заседания Президиума ЦК от 27 мая 1954 г. – Вопрос Югославии. На документе также существует помета, отсылающая к решению Президиума ЦК, оформленному как П67/III. 31.V. 1954 г.

¹⁹⁹ Там же. Д. 911. Л. 9–11: Записка МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС. 18 мая 1954. Приложения к ней содержали списки к поставке на двенадцатимесячный период; перечень товаров, предложенных югославами к поставке в Советский Союз, а также справку (от 18 мая 1954 г.) о задолженности (рассчитанной в миллионах рублей) Югославии СССР по состоянию на 1 апреля 1954 г. за подписью начальника Валютного управления МВТ СССР Ф. Быстрова. См.: Там же. Л. 12–18.

²⁰⁰ Там же. Л. 9–11: Записка МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС. 18 мая 1954 г.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. Л. 8. Выписка из Постановления № 65 заседания Президиума ЦК от 20 мая 1954 г. «О торговых переговорах с Югославией».

²⁰³ Там же. Д. 965. Л. 147: Сов. секретно. Особая папка. № П66/IV от 29 мая 1954 г. Выписка из Протокола № 68 заседания ПЦК от 27 мая 1954 г. – Вопрос

Югославии. В деле этот документ содержал ссылку на последующее решение – П67/II от 31.V. 1954 г. См.: Там же.

²⁰⁴ Там же. Д. 966. Л. 2: 29.V. 1954. Записка М. Суслова, П. Поспелова, В. Зорина.

²⁰⁵ Там же. Л. 3–16. Проект Постановления ЦК «Об отношении к Югославии» включал также и несколько приложений, среди которых были: типовой проект письма ЦК КПСС ЦК Коммунистической (рабочей) партии, проекты директив советским послам в Рим и Париж сходного содержания. Имелся также и проект указаний советскому послу в Белграде (названный «Приложение № 2») о необходимости запросить конфиденциальный прием у Тито. См.: Там же. Л. 17.

²⁰⁶ Там же. Л. 18–20. Данный документ был назван «Приложение № 3».

²⁰⁷ 22 июня 1954 г. оно было направлено в другой редакции.

²⁰⁸ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 85. D. 3/48118. Pov. Br. 126: Moskva, 13 juni 1954. Izveštaj o putovanju savetnika F. Babića i sekretara M. Božica u Ukrajinu (Kijevska oblast) od 14 do 20 maja 1954 g.

²⁰⁹ Ibid. Fasc. 87. D. 7/48107: Zabeleška dopisnika TANJUG-a u Moskvi D. Čulića sa Jubilarne sednice ruskog Vrhovnog Sovjeta povodom 300-godisnice priključenja Ukrajne Rusije 1.VI. 1954.

²¹⁰ Текст резолюции взят из выступления Д.Т. Шепилова на пленуме ЦК КПСС 11 июля 1955 г. См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 162об.–163.

²¹¹ Текст постановления приведен со слов Н.А. Булганина 9 июля 1955 г. на заседании пленума ЦК КПСС. См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 26. Комментируя эти строки, Булганин отметил, что «так ставил задачу Президиум ЦК нашей партии», а Хрущев добавил «государственную задачу» (Там же).

²¹² См.: *Tuto Broz J.* Указ. соч. Кнь. IX. С. 14–25, 110–113.

²¹³ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 229. Dok. 91: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u 30. maj 1954.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 69. Л. 38: Из дневника В.А. Зорина. Прием посла Югославии в СССР Д. Видича 31 мая 1954 г. Текст переданной Видичем ноты содержал целые пять страниц. См.: Там же. Л. 39–44.

²¹⁶ Там же. Л. 38.

²¹⁷ Об этом можно судить по рассказу Булганина на пленуме ЦК КПСС 9 июля 1955 г.: «...Президиумом ЦК было написано письмо по югославскому вопросу от 31 мая 1954 г. Мы вначале поручили написать это письмо МИД. Написать проект и представить нам ...Если бы вы знали, что это было за письмо! Писал его по поручению т. Молотова т. Зорин. Докладывал он его т. Молотову или нет, мне неизвестно. Тов. Молотов тогда был в Женеве. Зорин пришел на Президиум и говорит, что он ознакомил т. Молотова и он согласен. В письме говорилось о необходимости зондажа наших отношений с фашистской Югославией. Так она в письме и называлась фашистской Югославией, а руководители – фашистами». Справедливости ради, Булганин не держал зла на Зорина, считая, что это влияние Молотова: «Вот как подходил тогда т. Молотов к вопросам установления нормальных отношений с Югославией. Как к фашистской стране, как к фашистскому государству! Но что хорошего можно получить, когда у человека такой подход?». См.: Советско-югославские отношения. Из документов... С. 38.

²¹⁸ В начале марта 1954 г. Н.С. Хрущев принял участие в работе съезда ПОРП в Варшаве.

²¹⁹ В зарубежной историографии 26 апреля уже отмечалось как рубеж в истории борьбы фракций Маленкова и Хрущева. Так, Д. Далин указывал, что

«между 26 апреля 1954 г. и его отставкой в феврале 1955 г. Маленков не произнес ни единой значительной речи или важного заявления, тогда как значение Хрущева в этот период растет». См.: *Dalin D.J. Soviet Foreign Policy After Stalin*. Philadelphia: Lippincott Company, 1961. P. 220.

²²⁰ 16 апреля 1954 г. «за выдающиеся заслуги перед КПСС и советским народом (именно в таком порядке. – А.Е.)» и в связи с 60-летием Н.С. Хрущеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда с награждением Орденом Ленина и золотой медалью «Серп и молот». Данная формулировка была внесена и в справочные издания. См.: Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 3. С. 567.

²²¹ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 2/4712: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 224. 31.V. 1954.

²²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 69. Л. 45–46: Из дневника В.А. Зорина. Прием посла Югославии в СССР Д. Видича 4 июня 1954 г.

²²³ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 2/4712: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 226. 31.V. 1954.

²²⁴ *Ibid.* D. 2/47195: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 216. 28.V. 1954; D. 2/47419: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 227. 1.VI. 1954; D. 1/44459. *Tanjug*, Moskva. *Nota SSSR-u*. 1 juna 1954.

²²⁵ *Ibid.* D. 2/4712: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 237. 3.VI. 1954.

²²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 966. Л. 21: Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии (об отношении к Югославии). П67/II-оп. Выписка из протокола № 68 заседания Президиума ЦК от 2 июня 1954 г.

²²⁷ Там же. Д. 911. Л. 22: Записка А. Микояна, И. Кабанова – ЦК КПСС. 27 мая 1954 г.

²²⁸ Там же. Л. 12, 19.

²²⁹ Там же. Л. 12.

²³⁰ Советско-югославские отношения. Из документов... С. 321.

²³¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 966. Л. 21: Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии (об отношении к Югославии). Выписка из протокола № 68 заседания Президиума ЦК от 2 июня 1954 г.

²³² *Pajeta G.-C. Le crisi che ho vissuto*. Roma, 1982. P. 35. Цит. по: *Bekić D.* *Op. cit.* S. 595.

²³³ Факты попыток бессовестного присваивания и использования Хрущевым идей своих коллег уже отмечали некоторые западные советологи. К примеру, Г. Бреслауэр писал о его «попытках воровства у коллег по руководству посредством создания климата пропагандистской кампании во имя далеко идущих целей». См.: *Breslauer G.W. Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics*. L., 1982. P. 34–35.

²³⁴ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 85. D. 3/47521: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 238. 5.VI. 1954.

²³⁵ *Ibid.* Fasc. 86. D. 20/47960: I odeljenje (Rafael Tabor) – Pravnom savetu. 12.VI. 1954.

²³⁶ *Ibid.*: I odeljenje (Cicmil) – Ambasadi FNRJ u Moskvi. 14.VI.1954.

²³⁷ *Ibid.* Fasc. 88. D. 2/17535: Zabeleška o trgovinskim odnosima Jugoslavija. 16.VI.1954.

²³⁸ *Ibid.*

²³⁹ *Ibid.*

²⁴⁰ *Ibid.*

²⁴¹ *Ibid.*

²⁴² *Ibid.* Fasc. 87. D. 11/48658. Zabeleška o razgovoru Drž. potsekretara Dr. Beblera sa sovjetskim ambasadorom g. Valjkovim, dana 25 juna 1954 godine. *Pov. br.* 48568.

²⁴³ Отсутствие Валькова в Белграде заинтересовало Госдепартамент США. Американскому послу в СССР Болену было поручено узнать причину. 30 июня

американец нашел возможность спросить об этом Видича. Югослав, по его словам, даже не знал о факте пребывания Валькова в Москве. См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 595. Согласно телеграмме Видича в Белград, он ответил американцу, что не информирован ни о визите Валькова в Москву, ни о встрече советского посла с Тито. См.: *DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 8/48894. Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Bg. 278. 30.VI. 1954.*

²⁴⁴ См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 612. Как мы знаем из постановления ЦК КПСС от 31 мая, В. Мичунович – «человек № 2» в службе госбезопасности Югославии, был близок к истине, хотя, по всей вероятности, доподлинно не знал причин встречи Тито с Вальковым.

²⁴⁵ *AJ. F. 507. SSSR.IX. 119/I–48.*

²⁴⁶ Для удобства изложения мы используем в цитате аббревиатуру СКЮ, хотя в тексте письма пять раз название давалось полностью – «Союз коммунистов Югославии» и три раза – СКЮ. Всего в тексте слово «коммунисты» было использовано пять раз. Это вряд ли стоит считать случайным, ибо стало символом выражения признания ЦК КПСС как самого переименования КПЮ в СКЮ, так и того, что руководство КПСС не отрицает его «коммунистический характер».

²⁴⁷ *AJ. F. 507. SSSR. IX. 119/I–48.*

²⁴⁸ К тому времени раздражение Тито односторонней ориентацией на Запад нарастало. Бекич, ссылаясь на воспоминание американского журналиста Сульцбергера о встрече с Тито (см.: *Sulzberger C.L. A Long Row in Candles: Memoires and Diaries, 1934–1954. N.Y.: McMillan, 1969. P. 1006*), отмечал, что от журналиста не ускользнуло то, как югославский руководитель не мог скрыть свое нараставшее раздражение Западом, прежде всего США. Бекич объяснял недовольство Тито действиями Запада по вовлечению Югославии в НАТО, подтверждая это фразами, которые вырвались у Тито на заседании Исполкома ЦК СКЮ 19 июля 1953 г. при обсуждении первого советского письма. См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 593–595.

²⁴⁹ Можно попытаться объяснить столь длительную паузу словами Тито на V пленуме ЦК СКЮ 26 ноября 1954 г., где он пояснил, что посчитал письмо от 22 июня признанием Москвой ошибок, но послание все же больше озаботило, чем обрадовало. По его мнению, признание «огромной победы» требовало осторожности, ибо беспокоила быстрота, с которой руководители Советского Союза стремились хрупкие, «менее чем нормальные» дипломатические отношения вернуть на уровень «единства взглядов». Сославшись на подозрительное отношение Запада, Тито продолжил: «Мы ... не были уверены, о чем на самом деле идет речь. Всего лишь это маневр или что-то глубже... Мы не загордились, не обхватили их обеими руками за шею, но с осторожностью смотрели на то, что они делают». См.: *AJ. F. 507.II/13. Diskusija J.B. Tića na V plenumu SK SKJ održanom 26. 11. 1954.*

²⁵⁰ Тито затронул это, когда отвечал на вопрос о «главном различии» между советской и югославской моделями коммунизма 18 июня 1954 г. в ходе встречи с американскими студентами – участниками семинара Эдди Шервуда. См.: *Tito Broz J.* Указ. соч. Књ. IX. С. 192, 197, 203.

²⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 154. Л. 92–96: Запись беседы посла в Болгарии т. Приходова с послом Югославии в Болгарии Милковичем 9 июля 1954 г.

²⁵² *DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 86. D. 20/49822: I odeljenje (Cicmil) – Ambasadi FNJR u Moskvi. 20.VII. 1954.*

²⁵³ *AJ. F. 507.III/62-a: Zapisnik proširene sednice Izvršnog komiteta Saveza Komunista Jugoslavije održane 19 juna 1954 godine u Beogradu.*

²⁵⁴ *Sulzberger C.L.* Op. cit. P. 1006.

²⁵⁵ К этой теме Тито вернулся еще раз после слов генерала И. Гошняка, заметившего, что ФНРЮ вступает в иную стадию отношений и с СССР, и с США,

которые должны развиваться постепенно. «До сих пор мы были, так сказать, в западном блоке, – заявил Гошняк, – и поэтому мы и получали помощь. Сейчас сложилась такая ситуация, которая несоединима с получением помощи. Поэтому мы должны рассчитать так, чтобы понести как можно меньше ущерба, так как помощь со стороны Запада может быть быстро прекращена». Тито заметил, что «Гошняк прав лишь отчасти. Помощь от Запада мы и без того не принимали бы долго. Они стали более агрессивными, требуют уступок. Но я не верю в то, что они сейчас ее прекратят». См.: АЖ. Ф. 507. III/62-а: Zapisnik proširene sednice... S. 6.

²⁵⁶ Реплика Тито о необходимости проведения принципиальной политики в ответ на давление США в экономических вопросах («американцы оказывали давление, и дело дошло до крайней точки. Если мы хотим проводить принципиальную политику, то должны быть готовы чем-то пожертвовать») прозвучала после слов посла ФНРЮ в США В. Поповича о том, что «помощь Запада не прекратится. Пусть даже Югославия будет нейтральной, они будут ей помогать» (Ibid. S. 7).

²⁵⁷ АЖ. Ф. 507. III/62-а.

²⁵⁸ Ibid. S. 5.

²⁵⁹ Ibid. S. 10.

²⁶⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 966. Л. 111. Об этом Кремль сообщил в Пекин: Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии (Приложение № 1 к П74/IV от 24.VII. 1954 г.).

²⁶¹ Там же. Л. 112: Телеграмма ЦК КПСС – Валькову. Белград. Совпосол. Сов. секретно. Вне очереди. Особая.

²⁶² В этот раз только от имени ЦК КПСС и без подписи Хрущева.

²⁶³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 27–28: Записка МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС.

²⁶⁴ В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 3 июня 1954 г. МИД СССР сообщил 10 июня югославскому правительству о том, что советское правительство готово вступить в переговоры с представителем югославского правительства в Москве или Белграде по вопросу о взаимных поставках товаров. Постановлением 3 июня были также утверждены в качестве основы для переговоров списки взаимных поставок на 12-месячный период на сумму примерно на 30–40 млн рублей с каждой стороны. См.: Там же. Л. 26.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. Л. 26: 7 августа 1954 г. Постановление Президиума ЦК. Телеграмма Валькова № 249 от 4.VIII.1954 г. из Белграда (о заключении с Югославией компенсационных сделок на сумму 10 млн рублей). Выписка из Протокола № 76 заседания Президиума ЦК 7.VIII. 1954 г.

²⁶⁷ AS. F. 1277. 1954. Šk. 33. Št. 52. Kabinet predsednika republike. Str. pov. br. 684: Zabeleška o razgovoru druga predsednika Republike sa bivšim američkim ambasadorom Joseph-om Davies-om na Brdu kod Kranja. 9.VIII. 1954.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Ibid.

²⁷⁰ Волков В.К. Советский Союз и страны социалистического лагеря // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 157–158.

²⁷¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 69. Л. 87–91.

²⁷² Это позволяет предполагать, что Громыко не был информирован о полученном Тито письме 11 августа и продолжал по инерции осуждать Балканский пакт как способ втягивания Югославии в НАТО. Вряд ли он не знал о наличии разногласий в советском руководстве.

²⁷³ На документе есть помета «Доложено Булганину». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 69. Л. 86.

²⁷⁴ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 81–90: Записка (М.В. Зимянина) «Высказывания югославских политических деятелей и прессы относительно договора о союзе, политическом сотрудничестве и военной помощи между Грецией, Турцией и Югославией, подписанного 9 августа 1954 г.»

²⁷⁵ Там же. Л. 90.

²⁷⁶ Рациональное объяснение ее появления могло быть только в том, что югославские авторы считались с возможностью опубликования переписки.

²⁷⁷ AJ. F. 507. 119/L–50.

²⁷⁸ PRO. FO 371/113162: From Belgrade (Sir I. Mallet) to Foreign Office. N 396. August 13, 1954; Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. VIII. Eastern Europe; The Soviet Union. Wash. (D.C.), 1988. P. 1398–1399: The Ambassador in Yugoslavia (Riddleberger) to the Department of State. Top Secret. Belgrade. August 12, 1954.

²⁷⁹ Рассуждая об оценках западных дипломатов о поведении Булганина на приеме, Божич заметил, что Булганин достаточно выпил, но никак нельзя было бы утверждать, что он был пьян. См.: DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 8/412937: Zabeleška M. Božića, III sekretara Ambasade FNRJ u Moskvi o razgovorima na prijemu kod indonežana, povodom nacionalnog praznika. 17.VIII. 1954.

**И В МОСКВЕ, И В БЕЛГРАДЕ
ЖЕЛАЮТ «ВСТРЕЧИ В ВЕРХАХ»,
НО ПОНИМАЮТ ЕЕ ПО-СВОЕМУ
(сентябрь 1954 – май 1955 года)**

**1. «Предложить встречу Тито
и Маленкова в Югославии,
а в случае советского отказа
найти другие формы личной встречи»^{*}
(осень 1954 года)**

Четвертого сентября 1954 г. югославская общенациональная газета «Борба» поместила на первой полосе статью под заголовком «Провокационное нападение на двух наших дипломатов». Стычка произошла в болгарском городе Руса. Ее инициаторами оказались югославские эмигранты–сторонники линии Коминформа 1948–1949 гг., поддержанные болгарскими гражданами. Публикация была замечена в посольстве СССР в Белграде. В тот же день его глава В.А. Вальков направил в Москву телеграмму с изложением содержания статьи, сопроводив текст публикации консолидированным мнением всех служб посольства: «Полагаем, что следовало бы порекомендовать нашим друзьям в Болгарии, Румынии и других странах народной демократии принять меры в целях предупреждения подобных инцидентов»¹.

Уже 10 сентября телеграмму рассмотрело высшее советское руководство, которое постановлением Президиума ЦК КПСС поручило «т.т. Сулову и Громыко подготовить необходимые указания по данному вопросу, имея в виду прекратить провокационные действия в отношении югославов»². В Кремле не желали поднимать дополнительные полемические темы. Они могли поставить под угрозу начавшийся полномасштабный политический диалог, когда стояла задача его ускоренного развития, в том числе и нетрадиционными действиями.

В посольстве СССР в Федеративной Народной республике Югославии не мыслили столь масштабно. Дипломаты всего-на-

^{*} Из решений, принятых на заседании Исполкома ЦК СКЮ 3 ноября 1954 г.

всего старались избежать создания негативного фона для стартовавших в это время двусторонних торговых переговоров. 4 сентября 1954 г. в Белград прибыла внушительная советская делегация³ в составе пяти представителей внешнеторговых организаций во главе с заместителем министра по внешней торговле В. Виноградовым. Усилить делегацию заместителем министра, подняв тем самым ее уровень, было решено незадолго до выезда⁴. 26 августа Президиум ЦК принял постановление о ее направлении в Белград⁵.

Политическая воля к достижению положительных результатов была проявлена обеими сторонами. Несмотря на то что переговоры велись почти месяц, они прошли весьма гладко и завершились в конце сентября подписанием компенсационных соглашений о поставках товаров между югославскими и советскими внешнеторговыми предприятиями и организациями на 10 млн рублей, или 4 млн долларов, с каждой стороны.

В югославских отчетах о переговорах указывалось, что, хотя сначала советские представители держались весьма сдержанно, отдав инициативу хозяевам, уже на первой встрече они затронули тему поставок из Югославии меди и олова, от обсуждения которой хозяева попытались уйти (в отчете внешнеполитического ведомства ФНРЮ сообщалось – «было сказано, что их нет»). Югославы просили как можно большего количества пшеницы (до 200 тыс. тонн) с поставкой ее до конца текущего года. Советские представители передали этот запрос в Москву, но получили негативный ответ. Тогда и югославская сторона отказала в предоставлении СССР ртути (впрочем, как указывалось в отчете, данный шаг планировался еще до начала переговоров). На этом «обмен ударами» закончился: советская делегация передумала в ответ на отказ по ртути не давать югославам магниевою руду.

Оценивая весь ход состоявшегося переговорного процесса, в Госсекретариате по иностранным делам ФНРЮ считали, что члены советской делегации проявили «любезность, гибкость и интерес» при обсуждении как списков товаров, так и ближайших перспектив двусторонней торговли. Кроме того, советские собеседники подробно спрашивали о системе организации внешней торговли Югославии и статусе ее внешнеторговых предприятий⁶. Итоги переговоров югославы оценили позитивно: «Хотя объем обмена незначителен, структура наших и русских товарных списков для нас очень благоприятна и интересна». Была достигнута договоренность о поставке из СССР югославским предприятиям ряда сырьевых товаров (около 40 тыс. тонн сырой нефти, 1 тыс. тонн хлопка, 30 тыс. тонн антрацита и др.).

В оценке переговоров аналитики ГСИД ФНРЮ придерживались контекста общего развития советско-югославских отноше-

ний. Они утверждали: «В очередной раз была подтверждена наша уверенность в том, что для русских важен политический момент»; советские представители «пошли на возобновление торговых связей прежде всего из-за стремления к политическим отношениям с Югославией». В обоснование приводили следующие доводы: в противном случае предложенная югославской стороной «структура товарооборота и обязательства не были бы приняты русскими по сугубо экономическим основаниям»; «несколько раз ими было выражено желание к более масштабной, межгосударственной форме обмена товарами»⁷. На анализировавших ход и итоги переговоров экспертов внешнеполитического ведомства произвела впечатление «политическая активность» всех членов советской торговой делегации, которые оказались «в курсе текущих политических требований и подходов, проявляемых МИД СССР, включая даже конкретные вопросы двусторонних отношений, и не пропускали ни одного подходящего случая, чтобы это продемонстрировать». В частности, во время общих бесед на темы вне конкретных задач, стоящих перед советской делегацией на переговорах, ее участники упоминали о существующих проблемах в развитии культурного сотрудничества, а также о зашедшем в тупик вопросе организации авиаперелетов по маршруту Москва–Белград–Тирана.

При анализе югославской стороной итогов переговоров вновь не обошлось и без завышенных самооценок, и даже переоценки их значения для престижа ФНРЮ. Сделав вполне рациональный вывод из самого факта переговоров и их результатов, аналитики подчеркивали: «Пойдя на торговый обмен с нашей страной, СССР согласился с тем, что он вынужден на практике отказаться не только от политико-экономической блокады, но и прежней торговой политики в отношении Югославии». Причины подобного поведения виделись югославам в целой совокупности факторов, воздействующих на поведение советской стороны. Авторы документа явно были несвободны от чрезмерного восхваления ФНРЮ и действий ее руководства. В нем приводилось мнение и об изменении соотношения сил в ущерб СССР, и об общем ослаблении международной напряженности – в его пользу советские лидеры «выступают в сегодняшней ситуации, и, как представляется, действительно в этом заинтересованы». Однако говорилось и о стремлении советского руководства «избежать неприятностей и ударов, которые наносила Югославия СССР в международной, политической и экономической областях в течение целого ряда лет».

Советское поведение объяснялось также рядом других факторов: прагматичным взглядом на силу ФНРЮ и на ее международное положение; реальной оценкой Москвой тяжелых послед-

ствий столкновения с ней для интересов СССР; отказом от иллюзий по поводу того, что в ближайшем будущем можно рассчитывать на какую-либо иную Югославию, нежели нынешняя; осознанием соответствия интересам самого СССР «нормальных отношений с такой сильной, независимой и популярной в мире страной, как Югославия, которая оказывает все большее влияние на развитие международных отношений»; усилиями Москвы по оживлению и расширению торговых отношений с Западом, вызванными прежде всего потребностями советской экономики и проводимым курсом на преимущественное развитие промышленности группы «Б»; и, «наконец... верой советского правительства в то, что, установив новые отношения с Югославией, можно кое-что вернуть из потерянных позиций и утраченного влияния СССР на наш народ».

Общий итог переговоров эксперты внешнеполитического ведомства ФНРЮ оценивали следующим образом: «Мы сохранили верность нашим принципам – ведем торговлю (со всеми странами, которые этого желают) на основе равноправия и обоюдных интересов и выступаем против любых методов шантажа, деформации наших экономических интересов и потребностей. Мы не против возможности согласиться с обновлением отношений с СССР на высшем уровне, то есть в надлежащее время согласиться на высшую форму торгового обмена и в значительно более широком объеме». В Белграде считали, что международное положение Югославии, укрепление ее независимой политики, а также намерения западноевропейских стран расширить обмен с Востоком (и давление в данном направлении со стороны США), предоставляют ФНРЮ широкие политические возможности с тем, чтобы, «не забывая о политике эмбарго, проводимой Западом в отношении Советского Союза, согласиться на широкий экономический обмен с русскими», который, по оценке торговых представителей обеих стран, может достичь в 1955 г. 50 млн долларов США.

«То, что русские заинтересованы в торговле с ФНРЮ прежде всего по политическим причинам, – отмечалось в документе, – представляет лучшие условия для удовлетворения наших экономических интересов и потребностей, для благоприятной торговли с ними». Эксперты обратили внимание на то, что за все время переговоров по поводу них не звучало критики на Западе. И в заключение они предложили главный вывод, ставший путеводной нитью в югославской торговой политике на все последующие десятилетия: «Широкий обмен с СССР и странами Восточной Европы сделает для нас возможным размещение там тех товаров, которые мы с трудом поставляем на другие рынки, и окажет положительное воздействие на дальнейшее изменение структуры на-

шего экспорта, и все это без ущерба для политических и внешне-торговых отношений с западными странами»⁸.

Сходные оценки содержались в информационном письме о советско-югославских торговых переговорах в Белграде, направленном в посольства Югославии за рубежом⁹. «Отдавая должное экономическому интересу к достижению соглашения, русские заинтересованы в заключении межгосударственного торгового договора и по политическим причинам», – утверждалось в нем. Именно с тем чтобы «показать заинтересованность в нормализации на деле», они будут «стремиться к успешному завершению переговоров, выходя нам навстречу с частью товаров, имеющих для нас экономически важное значение». По мнению авторов депеши, «это подтверждает стремление русских начать в конце года переговоры о торговле на государственном уровне». Дальнейшие перспективы развития двусторонних отношений в представлении внешнеполитического ведомства ФНРЮ выглядели так: «Мы экономически заинтересованы в торговле с русскими и, с учетом их интереса, находимся в благоприятном положении». Мысль о выгодной для югославской стороны структуре намечающегося товарооборота была подтверждена и в данном документе: «Мы будем стремиться к размещению как можно больших объемов промышленных товаров и тех товарных излишков, которые не смогли поставить в другие страны». Особо оговаривался и правовой характер торговых отношений: «На возможные последующие торговые переговоры и соглашения мы смотрим как на абсолютно новые, представляющие совершенно отдельный и особый вопрос, не имеющие никакой связи с прежними торговыми договорами». В депеше высказывалось предположение, что эти вопросы «не будут решаться легко»¹⁰.

Свой анализ был проведен и советской стороной. В записке-отчете о переговорах, направленной в ЦК КПСС 28 сентября 1954 г., министр внешней торговли И.Г. Кабанов назвал успехом достижение соглашения о сделках объемом по 10 млн рублей с каждой стороны. Он информировал советское руководство и о том, что наряду с переговорами о заключении компенсационного соглашения, проходил предварительный обмен мнениями относительно возможных торговых списков взаимных поставок на год. Министр обращал внимание на заявление югославов о возможности поставок в объеме 80–100 млн рублей с каждой стороны за год, а также о желании иметь среди советских товаров до 200 тыс. тонн пшеницы. Министерство внешней торговли (Минвнешторг, МВТ) СССР не стало переводить эту ситуацию в политическую плоскость и особо обращать внимание ЦК КПСС на вопрос о поставках пшеницы как слабым месте югославской стороны. Кабанов лишь сообщил, что «Минвнешторг представит

свои предложения по вопросу взаимных поставок с Югославией на годичный период»¹¹.

Эйфория советской стороны в отношении, как представлялось, намечающегося прорыва сказалась и в попытке продолжения фронтального наступления по всем возможным областям двустороннего сотрудничества, включая и культурный обмен, что выразилось в принятом 27 сентября 1954 г. решении Президиума ЦК КПСС о необходимости начать с югославской стороной переговоры по заключению соглашения на прокат советских кинокартин в Югославии и покупке югославских фильмов¹².

Несмотря на определенные элементы налаживания двустороннего сотрудничества и победные реляции каждой из сторон, итоги переговорного марафона по вопросам торговли не явились значительной победой какой-либо из них. Представлявшуюся выгодной югославской стороне структуру товарооборота надлежало еще наполнить. Уступки же советской стороны не привели к началу «братания»: В Белграде старались сохранять дистанцию в отношении общей советско-югославской нормализации. Комментируя завершение торговых переговоров, официальный представитель Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ подчеркнул, что Югославия просила включить в советские поставки зерно, но просьба была отвергнута¹³. Резкого ответа Москвы на появившийся в зарубежной печати официальный комментарий не последовало. Данное сообщение имело для руководства СССР второстепенное значение. Переговоры служили лишь фоном, на котором оно стремилось решить целый круг проблем, нагроможденных вокруг «югославского вопроса». Ввиду этого решили ограничиться нейтральным сообщением о завершении торговых переговоров, опубликовав его в советской печати 2 октября.

В Москве не были настроены на публичную полемику, намереваясь добиться результатов в закрытой переписке высших партийных органов обеих стран. Именно в таком ключе Кремль отреагировал на югославские замечания по поводу второго издания книги Ф.В. Константинова «Исторический материализм», о появлении которой посольство Югославии в СССР сообщило в Белград 7 сентября. Дипломаты обратили внимание своего руководства (копия данной телеграммы была передана из ГСИД ФНРЮ в ЦК СКЮ) на страницу 186 в главе «Государство и право», где указывалось, что «империалистические государства, опирающиеся на своих агентов... шпионскую клику Тито–Ранкович в Югославии, Райка в Венгрии, Трайчо Костова в Болгарии и Сланского в Чехословакии... стремятся к совершению государственных переворотов в странах народной демократии и реставрации капиталистического строя». Югославских дипломатов возмутило то,

что поступившая в продажу в августе книга ничем не отличалась от ее первого издания, которое появилось в 1951 г. в самый разгар конфликта¹⁴. Это давало возможность поставить под сомнение искренность намерений ЦК КПСС, высказанную в письме от 22 июня 1954 г.

Реакция в Москве на югославские замечания вновь последовала незамедлительно. Уже 16 сентября М.А. Суслов подготовил «на рассмотрение» проект письма Исполкому ЦК СКЮ «в связи с ошибкой, допущенной в отношении Югославии в книге “Исторический материализм”, изданной Госполитиздатом»¹⁵. Столь скорая реакция объяснялась тем, что в Москве готовился ответ на письмо ЦК СКЮ от 11 августа 1954 г. и руководство опасалось нарушить наметившийся, но пока еще хрупкий диалог из-за весьма пустячного вопроса – переиздания по инерции пресловутой конъюнктурной книги.

Параллельно с этим происходил полный пересмотр политики в отношении Югославии. С 17 по 23 сентября советские руководители вели длительные обсуждения, за которыми последовал ряд решений по югославскому вопросу (принятые якобы на заседании Президиума ЦК 17 сентября, они были оформлены только 23 сентября)¹⁶. Часть из них связывалась с направлением ответа на письмо ЦК СКЮ от 11 августа¹⁷ и оповещением о нем руководителей зарубежных коммунистических и рабочих партий¹⁸. О последних шагах советского руководства на югославском направлении впервые была поставлена в известность верхушка парт-аппарата¹⁹. К проекту ответа ЦК КПСС на письмо ЦК СКЮ от 11 августа участники заседания отнеслись очень внимательно – подготовленный к 17 сентября первоначальный вариант возвратили на доработку. В ходе обсуждения из текста, в частности, вычеркнули строки о том, что «возможные расхождения во мнениях по отдельным международным проблемам не должны служить препятствием к дальнейшему улучшению отношений между нашими странами»²⁰.

С 23 сентября 1954 г. вступило в жизнь еще одно решение Президиума ЦК КПСС – «признать нецелесообразной дальнейшую деятельность “Союза югославских патриотов”, поскольку эта деятельность может затруднить нормализацию отношений между СССР и Югославией». Отделу ЦК по связям с иностранными компартиями было поручено внести в ЦК предложения, связанные с роспуском «Союза югославских патриотов» и трудоустройством югославских политэмигрантов, освобожденных от работы в правлении Союза, редакций газеты «За социалистическую Югославию» и радиостанции «Свободная Югославия», предусмотрев для них сохранение существующего материального обеспечения²¹. Среди других шагов Президиума ЦК можно отме-

тить и решения по проблемам организации информационной политики в отношении ФНРЮ. Секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову поручалось «дать указание руководителям центральных газет, журналов, издательств, радио и ТАСС о необходимости приступить к публикации информации и материалов о Югославии, выдержанных в объективном духе»²².

За время затянувшегося обсуждения в Москве в сентябре югославского вопроса в ФНРЮ произошли события, которые обеспечили благоприятный фон дальнейшего развития отношений двух стран. В выступлении президента Тито на грандиозном 350-тысячном митинге в словенском городке Острожно 19 сентября 1954 г. прозвучали слова (хотя в достаточно туманной форме) о возможности сотрудничества со странами на Востоке не только в экономической области, но и в сфере политической²³. На следующий день в газете «Борба», опубликовавшей выступление (посвященное прежде всего взаимоотношениям ФНРЮ с Италией), в заголовках обыгрывались выражения Тито о том, что «в блоке, имеющем антисоциалистические тенденции, для нас нет места», а также фразы «мы окрашены в социалистические цвета» и «теперь нам вода не по самое горло»²⁴, которые означали, что югославские руководители после нормализации отношений с Москвой уже не опасались западного давления. Вторая фраза напрямую перекликалась с раздраженными репликами Тито в сторону Запада 19 июля на заседании Исполкома ЦК СКЮ.

В Москве эти слова интерпретировали благоприятным образом²⁵. Выступление Тито (и его резонанс в прессе) было отмечено как советской информационной службой, так и экспертами МИД СССР²⁶. Его краткое изложение появилось в советской печати 22 сентября²⁷. Заметим, в Москве оставили без внимания заключительные слова Тито о необходимости двусторонней нормализации и положительную характеристику отношений Югославии с Западом, которые прозвучали в том же выступлении. С учетом прежних высказываний Тито в подходах, заявленных 21 сентября, почти не содержалось новых оценок, а это означало, что в целом внешнеполитическая позиция ФНРЮ остается в неизменном виде. Тем не менее столь избирательный подход «Правды» к его выступлению, поданному в выгодном для советского курса в отношении Югославии свете, помог Хрущеву в принятии решения о следующем шаге в советско-югославских отношениях.

23 сентября 1954 г. Центральный Комитет за подписью Хрущева направил («третье») письмо в адрес «Исполкома ЦК СКЮ и товарища Тито»²⁸. В нем игнорировались все оговорки и условия, выдвинутые последним в письме от 11 августа. Фактически

продолжилась сложившаяся в переписке своеобразная практика, когда каждая из сторон замечала в письмах друг друга только то, что считала нужным. Так, авторы третьего советского послания делали вид, будто югославская сторона полностью согласна с позицией Москвы. В письме указывалось, что ЦК КПСС «с удовлетворением отмечает выраженное в нем согласие с предложениями об улучшении отношений между Югославией и СССР, изложенными в письме ЦК КПСС от 22 июня». Все оговорки, сделанные ранее югославами, назывались всего лишь «соображениями относительно необходимости приложить больше усилий для полного выяснения наших отношений и устранения отрицательных элементов, которые все еще портят эти отношения». При этом Хрущев заверил югославскую сторону в «полной поддержке» ее предложений.

Составители советского письма, по всей вероятности, предполагали, что те, кому в Белграде адресовались эти строки, могли интерпретировать их как согласие с югославской позицией, выраженной в письме Исполкома ЦК СКЮ от 11 августа. Прежде всего в Москве отмечали, что «вопросы нормализации и улучшения отношений между СССР и Югославией не должны быть поставлены в зависимость от развития внутренних вопросов и способов их решения». Было заявлено: развитие советско-югославских отношений должно способствовать улучшению международного положения обеих стран. Далее авторы послания пошли на очередную подтасовку позиций, заявив об удовлетворении ЦК КПСС «наличием единства взглядов по таким основным вопросам внешней политики, как равноправие и невмешательство в дела других стран, признание возможности мирного сосуществования и сотрудничества между странами с различными общественными системами, борьба за предотвращение войны и укрепление мира». Прочитанная фраза должна была означать для Белграда выполнение Москвой самого существенного условия – Кремль готов воспринимать руководство Югославии как равного партнера. Тем не менее сразу после этих строк в скрытом виде выдвигалось весьма туманное предложение, которое можно было понять и как приглашение вернуться в советский лагерь, и как некий призыв к координации усилий во внешней политике. «Как известно, – было заявлено в письме, – политика Советского Союза направлена на укрепление мира в Европе и во всем мире. Мы не сомневаемся, что Югославия внесет свой вклад в дело укрепления мира».

Констатируя, что в результате «обмена мнениями между нами устанавливается единство взглядов о необходимости коренным образом улучшить отношения между нашими странами», Кремль предлагал югославам открыть новую страницу во взаи-

моотношениях и «приступить к практическому устранению обеими сторонами отрицательных явлений, препятствующих сближению между Югославией и СССР». Москва попыталась продемонстрировать полную готовность пойти навстречу Белграду, пообещав «всемерно содействовать тому, чтобы любое предложение с вашей стороны, направленное на укрепление дружбы и сотрудничества между СССР и Югославией, встретило должное внимание органов Советского государства». Важность этого утверждения состояла в следующем: руководство ЦК КПСС намеревалось не только использовать нормализацию отношений с ФНРЮ для подтверждения главенства партийных органов над «органами Советского государства», но и соглашалось если не принять, то обсудить любое предложение Белграда. В этот раз советское руководство не ограничилось лишь словами, а, сделав выводы из прежних бесед дипломатов обеих стран, пошло на существенное ограничение деятельности югославской эмиграции, которая высказалась в ходе конфликта конца 40-х годов в пользу решений Коминформа.

В письме говорилось и о готовности выполнить условие югославов, просивших о содействии в нормализации отношений ФНРЮ со странами «советского блока». Данную уступку авторы послания достаточно искусно связали с необходимостью советско-югославского сближения: оно «благотворно скажется и на отношениях между Югославией и другими странами, с которыми в 1948 году ухудшились взаимоотношения». Они обещали, что «ЦК КПСС сообщит руководству братских партий стран народной демократии о выраженном вами пожелании нормализовать отношения с этими странами. Мы (т.е. советские руководство. – А.Е.) считаем, что успеха в этом деле можно будет достигнуть быстрее, если и с вашей стороны будут предприняты необходимые шаги». В такой же извилистой манере изъяснения, характерной для Никиты Сергеевича в частности и для всей советско-югославской переписки вообще, еще раз (несмотря на то что об этом уже говорилось в начале документа) составители письма попросили югославскую сторону сообщить о дополнительных практических мерах, которые «должны быть, по вашему мнению, осуществлены обеими сторонами в ближайшем будущем в целях установления между нашими странами взаимопонимания и искреннего сотрудничества».

В заключение авторы письма ЦК вновь вернулись к ключевому для Кремля вопросу о контактах между двумя компартиями. Югославский ответ от 11 августа 1954 г. был заведомо искажен. «Как следует из вашего письма, – отмечало советское руководство, – вы не имеете принципиальных возражений против восстановления контакта между СКЮ и КПСС, но считаете встречу пред-

ставителей партий преждевременной. Мы не настаиваем на организации такой встречи в данный момент, поскольку состоявшийся обмен письмами кладет начало для выяснения наших взаимоотношений». Затем, словно запямятовав о выраженном согласии с югославской позицией, авторы указали на «нецелесообразность затягивания на длительное время встречи представителей КПСС и СКЮ, так как личный контакт, несомненно, способствовал бы ускорению нормализации в отношениях между КПСС и СКЮ и между нашими государствами». Последняя фраза была «завернута» в идеологическую упаковку: «Выражая согласие с вашим предложением начать урегулирование наших отношений по государственной линии, мы вместе с тем считаем, что коренные интересы наших государств, интересы международного рабочего движения и великого дела мира и социализма обязывают наши партии приложить все усилия для установления дружественных отношений не только по официальной государственной линии».

Вновь вернувшись к принципам, на которых должны строиться отношения между Москвой и Белградом, авторы писали: «В своей внешней политике Советский Союз стремится к установлению и поддержанию нормальных отношений со всеми странами, независимо от существующих в них социально-экономических систем, в том числе и с капиталистическими странами». Иными словами, руководство СКЮ обрело широкий простор для догадок: то ли советская сторона рассчитывала на сотрудничество с Югославией как с капиталистической страной, то ли пыталась показать, что при наличии коммунистических партий, контакты двух стран должны быть иными, более близкими, нежели между СССР и капиталистическими государствами. «Обращаясь к вам с предложением о возобновлении взаимных связей, – говорилось в письме, – мы полагали само собой разумеющимся, что в ходе налаживания этих связей будет достигнута и полная нормализация отношений между нашими государствами. Но мы считали и считаем, что нормализацию отношений по государственной линии следовало бы считать лишь началом и что существуют объективные условия не только для улучшения связей между СССР и Югославией в соответствии с общепринятыми нормами межгосударственных отношений, но и для достижения взаимопонимания и сотрудничества между КПСС и СКЮ».

Далее авторы послания Центрального Комитета попытались еще более усилить аргументацию идеологическими заявлениями о «подлинно марксистских партиях» и «сотрудничестве на принципах марксизма-ленинизма». «Выраженная в вашем письме решимость отстаивать социалистический характер Югославского государства, – указывалось в документе, – является важной пред-

посылкой для установления между нашими партиями взаимопонимания и искреннего сотрудничества. Борьба за победу социализма, за построение коммунистического общества является конечной целью подлинно марксистских партий в отличие от всех других партий. Ради достижения этой великой цели они могут и должны добиваться взаимопонимания между собой. Сотрудничество наших партий на основе принципов марксизма-ленинизма необходимо не только в интересах Советского Союза и Югославии, но и в интересах консолидации международного рабочего движения, сплочения всех сил, борющихся за победу социализма. Коммунистическая партия Советского Союза, созданная великим Лениным, считает эти интересы превыше всего».

Не совсем понятно, насколько эта аргументация могла убедить югославов в необходимости «консолидации... и сплочения всех сил, борющихся за победу социализма», но данный пассаж об общих марксистско-ленинских основах КПСС и СКЮ явился, по сути, признанием коммунистического характера Союза коммунистов Югославии и отказом от всех прежних обвинений периода острой стадии конфликта 1948 г. Возвращаясь к его причинам, Москва продемонстрировала готовность не обсуждать «вопрос о виновниках разногласий 1948 года», так как он «не является главным, поскольку мы пришли к согласию в обоюдном стремлении к улучшению политических, экономических и других отношений между нашими странами». Сославшись на упоминание в югославском письме решений V и VI съездов СКЮ, авторы анализируемого текста перешли к той степени «откровенности», о которой упомянули несколько ранее, предложив югославам признать только решения V съезда КПЮ, но отказаться от решений его VI съезда. Было указано, что последние «носят отпечаток того состояния неприязни и взаимных тяжелых, часто несправедливых обвинений, к которым логика борьбы привела в те годы обе стороны... Такие обвинения еще появляются иногда в югославской и советской печати, как известное отражение отношений между нашими странами тех лет». Убеждая югославов пойти на отказ от решений VI съезда, авторы письма подчеркивали, что ЦК КПСС «принимает меры к тому, чтобы обеспечить должное освещение в советских газетах, журналах и книгах вопросов, относящихся к Югославии». В заключение выражалась уверенность в успехе полной нормализации: «Элементы недоверия, предубежденности, накопившиеся за истекшие годы, не могут исчезнуть сразу. Но мы твердо убеждены в том, что теперь, когда выявилось наличие у обеих сторон доброй воли и стремления к улучшению наших взаимоотношений на основе равноправия и взаимных выгод, дело сближения между советским и югославским народами,

между нашими партиями пойдет вперед, так как этого требуют интересы обеих стран и интересы мира и социализма»²⁹.

В тот же день, 23 сентября, Н.С. Хрущев, посчитав число «жестов доброй воли» в отношении югославской стороны недостаточным и стремясь подтвердить делом доказательство необходимости отказа Белграда от решений VI съезда, настоял на принятии постановления Президиума ЦК КПСС «О грубой ошибке, допущенной во втором издании книги “Исторический материализм”». В нем указывалось: были «допущены формулировки, могущие нанести ущерб нашим взаимоотношениям с Югославией». Основную вину за это возложили на руководство издательства «Госполитиздат». Оно, по мнению Президиума ЦК, «зная о характере публикуемых в настоящее время в советской печати материалов, относящихся к Югославии, проявило безответственность при выпуске книги... допустив в ней формулировки, не соответствующие указаниям ЦК КПСС». В постановлении отмечалось, что наряду с партийно-административными мерами в отношении работников издательства наказанию следует подвергнуть и авторов, допустивших перенесение текста времен конфликта во второе издание. Распространение тиража было приостановлено и принято решение «в нереализованную часть тиража внести необходимые исправления».

27 сентября копию данного постановления направили югославскому руководству («Исполкому ЦК СКЮ, товарищу Тито») вместе с сопроводительным письмом Хрущева, в котором сообщалось об осуждении советским руководством «неправильной и противоречащей указаниям ЦК КПСС формулировки» в книге «Исторический материализм». Создавалось впечатление, что Хрущев оправдывался в досадном проступке: «В книге, вопреки нашему желанию, по вине автора и “Госполитиздата” оказался возмутительный выпад против руководящих деятелей Югославии». Случившееся было названо «грубой ошибкой», а в заключение выражалась надежда на то, что югославским руководством данный случай «будет правильно понят и расценен как досадное недоразумение»³⁰.

Советское руководство хотело продемонстрировать югославской стороне, что взятый курс на политический диалог и возобновление партийных контактов является прочным, но вместе с тем не было намерено выказывать чрезмерную заинтересованность в его развитии. Посол СССР в Белграде В.А. Вальков не спешил с доставкой письма: 28 сентября он посетил заместителя главы Госсекретариата по иностранным делам ФНРЮ А. Беблера и, «согласно инструкциям своего правительства, запросил прием у Президента Республики». Узнав, что президента в столице нет, посол, в отличие от эпизодов с передачей верительных гра-

мот в июле 1953 г. и письма ЦК КПСС в июне 1954 г., сказал, что может подождать возвращения Тито в Белград³¹.

Москва не ограничилась данным письмом для подтверждения искренности своей позиции, демонстрируя ее при всяком удобном случае через другие каналы, в том числе полуофициальные контакты представителей советской интеллектуальной элиты с югославскими дипломатами. Как отмечалось в одной из телеграмм посольства ФНРЮ в Москве, два собеседника (их в посольстве называли представителями интеллигенции) заверяли югославских дипломатов в подлинном стремлении Советского Союза к нормализации отношений с Югославией. Один из собеседников подчеркнул, что «у них искренно и с симпатиями смотрят на улучшение отношений с Югославией», и выразил мнение, что «некоторые статьи в журналах, в которых говорится против Югославии, являются отражением инерции». Приведя пример с решением о наказаниях за соответствующий пассаж второго издания «Исторического материализма», советский собеседник сообщил, что Константинов «уже получил свое». Из обеих бесед югославские дипломаты сделали соответствующие выводы. По их мнению, «слишком хорошая информированность» первого «источника» позволяла считать, что «он действовал не по собственной инициативе», а выражал официальную позицию. Другой собеседник сообщил югославам, что «все библиотеки и учреждения» в СССР получили указание Совета Министров изъять из библиотек и уничтожить книгу «Тито – главарь предателей». В посольстве обратили внимание Белграда на аргументацию этого «источника», который заметил, что «прежде этого не могло случиться», «объясняя причины изменения отношений с ФНРЮ и другими странами» таким образом: произошло это, «помимо всего прочего, и потому, что к управлению государством пришли русские»³².

30 сентября в Белграде было заявлено, что нормализация отношений с Москвой достигла стадии, когда даже «политические» консультации могут быть возможны. В полуофициальном разъяснении официальной позиции некое ответственное и влиятельное во внешней политике лицо комментировало представителям иностранных средств массовой информации абзац об отношениях Югославии и государств «восточного блока» из выступления президента Тито в Острожно 22 сентября 1954 г. так: даже между СССР и США существует периодический обмен мнениями по политическим проблемам, но до сих пор этого не происходило между Югославией и Россией³³.

Демонстрация ЦК КПСС дальнейшей нормализации отношений с центральным руководством Союза коммунистов Югославии и возобновление контактов в сфере экономики послужили благоприятными предпосылками для решения двусторонних про-

блем. В конце сентября советская сторона в настойчивой форме вернулась к трем застарелым вопросам: об авиалинии Москва–Белград–Тирана, о постоянном представителе Советской Дунайской флотилии в Югославии и о визах для новых служащих посольства СССР в Белграде³⁴.

В беседах дипломаты соглашались с тем, что отношения «постепенно улучшаются», но отмечали «необходимость решительно идти дальше» и «продолжить сотрудничество в области культуры, спорта и других областях». На замечание югославы, что «такое уже имеется в известном объеме», советские представители указывали на желательность «более широкого и непосредственного сотрудничества». Югославские дипломаты, не отказываясь от сотрудничества в принципе, заявляли о необходимости для его достижения «благоприятной атмосферы, которая... еще не подготовлена». В качестве примера они приводили книгу Константинова, отмечая, что речь идет не о единственном случае, а об устоявшейся практике, а также вышедшую из печати минувшим летом в Москве книгу об Албании, в которой «клеветнически и в обидной форме» описываются югославо-албанские отношения. В ответ звучали заверения, что советское руководство «не одобряет такие тексты, оно против них, поскольку они не отвечают его позиции и политике в отношении Югославии». При этом указывалось на положительное значение претензий Белграда: именно «замечания югославской стороны как раз дали повод вмешаться и выступить против всех таких и подобных явлений в целом»³⁵. Кстати, приведенные советские оправдания создавали прецедент для вмешательства югославы во внутривластическую жизнь Советского Союза. Но все препирательства по мелочам прежде всего характеризовали качество переговоров, когда дипломаты не до конца доверяли друг другу и в своих решениях всецело зависели от вышестоящих партийных структур.

После того как советское руководство продемонстрировало политическую волю к конкретным действиям в деле нормализации, Тито принял решение подкрепить политические декларации практическими шагами. Однако подробности начавшейся переписки между Центральными Комитетами обеих компартий не выходили за рамки узкого круга высшего югославского руководства, информация о ней не поступала даже влиятельным дипломатам, работавшим на советском направлении. Хотя посол ФНРЮ в СССР Д. Видич и провел в Югославии большую часть сентября, он не был посвящен в тонкости обмена письмами. Вернувшись в Москву, он дважды (29 сентября и 7 октября) посетил МИД СССР. По результатам этих встреч дипломаты на Смоленской площади получили достаточно четкое представление о по-

зиции Белграда в отношении существующих препятствий на пути к нормализации.

В середине октября 1954 г. на Смоленской площади подготовили проект постановления ЦК КПСС об отношениях с Югославией³⁶. В проекте со ссылкой на «мнение югославских руководителей» суммировались двусторонние проблемы, о которых «прежде всего нужно было бы договориться». Были выделены три области, которые включали: изменение характера пропаганды, проводимой как Советским Союзом в отношении Югославии, так и Югославией в отношении Советского Союза, с тем чтобы в этой пропаганде «содержалась преимущественно информация о том, что происходит соответственно в СССР и Югославии и не затрагивались вопросы политики другой страны, которые вызывают разногласия»; прекращение деятельности Союза югославских эмигрантов в СССР и закрытие издаваемой ими газеты «Союз югославских патриотов»; организация встречи югославских воспитанников Суворовских училищ с представителями посольства Югославии.

Перечисленные предложения вытекали из упомянутых выше бесед с послом Видичем, но парадокс заключался в том, что составители проекта – советские дипломаты – также не были знакомы с недавними решениями Президиума ЦК, согласно которым все эти вопросы (за исключением проблемы югославских воспитанников) были сняты – об этом заявлялось в письме ЦК КПСС от 23 сентября. Советское руководство стремилось сохранить в полной тайне ведущийся обмен письмами между Центральными Комитетами двух партий.

В результате, учитывая, что по первым двум поднятым проблемам советское руководство уже приняло решение, аппарат Министерства иностранных дел СССР внес предложение о проведении встреч югославских дипломатов в военных училищах (а также в посольстве ФНРЮ в Москве с теми из воспитанников, кто этого пожелает), удовлетворявшее третье условие югославской стороны³⁷.

Уверенность Белграда в позитивных сдвигах на советском направлении оказалась столь значительна, что несколько ранее, 13 октября, югославы сообщили об этом американским дипломатам (умолчав о переписке между Центральными Комитетами компартий), преподнося это как серию взаимных жестов-уступок. В ходе беседы А. Беблера с поверенным в делах США Уоллнером к числу советских шагов в сторону нормализации, наряду с торговыми соглашениями, югославский дипломат отнес добровольное закрытие расположенной близ Бухареста «подрывной» радиостанции «Свободная Югославия», используя которую югославская проталински настроенная эмиграция (на югославском партийном сленге – «дезертиры») регулярно вела вещание на

территорию ФНРЮ. Примирительными жестами советской стороны он назвал также закрытие ряда печатных органов югославской коммунистической эмиграции, сдержанный тон прессы в отношении Югославии, и в частности, советскую реакцию на соглашение по поводу решения триестского кризиса. Беблер рассказал американскому собеседнику, что югославское правительство пошло навстречу двум настоятельным просьбам СССР – выдало визы представителю советских кинематографистов для переговоров об обмене кинокартинами и их показе, а также дало согласие на перелеты советских самолетов в Тирану через воздушное пространство ФНРЮ. Он добавил, что Москва требовала установления авиасообщения более года. «Учитывая тот факт, что западным самолетам разрешены подобные перелеты, и доброжелательные жесты советской стороны, Белград решил ответить положительно», – объяснил американцу высокопоставленный югославский дипломат³⁸.

Параллельно с расчисткой крупных препятствий обе стороны делали шаги по созданию доверительного контекста для дальнейшего развития отношений. 13 октября югославский ГСИД сообщил посольству СССР о принятом решении перенести на совместное кладбище останки всех погибших при освобождении Белграда советских и югославских воинов, и о предстоящем 20 октября официальном открытии такого захоронения³⁹. Президент ФНРЮ заявил о намерении также продолжить процесс отладки торговых связей между странами. 11 октября во время встречи с Тито Вальков предложил направить в Москву югославскую правительственную делегацию на высоком уровне для проведения переговоров о межправительственном торговом соглашении сроком на один год. Президент ожидал приглашения и принял его⁴⁰.

Готовясь к этому визиту, югославское посольство в Москве вело самую тщательную подготовку, скрупулезно собирая информацию. 18 октября секретари дипмиссии Кликовац и Божич были приняты в Министерстве внешней торговли СССР заместителем министра В. Виноградовым. Анализируя состоявшуюся беседу, посольство ФНРЮ отмечало доброжелательность советских чиновников, которые были «весьма любезны и предупредительны». Хотя основной темой беседы служило обсуждение вопросов режима и организации внешней торговли, у югославы сложилось впечатление, что в Москве сожалеют об отказе советской делегации в сентябре пойти навстречу в вопросе о поставках пшеницы. В конце беседы Виноградов подчеркнул, что при необходимости или для лучшего понимания проблем работники посольства могут свободно обращаться в МВТ за разъяснениями. «Любезность и предупредительность русских» отмечались сотрудниками югославской дипмиссии и в ходе других встреч на той же неделе⁴¹.

В октябре 1954 г. пристальный интерес югославы стали вызывать идеологические процессы в Советском Союзе. В это время югославская сторона под влиянием переписки между Центральными Комитетами стала уделять много времени изучению проблем идеологии и вопросам культурных связей. В результате повторного напоминания посла Видича о желательности его встреч с заместителем Председателя правительства М.З. Сабуровым и министром культуры СССР Г.Ф. Александровым согласие на встречи было получено. Когда Видич беседовал об этом с одним из советских чиновников, то «довольно пространно говорил, что он рад изменениям к лучшему в отношениях между СССР и Югославией и что это очень важно не только для интересов обеих стран, но и в целом для дела социализма»⁴². Последнее высказывание свидетельствовало о том, что к тому времени Видич, хотя и в общих чертах, но все же был знаком с содержанием переписки между ЦК партий и учитывал высказываемые в ней идеи, «творчески» включая их в свои беседы. В МИД СССР давно и тщательно отслеживали все высказывания югославской стороны по проблемам социализма⁴³.

Установление реального советско-югославского диалога сказалось и на общей ситуации в Югославии, что не осталось без внимания Москвы. В начале октября 1954 г. в ФНРЮ было отменено чрезвычайное военное положение, введенное в 1948 г.⁴⁴ Перелом в освещении сюжетов об СССР югославской печатью заметили и советские дипломаты в Белграде. В очередном тематическом отчете посольства указывалось, что с 20 октября подход югославской печати к «советским темам» характеризуется благожелательным нейтралитетом, что связывалось авторами отчета с «соответствующими указаниями сверху»⁴⁵.

Югославские дипломаты в Москве, в свою очередь, также сообщали о благоприятных признаках советского поведения в отношении Югославии. 15 октября посол Видич направил телеграмму в Белград, уведомляя: Библиотека имени В.И. Ленина не получила последние три номера газеты «За социалистическую Югославию». На основе этого в посольстве предположили, что, «по всей вероятности, она больше не выходит». К числу других положительных фактов отнесли изъятие из каталогов той же библиотеки «всех материалов, в которых оклеветаны наши высшие руководители, а также и других политических материалов». В телеграмме указывалось: в каталоге «остался старый материал на тему югославянской истории и кое-что об экономическом кризисе» в современной Югославии. В дипмиссии стало известно и о полученном библиотекой МГУ правительственным распоряжении о запрещении книги «Тито – главарь предателей»⁴⁶.

Все эти изменения были замечены посольством ФНРЮ еще до того, как советское руководство по каналам МИД дало положительные ответы на югославские требования. Поэтому когда 18 октября заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин в соответствии с решением Президиума ЦК КПСС (фактически советский чиновник говорил о решениях, обсуждавшихся и принятых советским руководством еще во второй половине сентября 1954 г.) сообщил Видичу о положительном ответе на все три вопроса, поднятых тем во время недавних встреч в МИД СССР, в Белграде уже не ставили под сомнение искренность его слов. Согласие советской стороны мотивировалось тем, что это необходимо «в целях дальнейшего улучшения отношений между СССР и Югославией и укрепления дружественных связей между народами наших стран». Зорин констатировал, что «за последнее время в советской печати и по радио систематически публикуются материалы, освещающие вопросы внешней и внутренней политики Югославии с учетом тех изменений, которые происходят в отношениях между нашими странами». Заместитель министра также заявил о прекращении деятельности «Союза югославских патриотов» и закрытии эмигрантских газет и сообщил, что советское правительство пошло навстречу требованиям относительно югославских воспитанников, дав согласие на беседы сотрудников посольства ФНРЮ с офицерами по месту обучения и разрешив тем из суворовцев, кто изъявит желание, приехать в диппредставительство⁴⁷. Он заметил, что в Москве ждут ответных действий: «Предпринимая необходимые меры в интересах сближения между Советским Союзом и Югославией, мы ожидаем, что и со стороны Югославии будут предприняты соответствующие шаги»⁴⁸. Поскольку в одобренном Президиумом ЦК КПСС «устном сообщении», эти «соответствующие шаги» перечислены не были, данная фраза оставила югославам простор для фантазий, но в то же время позволяла не спешить с ответными жестами.

Возобновление экономического сотрудничества, устранение наиболее сложных спорных вопросов – следствий конфликта 1948 г. – и налаживание политического диалога между руководством двух стран в форме тайной переписки потребовали нового осмысления состояния двусторонних отношений и постановки обновленных тактических целей. 21 октября заведующий IV Европейским отделом МИД М.В. Зимянин направил В.М. Молотову служебную записку «О некоторых фактах, характеризующих внешнюю политику Югославии за последнее время (вторая половина 1954 г.)»⁴⁹. Как и большинство ранее подготовленных в МИД информационно-аналитических документов, материал начинался с констатации изменений в советско-югославских отно-

шениях, которые приписывались успешной политике Кремля на международной арене. «В результате предпринятых Советским Союзом мер по вопросам отношений с Югославией правительство Югославии осуществило ряд шагов по линии нормализации отношений с СССР и странами народной демократии. 1 октября с. г. в Белграде было подписано компенсационное торговое соглашение СССР с Югославией. Югославы пошли на развитие культурных связей с СССР, в частности, высказались за обмен фильмами, культурными делегациями и т.п.», – отмечал Зимянин. В подтверждение данного тезиса он привел обещание заместителя госсекретаря по иностранным делам А. Беблера возобновить переговоры о полетах советских самолетов по маршруту Москва–Белград–Тирана, «хотя конкретных предложений с югославской стороны еще не внесено». Также обращалось внимание на то, что «со стороны югославы была проявлена значительная заинтересованность в возобновлении торговых отношений с народно-демократическими странами». По мнению Зимянина, «предпринятые СССР мероприятия по отношению к Югославии и связанное с этим улучшение отношений ее со странами демократического лагеря привели к тому, что югославские руководящие лица и печать стали высказываться о “Европейском Оборонительном Союзе” (ЕОС), СЕАТО, Брюссельском договоре и Лондонских соглашениях в общем отрицательно, несмотря на завуалированный характер этих высказываний. Появились критические высказывания об Атлантическом блоке».

В документе особо выделялось выступление И. Броз Тито в Острожно в сентябре 1954 г., где лидер ФНРЮ подверг критике ЕОС и назвал его «недоноском», высказавшись, по мнению автора документа, «в нарочито туманной форме за идею коллективной безопасности в Европе». Продолжая анализ официальной линии югославского правительства в области внешней политики, Зимянин заметил, что «ее направленность, как ее стремятся представить правящие круги Югославии, сводится к тому, чтобы сохранить для Югославии положение, при котором она не входила бы ни в какой из двух лагерей». Автор записки подчеркнул, что «эта политика лавирования между двумя лагерями не может являться ничем иным, как отражением сложности и противоречивости внутри- и внешнеполитического положения Югославии». Он также указывал на демонстрацию тесной связи ФНРЮ с Западом, ибо та «ввиду большой экономической зависимости от США и других капиталистических государств нуждается в дальнейшей экономической помощи».

Наряду с этим Зимянин особо отметил: «За последнее время в личных беседах с представителями СССР и стран народной демократии представители Югославии идут значительно дальше,

высказываясь против американцев, за более тесное сотрудничество с СССР и другими странами демократического лагеря». В качестве примеров в записке приводилось высказывание Э. Карделя в беседе с послом Румынии: «Где же быть Югославии, строящей социализм, как не вместе с другими странами, строящими социализм?», – а также его же слова о «провокационной политике монополистических кругов США». Зимянин напомнил, что в ряде бесед Тито, Карделя и Беблера с Вальковым и посла Видича в Москве высказаны пожелания успешного развития советско-югославских отношений. Обобщая их высказывания, он с уверенностью заявил: «Между официальными и неофициальными заявлениями югославских руководителей есть значительный разрыв. Это явление требует серьезного изучения».

Кроме того, сославшись на мнение руководимого им Отдела, Зимянин сделал ряд «выводов и внес предложения». Здесь он вновь вернулся к восхвалению «проводимой Советским Союзом линии в отношении с Югославией», которая «дала серьезные положительные результаты, повысив влияние СССР на народы Югославии, способствуя срыву агрессивных антисоветских планов США на Балканах, затруднив действия антисоветских элементов в самой Югославии». Последующие его оценки представлялись реалистичными: «Нельзя не видеть, что правящие круги Югославии пошли на нормализацию отношений с СССР в тех пределах, которые выгодны с их точки зрения, т.е. способствуют укреплению внешнеполитического положения Югославии, повышают акции югославского правительства, дают ему возможность лавировать во внешней политике в своих целях». Отдел признал «целесообразным выдвигать по нашей линии такие мероприятия, связанные с дальнейшим развитием советско-югославских отношений, которые ставили бы правительство Югославии перед необходимостью идти на дальнейшее сближение с СССР и странами народной демократии». Среди мероприятий в области внешней политики предлагалось проведение зондирования с целью предугадать возможное отношение правительства Югославии «к предложению совместных действий..., направленных против планов США по вовлечению Италии в Балканский союз и расширению антисоветского плацдарма в этом регионе», а также оценить его взгляды на перспективы установления дипломатических отношений с ГДР. Указывалось, что две-три акции с положительным результатом «явятся одним из важных условий для того, чтобы обратиться к вопросу о восстановлении Договора о дружбе и взаимной помощи между СССР и Югославией». К перечисленному добавлялись и культурное сотрудничество, обмен делегациями, правдивое освещение советско-югославских контактов в прессе.

Дальнейшее развитие отношений Зимянин ставил в зависимости от ответа Тито на сентябрьские послания ЦК КПСС, которые он обозначил в документе как «второй визит Валькова к Тито»⁵⁰. Среди ближайших шагов по налаживанию связей предполагалось: «Предложить югославам разработать согласованные мероприятия по культурному сотрудничеству, имея в виду направление в Югославию и, соответственно, в СССР, крупных художественных коллективов – театральных, хоровых, хореографических, а также отдельных исполнителей; обмен научными, культурными делегациями и спортивными коллективами, художественными выставками и фото-витринами»; «Предложить югославам организовать продажу в Белграде и, соответственно, в Москве, крупнейших советских и югославских газет и журналов». Отдел считал возможным «поставить вопрос об издании посольством СССР в Югославии и, если югославы сочтут целесообразным, югославским посольством в СССР специальных информационных бюллетеней»⁵¹.

Если докладная записка Зимянина от 21 октября 1954 г. подводила итоги развития отношений СССР и ФНРЮ за последние месяцы и намечала общий курс в «югославском вопросе», то некоторые высказывания посла Валькова, сделанные в кругу дипломатов стран народной демократии в Белграде, раскрывали советские надежды на реализацию этого курса. Позицию посла СССР отразила копия донесения в Будапешт венгерского посла в Югославии Ш. Куримски о беседе, состоявшейся 26 октября, на ужине у его болгарского коллеги Ангелова⁵². В тот вечер Куримски оказался свидетелем достаточно жесткой полемики между Вальковым и Беблером. После ухода югослава, оставшись среди «представителей дружественных стран», советский дипломат заявил: Беблер – «старый американский агент, как и Джурич», и заметил, что Тито во время встреч «говорил с ним совсем по-иному». На предположение венгра о том, что Беблер «может вредить в области развертывания нормализации», Вальков ответил: «Может вредить, если хочет, но не очень смеет это сделать. Беблер и Попович такие фигуры, которые не смеют не выполнить указание Тито, а Ранкович выполняет все указания Тито». Назвав Тито и Карделя «самыми важными личностями» в югославском руководстве, Вальков напомнил – задача дипломатов состоит в том, что «югославский народ должен широко узнать о нашем стремлении к нормализации через культурные, спортивные, торговые и прочие связи», «о результатах, достигнутых нашими странами»⁵³, о том, «что мы искренне сближаемся с ними. Нам важны не Беблеры, а югославский народ». После сказанного дипломат, очевидно, не сдержавшись, заявил, что «когда они с Тито один на один, то называют друг друга товарищами». Открове-

ния посла СССР даже перед союзниками, по всей вероятности, не входили в планы его руководства. На полученном через советского советника в МВД Венгрии документе Зорин написал, что Вальков «говорил много лишнего», с чем согласился и Молотов, заметивший, что тот «слишком разговорился»⁵⁴.

25 октября 1954 г. в Союзной Народной скупщине президент Тито зачитал доклад о внешней политике Югославии. Рассказывая об урегулировании «триестского вопроса», югославский лидер «с удовлетворением констатировал», что «дополнительно и правительство СССР выразило свое согласие с соглашением, которое достигнуто между двумя непосредственно заинтересованными правительствами. Мы это решение позитивно оценили, как жест, направленный на уменьшение международной напряженности и на согласованное решение спорных вопросов»⁵⁵.

В специальном разделе доклада, озаглавленном «Нормализация отношений с восточными странами», президент напомнил, что предложения о восстановлении полных дипломатических отношений «на протяжении прошлого года и в этом году поступили от Советского Союза и остальных восточноевропейских стран за исключением Польши». Он говорил о принятии поступивших предложений «в соответствии с неоднократно подчеркиваемой нами позицией и выражавшейся нами готовностью поддерживать связи на основе равноправности и уважения принципов независимости со всеми странами, которые сами готовы уважать эти принципы». Тито отметил созвучие проводимой политики с национальными интересами Югославии и требованиями международной стабильности: «Нормализацию можно считать важным вкладом в укрепление мира на земле, ибо устранен серьезный негативный фактор международной напряженности и озабоченности, что представляет огромное облегчение для нашей страны».

Югославский лидер не прошел мимо некоторых конкретных позитивных результатов, достигнутых в последнее время, он указал на «частичное возобновление экономических связей посредством заключения компенсационных договоров почти со всеми странами («восточного блока». – А.Е.)». Он также придал особое значение роспуску враждебных ФНРЮ югославских эмигрантских организаций, прекращению антиюгославских публикаций, радиопропаганды и глушения югославских радиопередач. Тито упомянул и «первые контакты в области культуры и спорта». По его мнению, все это «дает право утверждать, что предрекавшийся нами процесс нормализации начался и уже достиг определенной степени. Начало вселяет надежды на его дальнейшее развитие». «Вместе с тем, – предостерег президент, – не следует упускать из виду, что в наследство от прошлого досталось достаточно сложных проблем, которые вообще еще и не затронуты»⁵⁶.

Он особо оговорил, что «нет потребности заниматься рассмотрением причин и мотивов, которые подтолкнули Советский Союз и страны Восточной Европы к проведению сегодняшней политики нормализации отношений», хотя отметил, что «причины и мотивы» связаны с общим изменением советской внешней политики. Отдельно высказался лидер ФНРЮ о витающих как в Югославии, так и «в некоторых кругах вне страны», слухах: якобы предложения по нормализации являются «мышеловкой» или «просто маневром». Отвергая подобные предположения, Тито заметил: «Если кто и имеет право об этом судить, то только мы. Мы, с нашим опытом (взаимоотношений с Москвой. – А.Е.), имеем на это самые большие права. Мы умеем оценить, что есть маневр, а что – позитивный шаг»⁵⁷. Он не упомянул даже намеком о начавшейся переписке с советским руководством, но именно обмен посланиями позволил ему вести себя столь решительно.

Эти и другие высказывания югославского руководства и публикации в СМИ подвергались тщательному изучению и скрупулезно заносились в категории «положительных» и «негативных» в соответствующих документах посольства СССР в ФНРЮ⁵⁸. В целом заявления югославской стороны создавали благоприятный фон для встреч Видича с советскими высшими лицами, эмбарго на которые советский МИД отменил в изменившейся атмосфере двусторонних связей. В ответ на напоминание посла Югославии о высказанной еще весной 1954 г. просьбе помочь организовать его встречи с рядом членов правительства 22 октября В.М. Молотов направил в ЦК КПСС проект постановления о согласии с предложениями МИД СССР о приеме Видича М.С. Сабуровым и Г.Ф. Александровым⁵⁹.

На встрече Видича с Александровым 28 октября⁶⁰ беседа развивалась вокруг темы понимания марксизма и югославского опыта развития. Посол в контексте последних заявлений Тито перевел разговор на рассказ о специфике югославского пути движения к социализму. Министр согласился, что «серьезная марксистская критика больше не может обходить исторический опыт Югославии», сказав, что он должен служить предметом изучения в Советском Союзе. Когда разговор коснулся книги «Исторический материализм», посол обратил внимание, как Александров «радостно заметил, что в ней нет ничего негативного о Югославии».

В продолжение беседы Видич подчеркнул: объективное информирование о Югославии лучше всего помогло бы «выправлению» мнения советской общественности о нашей стране, созданного в последние годы, и добавил, что не исключает взаимной критики. Александров ответил, что он лично, как непосредственно ответственный за издательскую деятельность предпринимает

необходимые шаги. Книга Константинова «Исторический материализм» подверглась критике в редакционной статье сентябрьского номера теоретического журнала ЦК КПСС «Коммунист»; в ней в общей форме были затронуты особенности позиции ФНРЮ. Некоторые люди вследствие этого понесли наказание. Министр культуры упомянул также о подготовке еще одной статьи в журнале «Коммунист», где «прямо и открыто осуждены ошибки книги», и о новом ее издании без отрицательных характеристик Югославии. «По всем этим вопросам уже информирован товарищ Тито», – отметил Александров. Употребление слова «товарищ» в данном случае Видич не мог не заметить, так как лишь в общих чертах был знаком с начавшейся перепиской между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, в которой к тому времени Хрущев уже несколько раз назвал Тито «товарищем». В целом собеседники остались довольны результатами беседы. В ее ходе стороны рассмотрели также восемь возможных конкретных проектов сотрудничества в области культуры⁶¹.

На следующий день, 29 октября, посла ФНРЮ принял заместитель Председателя СМ СССР М.З. Сабуров. В начале беседы, сославшись на свое недавнее пребывание в Белграде, Видич заметил, что «у руководства Югославии есть полная уверенность в искренности намерений ЦК КПСС и советского правительства улучшить отношения между двумя странами». В ответ Сабуров подтвердил, что ЦК КПСС и советское правительство «действительно желают восстановить добрые отношения между нашими странами. Приятно слышать слова посла о том, что это понимают в Югославии». Второй важной составной частью беседы, по мнению Видича, стал выраженный его собеседником интерес к особенностям устройства механизма, сложившегося в Югославии после 1950 г. Советский руководитель получил подробные ответы Видича на все вопросы⁶².

Беседы посла ФНРЮ в Москве были важны для уточнения как общего фона, так и конкретных проблем советско-югославских отношений. Руководство страны вело тщательную подготовку к принятию политического решения о дальнейшем развитии связей с Советским Союзом. В Белграде продолжали внимательно изучать все нюансы советского поведения. В частности, в одном из аналитических документов (подписан бывшим послом ФНРЮ в США С. Косановичем и посвящен работе пропагандистской машины Югославии) относительно антиюгославской кампании в странах «советского блока» констатировалось ее прекращение в коминформовской прессе и радио в виде «оголтелых нападок на государственное руководство», особенно с тех пор как остановлена работа радиостанции «Свободная Югославия». Однако эксперты предупреждали, что «вместо открытой борьбы

против нашей политики» появляется новый вид пропаганды в форме «скрытых, замаскированных действий». Указывалось, что лучше всего это заметно в передачах коминформовских радиостанций, которые пытаются некоторые события и даты из югославской истории, в частности периода народно-освободительной борьбы, «использовать в своей пропаганде на нашем языке против нашей политики»⁶³.

Третьего ноября 1954 г. в Белграде собрался Исполком ЦК Союза коммунистов, первым вопросом повестки дня заседания которого стояло обсуждение «отношений с КПСС и СССР». В присутствии членов Исполкома был зачитан ответ югославского руководства на первое письмо ЦК КПСС и сообщено об устном ответе Карделя на письмо из Москвы от 22 июня, переданном в конце июля через советского посла Валькова в несколько более сжатой редакции⁶⁴. Были оглашены также последние письма ЦК КПСС, включая сообщения о репрессивных мерах, принятых против авторов, чиновников и книгоиздателей, виновных в перепечатке враждебных характеристик Югославии при переиздании книги «Исторический материализм».

Обсуждение начал Тито. Он указал на значение последних писем ЦК КПСС, после которых уже «нельзя говорить о маневрах», так как они свидетельствуют «о серьезных намерениях». Он подчеркнул, что советские лидеры «дали нам документы, которые исключают сомнения в их искренности». Лидер Югославии сказал о необходимости ответа на письмо ЦК КПСС. Далее последовали принципиально значимые слова: «Нормализация отношений с СССР является таким важным вопросом, что его невозможно подчинять помощи, которую мы получаем от западных стран». Впрочем, Тито выразил уверенность в том, что отношения с Западом все же не изменятся, ибо «там, даже в США, есть политики, которые реально и трезво смотрят на события»⁶⁵.

В унисон Тито говорил Э. Кардель, который упомянул (как было отмечено в стенограмме заседания), что во время поездок по Европе он и В. Бакарич (лидер Союза коммунистов Хорватии) «пришли к мысли, что уменьшение военной опасности и ослабление напряженности привели к росту авторитета нашей страны. Либеральные и прогрессивные силы на Западе боятся США и Германии, не хотят войны с СССР. Они приветствуют проводимую СССР политику ослабления международной напряженности и склонны к сотрудничеству, если получают заверения в том, что русские не хотят войны и не будут использовать против них партии Коминформа». «Поэтому, – отметил Кардель, – они внимательно следят за развитием наших отношений с СССР. Им еще не ясны и пока не представляются убедительными наши оптимистические предсказания в отношении дальнейшей политики СССР».

Кардель посчитал важным, чтобы «вместе с нормализацией наших отношений с СССР шло и ослабление напряженности в мире вообще»⁶⁶.

Весомым аргументом в поддержку политики высшего руководства Югославии явилось выступление куратора спецслужб А. Ранковича (в стенограмме был приведен его партизанский псевдоним «Марко»), который выразил согласие с данной Тито оценкой значения последних советских писем. «Дело не в маневре и неискреннем поступке», – подчеркнул Ранкович и предложил найти способ проинформировать аппарат СКЮ о переписке, ибо «неосведомленность наших кадровых работников наносит нам вред, например в печати». Оценивая действия руководства СССР, он заметил: хотя советские лидеры не говорят открыто о переписке и «нет перспектив, что они будут публиковать письма, судя по всему, они оповестили очень широкий круг людей»; они «совершенно ясно и определенно готовят руководителей партий в восточных странах» к нормализации советско-югославских отношений. Ранкович также указал на ряд признаков, свидетельствующих о том, что советские партийные руководители «достаточно быстро продвигаются к открытому осуждению Сталина»⁶⁷.

Ноты критики действий Запада в отношении Югославии внес в обсуждение вице-премьер С. Вукманович-Темпо. По его словам, «американцы в известной мере, хотя весьма скрытно», оказывают давление на Белград, используя то обстоятельство, что решение о предоставлении помощи какой-либо стране принимает Конгресс с учетом ее политики. Он предсказал дальнейшее давление со стороны США и отметил целесообразность в будущем «реализовывать такие планы и принимать такие меры, которые позволили бы не зависеть от их помощи». В качестве примера зависимости ФНРЮ от США Вукманович привел поставки американской пшеницы⁶⁸. Его выступление получилось знаковым, так как в эти дни вице-премьер готовился вылететь во главе югославской торговой делегации в Вашингтон для участия в переговорах с американской администрацией по экономическим и финансовым проблемам.

Подводя итог дискуссии, Тито вернулся к вопросу о необходимости публикации переписки между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, так как считал, что он «связан с возможной враждебной пропагандой, которая попытается придать нашим отношениям с СССР иной характер». Югославский лидер сделал вывод: «Развитие отношений дошло до того, что вопросы не могут быть решены через обмен письмами и необходима организация встречи». На данном заседании Исполкома ЦК СКЮ советская тема не упускалась Тито и при обсуждении общих вопросов международной политики. Генеральный секретарь ЦК СКЮ говорил о СССР, когда

зашла речь о возможности вхождения Италии в Балканский пакт. Он полагал, что участие Рима в нем помешает нормализации отношений между Югославией и Советским Союзом. Несколько позже при рассмотрении вопросов внешнеэкономических связей, прозвучала ремарка Тито о том, что «стратегическое сырье в настоящее время мы СССР не поставляем, но это не может продолжаться постоянно»⁶⁹.

Заседание Исполкома ЦК СКЮ завершилось принятием ряда решений: кратко ответить на последнее письмо советской стороны; предложить встречу Тито и Маленкова в Югославии (а в случае советского отказа, «найти другие формы личной встречи») ⁷⁰. Внешнеполитическому ведомству было поручено формирование двух рабочих комиссий: по «подготовке материалов по проблемам экономических отношений Югославии с СССР и восточными странами» и по «проработке остальных политических и прочих вопросов»⁷¹. Было принято и решение о проведении пленума ЦК СКЮ 26 ноября 1954 г. для ознакомления его членов с развитием советско-югославских отношений⁷².

Заседание Исполкома ЦК СКЮ 3 ноября задало направление восприятию в Югославии (и правящей элитой, и обществом) нормализации советско-югославских отношений, хотя намеченный курс еще требовал утверждения большей частью политической элиты и некоторого времени, чтобы навязать его всему обществу. Для решения поставленной задачи предстояло приложить достаточно серьезные усилия. Кроме того, важно было соблюсти баланс между Востоком и Западом. Высшее руководство Югославии интуитивно, а отчасти сознательно приходило к выводу, что югославскому государству в предстоящие десятилетия следует придерживаться независимой политики в рамках продолжавшегося противостояния двух военно-политических и экономических систем, возглавлявшихся СССР и США. Именно поэтому выкристаллизовавшийся курс действий руководства ФНРЮ в отношении Советского Союза противоречил избранной стратегии советских государственных и партийных руководителей по постепенному возвращению Югославии в социалистический лагерь.

2. «Мы твердо намерены сидеть только на одном стуле, а именно на своем...»* (ноябрь – декабрь 1954 года)

Несмотря на то что к осени 1954 г. высшее партийное и государственное руководство ФНРЮ открыто взяло курс на улучшение отношений с СССР, оно не спешило с ответом на письмо ЦК КПСС от 22 сентября. В Белграде не желали сотрясать воздух в момент завершающей стадии подготовки договоренностей по урегулированию проблемы вокруг Триеста. Кроме того, югославское руководство ожидало публичных программных заявлений советской стороны, которые в СССР не делали со дня выступления Председателя правительства Г.М. Маленкова в августе 1953 г. Подходящим моментом могли стать юбилейные торжества по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Ожидания Белграда подтвердились в полной мере. Публичным выражением позиции Москвы стало выступление заместителя Маленкова М.З. Сабурова на торжественном заседании в Моссовете 6 ноября 1954 г. Хотя докладчик, естественно, не отразил всех тем, которые обсуждались на недавних советско-югославских встречах, его слова, посвященные отношениям с Югославией, являлись знаковыми.

«За последнее время, – говорил Сабуров, – улучшились отношения нашей страны с Югославией. Устранены некоторые препятствия, тормозившие нормализацию отношений между СССР и Югославией, предприняты шаги к возобновлению торговли и организации связей по культурным и другим вопросам. Югославское правительство изъявило готовность сотрудничать в деле улучшения отношений с Советским Союзом. Что касается Советского правительства, то оно считает полезным в интересах народов обеих стран использовать все возможности для установления нормальных и дружественных связей. Проявления ссоры и неприязни, наблюдавшиеся в последние годы между нашими государствами, выгодны только врагам СССР и Югославии, врагам мира. И наоборот, сотрудничество и искренняя дружба между народами Советского Союза и Югославии полностью соответствуют не только интересам наших стран, но и интересам мира во всем мире. Советское правительство со своей стороны будет и впредь всемерно содействовать полной нормализации советско-югославских отношений, укреплению старинной дружбы наших народов с братскими народами Югославии и надеется, что оно встретит здесь полное взаимопонимание с югославской стороны»⁷³.

* Из письма ЦК СКЮ от 24 ноября 1954 г. в адрес ЦК КПСС.

По всей вероятности, последовавшие за этим слова: «предложение Советского правительства о возможности и необходимости разрешать спорные международные вопросы на основе договоренности между заинтересованными странами, в интересах дальнейшего укрепления мира и обеспечения свободного развития народов»⁷⁴, – были включены в выступление сразу после югославской темы не случайно, а дабы оттенить нормализацию отношений с Югославией общедемократическими задачами развития международных отношений. Тем не менее стержневой фразой высказывания Сабурова явилось определение ближайших задач в «югославском» абзаце текста: «Использовать все возможности для установления нормальных и дружественных связей».

В югославских СМИ выступление Сабурова встретили более чем благоприятно. 7 ноября газета «Борба» напечатала статью «Правительство СССР будет содействовать полной нормализации советско-югославских отношений». Посвященный Югославии текст приводился полностью и не подвергся ни сокращению, ни редактированию. Для экспертов и сведущих лиц понятно, что слова: «устранены некоторые препятствия, тормозившие нормализацию отношений», – означали именно выполнение Москвой условий Белграда в отношении пропаганды, деятельности эмиграции и т.п., а не наоборот. В том же номере газеты была опубликована поздравительная телеграмма руководства ФНРЮ советским руководителям по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Столь же теплой выглядела реакция и в других изданиях. Все названные материалы советское посольство передало в Москву⁷⁵.

Посол ФНРЮ в СССР Д. Видич, ставший «героем дня» среди зарубежных дипломатов после праздничного выступления Сабурова⁷⁶, всю последующую неделю служил главным объектом внимания своих иностранных коллег и корреспондентов иностранных СМИ. Взволновал зарубежных представителей и такой факт: советские лидеры уделяли югославскому послу повышенное внимание, делая это нарочито подчеркнуто. На устроенном вечером 7 ноября приеме в Кремлевском дворце после нескольких общих тостов В.М. Молотов и Г.М. Маленков начали обход гостей. Как раз тогда Видич был приглашен докладчиком за «хозяйский стол» для беседы с Хрущевым и занял там место Маленкова. Разговор шел вокруг высказываний, содержащихся в докладе Сабурова. К оживленной беседе между Хрущевым и Видичем позже присоединился Маленков, который, увидев свое место занятым, сначала стоял около собеседников, а затем присел рядом на принесенный кем-то стул. Во время беседы Никита Сергеевич стучал указательным пальцем по лацкану пиджака посла

ФНРЮ, а тот отвечал Первому секретарю ЦК КПСС тем же. Этот эпизод превратился в главное событие вечера⁷⁷.

Видич немедленно доложил в Белград о состоявшемся разговоре. Реконструкция событий по доступным источникам позволяет утверждать, что его депеша взволновала югославское руководство⁷⁸. Слова Хрущева о том, что отношения между СССР и Югославией не должны ограничиваться только «торговлей кукурузой», что необходима скорейшая нормализация партийных отношений, а югославы медлят, желая «сидеть на двух стульях» (имелись в виду Запад и Восток. — А.Е.), показали лидерам ФНРЮ, что, несмотря на новый антураж из витиеватых высказываний, намерения СССР не изменились. Они продемонстрировали также, что советские руководители хорошо понимают и их собственную игру. Для уточнения позиции Москвы Белград хотел знать все обстоятельства высказываний. Не следует исключать, что после приема Видич был не в состоянии дать исчерпывающий и ясный отчет о произошедшем. По всей вероятности, его депеша оказалась недостаточно четкой, что выглядело неудивительным как из-за сложности и напряженности момента, объема информации, полученной им во время важнейших разговоров, так и вследствие того, что посол, принимавший участие в торжествах с самого утра, начиная с присутствия на военном параде на Красной площади в холодную погоду (а до этого Видич некоторое время работал в Бирме), к вечеру мог серьезно утомиться. Возможно, в Белграде не удовлетворились тем, как посол доложил о приеме 7 ноября, и он оказался вынужден вновь вернуться к его событиям 10 ноября, пояснив, что «в моем разговоре с Маленковым и Хрущевым они заявили о своей поддержке заявления Сабурова в праздничном выступлении, а затем беседа вышла за рамки этого. Здесь и в дипкорпусе, и у журналистов к речи проявляется огромный интерес и выдвигаются всяческие догадки. Когда меня об этом спрашивают, я отвечаю, что разговор шел вокруг известных заявлений Сабурова»⁷⁹.

В Белграде желали иметь самую подробную информацию как о самой беседе Видича с советскими руководителями, так и об обстоятельствах беседы на праздничном приеме. Важность вопроса потребовала того, чтобы помимо посла о произошедшем написали и другие сотрудники посольства в Москве⁸⁰. В наибольшей мере Тито (это заметно из текста письма ЦК СКЮ в ЦК КПСС от 16 ноября 1954 г.) взволновали утверждения собеседников Видича (если к ситуации такого рода неприменим термин «собутыльников») о «стремлении югославов усидеть на двух стульях». Авторство этой фразы, с большой степенью вероятности, принадлежит самому Никите Сергеевичу, достаточно разогретому тостами в честь очередной годовщины Великого Октяб-

ря⁸¹. Скорее всего, ему же принадлежал и второй яркий тезис, поразивший югославов, – без установления связей между КПСС и СКЮ отношения между странами останутся всего лишь «торговой кукурузой»⁸².

В посольстве ФНРЮ продолжали внимательно отслеживать весь объем доступной информации, который позволил бы сделать выводы о советском курсе в отношении Югославии. Видич и его подчиненные не ограничивались беседами с руководителями КПСС и Советского Союза, высокими правительственными чиновниками. Равное внимание отводилось и информации, собранной в ходе контактов с советскими гражданами (вплоть до таксистов и обслуживающего персонала) с целью выяснения их реакции на выступление Сабурова. В телеграмме Видича от 15 ноября указывалось, что «большинство граждан, с которыми разговаривали мы сами, и те, с которыми разговаривали они, в докладе Сабурова считают самыми важными те части, в которых говорится о Югославии и о бюрократизме. Некоторые полагают значимым, что выбран момент торжеств по поводу юбилея Октябрьской революции. Имеется мнение, что слова Сабурова о Югославии упали на благодатную почву, совпадают с самыми искренними желаниями людей и найдут положительный отклик в массах. Это поможет превозмочь прежнюю дремоту у тех в СССР, кто не был уверен, являются ли предпринятые в отношении ФНРЮ шаги желанием дружбы с Югославией или только тактикой выжидания благоприятных обстоятельств». В телеграмме приводилось и такое мнение: «Сейчас тема только-только поднята, и у правительства и ЦК есть еще что сказать об отношениях с Югославией».

«Большинство собеседников, – указывал Видич, – делают вывод, что отношения испортил Сталин при участии Берии, и хорошо, что югославы проявили упорство». В депеше сообщалось: «Все чаще можно услышать открытые суждения о том, что Сталин был диктатором». Посол особо выделил следующее обстоятельство: «Наши знакомые удовлетворены и чувствуют себя легче после доклада Сабурова, так как это – официальное заявление и директива о желательности хороших отношений с Югославией». Он подчеркнул, что многие из советских собеседников считают «относящуюся к Югославии часть доклада искусно составленной и посвященной только межгосударственным отношениям», а «некоторые (и, вероятно, таких большинство), уверены, что мы “исправляемся и возвращаемся назад”». После подробного перечисления столь противоречивых оценок в посольстве сделали вывод: «Учитывая личность докладчика, место и торжественную атмосферу, а также и то, что подобные выступления обязательно зачитываются членам партии и беспартийным, можно

предполагать следующее: 1) новейший подход в отношении ФНРЮ будет известен по всей стране; 2) выступление окажет влияние, в особенности на воспитанную на резолюциях Информбюро молодежь. Оно побудит ее требовать необходимости точнее и определеннее объяснить прежний спор с Югославией»⁸³.

15 ноября в очередном номере «Бюллетеня ГСИД» был опубликован материал, озаглавленный «Некоторые моменты политики СССР и восточноевропейских стран в отношении Югославии»⁸⁴. Появление статьи в специальном издании внешнеполитического ведомства ФНРЮ, который выходил ограниченным тиражом и предназначался строго «для служебного пользования» в качестве своего рода координатора подходов для дипломатических служб (прежде всего для находящихся за рубежом), было призвано помочь югославским представителям ориентироваться при изложении хода советско-югославской нормализации в беседах с дипломатами других стран. Вместе с тем статья стала определенной идеологической подготовкой к открывающемуся пленуму ЦК партии югославских коммунистов, на котором, согласно решению Исполкома ЦК СКЮ от 3 ноября 1954 г., партийное руководство намеревалось начать оповещение партактива о ведущейся уже с июня переписке между ЦК СКЮ и ЦК КПСС.

Авторы статьи сумели искусно проанализировать развитие отношений с «восточным блоком» с учетом обмена письмами между ЦК двух партий, но так и не упомянуть о нем. «Шаги правительства СССР и стран советского блока в отношении Югославии во второй половине этого года пролили больше света на их мотивы и понимание (в СССР. – А.Е.) отношений с нашей страной и дальнейшие намерения», так как, – отмечалось в статье, – «только со второй половины июня процесс нормализации получает подлинное содержание». При оценке действий ФНРЮ по нормализации отношений с «социалистическим лагерем» в «Бюллетене» указывалось, что «Югославия свела свои действия к тем актуальным вопросам, которые касаются ее непосредственных интересов», что данный подход «удалось навязать странам советского блока в качестве условия нормализации межгосударственных отношений». И это произошло, по мнению авторов, «только в результате изменения их, а не нашей внешней политики и признания ими в отношениях с нашей страной принципов независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела». Было подчеркнуто, что «русские, разумеется, это приняли неохотно»⁸⁵.

Как видно из текста, оценивая выступление Сабурова 6 ноября, редакция «Бюллетеня», не будучи ограниченной рамками нескольких строк донесений и имевшая возможность в печатной форме выражать взгляды руководства внешнеполитического ве-

домства, использовала в статье идеи, уже затронутые в межпартийной переписке. Так, о докладе советского руководителя говорилось, что в нем «очень осторожно отмерено каждое слово, имеющее отношение к проблемам связей с Югославией, допускается разделение взаимной ответственности за “ссору и неприязнь последних лет” и подразумеваются шаги по нормализации отношений на основе паритета». «Более того, – указывалось в “Бюллетене”, – из выступления напрашивается вывод, что Югославия первая выдвинула инициативу нормализации и поменяла политику в отношении стран советского блока». Этот внешне «напрашивающийся вывод» редакция «Бюллетеня» опровергла, подчеркнув, что «на самом деле Сабуров признал ответственность (советской стороны за начало конфликта. – А.Е.) и крах прежней политики СССР в отношении Югославии, а также признал саму Югославию как независимую страну и серьезную силу в борьбе за мир».

Общая характеристика выступления члена советского правительства 6 ноября в статье была следующей: «Принимая все это в расчет, а также место и время произнесенных о Югославии слов, речь Сабурова все же представляется шагом вперед в советской политике в отношении Югославии»⁸⁶. Сделанный вывод подтверждали тем, что «они (советские лидеры. – А.Е.) смирились с необходимостью пройти через все трудности, возникшие как следствие их инициатив по нормализации, и поняли необходимость продолжить решение тех спорных вопросов, которые в первую очередь затрагивают Югославию. Страны советского блока желают в результате решения этих вопросов как можно скорее создать условия для политического сотрудничества на международной арене».

В действиях Москвы авторы усматривали очередной маневр: «В последнее время есть указания на то, что они (руководители СССР. – А.Е.) задумывают сотрудничество на основе таких изменений внешнеполитических концепций Югославии, которые вели бы к определенной ее нейтрализации и меньшей заинтересованности в отношениях с Западом, особенно Америкой, при одновременном росте внимания к отношениям с Востоком. Как раз на этой ниве они особо любят козырять “идеологическими”, “марксистскими” и “славянскими” идеями». Подтверждение данного тезиса они видели в том, что в странах Восточной Европы «полностью замолчали» выступление Тито в Народной Скупщине, в котором, по их мнению, была «ясно выражена концепция нормализации отношений с Востоком при одновременной активной политике на Западе». По мнению экспертов, сделано это несмотря на то, что изложенные в докладе Тито в Скупщине идеи о внешнеполитической ориентации Югославии «явились шагом вперед по сравнению с речью в Острожном»⁸⁷.

Редакция дипломатического бюллетеня не ограничилась поверхностной констатацией текущих сюжетов. Авторы статьи представляли «нормализацию» прежде всего как результат развития внутренней ситуации в СССР и других странах «восточного блока». По их мнению, ход общественного кризиса там неотвратимо привел к потребности поиска выхода из создавшейся ситуации. «На настоящий момент не столько на деле, сколько на словах, — отмечалось в статье, — эти пути выхода из кризиса не являются сталинскими, более того, они отрицают сталинизм. И насколько им сталинизм будет мешать во внутренних отношениях, настолько они будут поддерживать Югославию, компрометируя сталинизм, так как это легче всего сделать как раз на ее примере». «Другими словами, — подчеркивала редакция “Бюллетеня”, — отношение стран восточного блока к Югославии... будет мерилом и их дальнейших намерений внутривосточных изменений, и объема и темпов отказа от сталинизма на практике. Это имеет значение особенно для стран советского блока, которые ряд своих внутренних проблем (в том случае, если они намерены успешно их преодолеть) должны решать по югославскому образцу. Именно вследствие того, что объективная действительность толкает их к отрицанию сталинизма, с их стороны возрастает возможность открытого признания югославского социализма».

«Сегодняшняя трактовка ими нашего общественного строя настолько неясна и неопределенна, — говорилось далее в статье, — насколько неясны и неопределенны пути выхода из кризиса. Признание социалистической Югославии, которая ведет независимую внешнюю политику, представляет особую проблему для русских. До тех пор пока в основе советской внешнеполитической деятельности будет лежать политика разделения на блоки, социалистический и капиталистический лагерь, и их сосуществования, русским будет нелегко открыто согласиться с существованием социалистической страны, которая независимо от “социалистического” лагеря ведет свою внешнюю политику»⁸⁸. В столь сложно сформулированных фразах заключалась основа конструкции, которую с июля 1953 г. начали вырабатывать в отношении СССР югославские руководители⁸⁹.

В заключительной части статьи был сделан вывод о прочных основах, лежащих под начавшимися процессами взаимодействия с коммунистическим Востоком. Перефразируя недавние выступления Тито как публичные, так и в узком кругу соратников, авторы писали: «Нормализация отношений Югославии с восточноевропейскими странами не вызывает сомнений как раз потому, что она не является результатом тактических действий и сиюминутных комбинаций правительств этих стран, а есть плод их внутренних потребностей. Поэтому политика в отношении Югосла-

вии и специфична и, по крайней мере, сейчас до некоторой степени выделена из их общей внешней политики. Произшедшие до сегодняшнего дня изменения внутренней ситуации в СССР и остальных восточноевропейских странах столь серьезны, что дают основания предполагать начало такого общественного процесса, который, в случае беспрепятственного развития, может привести к значительным позитивным результатам. Утверждение образа социалистической Югославии в этих странах данный процесс может только ускорить»⁹⁰.

Из посольства СССР в Белграде поступали в основном благоприятные оценки общего хода нормализации. В середине ноября 1954 г. работниками дипмиссии на основе сообщений прессы был подготовлен обзорный материал взглядов югославской стороны. В нем указывалось, что «явные клеветнические выпады в адрес Советского Союза, которые допускала югославская печать, наблюдались примерно до 20 октября»⁹¹. Как считали авторы обзора, это произошло в результате «указаний сверху» и «договоренности между послом Вальковым и Тито об «объективном» взаимном освещении в прессе положения в двух странах», и они полагали, что «югославы придерживаются достигнутых договоренностей»⁹².

Сказанные Хрущевым Видичу на приеме в Кремле 7 ноября слова подстегнули подготовку югославского ответа на письмо ЦК КПСС от 23 сентября. Судя по дате ответного послания, оно было написано 16 ноября. Однако процесс его подготовки и пересылки требует особого внимания. Письмо датировалось 16 ноября, но в Секретариате на Старой площади его озаглавили «Ответ ЦК СКЮ от 24 ноября 1954 г.»⁹³ Если не произошла ошибка, то, по всей вероятности, такая датировка определяется регистрацией письма в Секретариате ЦК КПСС. Столь длительная пауза между его подписанием и получением может иметь объяснение в виде двух версий, связанных с действиями как югославского, так и советского руководства. Возможно, Тито мог задержать направление письма в Москву до выяснения результатов переговоров С. Вукмановича-Темпо в Вашингтоне и публикации 22 ноября коммюнике о их завершении. Впрочем не следует исключать, что с учетом важнейшего предложения о встрече первых лиц двух государств, содержавшегося в этом послании ЦК СКЮ, сторонники Маленкова (или Хрущева), исходя из интересов внутривластной борьбы, могли и задержать его на несколько дней. Тем более что Тито намекал на встречу на высшем государственном уровне, т.е. с Маленковым, а «первым человеком в СССР» уже ощущал себя Хрущев.

Послание ЦК СКЮ вновь было адресовано и ЦК КПСС, и лично Хрущеву, а Тито подписал его как «Генеральный секре-

тарь ЦК СКЮ»⁹⁴. Письмо начиналось с подробного обоснования медлительности с ответом на последнее послание ЦК КПСС. Лидер югославских коммунистов подчеркивал: «Довольно значительное опоздание... не следует считать нашим желанием затягивать как можно дольше», задержка явилась следствием «причин, перечисленных в ответе на первое письмо». Югославская сторона использовала тактику, которую применяли и их адресаты, пытаясь подчеркнуть единство во взглядах там, где его не было, и как бы пропуская аргументацию, предложения и возражения оппонентов. Сообщив, что письмо ЦК КПСС от 23 сентября было обсуждено на Исполкоме ЦК СКЮ, лидеры Югославии подчеркивали: «...мы увидели, что вы большей частью согласны с нашими взглядами, изложенными в нашем предыдущем письме от 11 августа». Вместе с тем в Белграде высоко оценили выполнение Москвой условий югославской стороны, необходимых для дальнейшего развития процесса нормализации. «С особенным удовольствием, – отмечалось в послании, – приняли мы известие о роспуске эмигрантских организаций и о прекращении их антиюгославской деятельности. Это – шаг вперед, который приветствует наш народ как доказательство вашего стремления к дружескому сотрудничеству и отношениям с нашей страной».

Тем не менее в письме содержалось напоминание о «необходимости постепенной нормализации отношений, так как в нашей стране и объективные, и субъективные условия таковы, что нормализация не может развиваться иначе, если мы желаем избежать различных отрицательных последствий. Такие принципиальные вопросы, какими в настоящее время является нормализация и установление хороших отношений между Советским Союзом и нашей страной, мы в Секретариате Исполнительного комитета ЦК СКЮ не решаем одни, без консультации с членами ЦК СКЮ. На днях на заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ принято решение поставить ваши письма и наши ответы на них в повестку дня Пленума ЦК, который состоится в конце ноября. Само собой разумеется, что обсуждение нашей переписки на Пленуме будет иметь закрытый характер». Целью обсуждения, по мнению Тито, должно быть «возможно более широкое ознакомление через членов ЦК руководящего звена СКЮ и Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ) с содержанием ваших писем и наших ответов на них». Он настаивал, что это облегчит нормализацию отношений и поможет избежать негативных последствий и различных слухов о нормализации. Подчеркивалось, как важно, чтобы «Пленум одобрил деятельность Исполнительного Комитета по этому вопросу и принял решения о дальнейшей работе». В письме выражалась уверенность: «Только с помощью самого широкого круга руководящих кадров

можно будет постепенно объяснить сущность и полезность установления нормальных и хороших отношений между нашими двумя странами, а вместе с тем и с остальными странами народной демократии».

«Итак, здесь дело не в затягивании или маневрировании Исполнительного комитета ЦК СКЮ, а в необходимости наиболее безболезненного преодоления возможных отрицательных последствий для единства наших народов, которые могли бы возникнуть без тщательного разъяснения этого вопроса», — объяснял генсек ЦК СКЮ. С другой стороны, по его мнению, «следует не допустить отрицательного отражения нормализации на наше экономическое развитие, на приобретенные нами политические позиции в мире и на другие интересы не только нашей страны, но и передовых сил в мире вообще, в особенности в деле укрепления мира». В письме Тито выражалась убежденность: «Нормализации будет легче всего достичь конкретными шагами по государственной линии. Эти действия в последнее время производились и с вашей стороны, и со стороны стран народной демократии. В нашем народе они, разумеется, встречают положительный отклик. Мы считаем, что уже к настоящему времени достигнуты довольно хорошие результаты в деле улучшения отношений между нашими странами и что намечающаяся форма развития оправдывает себя. Теперь речь идет о том, чтобы самые существенные вопросы, являющиеся препятствием в развитии отношений, были разъяснены и разрешены».

Далее составители послания попытались выполнить поручение Исполкома ЦК СКЮ от 3 ноября об организации личной встречи Тито и Маленкова. Ее необходимость объяснялась следующим образом: снятие противоречий «невозможно лишь с помощью переписки, но понадобится и личный контакт по государственной линии на высшем уровне, поскольку речь идет о крупных проблемах экономического и политического характера, и в частности о нашем взгляде на международные вопросы, а не только о некоторых чисто партийных разногласиях». Вместе с тем югославская сторона согласилась в ходе встречи обсудить вопросы и о партийных контактах: «Но мы не исключаем возможность воспользоваться случаем, чтобы поговорить на этой встрече и о проблемах, которые вы предложите».

В письме еще раз указывалось: «Мы желали бы, чтобы вы поняли причины, по которым мы таким образом обставляем процесс нормализации наших отношений. Мы в 1948 году были принуждены в своей хозяйственной деятельности прочно опереться на западные страны, и вы должны понять, что мы имеем перед ними громадные обязательства». Тито также напомнил о том, что последствия советской экономической блокады «по-прежнему

му очень тяжело сказываются на нашей экономике и оставили глубокий след в нашем народе», вследствие чего югославская сторона не может поступить иначе, чем «так, как вам уже изложили в нашем первом ответе на ваше письмо». От имени Исполкома ЦК СКЮ в послании югославам выдвигалось предложение «встречи на самом высоком уровне сразу после возвращения Тито из поездки в Индию и Бирму». О подготовке и месте этой встречи они предлагали договориться до его возвращения, воспользовавшись предстоящим пребыванием югославской торговой делегации в Москве.

Далее руководство ФНРЮ подвергло критике те позиции советской стороны, которые его явно не устраивали. Заверив адресатов в «положительном» восприятии выступления Сабурова 6 ноября, оно в деликатной форме выразило недовольство тем его фрагментом, где «речь идет о ссорах». Указывалось, что «мы могли бы возразить, но считаем ненужным останавливаться на таких моментах в настоящее время и в этом письме». Затем было высказано несогласие с советской позицией, услышанной Видичем 7 ноября. Со ссылкой на беседы югославского посла «с товарищами Маленковым, Хрущевым, Булганиным, Кагановичем, Сабуровым и другими на приеме в Кремле» в письме говорилось об удивлении по поводу «подозрения, что мы будто бы пытаемся усидеть на двух стульях». «Заверяем вас, что мы твердо намерены сидеть только на одном, а именно на своем стуле, и искренне желаем установления возможно более дружеских, взаимовыгодных отношений с Советским Союзом и странами народной демократии, – убеждали лидеры Югославии руководителей СССР, – так как считаем, что это принесет пользу всем нам и делу укрепления мира во всем мире. Еще отмечаем, что мы не хотим нанести вред нашему конструктивному и полезному сотрудничеству с Западом, ибо это не будет в интересах мира и ослабления международной напряженности. Мы также не хотим создавать себе новые экономические, политические и другие затруднения». Далее в письме вновь говорилось о необходимости личной встречи, в ходе которой «можно будет лучше объяснить многие проблемы», и в результате советское руководство «на многие наши поступки будет смотреть иначе». «...Мы не лицемерим, – подчеркивали югославы, – в своей внешней политике и всегда были открытвенны, ясны и принципиальны, зачастую, когда это могло нанести и наносило нам большой материальный и иной сиюминутный вред»⁹⁵.

Столь подробно процитированное послание ЦК СКЮ от 24 ноября 1954 г. явилось существенным шагом, предпринятым югославской стороной в направлении улучшения отношений с СССР. В нем было высказано предложение о личной встрече ру-

ководителей двух государств. Однако в отличие от постановления Исполкома ЦК СКЮ от 3 ноября, в котором четко и недвусмысленно говорилось о встрече Тито с Маленковым, в письме данное предложение было сделано дважды, но оба раза в весьма неконкретной форме. Сначала предлагаемая Тито встреча именовалась как «личный контакт по государственной линии на высшем уровне», а вторая фраза о ней была такой: «Исполнительный комитет ЦК СКЮ выступает за необходимость предложить встречу на самом высоком уровне». Столь расплывчатые формулировки послужили некоторым исследователям основанием сделать вывод о том, что Тито намеренно вбросил «яблоко раздора» между Маленковым и Хрущевым, предлагая им определить, кто является первым лицом в Советском Союзе.

В прежнем духе противоречивой атмосферы вражды–дружбы и сохранения полунастороженности (как и в переписке ЦК двух партий) было выдержано поведение югославских дипломатов. 20 и 22 ноября в Бухаресте состоялись встречи посла ФНРЮ в Румынии Вояновича с советским коллегой Мельниковым. В первой беседе Мельников, вероятно, уже ознакомленный с содержанием предложения письма ЦК СКЮ от 16 ноября 1954 г., предложил тост «за глав государств, товарищей Тито и Маленкова», который охотно поддержал Воянович. Однако 22 ноября румын обратил внимание на то, что Мельников назвал Президента ФНРЮ просто Тито, без употребления слова «товарищ», и югослав тут же предложил тост «за господ Тито и Маленкова», подчеркнув эту деталь в отчете о встрече внешнеполитическому ведомству⁹⁶. Несомненно, внимание югославского посла к упоминанию руководителей двух стран и его стремление поставить их в один ряд, да еще без партийного обращения «товарищ», явилось отражением недавнего предложения в письме от 16/24 ноября о встрече на высшем уровне глав двух государств. При этом югославская сторона и в высказываниях своих дипломатов демонстрировала, что ей важен факт встречи лидеров государств, а не партий.

Видимо, явный отказ Мельникова назвать руководителя Югославии «товарищем» во время второй встречи с Вояновичем явился советской реакцией на высказывания Тито об отношении к СССР, сделанные 21 ноября в городе Копере. Выступление Президента Югославии состоялось в рамках торжеств, организованных в районах бывшей зоны СТГ «А», которая была присоединена к ФНРЮ по разграничению с Италией в октябре 1954 г., – события, отмечавшегося в стране как серьезная внешнеполитическая победа.

Напомнив о существовании у Югославии «многих друзей по всему миру», Тито отметил, что, «разумеется, имеются и против-

ники», в том числе и по идеологической линии. Идеологических противников он разделил на две части. К первой были отнесены те, кто не любит социализм и, соответственно, ФНРЮ за то, что она – социалистическая. Во вторую группу президент включил противников Югославии, которым не нравится ее независимость. Затем он перешел к «сути нормализации отношений Югославии с Советским Союзом и остальными восточными странами»⁹⁷. Напомнив, что инициатива исходила от СССР, он объявил данный шаг Москвы победой Югославии: «Считаю правильным, что мы это приветствовали, так как мы не были виновны в прекращении отношений». «Время показало, – продолжил Тито, – что правда на нашей стороне, а теперь это подтверждено окончательно. В конце концов и они признают, что на нашей стороне правда и мы не были виноваты. Об этом они сами сказали, хотя недостаточно ясно».

Упомянутая выше советская «инициатива», по мнению Тито, подтверждала, что «мы не были подлецами, шпионами, агентами других государств, фашистскими предателями социализма». Он дал оценку конфликта 1948 г., назвав его «результатом разрыва по государственной линии, итогом сталинской политики». Шаги Москвы навстречу Белграду после смерти Сталина президент оценил положительно: «Мы приветствуем то, что новые руководители Советского Союза имели смелость хотя бы до некоторой степени порвать с прежней политикой и предложить установление нормальных, даже хороших отношений». Одобрив реакцию югославского руководства на действия Советского Союза, Тито заявил об условиях, на которых ФНРЮ готова к нормализации: равноправие обеих сторон. Он выразил желание, чтобы «мы были равноправны, чтобы с нами разговаривали на основе равенства, чтобы мы имели нормальные отношения, и в таком случае мы ничего не имеем против народов Советского Союза и других стран». Югославский лидер также дал понять, что преодоление стремления к подавлению Югославии будет не простым «особенно у так называемых информбюровцев, в компартиях, где все еще существует тенденция к иной интерпретации прошлых событий, так как им тяжело признать, что они все это время выступали за бессмысленную идею, и сейчас хотят показать, что мы якобы покаяться и идем назад. А мы несколько не каемся, так как у нас не было причин для этого».

Характеризуя ход нормализации, Президент ФНРЮ заметил, что «с Советским Союзом мы сегодня уже установили достаточно нормальные отношения. Поскольку это было их (советских руководителей. – А.Е.) желанием, я верю в то, что наши отношения будут продолжать улучшаться, что сотрудничество пойдет на пользу обеим странам. Разумеется, это в равной мере зависит и

от нас, и от них, но больше всего от них, так как с нашей стороны желание имелось всегда». Подчеркнув необходимость сотрудничества с СССР на равноправной основе, Тито впервые за последние месяцы вернулся к оценке деятельности Сталина и пост-сталинских процессов в советском государстве. Обвиняя Сталина в нежелании рассматривать Югославию в качестве независимой и самостоятельной страны, югославский лидер указал на сохранение сталинского наследия, заметив, что «хотя Сталин мертв, он оставил тяжелое наследство». Президент обнародовал принципы внешней политики Югославии на последующие десятилетия, что было отражено в следующей его фразе: «Сегодня должно быть ясно и на Востоке, что мы никогда больше не намерены возвращаться в то положение, в котором мы были до 1948 года... поскольку мы тогда сказали “нет” и попали в самую страшную ситуацию, в которой может быть страна. Разумеется, было бы глупо согласиться сейчас вновь вернуться в ту ситуацию. Об этом не должно быть и речи»⁹⁸. Советская реакция на процитированное выше выступление была более чем сдержанной и, в отличие от речи Тито 21 сентября в городе Острожном, оно (впрочем как и его выступление в Скупщине) не нашло отражения в советской прессе.

Выступление Президента ФНРЮ в Копере предварило обсуждение советско-югославских отношений на V пленуме ЦК СКЮ 23 ноября. Дискуссии на нем не имели особого значения для текста письма от 16/24 ноября (хотя строки о том, что переписка будет обсуждена на пленуме ЦК, предоставляли югославскому лидеру некоторую возможность маневра) и не оказали существенного влияния на ход самого процесса нормализации. Однако материалы пленума важны для понимания реакции Тито на начавшийся летом 1954 г. обмен письмами, а также позволяют рельефнее показать общие намерения югославской правящей элиты в связи с нормализацией отношений с СССР. Длительный отказ высшего руководства Югославии знакомить даже членов ЦК с завязавшейся перепиской можно объяснить не только опасением итальянских интриг, но и тем, что у руководителей СКЮ не было полного представления о поведении югославского общества, когда оно узнает о столь резком изменении подходов его руководства к СССР после нескольких лет жесточайшей антисоветской пропаганды. Все это показывало неуверенность Тито и его ближайшего окружения в контроле за ситуацией в стране.

В самом начале заседания пленума генсек ЦК СКЮ назвал его главной темой обсуждение «проблем, которые появились после установления нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом, — об обмене письмами между Исполкомом СКЮ и ЦК КПСС». В своем вступительном слове он расставил

акценты так, чтобы оказать максимальное влияние на взгляды участников заседания. Двусторонние отношения до июня 1954 г. докладчик охарактеризовал, как «не вполне нормальные». Тито подчеркнул: «Мы не ожидали, что во взглядах руководства Советского Союза произойдет крутой перелом в очень короткие сроки». Он указал, что в первом письме от 22 июня советская сторона признала совершение в 1948 г. ошибки и правоту югославского подхода, хотя «в письме они переключали вину частично и на нас, на Джиласа». Ответное письмо ЦК СКЮ, по его словам, внушало руководителям СССР мысль о недостаточности устных или письменных заявлений и «необходимости конкретных действий», включая прекращение пропагандистских нападков на Югославию и СКЮ. После чего Москва «приняла ряд мер, которые показали, что это не только некий маневр, но и желание установления между ними и нами более нормальных отношений».

Во вступительном слове Тито пришлось объяснить, почему на протяжении нескольких месяцев ни с содержанием, ни даже с самим фактом переписки не были ознакомлены члены ЦК. Он указал на «деликатность» ситуации, ибо «Запад внимательно наблюдал за любыми, даже малейшими признаками нормализации», и их «реакционные силы на Западе хотели использовать против нас». «Мы очень осторожно, – продолжил докладчик, – подходили к этому и потому, что не были уверены... является ли это только маневром (советской стороны. – А.Е.) или чем-то более глубоким». Тито заметил, что теперь, когда руководство убедилось в серьезности советских намерений, оно решило оповестить членов ЦК, а через них и остальные руководящие кадры СКЮ. «Делается это для того, – объяснил лидер югославских коммунистов, – чтобы нормализация приняла необходимый темп и чтобы не бросило в другую крайность»⁹⁹.

Слова Тито о необходимости избегать крайностей в развитии советско-югославских отношений подтверждали, что оценки советской стороны, основывавшиеся во многом и на постулатах резолюций Информбюро относительно настроений народных масс Югославии, не информированных о решениях своего руководства, явились отнюдь не только плодом кабинетных рассуждений. Для того чтобы реакция на нормализацию находилась под контролем, генсек ЦК СКЮ предложил придерживаться при ее проведении «той самой определенной линии, которую уже можно было почувствовать из наших заявлений, речей, текстов и т.д. Это курс независимой страны, которая хочет сотрудничать с Советским Союзом, но также и с многими другими странами, которые желают, чтобы сотрудничество строилось на равноправной основе».

Тито не исключал «фатальных последствий для страны», если информация о переписке все же просочится в народ через родственников участников пленума ЦК (образно заметив, что «муж и жена – одна сатана»). «Это вещи, в которые не следует играть, – продолжил он. – Мы, разумеется, хотели однажды поставить переписку в повестку дня, но ждали благоприятного момента, хотели видеть, как будут развиваться события – и сейчас такой момент наступил, ибо... дальнейшей нормализации стало мешать то, что наши люди не знают, о чем идет речь на самом деле, и события развиваются по пословице “кто в лес, кто по дрова”». Вместе с тем докладчик отметил, что тексты ответов югославского руководства «составлены таким образом, что могут быть опубликованы в любой момент не только безо всякого ущерба для нашей страны, а наоборот, с огромной пользой... Но мы считаем, что время для публикации еще не пришло, но оно скоро придет, и эти письма будут опубликованы». «Из этих писем... вы увидите, что СКЮ одержал огромную победу... по государственной линии, – заметил он, – а могу сказать, что и по идеологической линии, так как они у нас неразрывно связаны. Победа заключается в том, что все, о чем они (руководители СССР. – А.Е.) говорили, то, в чем они нас оклеветали, оказалось неверным (к этому заключению они сейчас и сами пришли). Верным же оказалось то, чего мы достигли в результате наших повседневных действий. Происходящее у нас вызвало интерес даже у них. Другими словами, они признают, что мы строим социализм по-своему. Правда, иногда в неофициальных беседах... они утверждают, что не представляют, каково наше устройство – социализм или анархизм, но на официальных встречах они утверждают, что это – социализм, и их серьезно интересует возможность изучения принимаемых нами конкретных экономических и иных мер».

После этого Тито произнес слова, которые должны были стать основой продуманной внешнеполитической линии Югославии на последующие десятилетия: «Наша страна сохранит свой сегодняшний статус независимого государства, то есть страны, которая ведет собственную внешнюю политику, которая без вмешательства со стороны в ее внутреннюю политику строит социализм по-своему и своими методами; страны, которая завоевала огромный авторитет в мире как раз на позициях независимого государства... которая не желает быть ничьим сателлитом (в чем убедились и на Западе) и которая сейчас, когда речь идет о нормализации отношений с Советским Союзом, ставит ее как раз на такую основу. Им (советским руководителям. – А.Е.) это было сказано, и они в своих письмах, и вы это увидите, признали нашу правоту». Горделивая фраза о победе над Кремлем требовала дальнейших разъяснений. «Должен заранее вас предупредить, –

продолжил докладчик, – ...что на самом деле они не думают именно так, как изложили свою позицию в письмах, но считают, что мы должны войти в их семью, в их лагерь, хотя мы сказали, что ни в какие лагеря мы входить не будем, ибо лагеря – очень плохая вещь, в особенности лагеря концентрационные». Тито также предупредил, что у советского руководства, «несмотря на все заявления, существует желание, чтобы ситуация развивалась по-старому, как прежде, в том смысле, что мы – братья, что мы – славяне, что мы и они имеем больше общего, чем мы имеем с Западом, и т.д.».

Вновь остановившись на возможной реакции югославского общества на обмен письмами, докладчик сказал: «Существует большая опасность чрезмерной идеализации некоторыми нашими людьми абстрактных заявлений, сделанных в советских письмах... причем без учета практической стороны, без учета их поступков, их деятельности в других сферах. Поэтому весьма необходимо, чтобы ситуация была основательно разъяснена нашим людям. С другой стороны, сейчас было бы ошибочно упорно придерживаться утверждения, что это маневр, что им не следует верить и проч. Это только помешает правильному развитию наших отношений и нанесет нам ущерб... И хотя у нас очень хорошие и экономические, и другие связи с Западом, хотя до сегодняшнего дня он не оказывал на нас серьезного давления с целью уступок, которые бы противоречили нашим принципам, мы имеем на Западе немало противников, которые желают и надеются, что мы однажды совсем соскользнем на их колею и в своем внутреннем развитии пойдем по некоему демократическому пути, такому пути, какой Джилас хотел навязать нашим людям, нашим коммунистам». «Словом, – продолжил Тито, – в этом случае мы будем иметь плохие отношения с Советским Союзом и полностью предоставлены воле этих людей на Западе».

Он подчеркнул, что занимаемая до настоящего времени позиция – наиболее благоприятная, ибо позволяет «самым лучшим и самым правильным образом решать тяжелые задачи во внутреннем развитии, делая это в направлении строительства социализма». Последние слова как бы предопределяли мнение участников пленума, но Тито все же сделал реверанс в адрес коллективного руководства и ответственности Исполкома ЦК СКЮ, попросив об оценке: «Были ли мы достаточно эластичны в своих письмах... и достаточно ли наши письма отражают ту позицию, о которой я сейчас говорил». «Вы увидите, – предупредил лидер Югославии, – что они (советские руководители. – А.Е.) стали нервничать, так как мы очень медлили с ответом. Нам всегда требовался месяц–полтора, потому что мы всегда наблюдали за тем, что они в это время будут делать. Они упрекнули нас в этом в последнем

письме, но я полагаю, что они не имеют права, так как и они тоже не ответили нам немедленно, а немного выжидали. Таким образом, дело шло очень медленно и с июня мы обменялись тремя письмами»¹⁰⁰.

Ознакомление участников пленума с перепиской было для югославского руководства важно также и потому, что позволяло проверить на участниках заседания правомерность собственных догадок о скрытых замыслах советского руководства и верность тона своих ответов. Ожидания Тито оправдались в полной мере, как и то, что в своем большинстве собравшиеся в зале мыслили в унисон со своим лидером. Один из старейших членов ЦК СКЮ Н. Ковачевич, оценивая позицию руководителей СССР, отметил, что они «избегают упоминаний о прошлом развитии взаимных отношений, о том, что привело к сегодняшней ситуации». При этом он высказал мнение, что в разрыве «виновен не только Берия». Ковачевич считал, что советские руководители «хотят любой ценой полностью отсечь нас от Запада»¹⁰¹.

Бывший посол Югославии в СССР в 1949 г. К. Мразович отметил, что «в этих письмах, сколько бы они (советские лидеры. – А.Е.) не говорили о невмешательстве в дела других стран и о равноправности, постоянно проводится старая тенденция, старое стремление... и дальше доминировать над Югославией, чтобы наша страна была в подконтрольном СССР положении. Из писем видно, что они стремятся запеть новую песню, но еще не научились и очень часто поют прежнюю арию... Они все еще не свободны от позиций и взглядов старого образца»¹⁰². Причину появления «русских писем» дипломат видел в «огромной роли, сыгранной Балканским союзом», и «постоянном росте авторитета Югославии в международной политике», которая «в борьбе доказала, что может достичь освобождения страны без советской армии, что можно строить социализм без присутствия советской армии и не только без помощи Советского Союза, но и при блокаде со стороны Советского Союза». «Мне кажется, – продолжил Мразович, – ...самым важным является то, что к югославскому пути социалистического развития и строительства все больше проявляют интерес международное рабочее движение и целый ряд разных направлений в этом рабочем движении на Западе, в Европе». «Все их теории, заявления о невозможности строить социализм без присутствия советской армии, которые делали Информбюро, Торез, Поллит и другие после 1948 г., – пришел он к выводу, – в случае с Югославией потерпели тяжелое фиаско»¹⁰³.

Опыт работы в СССР подсказывал Мразовичу, что советские лидеры желают «идею о равноправии во взаимоотношениях между народами и невмешательство в чужие внутренние дела выдать за свою, чтобы эта заслуга не досталась югославским ком-

мунистам». В этом месте выступление бывшего посла поддержал Тито, заявив, что «они хотят немного пересыпать в свой мешок». В дальнейших высказываниях Мразовича не обошлось и без мессиянства, ставшего характерным для заявлений представителей югославской правящей элиты последующих десятилетий. Дипломат развил тезис генерального секретаря о необходимости поддержки реформаторских сил в СССР. Он полагал необходимым помочь «людям в Советском Союзе и восточноевропейских странах постепенно отказываться от старых позиций в пользу правильного социалистического пути», ибо «советский бюрократический путь себя настолько скомпрометировал, что нужно нечто новое, а именно – югославский путь»¹⁰⁴.

Еще один выступавший, Б. Масларич, рассеивая опасения высшего югославского руководства, назвал безосновательными мысли о том, что сообщение о переписке внесет «замешательство в рабочие массы», которым «пришлась по сердцу старая линия, подтвержденная Тито в выступлении в Копере, где он сказал, что мы выдержали схватку». Вместе с тем Масларич указал на необходимость мощной пропагандистской поддержки для «широкого объяснения смысла этих писем о нашей внешней политике». Сославшись на свой опыт пребывания в СССР, он сравнил советское руководство с «волком, который меняет шкуру, но поведение – никогда». Именно поэтому необходимо «опубликовать письма как можно скорее, как только позволит наше международное положение». Масларич призывал сделать это раньше русских, продемонстрировав таким образом верность принципам ленинской внешней политики осуждения тайной дипломатии. Впрочем, он не был уверен, что «русские будут публиковать переписку», но если опубликуют, это будет свидетельствовать о появлении в их поведении новых моментов¹⁰⁵.

Куратор советского направления внешнеполитических служб ФНРЮ В. Мичунович (из его выступления ясно, что он не был знаком с текстом ответа от 16 ноября 1954 г.) выразил опасение по поводу предложения советской стороне об организации встречи на высшем уровне, так как оно позволит истолковать ситуацию как поддержку Югославией «иллюзии у русских» о возможности договоренностей с глазу на глаз. Оценивая советские действия за последний год, Мичунович указал на «применение русскими новой тактики... отличающейся двумя особенностями. С одной стороны, они достаточно твердо понимают, какой может быть нормализация, и достаточно быстро движутся в данном направлении. С другой – быстро выяснилось, что остатки сталинских концепций весьма прочны». Это стало «кристально ясно» не столько из текстов советских писем, сколько из разговоров Видича на приеме в Кремле 7 ноября. Они показали, что советские ли-

деры «считают нормализацию внутренним делом восточного блока, видя ее прежде всего в нормализации отношений между партиями, на чем они очень энергично настаивали как в письмах, так и в разговоре с нашим послом». При этом выступавший указал, что согласие с советским подходом к нормализации «навредит не только Югославии, но и политике мирного сосуществования, за которое русские, по их словам, неустанно и ежедневно борются». Мичунович все же поддержал идею встречи с Маленковым, ибо она «актуальна не только для нас, но и для некоторых западных государственных деятелей». Однако он акцентировал – это должна быть встреча государственных, а не партийных деятелей, выразил уверенность, что советские лидеры все равно не откажутся от государственной нормализации, хотя делают особый упор на необходимости нормализации партийной¹⁰⁶.

Среди остальных речей на пленуме выделялось выступление Э. Карделя¹⁰⁷, который, развивая свои прежние взгляды, выдвинул оригинальный подход к обсуждаемой проблеме. Начало обмена письмами с Кремлем он назвал «без преувеличения... исторической победой не только для нас, югославов, и югославского социализма, но и... для дела социализма вообще и для всего мира». Оратор посчитал «второстепенными» и «привходящими» часто возникавшие вопросы о том, «насколько русские искренны, а насколько нет», насколько они действуют сознательно, «сколько у них остатков сталинизма» и расхождений между их действительными желаниями и возможностями. Из всех рассуждений главным, по мнению идеолога Союза коммунистов, являлось то, что «сами русские в документе, который так или иначе будет опубликован, сказали... что те, кто тогда (во время конфликта. – А.Е.) находились во главе Советского Союза, ошиблись, и Сталин совершил ошибку в отношении Югославии... в таком кардинальном вопросе, как оценка того, является ли наша страна фашистской или социалистической». Это самый значительный вопрос, который следует «прежде всего принимать в расчет». Хотя Кардель соглашался и с высказывавшимися мнениями о вынужденном характере действий советского руководства, и с тем, что это «маневр», а также «и стремление вбить клин между Югославией и Западом», он все же считал неоспоримым фактом, что позиция ФНРЮ, ее политика и методы строительства социализма заставили «других изменить свою позицию по более важному вопросу, чем частный вопрос о конфликте 1948 года». Поэтому признание социалистического характера Югославии выступающий поставил даже выше победы в конфликте, назвав это «действительно исторической победой».

Признавая важность критики «остатков сталинизма и гегемонистских тенденций», сохранявшихся в высказываниях советских

руководителей, Кардель призвал признать «общую позитивную тенденцию, которую следует поддерживать». «Было бы иллюзией надеяться, – продолжил югославский теоретик, – что Россия как большая страна отречется от гегемонистских тенденций. К тому же возникшее стремление существенно изменить суть вещей должно встретить жестокий отпор со стороны защитников сталинского режима. Учет вышесказанного, по его словам, позволит югославам оказывать влияние на события в СССР. Как один из авторов посланий ЦК СКЮ, Кардель указал, что «именно в этом ценность наших писем, наших ответов», ибо использованные в них формулировки были тщательно взвешены. «Они, – заметил Кардель, – с одной стороны, бьют по тем местам, где нужно бить, ясно указывают на главное, а с другой стороны, мы не цепляемся за мелочи, которые могут быть устранены в дальнейшем».

Весьма сложную диалектическую политику в отношении советского руководства Кардель выразил следующим образом: «Мы говорим, что... наша генеральная линия все же заключается в поддержке тех людей... и тех настроений, которые могут в дальнейшем придать развитию должное направление». Он задумывался и об ответственности соратников Сталина за то, что было сделано в годы его руководства страной. «Когда у нас обсуждаются эти аспекты, – заметил Кардель, – часто возникают вопросы о том, знали ли находящиеся сегодня у власти русские о политике Сталина? Были ли вместе с ним? И что можно от них ожидать? Нужно ли в какой-то форме обращать внимание на то, что они были вместе со Сталиным и высказывались против Югославии?» Перечисленные вопросы, по его мнению, несмотря на их важность, являются «второстепенными». «Эти люди, – напомнил Кардель, – были частью сталинской системы и были вынуждены выбирать между службой системе и виселицей. Они решили служить системе. Однако это еще не подтверждает, что они могли впитать все то, что было в этой сталинской системе. Но даже если допустить, что они все сознательно и полностью впитывали, то сейчас они признали, что не располагают той силой, которой располагал Сталин, и поэтому должны уступать, двигаться в направлении уступок и внутри Советского Союза, и во внешней политике». «Важно то, – подчеркнул ближайший соратник Тито, – что мы видим рождение внутреннего сопротивления здоровых экономических сил против сталинской системы, с ее огромными привилегиями, с бюрократией, которые будут противостоять новым тенденциям».

При этом Кардель указал и способ устранения названных им тенденций – нужно действовать, «только находясь на позициях, которые отражены в наших письмах, а именно, с единой ясно вы-

раженной доброй волей и готовностью к сотрудничеству» и одновременно, отказываясь «оставлять без критики те проявления, которые мы считаем остатками старого». По его словам, только так можно оказывать влияние на развитие отношений с СССР. Кардель пояснил, что именно в этом ключе действовал Тито, выступив на митинге в Копере, когда «совершенно недвусмысленно заявил, что мы думаем о подобных вещах тем людям в СССР, которые продолжают мыслить по-старому. В действительности он таким образом именно помогал тем людям, которые как раз исправляются». Как и многие выступившие до него, Кардель затронул тему разговоров советских руководителей с Видичем 7 ноября, из которых было заметно, считал он, что «даже Маленков и в особенности Сабуров просто исправлялись во время разговора, ибо они почувствовали, что разговор в прежнем тоне невозможен». «Но, если бы мы сразу хлопнули дверью, и сразу связали заявление Хрущева (о стремлении ФНРЮ «сидеть на двух стульях». – А.Е.) с некоторыми другими вещами, мы могли бы оказать поддержку Хрущеву и тем, кто пытается вести с нами дискуссию подобным образом. Я думаю, что выбор тона исключительно важен и, мне кажется, что нам это удалось». Последняя фраза дает возможность понять отношение Карделя к отдельным советским руководителям и считать: именно он выступал одним из инициаторов проведения встречи на высшем уровне, полагая, что с советской стороны ее главным действующим лицом будет Маленков, а не Хрущев.

Кардель вновь подчеркнул важность фактора времени, напомнив о первом выступлении Тито весной 1953 г. по поводу вероятных перемен в Советском Союзе: «Многим в то время, как и сейчас, исходя из заявлений советских лидеров, возможность перемен казалась маловероятной... но два прошедших года показали, что русские шли в основном тем путем, о котором говорил товарищ Тито... наши прогнозы...были верными вопреки всем метаниям в советских заявлениях и советской тактике...» Вместе с тем он, как и до него Тито, предупредил, что «не следует заходить слишком далеко и рушить все то, что построено в наших отношениях с западным миром, так как этим мы не окажем позитивного влияния на развитие наших отношений с русскими...» В этом месте генсек его поддержал, добавив: «Но мы можем ослабить свою позицию». Более того, продолжил Кардель, так Югославия только поможет «тем гегемонистским элементам в Советском Союзе», которые посчитают ее отдаление от Запада хорошей возможностью, чтобы «навязать ей свой подход». Он предложил: «В данном случае следует подталкивать их к равноправному сотрудничеству с нами на базе сегодняшней политики и не вести дискуссий на тему: “почему мы идем с американцами, почему мы

делаем такие-то заявления»». Кардель также подчеркнул необходимость стремления к тому, чтобы «с Югославией считались как с миролюбивой социалистической страной, которая имеет свои убеждения, и таким образом мы будем оказывать влияние на окружающих».

После выступления Карделя Тито лишь оставалось подвести черту под обсуждением. Он выразил согласие с тем, что ход нормализации отношений с СССР является «самой крупной победой, которую мы до настоящего времени достигли в борьбе с огромной партией, с огромной страной с ее большим пропагандистским аппаратом после шести лет борьбы». Говоря о планах на будущее, югославский лидер поддержал высказывания тех, кто говорил о необходимости помочь советским руководителям с честью выйти из создавшейся ситуации, но подчеркнул необходимость «ни в коем случае не уступать, когда дело касается концепции нормализации». При этом Тито указал на ошибочность сохранения информации о происходившей переписке двух ЦК в пределах узкого круга людей и рекомендовал пленуму принять решение, обязывающее Исполком ЦК СКЮ предложить ЦК КПСС опубликовать переписку. «Люди поймут, почему письма не были опубликованы до пленума, но не поймут, почему это не сделано после него», – утверждал Тито.

Этим шагом лидер Югославии предлагал «пресечь» складывавшееся за рубежом в результате пропаганды («и Тольятти начал подавать голос») ощущение того, что Москва «великодушно» идет Белграду навстречу. Предложение опубликовать переписку Тито рассматривал в качестве теста на искренность руководства СССР: «В случае несогласия Советского Союза с идеей публикации его искренность может быть поставлена под сомнение, так как нигде не сказано, что письма не нужно публиковать и нигде не было обозначено, что они строго доверительные». Югославский руководитель считал, что об этих письмах в Советском Союзе известно ограниченному кругу лиц, «и если это не пошло шире, то, возможно, только из-за нас». Он не исключил и того, что в случае продолжения сокрытия переписки ход нормализации может получить неверное освещение¹⁰⁸. По поводу встречи на высшем уровне Тито высказался не менее однозначно: «Не может быть больше никаких сомнений в том, что стоит предлагать что-то иное, кроме государственных переговоров. Если вы помните, товарищи, в 1948 г., хотя об этом мы не стали упоминать в нашем первом письме (11 августа 1954 г. – А.Е.), написали, что разногласия имеют государственный характер и речь не идет об идеологии... с 1948 г. до настоящего времени вся борьба велась по государственной линии»¹⁰⁹.

Впрочем, вопрос о необходимости публикации переписки являлся весьма сложным. С одной стороны, выступая с заключительным словом, Тито предложил принять резолюцию об обнародовании переписки. Однако далее он сам дополнил ее словами о том, чтобы не устанавливать срок опубликования. Данную поправку генеральный секретарь объяснил своим отъездом¹¹⁰. По его словам, опираясь на решение пленума, можно предложить Советскому Союзу опубликование, и сразу же по возвращении Тито из Бирмы следует опять собрать пленум. Югославский лидер выразил уверенность, что к тому моменту «все будет готово для публикации писем». Отвечая на вопрос относительно оповещения общественности о работе пленума ЦК, он сказал, что «сообщать о письмах не следует», можно ограничиться упоминанием о рассмотрении на заседании пленума оргвопросов и информацией для актива партии и ССТНЮ о текущей политике. Тито вновь подчеркнул: ход нормализации советско-югославских отношений не следует обсуждать на широких партийных собраниях, но перед «расширенными активами нужно выступать в духе нашей политики на сегодняшнем этапе, говорить о позитивных аспектах признания ошибок советской стороной, а также о негативных последствиях, нуждающихся в преодолении». За основу для разъяснения действий югославского руководства в отношении советского блока Тито предложил взять свое выступление в Копере, еще раз напомнив о желательности «не упоминать о письмах»¹¹¹.

В итоге, состоявшееся обсуждение переписки между руководством обеих стран было сохранено в секрете как для большинства членов СКЮ, так и для граждан ФНРЮ. Единственным упоминанием о данном событии стала публикация в югославской печати однотипной заметки о том, что 26 ноября «проведен пленум ЦК СКЮ, на котором обсуждены некоторые политические и организационные вопросы, вопросы внутренней и внешней политики, международного положения Югославии, в том числе и нормализация отношений с СССР. Пленум полностью одобрил проводившуюся Исполнительным комитетом политику и определил дальнейшие задачи на этом направлении»¹¹².

Полученное в Москве письмо за подписью Генерального секретаря ЦК СКЮ послужило поводом для очередного возвращения к югославской проблеме. В протокол заседания Президиума ЦК КПСС 25 ноября были внесены сразу два вопроса, касавшиеся ФНРЮ, – письмо Тито от 16 ноября и развитие экономического сотрудничества¹¹³. Совмещение вопросов выглядело разумным. В своем письме югославы предлагали обсудить детали встречи на высшем уровне в ходе предстоявшего визита в Москву торговой делегации. Впрочем, и самому визиту советское ру-

ководство придавало особое значение. Посол СССР в ФНРЮ буквально наседали на чиновников внешнеполитического ведомства, не скрывая заинтересованности в скорейшем выезде югославской торговой делегации. Югославы отмечали, что «русские спешат и дают понять, что для них важнее скорейшее начало переговоров». Они выразили готовность к снижению ранга главы делегации от члена правительства до заместителя главы ГСИД и не выступали против того, чтобы делегацию возглавил бывший временный поверенный в Советском Союзе Д. Джурич¹¹⁴.

Учитывая, что югославская сторона могла направить торговую делегацию в любой момент, а в письме в Москву от 16 ноября выражалось пожелание вопросы относительно подготовки встречи на высшем уровне обсудить именно в ходе этого визита, советское руководство решило основательно к нему подготовиться. Во время обмена мнениями на заседании Президиума ЦК М.А. Сулову было поручено «подготовить краткий ответ ЦК СКЮ в связи с присланным в ЦК КПСС письмом и представить текст ответа в ЦК КПСС». Кроме того, было принято решение «разослать полученное от ЦК СКЮ письмо ЦК братским и коммунистическим рабочим партиям с сопроводительным письмом ЦК КПСС». Составление проекта соответствующего письма также поручалось Сулову. Назначенными ответственными за экономические вопросы на переговорах Микояну и Сабурову вменялось в обязанность «на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС подготовить замечания к предстоящим переговорам с югославской торговой делегацией, прибывающей в Москву». Ввиду того, что югославы предлагали личную встречу руководителей двух стран, Комитет информации МИД СССР (Громько) и Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями (Степанов) должны были представить справку об экономическом и внутривосточном положении в Югославии¹¹⁵.

Письмо ЦК СКЮ от 16 ноября 1954 г. не стало переломным рубежом в советско-югославских отношениях, напряженность в которых все еще продолжала сохраняться. Потребовалось еще немало времени для перехода от политических заявлений, прозвучавших в переписке руководителей обеих партий, к повседневной практике. Показательной, например, стала подготовка поздравления Президента ФНРЮ И. Броз Тито с национальным праздником Югославии, начатая в центральном аппарате МИД еще до получения письма от 16 ноября (поздравления уже нельзя было избежать после его телеграммы по случаю 7 ноября Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову)¹¹⁶. В первоначальном проекте праздничной депеши югославский руководитель именовался «господином Тито» и «президентом Федера-

тивной Народной Республики Югославии». Ворошилов передавал «от народов СССР и от себя лично поздравления и наилучшие пожелания Вам (Тито. – А.Е.) и братским народам Югославии». Однако в итоге телеграмма была направлена в следующем варианте: «В связи с национальным праздником Югославии примите господин Президент мои поздравления и пожелания благополучия народам Югославии»¹¹⁷. Правка оказалась не только стилистической. Как видно при сравнении первоначального и окончательного вариантов, из последнего исчезло поздравление самому Тито.

В целом во второй половине ноября 1954 г. продолжалось дальнейшее изменение общего климата в двусторонних контактах. Советская сторона шла на уступки даже в деталях. Югославская дипломатия понимала всю опасность повторной изоляции страны в случае разрыва с Западом и неурегулированных отношений с «советским блоком». В Белграде догадывались о советских надеждах на разрыв между ФНРЮ и странами Запада, но не спешили радикально менять внешнеполитический курс. Так, Кремль не был проинформирован югославами о подробностях переговоров в Лондоне по поводу Триеста.

Югославские руководители в июле и осенью мотивировали свою медлительность в ответах на письма ЦК КПСС именно сложностью вокруг «триестского вопроса». В результате триестское урегулирование 5 октября 1954 г. Москва была вынуждена признать молчаливо, де-факто¹¹⁸, заявив об этом лишь 14 октября. Возможно, молчание объяснялось и тем, что высшее руководство СССР было занято визитом в Китайскую Народную республику, который состоялся в начале октября 1954 г.¹¹⁹, когда по возвращении из Пекина советская делегация во главе с Хрущевым задержалась на Дальнем Востоке и в Сибири, а также тем, что советская дипломатия не имела четкой позиции относительно урегулирования «триестского вопроса». В Кремле не стали негативно реагировать на нарушение обеими сторонами мирных договоренностей 1945–1946 гг., их отказом от согласования с Советским Союзом как одним из гарантов послевоенного урегулирования в Европе планов территориального размежевания триестской зоны. Молчание Москвы можно было истолковать и как знак слабости, и как знак признания того, что принципы урегулирования итало-югославских территориальных противоречий находятся вне зоны его интересов. Советская дипломатия могла также посчитать, что ей вполне на руку устранение кризисного очага на юге Европы, что способствовало бы стабилизации международной обстановки.

Югославское руководство внимательно следило за тем, чтобы ни один его шаг не дал Кремлю возможности осложнить от-

ношения Белграда и западных столиц. Неудивительно, что ответ югославов на предложения Советского Союза от 13 ноября 1954 г. о проведении общеевропейской конференции по безопасности был уклончивым¹²⁰. Советское предложение в югославской столице оценили положительно, в том числе и тот факт, что оно направлено максимально широкому числу участников – двадцати трем государствам. В то же время там полагали, что позиции ряда европейских стран «по многим вопросам, представляющим общий интерес, в настоящее время еще очень далеки друг от друга, большое количество европейских стран не готово в настоящий момент участвовать в указанной конференции». Поэтому в Белграде считали возможным отложить встречу, проведя ее «позднее, чем это предусмотрено в советской ноте»¹²¹.

Таким образом, некоторые значительные сдвиги в двусторонних отношениях не сопровождались шагами югославского руководства по демонстрации готовности выступать на международной арене совместно с Советским Союзом. В Москве не делали из этого трагедии, но считали, что Белград слишком медленно реагирует на советские инициативы, и пытались подтолкнуть его в этом направлении.

28 ноября посол Д. Видич дал прием в честь государственно-го праздника – Дня образования ФНРЮ. Прием состоялся через неделю после выступления Тито в Копре и спустя два дня после принятых решений по вопросам двусторонних отношений на пленуме ЦК СКЮ и на заседании Президиума ЦК КПСС. Вечер стал знаменательным: в посольство Югославии прибыло почти все государственно-партийное руководство Советского Союза: Маленков, Хрущев, Молотов, Булганин, Жуков, многие министры, а также руководители обеих палат Верховного Совета СССР А.П. Волков и В. Лацис. Памятуя о событиях на торжествах 7 ноября в Кремле, и западные дипломаты, и иностранные журналисты буквально по пятам ходили за советскими гостями¹²², стараясь не пропустить ни одного слова из произносимых тостов.

Как отмечалось в репортаже о приеме, опубликованном в «Нью-Йорк Таймс», советские лидеры демонстративно собрались вокруг Видича, подняли рюмки и провозгласили тост «в честь товарища Тито и СКЮ» именно тогда, «когда были уверены в том, что их поступок будет замечен большинством участников приема»¹²³. А Хрущев обратился к западным журналистам со словами пояснения: «Мы пили за товарища Тито и СКЮ. И все мои товарищи согласны со мной». В этот момент подошел Маленков и добавил: «За мир, за мир». Продолжая, Никита Сергеевич заявил, что СССР и Югославия руководствуются учением Маркса и Ленина, и у них нет причин для столкновений. Поскольку последние слова утонули в шуме голосов собравшихся, один из

репортеров попросил Хрущева повторить сказанное, что тот и сделал. В ответ Видич напомнил Хрущеву, что Югославия, хотя и приветствует советскую инициативу по нормализации советско-югославских отношений, «намерена сохранить хорошие отношения с Грецией, Турцией, западными державами, особенно с США, Великобританией и Францией». В репортаже отмечалось такое впечатление западных журналистов: Хрущев по собственной инициативе заявил Видичу о согласии СССР уважать существующие международные обязательства Югославии¹²⁴.

29 ноября орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала большую статью по поводу государственного праздника ФНРЮ. В ней повторялась формулировка о том, что столкновение 1948 г. было на руку «только врагам двух стран – врагам мира»¹²⁵. Наряду с этим в Москве продолжали внимательно следить за малейшими изменениями в позиции Белграда относительно нормализации. Теперь, в отличие от предшествующих месяцев, все нюансы пытались анализировать в контексте улучшения атмосферы двустороннего сотрудничества. Данная тенденция нашла отражение в ряде документов МИД СССР. Однако нотки превосходства и покровительственного взгляда в отношении Югославии просматривались в советских документах достаточно ясно. Ситуация в ФНРЮ и СКЮ по-прежнему оценивалась как близкая к разложению страны и партии¹²⁶, чем, по мнению авторов документов, и объяснялось стремление югославского руководства, осознавшего гибельность такого хода дел, предпринять определенные шаги для нормализации связей с Советским Союзом.

На фоне подобных оценок в Москве происходила подготовка к предстоящему визиту югославской торговой делегации. За день до ее прилета, 17 декабря в МИД СССР разработали график ее пребывания. На 20 декабря намечалась встреча делегации с министром внешней торговли СССР И.Г. Кабановым, а затем беседа М. Тодоровича или всего состава делегации с Микояном, учитывая высказанную просьбу Видича¹²⁷. Дату последней предполагалось определить исходя из обстановки, которая сложится в ходе переговоров. Помимо прочего в график были включены завтрак в честь югославской делегации, где наряду с Кабановым надлежало присутствовать его заместителю и заместителю министра иностранных дел (В.А. Зорину), а под занавес – обед у Кабанова с участием Молотова, Микояна и Сабурова, «если в процессе переговоров будут обсуждены вопросы, выходящие за рамки торговых отношений»¹²⁸. Это со всей очевидностью показывало, что советская сторона не исключала возможности начала югославами обсуждения деталей встречи на высшем уровне.

В ожидании визита делегации ФНРЮ в Секретариате на Старой площади позиция по Югославии разрабатывалась также

весьма тщательно. 18 декабря М.А. Сулов завершил подготовку проектов и ответа на ноябрьское письмо ЦК СКЮ, и информационного письма «братским коммунистическим партиям». В проекте ответа ЦК КПСС реакция на югославские предложения предполагалась в целом положительной, но оформлено это было самыми общими фразами¹²⁹. В нем опытный кремлевский царедворец, не уточняя, кто с кем будет встречаться, назвал последнюю югославскую инициативу «предложением о встрече на самом высшем уровне»¹³⁰. Второй абзац документа гласил: «Ваше предложение о личной встрече на самом высоком уровне полностью отвечает выраженному в предыдущих наших письмах пожеланию. Само собой разумеется, что при этой встрече можно будет подвергнуть обсуждению самый широкий круг вопросов как государственных, так и партийных. Мы глубоко убеждены в том, что сотрудничество между партиями, которые руководствуются принципами марксизма-ленинизма, не только возможно, но и необходимо в интересах народов наших стран и дела международного социализма». В конце текста на месте даты было поставлено «декабрь»¹³¹ – иными словами, Сулов не исключал возможности отправки письма ЦК КПСС в Югославию еще в 1954 г.

Об отношении советского руководства к письму ЦК СКЮ от 16/24 ноября можно судить и по проекту информационного письма ЦК КПСС в адрес братских партий¹³². В нем предполагалось сообщить о том, что руководство ЦК КПСС направляет ответ ЦК СКЮ на письмо от 16/24 ноября 1954 г. Возможность личной встречи руководителей на высшем уровне оговаривалась в тексте особо. «Из ответа югославов видно, – указывалось в проекте послания, – что они, выражая удовлетворение достигнутыми результатами в деле улучшения отношений с СССР и странами народной демократии, снова делают ударение на необходимости постепенного развития отношений по государственной линии. Однако на этот раз югославы идут несколько дальше и предлагают организовать личную встречу на самом высоком уровне для обмена мнениями по самому широкому кругу вопросов. Фактически этим выражается согласие на личный контакт, который предлагался югославам в письмах ЦК КПСС».

Защите выбранного Кремлем курса на сближение с Югославией был посвящен и второй абзац проекта документа. В нем указывалось на необходимость продолжения курса на постепенное отдаление Югославии от западного лагеря: «Высказываясь за улучшение отношений с Советским Союзом и странами народной демократии, (югославы. – А.Е.) хотят в то же время сохранить свои тесные экономические и политические связи с капиталистическими странами, сохранить свои обязательства перед Западом... следует и в дальнейшем терпеливо и последовательно до-

бываться отрыва Югославии от империалистического лагеря и приближения ее к социалистическому лагерю, имея в виду, что наша дружелюбная политика в отношении Югославии и стремление народных масс Югославии к дружбе с народами наших стран будут все больше сказываться и на позиции югославских руководителей». При этом, отмечалось в письме, «улучшение взаимоотношений с Югославией, несомненно, и дальше будет расширять возможности коммунистического влияния на народы Югославии». Далее предлагалось указать, что «согласие Тито на проведение встречи на самом высоком уровне» оценивается советским руководством положительно и об этом будет сообщено ЦК СКЮ. Планировалось также уведомить руководителей братских партий, что как в ответном письме ЦК КПСС, так и в ходе личных переговоров с Тито, советское руководство «снова поставит перед югославами вопросы о возможности сотрудничества между КПСС и СКЮ на принципиальных основах»¹³³.

Несмотря на то что оба документа были подготовлены накануне визита югославской делегации, они не были направлены по адресам в декабре. Ответ Центральному Комитету СКЮ мог быть отложен из-за ожидания результатов переговоров с торговой делегацией, возглавляемой М. Тодоровичем. Скорее всего, поэтому же не было отправлено письмо и в столицы стран «советского блока». Впрочем, не следует исключать из числа причин и неясность относительно того, кто из советских лидеров будет представлять советскую сторону на встрече в качестве первого лица.

В Москве ожидали визита Тодоровича, в частности, не только для выяснения возможности экономического сотрудничества, но и для определения времени, места и характера возможной встречи на высшем уровне. Советскому руководству представлялось ясным, что дальнейшая нормализация отношений между СССР и ФНРЮ потребует и устранения имеющихся между ними проблем, и нейтрализации западного влияния на Югославию.

Это показывали результаты визита в США заместителя председателя Союзного Исполнительного Веча Югославии С. Вукмановича-Темпо в ноябре 1954 г. Резидент советской разведки в Белграде со ссылкой на близкие к Карделю круги информировал: американцы во время переговоров обещали югославам предоставить заем и оказать экономическую помощь при выполнении югославским правительством ряда условий, таких как устранение из правительства всех лиц, ориентирующихся на Восток и настроенных антиамерикански; изменения Югославией политики по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии и безусловного прекращения дальнейшей нормализации отношений с ними; восстановления дипломатических отношений

с Ватиканом и прекращения преследований католической церкви в Югославии; присоединения Югославии к Североатлантическому блоку. По данным советской разведки, источником которых служило окружение Карделя, Вукманович якобы сообщил об этих требованиях Тито и получил от него указание заявить американцам, что подобного рода условия для Югославии неприемлемы, и прервать переговоры. В донесении разведки указывалось: «Дальнейшая линия югославского правительства в деле нормализации отношений с Востоком и внешняя политика по отношению к Западу будет определена по возвращении Тодоровича из Москвы в связи с тем, что Югославия до сих пор не знает, в какой мере она может рассчитывать на Советский Союз и действительно ли заявления руководителей Советского правительства являются искренними». Поскольку вся приведенная информация поступила из окружения Карделя, автор донесения допускал, что югославская сторона ведет определенную игру с целью повлиять в желательном для нее направлении на ход экономических переговоров в Москве, о чем и была сделана соответствующая оговорка советского резидента¹³⁴.

Вывод процитированного выше донесения корреспондировал с данными, получаемыми руководством советской разведки из других источников вне Югославии: «Общий характер отношений Югославии с Западом, реальное наличие у нее колебаний между ним и Востоком подтверждались многочисленными документами, поступавшими из других резидентур разведки. Они свидетельствовали о том, что не только сближение с Белградом, но и сохранение его в качестве нейтральной величины мировой политики потребует от Москвы решительных шагов, некоторых жертв в плане престижа и материальных затрат»¹³⁵. Прагматический подход в духе «реальной политики», демонстрировавшийся советской резидентурой в Белграде в отношении позиции ФНРЮ, в то же время, ввиду отсутствия у нее источников в высшем югославском руководстве, не мог учитывать все тогдашние настроения, которые далеко не всегда способствовали нормализации. Как показывали выступления на пленуме ЦК СКЮ 23 ноября, многие его члены действительно сомневались в искренности руководителей Советского Союза и КПСС.

Торговая делегация ФНРЮ, возглавлявшаяся членом СИБ этого государства М. Тодоровичем (он тогда являлся и членом Исполкома ЦК СКЮ), прибыла в Москву 18 декабря¹³⁶. Следует полагать, что кандидатура главы делегации подбиралась не случайно. В Советском Союзе в послевоенные годы он бывал нередко и оказался весьма осведомленным о всех перипетиях советско-югославских экономических контактов до разрыва в 1948 г., не раз принимал самое непосредственное участие в сложных пере-

говорах. В день вылета в Москву М. Тодорович выступил перед прессой и заявил, что предложение о визите поступило от советской стороны. Он выразил надежду на дальнейшее развитие торговых связей, благоприятно влияющих на нормализацию советско-югославских отношений. Глава делегации также отметил, что вопрос о возмещении ущерба, который понесла экономика ФНРЮ вследствие одностороннего разрыва Москвой в 1948 г. советско-югославских экономических соглашений, пока отложен до проработки его в отдельной комиссии¹³⁷.

Впрочем, именно в вопросе об ответственности за последствия разрыва экономических связей югославская сторона действовала наступательно, используя все возможные средства давления на партнеров. Выступая в парламенте Индии 21 декабря, Тито пошел дальше заявления Тодоровича, упомянув об «огромном материальном ущербе», который нанес Югославии разрыв 1948 г., что привело к корректировке первого пятилетнего плана в его стране¹³⁸.

Столь жесткий внешний фон начала переговоров, создаваемый в результате публичного давления Белграда на партнеров, не мог приглушить стремления СССР к «наведению мостов» с руководством ФНРЮ. По мнению советской делегации, переговоры в Москве шли успешно. 25 декабря ее глава И.Г. Кабанов представил отчет о завершении их первого этапа¹³⁹. По всей вероятности, в Кремле посчитали ситуацию созревшей до такой степени, что, нарушив предварительные планы МИД СССР, решились на встречу руководства партии и страны с югославской торговой делегацией. В один из последних дней 1954 г. советские лидеры почти в полном составе (Хрущев, Маленков, Булганин, Молотов, Каганович и Кабанов) приехали в посольство ФНРЮ. Узнав о предстоящем спонтанном визите за считанные часы до этого, югославы успели снестись с Белградом и получить перед самой встречей общие указания Э. Карделя¹⁴⁰.

С самых первых минут встречи Н.С. Хрущев взял инициативу в свои руки. Словно продолжая диалог с Видичем на кремлевском приеме 7 ноября, он начал беседу с вопроса: «Как мы будем разговаривать: или будем торговать кукурузой, или будем говорить как политики, как марксисты-ленинцы, как революционеры?» Сам он, конечно, склонялся ко второму, еще раз указав присутствующим на необходимость найти общий политический язык. Тем более, что эту задачу облегчали близость идеологий, этническое родство и общая религия. «Мы коммунисты и вы – коммунисты, – провозгласил Никита Сергеевич. – Мы славяне и вы – славяне, мы православные и вы – православные»¹⁴¹. В ответ Тодорович уклончиво заметил, что «иногда лучше жить с хорошим соседом как с братом». Относительно общих целей глава де-

легации ФНРЮ также внес ясность, сказав, что югославские взгляды на общественное развитие и международные отношения теперь значительно отличаются от советских. Поэтому возрождения существовавших между двумя странами до 1948 г. контактов ожидать не следует, так как «в последние годы югославское руководство приобрело собственный опыт, от которого не собирается отрезаться». Сходными были и оценки Тодоровичем проблем международных отношений. Он заявил о необходимости более широкого взгляда на мировую политику в противоположность сектантскому подходу Коминформа.

На замечания Молотова и Хрущева о том, что раз капиталисты имеют собственные формы организации, то и коммунисты должны их иметь, и Коминформ «как раз и является организацией для консультаций и советов, а не приказов», Тодорович сослался на негативный опыт югославского руководства в отношениях с Информбюро после 1948 г.¹⁴² Выслушав эти слова, и повторив аргументацию первого письма ЦК КПСС, Хрущев предложил «оставить прошлое в прошлом» и подчеркнул: «У вас был свой Джилас, у нас – Берия. Сейчас мы расправились с ними и имеем все возможности объединиться в единый социалистический фронт»¹⁴³. На что руководитель югославской делегации спокойно, но решительно возразил: «Социалистический фронт мы понимаем различно. Югославы включают туда тех в Европе и мире, кто определился за социализм и при этом не приемлет социализм сталинистского типа».

Столь жесткая формулировка, впервые высказанная в глаза советским лидерам, не доставила им удовольствия и привела к крайней вспышке гнева. По воспоминаниям одного из участников встречи, после напряженного молчания Никита Сергеевич вскочил и почти закричал: «Нет понятия “сталинизм”. Сталин был ленинец! Мы, все здесь присутствующие, были его соратниками и учениками. Он жил и умер как коммунист! Мы с ним вместе выстоим или пропадем! Разве не так, товарищи?» Как показалось югославам, он адресовал сказанное прежде всего Молотову и Кагановичу, которые с ним охотно согласились. После чего Первый секретарь ЦК КПСС продолжил несколько спокойнее. По его мнению, взгляд югославских собеседников на Сталина определяется произошедшим конфликтом, и о нем будет легко разговаривать в том случае, если «мы как коммунисты урегулируем взаимные отношения». Данная фраза была истолкована югославской стороной как приглашение вернуться в социалистический лагерь и вновь вызвала томительное молчание¹⁴⁴.

Возникшую неловкую паузу прервал Г.М. Маленков, предложивший пока сконцентрироваться на вопросах, не вызывающих разногласий. В ответ Тодорович назвал базовые принципы, на

основе которых Югославия готова вести нормализацию связей, отметив, что их принятие советскими руководителями будет означать для Советского Союза выход из международной изоляции¹⁴⁵. По всей вероятности, именно в ответ на эту фразу Хрущев не только кратко повторил перед торговой делегацией ФНРЮ содержание уже известных писем ЦК КПСС югославскому руководству, но и сделал одно из своих очередных скандальных заявлений. Как показывает реконструкция возможного хода беседы, исходя из советских документов начала 1955 г., Никита Сергеевич указал Тодоровичу на то, что югославы активизировали разведывательную деятельность в странах Восточной Европы, где сотрудничали с американскими спецслужбами¹⁴⁶. Тогда же кто-то из советских лидеров (очевидно, А.И. Микоян) пытался убедить главу югославской делегации (называя его на русский манер «Федоровичем») в пагубности тесных связей Югославии с Америкой¹⁴⁷.

В ходе встречи в посольстве югославам бросились в глаза особенная активность Хрущева, мирный тон Маленкова, а также нервозность министра иностранных дел Молотова при обсуждении германского вопроса и при высказываниях Тодоровича о различных путях строительства социализма, в частности о желании югославского руководства достичь более высокого уровня общественного развития (чем тот, который допускает государственное управление экономикой) посредством введения рабочих советов. Прозвучавшие утверждения настолько взволновали старого большевика, что он впервые после почти тридцатилетнего перерыва закурил. По высказанному в те минуты мнению Молотова, попытка введения рабочего самоуправления в Советском Союзе приведет к распаду государства в течение нескольких недель¹⁴⁸. Он также напомнил о резко отрицательной реакции Ленина на похожие предложения синдикалистов после октября 1917 г.¹⁴⁹ Обратив внимание на раздраженность Молотова, югославы также заметили, что оценки рабочего самоуправления Хрущевым и Маленковым не выглядели столь резкими. К примеру, первый из них полагал, что подобная форма самоуправления не должна являться препятствием советско-югославскому сближению, подобно тому как различия во взглядах на проблему национализации земли в социалистических странах не мешают их сотрудничеству.

Дальнейшее обсуждение с советским руководством хозяйственных вопросов дало югославам основание считать, что в экономическом сотрудничестве ФНРЮ и СССР не возникнет серьезных проблем. Встреча завершилась тем, что Маленков предложил тост за наступающий Новый год, подчеркнув, что сближение двух стран должно происходить на основе свободного обмена

взглядами и выработки общих подходов. Он призвал собравшихся не торопить события, ибо всем должно быть понятно, что на первой после нескольких лет конфликта встрече нельзя достичь согласия во всем¹⁵⁰. Примирительной позиции придерживался и сам Тито. Это видно из его комментария по поводу телеграммы Видича о встрече в посольстве, которую ему во время визита в Индию и Бирму переправил из Белграда исполнявший в те дни обязанности главы внешнеполитического ведомства В. Мичунович. Югославский лидер захотел дальнейших пояснений, выразив мнение, что, возможно, Тодорович излишне заострил дискуссию¹⁵¹.

* * *

Последние месяцы 1954 г. во многом определили принципы взаимодействия двух стран на длительный период. В Москве были заняты формулированием основ сотрудничества СССР и ФНРЮ, разрываясь между последовательным наращиванием контактов между ними и курсом на возвращение этих отношений в доконфликтное состояние, а также стремлением возобновить партийные связи в качестве панацеи от всех бед. Высшее руководство Югославии более уверенно определило внешнеполитический курс своей страны, не желая отказываться от свободы маневра, который предоставили ей ослабление международной напряженности в 1953–1954 гг. и ее внеблоковое положение. В конце осени 1954 г. югославские лидеры на специально созванном пленуме ЦК СКЮ получили со стороны большей части политической элиты страны формальную поддержку проводимого им курса на нормализацию отношений с Советским Союзом. Предложение о встрече руководителей двух государств, сделанное Белградом Москве в письме ЦК СКЮ от 16 ноября 1954 г., должно было закрепить существующее положение дел и дать новый импульс процессам нормализации. Вместе с тем оно объективно внесло элементы дестабилизации в отношения, так как советскому руководству предстояло определиться со своим представителем на встрече на высшем уровне.

3. «Вчера еще кляли на чем свет стоит Тито и Ранковича – этих врагов, шпионов и убийц, а сегодня снова с ними якшаемся и чуть ли не целуемся»* (январь – март 1955 года)

К началу 1955 г. Советский Союз и Югославия создали основу для совместных действий в ряде сфер общественно-экономической жизни двух стран. Непосредственным результатом рассмотренного выше визита торговой делегации ФНРЮ во главе с М. Тодоровичем явилось заключение нескольких экономических соглашений, главными из которых стали торговое и платежное (от 5 января 1955 г.) на сумму 40 млн рублей с каждой из сторон¹⁵². Эти цифры были внесены в планы народнохозяйственного развития СССР на 1955 г., что гарантировало их стабильное выполнение советской стороной¹⁵³. В середине января наконец-то подписали соглашение о полетах советских самолетов по маршруту Москва–Белград–Тирана (с посадкой в Белграде) и югославских самолетов через советскую зону оккупации в Австрии. Дипломатические службы СССР с декабря 1953 г. добивались подписания означенного соглашения, и отказ югославы воспринимался ими как отсутствие подлинного желания руководства страны заниматься практической нормализацией отношений¹⁵⁴. 29 декабря 1954 г. в Москве сроком на один год (с условием продления) было заключено соглашение об обмене кинопродукцией между «Совэкспортфильм» и «Югославия-фильм».

Практические шаги по нормализации отношений с СССР югославы держали в тайне от Запада¹⁵⁵. Они не только скрыли факт встречи М. Тодоровича с высшим советским руководством в посольстве ФНРЮ в Москве, но и весь переговорный процесс в торговой области сумели представить таким образом, что у дипломатов ведущих западных держав сохранялось впечатление об их стремлении твердо придерживаться взятых на себя обязательств перед Западом вопреки давлению Советского Союза. На завтраке в посольстве Великобритании в Москве 13 января 1955 г. Д. Видич рассказал о том, как в самом начале переговоров министр внешней торговли И.Г. Кабанов предложил руководителю югославской делегации включить медь и ряд других стратегических товаров в экспортные списки на поставки из ФНРЮ в СССР. В ответ на слова Тодоровича о том, что Югославией взяты обязательства перед Западом, которые не дают возможности

* Из обзора писем советских читателей, поступивших в журнал «Коммунист», 22 января 1955 г.

поставлять Советскому Союзу товары стратегического назначения, и потому нет смысла даже обсуждать это предложение, советская сторона исключила из обсуждения нефть, назвав ее также стратегическим товаром и тем самым показав, что ее поставки в Югославию возможны только в обмен на медь¹⁵⁶.

Общая атмосфера нормализации внешне казалась настолько обнадеживающей, что вводила в заблуждение самых нетерпеливых представителей политической элиты в СССР. В январе 1955 г. руководство комсомола, не посвященное в детали тайной встречи в югославском посольстве, вышло с инициативой восстановления связей с молодежными организациями Югославии. ЦК ВЛКСМ внес на рассмотрение ЦК КПСС проект письма секретариата Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) (своего рода молодежного аналога Коминформа) в адрес ЦК Народной молодежи Югославии (НМЮ), в котором предлагалась организация встречи представителей ВФДМ и НМЮ для обсуждения взаимоотношений и установления сотрудничества. Тем не менее этот, казалось бы, логичный – учитывая ноябрьское предложение Тито – шаг был признан ЦК компартии преждевременным¹⁵⁷.

Руководство комсомола поспешило, так как не знало, что у «старших товарищей» не сложилось единой точки зрения по югославскому вопросу. В январе 1955 г. на уровне высших советских руководителей и обслуживающих их структур велась серьезная аналитическая работа. Неуступчивость М. Тодоровича на тайной встрече в посольстве давала Н.С. Хрущеву возможность ужесточить позицию в югославском вопросе, а тем самым укрепить собственное положение по сравнению с Г.М. Маленковым, встречу с которым предложил Тито в изложенном выше письме от 16 ноября 1954 г. (в нем фамилия советского представителя названа не была, но в протокольной записи заседания Исполкома ЦК СКЮ фигурировал именно Маленков). Не следует исключать, что Хрущев высказал Тодоровичу предположения о сотрудничестве югославских и американских разведок с расчетом осложнить отношения и проявить принципиальность в глазах остальных членов Президиума ЦК. В январе 1955 г. в Секретариате ЦК КПСС была вовсе прекращена и без того затянувшаяся работа над проектом ответного письма советского руководства Тито. Вместо ответа Белграду члены Президиума ЦК вновь посчитали необходимым согласовать свою позицию с руководством партий и государств, входивших в «советский блок».

Ключевым фактором сдерживания процесса нормализации стали идеологические расхождения, на которых кремлевские руководители неожиданно резко акцентировали внимание как раз в это время. 15 января секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов,

который не принимал участия во встрече с Тодоровичем в посольстве ФНРЮ в Москве, направил лично Хрущеву свои соображения по поводу лекции Э. Карделя в Норвегии¹⁵⁸. Обращая внимание Первого секретаря на появление текста выступления в «загребском издании» газеты «Борба», Суслов сообщал, что «лекция Карделя – очень длинная и нудная», но «заслуживает внимания потому, что явно претендует на программное изложение политических взглядов югославского руководства... и... направлена на обоснование югославского пути к социализму».

Автор документа утверждал, что «во всех своих политических взглядах, как они изложены в лекции, Кардель – не коммунист и не марксист-ленинец, а социал-демократ. Его взгляды не левее взглядов К. Каутского военных и послевоенных лет». По словам секретаря ЦК КПСС, «опыт революции Э. Кардель, вслед за К. Каутским и другими правыми социал-демократами, объявляет результатом отсталости России», считая, что «ее путь неприменим к другим, более передовым странам». «Попутно, – отмечал Суслов, – Э. Кардель грубыми намеками клеветает на общественный строй Советского Союза, именуя его бюрократическим, деспотическим и государственно-капиталистическим». Оценивая концепцию югославского самоуправления, советский партийный деятель вынес суждение об одном из основных постулатов югославской теории строительства социализма. В его материале подчеркивалось, что «тезис о превращении государственной всенародной собственности в групповую есть шаг назад от социализма к капитализму», что это «демагогический прием... преследующий ту цель, чтобы отвести от правительства недовольство югославских рабочих масс своим полуголодным положением»¹⁵⁹.

Охарактеризовав взгляды руководства ФНРЮ как чисто прагматические в выборе путей развития своей страны, Суслов отметил: «Выходит, что югославы получают из Америки не только пшеницу, но и философию Дьюи..., философию современного прагматизма, которая освобождена от всех догм и... нужна Карделю для того, чтобы “обосновать” свой отказ от общих принципов марксизма-ленинизма, от опыта международного рабочего движения и прежде всего от опыта Советского Союза, обосновать свой переход с позиций пролетарского интернационализма на позицию буржуазного национализма». В вину югославскому руководителю вменялось также и то, что в своем выступлении в Норвегии Кардель «ни единым словом не упоминает о ленинском учении о международном значении диктатуры пролетариата» и его «русского образца». Еще одним прегрешением идеолога Союза коммунистов явилось то, что он «противопоставляет И.В. Сталина В.И. Ленину, изображая Сталина вдохновителем бюрократизации советского общественного строя».

Особо были проанализированы и взгляды югославского деятеля на место партии в политической системе и в обществе. «Кардель ревизует марксистско-ленинское учение о партии и ее задачах в переходный период от капитализма к коммунизму. Он считает, – указывалось в тексте материала, – что... политической партии “в классическом смысле” как передовой части рабочего класса и руководящей силы общества, не требуется». Секретарь ЦК КПСС обратил внимание Хрущева и на высказывание о том, что «Союз коммунистов Югославии... не является политической партией». «Рекомендуя югославский путь к социализму, – отмечал Сулов, – Кардель считает излишним даже упоминание о диктатуре пролетариата, как “политической форме, в которой только и возможна победа социализма над капитализмом”... всячески расписывает демократичность югославского пути»¹⁶⁰.

Теоретико-идеологические изыски Сулова в осуждении взглядов Карделя во многом явились рефлексом советского идеологического аппарата на стремление руководства Югославии получить признание в мировом общественном мнении югославской модели социалистического развития. Однако им было придано важное значение скорее всего потому, что данный документ Сулова (возможно, и написанный с этой целью) идеально ложился в общее русло нагнетаемой в советской элите атмосферы настороженности и опасности, необходимой для смены Г.М. Маленкова на посту главы правительства. Подробно процитированный выше «аналитический материал» оказал серьезное влияние на обсуждение югославского вопроса в Президиуме ЦК КПСС 19 января 1955 г. и послужил обоснованием для предложения Хрущева вновь отложить направление ответного письма ЦК СКЮ. Он стал общим достоянием советского руководства после 25 января, когда был разослан для ознакомления всем членам, кандидатам в члены и секретарям ЦК КПСС¹⁶¹. Решение о его столь широкой рассылке означало, что Хрущеву в тот момент понадобилось создать негативную атмосферу вокруг взглядов Карделя как ведущего идеолога югославских коммунистов.

Материал дополнительно подкрепил позиции большинства советских руководителей в вопросе об отношении к Маленкову, мягкий подход которого к югославам (в отличие от идеологических атак Хрущева на югославских представителей в последние месяцы 1954 г.) выглядел после этого как непротивление или даже согласие с «правым оппортунизмом» и чуть ли не исповедованием взглядов «реакционной американской философии». В итоге вопрос об ответе на предложение Тито о встрече лидеров двух стран был вновь замят как бы сам собой. В данной ситуации умелым аппаратным тактиком и хитроумным идеологическим стра-

тегом проявил себя секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов, предоставивший Хрущеву тот материал, который и был нужен Первому секретарю. В то же время он выполнил поручение Президиума ЦК, приложив соответствующие материалы (проекты писем в ЦК СКЮ и второго письма – лидерам братских партий), подготовленные под его руководством еще 18 декабря 1954 г.¹⁶² накануне приезда в СССР торговой делегации ФНРЮ.

Однако 19 января рассмотрение «вопроса о Югославии» на заседании Президиума ЦК свелось, судя по всему, исключительно к обсуждению взглядов югославского руководства на социализм и их соответствия марксистско-ленинскому учению. Дискуссия стала удачным дополнением многоплановой подготовки к отставке Маленкова на предстоящем пленуме ЦК КПСС. «Личная записка» Суслова Хрущеву имела самые серьезные последствия. Вместо обсуждения текста письма ЦК СКЮ вторым пунктом постановления Президиума ЦК КПСС стало решение о размещении в журнале «Коммунист» статьи «с критикой теоретических и политических взглядов Карделя и других руководящих работников Югославии»¹⁶³.

Острый тон высказываний Хрущева в разговоре с Тодоровичем, записка Суслова Хрущеву от 14 января, разосланная всем высшим советским руководителям, и решение отложить отправку ответного письма в адрес ЦК СКЮ, де-факто принятое на заседании Президиума ЦК КПСС 19 января 1955 г., словно сломали тот барьер, что преграждал в последние месяцы 1954 г. поступление советскому руководству острых критических материалов о положении в Югославии, накопившихся у коммунистов в стране. 22 января в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС была подготовлена «Справка обзора писем читателей в журнал “Коммунист”», в которой содержалась подборка наиболее распространенных вопросов о Югославии и состоянии советско-югославских отношений.

Нельзя утверждать, что общий тон цитирувавшихся в справке писем был исключительно негативным. Письмам с «положительным» восприятием Югославии уделялось почти две страницы, а с «отрицательным» – полторы¹⁶⁴. Вопросы задавались самые различные¹⁶⁵. Наиболее характерный содержался в почтовой открытке со штампом 30 ноября 1954 г., отправленной пропагандистом П. Ивановским, который писал: «Меня как пропагандиста мои слушатели ставят в тупик, требуя у меня ответа на вопросы об Югославии. Я им, разумеется, ничего определенного ответить не могу, так как из противоречивых сведений из нашей печати ничего понять нельзя. Вчера еще кляли на чем свет стоит Тито и Рапковича – этих врагов, шпионов и убийц, а сегодня снова с ними якшаемся и чуть ли не целуемся. Напечатайте, пожа-

луйста, консультации. Что происходит в Югославии, какой там социальный и экономический строй, что произошло с их главарями и т.д.»¹⁶⁶

Вслед за этим, с некоторым опозданием, 28 января 1955 г. руководство КГБ СССР, словно дублируя подборку писем редакции журнала «Коммунист», представила в Центральный комитет материал за подписью Серова, свидетельствующий об отрицательной реакции на ход советско-югославской нормализации тех сил в Югославии, которые сочувствовали КПСС¹⁶⁷.

В конце января советское руководство получило подготовленный в МИД СССР объемный информационно-аналитический доклад «Об экономическом и внутривластном положении в Югославии»¹⁶⁸, подписанный А. Громыко и В. Степановым. Задание о его подготовке было дано еще осенью 1954 г., когда Президиум ЦК КПСС требовал объективности в освещении югославских сюжетов. В соответствии с этим доклад оказался выдержан в духе объективизма. Почти стостраничный текст завершали выводы, не отличавшиеся привычной жесткостью, характерной для всех прежних документов, хотя политика югославского руководства и ее идеологический курс подавались в нем достаточно критически.

По всей видимости, на общий тон и выводы документа оказала влияние «записка Суслова». К примеру, в нем указывалось: «Югославские деятели пытаются приспособить марксистско-ленинское учение для теоретического обоснования своей внешней и внутренней политики, а это приводит их к пересмотру ряда научных положений, к “углублению” марксизма, “омоложению” его разными новыми теориями Запада»¹⁶⁹; «В области идеологии руководство СКЮ продолжает идти по существу по линии ревизии марксистско-ленинского учения»; «Эволюция мировоззрения югославских руководителей за последние годы происходила в направлении приближения их взглядов к взглядам лидеров правосоциалистических партий». Критической оценке в докладе подвергалась рожденная в Югославии идея «непосредственной демократии производителей», которая, по мнению его авторов, ведет «к ослаблению руководящей роли рабочего класса». В документе утверждалось, что в Югославии происходит «отход от марксистско-ленинских принципов государственного строительства» и используется американская модель. Подтверждение этого авторы усматривали, в частности, во введении в ФНРЮ «поста Президента». В докладе, как и в записке Суслова, уделялось существенное внимание роли компартии. Указывалось, что «в вопросе о роли партии руководители Югославии отказались от ленинских принципов и встали на путь социал-демократизма»¹⁷⁰. Не остались без внимания и процессы в СКЮ, имевшие место в связи с «делом

Джиласа». В первой половине 1954 г., сообщалось в материале, югославы «предприняли некоторые меры по укреплению партийной дисциплины, увеличению рабочей прослойки» в Союзе коммунистов Югославии и «даже стали высказываться в том смысле, что неправильно ограничивать роль СКЮ выполнением только пропагандистских и воспитательных задач». «Однако последующие выступления югославских руководителей, – делали вывод авторы доклада, – показывают, что они не намерены отказываться от своих основных установок в вопросах партийного строительства»¹⁷¹. Вместе с тем в документе указывалось на отсутствие в настоящее время в Югославии «сколько-нибудь влиятельных партий и групп»¹⁷².

Таким образом, в докладе преобладал критический тон. Тем не менее подход к югославским реалиям оказался мягче, чем в январском материале о Карделе, вышедшем из-под пера Сулова. Возможно поэтому документ МИД вызвал в советском руководстве негативную реакцию. Предложения по улучшению материала последовали в виде аналитической рецензии¹⁷³, авторы которой уничижительно назвали полномасштабный стостраничный доклад Громько и Степанова «справкой». По их мнению, «в справке не содержится определения того, что же ныне представляет собой общественный строй Югославии. Нигде прямо не сказано, строится ли в Югославии социализм или нет. Почти ничего не сказано о создании условий для реставрации капитализма». Вновь значительное внимание уделялось характеристике вопросов обществоведения: «В справке не раскрыто содержащееся во введении утверждение, что в выдвигаемой югославскими руководителями “теории” строительства социализма в Югославии сохраняются некоторые марксистско-ленинские положения... нигде в справке в ясной форме не указывается, что югославские руководители отказались от основных принципов марксизма-ленинизма, а вместо этого говорится лишь об отходе “от ряда марксистских положений”, о ревизии марксизма, об “эволюции” в сторону взглядов правосоциалистических лидеров».

Существенным для рецензентов также явилось следующее обстоятельство: «О враждебном отношении югославских руководителей к СССР говорится в двух–трех фразах. Не вскрыта принципиальная сторона дела: отрицание югославскими руководителями строительства социализма в нашей стране является наиболее убедительным доказательством их отказа от основных положений марксизма-ленинизма». В духе распространенных в это время в советских верхах жестких оценок авторы рецензии подвели черту: «Югославские руководители порвали с подлинным пролетарским интернационализмом, ибо отказываются поддерживать СССР», а между тем в докладе «не показано, что по-

литика лавирования югославских руководителей, и их “верность” марксизму объясняется стремлением удержать за собой массы... не лишиться себя возможности оказывать влияние на страны народной демократии».

Критикуя далее доклад МИД, рецензенты писали: «Совершенно недостаточно показана степень зависимости Югославии от США, Англии и других капиталистических стран. Говорится о росте “помощи” и кредитов, но не показано, на какие уступки в связи с этим пошли югославы». Особо они оговаривали: «...вовсе не упоминается о Балканском союзе, о фактических связях Югославии с НАТО, о влиянии американцев в вооруженных силах и т.д.» Возмущение авторов рецензии вызывало и то, что они не увидели «анализа статьи (лекции) Карделя, опубликованной 1–3 января 1955 г. в газете “Борба”, которой авторы справочного материала уделили лишь несколько слов, назвав ее свидетельством того, что югославские руководители не намереваются отказываться от своих “теоретических” установок»¹⁷⁴.

Уловив общую атмосферу в Москве, в конце января совершил демарш и советский посол в Белграде В.А. Вальков, который избрал для заявления претензии только что вышедшую из печати книгу Я. Рибникара «Незаконченный круг», где он выискал антисоветское содержание. Объяснению этого шага посла был посвящен специальный документ Координационного отдела ГСИД ФНРЮ, разосланный во все секретариаты высших руководителей Югославии. В нем указывалось на безосновательность протестов советского дипломата: «За исключением, может быть, сцены встречи с пьяными русскими на дороге, о книге нельзя говорить как антисоветской». В Координационном отделе утверждали, что взволновавшая советскую сторону книга представляет собой попытку морально-психологического анализа жизненного пути предателя-информбюровца. Молниеносная реакция Валькова на выход книги, считали в Отделе, доказывает, что «русские внимательно следят за нашей издательской деятельностью и очень чувствительны к каждой публикации». «Вальков сердит потому, что книга напоминает нашей общественности о сути столкновения с Информбюро, – полагали авторы документа. – Через рассказ о судьбе этого предателя (героя книги. – А.Е.) в романе показывается морально-политический облик информбюровца». В заключении материала указывалось: «Нормализация межгосударственных отношений с СССР не может служить препятствием отражению темы конфликта 1948 г. в будущем». Но югославские эксперты сами подвергли легкой критике произведение Рибникара, отметив, что в нем «могло бы быть и больше конкретных данных о враждебной деятельности

русских, в частности их посольства в Белграде в 1948 г., – что неопровержимо доказано в ряде судебных процессов»¹⁷⁵.

В общей атмосфере недоверия к Югославии, созданной в высших слоях советской элиты в январе 1955 г., примирительный демарш посла ФНРЮ в Москве Д. Видича, который попытался мягко опровергнуть резкие заявления Хрущева по поводу действий югославской разведки в странах «советского блока», восприняли негативно. Напросившись на прием к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину 13 января, посол, действуя по директиве из Белграда, пытался оспорить обвинения в заметной активизации работы югославской разведки в Восточной Европе и ее сотрудничестве с американскими спецслужбами. В стиле, употреблявшемся до этого исключительно в беседах с западными дипломатами («кто-то хочет посеять недоверие между Югославией и Западом»), Видич высказал предположение, что претензии Хрущева – результат интриги, направленной на срыв успешно развивающихся отношений двух стран¹⁷⁶. Однако этот шаг был предпринят не в самое лучшее время ввиду нагнетания общей негативной атмосферы вокруг ФНРЮ и взглядов югославского руководства, кои доминировали в высших эшелонах советской элиты. К тому же руководство СССР было занято критическим разбором политики премьер-министра Имре Надя в Венгрии и подготовкой к снятию Маленкова на предстоящем пленуме ЦК КПСС. Заявление посла, сделанное, кстати, с двухнедельной задержкой из-за отсутствия в стране куратора югославских спецслужб Ранковича, ответа не получило, что лишь добавило мрачных красок в сгущавшуюся политическую палитру января 1955 г.

В Белграде продолжали тщательно анализировать состояние дел в СССР. Соотношение сил в советском руководстве, прежде всего борьба между Маленковым и Хрущевым, находилось в числе несомненных приоритетов. Любым сообщениям на эту тему уделялось самое серьезное внимание, но дипломатам в Москве не удавалось сохранять беспристрастность. Посол Видич явно оказывал предпочтение более интеллигентному Маленкову, а не разнузданному и грубому в поведении Хрущеву, подмечая малейшие ошибки последнего. Несомненно, на таковой оценке Видичем лидера советских коммунистов сказались личные встречи: и на приеме 7 ноября 1954 г. в Кремле, и во время последней беседы в посольстве ФНРЮ с участием М. Тодоровича и руководителей СССР.

В одном из сообщений Видича отмечалось, что Хрущев из-за ряда своих высказываний становится все менее популярным в стране. Посол телеграфировал, что советские граждане «особенно негативно говорят о том, что он похвалил Сталина за предложение ввести “налог на бездетность” и другие “стимулирующие”

меры, в то время как они, наоборот, ожидали устранения подобных налогов и увеличения крайне низких пенсий». «То, что Хрущев в достаточно грубой манере развеял такие ожидания, – указывалось в депеше, – уже сказывается на снижении его авторитета в массах». Видич считал, что Хрущев отверг идею временного обращения к «целинным землям» и ясно дал понять, что речь идет о «колонизации». Посол указывал на наличие прямого недовольства советских граждан своим начальством, которое «не замечает, что и в эту зиму даже в Москве существует нехватка масла, яиц, мяса и других товаров, о чем Хрущев не сказал ни слова»¹⁷⁷. По всей видимости, занявшись косвенной критикой Хрущева, в посольстве не имели сведений о готовившихся серьезных кадровых изменениях в советских верхах.

31 января 1955 г. на пленуме ЦК КПСС было принято решение о замене Г.М. Маленкова на посту главы Совета Министров СССР Н.А. Булганиным. Его кандидатура была принята членами ЦК почти без обсуждения – после слов Хрущева: «Я думаю, что давать характеристику тов. Булганину вряд ли нужно» последовали срежиссированные выкрики с мест: «Знаем товарища Булганина, не нужно нам давать характеристику тов. Булганину». Бесконфликтному решению вопроса по устранению главного политического конкурента помогла и хитрая уловка Хрущева, который, желая не допустить дискуссии среди членов ЦК, лицемерно пообещал, что этим можно заняться позже («вопрос о Председателе Совета Министров СССР мы думали решать на сессии Верховного Совета СССР в соответствии с Конституцией»)¹⁷⁸.

Выдвижению Булганина предшествовала критика Маленкова, представлявшая собой причудливую смесь самых разных обвинений – от неумения руководить и «врожденной мягкотелости» до неоправданной жестокости. Первый секретарь ЦК КПСС обвинил Маленкова в сговоре с Берией – по его словам, они втерлись в доверие к «великому вождю» Сталину и уничтожали руководящие партийные кадры. «При Сталине... стало трудно после того, как вы с Берия стали влиятельны. До этого было легко», – поучал Никита Сергеевич. Придав конкуренту образ организатора репрессий против руководителей партии и правительства, он выводил тем самым из-под удара остальных и прежде всего самого себя. Так, разглагольствуя о «ленинградском деле» и выгораживая Сталина, Хрущев подчеркивал: «Вот и довели Сталина до такого состояния... Ведь Сталин подписал, чтобы уничтожить Вознесенского, Кузнецова и др. потому, что он глубоко верил, что они враги партии, враги Советского государства. Постоянно получая такие материалы, он не мог иметь других соображений. Ведь он не знал, что все эти материалы были добыты нечестным и недостойным путем». После этого Никита Сергеевич обелил

себя и внимавших ему членов Центрального комитета: «И каждый из нас, располагая такими материалами и не имея оснований не верить им, поступил бы, вероятно, так же»¹⁷⁹. В скоротечном обсуждении недостатков Маленкова главную роль сыграло его согласие с прозвучавшей критикой. На этот раз, в отличие от июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, югославский вопрос уже не фигурировал в качестве одного из обвинений опального предсовмина.

Отсутствие в Югославии высшего руководства страны (возвращение Тито из поездки в Индию и Бирму¹⁸⁰ планировалось лишь в начале февраля) и ожидание результатов переговоров югославской делегации в Азии не позволили Москве принять кардинальные решения в сфере советско-югославских отношений. К тому же формально югославское руководство не получило ответа советской стороны на свое последнее письмо.

Тем не менее контакты между дипломатами двух государств стали более частыми и откровенными. Заметное место в них занимал обмен мнениями послов в столицах третьих государств, прежде всего в Софии, которая превратилась в существенный канал дополнительного обмена информацией. В ходе встреч обсуждался широкий круг вопросов, но особо выделялись спорные проблемы, которые дискутировались в твердом стиле, выдерживавшемся обеими сторонами. Но несмотря на это, было заметно, что югославские дипломаты, пытаясь оттенить сближение позиции ФНРЮ с подходами СССР по ряду международных проблем, начали критиковать внешнеполитические действия Вашингтона. В частности, 1 февраля 1955 г. в Софии во время встречи послов Ю.К. Приходова и М. Милковича последний «неодобрительно отозвался о действиях американцев», имея в виду их вмешательство во внутренние дела Китая. На вопрос Приходова о возможности присоединения Италии к Балканскому пакту и об отношении к этому Белграда, югослав ответил, что такая проблема «вообще не является актуальной, добавив при этом, что, насколько он знает, Италия не будет принята в этот пакт». «Как можно было понять Милковича, – сделал вывод советский дипломат, – Югославия возражала бы против этого»¹⁸¹.

Отстранение Г.М. Маленкова с поста главы правительства, о котором югославским дипломатам в Москве стало известно лишь во время сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., вызвало в посольстве некоторую панику. На протяжении последних месяцев Д. Видич явно симпатизировал советскому премьеру, что было заметно из его донесений. К тому же именно с Маленковым как руководителем государства готов был встретиться Тито, о чем и сообщалось советской стороне в последнем письме в ноябре 1954 г. Теперь встречу, по меньшей мере, требо-

валось отложить. В таком тревожном контексте восприняли в посольстве и достаточно жесткую речь Молотова на вышеупомянутом заседании Верховного Совета, включая и ту ее часть, которая непосредственно касалась развития связей между СССР и ФНРЮ.

Советский министр иностранных дел отметил «достижение успехов в отношениях» между двумя странами, но отдельным абзацем охарактеризовал действия ФНРЮ: «Как видно, Югославия за последние годы в какой-то мере отошла от тех позиций, на которые она встала в первые годы после окончания второй мировой войны. И это, разумеется, полностью ее внутреннее дело. Советский Союз стремится к развитию советско-югославских отношений в экономической, политической и культурной областях. Мы стремимся, вместе с тем, к возможному согласованию усилий в таком решающем для всех народов деле, как обеспечение мира и международной безопасности. Мы убеждены, что положительное направление в развитии советско-югославских отношений соответствует интересам как народов СССР, так и Югославии»¹⁸².

Данными высказываниями В.М. Молотов всего лишь сделал публичным тот советский подход к нормализации, которого почти с самого начала придерживались на Смоленской площади, да и во всем руководстве страны на протяжении последних полутора лет. Сказанные министром слова соответствовали смыслу советских писем в адрес ЦК СКЮ в 1954 г. Поначалу и в посольстве Югославии посчитали, что Молотов лишь сохранил свою обычную риторику, но на следующий день, скорее всего под влиянием консультаций с западными коллегами, оценки югославских дипломатов стали более мрачными. Видич и его подчиненные оценили сессию советского парламента не через призму исключительно советско-югославских связей, а в свете их влияния на общемировую ситуацию. Перспективы ее негативного развития повергли в уныние сотрудников дипмиссии. Эту оценку они передали в Белград.

По мнению Видича, изложенному 9 февраля в пространной депеше, внимательное чтение речи Молотова, ознакомление с другими выступлениями на сессии Верховного Совета СССР и персональные изменения в правительстве выявили, что споры в советском руководстве вокруг дальнейшего внешнеполитического курса, оценки международной и внутренней ситуации закончились. Дилемма – готовиться к миру или к войне – решена в пользу подготовки к военному конфликту. Посол писал, что, несмотря на все разговоры о переговорах и пропагандистскую кампанию о борьбе за снижение международной напряженности, в Москве считают, что их «основные стратегические позиции, завое-

ванные в результате Второй мировой войны», находятся под угрозой. Замена Маленкова Булганиным, был убежден югославский дипломат, а также содержание выступлений, особенно Молотова, Конева и Булганина, «было направлено на то, чтобы продемонстрировать опасность нападения на (советский. – А.Е.) блок с целью реставрации капитализма в его странах, в том числе и в СССР».

В посольстве полагали, что «подведением соответствующей идеологической базы под усиление военных приготовлений советское руководство дало понять, что современная война не принесет катастрофы всей мировой цивилизации, но станет такой только для капитализма». Видич напоминал, что этот вывод отличен «от часто цитировавшегося в прошлом году заявления Маленкова о современной войне как уничтожении цивилизации». По его мнению, «в советском руководстве посчитали, что это определение не отвечает политике сохранения СССР на завоеванных им позициях, так как мягкость может иметь деморализующее психологическое действие в том случае, если не попытаться любой ценой удержать эти позиции»¹⁸³. Не успокоило сотрудников югославского посольства и то, что высказывания Молотова и представителей генералитета уравнивались принятием 9 февраля 1955 г. «Обращения Верховного Совета СССР к парламентам и народам всех стран», в котором декларировалась необходимость развивать связи между большими и малыми странами на принципах мирного сосуществования¹⁸⁴.

В депеше югославский посол с нескрываемым разочарованием оценил персональные перестановки в советских верхах: «С Маленковым как авторитетным лидером в этом составе руководства покончено. Он дисквалифицировал себя не только заявлением, в котором признал свою неспособность к руководству, но и тем, что отказался от своего авторства (в пользу ЦК) в проводимой политике сельскохозяйственного налога. В итоге у него отняли его главное оружие – популярность, которой он пользовался прежде всего в крестьянских массах». Видич также обратил внимание на «поведение Хрущева, державшегося с явным превосходством», и указал, что «восточноевропейские дипломаты скисли и в разговорах (чех и поляк) отмечают, что не ожидали падения Маленкова, а венгр уверен в дальнейших персональных перестановках»¹⁸⁵. В том же стиле были выдержаны сообщения в Белград второго лица в посольстве ФНРЮ, доверенного человека Э. Карделя Б. Осолника, который являлся к тому же и старинным знакомым влиятельного идеологического работника ЦК СКЮ, супруги руководителя секретариата Президента ФНРЮ Й. Вильфана Марии. В письме к ней Б. Осолник разделял вывод Видича о чрезвычайной нестабильности в советском руководстве¹⁸⁶.

Сообщения посольства на первых порах оказали влияние и на пессимистическое восприятие смещения главы советского правительства высшим югославским истеблишментом, где ожидался ответ на предложение о встрече на высшем уровне, переданное в письме от 16 ноября 1954 г. В частности, А. Беблер в беседе с советским послом в Белграде В.А. Вальковым даже мрачно пошутил о возможности ареста Маленкова, проводя параллель не только со сталинскими чистками, но и с недавним устранением Берии¹⁸⁷.

Нестабильность в высшем советском руководстве продолжала сказываться на и так весьма сложных отношениях между двумя странами, но уровень достигнутой к тому времени откровенности в беседах дипломатов давал возможность спокойного обсуждения возникавших проблем. 16 февраля на приеме в посольстве КНР в Москве произошел обмен мнениями между послом Д. Видичем и заместителем Молотова В.А. Зориным¹⁸⁸. Имея в виду довольно нервный разговор Беблера с Вальковым (по всей вероятности, сразу после известия о смещении Маленкова), Зорин заметил, что советский посол оповестил их о «достаточно агрессивном тоне» одного из руководителей Госсекретариата по иностранным делам, который жаловался на трудности, возникшие у делегации югославских писателей в ходе их поездки по СССР, и на нерешенные вопросы относительно пресловутых «суворовцев». Советский дипломат сообщил все это Видичу «в неофициальном порядке» и добавил, что в Москве проверили все эти утверждения и не нашли подтверждений. Он выразил удивление такой позицией и поинтересовался причиной подобных заявлений, так как по вопросу «суворовцев» правительство СССР уже дало разъяснения, и югославская сторона свободна что-либо предпринимать или не предпринимать в данном вопросе.

Вслед за этим Зорин спросил о реакции собеседника и иностранного дипкорпуса в целом на недавнюю сессию Верховного Совета. Заместителя министра иностранных дел больше интересовала реакция на внешнеполитическую часть высказываний своего шефа. Он также подчеркнул, что ожидает проявления внимания югославы к позиции в отношении Австрии, и выразил мнение о сближении советского подхода с югославским. На эти высказывания Видич ответил: «Не знаю, что на самом деле сказал Беблер, – я оповещу его».

Посол парировал слова собеседника об «агрессивном тоне Беблера» рассказом об ужине в советском посольстве в Белграде, на котором в присутствии Вукмановича и Мичуповича Вальков «высказывался достаточно грубо и произвел очень неприятное впечатление на его югославских гостей, задав вопрос: “Как поживает ваш товарищ Даллес?”» Он напомнил, что югославы

«едва сдержались, но продолжали благоприятно говорить о подписанном торговом договоре, желая иной атмосферы, чем та, которую создавал Вальков». Видич также высказал предположение, что описанное Зориным, возможно, имеет отношение к этому ужину. По поводу делегации югославских писателей он добавил, что ее переводчиком работала женщина, о которой негативно писала югославская пресса и муж которой находился в заключении в ФНРЮ¹⁸⁹. Послу показалось, что заместителю министра были неприятны его замечания, а «выпад Валькова по поводу Даллеса он назвал глупым».

Югославского посла не заинтересовали высказанные Молотовым идеи по австрийскому вопросу, но он выразил желание встретиться с ним, чтобы подробнее поговорить о сессии Верховного Совета. В частности, Видич хотел знать, как перемещение акцента на развитие тяжелой промышленности, о котором шла речь на заседании, отразится на планировании повышения уровня жизни, и высказал предположение, что «с данной ситуацией была связана отставка Маленкова». Зорин согласился, что «отставка Маленкова имеет связь с этим вопросом».

Однако обмен колкостями не закончился: Видич «выразил удивление» и попросил объяснить, почему «вся советская пресса замалчивала важные выступления товарища Тито, сделанные им по возвращении из Индии». Югославский дипломат назвал их важным вкладом в борьбу за мир, указав, что они «находятся в русле известных пяти принципов декларации Тито–Неру, которым и советские руководители в последнее время уделяют особое внимание». Реплику присутствовавшего при разговоре другого заместителя министра иностранных дел В. Кузнецова, входившего с февраля до мая 1954 г. в состав комиссии по югославскому вопросу, который объяснил молчание СМИ в СССР «недостатком информации», посол посчитал неискренней, напомнив об аккредитованном в Белграде корреспонденте ТАСС. Вместо ответа советские собеседники Видича прервали разговор¹⁹⁰.

Естественно, что вопрос о Маленкове Видич задавал Зорину не из праздного любопытства. На другой день, 17 февраля, в посольстве ФНРЮ подготовили доклад «О современной ситуации в СССР»¹⁹¹. В дальнейшем югославские дипломаты в Москве продолжали тщательно собирать все доступные факты, подвергая их внимательному изучению в поиске связи между предложением Тито о встрече глав двух государств и отставкой Маленкова. Однако и последующая информация, получаемая из доверительных источников (прежде всего от советских граждан), не давала прямых указаний на то, что отставка связана с советско-югославской нормализацией. Так, 11 марта в Белград поступило сообщение из посольства в Москве, согласно которому Маленков был

смещен потому, что «и в СССР, и в странах народной демократии создавал себе в народе дешевый авторитет, рассчитывая на сближение с капиталистическим миром. Он обещал изобилие, которое невозможно было достичь за два года»¹⁹².

После оттеснения Маленкова с высших постов у югославской стороны могли иметься смутные догадки, что обвинения Хрущева, брошенные Тодоровичу в декабре 1954 г., не служили очередным эмоциональным экспромтом лидера КПСС, а стали еще одной попыткой своего рода выяснения отношений в советской верхушке. Использование для этого личной встречи с одним из югославских руководителей, по всей вероятности, являлось частью многоходовой комбинации Хрущева, направленной против Маленкова. Если в январе 1955 г. советская сторона не отреагировала на обиженные замечания югославов о том, что высказывания Первого секретаря ЦК КПСС по поводу действий югославской разведки в Восточной Европе могут быть интригами с целью помешать нормализации, то после отставки Маленкова ответ последовал без промедлений. Он был весьма жестким, в стиле высказываний Молотова на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля. Его автором стал Зорин, которому в МИД было доверено выполнить «поручение ЦК КПСС» и ответить Видичу, что своим «замечанием» Хрущев стремился «обратить внимание югославской стороны на имеющиеся сообщения об активизации деятельности югославских разведывательных органов в странах народной демократии, нежелательность чего очевидна, дабы, в случае необходимости, с югославской стороны были приняты соответствующие меры». «Поскольку в указанных сообщениях упоминалось и о связях югославских органов с американцами, – пояснял Зорин, – мы не могли пройти мимо этого и не сообщить о полученной информации». Однако «это не дает никакого повода говорить о каких-либо интригах с чьей-либо стороны и о нанесении вреда нормализации советско-югославских отношений»¹⁹³.

В заключение весьма язвительно отмечалось, что заверения Видича в том, что полученная советской стороной информация не имеет под собой оснований, советская сторона с удовлетворением принимает к сведению и выражает надежду, что «в дальнейшем не будет причин для обсуждения подобных вопросов»¹⁹⁴. Данным построением ответа Москва давала понять Белграду, что именно его действия стали «причиной» для высказанных опасений Тодоровичу. Конкретных фактов сотрудничества с ЦРУ приведено не было, поэтому не совсем понятно, имели ли в виду ставшее известным в Москве указание, отданное дипломатам в Восточной Европе (в частности Вейводе в Чехословакии), действовать так, чтобы оторвать страны «народной демократии» от

СССР¹⁹⁵, что совпадало с американскими идеями использования Югославии для разрыхления «советского блока». А возможно, советский МИД вспомнил о предположениях в западных СМИ в конце 1954 – начале 1955 г. в отношении так называемого «случая Джиласа–Дедиера» (22 декабря лондонская «Таймс» опубликовала заявление В. Дедиера, а 25 декабря «Нью-Йорк Таймс» – интервью М. Джиласа)¹⁹⁶.

Тщательный анализ событий, связанных с заменой Маленкова на Булганина, не давал югославской стороне прямых оснований опасаться ухудшения двусторонних отношений. Сохранение Маленкова в высшем партийном руководстве также убеждало в этом. Тем более, что и достаточно расплывчатое определение состояния советско-югославских контактов, озвученное Молотовым в выступлении 8 февраля, предназначалось, скорее всего, советской политической элите и «мировому коммунистическому движению».

Устранение Маленкова от участия во встрече в верхах развязало руки Хрущеву для дальнейших решительных действий на югославском направлении. После заседания Президиума ЦК КПСС М. Сулов и П. Пospelов безо всяких задержек уже на следующий день представили доработанный проект письма ЦК КПСС в адрес руководителей «братских компартий», пояснив, что оно «отредактировано с учетом замечаний членов Президиума на заседании Президиума»¹⁹⁷. Однако пришлось дожидаться официальной отставки Маленкова на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. Дальнейший ход документам Хрущев дал 12 февраля, выступив совместно с Суловым соавтором соответствующей сопроводительной информационно-аналитической записки¹⁹⁸.

22 февраля 1955 г. югославский вопрос был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КПСС. В новых условиях перекомпоновки власти в высших эшелонах обсуждение проходило в ином ключе. Вновь говорилось о направлении двух посланий – ответа на письмо ЦК СКЮ от 16 ноября и письма руководству дружественных компартий. Но впервые высшие руководители КПСС решили посвятить в проблему советско-югославских связей партийную номенклатуру на уровне членов обкомов и крайкомов, для чего ознакомить их с текстами обоих посланий. Столь неожиданный подход советского руководства не только зеркально воспроизводил решение Тито сообщить о ходе нормализации активу Союза коммунистов (как было решено на пленуме ЦК СКЮ в ноябре 1954 г.), но и косвенно обосновывал профнепригодность Маленкова в качестве главы правительства. Тем самым дополнительно демонстрировалась необходимость его замены на посту председателя правительства¹⁹⁹.

В документе, направленном руководителям «братских компартий», прежние оценки Югославии сохранялись. По мнению советских партийных лидеров, письмо ЦК СКЮ от 16 ноября 1954 г. свидетельствовало о том, что «руководство югославской партии серьезно завязло в своих экономических и политических связях с капиталистическим миром». Советские руководители рассказали о своей позиции и в ходе первого личного контакта с югославским представителем Тодоровичем в конце декабря 1954 г.: «Мы дали решительный отпор... и заявили ему, что мы все – ленинцы и Сталин – верный ученик Ленина и великий продолжатель дела Ленина». Была повторена и ставшая популярной с осени 1954 г. оценка противоречивой политики руководства Югославии. В послании подчеркивалось, что «стремление югославских руководителей сидеть между двух стульев», декларирование ими якобы независимой позиции по отношению к двум общественно-политическим лагерям объясняется не только возросшей за последнее время экономической зависимостью ФНРЮ от США и Англии, но и отходом «руководителей СКЮ от марксизма-ленинизма». Авторы письма наметили следующую линию поведения: «Мы должны проявлять необходимую бдительность и осторожность. Мы не должны особенно рассчитывать на возможность сотрудничества с югославами по партийной линии, так как такое сотрудничество возможно лишь на единой основе признания принципов марксизма-ленинизма». Были также подтверждены прежние цели: «Следует и в дальнейшем терпеливо и последовательно добиваться отрыва Югославии от империалистического лагеря или, по крайней мере, ослабления связей Югославии с этим лагерем»²⁰⁰.

Содержание процитированного письма осталось для Белграда неизвестным, но расплывчатые высказывания Молотова 8 февраля вызвали недовольство. Руководство страны считало, что конфликт 1948 г. имел совершенно иные причины. Белград в полуофициальном порядке разными способами дал понять о своем разочаровании высказываниями министра. В частности, 23 февраля посол в Болгарии Милкович в беседе с советским коллегой Приходовым, сказал, что в Югославии «положительно встречены высказывания “товарища Молотова” о советско-югославских отношениях, с которыми “можно целиком и полностью” согласиться. Однако его утверждение, что “Югославия за последние годы якобы отошла от тех позиций, на которых она стояла в первые годы после окончания второй мировой войны”, воспринимается отрицательно, так как Югославия не изменяла своей политики».

Именно по этому вопросу между беседовавшими послами произошел обмен «ударами», который выходил за рамки орди-

нарных дипломатических колкостей. В ответ Приходов процитировал слова Молотова: «...это является внутренним делом самой Югославии». Посол СССР заметил также, что «у советских людей есть больше оснований отрицательно относиться к некоторым заявлениям югославских деятелей в отношении политики Советского Союза, высказываемым ими и до последнего времени». В дальнейшем беседа свелась к поиску ответа на вопрос: «Кто виноват?» По мнению Милковича, в ухудшении советско-югославских отношений после 1948 г. Югославия не была повинна, так как «первым начал Советский Союз». На замечание Приходова о том, что для этого имелись основания, его собеседник дал понять: если обнародовать письма 1954 г. (впрочем, не говоря впрямую о намерениях югославов их опубликовать), «было бы ясно, что не Югославия, а Советский Союз изменил свою политику»²⁰¹. Посол ФНРЮ добился своей цели – советская сторона «проглотила» обвинения, однако Приходов сообщил в Москву о прозвучавшей угрозе югослава опубликовать письма ЦК КПСС²⁰².

Казалось, что обмен аргументами через «софийский канал» исчерпал себя и не оказал существенного влияния на двусторонние контакты, развивавшиеся по согласованной схеме. Весной 1955 г. был переведен в практическую плоскость договор об обмене кинопродукцией. Впрочем, и в этой сфере не обошлось без трений: с 1 марта в Югославии началась демонстрация советского кинофильма «Садко», но Москва не спешила с прокатом югославских картин, что вызывало недовольство Белграда.

Вскоре после встречи послов в Софии югославская сторона решила публично обсудить высказывания Молотова. Тем более что разведсведения, поступавшие в Белград от югославских резидентур в столицах Восточной Европы (9 и 24 февраля из Праги, 16 февраля из Болгарии, 5 марта из Варшавы)²⁰³, создавали у югославского руководства впечатление, что в советском лагере сближение с ФНРЮ воспринимается по-прежнему в терминах и эпитетах из текстов резолюций Информбюро. В частности, в донесении из Праги 24 февраля сообщалось о высказываниях важного чиновника Чехословацкого телеграфного агентства, считавшего, что «сейчас Югославия корректирует свою политику, постепенно отходит от Запада и ищет дорогу к новому сближению с Востоком, что означает ее сближение с восточными демократическими странами»²⁰⁴. В донесении из Софии от 16 февраля говорилось, что в молодежно-комсомольской партийной школе «Георгий Димитров» изучают старые материалы и ничего не изменено в подходах к действиям Информбюро конца 40-х годов ни в лексике, ни в комментариях. Состояние отношений с Югославией разъясняется как тактические шаги, которые должны изоли-

ровать ее как государство. Говоря о СКЮ и руководстве страны, пользуются старыми информбюровскими определениями²⁰⁵.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в основе подобных оценок лежал не только консерватизм в югославском вопросе, царивший в правящих элитах стран «народной демократии», но и позиция, изложенная в письме ЦК КПСС коммунистическим партиям от 23 января 1955 г., отголоски которой докатились до Белграда через югославскую разведывательную сеть.

Седьмого марта в докладе по внешнеполитическим вопросам, зачитанном в Скупщине ФНРЮ перед депутатами обеих ее палат²⁰⁶, Тито вернулся к теме взаимоотношений республики со странами «советского блока». Описав состояние отношений с соседями, президент констатировал: положение на границах «в основном нормализовано, до некоторой степени улучшились дела у наших меньшинств в приграничных странах, но состояние все еще далеко от желаемого». К положительным событиям последних месяцев прошлого года он отнес прекращение антиюгославской пропаганды и открытой враждебной работы эмигрантских организаций. Однако, отметил Тито, «почти во всех этих странах возникают случаи, когда нормализацию пытаются объяснить членам партии и массам на разных собраниях в том духе, что мы якобы такие же, и нас правильно обвиняли, но сейчас мы несколько осознали свои заблуждения и стараемся исправиться». Высказывания такого рода югославский лидер назвал «бессмыслицей» и предупредил, что они могут вынудить «усомниться в полной искренности заявлений, которые были сделаны по поводу несправедливых обвинений в отношении Югославии в 1948 г. во время непосредственных контактов с самыми ответственными лицами».

Президент ФНРЮ не стал указывать всех носителей подобных утверждений, а направил удар против высказываний Молотова 8 февраля в Верховном Совете СССР. Назвав советского министра «господином», Тито отметил, что, данная им формулировка «не соответствует действительности» и представляет «попытку скрыть факты от своих народов, опять-таки за наш счет. Уже наступило время, когда следует объяснять вещи такими, какими они есть и как они такими стали, вместо того, чтобы задерживаться в деле нормализации на середине пути и продолжать “вызывать элементы сомнения” у наших народов». «Проявления такого рода, – заметил он, – не содействуют улучшению отношений, а, напротив, препятствуют процессу, который и без того идет нелегко после того, что было сделано в отношении нашей страны и после всех тех оскорблений, которые нам пришлось выслушать без повода с нашей стороны»²⁰⁷.

Версию для Запада с объяснением причин подобного характера выступления вскоре изложил австрийскому послу «один из секретарей Тито». Он сказал, что его шеф был неудовлетворен комментариями газеты «Борба» от 9 февраля 1955 г. по поводу выступления Молотова на сессии Верховного Совета СССР. По его словам, они не были достаточно остры и оставляли советской стороне слишком много возможностей для продолжения полемики. Тито посчитал необходимым высказаться лично и сделать это острее, чем редакция газеты²⁰⁸.

В Москве отреагировали с небывалой быстротой. 10 марта газета «Правда» опубликовала изложение выступления под заголовком «Доклад президента Тито на сессии югославского парламента». Критические слова о высказываниях Молотова были приведены в «Правде» полностью. Появление данного материала в главном печатном органе ЦК КПСС было «знаковым» по двум причинам. Во-первых, в центральной советской и партийной печати приводились почти дословные высказывания Тито, позволявшие получить представление о югославской позиции из первоисточника, а не от Молотова, который «пытается скрыть факты» от своего народа. Во-вторых, допущенные в статье некоторые вольности перевода речи Президента ФНРЮ даже усиливали резкий тон его высказываний. Получалось, что именно Молотов «задерживает нормализацию на полпути и вызывает сомнения среди советского народа», хотя слова югославского лидера можно было перевести несколько иначе, не акцентируя внимания на критических высказываниях непосредственно в адрес советского министра иностранных дел.

Дискуссия была продолжена в «Правде» через два дня: 12 марта за подписью «Обозреватель» газета опубликовала статью «По поводу выступления президента Тито». В ней приводились слова Президента ФНРЮ о ставших известными ему взглядах на югославский вопрос в странах советского лагеря и в конфронтационном стиле лицемерно указывалось, что Тито «не указал, и едва ли мог сделать это, кто именно и где давал подобные странные “объяснения”». При этом «Обозреватель» обвинил его «в некорректном цитировании Молотова». В статье уточнялось понимание этапов советско-югославских расхождений: 1948 год был назван «поворотным», что подтверждалось заявлениями югославских руководителей²⁰⁹. «Обозреватель» критически отзывался о выступлении югославского лидера 7 марта: «Президент Тито счел нужным поставить вопрос об искренности во взаимоотношениях между СССР и Югославией. Однако об искренности в политике того или иного государства надо судить по тем конкретным фактам, которые на деле обеспечивают нормальные отношения между государствами». По мнению автора статьи,

скрывавшегося под псевдонимом, в выступлении Тито не содержалось практических предложений для дальнейшего улучшения советско-югославских отношений, ибо, «вспомнив о прошлом, он не упомянул ни единым словом о тех прямых и многообразных проявлениях враждебности по отношению к Советскому Союзу, которые имели место в Югославии». Ответственность за стагнацию в нормализации была возложена на югославскую сторону: «Заняв такую позицию, действительно можно, выражаясь словами президента Тито, “задерживать на полпути нормализацию и вызывать новые сомнения среди народа”, поскольку положение президента Тито, что одна из сторон якобы “скрывает факты от своего народа”, не соответствует действительности»²¹⁰.

Вместе с тем статья не носила конфронтационного характера, на что указывало замечание, сделанное автором после изложения его версии истории взаимоотношений двух стран: «Так обстоит дело с фактами, относящимися к истории. Но главное не в этом... для всякого, кто хочет обеспечить действительно прочные дружественные отношения между Югославией и Советским Союзом, важно развить достигнутые успехи в деле нормализации отношений и обеспечить устранение былой неприязни». Он определил основы, на которых, «изжив неприязнь», следует строить отношения «в духе дружбы и взаимного уважения». «Нормализация отношений между СССР и Югославией, – по мнению безымянного “Обозревателя”, – должна покоиться на основе согласования усилий в деле укрепления мира и соблюдении принципов национальной независимости»²¹¹. При этом достаточно недвусмысленно прозвучало: «Нормализация отношений зависит не только от Советского Союза, но в не меньшей мере и от самой Югославии... Советский Союз... твердо стоит на той позиции, что каждое государство имеет право проводить любой курс в области внутренней или внешней политики. В Советском Союзе никто не думает “объяснять” достигнутые успехи в нормализации отношений между СССР и Югославией тем, что югославские лидеры теперь “осознали свои заблуждения” или “стараются исправиться”».

«Обозреватель» определил и другую основу сближения – наличие «врагов обоих государств и народов», которые к тому же оказывались «врагами мира». «Неоспоримо одно – проявление неприязни между Югославией и Советским Союзом выгодно только врагам обоих государств и народов, врагам мира, – утверждал он, – а ликвидация неприязни и улучшение отношений служат делу укрепления мира на Балканах и по всей Европе». Статья не ограничивалась указанием на наличие общих врагов, но и определяла общее поле для сотрудничества – «согласование усилий Советского Союза и Югославии в деле обеспечения мира и

международной безопасности»: «...на достижение этих целей... должно быть направлено “активное сосуществование”, о котором говорил президент Тито. В этой области имеется еще непочатый край работы». В заключение в статье вновь была приведена цитата из выступления Молотова 8 февраля о стремлении Советского Союза к развитию всесторонних связей с Югославией²¹².

С 80-х годов XX в. в историографии существует версия Д. Бекича о разгоравшейся в то время «критической фазе борьбы за власть в Кремле»²¹³. Ее автор высказывал предположения о том, что Хрущев пытался подвергнуть критике Молотова не только как главного исполнителя решений Сталина в 1948 г., но и как «носителя консервативных, догматических взглядов в постсталинском коллективном руководстве» и «символа той политики и того времени, с которым СССР нужно решительно порвать». Однако документы, которые могут подтвердить эту версию, в нашем распоряжении отсутствуют. Не обладал ими и сам Бекич, делая свое предположение. Представляется, что подобный вариант развития событий был возможен и Тито мог сделать выбор между Молотовым и Хрущевым в пользу последнего, имея в виду, что тот не был впрямую замешан в конфликте конца 40-х годов. Однако следует учитывать: в выдвигании своей версии Бекич, скорее всего, шел от более поздних событий 1957 г., когда Хрущеву удалось вытеснить Молотова с властных позиций, вновь используя югославский вопрос. Пока же на основе имеющихся документов можно считать, что статья «Обозревателя» в «Правде» являлась лишь частью плана дальнейших действий советского руководства на югославском направлении. С его разработкой была связана и поездка в Москву посла Валькова в середине марта. Он был награжден орденом «Знак Почета». Сообщение об этом появилось в советской печати 21 марта 1955 г., что должно было символизировать удовлетворение советских лидеров действиями Валькова в Белграде.

В тот же день, 12 марта, когда вышла статья «Обозревателя», в Секретариате ЦК КПСС наконец-то была завершена подготовка ответа на письмо югославов, полученное советским руководством еще в ноябре прошлого года, и секретарь ЦК Суслов представил на суд членов Президиума ЦК очередной проект письма ЦК КПСС в ЦК СКЮ. 14 марта текст письма одобрил Президиум ЦК КПСС²¹⁴, и 17 марта оно было отправлено в Белград²¹⁵.

В отличие от предыдущих посланий, текст данного был предельно деловым. Послание за подписью «ЦК КПСС Н. Хрущев» было направлено в адрес «Исполкома ЦК СКЮ, товарищу Тито». Напомнив, что письмо ЦК СКЮ от 16 ноября 1954 г. в Москве получили, Первый секретарь ЦК КПСС, не объясняя причин трехмесячной задержки с ответом, констатировал удовлетво-

рение изложенным в нем пониманием югославской стороной хода нормализации, подчеркнув, что «советская общественность также с одобрением встречает улучшение взаимоотношений между нашими странами». Без длительных вступлений делался переход к югославскому предложению о встрече и оговаривалось, что партийная тематика должна быть рассмотрена ее участниками наряду с государственной: «Ваше предложение о личной встрече на самом высоком уровне отвечает пожеланию, выраженному в предыдущих наших письмах. Само собой разумеется, что при этой встрече можно будет подвергнуть обсуждению самый широкий круг вопросов как государственных, так и партийных. Мы глубоко убеждены в том, что сотрудничество между коммунистическими партиями на основе принципов марксизма-ленинизма не только возможно, но и необходимо в интересах народов наших стран и дела международного социализма». Не менее конкретно звучало и предложение о дальнейших шагах: «Мы полагаем, что в интересах дела встречу наших представителей не стоит откладывать на длительный срок, и мы готовы со своей стороны к этой встрече. Если Вы в принципе согласны с нашим предложением, мы хотели бы знать Ваши соображения о конкретной дате и месте встречи»²¹⁶.

Возобновление переписки снизило тон нагнетаемой полемики²¹⁷. Впрочем, в Югославии и без того не стремились к ее обострению. Статья «Обозревателя» в «Правде» была целиком перепечатана ведущими югославскими газетами, но критической реакции не последовало. По всей видимости, аргументация «Обозревателя» удовлетворила югославских руководителей. Вместе с тем ее появление в прессе освободило их от необходимости дополнительно заниматься разъяснением хода советско-югославской нормализации. 15 марта Тито в своей речи в г. Пула на праздновании десятилетия освобождения Истрии и Словенского приморья затронул советско-югославские сюжеты и высказался достаточно нейтрально. В то же время и Москва по дипломатическим каналам дала понять, что вопрос исчерпан.

Это явилось фактическим предложением прекратить взаимные выпады, которое было продублировано и по другим каналам, в частности в беседе в Софии 22 марта посла СССР Приходова с послом ФНРЮ Милковичем, который вернулся после трехнедельного пребывания в Белграде, видимо, с новыми инструкциями. В отличие от их последней встречи разговор прошел без конфронтационных нот и выявил, что югославы готовы к конструктивному обсуждению волнующих советскую сторону вопросов. Милкович подчеркнул «большой интерес» в Югославии к публикации в советской печати и выступления Тито, и статьи «Обозревателя», отметив, что положения последней «вызва-

ли благоприятные отклики среди югославских правящих кругов и общественности». Он заметил, что общественность положительно встретила такой «свободный обмен мнениями». В ответ Приходов посетовал на материалы югославской прессы, в частности комментарии югославского вещания на СССР – в них допускаются «такие толкования некоторых вопросов, которые не могут не вызывать удивление общественности, когда Югославия стремится к нормализации отношений с Советским Союзом». По мнению Приходова, Милкович с интересом отнесся к его замечанию, заметив, что «он очень хотел бы знать, какие именно факты» имеются в виду, и «высказал надежду побеседовать... на эту тему более подробно». Советский посол, со своей стороны, выразил готовность вернуться к данному вопросу при удобном случае, специально оговорив, что вовсе не для полемики, а «поскольку это будет на пользу дела»²¹⁸.

Как свидетельствуют записи Приходова, югославская сторона внимательно отнеслась к его замечаниям, и новая встреча с Милковичем состоялась уже 25 марта. Югослав, «напомнив о разговоре относительно радиопередач из Белграда, сказал, что он поинтересовался этими передачами и убедился сам, что диктор Белградского вещания на русском языке произвольно комментирует некоторые сообщения, однако как ему, Милковичу, удалось выяснить, этот комментатор не является официальным комментатором Белградского радио». Внимание советской стороны обращалось на положительное значение развития связей в области культуры. Югославский дипломат сообщил: «В Белграде ожидается прибытие советских артистов, и это воспринимается югославской общественностью с большим интересом и удовлетворением». Он также отметил, что «большое значение для дальнейшего улучшения отношений между Югославией и СССР будет иметь предстоящий обмен парламентскими делегациями». Одновременно Милкович выразил мнение, что «шаги, предпринимаемые Советским правительством для достижения соглашения по австрийскому вопросу, имеют большое значение и создают благоприятную обстановку для разрешения австрийского вопроса, в чем заинтересована Югославия».

Комментарии белградской радиостанцией советских сюжетов не являлись единственной темой беседы. Милкович выполнил также указание своего руководства и разъяснил советскому коллеге подход Югославии к участию в Балканском пакте. (Вопрос о нем продолжал волновать советское руководство.) В результате Приходов сообщил в Москву об имеющихся расхождениях между Югославией и другими участниками Балканского пакта по поводу его характера и целей. Посол ФНРЮ подтвердил, «что такие расхождения действительно имеют место. Партнеры

Югославии по пакту усиленно стараются привязать ее к НАТО, на что Югославия никогда не согласится. При этом он напомнил, что уже говорил о том, что целью Югославии при вступлении в пакт было именно противостоять агрессивному характеру этого пакта». Беседа содержала и новый оттенок – югослав проинформировал о предстоящей поездке Тито в Египет «для политических переговоров», указав в общей форме и их тему: «Политика Югославии, направленная против создания различных блоков», которая «находит поддержку и у других народов»²¹⁹.

Встречи послов 22 и 25 марта в Софии имели особое значение, так как состоялись уже после возобновления переписки между ЦК партий двух стран, прерванной в конце 1954 г., и формировали повестку для обсуждения дальнейших шагов в нормализации отношений. 24 марта на приеме у Мичуновича только что вернувшийся из Москвы, где он провел несколько недель, Вальков заявил, что хотел бы встретиться с Тито. В ответ на пояснения, что президент вновь находится в резиденции на острове Бриони, советский посол сообщил, что не намерен дожидаться возвращения Тито в Белград и готов немедленно к нему выехать²²⁰. В результате уже 26 марта 1955 г. Вальков был принят югославским лидером.

Эта встреча явилась началом интенсивного диалога перед визитом советской делегации в Югославию. Собеседники обсудили три комплексные темы: современную международную ситуацию, ход нормализации двусторонних отношений и внутреннее развитие Югославии. Присутствовавшим на встрече югославским участникам, записавшим беседу²²¹, бросилось в глаза, что «советский посол был заинтересован побольше выведать у товарища Президента и гораздо меньше – в аргументации товарища Президента». Вальков обращал внимание прежде всего на высказывания Тито по отдельным вопросам и «сразу же стремился интерпретировать их как позиции идентичные или сходные с советским подходом». Как указывалось в записи беседы, при обсуждении процесса нормализации Вальков «с большим удовольствием воспринял мнение товарища Президента, что нормализация идет медленно и нужно ее ускорить». Однако оставил без внимания объяснения относительно того, что в этой нормализации является основным. Точно так же вел себя советский посол и при обсуждении вопросов внутреннего развития Югославии. Авторы записи беседы отметили: «Вальков желал подчеркнуть все, чтобы можно было истолковать нашу нынешнюю хозяйственную политику как привходящую, как политику, которая должна была бы вернуться на их путь». Югославскую сторону несколько разочаровало, что посол не отреагировал на заверение Тито в том, что Югославия будет проводить нормализацию

отношений с Советским Союзом даже при угрозе Запада прекратить оказание помощи²²².

По всей вероятности, Вальков, вернувшийся из Москвы, где столкнулся с атмосферой интриг в высших эшелонах советской партократии, а также с особой позицией в югославской проблеме Молотова, отличной от взглядов в Секретариате ЦК, стремился получить ответы на конкретные вопросы, которые задавались ему в Кремле, в МИД и на Старой площади. В ходе беседы Вальков имел возможность лично проверить реакцию Тито на недавнюю статью «Обозревателя» в «Правде», после упоминания о которой «президент улыбнувшись, сказал, что ее прочитал и полагает, что немного полемики всегда хорошо и необходимо для продолжения разговора». Советского посла также особо интересовал вопрос связей Югославии с Западом. Он перевел беседу на эту тему таким образом: в Москве при чтении последнего письма ЦК СКЮ «запнулись на словах о том, что югославы имеют огромные обязательства в отношении Запада». В ответ Тито «отметил, что не помнит, чтобы было использовано это выражение, скорее всего, в письме имелись в виду прежде всего наши финансовые обязательства в отношении Запада и принимаемая нами помощь». Когда же Вальков попытался выяснить, существуют ли какие-либо запреты со стороны Запада на поставки в СССР стратегического сырья, согласно записи беседы, «президент ему объяснил, что в этом отношении не существует никаких формальных обязательств с нашей стороны, но, разумеется, поскольку мы принимаем помощь, то и это принимается в расчет». Далее Тито заявил Валькову, что югославское руководство «ориентировано на прекращение экономической помощи»²²³.

Будущая встреча советского и югославского лидеров требовала всесторонней подготовки. Одним из ее аспектов стал осторожный зондаж Белграда для последующей нейтрализации негативных оценок советско-югославского сближения, которые неизбежно должны были появиться на Западе. Задача представлялась не из легких. 1 апреля Э. Кардель имел длительную беседу с чиновником британского посольства в Белграде, где попытался изложить внешнеполитический курс Югославии в новых обстоятельствах. Он заверил, что югославская политика будет твердо базироваться на Балканском пакте и «особых связях с великими западными державами». Второй человек в югославском руководстве подтвердил: в Белграде считают, что «долгосрочные цели русских не меняются, хотя происходящие после смерти Сталина перемены значительно снизили опасность агрессии с Востока»²²⁴. Впрочем, его собеседник сделал после встречи другой вывод, посчитав, что следует прекратить попытки Запада вовлечь ФНРЮ в НАТО, так как рано или поздно они завершатся

провалом. По более позднему свидетельству британского посла, «первые три месяца 1953 г. три государства Запада пытались сделать невозможное, добиваясь возобновления в той или другой форме продолжения переговорного процесса о совместной обороне, начатого в 1953 г.», ибо «вся конструкция была “реликтом” периода до “нормализации”, когда считалось, что только проблема Триеста препятствует тесному сотрудничеству Югославии с оборонительным союзом Запада»²²⁵.

Сделанные постфактум утверждения британского посла о провале к началу апреля попыток Запада втянуть Югославию в систему антисоветских союзов соответствовали действительности, ибо именно тогда и советское руководство поверило в искренность югославов в данном вопросе. В Москве начали замечать «подвижки» в позиции Белграда в ряде тех внешнеполитических подходов, которые до этого советские дипломаты считали принципиально важными для политики СССР.

29 марта в ЦК КПСС появилась записка белградского корреспондента ТАСС. В ней со ссылкой «на хорошо информированные журналистские круги» указывалось, что в Белграде «распространяется мнение о том, что Югославия, которая была инициатором создания Балканского союза, в последнее время изменила свой взгляд на его цели и задачи. Югославия считает, будто бы, что главной задачей союза в настоящее время является экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а не военное, как это считалось раньше». Автор документа утверждал, что «отмена маневров с участием Греции, Турции и Югославии... имеет прямую связь с этой позицией Югославии». Как отмечал корреспондент ТАСС, журналисты, ссылавшиеся «на авторитетные источники, заявляют, что причиной изменения политики Югославии в отношении Балканского союза являются ее успехи в нормализации отношений с СССР и боязнь дальнейшего сближения с США, имея в виду проамериканскую внешнюю политику Греции и Турции (заключение турецко-иранского пакта и их требование о включении Балканского союза в состав Атлантического пакта)». Подтверждение изменения позиции Югославии автор увидел в заявлениях, делаемых «в кругах югославских журналистов», где отметили слова главы внешнеполитического ведомства К. Поповича на пресс-конференции 3 марта по возвращении из Анкары. Он подчеркнул, что в нынешних условиях военные вопросы не могут быть главными в сотрудничестве, так как это способно уменьшить значение сотрудничества в качестве самостоятельного конструктивного фактора, другими словами, «если военная сторона сотрудничества будет ярко выражена, то это будет поддержкой политики блоков, отношение югославского правительства к которой хорошо известно»²²⁶.

В другой части цитируемого документа, со ссылкой на сообщения «из американских дипломатических и журналистских кругов в Белграде», отмечались трения между США и ФНРЮ: «США выразили Тито свое недовольство по поводу поездки в Индию и Бирму», так как «считают, что человек, который находится в их зависимости и обязан им, не должен мешать Соединенным Штатам проводить свою политику на Ближнем и Среднем Востоке»²²⁷. Эти строки подтверждали слова югославской стороны по поводу ее независимого курса в отношении Запада.

Автор документа не ограничился констатацией благоприятных изменений во внешнеполитической деятельности Югославии, но осветил также и внутренние вопросы. Он сообщил о слухах относительно «появления в ЦК СКЮ... двух оппозиций. Одна оппозиция, во главе которой стоит И. Броз Тито, считает, что в настоящее время Югославия должна взять курс на развитие легкой промышленности и значительно уменьшить капиталовложения в тяжелую промышленность. Вторую оппозицию возглавляет Светозар Вукманович, который стоит за преимущественное развитие тяжелой промышленности. Этот курс Вукмановича связывают с его прошлогодней поездкой в США. Америка якобы «рекомендует» Югославии развивать тяжелую промышленность из-за опасения, что в случае подъема легкой промышленности в Югославии она будет меньше зависеть от американской экономической помощи. Заявляют, что будто бы сторонники точки зрения Тито находятся в меньшинстве. Перенесение сессии югославской Скупщины с 28 февраля на 7 марта, а также то, что Тито выступил на сессии с докладом лишь о внешней политике Югославии, а не о внутренней и внешней, как об этом сообщалось в печати в феврале, объясняется борьбой оппозиций в ЦК СКЮ»²²⁸. При всей безграмотности и фантастичности подобных рассуждений о действительно имевших место дискуссиях относительно приоритетов развития югославской экономики в эти месяцы, строки тассовца отличались более благожелательной оценкой действий Тито. Взгляды же Вукмановича-Темпо, который был известен в Москве как человек, отвечавший в югославском руководстве за западную помощь, истолковывались более чем превратно.

Естественно, и югославские дипломаты не пропускали случая лучше разобраться в советских событиях. К примеру, в целях изучения долгосрочных тенденций развития СССР сотрудники посольства ФНРЮ в Москве стремились получить подробную информацию для понимания изменений в экономической политике государства, произошедших после смещения Маленкова. Этим занимался советник посольства ФНРЮ Кликовац, который посетил 2 апреля редакцию журнала «Вопросы экономики»²²⁹.

В ходе беседы югославский дипломат задал ряд вопросов, важных для понимания ситуации в СССР. Первым из них прозвучал вопрос о наличии «существенных отличий» текущей программы хозяйственного развития Советского Союза от экономических взглядов, изложенных в августе–сентябре 1953 г. Ответы собеседников свидетельствовали о том, что советские экономисты не готовы к откровенным дискуссиям. Например, Лаврищев пытался убедить югослава, что «разницы нет». По его словам, «в 1953 г. была подчеркнута необходимость крутого подъема сельского хозяйства и быстрого развития легкой и пищевой промышленности. Основой такого подъема, как тогда, так и сейчас, являлось всемерное развитие тяжелой промышленности. Но некоторые экономисты неправильно истолковали задачу крутого подъема сельского хозяйства и быстрого развития легкой и пищевой промышленности, как обеспечение преимущественного роста легкой и пищевой промышленности по сравнению с тяжелой промышленностью». «Эта трактовка неправильна, – продолжил Лаврищев. – В нашей стране всемерно развивается тяжелая промышленность, и на этой основе обеспечивается подъем второго подразделения общественного производства». Когда же Кликовац пытался уточнить интересовавший Белград вопрос о соотношении объективных и субъективных причин того, что в 1954 г. «некоторые советские экономисты ударились в одну крайность, предлагая осуществлять преимущественное развитие подразделений “Б”, а сейчас, как видно из последней статьи Островитянова, они ударились в другую крайность», то опять получал мало-вразумительные ответы. При этом его настойчивое стремление внести уточнения, успеха не имело.

Поняв тщетность своих попыток, югославский дипломат осведомился, чем можно объяснить тот факт, что покупательная способность населения СССР в последнее время превышает количество имеющихся товаров. В ответ А.Н. Сазанов (другой советский участник беседы) гордо заявил, что «рост благосостояния народа, естественно, повышает покупательную способность. Вообще же рост потребностей при социализме всегда должен обгонять рост производства, и это является стимулом к развитию производства». Югослав задал тогда уточняющий вопрос по бюджету СССР, заметив, что сумма денежных изъятий у населения в 1955 г. возросла, увеличились налоги и займы. «Связано ли это с тем, – поинтересовался он, – что сейчас товаров меньше, чем денег?» По сути, в скрытой форме югославский дипломат спрашивал о наличии инфляции в Советском Союзе, но конкретных ответов не добился, ибо разъяснения собеседников сводились к восхвалению «политики партии и правительства». Они также попытались убедить дипломата в том, что работа Сталина «Экономи-

ческие проблемы социализма в СССР», где «подытожены все вопросы», является путеводной звездой для ведущих экономистов Советского Союза.

В целом, несмотря на то что, казалось бы, Кликовац не получил содержательных ответов на свои вопросы, беседа представлялась несомненным успехом политики нормализации советско-югославских отношений. Подобный выход сотрудника югославского посольства на обсуждение самых широких аспектов внутренней политики Советского Союза в редакции ведущего советского экономического журнала был немыслим еще год назад. Впрочем югославу как дипломату подробные ответы на заданные им вопросы и не требовались, так как и без них материала для работы экспертов посольства и ГСИД ФНРЮ вполне хватало. Подобный характер бесед показывал югославам, что от современного поколения советских экономистов не следует ожидать серьезных политэкономических инноваций. Последние «чистки» в экономической науке в СССР после смещения Г.М. Маленкова в начале 1955 г. привели к тому, что ведущие места в официальных учреждениях заняли ученые, для которых подлинно научными были взгляды, изложенные в соответствующих работах Сталина.

**4. «Если мы сумеем договориться по таким вопросам,
как признание суверенитета
и невмешательство во внутренние дела,
то в наших отношениях никаких трудностей не будет»*
(апрель – май 1955 года)**

Развитие советско-югославских отношений весной 1955 г. подтвердило неоднократно обнаруживавшуюся ранее парадигму влияния критических заявлений высшего советского руководства о ходе нормализации. Как только Москва проявляла нервозность по поводу «югославского двуличия», в Белграде тут же делали шаг навстречу. Подобное повторилось и в апреле. Руководство СССР нервничало ввиду того, что не получило немедленного ответа на прямые и конкретные вопросы по поводу предстоящей встречи в верхах, изложенные в письме ЦК КПСС от 17 марта. Советскую уверенность в необходимости встречи и в ее положительных результатах подогревала состоявшаяся в конце марта на Бриони беседа посла В.А. Валькова с И. Броз Тито, которая продемонстрировала стремление лидера Югославии к сотрудничеству.

Темпы обмена письмами в 1954 г., когда в Кремле были согласны ждать ответного послания несколько месяцев, весной 1955 г. советскую сторону уже не устраивали. По мнению Москвы, с ответом на последнее письмо Хрущева югославское руководство явно тянуло. В Белграде же не видели в этом ничего страшного, ибо и советская сторона выдержала трехмесячную паузу с ответом на послание от 16 ноября 1954 г.

12 апреля 1955 г. югославский посол Д. Видич передал В.А. Зорину ответ Скупщины ФНРЮ на обращение Верховного Совета СССР от 9 февраля. В отчете для Белграда Видич отметил, что Зорин был «явно доволен»²³⁰. Действительно, положительная реакция на советское обращение и согласие на обмен парламентскими делегациями явились серьезным и крупным шагом в развитии сотрудничества двух стран.

Однако иного мнения придерживалось высшее советское руководство, желавшее после затянувшейся переписки в 1954 г. добиться больших результатов. Вечером того же дня после окончания общего дипломатического приема у Молотова, Д. Видич, по всей вероятности под впечатлением благоприятной реакции Зорина, рассказал стоявшим рядом и прощавшимся с гостями Н.А. Булганину и В.М. Молотову об ответе Скупщины на обмен

* Слова югославского посла в Москве Д. Видича в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР А.А. Громыко 16 мая 1955 г.

парламентскими делегациями. Напомнив о некоторых деталях недавнего визита в Москву Тодоровича, Видич «стал восторженно вспоминать о посещении югославского посольства т. Хрущевым Н.С., высказываниях советского руководства в ходе этого посещения, а также и о высказываниях т. Хрущева Н.С. в другое время». Восторги Видича были приняты советскими лидерами прохладно. Как докладывал Булганин, «мы ему сказали, что все это очень хорошо, но в налаживании наших отношений дело продвигается очень медленно не по нашей вине. Что касается нас, то наша позиция остается прежней». Натолкнувшись на такую реакцию, Видич стал произносить общие слова, «выразив надежду на дальнейшее положительное развитие отношений между нашими странами»²³¹.

В Белграде приняли близко к сердцу высказывания Булганина и Молотова о «медленном налаживании отношений». Холодное обращение двух высших советских руководителей с послом ФНРЮ возымело действие. С ответом на последнее, мартовское, послание Хрущева тянуть больше не стали – 16 апреля он был готов. Вечером того же дня Тито собственноручно передал письмо ЦК СКЮ советскому послу Валькову, специально приглашенному по этому случаю в резиденцию Президента ФНРЮ. Встречу намеренно организовали после заката солнца, когда наблюдение за въезжающими в резиденцию машинами было затруднено. Предупредив собеседника, что об их встрече «не будет сообщений в печати», югославский руководитель вручил ему запечатанный пакет, адресованный «товарищу Н.С. Хрущеву», пояснив, что в нем – ответ на последнее письмо ЦК КПСС.

Передав пакет, Тито кратко изложил свою версию его содержания²³², пояснив, что в нем говорится «о желательности организовать встречу в период с 10 по 15 мая» и «местом встречи мог бы быть Белград или любой другой пункт на Дунае – по усмотрению руководителей Советского Союза. Он, Тито, имеет специальную яхту на Дунае, а поэтому не будет затруднений для такой поездки». Прозвучала и тема встречи – «можно будет обсудить все интересующие обе стороны вопросы, как по государственной, так и по партийной линии». При этом югославский собеседник Валькова заметил, что «скрывать встречу не следует, и поэтому целесообразно опубликовать соответствующее сообщение, но после самой встречи». Обо всем этом Тито просил сообщить в Москву «как можно скорее». Вальков выполнил просьбу пунктуально. Незаметно вернувшись в посольство, он составил шифротелеграмму. 17 апреля на рассвете телеграмма с грифом «Особая. Вне очереди» была доставлена в Москву и направлена одиннадцати адресатам. С ней были ознакомлены члены Президиума ЦК и высшее руководство МИД. Само письмо ЦК СКЮ до Москвы

дошло позже, и 20 апреля 1955 г. его текст также разослали всем членам Президиума и секретарям ЦК КПСС.

Сопоставление текста полученного послания и сообщения советского посла о разговоре с Президентом ФНРЮ по поводу этого письма позволяет предполагать, что сказанное Валькову во многом было личным мнением самого Тито, которое до некоторой степени отличалось от согласованного подхода остальных членов югославского руководства в вопросах о месте и деталях организации встречи, характере обсуждаемых вопросов и формах ее преподнесения в средствах массовой информации.

Письмо начиналось с привычных слов о том, что мартовское послание ЦК КПСС²³³ получено, и далее излагалась суть вопроса. «Так как с обеих сторон существует желание к дальнейшей быстрой нормализации и улучшению отношений между нашими двумя странами и остальными странами народной демократии, а также и Ваша готовность приступить к переговорам на самом высоком уровне, – отмечалось в послании ЦК СКЮ, – то предлагаем устроить встречу между 10 и 17 мая сего года. Если Вы считаете нужным определить какие-либо иные дни, то просим сообщить нам, чтобы мы могли согласовать их с другими нашими государственными делами». Наряду со сроками встречи вносилось предложение и о месте ее проведения: «Мы предлагаем устроить встречу или на Дунае, на пароходе, или в Белграде, если Вы согласны на это. По нашему мнению, встреча должна быть открытой и публичной, так как она будет иметь государственный характер. Мы считаем, что она может иметь большое значение, если ее положительный результат будет зафиксирован в форме декларации или чего-либо подобного». Подписание такого документа, по мнению югославской стороны, «будет представлять вклад в дело победы понимания необходимости мирного решения спорных вопросов во всем мире». В письме сообщалось о том, что югославскую делегацию возглавит Президент ФНРЮ, одновременно являющийся и председателем Исполнительного веча, а среди членов делегации будут «другие ответственные товарищи». Авторы послания ЦК СКЮ заявили о желательности высокого уровня советской делегации, членами которой должны быть «товарищи, занимающие соответствующие посты». Под предлогом проведения необходимой подготовки югославы попросили назвать состав советской делегации заблаговременно²³⁴.

Хрущев действовал молниеносно. На другой день после получения донесения Валькова, 18 апреля, Президиум ЦК принял постановление, в котором подчеркивалось: «Выразить согласие на организацию встречи представителей ЦК КПСС и представителя ЦК СКЮ. Вопрос о сроке встречи и о представителях от ЦК

КПСС рассмотреть дополнительно. Поручить тт. Серову и Зорину с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС продумать, где лучше всего организовать указанную встречу, и свои предложения внести в ЦК КПСС». Выполнение поручения возложили на Молотова, Зорина и Серова; контроль – на Хрущева²³⁵.

В Секретариате ЦК КПСС еще не закончили подготовку проекта решения об ответе на полученное письмо, а на юбилейном заседании в Варшаве, посвященном десятилетию советско-польского договора о дружбе, Хрущев уже заговорил на югославскую тему. Советский партийный руководитель явно спешил закрепить собственную роль в позитивном развитии связей с Югославией. Не упоминая о полученном согласии югославов на встречу, он заявил: «Недавно достигнутое улучшение отношений между Советским Союзом и Югославией имеет большое значение для безопасности в Европе. Народы Советского Союза всегда испытывали дружеские чувства в отношении народов Югославии. Мы уверены, что отношения между нашими странами основаны на взаимности, будут улучшаться и станут более близкими».

Позитивному ходу процесса нормализации не смогло помешать и то, что примерно в эти же сроки советское руководство было ознакомлено с информационным материалом МИД СССР «О распространении антисоветской литературы в Югославии»²³⁶. В отличие от января 1955 г., в конце апреля у Хрущева уже не имелось соперников, которые могли бы возглавить делегацию на встрече с югославской стороной, а также не осталось видимых внутривластных причин для затягивания ее подготовки. Советские спецслужбы детально обсудили предложенное югославской стороной место встречи на Дунае. В направленной в ЦК записке содержалась и подробная географическая карта с возможными местами встречи²³⁷.

По возвращении Хрущева из Варшавы 28 апреля 1955 г. было принято очередное постановление Президиума ЦК КПСС по югославскому вопросу. В нем предписывалось «выразить согласие на встречу советских представителей с югославскими руководящими деятелями 20–22. V. с.г. О месте встречи и составе советской делегации решить дополнительно». Одновременно рабочей комиссии, состоявшей из Сулова, Пospelова, Зорина и Пономарева, «поручалось... разработать проект программы для переговоров с югославами и два варианта коммюнике, а также подготовить необходимые материалы по югославскому вопросу». Впрочем, как видно из текста данного постановления, в этом решении советского руководства были заложены семена дальнейших трений с югославской стороной. В письме от 16 апреля ЦК СКЮ предполагал, что встреча «будет открытой и публичной, ибо она

будет иметь характер государственной (а не партийной. – А.Е.) встречи», а ее результатом станет «декларация или что-либо подобное»²³⁸.

Пятого мая Президиум ЦК КПСС утвердил состав советской делегации и текст ответного письма²³⁹. Открытым выражением значительного потепления отношений СССР и ФНРЮ стали «сердечные поздравления», направленные в этот день Ворошиловым в Белград по случаю дня рождения Тито, который впервые официально и публично был назван «товарищем». В тексте телеграммы не содержалось обязательной и характерной для прошлых лет разграничительной линии между югославским руководством и народами Югославии, кроме того, указывалось, что Тито занимается «плодотворной деятельностью на благо народов Югославии»²⁴⁰.

На следующий день, 6 мая, письмо в адрес «Исполкома ЦК СКЮ и товарища Тито» было отправлено. В нем говорилось «об удовлетворении» согласием югославской стороны «провести встречу югославских и советских руководителей на самом высоком уровне». Составители письма ЦК КПСС очень верно избрали именно тот тон, которого от них ожидала югославская сторона в отношении целей предстоящей встречи, сделав акцент на сотрудничестве «по государственной линии». При его чтении создавалось впечатление, что подписавший послание от имени ЦК КПСС Хрущев не намерен настаивать на возобновлении партийных связей как главной советской цели, он лишь указал, что «придает большое значение предстоящей встрече для дальнейшего улучшения отношений между нашими государствами», и полагает как «само собой разумеющееся», что «представители будут уполномочены рассматривать любые вопросы, имея в виду достигнуть лучшего сотрудничества между нами по государственной линии».

В то же время курс на возобновление партийного сотрудничества, настойчиво проводившийся с первого письма ЦК КПСС от 22 июня 1954 г., сохранялся. Хрущев вновь подчеркнул, что не представляется «целесообразным ограничиваться только кругом вопросов межгосударственных отношений», обосновав это тем, что «отношения между Югославией и Советским Союзом в свое время резко ухудшились вследствие того, что был нарушен контакт и доверительные отношения между нашими партиями». В развитие данного тезиса Никита Сергеевич употребил коммунистическое «арго»: «Как марксисты-ленинцы мы считаем, что КПСС и Союз Коммунистов Югославии несут ответственность за политику наших государств и за отношения между ними. Они также несут историческую ответственность перед своими народами, перед международным рабочим движением за достижение

конечных целей рабочего класса». В подтверждение правильности этой позиции акцент в письме был и далее сделан на «общности интересов» обеих сторон. «Общие интересы наших народов, общие интересы международного рабочего движения и партий, разделяющих принципы марксизма-ленинизма, – указывалось в тексте, – настоятельно требуют того, чтобы было достигнуто взаимопонимание между нашими партиями по основным вопросам в настоящее время. Отсутствие такого взаимопонимания в дальнейшем не может быть оправдано. Поэтому наши представители направляются с желанием достигнуть взаимопонимания и по партийной линии». Можно предполагать, что до некоторой степени эти фразы попали в послание не только ввиду продолжения проводимой Хрущевым линии, но и были инспирированы высказываниями Тито Валькову 16 апреля, когда югославский лидер пересказал содержание письма ЦК СКЮ.

Составители письма ЦК КПСС сумели показать, что они принимают во внимание особенности югославской позиции: «Разумеется, Советский Союз готов сотрудничать со всеми странами, независимо от их общественного и государственного строя, в борьбе за ослабление международной напряженности, за обеспечение безопасности в Европе и за дело прочного и длительного мира между народами». Они также выразили согласие с югославским предложением провести встречу в Белграде, а наиболее удобным временем для визита советской делегации называлось 23 мая. В письме перечислялся состав советской делегации. Первым был назван Н. Хрущев как член Президиума Верховного Совета и Первый секретарь ЦК КПСС, а среди остальных участников – Председатель Совета Министров СССР Н. Булганин, его первый заместитель А. Микоян, член ЦК КПСС и ответственный редактор газеты «Правда» Д. Шепилов, заместитель министра иностранных дел А. Громыко и заместитель министра внешней торговли П. Кумыкин. В письме прозвучала просьба прислать в ответ список югославской делегации. В заключение высказывалось согласие с предложением югославской стороны о том, чтобы «встреча носила официальный характер и чтобы в результате встречи был опубликован документ в форме декларации или коммюнике»²⁴¹.

Атмосфера, в которой воспринималось это письмо в Югославии, отличалась благоприятностью. На заседании Союзной Народной Скупщины были рассмотрены торговое соглашение и платежное соглашение между ФНРЮ и СССР от 5 января 1955 г. В ходе обсуждения указывалось, что «заклучение Соглашения выгодно для нашей страны, а договоренная структура обмена отвечает экономике ФНРЮ»²⁴². К тому же параллельно с письмом ЦК КПСС в Белграде получили дополнительное подтверждение

об искренности намерений советской стороны из своего посольства в Москве. В телеграмме Видича от 7 мая со ссылкой на переводчика С. Чекича указывалось, что «объявленная нормализация и ее ход внесли разброд и деморализацию между эмигрантами – сторонниками резолюций Коминформбюро». «Для того, чтобы показать перспективу и поддержать “моральный дух” эмигрантов, – сообщалось в донесении, – русские в последнее время начали их прием в КПСС и в Москве, и в провинции, чего раньше не было». Со слов Чекича Видич сообщил, что «известный всем как противник нормализации» бывший капитан НОАЮ Савич «принят в КПСС, произведен в майоры и направлен на учебу в военную академию»²⁴³. Сообщение предполагало успокоить высшее югославское руководство, ибо это означало, что в Москве больше не признают югославскую коммунистическую организацию эмигрантов альтернативной СКЮ.

В начале мая 1955 г. советская сторона предприняла ряд шагов с целью создания еще более благоприятной атмосферы для встречи делегаций двух стран. 8 мая на торжественном заседании в Большом театре маршал И.С. Конев подчеркнул роль Народно-освободительной армии Югославии во главе с КПЮ в общем деле победы над фашизмом²⁴⁴. Также накануне Дня победы в «Правде» появилась статья за подписью министра обороны Г.К. Жукова, в которой позитивно оценивался вклад югославских народов в победу во Второй мировой войне²⁴⁵. Подобные признания не только восстанавливали историческую справедливость, попорченную в конце 40-х годов в ходе пропагандистской кампании «советского блока» против «клики Тито», но и давали понять, что в пользу нормализации высказываются и высшие командные чины советских вооруженных сил. Согласно имеющимся документальным свидетельствам, югославские дипломаты в Москве восторженно приняли статью Жукова. Всегда сдержанный советник посольства Б. Осолник на приеме подошел к секретарю Союза советских писателей Б. Полевому и сообщил ему об этом²⁴⁶.

9 мая Президиум ЦК КПСС принял решение информировать о договоренности относительно предстоящей советско-югославской встречи руководителей «братских компартий» и одобрил подготовленный текст сообщения. В уведомительном письме за подписью Хрущева визит был представлен в качестве советского ответа на предложение ЦК СКЮ «организовать личную встречу с нашими представителями на самом высоком уровне для обмена мнениями по широкому кругу вопросов... ЦК КПСС признал такую встречу целесообразной и сообщил Тито о своей согласии на его предложение». «На днях, – говорилось в документе, – мы получили от ЦК СКЮ подтверждение своего предложения и напра-

вили ЦК СКЮ письмо о проведении встречи». Руководству компартий союзных стран были направлены тексты двух последних писем ЦК СКЮ и ЦК КПСС, а также было обещано «поставить в известность о результатах встречи»²⁴⁷.

Одновременно с этим в Москве в зданиях МИД СССР на Смоленской площади и аппарата ЦК КПСС на Старой площади начались приготовления к визиту в Белград советской делегации. 9 мая 1955 г. Молотов получил проект установочного документа, разработанного сотрудниками соответствующих отделов МИД²⁴⁸, который он внимательно изучил. В «Предложениях по вопросам государственных отношений между СССР и Югославией» (так был озаглавлен проект) шаги по дальнейшей нормализации были сведены исключительно к «межгосударственному» аспекту двусторонних отношений. Вопросы для обсуждения делегациями на высшем уровне эксперты разделили на пять разделов: возобновление действия договора от 11 апреля 1945 г.²⁴⁹, развитие двусторонних экономических связей, углубление контактов в культурной и научной сферах, включая широкий обмен информацией. В пятом разделе особо оговаривалась необходимость взаимодействия по международным проблемам, движению к общей позиции по ряду вопросов, среди них – «угроза германского милитаризма», разоружение, атомное оружие, «политика насаждения военных баз» на территориях других государств. Составители документа считали «целесообразным... обсудить возможность присоединения Югославии в настоящее время или в дальнейшем к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между восемью европейскими государствами», подписание которого на днях планировалось в Варшаве. Впрочем, несмотря на определенные сдвиги в югославской позиции на протяжении последних месяцев, данное предложение казалось нереалистичным и самим авторам документа. Вероятно, осознавая это, как и несколько эклектичный характер материала в целом, они предлагали также при обсуждении перспектив советско-югославских отношений «заявить» о том, что контакты могут развиваться на основах, сформулированных в Декларации Верховного Совета СССР от 9 февраля 1955 г.

В «Предложениях...» предполагалось, что при обсуждении международных вопросов советской делегации нужно поставить вопрос об участии ФНРЮ в Балканском пакте (с учетом обязательств статьи 4 Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 11 апреля 1945 г. о неучастии его членов в союзах и коалициях, нацеленных против другой договаривающейся стороны, и принимая во внимание то, что два участника пакта «входят в Североатлантический блок, направленный против СССР и стран народной демократии»). Соответственно

эксперты рекомендовали «предложить» на переговорах «либо выход Югославии из Балканского союза, либо изменение характера этого пакта путем включения в него других балканских стран (например, Болгарии, Румынии)». При обсуждении экономических отношений предлагалось расширить поставки зерна из СССР в обмен на импорт югославских металлов и судов. Авторы не исключали, что делегацией ФНРЮ будет поставлен вопрос «об оказании Югославии экономической помощи в связи с имеющимися у нее затруднениями». В документе предусматривалось в том случае, «если югославы, по сути, пойдут на уступки на переговорах», оказать им помощь, не настаивая на получении от Югославии задолженности за прошлые годы. При этом в документе использовалась весьма гибкая формулировка: «Советские требования могут быть сняты при условии удовлетворительного решения вопросов дальнейшего развития советско-югославских отношений»²⁵⁰.

Сопоставление цитируемого первого варианта текста «Предложений...» с последующими редакциями показывает, что материалы подверглись коррекции руководством МИД уже на стадии их разработки. Весь пакет документов был разослан членам Президиума ЦК КПСС 12 мая²⁵¹. К этому времени в нем содержались не только несколько измененные предложения по вопросам государственных отношений между СССР и Югославией²⁵², но и проект коммюнике о советско-югославских переговорах²⁵³.

В целом внешнеполитическое ведомство явно стремилось закрепить договоренности, которые могли быть достигнуты в ходе визита советской делегации в Белград, прежде всего возобновление действия Договора от 11 апреля 1945 г. В числе прочего предлагалось «исходить из того, что Советский Союз согласен сделать заявление о том, что он считает действительными для себя обязательства, взятые по этому Договору», а «в случае согласия югославской делегации с этим предложением», предусматривалось договориться о возобновлении действия Договора «либо соответствующим заявлением в совместном коммюнике, либо отдельным заявлением, сделанным советской делегацией по уполномочию Правительства СССР». Если последует отказ югославской стороны от заявления в виде совместного коммюнике, эксперты министерства предлагали ограничиться соответствующим заявлением советского правительства в форме ноты и «условиться, что Югославское правительство, со своей стороны, подтвердит нотой достигнутую договоренность о возобновлении Договора». Однако и в такой ситуации МИД видел необходимость произвести обмен нотами в ходе переговоров в Белграде.

В документах учитывался также вариант отказа югославской стороны от возобновления действия Договора 1945 г., которая

могла сослаться на его несовместимость с обязательствами, взятыми ФНРЮ по Балканскому пакту и другим ее договорам с третьими странами. В этом случае в министерстве считали необходимым обратить внимание югославской стороны на то, что советское правительство «не рассматривает эти обстоятельства как препятствие для возобновления действия Договора». В МИД СССР было предусмотрено также следующее обстоятельство: партнеры могут поставить вопрос о необходимости заключения нового советско-югославского политического договора. При подобном развитии событий эксперты внешнеполитического ведомства рекомендовали «дать в принципе согласие» и выслушать соображения югославской стороны, а затем «решить дополнительно вопрос о содержании Договора»²⁵⁴.

Задача налаживания взаимодействия с Югославией на международной арене по различным проблемам мировой политики оставалась важной частью подготовленных документов²⁵⁵. Так, намечалось заручиться поддержкой ею советской инициативы о создании системы коллективной безопасности на Европейском континенте всеми государствами «независимо от их общественного строя». Белграду предлагалось сделать «по своему усмотрению» соответствующее заявление югославского правительства. Однако в предложениях МИД СССР отмечалась необходимость «поставить вопрос о том, чтобы о достигнутой по этому вопросу договоренности было бы указано и в совместном коммюнике». При обсуждении германской проблемы ставилась задача «попытаться добиться от югославы согласия» поддержать советское предложение по вопросу об объединении Германии и заключении мирного договора с ней», о выводе оккупационных войск «в пределы национальных границ соответствующих государств», а также «дать понять югославской делегации» о желательности установления ФНРЮ нормальных дипломатических отношений с ГДР – мотивация могла быть («в случае необходимости») такой: это «способствовало бы противодействию милитаристских устремлений в Западной Германии».

Авторы документа пытались просчитать варианты действий делегации в ситуации различного отношения Югославии к формирувавшемуся союзу государств «советского блока» или (как он был назван в документе) «Договору восьми государств – участников Московского и Варшавского совещаний» (в ноябре 1954 г. и мае 1955 г.). Инициативу присоединения к «советскому блоку» предлагалось оставить делегации ФНРЮ. Если же югославская сторона «в той или иной форме затронет вопрос о Договоре восьми государств и даст понять, что югославское правительство интересуется вопросом о возможности присоединения к этому Договору, то исходить из того, что присоединение Югославии к Догово-

ру будет приветствоваться», а ее отношения с другими странами – не являются здесь препятствием. Особо оговаривалась и возможная позиция югославы, которые могут попытаться уйти от обсуждения проблемы. Если «югославская делегация не будет касаться этого вопроса, то с нашей стороны его поднимать не следует», указывалось в тексте²⁵⁶.

В документе также предусматривалась возможность при проявлении заинтересованности югославской стороной «заявить о готовности Советского правительства заключить соответствующие соглашения и оказать Югославии широкую научно-техническую помощь», в том числе и «в области использования атомной энергии в мирных целях», подобно тому как Советский Союз «оказывает ее ряду других государств». Кроме того, говорилось «о готовности в ближайшее время принять в СССР соответствующих югославских специалистов». Немалое место в документе уделялось практическим вопросам сотрудничества в сфере транспорта и коммуникаций. Аналитики МИД предусматривали окончательное решение застарелого вопроса о югославских гражданах в Советском Союзе²⁵⁷, предполагалось заявить, что «правительство не будет препятствовать выезду из СССР лиц, которые пожелают вернуться в Югославию». Последнее следовало делать на основе взаимности, получив от югославской стороны согласие «занять аналогичную позицию в отношении советских граждан, находящихся в Югославии»²⁵⁸.

Весь пакет предложений, внесенных от имени МИД СССР в Президиум ЦК КПСС, показывал, что во внешнеполитическом ведомстве рассчитывали на получение от предстоявшего визита ощутимых практических результатов в соответствии с устоявшейся практикой мировой дипломатии. Согласно этим представлениям итоги встреч и переговоров должны быть закреплены в виде максимально возможного числа соглашений, коммюнике, заявлений, нот и практических договоренностей, после которых Белграду было бы сложно продолжить политико-экономический дрейф в западном направлении. Как минимум Югославию требовалось сохранить на позициях лавирования между Западом и Востоком, а как максимум – обеспечить условия для ее приближения к Востоку. С учетом предыдущего опыта двусторонних контактов, в частности югославских заявлений о невозможности возврата в советский лагерь, неоднократно сделанных Белградом в последние месяцы, многие из разработанных на Смоленской площади предложений казались мало реальными, но все они вполне подходили для выработки целей визита в ФНРЮ и получения значимых результатов. В целом МИД СССР оперативно и квалифицированно справлялся с задачами подготовки документов в рамках выполнения постановления Президиума ЦК КПСС

по Югославии от 31 мая 1954 г. Положительной стороной документов являлось наличие в них вариантов предлагаемых действий советской делегации (обычной, впрочем, для переговорной практики того времени) в зависимости от поведения югославской стороны.

Вместе с тем вся вышеизложенная работа аппарата внешнеполитического ведомства фактически проделывалась впустую, так как к тому времени Хрущев поставил задачу превратить поездку в Югославию в яркую международную акцию, которая должна продемонстрировать приоритет партийной дипломатии над дипломатией государственной. Личные амбиции Первого секретаря ЦК КПСС, его желание активно действовать на международной арене, играли в этом немалую роль. Югославия в данном случае оказалась как нельзя кстати. Демонстрация эффективности партийной дипломатии именно в югославском вопросе должна была посрамить методичную, но малоэффективную работу экспертов МИД СССР, возглавляемого В.М. Молотовым. Можно предполагать, что именно обилие предлагаемых вариантов поведения на переговорах, ввиду прежде всего отсутствия у советских дипломатов выверенных данных об обязательствах Югославии на Западе, давало основание для раздражения Хрущева и критического отношения к установкам МИД. К тому же «партийный подход» применительно к Югославии, избранный Никитой Сергеевичем, не исключал улучшения контактов по межгосударственной линии, но ставил в качестве главной задачи не постепенное сближение позиций двух стран, а качественный скачок, связанный с общностью основ идеологических подходов КПСС и СКЮ.

13 мая в Белграде состоялось заседание Исполкома ЦК СКЮ, на котором Э. Кардель (Тито оставался на о-ве Бриони) ознакомил собравшихся с состоянием советско-югославских отношений. Как свидетельствует протокольная запись заседания, он сообщил: «ЦК КПСС согласился на предложения, высказанные в письме товарища Тито о проведении встречи между государственными руководителями на самом высоком уровне... русские приняли приглашение и предложения». Рассказав о содержании письма и составе советской делегации, Кардель отметил: «Целью русских является оказание на нас как можно большего политического и идеологического влияния. Но в ходе переписки они убедились, что это не пройдет. Поэтому они будут стремиться к достижению минимальных целей: снять (хотя бы на время) с повестки дня политические дискуссии. Это для них важно, поэтому они направляют делегацию в таком составе». Он подчеркнул, что за всем происходящим будут внимательно следить «в информбюровских странах и партиях», что уже «созрели условия для дости-

жения договоренностей между Востоком и Западом, и советско-югославская встреча будет значительным вкладом на этом направлении». Относительно планов югославской стороны Кардель пояснил, что «комиссия, которая была сформирована в соответствии с решениями одной из прошлых встреч, подготовила материалы», и югославы намерены вести переговоры в наступательном стиле. «Мы не сделаем никаких уступок, – заявил он, – ни в отношении информбюровского блока, ни в области поддержки политики блоков»²⁵⁹.

В то время как Кардель знакомил партийно-государственную верхушку Югославии с развитием переговорного процесса с советским руководством, глава внешнеполитического ведомства ФНРЮ К. Попович в доверительном порядке сообщил о согласованном визите советской делегации послам ведущих держав Запада и стран Балканского пакта. Известие повергло их в шок. Посол Франции Куле по возвращении в посольство, забыв о секретности дипломатических сообщений, немедленно позвонил в Париж по обычному телефону и продиктовал его открытым текстом, словно он служил не во внешнеполитическом ведомстве, а работал в коммерческом информационном агентстве. Только во второй половине дня Куле, отойдя от шока, попытался оправдаться перед руководством ведомства на Кэ д'Орсе – он, дескать, хотел опередить своих коллег из США и Англии²⁶⁰.

Действительно, полная нормализация отношений Югославии с СССР свидетельствовала о провале расчета Запада на включение этой балканской страны в систему западных блоков. Крах этого курса можно было считать значительным стратегическим промахом, достаточным для обвинений оппозиции (к примеру, в США демократы могли подвергнуть критике республиканскую политику и утверждать, что они передали Эйзенхауэру Югославию в гораздо лучшем состоянии – находившуюся в конфликте с «советским блоком» и в полной зависимости от поддержки Запада). В определенной степени ситуацию смягчало то, что к весне 1955 г. образ СССР рисовался уже не столь устрашающим в свете заключения Австрийского договора и сообщений о предстоящей встрече в верхах в Женеве в июле. Спустя некоторое время реакция Запада стала не столь драматичной. В ходе бесед с югославами западные дипломаты высказывали озабоченность преимущественно тем, чтобы югославы не поддержали СССР в германском вопросе. Об этом свидетельствовали встречи Поповича с британским послом 21 мая и посла Франции с Тито 23 мая²⁶¹.

14 мая 1955 г. одновременно в Москве и Белграде было опубликовано коммюнике о предстоящей в конце мая встрече на высшем уровне с перечислением состава обеих делегаций. Текст со-

общения начинался словами о том, что согласно «обоюдному желанию, в целях дальнейшего улучшения отношений между двумя странами, в целях укрепления мира» правительства двух стран договорились «о встрече их представителей на самом высоком уровне»²⁶².

15 мая в выступлении на 100-тысячном митинге в честь десятилетия освобождения Истрии и словенского Приморья от иностранной оккупации Тито охарактеризовал предстоящую встречу. Ровно десять лет назад он уже выступал в только что освобожденном регионе и заявил тогда в частности: «Югославия не будет игрушкой в чужих руках». Весной 1955 г. руководитель ФНРЮ весьма благосклонно оценил советские внешнеполитические шаги последнего времени и обратил внимание на «особую важность декларации Советского Союза по вопросам разоружения и ликвидации многих и многих проблем в целом», видя в ней огромный вклад «в дело нового укрепления мира во всем мире и в дело доверия между народами и государствами». Тито назвал нормализацию советско-югославских отношений «огромным успехом и вкладом в дело мира», а недавний советско-югославский конфликт – самой тяжелой проблемой, ибо в течение шести лет ФНРЮ была вынуждена «выдерживать огромное давление»²⁶³.

Упомянув о предстоящем визите советской делегации, югославский лидер поведал о принципах, с которыми она согласилась в ходе предшествовавших визиту переговоров. «Мы дали им понять, – заявил Тито, – что желаем разговаривать на равноправной основе, при невмешательстве во внутренние дела, в вопросы внутреннего устройства, как независимая страна, которая в будущем сохранит полную независимость». Он подчеркнул, что в основе последующих отношений между Москвой и Белградом должно лежать не какое-то краткосрочное решение, а следует построить прочный фундамент, и выразил уверенность в том, что в конце переговоров «дело дойдет и до совместного заявления, в котором будет указано на то, как сегодня мы смотрим на сотрудничество между народами в мире». «Я полагаю, – продолжил югославский руководитель, – что это будет одним из самых крупных вкладов в направлении снижения сегодняшней напряженности в мире»²⁶⁴. Умолчание Тито по поводу создаваемой организации стран Варшавского договора и акцент, сделанный им на принципах равноправного сотрудничества, показывали, что в Белграде не намерены отказываться от самостоятельной политической линии на международной арене, проводимой все последние годы.

Эксперты ЦК СКЮ и ГСИД ФНРЮ совместно с посольством в Москве уже с декабря 1954 г. вели подготовку материалов и документов к переговорам на высшем уровне. Достижение догово-

ренности о визите советской делегации вызвало необходимость ускорить их доработку. После беседы членов предполагаемой югославской делегации (Тито, Кардель, Ранкович, Вукманович-Темпо, Попович, Годорович и Мичунович) с экспертами, занимавшимися подготовкой документов к встрече, один из них М. Милутинович и советник ГСИД М. Чабричевич несколько раз побывали в резиденции Тито в Белом дворце, где в отдельных сейфах хранилась секретная документация, к которой были добавлены в этот раз специально привезенные материалы из сейфов здания на Ужичкой улице и правительственной резиденции на Бриони. Во время встреч Тито подробно обсуждал с Милутиновичем и Чабричевичем весь процесс подготовки материалов, вникая в мельчайшие детали, вплоть до последовательности размещения справочных материалов и докладов. После перепечатки материалов на машинке югославский лидер неоднократно вносил правку в тексты, что требовало дополнительных перепечаток. Постоянно ссылаясь на весьма сжатые сроки, Тито торопил обоих сотрудников как лично, так и через своего секретаря Б. Вучинича²⁶⁵.

Наряду с подготовкой общественного мнения на многотысячных митингах и тщательной экспертной работой с документацией для переговоров готовилась к визиту советской делегации и политическая элита. 16 мая на заседании правительства по предложению Ранковича обсуждали «результаты нормализации международных отношений между Югославией и СССР», а также шла речь о предстоявшей встрече представителей правительств двух стран. По итогам обсуждения было принято предложение о составе югославской делегации для участия «во встрече в Белграде на высшем уровне»²⁶⁶.

16 мая 1955 г. в рамках подготовки визита состоялись встречи Громько с Видичем в Москве и Мичуновича с Вальковым в Белграде. Их инициатором выступала югославская сторона, которая в весьма деликатной форме поставила ряд конкретных вопросов, желая определить детали визита и повестку переговоров²⁶⁷. Югославы предлагали следующие ее темы: к пункту первого повестки дня были отнесены три вопроса, которые в Белграде считали нужным обсуждать раздельно, – отношения между СССР и Югославией в недавнем прошлом, советско-югославские контакты в настоящее время и определение принципов дальнейшего развития связей между двумя странами. В записи беседы Громько передал позицию собеседника следующим образом: «Можно было бы принять письменный документ, который определил бы отношения между Югославией и СССР как в принципе, так, возможно, и конкретно, в виде совместных решений». Вторым пунктом повестки дня, по мнению югославской стороны,

должна стать «оценка международной обстановки и определение совместных интересов и форм сотрудничества». Громыко отметил слова Видича о том, что «принципы сотрудничества между СССР и Югославией, как по линии советско-югославских отношений, так и в международном плане, – можно было бы изложить в отдельном письменном документе, подписанном двумя сторонами. Кроме того, можно было бы одновременно опубликовать совместное коммюнике или Декларацию по этим же вопросам. А можно было бы, сказал Видич, принять один общий документ по этим вопросам». Посол специально оговорил, что высказанные им предложения следует рассматривать как «предварительные неофициальные соображения», желая подчеркнуть, что в Белграде не намерены оказывать давление на советских партнеров. В ответ Громыко «обещал о всех соображениях, высказанных Видичем, доложить руководству и по выяснении этих вопросов информировать посла»²⁶⁸.

Сам же советский чиновник выражался гораздо менее конкретно, чем югославский посол. На вопрос Видича о том, какие надежды возлагает Громыко на результаты переговоров в Белграде, заместитель Молотова ограничился словами: «Хорошо было бы прийти к положительным и самым лучшим результатам по всем линиям, имея в виду самое тесное, искреннее сотрудничество между нашими странами». Советский дипломат сказал также о том, что «и в вопросах международной политики у нас должны быть одни и те же интересы». В ответ Видич очертил позицию Белграда в более конкретном заявлении: «Мы можем найти совместную основу для сотрудничества как по линии политической, так и по линии экономической и культурной». Он еще раз указал на необходимость признания права Югославии на самостоятельность действий. «В Белграде мы могли бы показать, как две стороны могут сотрудничать, – продолжил посол, – *если мы сумеем договориться по таким вопросам, как признание суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств, то в наших отношениях никаких трудностей не будет* (курсив мой. – А.Е)». Этот намек югославской стороны натолкнулся на стандартный ответ: «Признание суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств является одной из основ советской внешней политики и нашло отражение в соответствующих официальных актах и документах советского правительства, а также в известной Декларации Верховного Совета СССР»²⁶⁹.

После этого югославский посол сам поднял вопрос о сотрудничестве по партийной линии, стремясь увязать с ним только что заявленный Громыко принцип невмешательства. Он сообщил, что «знаком с перепиской, которая предшествовала договорен-

ности о встрече представителей Советского Союза и Югославии, и понимает значение такой постановки вопроса о сотрудничестве». Вновь оговорившись, что он высказывает в данном случае свое личное мнение, Видич заявил, что «в ходе переговоров безусловно будут подвергнуты обсуждению и партийные вопросы. В этом нельзя ни на йоту сомневаться. Югославы заинтересованы в успешном исходе переговоров в Белграде. Это было бы большим событием в нынешней международной обстановке»²⁷⁰. Тем не менее посол четко расставил приоритеты, и Громыко это уяснил. «По его (Видича. – А.Е.) мнению, – передал он в отчете о беседе, – следовало в первую очередь договориться о сотрудничестве по государственной линии». В целом стиль высказываний посла ФНРЮ, его осторожная манера обсуждения, обставленная на этот раз крайне деликатными выражениями (вроде «вопрос повестки дня не урегулирован», можно «предпринять шаги» и оговорка о том, что «он лишь ставит этот вопрос, но не делает каких-либо предложений на этот счет»), показывали, что югославская сторона опасалась срыва уже объявленной встречи. Вместе с тем она через Видича достаточно твердо обозначила принципы, на которых желает сесть за стол переговоров. В тот же день те же вопросы были поставлены во время встречи в Белграде Мичуновича и Валькова.

17 мая А.А. Громыко направил в Президиум ЦК КПСС проект ответов на вопросы Видича, предполагая, что он будет принят в виде постановления ЦК КПСС. Активное участие заместителя Молотова в подготовке визита было естественным: он хорошо знал историю конфликта конца 40-х годов, принимая в нем самое активное участие, был включен в состав советской делегации, отправлявшейся в Белград. Громыко оказался тем более востребован, что Молотов с начала мая был вплотную занят двумя почетными, но трудоемкими внешнеполитическими обязанностями – заключительными переговорами о подписании Мирного договора с Австрией и сложными политическими маневрами по юридическому оформлению «советского блока», которое произошло в Варшаве 15 мая. Учитывая отношение Молотова к югославскому вопросу, его догматизм, принципиальность, последовательность и безусловную компетентность, занятость советского министра иностранных дел нельзя было не признать удачной для хода самой нормализации.

Согласно представленному Громыко документу, советская сторона согласилась с предложениями югославов о том, что переговоры будут занимать три–четыре дня, и также благодарила «за возможность познакомиться кое с чем в Югославии» в течение еще трех–четырех дней. Таким образом, время пребывания в стране составило бы семь–восемь дней. Относительно повестки

дня советская сторона полагала, что «общий круг вопросов, подлежащих обсуждению при переговорах, определен по существу в ходе переписки между ЦК КПСС и ЦК СКЮ». Вместе с тем, по просьбе югославов, был составлен «возможный перечень вопросов, подлежащих обсуждению». Они разделялись на две группы – в области международной политики и двусторонних отношений²⁷¹.

К сфере международной политики были отнесены десять вопросов, в числе которых – «о смягчении напряженности... и содействии установлению прочного мира; о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений; о коллективной безопасности в Европе; ...обмен мнениями по германскому вопросу; об установлении отношений с Германской Демократической Республикой; ...отношение сторон к подписанному Австрийскому договору; о законных требованиях и правах КНР; отношение к СЕАТО и Ближневосточным военным блокам; ...о Балканском пакте, а также о решениях Бандунгской конференции». К блоку вопросов отношений между СССР и Югославией были отнесены четыре основные проблемы: принципы во взаимоотношениях и договорных отношениях между СССР и Югославией; о развитии торговли и экономических связей между СССР и Югославией; о развитии сотрудничества в области культуры, науки и искусства, спорта, а также в области использования атомной энергии в мирных целях²⁷². Особо было оговорено намерение советской стороны «обменяться мнениями по вопросам, касающимся отношений между нашими Партиями». В конце документа имелась весьма емкая фраза: «...само собой разумеется, что могут быть обсуждены и другие вопросы по желанию сторон»²⁷³.

Что касается итоговой части визита, то советская сторона оговорила возможность «в результате переговоров опубликовать совместное коммюнике, в котором были бы отражены общие для обеих сторон позиции как по вопросам советско-югославских отношений, так и по вопросам международного положения». На иные варианты завершения встреч указывала еще одна емкая формулировка: «Советская делегация допускает также возможность подписания обеими сторонами и других документов по тем вопросам, по которым будут найдены согласованные решения»²⁷⁴. Анализ этого документа подтверждает, что при подготовке ответов Видичу и Мичуновичу 17 мая в Москве не намеревались сообщить югославской стороне, что конкретным итогом встречи может быть подписание договора или декларации. 18 мая в 3 часа пополудни Громыко принял Видича и передал ответы на поставленные вопросы²⁷⁵.

Важным моментом подготовки визита и событием в двусторонних отношениях стало согласие советской стороны с юго-

славским предложением о необходимости организации взаимодействия в ходе предстоящего визита органов госбезопасности двух стран. 18 мая в Белград отправился руководитель КГБ СССР И.А. Серов, который был уполномочен рассмотреть совместно с соответствующими представителями службы безопасности Югославии все вопросы, связанные с охраной, а также со средствами передвижения и размещением советской правительственной делегации. В составе сопровождения советской делегации, численность которого, включая охрану, экспертов и технических специалистов, превышала сотню человек, прилетели самолетом и бронированные автомобили «ЗИС». Серов упорно настаивал на том, чтобы советские руководители были доставлены из аэродрома в свою резиденцию в Белграде именно на них, тогда как его югославские коллеги настойчиво объясняли, что в Югославии принято, чтобы зарубежные государственные деятели вместе с Тито добирались до столицы в лимузинах с открытым верхом²⁷⁶.

17 мая, в день когда Громыко направил на утверждение советского руководства проект ответов на вопросы югославской стороны о деталях визита, на Старую площадь была представлена и «Памятка» для членов делегации. В ней были предусмотрены наиболее типичные сложные вопросы, которые, по мнению экспертов, могли поднять югославские руководители на переговорах или просто в разговорах с советскими участниками визита. В частности, на вопрос о том, как должны строиться отношения между СССР и ФНРЮ, в «Памятке» специально оговаривалось: «Следует сказать, что речь идет об улучшении отношений именно на основе полного равноправия и невмешательства во внутренние дела другой страны. Этот принцип должен строго соблюдаться обеими сторонами при достижении согласованных решений по любому вопросу»²⁷⁷. Столь же четко формулировались и другие ответы. Например, на вопрос восьмой «по поводу совместной позиции СССР и стран советского блока в отношении ФНРЮ» любому из членов советской делегации следовало отвечать, что «с братскими партиями у нас имеется предварительная договоренность об установлении контакта ЦК КПСС с ЦК СКЮ». В случае дополнительного вопроса «можно сообщить Тито, какие партии введены в курс дела, а также ответить, что информация этих партий со стороны ЦК КПСС ограничилась кругом вопросов, изложенных в письме ЦК КПСС к Тито»²⁷⁸. По вопросу о перспективах советско-югославских отношений рекомендовалось отвечать, что «не все вопросы будут сразу ясны и решены. Важно сейчас установление точек соприкосновения в главном и решающем. И в обоюдном стремлении к улучшению политических, экономических и других отношений между наши-

ми странами и возможности установления контакта между нашими партиями». При этом членам делегации следовало «акцентировать внимание не на том, что нас, может быть, еще разделяет, и что не может являться *главным* в отношениях между государствами и народами с точки зрения их коренных интересов, а на том, что уже выявляется *общего* и при этом *главного* для этих отношений». Окончание ответа было не менее продуманно: «Что касается вопросов, по которым у нас и у вас нет еще полной ясности, то не подлежит сомнению, что и они будут сниматься и решаться с течением времени по мере укрепления взаимного доверия и на основе полного равноправия во взаимоотношениях и сотрудничества на условиях, одинаково выгодных для обеих стран»²⁷⁹.

18 мая в газете «Правда» на первой полосе в виде «передовой» была опубликована статья под заголовком «За дальнейшее улучшение советско-югославских отношений, за укрепление мира!» В ней, в частности, отмечалось, что «имевшее место на протяжении ряда лет нарушение нормальных отношений между СССР и Югославией было выгодно лишь врагам дела мира». Авторы текста ввели в обиход новый термин – «полная нормализация советско-югославских отношений», высказывая мнение, что «полная нормализация» и «укрепление старинной дружбы народов нашей страны с братскими народами Югославии имели бы важное значение для дальнейшего смягчения международной напряженности и установления делового сотрудничества между всеми странами». Данная фраза почти полностью совпадала с тезисом Тито о предстоящей встрече в Белграде как вкладе в разрядку мировой напряженности. В статье отмечалось, что «предстоящие переговоры в Белграде в первую очередь должны будут привести, конечно, к дальнейшему улучшению отношений между СССР и ФНРЮ по государственной линии. В этой области, безусловно, имеются налицо благоприятные возможности. Можно с удовлетворением отметить наличие общности взглядов обоих государств по таким основным вопросам внешней политики, как равноправие и невмешательство в дела других стран, признание возможности мирного сосуществования и сотрудничества между странами с различными общественными системами, борьба за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия, за предотвращение войны и укрепление мира».

Специальные строки были посвящены в статье и противникам советско-югославской нормализации, которые, естественно, назывались такими «противниками мира», кого «пугает перспектива дальнейшего улучшения советско-югославских отношений», ибо они «заинтересованы не в смягчении, а в обострении напряженности в международных отношениях». Вместе с тем

число этих противников сужалось до «наиболее реакционных американских кругов, (они. – А.Е.) явно... пытаются помешать успешному развитию предстоящих переговоров и тем самым ухудшить международную атмосферу». Упоминались и звучащие «по адресу Югославии... угрозы репрессий материального и финансового характера на случай, если югославское правительство нормализует свои отношения с СССР». «Такого рода высказывания, – указывалось в материале, – выдают с головой тех, кто пытается строить свои отношения с Югославией не на основе равноправия, а на основе экономического нажима и политики диктата». В статье в форме критики «некоторых представителей реакционных американских кругов», которые «выступают сейчас с заведомо лживыми заявлениями, будто бы с советской стороны имеется в виду “изолировать” Югославию от так называемого “западного мира”, порвать ее связи с этим миром», руководству ФНРЮ была дана публичная гарантия в том, что «Советский Союз относится с должным пониманием к тому, что Югославия желает поддерживать нормальные отношения со всеми государствами». При этом было указано, что Советский Союз не только не стремится «использовать вопрос об урегулировании отношений с Югославией для ухудшения международной обстановки, но, напротив того, хочет, чтобы решение этого вопроса содействовало смягчению международной напряженности».

Самыми существенными в материале «Правды» были вопросы трактовки марксистско-ленинского учения в КПСС и СКЮ. Безымянные авторы «передовицы» в стиле марксистской диалектики отмечали «наличие существенных различий между нами в понимании ряда важных проблем общественного развития», которое нельзя отрицать. Тем не менее в статье появились сенсационные заявления о том, что «в Югославии господствует общественная собственность на основные средства производства; основными классами в Югославии являются рабочий класс и трудовое крестьянство, обладающие боевыми революционными и патриотическими традициями; у трудящихся СССР и Югославии имеются общие коренные интересы, интересы международного рабочего движения, общность конечных целей рабочего класса, – все это показывает, что существует прочная основа для широкого и всестороннего сотрудничества между советским и югославским народами»²⁸⁰.

Процитированные газетные строки представляли собой изложение многомиллионным тиражом основных положений официально переданного в эти дни на Старую площадь итога работы группы ведущих ученых-обществоведов и штатных идеологов ЦК КПСС в виде доклада «К характеристике общественного и государственного строя Югославии». В его авторский коллектив

вошли заместитель главного редактора журнала «Коммунист» И. Дорошев, главный редактор журнала «Вопросы философии» М. Каммари, главный редактор «Правды» Д. Шепилов и заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев²⁸¹. Материал был подготовлен к 12 мая, но докладывать о нем не спешили, ожидая как развития событий в связи с готовящимся вылетом в Югославию, так и публикации статьи в «Правде», за которую отвечал Шепилов.

В эти дни состоялось и очередное заседание Президиума ЦК КПСС, где обсуждался ход подготовки к визиту в Белград²⁸². Как свидетельствует протокольная запись, Хрущев уже в самом начале заседания, вопреки утвержденной заранее повестке дня, поставил вопрос о взглядах Молотова «по вопросу о позиции по Югославии». Как отмечали составители сборника документов «Президиум ЦК КПСС, 1954–1964», в процессе выработки советской позиции на предстоящих переговорах и обсуждения соответствующих документов на заседаниях Президиума ЦК КПСС В.М. Молотов «разошелся во взглядах с другими членами Президиума. Он настаивал на том, что югославское руководство в 1948 г. отказалось от принципов марксизма-ленинизма, поставив национальные интересы выше интернационального долга, а затем изменило принципам народной демократии, превратив Югославию в буржуазное государство, а СКЮ – в ревизионистскую партию. В соответствии с этим В.М. Молотов подходил к директивам советской правительственной делегации на переговорах и другим документам, предлагая внести в них требование выхода Югославии из Балканского пакта, присоединения к Варшавскому договору, возобновления советско-югославского договора»²⁸³.

Но можно предполагать, что, скорее всего гнев Хрущева вызвали высказывания Молотова по поводу статьи Г.К. Жукова «Десятая годовщина великой победы» в «Правде» от 8 мая: министр иностранных дел протестовал, что она не обсуждалась на Президиуме ЦК, и заявил, что статью к печати санкционировал не ленинец, а обыватель. Пикантность ситуации придавало то, что Хрущев самолично, без консультаций с остальными членами Президиума, а также и с самим автором статьи Жуковым, вписал в нее строки, посвященные участию Югославии во Второй мировой войне, в частности фразу об «исключительной стойкости в борьбе за освобождение своей родины, за общее дело разгрома фашизма, проявленные народами Югославии под руководством маршала Тито»²⁸⁴. Поясняя свою позицию, в ходе дискуссии, Молотов сравнил Тито с Троцким, заявив, что «Красную Армию создавал Троцкий, однако мы его не прославляли», но признал свою горячность, согласившись, что не следовало

применять в отношении автора статьи эпитета «антиленинец». «Признаю, что дал повод», – заявил он.

При обсуждении участники заседания поддержали Хрущева. Об этом говорят и их реплики: «Т. Молотов повод дал. Нельзя бросаться обвинениями – “антиленинец”» (Микоян); «Нельзя молчать. Неудовлетворен выступлением т. Молотова» (Булганин); «Вопрос не только в форме. Что не ленинское в позиции по Югославии? Неправильно ведет себя» (Каганович); «Неправильное поведение т. Молотова» (Первухин). По мере хода обсуждения высказывания участников заседания в отношении Молотова стали ужесточаться. Обострение внес Г.М. Маленков: «По Югославии успешнее было бы решение, если бы не уговаривали т. Молотова. Оттолкнули (из-за упорства т. Молотова) от себя югославов (дело Джиласа). Недисциплинированное поведение». После слов Маленкова участники повысили уровень претензий к Молотову. В высказываниях его позиция была названа «неленинской», «непартийной», прозвучали слова об усталости министра и даже намеки на его душевное нездоровье: «Линия Президиума ЦК по югославскому вопросу ленинская, а позиция т. Молотова не ленинская» (Сабуров); «Т. Молотов раздраженно ведет себя» (Ворошилов); «Выпады яростные с непартийных позиций» (Суллов); «Непонятна болезненность т. Молотова» (Кириченко); «Непартийная выходка» (Поспелов)²⁸⁵.

Оказавшись один перед подготовленным единым фронтом остальных членов Президиума, Молотов пытался объяснить, что дело не в его позиции на югославском направлении, а в чем-то ином: «Если по существу обсуждаем – одно, если по форме – другое. Недисциплинированности не было. Мы наделали некоторые ошибки. Шатания по германскому вопросу. Грубости были. “Неленинские” – это сгоряча». Проявленная самокритичность, отказ от обвинений Жукова и Хрущева в «неленинизме» позволили последнему завершить дискуссию без применения репрессивных мер по отношению к Молотову. Перед визитом в Белград не следовало рубить с плеча: полной уверенности в успешных переговорах с Тито у Хрущева, по всей вероятности, не было. Поэтому удовлетворенный поддержкой большинства Первый секретарь ЦК КПСС, перечислив «пункты, по которым были расхождения», подвел итог: «Т. Молотов неправильно вел себя». Однако далее устного осуждения Хрущев не пошел, предложив «в протокол не записывать». Таким образом, заготовленная заранее фраза, что «Президиум ЦК считает неправильным, что т. Молотов при обсуждении югославского вопроса...» официально зафиксирована не была²⁸⁶.

Состоявшееся после этого обсуждение документов, подготовленных к визиту в Югославию, прошло без особых конфликтов,

хотя Молотов продолжал оппонировать их авторам. Так, когда Микоян предложил «отменить неправильные выражения в решениях Коминформа» и «поручить подготовить компартиям предложения об отмене неправильных оценок, Молотов подверг критике IV раздел материала, озаглавленный “Об отношениях между КПСС и СКЮ”»: «Не все правильно. В 1948 году югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический. Югославы пытаются ослабить наш лагерь». Это побудило Микояна вступить в полемику с министром на понятном для него ленинском «арго»: «Капиталистический класс не восстановили, кулака ограничили. Отход есть больше идеологический, контроля США в Югославии нет»²⁸⁷.

После того как Молотов признал свою горячность, и остальные участники заседания не стали обострять дискуссию, подойдя к проблеме взвешенно – и с учетом замечаний министра иностранных дел, и без особого желания критиковать югославы. Камертоном подобного подхода стал Каганович: «Характеристику не будем утверждать. Директивы утвердить. Правильно в основной части предложено. “О доверии” – включить. В партийной части. В основном предложения соответствуют нашей линии. Какого-то контакта можно достигнуть. Что неприемлемо – стоять на позициях ревизии марксизма-ленинизма. Одобрить директивы». В том же стиле высказались и остальные участники заседания: «Одобрить директивы. Еще надо доказывать будет в ходе дискуссии о том, что она (Югославия) отошла от строя народной демократии. Довольно крепко сказано. Расчистить путь от допущенных перегибов» (Маленков); «По военной линии – учесть. По партийной линии – исправить резолюции. Мотивировать дезинформацией. Более гибко сказать» (Булганин); «В основном директиву утвердить и по партийной линии вести переговоры» (Первухин); «Приемлемы предложения. Нам не будут верить много» (Ворошилов); «По государственной линии можем добиться результатов» (Суслов).

Точку поставил сам Никита Сергеевич: «1) На меры экономической помощи пойдем. Если успешно будут идти дела. 2) Обвинения снять. 3) По партийной линии – есть надежда договориться. 4) Не все безнадежно (в отношении Тито). Речь перед микрофоном подготовим и о распространении идей ленинизма сказать. Партийный раздел сделать более гибким»²⁸⁸. Документально зафиксированное решение: Принять в основном представленные в ЦК КПСС предложения по данному вопросу и поручить тт. Суслову, Пospelову, Пономареву, Громыко, Шепилову и Кумыкину в соответствии с состоявшимся обменом мнениями уточнить текст директив советской делегации для переговоров с югославскими руководителями, а раздел IV указанных директив «Об от-

ношениях между КПСС и КПЮ» переработать, – свидетельствует о том, что директивы были рассмотрены внимательно, а формулировки вопроса о партийных связях не устроили большинство присутствовавших. Таким образом, была учтена критика данного раздела со стороны Молотова и, по сути, дезавуированы инициированные Хрущевым обвинения, прозвучавшие в начале заседания Президиума ЦК в его адрес. Характерно, что Сулов (как свидетельствует запись В.Н. Малина) не испытывал уверенности в успехе переговоров по партийной линии. Помимо этого на заседании было принято решение: «Поручить нашей делегации представить текст заявления главы делегации перед микрофоном о прибытии в Югославию»²⁸⁹.

21 мая Тито дважды выступил перед армейским составом в городке Батайница²⁹⁰. Его высказывания создали нужный контекст для завершения подготовки документов советским руководством в последнюю неделю перед началом визита. С 21 по 27 мая²⁹¹ в Москве занимались доработкой проекта директив советской делегации на переговорах в Югославии, при этом велась она довольно сумбурно. 21 мая состоялось совещание у Микояна, на котором было принято решение дать поручение МИД подготовить проект нового советско-югославского договора²⁹². И уже 22 мая Громыко направил его Молотову. Одновременно проект, согласно сопроводительной записке Громыко, «как сугубо предварительный», был направлен им Микояну, Сулову, Шепилову, Пономареву, «как было условлено на совещании у тов. А.И. Микояна 21 мая»²⁹³. Вслед за этим, уже 23 мая так и не подвергнутый правке текст договора разослали членам Президиума ЦК КПСС²⁹⁴.

Вместе с проектом рассылалась и справка Договорно-правового отдела МИД СССР²⁹⁵, обосновывавшая его таким образом, что при переговорах о подписании договора и после подписания его можно было бы как снять опасения югославы в том, что они подчиняются Москве, так и продемонстрировать определенное движение Югославии в сторону «советского блока». Подготовка этого документа явилась попыткой выстроить отношения двух стран на новых основах из причудливой смеси принципов, использованных в советско-югославском договоре 1945 г. и договоре о правовом оформлении Организации стран Варшавского договора (ОВД). Текст содержал в себе тенденции, получившие позже название «финляндизация», и одновременно включал некоторые принципы, на которых создавался Балканский пакт 1953 г. Ввиду того, что эта справка была готова 19 мая и затем приложена к проекту, разосланному Громыко и Молотову, и в Секретариат ЦК 23 мая 1955 г., можно предположить, что идея заключения нового договора с ФНРЮ зародилась еще до «сове-

щения у Микояна» 21 мая и была окончательно оформлена по инициативе МИД СССР на этом совещании.

Из доступных документов можно сделать бесспорный вывод, что в Москве последовательно и тщательно готовили визит в Белград, бросив на него лучших из имевшихся экспертов. В процессе подготовки документов к нему в «высотке» на Смоленской площади тщательно искали любые самые малейшие возможности, которые закрепили бы намечавшееся сближение, не дав вместе с тем руководству ФНРЮ лазейки для отказа от обещанного в непубличных контактах. Возможно, первоначальная идея предложить Югославии участие в ОВД выглядела слишком амбициозно, но экономические трудности и задолженность ФНРЮ Советскому Союзу еще с послевоенных времен давали возможность не исключать и подобное развитие событий.

К 23 мая на Старой площади был подготовлен очередной пакет документов по югославскому вопросу, среди которых содержался проект директив советской делегации для переговоров с руководящими деятелями Югославии и ряд приложений, включая проект совместного заявления правительственных делегаций СССР и ФНРЮ на пяти страницах²⁹⁶, проект совместного заявления делегаций ЦК КПСС и ЦК СКЮ²⁹⁷, проект Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ФНРЮ²⁹⁸ с приложением к нему юридической справки Г. Тункина от 19 мая²⁹⁹. В секретариате предусмотрительно заготовили также и проекты (на четырех страницах) телеграмм «братским партиям» от Хрущева, которые следовало доставить через послов СССР в Варшаве, Праге, Бухаресте, Будапеште, Софии и ряде других стран³⁰⁰, и несколько сокращенный, трехстраничный проект телеграммы советским послам в Пекине, Берлине и Тиране³⁰¹.

Основополагающие документы для действий советской делегации были обсуждены 23 мая на заседании Президиума ЦК³⁰². В начале обсуждения «вопросов Югославии» Молотов попытался продвинуть свою позицию, известную еще по выступлению в Верховном Совете 8 февраля 1955 г., считая необходимым «в директивах сказать об оценке позиции Югославии (сказать, что в 1948 г. Югославия отошла от позиции 1945 г.)»³⁰³. Однако его выступление вновь не нашло поддержки у членов Президиума. Другое предложение Молотова о том, что «не следовало бы давать повода, что мы отказываемся от критики», было принято. Третий его тезис – добиться от югославского руководства, «чтобы не преследовали сторонников СССР», принят не был. Таким образом, слова министра о том, что «позиция (теперешняя) Югославии: то, что они считают (стоят на позициях марксизма-ленинизма) – не марксистская (не создавать впечатление, что они верны марксизму-ленинизму)», не нашла отторжения участников засе-

дания и даже была поддержана некоторыми из них: «Не могу не согласиться с т. Молотовым, что они не марксисты и не ленинцы. Сразу не начинать» (Воропилов). Вдохновленный замечанием Ворошилова и молчанием остальных, принятым им по всей вероятности за знак согласия, Молотов продолжил критику отдельных положений подготовленных текстов и даже документов в целом. Как он заметил, «совместное коммюнике по партийной линии – неприемлемо» и предложил разобраться с записанными в последних строках директивы словами «с Югославией мы можем сотрудничать более тесно, чем с капиталистическим государством». Министр поставил перед участниками заседания вопрос: «Какое же государство Югославия? Другого нет государства (пролетарское и буржуазное)»³⁰⁴.

Кроме продолжения дискуссий по идеологическим вопросам, в частности позиционированию ФНРЮ и СКЮ в системе марксистско-ленинских координат в советской интерпретации, заседание отличалось некоторыми особенностями, среди которых бросались в глаза очевидный отказ Хрущева от выступления и редкие реплики Микояна. Занятую обоими позицию можно объяснить тем, что Хрущев, с учетом одержанной победы над Молотовым двумя днями раньше, не считал необходимым развязывать новый виток полемики. К тому же, по всей вероятности, обсуждение текстов документов на упоминаемых «совещаниях у Микояна» свидетельствовало о том, что оппоненты Молотова нашли верный аппаратный ход, уже опробованный ими в отношении министра в мае 1954 г.: они выслушивали его замечания, но контроль над подготовкой документов оставляли за собой.

Сдержанность Хрущева, по-видимому, объяснялась также и тем, что в этот день он получил информацию из Московского горкома КПСС, показывавшую, что настроения советских граждан в отношении предстоящего визита в Югославию находятся скорее на стороне Молотова. Среди вопросов, которые задавались партийным пропагандистам после чтения газет, выделялись следующие: «Примет ли Югославия участие в договоре, подписанном в Варшаве?», «Почему наша правительственная делегация едет на переговоры в Югославию, а не югославы к нам?», «Кто гарантирует неприкосновенность нашей делегации, которая поедет в Белград?», «Можно ли верить Тито?», «Не рискованно ли ехать нашей правительственной делегации в Белград?», «Почему легко изменилась политика Советского правительства в отношении Югославии?», «Была ли ранее правильной политика Советского правительства по отношению к Югославии?», «Была ли в последнее время Коммунистическая партия Югославии в подполье?», «Каково положение Коммунистической партии Югославии в настоящее время?»³⁰⁵

Характерной особенностью дискуссии 23 мая являлось то, что ее участники стремились к конкретизации мельчайших вопросов в представленных документах и переговорной стратегии советской делегации. Тон обсуждению задал Каганович, который говорил о необходимости разделения предстоявшего переговорного процесса на этапы. Он выразил опасение, что резкие оценки советской делегации могут осложнить ход переговоров. Впрочем тезис о необходимости подчеркнуть «верность марксизму-ленинизму» у Кагановича (хотя и с некоторыми оговорками, требующими уточнений) не вызвал возражений. Его поддержал Ворошилов; он предлагал воздержаться на первых этапах переговоров («сразу не начинать») от обвинений югославской стороны в том, что «они не марксисты и не ленинцы». Первухин же, в отличие от обоих, наоборот, призывал к большей твердости в переговорах, предложив занять позицию «об отмене решений (всех), в которых неправильные обвинения в отношении СССР». Микоян обосновал необходимость объяснения причин непримиримого советского поведения в 1948 г. дезинформационной политикой руководителей и кураторов разведорганов Советского Союза³⁰⁶, подчеркнув, что «ссылка на Берия, Абакумова необходима». Взяв слово повторно, Каганович уточнил позицию о признании несправедливой резолюции Коминформа 1948 г., когда, по его словам, призыв к смещению югославского руководства «был сделан через голову ЦК», и предложил оставить вопрос об отмене документов Коминформа «по югославскому вопросу» на усмотрение руководства каждой из братских КПСС компартий, «т.к. это является не компетенцией Информбюро, а делом каждого»³⁰⁷.

Другой особенностью обсуждения «югославского вопроса» на Президиуме в этот раз явилось и то, что дискутирующие не стали заниматься «проработкой» Молотова и его подходов, а просто отклоняли предложения министра иностранных дел, сглаживая его критику. Об этом, к примеру, свидетельствовала реплика Маленкова: «От критики недостатков не отказываемся». Следуя избранному курсу на принятие подготовленных документов, члены Президиума ЦК явно стремились не затягивать с их обсуждением, ибо делегация уже готовилась к отлету, а переносить начало визита означало международный скандал. Ввиду этого в целом атмосфера обсуждения была преимущественно конструктивной. При обсуждении текста «Письма» братским компартиям учли замечания Булганина: «Обвинения, изложенные в данной резолюции, являются неправильными. При наличии некоторых правильных положений (критических замечаний) были допущены грубые персональные обвинения, до оскорбления. Еще редактировать». Текст «Совместного заявления правительств

СССР и ФНРЮ» было решено принять единогласно, а текст коммюнике по партийной линии («Проект совместного заявления ЦК КПСС и ЦК СКЮ») – принять с оговоркой, что его текст «т. Молотов не считает приемлемым»³⁰⁸.

На следующий день, 24 мая, подготовка к визиту продолжилась. Президиум ЦК принял в виде постановления на шести страницах материал «О государственных отношениях». Решение Президиума ЦК гласило: «Утвердить предлагаемый текст директив советской делегации для переговоров с югославскими руководителями»³⁰⁹ (в «записях Малина» нет свидетельств о состоявшейся среди членов Президиума дискуссии, и это позволяет предполагать, что оно вообще не обсуждалось, а было принято как доработка более раннего решения). Тем не менее и здесь сохранялись «неясности», ибо часть, посвященная партийным контактам, получила окончательную доработку лишь 27 мая, и весь документ, которым должна была, по мнению его разработчиков, руководствоваться делегация, обрел название «Директивы делегации ЦК КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководителями»³¹⁰.

25 мая на заседании Президиума ЦК, согласно «протоколу Малина», обсуждался лишь один вопрос – «Проект текста речи главы Советской правительственной делегации т. Хрущева Н.С. на аэродроме в г. Белграде». При ее обсуждении Молотов вновь остался в меньшинстве, заявив о своем неприятии публичного выступления на аэродроме: «Речь неправильная и противоречит нашим установкам, все берется на себя». Конструктивное обсуждение содержания намечаемого выступления начал Ворошилов, предложив «не упоминать в речи о Берия и Абакумове». Его слова вызвали незначительные возражения Булганина. Он заметил, что «речь хорошая», но указал на необходимость ссылки на дезинформацию советского руководства относительно ситуации в Югославии в конце 40-х годов, аргументируя это доводами, характерными в последующем для высказываний сторонников Сталина. Относительно позиции Ворошилова Булганин резонно заявил: «Если не говорить о Берия, тогда о Сталине будут говорить». Вслед за этим высказались Микоян и Маленков при предусмотрительном молчании Хрущева: «Хорошая речь. Выгодно сразу сказать (в речи о Берия)» (Микоян) и «Выгодно освободиться от своих слабостей сразу» (Маленков)³¹¹.

В принятых документах предполагалось «предложить югославам заявить в совместном Коммюнике, что Советский Союз и ФНРЮ считают, что отношения между государствами должны основываться на принципах равноправия, взаимной выгоды и мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела, ненападении и признании недопустимости посягательства на тер-

риториальную целостность других государств, за уважение суверенитета и национальной независимости». Указывалось, что «соблюдение этих принципов обеспечит развитие отношений между нашими государствами в духе дружественного сотрудничества». В документе также предполагалось обсудить в процессе переговоров вопрос об отношении к организации Варшавского договора и к договору о послевоенном сотрудничестве от 11 апреля 1945 г., «в отношении которого Правительство Советского Союза заявило, что оно считает себя свободным от обязательств по этому Договору. При этом исходить из того, что Советский Союз согласен сделать заявление о том, что он считает действительными для себя обязательства, взятые по этому договору (в случае согласия Югославии – либо совместным заявлением в совместном коммюнике, либо отдельным заявлением, сделанным советской делегацией по уполномочию Правительства СССР)». Предлагалось обменяться нотами в ходе переговоров в Белграде³¹². Предусматривалась и иная реакция югославской стороны на вопрос о двустороннем договоре: «В случае, если югославская делегация поставит вопрос о целесообразности заключения нового советско-югославского договора, дать в принципе на это согласие и предложить в качестве основы советский проект»³¹³.

Советской стороне предстояло также внести предложения «О культурном сотрудничестве между СССР и Югославией», подразумевавшие «значительно расширить между Югославией и СССР культурные связи и культурное сотрудничество, обмен общественными, культурными и спортивными делегациями на основах взаимности». Относительно вопроса «о югославских гражданах, находящихся в СССР, обучавшихся и других», предписывалось заявить, что советское правительство не будет препятствовать выезду лиц, которые пожелают вернуться в Югославию. Специальное внимание было уделено вопросу «О приглашении в СССР президента Тито». Постановили зафиксировать, что «при благоприятном ходе переговоров делегации следует пригласить Тито посетить Советский Союз в срок и в сопровождении лиц по его усмотрению»³¹⁴.

В блоке, озаглавленном «О развитии и укреплении экономических отношений», намечалось «поставить вопрос перед югославами, что им необходимо было бы для развития народного хозяйства, если они имеют в виду ослабить или устранить экономическую зависимость Югославии от США. При этом заявить, что при искренних и вполне дружественных отношениях Советский Союз окажет Югославии серьезную экономическую помощь». Среди конкретных проблем хозяйственного сотрудничества предполагалось рассмотреть вопрос «О дополнительных взаимных поставках на 1955 г.» В тексте директив содержались строки

и о том, что «в случае пожелания югославской стороны увеличить объем взаимных поставок на 1955 год, дать на это согласие. Заявить о возможности увеличения советских поставок в Югославию в текущем году на общую сумму 70–80 млн рублей, в частности пшеницы (150–200 тыс. т из урожая 1955 года), хлопка (2 тыс. т), нефти (100 тыс. т), каменного угля, удобрений, машин и оборудования для промышленности и транспорта, сельхозмашин и тракторов». К тому же в вопросе «О долгосрочном торговом соглашении» предусматривалось «в случае проявления заинтересованности югославской стороны в заключении долгосрочного соглашения между СССР и Югославией о взаимных поставках товаров, дать на это согласие... исходить из того, что при благоприятном развитии торговых отношений, общая сумма товарооборота между СССР и Югославией могла бы составить в первом году действия указанного соглашения 340–400 млн руб. и в пятом году – 700–800 млн руб.» Для обеспечения условий развития хозяйственных связей, задумывалось «внести предложение (в целях взаимного ознакомления с развитием народного хозяйства СССР и Югославии) обменяться экономическими делегациями»³¹⁵.

Особо оговаривалась проблема предоставления ФНРЮ займа: «В случае прямой просьбы югославской стороны оказания Югославии помощи в том, чтобы она могла рассчитаться по срочным текущим внешним долгам, дать согласие обсудить этот вопрос, при этом исходить из возможности предоставления Югославии займа в золоте и валюте на условиях займов, предоставленных Финляндии по соглашениям 1954 года и 1955 года, т.е. из 2,5 годовых с погашением через 10 лет. При определении суммы займа исходить из того, что Югославия, по заявлению заместителя председателя Союзного исполнительного веча Вукмановича от 23 ноября 1954 г., в состоянии выплачивать по внешним займам 20 млн американских долларов в год, тогда как ее обязательства по этим долгам составляют около 50 млн американских долларов, то есть обязательства превышают возможности оплаты на 30 млн долл. (120 млн руб.) в год».

В «Директивах...» был поставлен вопрос «о научно-техническом сотрудничестве в оказании Югославии помощи в области использования атомной энергии в мирных целях». Советская делегация соглашалась пойти на заключение соглашения в этой сфере «при проявлении заинтересованности югославской стороны». Авторы документа предполагали, что такая заинтересованность воспоследует, так как 14 мая посольство ФНРЮ в Москве заявило о готовности югославской Союзной комиссии по атомной энергии установить сотрудничество с соответствующими советскими органами. Столь же осторожно, по мнению авторов «Директив...», следовало подойти к вопросу «Об участии Югосла-

вии в СЭВ». «Если представители Югославии дадут понять о своей заинтересованности участвовать в деятельности Совета экономической взаимопомощи, — указывалось в документе, — заявить, что Советский Союз со своей стороны поддержит соответствующее обращение Югославии»³¹⁶.

Вопрос «о задолженности Югославии Советскому Союзу» в директивах рекомендовалось не актуализировать. В основе позиции советской делегации лежало намерение разделить задолженность на несколько частей. В отношении претензий СССР к Югославии, возникших до 1949 г., на общую сумму 400 млн рублей, предполагалось «установить новые льготные сроки погашения (для проведения новых переговоров по срокам договориться об уточнении сумм, места и срока)». При этом было решено, что «общая сумма числящейся за Югославией задолженности, не представляемой к оплате, составляет 494,3 млн руб.» Относительно югославской задолженности «по поставкам вооружения и военно-технического имущества за период с 9 мая 1945 до 1947 г.» в подготовленном документе предлагалось членам советской делегации «сумму этой претензии пока не называть (по данным Минобороны СССР — 298 млн рублей. — А.Е.), а определить ее после тщательной проверки количества и стоимости переданного после войны имущества. Предложить югославам провести переговоры по этому вопросу»³¹⁷.

В последнем разделе «Директив...», озаглавленном «Об отношениях между КПСС и СКЮ»³¹⁸, перечислялся целый веер задач. «Для выяснения позиции югославов, — говорилось в тексте, — наши представители могут поставить вопрос о том, какие обстоятельства мешают установлению дружественного взаимоотношения и сотрудничества между нашими партиями и что требуется для установления такого сотрудничества». Рекомендовалось заявить, что в целях «обеспечения взаимопонимания между нашими партиями необходимо внести ясность в понимание некоторых коренных с точки зрения марксизма-ленинизма вопросов», среди которых назывались: отношение к двум мировым лагерям, сложившимся после Второй мировой войны; об отношении к общественному строю в СССР; об отношении к коммунистическим и социал-демократическим партиям; об участии Югославии в общедемократическом движении и в международных демократических организациях; об отношении к марксистско-ленинскому учению; об экономическом и политическом строе современной Югославии; об установлении связей между КПСС и СКЮ³¹⁹. Предполагалось также сделать заявление о том, что «в свое время с обеих сторон не были использованы все возможности для урегулирования спорных вопросов и разногласий. В интересах обеих партий и народов наших стран необходимо исправить по-

ложение дел в наших взаимоотношениях. Лучше было бы это сделать раньше, но не поздно сделать и сейчас»³²⁰.

В «Директивах...» особо оговаривались действия советской делегации в ситуации, «если в ходе переговоров выяснится, что югославы настолько далеко зашли в своих связях с империалистическим лагерем и правыми социалистами, что окажется невозможным сотрудничество с ними по партийной линии на основе признания принципов марксизма-ленинизма». В такой обстановке делегация должна была бы «ограничиться решением вопросов по государственной линии и принятием документа о встрече в духе улучшения отношений между нашими странами и содействия делу мира». Вместе с тем предполагалось, что «и в этом случае следует учитывать, что в Югославии сильны настроения в пользу нейтралитета и имеются значительные силы, не желающие включения Югославии в фарватер американской агрессивной политики, не желающие втягивания Югославии в войну». Поэтому «в борьбе за дело мира Советский Союз может идти с Югославией на более близкие отношения, чем с буржуазными государствами, имея в виду укрепление сил, выступающих в Югославии за политику нейтралитета, и тем самым ослабление позиций главного врага социалистического лагеря – американского империализма»³²¹.

Большинство из этих тщательно готовившихся заготовок оказались так и не востребованными Хрущевым, который видел в визите в ФНРЮ решение как партийных, так и личных задач укрепления собственной власти в Советском Союзе. Несколько позже, в июле 1955 г., в ходе дискуссии на пленуме ЦК КПСС плотную завесу таинственности и лжи вокруг подготовки позиции советской делегации перед вылетом в Югославию приоткрыл Каганович. Он заявил о необходимости партийного подхода к подготовке документов и тем самым объяснил причину, по которой подавляющая часть заготовок не была востребована³²². Действительно, помимо декларировавшихся туманных внешнеполитических задач борьбы за мир и разрядку напряженности существовали и другие, совершенно определенные и конкретные: Хрущев и его окружение стремились воспользоваться визитом в основном для того, чтобы представить его в глазах советского народа как успешный в целях дальнейшего укрепления режима личной власти Первого секретаря ЦК КПСС. Поэтому югославский эпизод был в этой комбинации весьма существенным, но далеко не единственным звеном в длинной цепи обильных пустых идеологизированных заявлений и малообоснованных экономических прожектов, служивших в конечном итоге главной идее обновлявшейся послесталинской политической элиты – захвату командных высот силами партаппарата, обретшего долгожданного лидера в лице Хрущева.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 966. Л. 161–162: Шифротелеграмма № 27264 из Белграда (Вальков). 4 сентября 1954 г.

² Там же. Л. 160: Выписка от 14. IX. 1954 из протокола № П82/XXIII заседания Президиума ЦК 10 сентября 1954 г. Через два дня, 12 сентября, М.Г. Сабуров, который во главе советской делегации прибыл в Софию для участия в торжествах по случаю празднования десятилетия освобождения Болгарии от фашизма, на приеме в посольстве СССР попытался обсудить с послом ФНРЮ в НРБ Митой Мильковичем темы, затронутые в советско-югославской переписке. Югославский посол, который ничего не знал о письмах, уклонился от беседы и немедленно сообщил о ней в ГСИД. Уже на следующий день он выехал в Белград, где лично доложил Тито о разговоре. По словам руководителя секретариата Президента ФНРЮ Й. Вильфана, его шеф придавал данной попытке Сабурова большое значение и еще до доклада посла несколько раз просил своих помощников перечитать ему донесение Мильковича из Софии. См.: *Милькович М.* Бурне дипломатске године. Из Софијског дневника 1953–1956. Београд: Новинско-издавачка установа – Службени лист СРЈ, 1995. С. 128, 130.

³ Делегация прибыла в Белград 4 сентября, о чем сообщила газета «Борба» 5 сентября 1954 г. См.: АВП РФ. Ф. 44. Оп. 15. П. 34. Д. 5. Л. 78.

⁴ Первоначально министр внешней торговли И.Г. Кабанов предлагал направить в Белград делегацию из четырех человек. Все они занимали ответственные посты в системе МВТ СССР. П.П. Гордейчек являлся председателем В/о «Продинторг», В.М. Жаворонков – директором В/о «Союзвнешэкспорт». Двое – зам. начальника договорно-правового управления МВТ А.С. Короленко и Я.И. Красюк – имели солидный опыт зарубежных командировок. Как сообщил Кабанов, Короленко находился на заграничной работе в Англии, выезжал во временные заграничные командировки в Югославию, Венгрию, Аргентину, а Красюк, служивший в системе МВТ с 1941 г., имел за плечами Иран, Югославию, США и Германию. Предполагалось, что Короленко займется юридическим оформлением возможных договоренностей и изучением системы внешней торговли ФНРЮ, а Красюк будет руководителем делегации. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 34–35.

⁵ Там же. Л. 33. П80/ЛХ от 27.VIII. 1954: Постановление Президиума ЦК от 26 августа 1954 г. – О направлении в Югославию работников Минвнешторга для заключения компенсационных сделок между советскими и югославскими организациями.

⁶ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 88. D. 4/17711: Povodom obnove trgovinskih odnosa Jugoslavija–SSSR. Pov. br. 17711. Beograd. 27.IX. 1954 г.

⁷ Ibid. Пример этого стремления югославы увидели в предложении «обновить торговый договор 1947 г.», выдвинутом членами советской делегации «в одном из неофициальных разговоров на ужине в советском Посольстве». Обосновывая свое предложение, советские собеседники заметили, что «от него не отказалась ни одна из сторон его подписавших». Югославы посчитали это «проверкой их мнения относительно будущих торговых отношений», а не некими иллюзиями о том, что югославы согласятся. Данное предложение югославы расценили как попытку вернуться к отношениям до 1948 г., ибо «речь идет о мотивах русских в установлении торговых отношений с нашей страной».

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. Fasc. 11. D. 2/413471: Informacija o razgovorima sa ruskom trgovinskom delegacijom. То обстоятельство, что документ был направлен 15 октября 1954 г. в Софию, означало, что изложенные в нем сведения считались актуальными и полными.

¹⁰ Ibid.

¹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 39–40: Копия записки МВТ СССР (И. Кабанов) – ЦК КПСС. 28 сентября 1954 г.

¹² Там же. Л. 36.

¹³ New York Times. 1954. I.X. P. 4.

¹⁴ В телеграмме указывалось, что книга издана АН СССР. См.: DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 88. D.18/412593: Telegram iz Moskve (Babić) – SIP-у. Br. 386. 7.IX. 1954.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 967. Л. 63, 65–66; М. Суслов – ЦК КПСС. 16 сентября 1954 г. Проект письма Исполкому ЦК СКЮ в связи с ошибкой, допущенной в отношении Югославии в книге «Исторический материализм». Предполагалось, что адресатом будет «Исполком ЦК СКЮ, т. Тито», а его формальным автором – Секретарь ЦК КПСС.

¹⁶ Там же. Д. 986. Л. 23: Выписка (от 23.IX. 54) из протокола № 83/1. 23.IX. 1954. заседания Президиума ЦК – Вопрос Югославии.

¹⁷ Там же. Д. 967. Л. 1. В решении указывалось: «Утвердить текст ответа ЦК КПСС Исполкому ЦК СКЮ на его письмо от 11 VIII-54 (приложение). Передачу ответа ЦК КПСС осуществить тем же порядком, каким было вручено письмо ЦК КПСС от 22 июня 1954 г.»

¹⁸ Там же. В решении указывалось: «Принять текст письма ЦК КПСС Центральным комитетам: КПК (т. Мао Цзедуну), ПОРП, Чехословацкой компартии, ВПТ, РРП, Болгарской компартии, СЕПГ (приложение). Поручить отделу ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями передать содержание письма ЦК КПСС представителям ЦК-ов компартий, находящимся в СССР, тт. Торезу, Дюкло и Д'Онофрио (для т. Тольятти)».

¹⁹ Там же. Документ вышел с пометой: «Разослать членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии КПСС и первым секретарям обкомов, крайкомов КПСС и ЦК Коммунистических партий союзных республик Постановление Президиума ЦК от 31 мая т.г. “Вопрос Югославии”». Столь широкий круг партийного руководства должен был быть ознакомлен с постановлением Президиума ЦК от 31 мая 1954 г., постановлением от 17 сентября 1954 г. и письмом Исполкома ЦК СКЮ в ЦК КПСС от 11 августа 1954 г.

²⁰ По предполагавшемуся варианту эти строки должны были стоять в третьем абзаце перед словами «внеся свой вклад в дело укрепления мира» (Там же. Л. 15–18). Они как раз и отражали суть дискуссии 20 сентября.

²¹ Там же. Л. 1. Этот вопрос продолжали прорабатывать в Москве многие внешнеполитические службы и в дальнейшем. В беседе с сотрудником посольства ФНРЮ один из советских собеседников, который был назван в отчете «интеллектуалом», задал вопрос (его посчитали в посольстве «провокационным и поставленным с желанием узнать позицию, а не удовлетворить личное любопытство») о возможной реакции югославского правительства в случае просьбы эмигрантов-югославов о возвращении из СССР в Югославию. Советский собеседник желал знать: получают ли они работу на равных основаниях с другими гражданами. Тот же собеседник интересовался заявлениями югославов о том, что «не будет возвращения к старым отношениям с СССР». См.: А. J. F. 507. IX. 119/V-73: DSIP. I odjeljenje. 10.XII. 1954. Pregled pošte iz Moskve za novembar 1954.

²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 967. Л. 1.

²³ *Тито Броз* J. Говори и чланци. Загреб, 1959. Књ. IX. С. 263.

²⁴ АВП РФ. Ф. 595. Оп. 3. П. 779. Д. 1438. Л. 196–198: ТАСС. 20 сентября 1954. Секретно. Л 97-о. Выступление Тито в г. Острожно.

²⁵ В одной из информационных подборок МИД СССР фразы из этого выступления: «Атлантический пакт... сегодня все больше приобретает политически, идеологически очерченную физиономию борьбы против коммунизма. Для нас вследствие этого неприемлемо... что нам когда-то предлагалось, относительно присоединения к Атлантическому пакту. Мы окрашены в социалистический цвет и в блоке, имеющем антисоциалистические тенденции, для нас нет ме-

ста», – были занесены в число «положительных высказываний» югославских лидеров. См.: Там же. Ф. 0144. Оп. 29. П. 162. Д. 45. Л. 135.

²⁶ Корреспондент ТАСС выделил тот факт, что выступление Тито состоялось на 350-тысячном митинге и было опубликовано в газете «Борба». В тексте внимание экспертов МИД СССР привлекли слова о том, что «мы окрашены в социалистические цвета» в разделе выступления, озаглавленном «В блоке, который имеет антисоциалистические тенденции, для нас нет места» (Там же. Ф. 595. Оп. 3. П. 779. Д. 1438. Л. 196), и слова о том, что «теперь нам вода не по горло» (Там же. Л. 198).

²⁷ Выступление президента Югославии // Правда. 1954. 22 сент. С. 4.

²⁸ AJ. F. 507. IX. 119/I-51.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. 119/I-52: Н. Хрущев – Исполкому ЦК СКЮ, товарищу Тито. 27 сентября 1954 г.

³¹ DASIP. F. PA. 1954. F. 87. D. 11/412843: I odeljenje (Cicmil) – Ambasadi FNRJ u Moskvi. Nr. 412823, 1.X. 1954.

³² AJ. F. 507. IX. 119/V-73. MSP: I odeljenje. 10.XII. 1954. Pregled pošte iz Moskve za novembar 1954.

³³ New York Times. 1954. 30. IX.

³⁴ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 11/413338: I odeljenje. Zabeleška o razgovoru op. ministra Dragoja Djurića sa Grjaznovom, savetnikom sovjetske ambasade, na dan 21 septembra 1954.

³⁵ Ibid.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 13. П. 24. Д. 332. Л. 1–3.

³⁷ К документу была приложена подписанная М.В. Зимяниным справка (от 11 октября 1954 г.) о югославах – воспитанниках Суворовского училища. В ней указывалось, что 52 человека вступили в советское гражданство, 10 – подали просьбу об этом, а два – выразили согласие встретиться с представителями посольства с тем, чтобы узнать о своих родственниках в Югославии. Зимянин докладывал, что «до сих пор не было просьб о возвращении в Югославию». В документе также описывалось развитие этой проблемы в последние годы с упоминанием ноты Госсекретариата ФНРЮ от 30 мая 1953 г., сообщения МИД СССР от 24 июня 1953 г. об отказе югославских воспитанников вернуться в Югославию, повторной югославской ноты от 3 июля 1953 г., оставленной советским МИД без ответа. В материале сообщалось о развитии обсуждения данного вопроса за несколько месяцев, начиная с обращения Видича 13 апреля 1954 г. о возможности встречи с воспитанниками-суворовцами в Посольстве ФНРЮ в Москве, и его повторном обращении 27 июля 1954 г. См.: Там же. Л. 4–7.

³⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe; The Soviet Union. Wash. (D.C.), 1988. P. 1410: The Charge in Yugoslavia (Wallner) to the Department of State Secret. Belgrade. October 13, 1954.

³⁹ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 86. D. 21/413398: I odeljenje (Cicmil) – Ambasadi FNRJ u Moskvi. 13.X. 1954.

⁴⁰ Именно в такой форме югославские дипломаты сообщили об этой встрече американским и английским коллегам. См.: FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 1409–1410; PRO. FO 371/113162. 565: From Belgrade (Mr. Shatteck) to Foreign Office. October 14, 1954.

⁴¹ AJ. F. 507. IX. 119/V-73. I odeljenje. Pov. Br. Str. 67/I: 10.XII. 1954. Pregled pošte iz Moskve za novembar 1954. S. 3–4.

⁴² АВП РФ. Ф. 021. Оп. 13. П. 24. Д. 333. Л. 2: Из дневника Е.Д. Киселева. Прием посла Югославии Д. Видича 14 октября 1954 г.

⁴³ Там же. Л. 1–15: Справочный материал «Высказывания югославских руководителей и югославской печати о строительстве социализма в Югославии».

⁴⁴ Указание на это эксперты Комитета информации МИД СССР нашли в статье из Белграда корреспондента британской газеты «Обсервер» Ледерера. Она привлекла внимание также данными о том, что вооруженные силы ФНРЮ насчитывают 36 полностью укомплектованных дивизий, 12 из которых оснащены самым современным оружием. См.: Там же. Ф. 595. Оп. 3. Д. 778. Л. 151.

⁴⁵ В посольстве СССР в Белграде обращали внимание на то, что примерно до 20 октября 1954 г. «югославская печать допускает явные клеветнические выпады по адресу Советского Союза», к которым дипломаты относили заявления об очевидных «государственно-капиталистических тенденциях» в СССР, сомнения относительно планов увеличения сбора зерновых в 1955 г., освещение военных действий осенью 1944 г. как «стремления русских генералов освободить Белград без участия ЮНА с тем, чтобы подтвердить тезис об освобождении Югославии русскими штыками». См.: Там же. Ф. 144. Оп. 15. Д. 34. Л. 6: Посольство СССР в Белграде. А. Малышев, Ю. Сидельников (15 ноября 1954 г.) «Обзор югославской печати с 15 октября по 10 ноября».

⁴⁶ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 88. D. 18/413584: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 485. 15.X. 1954.

⁴⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 967. Л. 73–74: Выписка из Протокола № 88/V заседания Президиума ЦК от 18.X. 1954 г.; Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии. К п. V прот. 88. См.: Там же. Д. 986. Л. 30–31: Устное сообщение тов. Зорина Послу ФНРЮ в СССР Видичу.

⁴⁸ Там же. Д. 967. Л. 74; Д. 986. Л. 31.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8а. П. 11. Д. 184. Л. 16–21: М. Зимянин – В. Молотову. 21 октября 1954 г. «О некоторых фактах, характеризующих внешнюю политику Югославии за последнее время (вторая половина 1954 г.)».

⁵⁰ В самом конце документа указывалось, что «решение (Молотов добавил в текст: «важнейших вопросов») дальнейших взаимоотношений СССР с Югославией будет в значительной мере определяться итогами второго визита Валькова к Тито» (Там же. Л. 21).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 173–180: Донесение венгерского посла в Белграде Ш. Куримски о беседе на ужине у болгарского посла 26 октября 1954 г. Этот документ, полученный от советского советника в МВД Венгрии, был направлен послом в Венгрии Андроповым Зорину 30 ноября 1954 г.

⁵³ Там же. Л. 180.

⁵⁴ Обмен мнениями между министром и его заместителем состоялся 8 декабря 1954 г. См.: Там же.

⁵⁵ Экспозе у Савезној народној Скупштини о спољној политици ФНРЈ // Тито Броз Ј. Указ. соч. Књ. IX. С. 318–319.

⁵⁶ Там же. С. 330.

⁵⁷ Там же. С. 330–331.

⁵⁸ К примеру, «Высказывания югославских руководителей и печати, характеризующие внешнюю политику Югославии в последнее время (второе полугодие 1954 г.)». А. Ханов. 1 ноября 1954 г. См.: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 135–146.

⁵⁹ Там же. Ф. 06. Оп. 13. П. 24. Д. 333. Л. 2–4.

⁶⁰ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 9/415025: Zabeleška o razgovoru Ambasadora FNRJ u Moskvi D. Vidića sa Aleksandrovim, ministrom kulture SSSR na dan 28 oktobra 1954 g.

⁶¹ Ibid.

⁶² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 927. Л. 103: Запись беседы тов. М.З. Сабурова с Послом Югославии в СССР Д. Видичем 29 октября 1954 г., 9 часов утра.

⁶³ AJ. F. 83. A. j. 66. Fasc. 11: Naši glavni listovi i informativne agencije u periodu od 20 oktobra do 1 Novembra 1954 g. (S. Kosanović, 1 novembra 1954. Beograd).

⁶⁴ Участникам заседания слова Карделя были представлены в версии, отличавшейся от советской: «Наш ответ в целом позитивен, и будет дан после того, как будут ознакомлены партийные кадры». См.: *Ibid.* F. 507. III/63: *Zapisnik sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ*. 3. Novembar 1954 g.

⁶⁵ *Ibid.*

⁶⁶ *Ibid.*

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.*

⁷¹ Тогда же А. Милатович, А. Вратуша и Р. Зец получили от В. Мичуновича указание начать подготовку документов к визиту советского руководства. Материалы собирались по самому широкому кругу вопросов. См.: *Milatović A. Pet diplomatskih misija. Rim–Sofija–Tirana. Ljubljana; Zagreb, 1985. S. 139–140.*

⁷² *AJ. F. 507. III/63. L. 96–98.*

⁷³ *Правда*. 1954. 7 нояб. С. 2.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Посольство процитировало газету «Политика»: «Один из влиятельных советских руководителей впервые публично высказал мнение своего правительства об изменениях в отношениях между двумя странами». Комментарий газеты был в русле официальных оценок: «Нормализация... находится в рамках изменений, которые произошли в последнее время в советской внутренней и внешней политике». См.: *АВП РФ. Ф. 144. Оп. 15. П. 34. Д. 4. Л. 15.*

⁷⁶ *DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 86. D. 21/414506: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Bg. 552. 12.XI. 1954.*

⁷⁷ Подробную реконструкцию событий на основе ряда сообщений, направленных между 9 и 12 ноября в Вашингтон послом США в Москве Ч. Боленом, совершил хорватский исследователь Д. Бекич. Во время приема Болен мог видеть только жесты собеседников, ибо размеры стола не позволяли никому из западных послов вникнуть в содержание разговора. Ближе всех к спорившим сидел посол КНР Чжан Венчен, который, как показалось Болену, слышал все. Последующие дни американский посол тщательно собирал все версии.

Как сообщал Болен, в тот вечер он не имел возможности поинтересоваться у Видича, о чем шла речь. Посол Великобритании оказался более расторопен. Однако на его расспросы о содержании беседы Видич ограничился фразой, что в основном говорили о темах, затронутых в выступлении Сабурова. В то же время другой «источник» сообщил послу США, что слышал угрожающие слова Хрущева о том, что «в случае принятия Югославией британской модели социализма, она будет считаться “врагом” Советского Союза».

Болен также переслал в Вашингтон и сообщение корреспондента «Нью-Йорк Таймс» Даниэля, который, взяв интервью у Видича 12 ноября, тут же передал его в посольство США. Согласно версии журналиста, Хрущев начал беседу с Видичем, обратив его внимание на высказывания в докладе Сабурова. В ответ Видич заметил, что часть выступления, относящуюся к Югославии, он уже внимательно изучил. Хрущев отметил, что она – результат продуманных и подготовленных решений советского правительства. На вопрос Хрущева о реакции на нее в Белграде, Видич заметил, что югославской стороне важно знать, приемлет ли Советский Союз занятую ею в последние годы независимую позицию, которую она стремится сохранить. В это время в разговор вступил Маленков, сказавший: «Да, Да...». Видич дал понять журналисту, что это посол воспринял, как подтверждение того, что в Кремле, по крайней мере сейчас, особую югославскую позицию признают. На дополнительный вопрос журналиста о том, было ли обсуждение британской модели социализма, Видич ответил, что в ходе разговора Хрущев упоминал британский лейборизм, хотя больше всего говорили о «марксизме».

Впрочем, и эта версия беседы отличалась от той, которую получил от Видича 9 ноября посол Великобритании У. Хайтер во время ужина в британском посольстве. Видич повторил, что Хрущев вообще не упоминал британский социализм и не проявлял желания обсуждать вопросы внутренней политики Югославии. См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 625–627.

⁷⁸ AJ. F. 507. II/13: Peti plenum Centralnog Komiteta Saveza Komunista Jugoslavije. S. 7.

⁷⁹ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 9/414827: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 558. 10.XI. 1954.

⁸⁰ Ibid. D. 9/416784: Zabeleška o razgovorima savetnika Ambasade FNRJ u Moskvi F. Babića na prijemu povodom XXXVII godišnjice Oktobarske revolucije u Velikom Kremaljskom Dvorcu, 7 novembra 1954 g. Br. 416784. 23.XII. 1954.

⁸¹ В письме Тито от 16 ноября 1954 г. сообщалось, что югославской стороне «отчасти доведено до сведения» содержание разговоров посла Видича с товарищами Маленковым, Хрущевым, Булганиным, Кагановичем, Сабуровым и другими на приеме в Кремле. Подчеркивалось: «Нас весьма удивило ваше подзрение, что мы будто бы пробуем сидеть на двух стульях» (AJ. F. 507. 119/I-53).

⁸² Ibid.

⁸³ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 86. D. 21/414956: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 562. 12.XI. 1954.

⁸⁴ AS. F. 1277. 1954. Šk. 33. St. 59: Neki momenti politike SSSR i istočnoevropskih zemalja prema Jugoslaviji. Bilten DSIP. Str. pov. br. 739. 15.XI. 1954.

⁸⁵ Эта мысль была подчеркнута в документе еще раз: «Хотя СССР и странам советского блока подходит путь нормализации по государственной линии, они до июня и даже сентября были недовольны не только из-за нашего ожидания их шагов, но и из-за нашего понимания нормализации (прежде всего репешения спорных вопросов, представляющих интерес для Югославии, и лишь после этого следует перейти к рассмотрению других вопросов межгосударственных отношений)» (Ibid.).

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 15. Д. 34. Л. 1–47: А. Малышев, Ю. Сидельников (15 ноября 1954 г.). «Обзор югославской печати с 15 октября по 10 ноября».

⁹² Там же. Авторы материала указали на резкий рубеж в освещении югославской печатью советских сюжетов. Поначалу они приводили «конкретные факты антисоветских выступлений» – тезис о развитии «государственно-капиталистических тенденций» в СССР, сомнения в реальности плана по увеличению сбора зерновых в 1955 г., заявления о стремлении «русских генералов» освободить Белград без поддержки ЮНА с тем, чтобы «заявлять о свободе Югославии, принесенной на русских штыках». «После 20 октября, – указывалось в документе, – прямых выпадов в отношении СССР и стран народной демократии не наблюдается, что, по-видимому, является результатом соответствующих указаний сверху». В посольстве посчитали «необходимым отметить, что в последние дни, в связи с мероприятиями советского правительства по реорганизации некоторых органов управления, в частности Министерства торговли СССР», в югославской печати «проводится мысль о том, что они являются доказательствами изменения политики советского правительства». Среди подобных материалов авторы справки выделили статьи «На тему о децентрализации в Советском Союзе» (Борба. 8.XI. 1954); «Новые явления» (Борба. 7.XI. 1954); «Сумрак одной концепции» (Международная политика. № 110 от 1. XI. 1954).

⁹³ См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 13–14: Проект письма ЦК КПСС коммунистическим и рабочим партиям. Представлен М.А. Сусловым 18 декабря 1954 г.

⁹⁴ АЖ. Ф. 507. IX.119/I–53.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 5/SSSR. 31 Ia: Zabeleška o razgovoru sa sovet-skim ambasadorom (20, 22.XI. 1954).

⁹⁷ *Броз Тито* J. Говори и чланци. Загреб, 1959. Књ. X. С. 344–347. Тито публично одобрил политику Советского Союза в отношении Югославии, отметив «смелость нового советского руководства». Он выразил уверенность в дальнейшем развитии связей, которые «эти отношения еще более изменят к лучшему и сотрудничество будет полезным с обеих сторон...» Не забыл Тито подчеркнуть необходимость «сотрудничества на равноправной основе».

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ АЖ. Ф. 507. II/13: Peti plenum Centralnog Komiteta Saveza Komunista Jugoslavije.

¹⁰⁰ Ibid. S. 6.

¹⁰¹ Ibid. S. 9–10.

¹⁰² Эта мысль звучала почти у всех выступавших. К примеру, В. Крстулович указал, что из писем видно, что советские лидеры недостаточно научились за эти шесть лет и не хотят сейчас признать ошибки. См.: Ibid. S. 11.

¹⁰³ Ibid. S. 12.

¹⁰⁴ Ibid. S. 13.

¹⁰⁵ Ibid. S. 14–15.

¹⁰⁶ Ibid. S. 19–20.

¹⁰⁷ Ibid. S. 21–24.

¹⁰⁸ Ibid. S. 31.

¹⁰⁹ Ibid. S. 32.

¹¹⁰ Не следует исключать, что именно в этот день была получена телеграмма Видича, в которой со ссылкой на «знакового», участвовавшего в одной из встреч идеологических работников стран социалистического лагеря, сообщалось, что 10 ноября обсуждался доклад Сабурова от 6 ноября. Докладчик о Югославии сказал следующее: «Югославия вначале была демократической республикой, но со временем выродилась в фашистское государство. Поэтому отношения между нашими странами ухудшились. С учетом интересов мира и безопасности во всем мире, о чем наша страна ведет особую работу, произошла нормализация отношений». Видич сообщил далее: «Это все, что он сказал. Вопросов не было. Присутствующие, по оценке нашего знакомого, могли понять, что оценки Югославии не изменились, и что нормализация ведется из широких политических расчетов». См.: DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 88. D. 18/415567: Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 595. 26.XI. 1954.

¹¹¹ АЖ. Ф. 507. II/13: Peti plenum Centralnog Komiteta Saveza Komunista Jugoslavije. S. 34–35.

¹¹² Проект текста коммюнике был внесен М. Марковичем. См.: Ibid. S. 45.

¹¹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 41. П95/1 – 27/XI–54: Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии (вопросы 1–4). К переговорам с югославской торговой делегацией; Выписка из Протокола № 95 заседания Президиума 25 ноября 1954 г. – № 12. 25.XI. 54 № П95/1ОП тт. Сулову, Молотову (МИД); Микояну – все; Сабурову – п. 3; Громыко, Виноградову – п. 4 (Там же).

¹¹⁴ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 87. D. 11/415325: I odeljenje. Zabeleška op. ministra Dragoja Džurića o razgovorima na koktelju kod sovjetskog ambasadora Valjkova na dan 15 novembra 1954.

¹¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 41: Выписка из Протокола № 95 заседания Президиума ЦК 25 ноября 1954 г.

¹¹⁶ Весьма нейтральные поздравления югославов по случаю государственного праздника 7 ноября с пожеланиями успеха «в деле благосостояния и мирного развития народов СССР» были опубликованы в «Правде» 8 ноября 1954 г.

¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 13. П. 24. Д. 334. Л. 5. Улучшение атмосферы советско-югославских отношений не прошло мимо внимания западных дипломатов, которые сообщали о прекращении деятельности антиюгославских эмигрантских организаций в Восточной Европе и о резком улучшении отношения советских дипломатов к югославским коллегам. См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 628.

¹¹⁸ DASIP. F. PA.1954. Fasc. 87. D. 11/413475: Zabeleška državnog potsekretara Dr. Beblera sa sovjetskim ambasadorom g. Valjkovom, na dan 12 oktobra 1954 g. Beograd, 14 oktobar 1954 g.

¹¹⁹ Первый секретарь ЦК КПСС с большой помпой съездил в Народный Китай председателя Мао Цзэдуна, где заключил объемный пакет двусторонних соглашений (в том числе о возвращении КНР Порт-Артура) и передал целые заводские комплексы, современную технику и научно-техническую документацию в виде «братской помощи» китайскому народу. Однако, когда хозяева завели речь о более серьезной поддержке Пекина – строительстве и оснащении современных военно-морских сил, передаче секретов создания ядерного оружия, ничего серьезного от Первого секретаря ЦК КПСС председатель Мао не услышал.

¹²⁰ Ответ был передан в Совпосольство от имени госсекретаря ФНРЮ 24 ноября 1954 г.

¹²¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 15. Д. 12. Л. 5.

¹²² Французский поверенный в делах в Москве докладывал в Париж о сложившемся у него впечатлении, что на этом приеме советские руководители избегали разговоров с западными дипломатами, уделяя все внимание беседам с Д. Видичем. См.: *Bekić D.* Op. cit. S. 634. Поверенный в делах США Уоллнер попытался узнать у Видича весь ход разговора с советским руководством. Д. Видич в ответ пояснил, что именно он поднял этот вопрос, а не Н.С. Хрущев. О реконструкции этого эпизода см.: *Ibid.* S. 633–634.

¹²³ *New York Times.* 1954. 29.XI. P. 1.

¹²⁴ *Ibid.*

¹²⁵ Краминов Д. Национальный праздник народов Югославии // Правда. 1954. 29 нояб. С. 4.

¹²⁶ 6 декабря 1954 г. соответствующим отделом МИД СССР был подготовлен справочный материал «О внутривнутриполитическом положении Югославии». См.: АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8-а. П. 11. Д. 114. Л. 22–42.

¹²⁷ Эта просьба была высказана послом Д. Видичем в беседе с В. Зориним 16 декабря 1954 г.

¹²⁸ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8а. П. 11. Д. 113. Л. 1: В. Зорин – В.М. Молотову, 18 декабря 1954 г. Данные предложения не вызвали возражений со стороны Молотова, который не отверг возможности организации обеда у Кабанова с его собственным участием совместно с Микояном и Сабуровым, но поставил это «в зависимость от хода переговоров». См.: Там же. Л. 4: В. Зорин – И.Г. Кабанову. 18 декабря 1954 г.

¹²⁹ Приложения к записке М. Сулова от 18 декабря 1954 г. содержали и проект Постановления ЦК КПСС и проект ответа ЦК КПСС Исполкому ЦК СКЮ на его письмо от 16 ноября 1954 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 11–12.

¹³⁰ Там же. Л. 12.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. Л. 13–14: Проект письма ЦК КПСС ЦК коммунистических и рабочих партий.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 319.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ В ее состав входили Владимир Сайчич (советник Государственного секретариата по иностранным делам), Николай Шкундрич (советник Союзного управления экономического планирования), Исидор Виторович (советник Народного банка), Благое Райкович (советник Союзной внешнеторговой палаты), Радмила Еркович (атташе государственного секретаря по иностранным делам). При ее встрече в аэропорту Внуково с советской стороны присутствовали первый заместитель министра внешней торговли СССР С.А. Борисов, заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин, начальник управления торговли с западными странами МВТ СССР В.М. Виноградов, заведующий протокольным отделом МИД СССР Е.Д. Киселев и начальник протокольного отдела МВТ СССР И.С. Андриенко. См.: АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8а. П. 11. Д. 113. Л. 3.

¹³⁷ *Osolnik B. Med svetom in domovina. Spomini 1945–1981. Novo Mesto, 1992. S. 119–120.*

¹³⁸ *Tumo Broz J.* Указ. соч. Кнь. X. С. 24–26; *Bekić D.* Op. cit. S. 641–642.

¹³⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 52–55; И. Кабанов – ЦК КПСС. 25 декабря 1954 г. В документе, в частности, сообщалось, что Минвнешторг провел предварительные переговоры с югославской торговой делегацией и в скором времени представит на утверждение предложения о товарообороте с Югославией на 1955 г. См.: Там же. Л. 52.

¹⁴⁰ *Osolnik B.* Op. cit. S. 119.

¹⁴¹ Ibid. S. 121.

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Ibid. S. 122.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Ibid. S. 122–123.

¹⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 400. Л. 1.

¹⁴⁷ АЖ. F. 507. IX. 119/I-56: Tok konferencije jugoslovenske i sovjetske delegacije. S. 45.

¹⁴⁸ *Osolnik B.* Op. cit. S. 123.

¹⁴⁹ Ibid. S. 124.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Ibid. S. 174.

¹⁵² По состоянию на начало мая 1955 г. заключены контракты: с югославской стороны на 23,8 млн рублей, а со стороны СССР – на 21,4 миллиона. На 1 мая 1955 г. было поставлено югославами товаров на 4 млн, советской стороной – на 2,2 млн рублей.

¹⁵³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 69. 19/1-55: Постановление Президиума ЦК – Об экспортно-импортном плане и валютном плане по торговым операциям на 1955 г. (выписка из приложения – об использовании подлежащих поставке товаров в 1955 году из Югославии в СССР) № П103/VII от 21.I. 1955: Выписка из протокола № 103 заседания Президиума ЦК от 19.I. 1955. Окончательный проект Постановления Совета министров СССР был представлен комиссией Президиума ЦК в составе тт. Кагановича, Булганина, Микояна, Молотова, Сабурова и Кабанова.

¹⁵⁴ В результате обмена нотами 5 и 13 января 1949 г. с целью согласования свободного продвижения кораблей Дунайской военной флотилии на Вену, было признано, что советские суда могут проходить там до вывода советских оккупационных войск из Австрии. Действие соглашения не было прервано во время конфликта 1948 г., что характеризует не забывчивость югославы, а важность сохранения советских войск в Австрии в силу интересов, считавшихся очевидными, в то время в Белграде «жизненными» (это подтверждается некоторы-

ми утверждениями С. Берии о сохранении связей между двумя странами и в годы конфликта). См.: *Берия С. Мой отец Лаврентий Берия*. М., 1994. С. 370.

¹⁵⁵ Об исходе переговоров Д. Бекич пишет на основе сообщений западных дипломатов, беседовавших в начале января 1955 г. с послом Д. Видичем. См.: *Bečić D.* Op. cit. S. 668–669.

¹⁵⁶ PRO. FO 371/118051. January 13, 1955. В сходном ключе отвечал Роберту и В. Мичунович, а М. Тодорович, ссылаясь на болезнь, старался избежать встреч с западными дипломатами.

¹⁵⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1514. Л. 103.

¹⁵⁸ Как писал Суслов, «в своих заметках о лекции Карделя, набросанных только для личного потребления, я сделал попытку охарактеризовать эти взгляды». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 967. Л.111; М. Суслов – Н. Хрущеву. 15 января 1955 г.

¹⁵⁹ Там же. Л. 113–114.

¹⁶⁰ Там же. Л. 112–116.

¹⁶¹ Там же. Л. 111–112; М. Суслов (13 января 1955 г.). О лекции Э. Карделя «Социалистическая демократия в югославской практике». Прочитана в Осло активу Норвежской рабочей партии и опубликована в загребском издании газеты «Борба» за 1, 2 и 3 января 1955 г.

¹⁶² Там же. Д. 968. Л. 3–9. 18.01. 1955. П/126-оп. Вх. 175: Записка Сулова и Пономарева (С приложением проекта Постановления Президиума ЦК и проекта письма коммунистическим и рабочим партиям). Среди приложений, подготовленных к обсуждению на заседании Президиума ЦК 19 января, проекта письма в адрес ЦК СКЮ в ответ на письмо 24 ноября 1954 г. уже не было (Там же). Вместе с тем был сохранен весь пакет документов, подготовленных к 18 декабря 1954 г. (Там же. Л. 10–14).

¹⁶³ Там же. Л. 1.

¹⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 2–5: Секретарю ЦК КПСС П.Н. Поселову, 22 января 1955 г. Перечень вопросов о положении в Югославии и о советско-югославских отношениях в поступивших за последнее время в редакцию журнала «Коммунист» письмах.

¹⁶⁵ К примеру, «Что можно сказать о Тито и кто он в настоящее время? – спрашивал безымянный корреспондент 10 октября 1954 г. – Может быть, Тито осознал свои ошибки и становится на правильный путь или это тактический маневр по заданию англо-американского империализма?»; «Происходит ли в нынешней Югославии строительство социализма, является ли социалистическим по своему характеру государственный сектор или экономика современной Югославии не что иное, как государственный капитализм? Не означают ли некоторые особенности Югославии того, что “форма строительства социализма” у нее несколько иная, чем была у нас? Как понимать опубликование в нашей печати без комментариев выступления Франичевича на II съезде советских писателей?» (9 января 1955 г.). Другой автор задавал вопрос 16 января: «В нашей печати указывалось, что в Югославии установилась фашистская диктатура. Каково современное внутривластное и внутрисоюзное положение Югославии?» (Там же. Л. 3–4).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 116–119. 28.01. 1955. 221-с вх. 286: И. Серов. О письме югославского гражданина Любо Вушович.

¹⁶⁸ Там же. Л. 16–114. 25. 01. 1955. Вх. 1293. П214-оп.: А. Громыко, В. Степанов. «Об экономическом и внутривластном положении в Югославии».

¹⁶⁹ Там же. Л. 112.

¹⁷⁰ Там же. Л. 113.

¹⁷¹ Там же. Л. 110.

¹⁷² Там же. Л. 114.

¹⁷³ Там же. Л. 115: Замечания к справке Громько и Степанова «Об экономическом и внутривластном положении в Югославии».

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ DASIP. F. PA. 1954. Fasc. 64. D. 6/42124: I odeljenje za Koordinaciju DSIP-a. Zabeleška povodom knjige Jare Ribnikar «Nedovršeni krug». 17.II. 1955.

¹⁷⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 123: Из дневника В. Зорина. Прием посла Югославии в СССР Д. Видича 13 января 1955 г.

¹⁷⁷ АЖ. Ф. 507. IX. 119/II-139. S. 1: Telegram iz Moskve (Vidić) – I odeljenje za Koordinaciju DSIP FNRJ. Str. pov. br. 6. 19.I. 1955. Predmet: O negativnom reagovanju gradana o Hruščevljevom govoru. На телеграмме была пометка «Br. 47(55) J.B.» Пометка «Иосип Броз», по всей вероятности, означала, что документ был передан в канцелярию Президента ФНРЮ И. Броз Тито.

¹⁷⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 119об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 114; Д. 138. Л. 109.

¹⁸⁰ Подробнее о визите см.: *Богетић Д.* Титове путовање у Индију и Бурму 1954–1955 и обликовање југословенске политике несврстаности // *Историја* 20. века. 2001. Бр. 1. С. 65–73.

¹⁸¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. Д. 6. Л. 39: Из дневника Ю.К. Приходова. Запись беседы с послом Югославии в НР Болгарии М. Милковичем 1 февраля 1955 г.

¹⁸² 9 июля 1955 г. В. Молотов указывал, что «эта речь была заблаговременно разослана членам Президиума ЦК и не вызвала с их стороны возражений». Но «в дальнейшем Президиум ЦК стал придерживаться другой установки... где все дело стали сводить к интригам Берия и Абакумова, а об отходе Югославии от прежних позиций перестали говорить». См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // *Исторический архив*. 1999. № 5. С. 11.

¹⁸³ АЖ. Ф. 507. IX. 119/II-139: Odeljenje za koordinaciju DSIP FNRJ. Str. pov. br. 27 od 9.II. 1955. Telegram iz Moskve (Vidić). Diskusija i personalne promene u vladi SSSR-a.

¹⁸⁴ 9 февраля 1955 г. Верховный Совет принял «Декларацию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик». См.: *Правда*. 1955. 10 февр. С. 1.

¹⁸⁵ АЖ. Ф. 507. IX. 119/II-139: Odeljenje za koordinaciju DSIP FNRJ. Str. pov. br. 27 od 9.II. 1955. Telegram iz Moskve (Vidić). Diskusije i personalne promene u vladi SSSR-a.

¹⁸⁶ Ibid. 119/V-76. S. 1: Bogdan Osolnik. Moskva, 14.II. 1955. Draga Marija.

¹⁸⁷ Посол Чехословакии Питгарт сообщал о том, как на ужине, организованном послом Венгрии Ш. Куримски и состоявшемся как раз в день, когда стало известно о смещении Маленкова, он был свидетелем пикировки между Беблером и Вальковым. Первый вопрос Беблера Валькову был задан о дальнейшей судьбе Маленкова: будут ли его судить, как Берину? Советский посол, поставленный в тупик и крайне обиженный этим, весь вечер избегал общения с Беблером. См.: AMZV. F. TD. 1955. Kr. 2. Č. 1976/55. Vělehrad. 12. 02.1955/11. Pithart 205.

¹⁸⁸ DASIP. F. PA.1955. Fasc. 64. D. 1/42135: Odeljenje za koordinaciju DSIP FNRJ. Telegram iz Moskve (Vidić) – SIP-u. Br. 91. 16.II. 1955. Телеграмма была оформлена на бланке ГСИД ФНРЮ, а в правом верхнем углу бланка стояла литера «А».

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ Ibid.

¹⁹¹ Он состоял из пяти разделов: Вероятные внутренние причины падения Маленкова; Явления, которые сопровождали экономическую программу Маленкова; Об отношении остальных руководителей к экономической программе

Маленкова и ходе ее реализации; Что в действительности происходило в конце 1954 г.; Вероятные личные мотивы в падении Маленкова. См.: Ibid. Fasc. 62. D. 2/42199: O aktualnoj situaciji u SSSR-u. Moskva, 17 februara 1955.

¹⁹² Это объяснение отставки дипломаты создали на основе сообщения ЦК КПСС (за подписью Хрущева), зачитанного на партийном собрании Института физкультуры им. Сталина 25 февраля 1955. г. Как поняли в посольстве со слов «Леши» – одного из участников собрания, курс на сближение с Западом явился лишь незначительной частью причин, повлекших отставку Маленкова. См.: AJ. F. 507. IX. 119/II-139: Telegram iz Moskve. Str. pov. br. 45 od 11.III. 1955. В правом верхнем углу документа имеется помета «Br. 178/55 (J.B.)», означавшая, что он был доставлен И. Броз Тито.

¹⁹³ Югославская сторона ждала ответа на демарш более месяца. 14 февраля 1955 г. В. Молотов направил проект ответа Зорина в ЦК КПСС. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Через два дня он был принят. См.: Там же. Л. 120–121. 16. II. 1955 г. П108/55: Постановление Президиума ЦК – Вопрос МИД СССР. О проекте ответа Зорина югославскому послу в связи с его заявлением от 13 января 1955 г. по вопросу об активизации деятельности югославских разведывательных органов в странах народной демократии.

¹⁹⁴ Там же. Л. 124: Из дневника В. Зорина. Прием Посла Югославии в СССР Д. Видича. 17 февраля 1955 г.

¹⁹⁵ 24 февраля 1955 г. советник советского посольства в Белграде Старцев сообщил главе миссии ЧСР в ФНРЮ Питгарту о том, что югославские дипломаты в странах народной демократии, в особенности представитель Югославии в Праге И. Вейвода, получили указания устанавливать как можно более широкие связи с общественностью и использовать их для того, чтобы оторвать народные демократии от СССР. См.: AMZV. F. TD. 1955. Kr. 2. Č. 2593/55. Bělehrad. 25/2/1955-7. Pithart 223.

¹⁹⁶ В Белграде же, напротив, считали эти события происками западных (в частности английской) разведок. Такой вывод был сделан по горячим следам в обзорных справках С. Косановича, курировавшего в СИБ ФНРЮ вопросы информации и СМИ. См.: AJ. F. 83. 1950–1956. Fasc. 11. S. 422–445: Pregled glavnih listova i informativnih agencija od 20 decembra [1954 g.] do 1 januara 1955 godine; Pregled glavnih listova i informativnih agencija od 1 do 10 januara 1955 godine.

¹⁹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 144–150: Проект письма ЦК КПСС ЦК коммунистических и рабочих партий в связи с ответным письмом Исполкома ЦК СКЮ от 16.XI. 1954 г. 20 января в сопроводительной записке М. Сулова и П. Поспелова указывалось, что письмо «отредактировано с учетом замечаний членов Президиума на заседании Президиума» (Там же. Л. 143).

¹⁹⁸ Там же. Л. 135: Записка Н. Хрущева и М. Сулова. 12.II. 55. Вх. 849.

¹⁹⁹ Там же. Л. 126–134: Постановление Президиума ЦК – О принятии текста письма ЦК КПСС Центральным комитетам коммунистических и рабочих партий. 25 февраля 1955 г.

²⁰⁰ Там же. Л. 126.

²⁰¹ Приходов изложил слова Милковича следующим образом: «Таких оснований со стороны Югославии не было, что якобы подтверждается и в известных мне письмах ЦК КПСС, предшествовавших нормализации отношений между Югославией и Советским Союзом. Как бы между прочим, Милкович спросил меня при этом, как я думаю, не будут ли в ближайшее время опубликованы эти письма? Я ответил Милковичу, что мне это неизвестно. Не говоря прямо о намерениях югославов опубликовать письма, Милкович дал понять, что если бы это было сделано, то видно было бы, что не Югославия, а Советский Союз изменил свою политику». Эти строки были отмечены в Москве тремя чертами слева на документе. См.: АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 202. Д. 6. Л. 41–42: Из днев-

ника Ю.К. Приходова. Запись беседы с послом Югославии в НР Болгарии М. Милковичем 23 февраля 1955 г.

²⁰² Приходов указал, что он «не реагировал на этот намек Милковича, заметив лишь, что в интересах и Югославии и Советского Союза необходимо способствовать дальнейшему развитию советско-югославских отношений в положительном направлении и, в частности, в совместной борьбе за мир, чему вряд ли способствовало бы разбирательство, подобное затронутому Милковичем». Как показалось Приходову, «Милкович согласился с этим и перевел беседу на другую тему» (Там же. Л. 42). Хотя данная беседа состоялась 23 февраля, Приходов, по всей вероятности, предусмотрительно сделал паузу и занес ее в свой дневник только 12 марта.

²⁰³ DASIP. F. PA. 1955. Fasc. 63. D. 5/18872. Prilog br. 14: Tumačenje normalizacije partijskim putem (informacije dobijene ilegalnim putem).

²⁰⁴ Ibid. S. 4.

²⁰⁵ Ibid. S. 8.

²⁰⁷ Экспозе у Савезној народној Скупштини о спољној политици ФНРЈ // Гито Броз Ј. Указ. соч. Књ. X. С. 114–143.

²⁰⁷ Целый абзац этого выступления был дословно процитирован в советской печати. См.: Правда. 1955. 10 марта. С. 4.

²⁰⁸ Посол Австрии в Москве сообщил об этом разговоре своему британскому коллеге, который, в свою очередь, немедленно передал слова австрийца в Лондон. Хорватский исследователь Д. Бекич относился к данному объяснению с осторожностью, считая, что если Тито действительно был недоволен комментарием «Борбы», то мог бы заявить об этом еще 12 февраля, сразу по возвращении из турне по Азии в выступлении на вокзале в Белграде. См.: *Bekić D. Op. cit.* S. 680. Однако более вероятным представляется, что Тито промолчал 12 февраля, так как посчитал опасным делать скоропалительные заявления после своего столь длительного отсутствия, и задержка с реакцией на слова Молотова была необходима для тщательного изучения причин и последствий смещения Маленкова.

²⁰⁹ «Как известно, – указывалось в “Правде” – в 1948 году в развитии Югославии произошел поворот. Имеется целый ряд заявлений руководящих деятелей Югославии, в которых подробно говорится о переходе Югославии после 1948 года на новый путь развития». Это, по мнению автора, признавалось и в докладе Карделя в Норвегии. В советской статье подчеркивалось, что «ту же самую мысль о двух этапах выразил президент Тито в речи на митинге в Копере 21 ноября 1954 г., в которой он заявил, что “Югославия не отступает от своего внешнеполитического курса, который она начала проводить в 1948 году”». Именно в этих высказываниях югославских руководителей автор материала в «Правде» усмотрел подтверждение того факта, что «Югославия за последние годы в какой-то мере отошла от тех позиций, на которые она встала в первые годы после окончания второй мировой войны» (Правда. 1955. 12 марта).

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ Согласно предположению Бекича, впрочем, не подтвержденному им самим документально, Тито, якобы знавший о «временной и вынужденной коалиции Хрущева с Молотовым, хотел дать Хрущеву “шлагворт” для разрыва этой коалиции и устранения Молотова и его единомышленников из руководства партии». Бекич полагал, что Первый секретарь ЦК КПСС якобы понял намек в выступлении Тито, и опубликовал 10 марта через своего сторонника и главного редактора «Правды» Шепилова подробное изложение критических высказываний Тито, «использовал возможность, предоставленную ему Тито», «смог потянуть положение Молотова». См.: *Bekić D. Op. cit.* S. 683.

²¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 968. Л. 156. 14.III. 1955. П12/XXI: Постановление Президиума ЦК – О письме Исполнительного Комитета ЦК СКЮ. Оно гласило: «Утвердить прилагаемый текст письма в связи с письмом, полученным от югославов 16 ноября 1954 г. Секретарь ЦК». Исполнение возлагалось на Хрущева, Суслова, Поспелова и Молотова (МИД) (Там же).

²¹⁵ Там же. Л. 157–160: Письмо Н.С. Хрущева – товарищу Тито 17 марта 1955 г. Его проект, подготовленный М.А. Сусловым 12 марта 1955 г., был принят на заседании Президиума ЦК в тот же день (Там же. Л. 160).

²¹⁶ Там же. Л. 159.

²¹⁷ После получения письма ЦК КПСС от 16 марта группа югославских экспертов начала систематизацию собранной документации к предстоящей встрече. Главе советского отдела внешнеполитического ведомства ФНРЮ А. Милатовичу, а также А. Вратуше и Р. Зецу было приказано разложить собиравшуюся ими документацию в пять досье и начать «избирательное знакомство с ними» тех югославских руководителей, кто мог принять участие во встрече. См.: *Milatović A.* Op. cit. S. 140. 21 марта советник посольства СССР в Белграде Грязнов не стал обсуждать слова из доклада Тито в Скупщине, а довел до сведения ГСИС ФНРЮ мнение советской стороны о том, что ответы в газетах «Борба» и «Политика» на комментарий «Правды» написаны «мирным тоном и в конструктивном духе, не ставят преград для дальнейшего развития отношений между СССР и Югославией, заслуживая положительной оценки». См.: *DASIP. F. PA. 1955. Fasc. 63. D. 10/43775: I odeljenje. 21.IV. 1955. Pov. br. 43775. Cimil – Ambasadi. FNRJ. Moskva.*

²¹⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 202. Д. 6. Л. 69: Из дневника Ю.К. Приходова. Запись беседы с послом Югославии в НР Болгарии М. Милковичем 22 марта 1955 г. В этот период югославы продолжали выражать недовольство советскими СМИ, недостаточно, по их мнению, освещавшими некоторые югославские акции. Однако Видич предпочитал делать это не напряжную, а говорить об этом коллегам из советского лагеря, которые доводили эти замечания советскому руководству. Так, в конце марта – начале апреля в разговоре с польским послом он «жаловался на то, что корреспондент ТАСС не передал всей последней речи Тито, в частности тех мест, где Тито касается запрещения атомного оружия». Слова Видича были переданы Булганину. См.: *РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 97: Запись беседы Булганина с послом ПНР В. Левиковским 6 апреля 1955 г.*

²¹⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. Д. 202. Л. 80–81.

²²⁰ 24 марта 1955 г. Вальков, вернувшись из Москвы в Белград, запросил у Мичуновича аудиенцию у Тито. См.: Там же. Ф. 144. Оп. 40. Д. 4. Л. 60–63.

²²¹ *AS. F. 1277. 1955. Šk. 34. Št. 7: Zabeleška o prijemu sovjetskog ambasadora Valjkova kod druga Predsednika, na Brionima 26.III. 1955 u 17 časova.*

²²² В записи беседы, сделанной в Секретариате Президента ФНРЮ, обсуждение нормализации было отражено следующим образом: «Тов. Президент сказал, что все в порядке, только, по его мнению, нормализация развивается достаточно медленно и ее можно было бы ускорить. Главное, подчеркнул он, что руководители Советского Союза понимают нашу политику. Тов. Президент здесь вновь повторил, что, с нашей стороны, нормализация – следствие нашей политики, направленной на достижение мира и мы не позволим никому вмешиваться в этот процесс. Если бы кто-то хотел связывать свою помощь с прекращением такой нашей политики, мы бы им ответили: оставьте свою помощь при себе» (*ibid.*).

²²³ *Ibid.*

²²⁴ *PRO. FO 372/118025: April 1, 1955: Robert Frank to London.*

²²⁵ *Yugoslavia Political Diaries 1918–1965. Vol. 4: 1949–1965 / Ed. R.L. Tarnan. (Archive Editions). 1997. P. 633. N 1019: Confidential. British Embassy Belgrade. January 20, 1956. Ivo Mallet to Anthony Eden.*

226 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 44–46: Записка корреспондента ТАСС из Белграда. К положению в Югославии. 21 марта 1955 г.

227 Там же.

228 Там же.

229 АВР РФ. Ф. 144. Оп. 16. Д. 13. Л. 8–13: Запись беседы заместителя главного редактора журнала «Вопросы экономики» тов. Сазанова А.Н. со вторым секретарем посольства Югославии в СССР господином Кликовац. 2 апреля 1955 г.

230 DASIP. F. PA. 1955. Fasc. 63. D. 4/18028: Informativni pregled. Jugoslavija–SSSR.

231 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 52: Беседы Булганина с иностранными представителями на приеме у Молотова. 12 апреля 1955 г.

232 АР РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 969. Л. 44–45: Телеграмма из Белграда (Вальков). № 1260. Спец. 188. Особая. Вне очереди.

233 В послании ЦК СКЮ оно было названо письмом от 17 марта 1955 г.

234 АР РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 969. Л. 3–4. 16.IV. 1955: Письмо Генерального секретаря ЦК СКЮ Тито Н.С. Хрущеву.

235 Там же. Л. 1: Постановление Президиума ЦК – Телеграмма Валькова из Белграда № 189 и 190–192 от 16. IV. 1955 г. – О согласии на организацию встречи представителей ЦК КПСС с представителями ЦК СКЮ.

236 Там же. Л. 12, 13–19: М. Зимянин – В.М. Молотову. «О распространении антисоветской литературы в Югославии» (27 апреля 1955).

237 Там же. Л. 10–11. 25.IV. 1955. 1091-с: Записка И. Серова и В. Зорина о месте встречи представителей ЦК КПСС с представителями ЦК СКЮ.

238 АР РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 969. Л. 44–45.

239 Там же. Л. 30–32. 5.V. 1955. П118/П: Особая папка. Постановление Президиума ЦК – Вопрос Югославии.

240 Полный текст поздравления гласил: «Президенту ФНРЮ товарищу И. Броз-Тито. Прошу Вас, товарищ Президент, принять сердечные поздравления по случаю дня Вашего рождения и наилучшие пожелания здоровья, плодотворной деятельности на благо народов Югославии, на благо мира». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 2.

241 А. J. F. 507. IX. 119/I-54.

242 Ibid. F. 130. Fasc. 215. L. 273: Savezna Narodna Skupština / Savezno Izvršno Veće. 3 maja 1955. godine. Beograd. Predlozi za ratifikaciju medjunarodnih sporazuma od strane Veća.

243 Ibid. F. 507. IX. 119/II-139: Telegram iz Moskve. Str. pov. br. 70 od 7.V. 1955. O položaju naše emigracije u SSSP-u.

244 *Bekić D.* Op. cit. S. 691.

245 Десятая годовщина великой победы // Правда. 1955. 8 мая.

246 АР РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 969. Л. 48–49: Полевой – В.М. Молотову, 9 мая 1955 г. Записка (Б. Полевого) о разговоре с советником югославского посольства по поводу статьи Г.К. Жукова, напечатанной в «Правде».

247 Там же. Л. 42–43: Шифротелеграмма Хрущева в Пекин, Варшаву, Прагу, Будапешт, Бухарест, Софию, Берлин, Тирану совпослам по поводу предложения ЦК СКЮ организовать встречу с представителями для обмена мнениями. 9 мая 1955 г.

248 АВР РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 401. Л. 4–6: В числе приложений к документу «Предложения...» имелись «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» и нота советского правительства югославскому правительству от 28 сентября 1949 г., являвшаяся перепечаткой из газеты «Известия» от 30 сентября 1949 г.

249 Там же. Авторы документа советовали договориться в ходе визита начать переговоры «о возобновлении действия» Договора о дружбе, взаимной по-

мощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией и ввести его в употребление «в дипломатическом порядке».

²⁵⁰ Авторы называли общую задолженность Югославии Советскому Союзу – 1228,5 млн рублей, из которых 628,3 миллиона представляли задолженность за военное имущество, переданное Югославии в годы войны и после окончания войны, 188 млн рублей – за репатриацию (Там же).

²⁵¹ Днем раньше, 11 мая, Громыко направил Поспелову два справочных материала: «О договорах и соглашениях между СССР и Югославией» и «О наиболее важных договорах и соглашениях Югославии с третьими странами». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 112–154.

²⁵² Там же. Л. 4–8.

²⁵³ Там же. Л. 9–14. К этим двум основным документам прилагались: текст советско-югославского договора 1945 г., нота правительства СССР правительству Югославии от 28 сентября 1949 г. и ответная нота посольства Югославии от 1 октября 1949 от имени правительства ФНРЮ. См.: Там же. Л. 15–27.

²⁵⁴ Там же. Л. 4–5.

²⁵⁵ В отличие от предыдущего варианта, в документе от 12 мая количество возможных совместных заявлений, которые планировалось предложить к принятию, было несколько увеличено: о ситуации на Дальнем, а также Среднем и Ближнем Востоке, о поддержке КНР, в частности в вопросах о Тайване и о допуске КНР в ООН, а также об осуждении «политики сколачивания агрессивных военных блоков в рамках Ближнего и Среднего Востока» (Там же. Л. 6–8).

²⁵⁶ Там же. Л. 7.

²⁵⁷ В документе их определение было достаточно широким: «югославские граждане, обучавшиеся в военно-учебных заведениях СССР, а также другие югославские граждане, находящиеся в СССР», что могло включать и коминформбюровскую эмиграцию 1948 г., и «суворовцев», и лиц, которые могли находиться в лагерях МВД СССР.

²⁵⁸ «Предложения по вопросам государственных отношений между СССР и Югославией», а также «Проект коммюнике» и др. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121.

²⁵⁹ AJ. F. 507. III/64. L. 102–103: 13 maj 1955 g. Zapisnik sa sjednice Izvršnog komiteta SK SKJ, održane u Beogradu. На заседании присутствовали Кардель, Ранкович, Пияде, Салай, Вукманович, Гошняк, Колишевики, Пуцар, Йованович, Лескошек и Стамболич.

²⁶⁰ *Bekić D.* Op. cit. S. 693.

²⁶¹ *Ibid.* S. 699–703.

²⁶² *Borba.* 1955. 14. V.

²⁶³ *Говор на прослави десетогодишнице ослободенья Истре и Словеначког приморја // Тито Броз Ј. Указ. соч. Књ. Х. С. 168–181.*

²⁶⁴ Там же. С. 173–175.

²⁶⁵ *Milutinović M.* Staljin pokopan u Zemunu // *Danas (Zagreb).* 1988. 10.V. S. 58.

²⁶⁶ AJ. F. 130. Fasc. 214. S. 683: Zapisnik sa XIX sednice Saveznog Izvršnog Veća, održane 13 maja 1955 g. Beograd. Predlozi za ratifikaciju međunarodnih sporazuma od strane veća.

²⁶⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 56–59: Из дневника Громыко. Запись беседы с послом Югославии Видичем 16 мая 1955 г.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ При работе над записью беседы в Секретариате ЦК КПСС этим строкам было уделено специальное внимание. Они были подчеркнуты, а «и» перед словами «по партийной линии» было выделено кружком. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 30.

²⁷¹ АВП РФ. Ф. 022. Оп. 8а. Д. 75. Л. 2–5.

- 272 Там же.
- 273 Там же. Текст ответов на вопросы, заданные Видичем 16 мая, см. также: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 65–67.
- 274 АВП РФ. Ф. 022. Оп. 8а. Д. 75. Л. 2–5.
- 275 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 28–31: Из дневника А.А. Громыко. Прием посла Югославии в СССР Д. Видича 18 мая 1955 г.
- 276 *Milatović A.* Op. cit. S. 140; *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broz Tita. Beograd, 1984. T. 3. S. 564.
- 277 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 9.
- 278 Там же. Л. 12.
- 279 Там же. Л. 13.
- 280 Правда. 1955. 18 мая.
- 281 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 100–110. Доклад был готов уже 12 мая 1955 г. Его выводы занимали четыре страницы. См.: Там же. Л. 107–110.
- 282 Отпосылительно даты его проведения имеются разночтения. В записях Малина заседание помечено 19 мая, в официальных протокольных документах — 18 мая, а его протокол был оформлен 21 мая 1955 г.
- 283 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2003. С. 889.
- 284 Советско-югославские отношения. Из документов... С. 39–40.
- 285 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 41. Док. 8: Протокол № 120. Заседание 19 мая 1955 г.
- 286 Там же. С. 41–42.
- 287 Там же. С. 42.
- 288 Там же.
- 289 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 68: Выписка из протокола заседания Президиума ЦК от 18 мая 1955 г. 21.V. 55 П120/XXXVII. Исполнение решения предназначалось широкому кругу лиц: Хрущеву, Булганину, Молотову, Суслову, Поспелову, Пономареву, Громыко, Шепилову, Кумыкину.
- 290 21 мая 1955 г. в Постоинье Тито выступил дважды. Сначала перед бойцами Первой пролетарской дивизии, а затем — на офицерском банкете. См.: *Tito Broz J.* Указ. соч. Кь. VIII. С. 182–192.
- 291 Делегация уже находилась в Белграде второй день, когда в ЦК КПСС поступили последние документы, связанные с визитом.
- 292 Материалов данного совещания в архивах к настоящему времени не обнаружено. О самом совещании имеется лишь указание в письме, направленном Громыко Молотову 22 мая. См.: АВП РФ. Ф. 022. Оп. 8а. П. 123. Д. 75. Л. 7, 8–11.
- 293 Там же. Ф. 06. Оп. 14. П. 24. Д. 401. Л. 9.
- 294 Там же. Ф. 022. Оп. 8а. П. 23. Д. 75. Л. 8–11.
- 295 Там же. Л. 12–14. Эти документы также имеются в РГАНИ. См.: Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 155–159 (проект договора) и Л. 160–162: Справка «К проекту Договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республикой Югославии», подготовленная за подписью заведующего Договорно-правовым отделом МИД СССР Г. Тункина.
- 296 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 74–78.
- 297 Там же. Л. 79.
- 298 Там же. Л. 80–83.
- 299 Там же. Л. 84–86.
- 300 Там же. Л. 87–90.
- 301 Там же. Л. 91–93.
- 302 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 44–46.

³⁰³ Там же. С. 44.

³⁰⁴ Там же. С. 45.

³⁰⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 51–52: Е. Фурцева – ЦК КПСС, 23 мая 1955 г. «О вопросах, заданных трудящимися во время читок газет и бесед о Варшавском совещании европейских государств, подписании Государственного договора с Австрией и сообщении о предстоящих переговорах с Югославией».

³⁰⁶ Столь упорное стремление Микояна сохранить верность версии, изложенной в письме ЦК КПСС для ЦК СКЮ от 22 июня 1954 г., противоречило фактам, ибо доклад руководства советской разведки о действиях югославских руководителей, нацеленных против интересов СССР, был направлен Сталину и Политбюро только 25 марта 1948 г. Несколько позднее, в проведенном расследовании указывалось, что «ни один из приведенных в нем фактов... в свое время не сообщался в ЦК ВКП(б) или МИД СССР. Известно, что руководство ПГУ МГБ СССР не разрешало сообщать эти факты в ЦК ВКП(б), и в белградскую резидентуру неоднократно давались указания не заниматься сбором сведений о руководстве КПЮ», в то время как «большинство материалов по этому вопросу принадлежало военной части КИ, поступивших от начальников военной миссии СССР в Югославии». См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 312–313. В том случае, если решение Берни и Абакумова о запрете на предоставление негативной информации о югославских руководителях действительно имело место, для определения их позиции больше подходил ярлык «сознательное непредотвращение дезинформации».

³⁰⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 45. Док. 9: Протокол № 121. Заседание 23 мая 1955 г.

³⁰⁸ Там же. С. 46.

³⁰⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 94–99: Выписка из протокола № 122 заседания Президиума ЦК от 24 мая 1955 г. – Вопрос Югославии.

³¹⁰ Там же. Д. 970. Л. 69–70.

³¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 46.

³¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970. Л. 92: Приложение № 1. Проект коммюнике.

³¹³ Там же. Л. 93–98: Приложение № 2. Проект совместного заявления.

³¹⁴ Там же. Д. 911. Л. 94–95.

³¹⁵ Там же. Л. 95–96.

³¹⁶ Там же. Л. 97–98.

³¹⁷ Там же. Л. 98.

³¹⁸ Согласно помете в соответствующем архивном деле («Югославия: Внутриполитическое положение (17 мая–23 мая 1955 г.»)), он был представлен в ЦК КПСС 27 мая, когда советская делегация уже находилась в Белграде. Впрочем, не следует исключать, что этот текст все же имелся у членов делегации, а добросовестный аппаратчик сделал соответствующую пометку тогда, когда сам получил этот материал. Однако могло быть и такое, что сотрудник аппарата ЦК приводил в порядок документацию позже, а этого текста у членов делегации не было. Гриф «Совершенно секретно. Особая папка», позволял совершать самые разнообразные манипуляции с материалом, к примеру, заносить разделы одного и того же документа в разные дела, подкладывать более поздний документ к ранней дате, на основании того, что он был доработан согласно решению, принятому в этот день, и т.п. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 970.

³¹⁹ Там же. Л. 80–91.

³²⁰ Там же. Л. 80–81.

³²¹ Там же. Л. 90–91.

³²² На июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС Каганович заявил: «Когда делегация готовилась к поездке, то обнаружилась печальная картина у нашего аппарата, в особенности в МИДе. Наша дипломатия, как марксистская, должна опираться не только на юриспруденцию. Конечно, и юридический подход важен и нужен, но как элемент политики. Но чтобы вести политику, надо знать социально-экономический строй страны, положение в деревне, в промышленности, в торговле, надо знать соотношение классовых сил, расстановку сил в аппарате, в государстве». «А когда мы начали разбирать это дело, – продолжил Каганович, – и должны были дать ответ на вопрос – что же такое Югославия – буржуазная или небуржуазная страна – и потребовали необходимые материалы, то собрали их помимо МИДа. Но МИД-то как марксистский орган должен иметь эти данные по всем странам. К сожалению, их не оказалось у нашего МИДа». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 180. Л. 171 об.: Пленум ЦК КПСС. Июль 1955 г.

БУРНОЕ РАЗВИТИЕ НОРМАЛИЗАЦИИ
(май 1955 – июнь 1956 года)

1. «Этот подход, как и любая пропаганда такого рода, будет иметь для них плохие последствия, ибо факты выявят его лживость»*
(26 мая – 2 июня 1955 года)

Доступные документы из югославских архивов свидетельствуют, что югославские руководители не имели заслуживавшей доверия информации об ослаблении влияния В.М. Молотова весной 1955 г. По всей вероятности, им очень хотелось в это верить, и недавняя заочная полемика в «Правде» между И. Броз Тито и анонимным «обозревателем» вселяла надежду. Югославские дипломаты в разговорах с западными коллегами о предстоявшем приезде советской делегации в их страну многозначительно акцентировали внимание собеседников на отсутствие в ее рядах Молотова, намекая на закат карьеры «сталинского министра»¹. Однако полной уверенности в Белграде все-таки не было. Во внешнеполитические службы ФНРЮ поступила информация о том, что члены австрийской делегации на последнем этапе переговоров в Москве считали «позицию Молотова весьма прочной... Молотов суверенно вел все переговоры с русской стороны, вносил изменения в советскую позицию, не требуя времени на размышления и консультации». В отличие от А.И. Микояна, который также принимал участие в обсуждении некоторых экономических вопросов, указывалось в информации, «Молотов все держал в своих руках»².

Весной 1955 г. не было заметно и внешних признаков опалы Молотова, таких, как болезнь или отсутствие на официальных торжествах, которые, вслед за советологами того времени, югославская сторона могла бы истолковать в подобном ключе. Всегда склонное к закрытости, советское руководство и перед поезд-

* Из телеграммы внешнеполитического ведомства ФНРЮ главам югославских диппредставительств о выступлении Н.С. Хрущева на Белградском аэродроме 26 мая 1955 г.

кой в Югославию предпочитало не афишировать разногласия среди членов Президиума. О них, по всей вероятности, не догадывались даже члены ЦК КПСС. Сама версия о закоснелом в прошлом Молотове, противодействовавшем Хрущеву, который-де стремился вернуть Тито в «братский союз социалистических стран во главе с КПСС», получила распространение позже, в июле 1955 г. Именно тогда на пленуме ЦК КПСС Микоян и Хрущев напомнили о том, как весной на одном из обсуждений югославского вопроса в Президиуме ЦК он якобы в пылу дискуссии назвал Югославию «страной фашистов»³.

26 мая 1955 г. Молотов вместе с Ворошиловым, Кагановичем, Маленковым, Первухиным, Поспеловым и Суловым провожал советскую делегацию на правительственном аэродроме Внуково. В проводах участвовал временный поверенный в делах ФНРЮ Б. Осолник⁴. Самолет взял курс на Белград, оставляя Курск чуть справа, а Киев слева. Большую часть полетного времени советская делегация потратила на обдумывание последовательности действий и знакомство с документами. Особое внимание уделялось чтению характеристик на югославских руководителях. Их попеременно зачитывали Хрущев и Булганин. Как несколько позднее рассказывал Микоян, члены советской делегации якобы «не имели возможности в Москве прочитать личные характеристики на югославских деятелей... и были приятно поражены... Происхождение и дела этих людей сделали бы честь членам многих центральных комитетов многих коммунистических партий»⁵.

Тито – из семьи среднего крестьянина, сам рабочий-слесарь. Ранкович – из семьи рабочего, сам рабочий, за спиной «каторга, побег из тюрем, нелегальщина», – перекрикивая шум моторов, сообщал Хрущев. Кардель – из семьи портного, с 16 лет в комсомоле, шесть раз арестовывался и сидел в тюрьме, «считался до разрыва (1948 г. – А.Е.) наиболее теоретически подготовленным», «начитанный, но не теоретик и легко, и больше других путается теперь в идеологических вопросах», – вторил Хрущеву Н.А. Булганин. Гошняк – министр обороны, рабочий-столяр; Колишевский – секретарь ЦК Македонии, из рабочей семьи и сам рабочий-металлист; Веселинов – премьер-министр Сербии, 10 лет работал в России, «он нам – как брат, друг»; Влахович – работа в КИМе и Коминтерне в Москве до и во время войны; Пияде – член партии с 1919 г., был на каторге 15 лет, где перевел на сербский язык «Капитал» Маркса. Некоторое сомнение вызвали Светозар Вукманович («интеллигент, кончил Белградский университет») и Коча Попович (из буржуазной семьи). Но первый «в период войны организовал партизанское движение в Боснии и им руководил. Чем плохой?» Второй – «был в Испании во время вой-

ны, руководил партизанским движением в Сербии». «Что же тут плохого, хоть он и буржуазного происхождения, если человек идет на войну и смывает пятно своего происхождения? Он же не выбирал своих родителей и социального положения родителей»⁶, – вспоминал общий настрой и комментарии членов советской делегации по отношению к тем, с кем предстояло встречаться в ближайшие часы, А.И. Микоян.

Полетные часы пробежали незаметно. Уже далеко за полдень, около четырех пополудни, радары югославских ВВС «засекли» нарушение воздушной границы со стороны Румынии. Вскоре обнаруженный диспетчерами объект, приобрел очертания давно невиданного в югославском воздушном пространстве советского правительственного «Ила». Наземные службы аэропорта наладили связь с его экипажем. В 16 час. 30 мин. первый из трех ожидаемых советских самолетов приземлился на посадочной площадке аэродрома Земун – пригорода югославской столицы. Его экипаж не выполнил указания службы парковки, принявшей самолет за грузовой, проследовать к тому месту, где по предварительной договоренности между Серовым и Ранковичем полагалось выгружать багаж. Неожиданно для всех этот «борт» отрулил на место, зарезервированное для главного самолета советской делегации. Пилоты заглушили двигатели и отключили связь с диспетчерской службой. Двери и люки самолета оставались закрытыми. Второй советский «Ил» оказался на посадочной полосе ровно в 17 часов. В то время как он еще продолжал движение, первый самолет вырулил к месту, предназначенному для встречи советской делегации. На спешно поданном к двери трапе появились Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев. Высшее советское руководство полчаса провело в душном салоне, подглядывая из иллюминаторов за приездом руководителей Югославии и последними приготовлениями к встрече. Югославская сторона сделала вывод, что подобное поведение было либо предложено службой охраны советской делегации ввиду недоверия к безопасности воздушного пространства ФНРЮ, либо потому что Хрущев и остальные еще раз проверяли правильность решения прилететь в Белград⁷. Версия о том, что кому-то из советских вождей стало плохо в результате длительного перелета, сопряженного с обычными алкогольными перегрузками (все это время с ним мог работать медицинский персонал), в силу серьезности события, даже не рассматривалась.

Почти сбегав по трапу, Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев немедленно, чтобы у всех присутствовавших не оставалось сомнений в том, кто является главой делегации, подошел к небольшой трибуне (положение действительно было двусмысленным: визит назывался государственным и в состав деле-

гации входил Председатель Правительства⁸). Он достал текст заготовленного выступления, который знал почти наизусть. Никита Сергеевич громко произносил согласованные на Президиуме ЦК фразы о желании возобновления сотрудничества между двумя странами. Напомнив о первых послевоенных годах, когда «сложились самые лучшие отношения между народами Советского Союза и Югославии, между нашими государствами и партиями», лидер КПСС скороговоркой произнес, что «в последующем эти добрые отношения были нарушены». Далее он впервые дал публичную оценку конфликту 1948 г.: «Мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отмечаем все наслоения этого периода».

Введение в текст расплывчатого понятия «наслоения» дало возможность советской стороне вернуться к версии о «провокационной роли Берия, Абакумова и других», изложенной в первом письме ЦК КПСС от 22 июня 1954 г. «Мы обстоятельно изучили материалы, – продолжил Хрущев, – на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии. Факты показывают, что эти материалы были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии». Выразив «глубокую убежденность, что период, когда отношения были омрачены, остался позади», спустившийся с небес в несколько помятом светлом костюме советский коммунистический лидер заявил о готовности «сделать все необходимое, чтобы устранить все препятствия, мешающие полной нормализации отношений между нашими государствами, укреплению дружественных отношений между народами». Говоря «о достигнутых определенных успехах в нормализации», он выразил уверенность в том, что предстоящие переговоры приведут «к развитию и укреплению» политического, экономического и культурного сотрудничества. Была названа и цель приезда делегации, имеющей полномочия от Президиума Верховного Совета и ЦК КПСС, – «по-братски обсудить все назревшие вопросы».

Казалось бы, упоминания ЦК КПСС в контексте решения Президиума Верховного Совета вполне достаточно, и на этом можно завершить выступление. Однако вопреки договоренности, достигнутой еще после обмена первыми письмами в 1954 г., Хрущев продолжил чтение домашней заготовки, назвав прибывшую делегацию «представителями КПСС», считающими «желательным установление взаимного доверия между нашими партиями». Далее он еще усилил «партийную составляющую» часть визита, заявив о желательности «сделать все возможное для установления взаимопонимания между КПСС и СКЮ на основе учения марксизма-ленинизма». По традиции коммунистической про-

паганды эти цели были облечены в высокопарные фразы об «интересах рабочих и крестьян, международного рабочего движения и общих целях борьбы за укрепление мира, за лучшее будущее человечества». Выступая сначала в роли государственного деятеля, Хрущев за время чтения речи вошел в образ лидера мирового коммунистического движения. Он завершил ее несколькими штампованными лозунгами, в том числе о «братской дружбе и тесном сотрудничестве народов Советского Союза и Югославии».

Выслушав Н.С. Хрущева, югославские эксперты поняли, почему советская сторона, соглашаясь со всеми предложениями по программе и содержанию визита, настаивала на присутствии журналистов и иностранных дипломатов на аэродроме⁹. Сам оратор, повернувшись к хозяевам, застыл в выжидательной позе, словно приглашая к микрофону И. Броз Тито. Все присутствовавшие при встрече были заинтригованы, но задуманного на Старой площади спектакля с «братанием» не получилось. Поведение Тито по окончании выступления лидера советских коммунистов было столь же театрализованным и не менее эффективным. «Все хорошо понимают по-русски. Перевода не требуется», – остановив переводчика, бросил окружающим югославский лидер и «величественным жестом» пригласил гостей к автомашинам¹⁰. Об ответном слове никто и не вспомнил.

В докладе на Президиуме ЦК КПСС 6 июня о визите и его итогах Хрущев попытался представить эпизод на аэродроме как свою первую победу еще до начала переговоров: «Речь в окаменение привела. Не хотел продлить, неприятно. В точку попала. Как это гость не согласовал речь с хозяином»¹¹. Однако со стороны произошедшее выглядело как публичные извинения представителя СССР и КПСС за годы многолетнего конфликта, которые были приняты к сведению югославским руководством. Именно так это выступление и вошло в историю. Впоследствии, когда уже не надо было выдумывать детали, подтверждавшие необходимость и успешность визита, Хрущев вспоминал о первых минутах пребывания в Югославии совершенно иначе: «Я, признаться, был несколько разочарован таким приемом. Ведь в нашей стране группировки, выступавшие против восстановления добрых отношений, были довольно сильными, и холодный прием в Белграде мог быть расценен как враждебное недружелюбие и отбросить нас назад. Но что делать?»¹² Свою версию восприятия И. Броз Тито выступления Хрущева дал и некогда официальный биограф югославского лидера В. Дедиер: «Во время речи Хрущева Тито никак себя не проявил. Выражение его лица оставалось ледяным. По сути, он был неудовлетворен тем, что сказал Хрущев. В особенности его позицией относительно причин конфли-

кта. Когда Хрущев завершил выступление, его ожидал неприятный сюрприз: Тито остался холоден и вообще ему не ответил»¹³.

Церемония встречи оказалась скромна. Кортёж открытых автомашин, в которых вперемешку сидели советские и югославские руководители, двинулся в направлении правительственной резиденции. На него с любопытством смотрели белградцы. Югославская пропаганда еще с 14 мая умело подогревала их интерес к происходившему, тонко подавая через СМИ тезис о победе Тито и его сторонников в многолетнем противостоянии сталинизму, и вообще советская тема не сходила со страниц югославских газет. В этом стиле 19 мая печать сдержанно, хотя и не без гордости, прокомментировала передовую статью советской газеты «Правда» от 18 мая, где признавался социалистический характер общественного устройства Югославии. В день начала визита в белградских выпусках центральных газет (и в «Политике», и в «Борбе») сообщалось об ожидаемом времени прибытия советских гостей и публиковалось обращение городского комитета ССТНЮ к горожанам принять участие во встрече советской правительственной делегации.

Запруженные жителями улицы и нередкие остановки по пути (когда слышались особо восторженные приветствия в адрес Тито и СКЮ, автомобиль с югославским президентом притормаживал) смутили гостей. Необычным было уже то, что они ехали не в привычных для них бронированных лимузинах, которые неслись по улицам, словно их высокопоставленные пассажиры ежеминутно ожидали покушений, а в автомашинах с открытым верхом, куда время от времени девушки бросали цветы. К тому же среди декламаций собравшихся не было слышно восторженных приветствий в адрес советских руководителей, СССР и КПСС. Особенно ярким оказался эпизод переезда кортежа через старый земунский мост через Дунай, когда жители особенно дружно скандировали «Тито – герой!», не уделяя при этом никакого внимания сидевшему рядом с ним Первому секретарю ЦК КПСС¹⁴. Разговор в автомобиле явно не складывался. Впоследствии, 6 июня, в докладе на Президиуме ЦК Хрущев представил путь от аэродрома до резиденции следующим образом: «Расписали кому с кем ехать. По всей трассе – милиция и люди. Все было разыграно. Расставлены организаторы. Говорили: народ же – надо подготовить народ. Когда ехали: улыбался и разговаривал. Симпатии в народе большие. Живут плохо, одеты плохо»¹⁵.

После приезда в резиденцию Тито в Топчидере (в живописном пригородном парке Белграда), члены советской делегации провели краткое совещание, тут же окрещенное теми, кто по долгу службы пристально отслеживал каждый шаг гостей, совещанием «под сенью старых дубов». Несмотря на принятые меры

предосторожности все подробности этой «секретной летучки» вне стен здания, стали немедленно известны хорошо подготовившимся к наблюдению за гостями хозяевам. Отдельные участники совещания даже предлагали Хрущеву безотлагательно вернуться в Москву, но советский лидер, после некоторых колебаний, принял решение продолжить визит¹⁶. Позже, рассказывая на упомянутом заседании Президиума ЦК о первом дне пребывания в Белграде, Никита Сергеевич заметил: «Привезли во дворец. Парк хороший. Рядом дворец Петра (крытый соломой). Вручили протокол: знали, что нам делать. Визит: протокольный. Обед (у Тито): узкий круг, непринужденно»¹⁷. Очевидно, именно этот обед несколько успокоил советских руководителей и сгладил их нервозность¹⁸. Стресс на аэродроме оказался столь силен, что они даже не обратили внимание на то, что в своих чесучевых летних костюмах выглядели чужаковато рядом с элегантно одетыми югославскими руководителями и их женами, появившимися перед гостями в вечерних нарядах и дорогих украшениях¹⁹.

Тито и другие члены высшего руководства ФНРЮ и СКЮ могли быть довольны результатами первых контактов на югославской земле. За исключением того, что Хрущев в выступлении на аэродроме, характеризуя Берию, использовал примерно те же эпитеты, которыми еще не так давно в странах Информбюро «награждались» «Тито и его клика», не имелось серьезных причин для особого недовольства. В словах советского лидера не просматривалось прямого нарушения договоренностей переписки 1954 г. Отсутствовал в них и призыв к возобновлению прочных связей между партиями, а всего лишь содержалось обращение по поводу «желательности установления взаимного доверия» и «достижения полного взаимопонимания». Напомним: еще в письме ЦК СКЮ от 11 августа 1954 г. его авторы согласились с тем, что рассуждения о «провокационной роли Берии в конфликте» – внутреннее дело советского руководства, и то, что советский лидер высказал эту точку зрения публично, ничего не меняло. Отказ Тито в ответном выступлении дать какой-то комментарий советской позиции стал продолжением старой линии югославской стороны. Она по-прежнему стремилась вести себя так, что нормализация нужна именно Москве, а Белград лишь отвечает взаимностью, имея в виду помочь ослаблению напряженности в регионе.

Экспромт Хрущева на аэродроме был растиражирован в местных средствах массовой информации: вечером того же дня белградское радио воспроизвело аудиозапись, а утром газеты опубликовали его полный текст. Несколько позднее стало известно о реакции западных СМИ, присутствия которых на аэродроме так добивалась советская сторона. Они подтверждали верность ли-

нии поведения, выбранной Тито. В частности, посол ФНРЮ в Швеции сообщил из Стокгольма, что «выступление Хрущева о причинах разрыва и его извинение вся пресса оценивает как неполитическое и аморальное»²⁰.

Разъяснение смысла публичного выступления главы советской делегации требовалось прежде всего представителям ФНРЮ за рубежом. В депешах внешнеполитического ведомства Югославии, направленных в зарубежные миссии утром следующего дня²¹, указывалось, что сказанное Хрущевым не было согласовано с югославской стороной и является позицией советского правительства, за которую «мы ответственности не несем, и она лишь осложнит успешное проведение переговоров в Белграде». В Госсекретариате по иностранным делам считали, что это заявление и по сути, и по форме изложения выявило «амбиции, которые основываются на нереальной оценке нашей позиции». «Этот подход, как и любая пропаганда подобного рода, – отмечалось в депеше, – будет иметь плохие последствия для них, так как факты выявят его лживость».

Впрочем, в ГСИД не исключали, что спич Хрущева может являться «частью полемики» с Дж.Ф. Даллесом по поводу приезда советской делегации в Белград, которую лидеры СССР и США «пытаются вести за нашей спиной». Сутью упомянутой полемики, считали в ФНРЮ, является то, что Даллес призывает Югославию «принять на себя обязательства в сохранении независимости» от восточного блока, а «Хрущев пытается доказать, что наши намерения и цели совпадают с советскими намерениями и целями». В телеграмме ГСИД подчеркивалось, что «советской пропаганде помогает та часть западной прессы, которая стремится представить встречу в Белграде как успех Советского Союза, произошедший в результате его инициативных действий, как ослабление независимых позиций Югославии в отношении Советского Союза и т.п.» Установка Белграда была однозначна: «Сегодня, еще больше чем когда-либо, смешно говорить о всемогуществе русских и нашей слабости. Именно сейчас видно, что наша страна, оказавшаяся в начале столкновения в значительно более слабом положении, вышла победительницей из борьбы, продолжавшейся семь лет». Телеграмма излучала уверенность в том, что «в странах восточного блока и компартиях западных стран выступление Хрущева будет иметь огромный, неблагоприятный для руководителей СССР отклик»²².

Следующий день 27 мая начался для советской делегации рано. До начала переговоров были возложены венки «от правительственной делегации Советского Союза» в тех местах в Белграде и его окрестностях, где имелись памятные знаки, установленные после 1945 г. в связи с советским участием в борьбе с гит-

леровцами на территории Югославии. Кроме соблюдения протокольных моментов в подобных мероприятиях значение придавалось и надписям на ленточках венков, кои символизировали завершение полемики прошлых лет. Советская сторона признавала таким образом как участие югославских руководителей в борьбе против фашизма, так и напоминала о совместных боях при освобождении Белграда осенью 1944 г.²³ В свою очередь согласие руководства ФНРЮ на данный пункт повестки дня в ходе визита советской делегации означало его отказ от утверждений о том, что Югославия будто бы была освобождена в 1944–1945 гг. без участия Красной Армии и даже вопреки желаниям Москвы.

В 10 час. 40 мин. утра началась официальная встреча делегаций во Дворце Гвардии. Самим выбором места проведения переговоров югославская сторона заготовила еще один сюрприз Хрущеву и его коллегам. Именно здесь в июле 1948 г. состоялся V съезд КПЮ, на котором делегаты одобрили решительное «нет» Тито и Политбюро ЦК КПЮ, сказанное в ответ на обвинения из Москвы. Именно в этом здании делегаты поддержали его лозунгами «Товарищ Тито, клянемся, что не свернем с твоего пути» и «Чем больше выливают на Тито клеветы и лжи, тем он нам милее и дороже». С тех пор дворец превратился в символ победы югославского руководства в недавнем конфликте, и согласие советской стороны (нет данных, что в Москве задумывались об этом) вести переговоры именно в нем несомненно укрепляло авторитет Тито в СКЮ и стране.

Перед самым началом заседания Хрущев предложил ограничить число участников переговоров, оставив всего лишь по пять человек из каждой делегации при двух переводчиках. С югославской стороны переводчиком был участник народно-освободительной борьбы с первых дней восстания КПЮ против оккупантов, глава кафедры славистики Белградского университета Радован Лалич. В то же время югославские эксперты (А. Милатович, А. Вратуша и М. Зец), готовившие югославскому руководству материалы для встречи, в зал допущены не были. Как отмечал один из них, экспертов не привлекали даже для консультаций и, таким образом, подготовленные справочные материалы остались не тронутыми²⁴.

О ходе переговоров сохранилось несколько свидетельств в виде отчета советской делегации, нескольких выступлений Хрущева на заседаниях Президиума ЦК, а также его речь и выступления остальных участников визита на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г. Среди югославских материалов имеется достаточно подробное изложение хода визита, сделанное В. Дедиером на основе неопубликованных дневниковых записей одного из представителей на переговорах²⁵, а также варианты описаний в ряде

югославских публикаций. Их авторы, без ссылок на источник, весьма подробно цитировали выступления участников встречи. Наиболее достоверной из доступных материалов является имеющаяся в фонде ЦК СКЮ Архива Сербии и Черногории расшифровка (на ста сорока двух страницах) магнитофонной записи, озаглавленной «Ход советско-югославских переговоров»²⁶, которая позволяет восстановить большую часть официальных бесед членов двух делегаций.

Значение личной встречи лидеров обеих стран после пятилетнего периода вражды и резких взаимных обвинений сложно было переоценить. По версии Хрущева, советская и югославская стороны заранее согласовали ход переговоров. В устном отчете 6 июня Хрущев упоминал об этом дважды: «Процедура была обсуждена. Три вопроса: государственный, экономический, партийный»; «Условились о порядке рассмотрения вопросов (наше предложение было принято)»²⁷. Встреча началась с выступления И. Броз Тито. Его тон был деловым, без словесных вывертов, «наступательным и бескомпромиссным», как и обещал Кардель на совещании Президиума Исполкома ЦК СКЮ 13 мая. Он с первых слов расставил акценты, дав понять собеседникам, что в Югославии не намерены уподобляться руководителям стран Восточной Европы и воспринимать Советский Союз как безусловного лидера и «старшего брата». Глава ФНРЮ и СКЮ приветствовал членов советской делегации всего лишь в качестве «руководителей великого государства, которое первое в мире провело пролетарскую революцию и пошло новым путем». В таком же тоне Тито определил задачи начавшихся переговоров, которые, по его мнению, состояли в том, чтобы «рассмотреть некоторые вопросы международного положения и наших взаимных отношений». В выступлении отсутствовали слова о «дружбе и взаимности». Акцент ставился на вкладе в улучшение международного климата, ибо современное положение, по замечанию югославского руководителя, требовало «объединить все силы с тем, чтобы способствовать делу мира и чтобы, так сказать, была установлена дружба... как между нашими народами, так и во всем мире»²⁸.

И. Броз Тито определил и цель переговоров, заметив, что несмотря на наличие «разных препятствий, которые не могут быть решены сразу же за этим столом», следует «согласовать принципы наших будущих отношений». Он дал понять собеседникам, что Югославия не откажется от независимой политики: «Мы не оглядывались на то, кто что думает в других странах, а следовали собственным целям по нашему собственному пути в согласии с нашими основополагающими убеждениями жить в дружбе со всеми народами и, конечно, в первую очередь с советским народом». При этом Тито напомнил и об общих основах двусторонних

отношений: «Мы имели в прошлом много совместного, много тяжелых моментов, много красивых побед, но позднее было и недопонимание». Однако он тут же выразил уверенность, что «все эти проблемы будут сняты с повестки дня». Многообещающе назвав собеседников «товарищами», руководитель Югославии от имени своей делегации призвал их «поверить в нашу открытость и желание того, чтобы наши переговоры, ведущиеся со всей откровенностью, увенчались успехом»²⁹.

Затем слово было предоставлено Хрущеву. Впоследствии в Москве он так пояснил начало переговоров: «Нам предоставили слово. Наша позиция – в речи. Стали излагать вопросы (по директивам)»³⁰. Поэтому советский лидер заговорил как бы в развитие тезисов своего выступления на аэродроме и прежде всего сообщил о том, что советская делегация «уполномочена вести переговоры от имени Советского Союза, ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета Советского Союза». После этого в унисон с Тито, Хрущев назвал своих собеседников «товарищами»³¹.

Никита Сергеевич подробно рассказывал о сложности урегулирования споров, которые всегда «легче создать, чем погасить». После этого была произнесена достаточно невразумительная фраза, – из нее можно было понять, что глава советской делегации недавно познакомился с теориями конфликтов. Свои общие знания по конфликтологии он попытался применить к советско-югославскому разрыву конца 40-х годов. Хрущев заметил, что, как правило, конфликты возникали вследствие случайных причин. Поэтому если своевременно совместно прилагать усилия, то «возможно не только предотвратить эти конфликты, но их и потушить». Далее он постарался убедить югославов в собственном геройстве и смелости членов возглавляемой им делегации, согласившихся на проведение встречи и приезд в Белград. Первый секретарь ЦК КПСС указал, что «в Советском Союзе..., когда определялась наша делегация за приезд сюда... есть такие люди, которые спрашивают, почему... нужно ли это... почему в Югославию... как вас примут... что это за такая “великая” страна и для чего все это?» Не без самовосхваления Хрущев заметил: «Мы все это выбросили из головы... Необходимо смотреть в суть вещей и видеть дальше, чем проявление... какой-то личной амбиции или самолюбия. Все это следует отбросить... так как мы влияем на судьбы и исторические события, на нас ложится ответственность за взаимные отношения между братскими государствами и за вопросы международной политики»³².

Следующая фраза советского руководителя прояснила побудительные мотивы встречи: «Мы хотим действовать с позиций государственных деятелей и руководителей коммунистического рабочего движения. Мы отбросили все. Мы поняли, согласились

с вашим ответным письмом, в котором вы выразили желание встретиться где-либо на Дунае или в Белграде». «Я понимаю, – продолжил Никита Сергеевич, – что вам было тяжелее приехать к нам, чем нам к вам. И поэтому после рассмотрения этого вопроса все дружно сказали... лучше поехать в Белград и открыто рассказать о том, как мы смотрим на состояние дел, отбрасывая сложившееся и стремясь найти полное взаимопонимание». «Я думаю, что вы правильно поймете наши поступки, – подытожил советский деятель. – Мы, товарищи, должны иметь в виду взаимные обвинения, которые, как вы понимаете, не были достойными, так как мы не остались в долгу друг перед другом. Но, признаю, что огонь, и при этом недостойный, был открыт с нашей стороны, поэтому мы и должны первыми сказать, что надо огонь прекратить. И поэтому мы сделали откровенное заявление»³³.

Данная фраза, видимо, была произнесена Первым секретарем ЦК КПСС для того, чтобы обеспечить хороший старт переговорам, так как советская сторона признала свою ответственность за начало советско-югославского конфликта и давала хотя и весьма неловкое, но все же объяснение экспромту Хрущева на аэродроме. По всей вероятности, именно это позволило югославам не прерывать докладчика, хотя его слова: «все дружно сказали» о необходимости лететь в Белград – явно противоречили произнесенному несколько ранее заявлению об отсутствии в Советском Союзе единства по югославскому вопросу.

Далее Хрущев, продолжая жонглирование фактами, рассказал о «тяжелом периоде» советской истории, связанном с «ролью Берии». Однако и тут не обошлось без передержек. Напомнив Э. Карделю его опыт пребывания в Советском Союзе в 1937 г. (в действительности Л.П. Берия встал во главе госбезопасности только в декабре того года)³⁴, лидер КПСС попытался связать все репрессии в СССР с Берией и Абакумовым. «Мы потеряли много и честных, и очень хороших людей, – отметил он. – Нам пришлось освобождать тысячи людей и вновь принимать их в партию». По мнению Хрущева, это «свидетельствовало о том, как глубоко разведывательная служба проникла в ряды партии и добралась до самых ее руководящих верхов». Он заявил, что «после смерти Сталина, когда эта деятельность была развита до невозможности и когда эти явления стали очевидны и понятны,... нам были развязаны руки... мы получили доступ к документам, которые проанализировали». Вслед за этим Хрущев попытался приравнять позицию Югославии в конфликте 1948 г. к «сопротивлению советского руководства» действиям Берии. Вербовку советской разведкой югославских офицеров и «даже генералов» во второй половине 40-х годов при существовавших в то время «дружеских отношениях» между странами советский лидер признал недопустимой³⁵. В

его выступлении прозвучали слова одобрения действиям Сталина, который (после разговора с К. Готвальдом) сделал вывод из советско-югославского разрыва и отдал приказ спецслужбам не вести вербовочных операций в Восточной Европе³⁶.

Энергичный Никита Сергеевич не остановился и перед расшаркиванием в отношении собеседников, стремясь продемонстрировать полное к ним доверие, что выразил по-своему. Грубо выругавшись, он бросил делавшему пометки К. Поповичу, что тот «может все написать, что хочет и отредактировать». И полилась лесть, искусно использованная для определения целей визита, которая была перенесена на всех югославских участников встречи: «Мы приехали не торговаться, а приехали к своим людям. Вне зависимости от того, договоримся мы или нет по идеологическим вопросам, по государственным вопросам мы должны решить бесспорно и обязательно, так как мы взаимно допустили между вами и нами то, что нельзя терпеть между соседними государствами. Поэтому нужно снять эти вопросы, эту горечь и злобные обвинения»³⁷. При некоторой искусственности данной фразы о соседстве Югославии и СССР, она стала заявкой программы-минимум («снять вопросы по государственной линии») на переговорах при обозначении и программы-максимум («договориться по идеологическим вопросам»). Серия очередных очевидных тактических отступлений советской стороны, сделанных в первый день переговоров, не была завершена. Во время обмена мнениями в первой половине дня Хрущев принял объяснение Тито по вопросу об участии Югославии в Балканском пакте, заметив, что у СССР нет к этому претензий³⁸.

Вслед за этим, оправившись от холодного югославского приема в первые часы прилета, Первый секретарь ЦК КПСС вернулся к главному для него вопросу – партийным контактам. И в первый, и во второй день он несколько раз возвращался к обсуждению возможности достижения той цели, ради которой он, собственно, и появился в Белграде. Упоминание партии было основным рефреном всех его высказываний, нитью, связывающей довольно разбросанный ход обсуждений в течение двухдневной встречи.

Отступление советской делегации от разработанного на Старой площади в Москве порядка рассмотрения вопросов, отсутствие традиций подобных встреч, непривычная для лидеров СССР атмосфера независимого, равноправного поведения партнеров в сочетании с нагромождением скопившихся за многие годы проблем в двусторонних отношениях и естественным волнением самих участников встречи (советские представители имели основания подозревать, что им не верят, а югославам, также не без оснований, казалось, что их пытаются обмануть)³⁹ привели к тому,

что многие вопросы собеседники поднимали неоднократно, не завершив обсуждение одного, переходили к другому, возвращаясь к уже оговоренному. Для югославской стороны это не стало неожиданностью, ибо подобная манера напоминала стиль советских писем в 1954 г. В частности, в начале второго дня переговоров стороны вернулись к выяснению ряда спорных вопросов двусторонних отношений, среди которых звучала тема смешанных советско-югославских экономических обществ и концессий, предоставленных СССР после 1945 г. Затем Хрущев вновь рассказывал о Сталине, Готвальде, восприятии советским руководством в последние годы внешней и внутренней политики Югославии⁴⁰.

После повторного выступления Тито вслед за затянувшимися высказываниями Хрущева слово получили и остальные члены советской делегации⁴¹, которые порой не останавливались и перед откровенным искажением общеизвестных фактов в угоду создания у собеседников лучшего представления о своей позиции в советско-югославском конфликте 1948 г.⁴² Текст расшифровки магнитофонной записи переговоров демонстрирует, что если такие искажения вполне допускались, то искренние высказывания советских делегатов контролировались Никитой Сергеевичем весьма жестко. К примеру, когда при воспоминаниях о годах разрыва кто-то начал говорить о том, что «мы боялись, что вы пойдете путем политических уступок», Первый секретарь ЦК КПСС прервал говорившего и вновь свел все произошедшее «к роли провокаторов», дезинформировавших Кремль. Он заявил, что «мы не только боялись, но и даже имели информацию с указанием размещения у вас баз»⁴³.

Отношение к И.В. Сталину и его деяниям оказалось на переговорах одним из горячих и спорных вопросов. Полемика возникла при обсуждении причин разрыва 1948 г.⁴⁴ Советская делегация, в соответствии с согласованными решениями Президиума ЦК КПСС, упорно пыталась добиться от собеседников согласия с принципом разделения всей деятельности И.В. Сталина на два этапа – необходимости различать действия «выдающегося деятеля» и ошибочные деяния стареющего руководителя, попавшего под влияние Берию. Хрущев и члены делегации защищали имя и дело Сталина по любому поводу и даже обходясь без такового. Однако оборона выстраивалась таким образом, что оставались лазейки для сомнения в искренности советских высказываний. «Мы сейчас различно относимся к Сталину... мы не будем оставлять этот вопрос сейчас в стороне при существовании больших несогласий с очень неприятными моментами в действиях товарища Сталина, – указывал Хрущев. – Но без сомнения, он был безгранично предан делу рабочего класса, безгранично. И он все же был гениальный человек». Лидер КПСС признал: «В последние

годы жизни, когда Сталин начинал формулировать некоторые вопросы... но он был, знаете, какой блеск мысли, ясности, вразумительности. Здесь не нужно..., вы это понимаете, навязывать свои понятия, но мы вам говорим о своем отношении. Но вы и сами видите, хотя мы об этом не говорили, мы очень много сделали после смерти Сталина по исправлению его действий. Мы не говорим о том, что мы поправляем Сталина. Это было бы глупо. Я считаю, что об этом было бы глупо говорить».

Несмотря на очевидную неудачу действий по защите Сталина советской делегацией, югославская сторона отнюдь не настаивала на его немедленном развенчании. Объяснения главы делегации даже нашли некоторую поддержку Тито в брошенной им фразе: «Мы это понимаем»⁴⁵. Данный подход хозяев благоприятствовал тому, что по прошествии некоторого времени советские руководители все же более серьезно объяснили свое нежелание дать честную и открытую оценку деятельности Сталина. «Это нанесло бы ущерб нашему марксистско-ленинскому лагерю. Это ослабление, – заявил Хрущев. – Для чего оголяться перед врагом и показывать некоторые свои недостатки? Это было бы глупо... К тому же не следует судить человека по тем этапам его жизни, в которых у него проявлялись слабости». Он не скрывал, что «хотя они (слабости. – А.Е.) находили выражение, и при этом в очень острой форме, забывать всю его деятельность не следует». Хрущев напомнил, что «после смерти Ленина под руководством Сталина мы сохранили государство, провели большое дело индустриализации, “огромную коллективизацию”, “партия воспитала свои многочисленные кадры, провела мобилизацию и мы выдержали войну”», и вновь привел свой собственный пример, уверяя, что терпел от Сталина личные обиды «гораздо больше, чем югославское руководство». Он также вспомнил встречу советских руководителей в конце декабря 1954 г. в Москве с Тодоровичем, когда тому было «прямо и ясно» сказано, что «мы имеем свое особое отношение (к Сталину. – А.Е.), в котором отличаемся от вас». В надежде больше не обсуждать действия Сталина, Хрущев заметил: «Я считаю, что было неправильным... наше дальнейшее расхождение по этому вопросу и его вынесение наружу. Я даже полагаю, что это вряд ли поможет вам и будет в ваших интересах». И все же Первый секретарь ЦК КПСС предпочел не защищать огульно Сталина, а согласиться с частью конкретных югославских претензий; в том числе относительно того, что югославские коммунисты не были поставлены им в известность о достигнутых в 1945 г. договоренностях о разделе «сфер влияния» на Балканах. Он согласился с репликой А.И. Микояна о том, что «с Ялтой... Сталин мог поставить дело по-другому». Когда же Хрущев заметил, что его позиция в защиту Сталина доверия у собеседников не вызвала, то высказался прямо:

«Не нужно быть слишком умным, чтобы понять, что вы хотите... Мы вам говорим, мы не хотим сейчас Сталина ставить под удар и мы будем за него бороться, потому что считаем, что в этом нет пользы...»⁴⁶

Откровенный обмен мнениями во время встреч 27–28 мая во многом помог обеим сторонам терпимее отнестись к подходам друг друга и их интерпретациям. При разъяснении действий югославского руководства в вопросах внешней и внутренней политики в последние годы советскую делегацию подкупило высказывание Тито о собственной революционной деятельности и идеалах, которые он не продаст за деньги, прозвучавшее в ответ на недавние обвинения в продаже Югославии Западу. «Меня и дьявол не заставил бы идти к другой системе... Я считаю себя составной частью идеи марксизма-ленинизма», – заверил югославский лидер⁴⁷.

Состоявшееся в эти дни обсуждение роли Берии в зарождении и развитии советско-югославского конфликта конца 40-х годов не ограничилось повторением позиций, изложенных в переписке лета 1954 г., и заявлением Хрущева на аэродроме в Белграде 26 мая. Первый секретарь ЦК КПСС попытался навязать югославскому руководству мнение о том, что личное влияние Берии на Сталина было безгранично, но он не пользовался авторитетом среди советских руководителей. «Товарищи, вы нам поверьте, что в отношении Берии существовала абсолютная нетерпимость, но тогда мы не могли открыться». Однако система доказательств Хрущева нередко страдала. К примеру, он напомнил об обвинениях против Берии в шпионаже в пользу Великобритании, подкрепив их ссылкой на внешнеполитические шаги Черчилля, который в мае 1953 г. предложил провести конференцию на высшем уровне. Доказательства приводились те же, что и в годы сталинских репрессий конца 30-х годов, когда Хрущев возглавлял московскую организацию ВКП(б). «Это не коммунист, это шпион, агент. Не случайно, что Черчилль упорно стремился к тому, чтобы после смерти Сталина состоялась встреча глав четырех государств. А когда мы арестовали Берию, Черчилль заявил, что упущен момент для встречи. Как это понимать? Я думаю, – сам себе ответил Никита Сергеевич, – что это нужно понимать так, что он являлся его агентом, мог влиять и на эту встречу благоприятным для английской политики образом»⁴⁸. Более логичное объяснение доверия Черчилля к Берии как постоянному участнику советско-британских контактов в ходе совместной борьбы против гитлеровской агрессии в годы Второй мировой войны Хрущева явно не устраивало.

По всей вероятности, Первый секретарь ЦК КПСС и сам понимал, что подобные доказательства не слишком убедительны.

Поэтому в дальнейшей беседе Хрущев пытался сыграть на том, что информацию, сообщаемую Тито и другим членам югославской делегации, он дает в товарищеском, «доверительном» порядке. «Вот, еще кое-что вам скажу, товарищ Тито. Одну вещь доверительную, что только на пленуме (в июле 1953 г. – А.Е.) было». После такого вступления последовала филиппика прегрешениям Берии, начиная от его «попыток подчинить партию» и завершая старанием уже под арестом «посеять раздоры в руководстве», в результате чего «даже писать ему запретили». Не скрывая гордости, Хрущев заметил, что прокурор «писал только то, что ему было нужно... показания такие, что у тех, у кого есть волосы, они “встают дыбом”». «Когда замирился, – пообещал Никита Сергеевич, – то и вы прочтете»⁴⁹.

Из расшифрованной магнитофонной записи встречи видно, как постепенно растапливался холодок недоверия, и советская сторона становилась в своих высказываниях все откровеннее. Хрущев вновь вернулся к истолкованию причин, побудивших его прилететь в Белград и выступить с речью на аэродроме⁵⁰: «Но я хочу, чтобы вы вошли и в наше положение. Мы не из-за слабости приехали сюда. Почему мы приехали? Злобствовали, злобствовали, называли вас фашистами и черт знает еще чем, потом приезжаем в таком составе. Слушайте, если бы у нас не было принципов, если мы не были бы марксистами и политиками, нам бы сейчас легче всего было бы продолжить старую линию, нам сейчас тяжелее это объяснить». Когда Хрущев терял логическую нить, он возвращался к своему выступлению на аэродроме. «Вы понимаете мое выступление у вас? Не знаю, как будете вы его оценивать? Мы его составили так, чтобы оно было понято и у нас, в нашей стране. Оно больше направлено нашей стране, потому что мы говорили, что вы фашисты, убийцы, что вы продажные души, вы агенты капитализма и черт вас знает что. Что вы немецкие шпионы, несмотря на то, что вы против них воевали – это абсурд. Я думаю то, что мы говорили, это ответ на ваши обвинения», – вдруг прекратил раскаяние Хрущев⁵¹.

В ответ изумленный Тито смог лишь произнести несколько слов: «Для нас ваше заявление просто неожиданно. Мы этого не ожидали...» Но тут же был сбит потоком фраз главы советской делегации: «Мы рассчитывали... как приедем... Сразу прочитают в нашей стране: приехали Хрущев, Булганин, Микоян, Шепилов, Громыко, Кумыкин и другие товарищи. Что это? Может быть, они сами предают позиции, может быть, даже и они сами продаются. Поскольку мы уже раньше сказали, что вы продались – только цену не знаем, не знаем, сколько вы получили за это, – значит, мы также пошли за вами, нам также понравилось. Нужно не только, чтобы мы поняли, но нужно, чтобы и наш народ, и партия поняли,

почему мы это совершили. И, по моему мнению, это правильно. Не только нашей партии, но нужно дать пищу и братским коммунистическим партиям». Затем, вероятно, вспомнив о подготовленной для членов делегации перед самым вылетом «Памятке», Никита Сергеевич без запинки продолжил: «Между собой мы уже договорились, но о моем выступлении с ними не договаривались. Мы договорились по принципиальным вопросам, и они одобрили. Более того, сказали, что это очень правильно»⁵².

Вслед за этим в столь же откровенной манере руководитель советских коммунистов изложил собственное видение политики Югославии в отношении Запада. Определяющий для нее фактор он нашел в состоянии экономики ФНРЮ: «По экономическим вопросам мы вас понимаем... Мы однажды между собой обсуждали, что сейчас Югославия будет использовать противоречия, существующие между нами и капиталистическим миром, так как она оказалась в сложном положении... Но для нас было особенно приятно убедиться в том, что она не предала свои принципы. В том случае если бы это случилось, мы сегодня не были вашими гостями. Для чего в таком случае нам приезжать к вам? Мы бы и дальше продолжали мобилизацию сил против вас. Значит, когда мы это увидели, но товарищи, не подумайте, что и мы были чистенькими, и мы заблуждались... не считайте, что мы однажды проснулись и сказали: до нынешнего дня руководство было фашистским, а сейчас перестало быть и затем мы к вам, после этого, приехали. Не так! Это процесс, я вам скажу, шел достаточно долго, шел потихоньку. Видите, к каким мы результатам пришли». «Что нам сейчас нужно. Я считаю, что мы в основном договорились», – неожиданно оборвал себя Никита Сергеевич, принеся извинения за длинное выступление⁵³, хотя извиняться следовало скорее за запутанность и нелогичность произнесенного спича.

После столь внешне взволнованных, но явно контролируемых высказываний, с советской стороны была предпринята попытка совершить перелом во встрече, взломать барьер взаимного недоверия за счет создания нового психологического климата последующих контактов. В ответ на путаные высказывания Хрущева прозвучали сдержанные слова Тито об удовлетворении его затянувшимся выступлением: «Ничего, ничего. Я думаю, и наши товарищи также считают, что здесь мы услышали много нового». А далее последовала реплика о полной открытости советской делегации, принадлежавшая, по всей вероятности, ее главе: «Видите, мы открыты. Понимаете ли вы, что мы откровенны с вами, как с братьями. Я считаю, что мы с вами еще не договорили, но я вижу, что мы можем друг другу верить. Поэтому мы разговариваем с вами так, как не разговариваем ни с кем другим, только с членами партии»⁵⁴.

Следует оставить на совести Хрущева его замечание об откровенности, однако этот трюк сыграл свою роль. Последовавший рассказ Тито о его личном опыте взаимоотношений с Берией стал одним из ключевых⁵⁵, сломавших атмосферу взаимной подозрительности на переговорах в Белграде. «Я хотел привести один маленький случай с Берией, – начал Тито. – Я Берию никогда...» «Он был циник», – вставил Хрущев. «Да циник, – подтвердил Тито. – Я считал его негодяем... Что-то меня отталкивало от него. Я его видел, когда вместе с товарищем Ранковичем был у Сталина, то есть когда я был там первый или второй раз. Нас разместили на даче Сталина и он (Берия. – А.Е.) меня проводил до автомобиля... И все время мне говорил: “Берегитесь, берегитесь, товарищ Тито”. На что я ему сказал (процитировал себя Тито): “Война закончилась и чего мне сейчас бояться?” На это Берия ответил: “Берегитесь, и не верьте ни Ранковичу, ни кому бы то ни было”». «Поначалу, – продолжил Тито, – я никому не хотел об этом говорить. После ссоры (1948 г. – А.Е.) я рассказал товарищу Ранковичу и другим, из ближнего круга»⁵⁶. Этот эпизод означал, что югославские собеседники, как и сообщалось в письме в адрес ЦК КПСС от 11 августа 1954 г., в какой-то степени готовы принять или сделать вид, что принимают советскую версию роли Берии в конфликте конца 40-х годов.

В контексте дальнейшего обмена мнениями Хрущев вновь пытался заверить собеседников в том, что Берия манипулировал Сталиным, в частности в «деле врачей», приписав заслугу их освобождения весной 1953 г. всему советскому руководству и дав понять, что «дело врачей» фабриковалось Берией и было «опасно и для Сталина». После замечания Тито о том, что Берии «была доверена слишком большая власть», Хрущев заговорил о своем опыте работы на Украине и о том, что репрессивные органы не докладывали обстановку партийным комитетам. А вслед за этим вновь поведал о своих «подвигах» в борьбе с «органами», когда он предложил исключить начальника МГБ из партии. «Это было опасно, – заявил он, – так как Берия квалифицировал это по-своему и об этом доложил Сталину. А Сталин в последнее время был человек, который сильно попадал под влияние»⁵⁷.

Все приведенные эпизоды дополнительно подтверждают, что несмотря на кажущуюся разбросанность и беспорядочность высказываний Хрущева, он проявлял поразительную настойчивость и последовательность в стремлении добиться во что бы то ни стало решения стоящей перед ним задачи создания видимости успеха своего визита, которую можно было бы использовать для демонстрации внешнеполитической победы после возвращения в Москву. Он стремился использовать любую зацепку в беседе. Так, даже рассказывая о Берии и упоминая имевшиеся в отноше-

нии него «материалы», как уже отмечалось, он не забыл подчеркнуть, что югославское руководство может их прочитать в том случае, если в результате визита произойдет замирение между Москвой и Белградом.

Хотя первоначальное напряжение было снято уже в первый день на неформальном обеде у Тито, фразу югославского лидера – «надо еще разговаривать» – при завершении двухдневных бесед Хрущев воспринял с большим облегчением. Он действительно почувствовал себя увереннее. 27 мая, вечером первого дня переговоров, протокол предусматривал посещение балетного спектакля в Народном театре. К этому времени настроение у советских руководителей значительно улучшилось по сравнению с первыми часами после прилета. Существует свидетельство чехословацкого поверенного в делах Питгарта, передавшего по горячим следам в Прагу впечатления от обстановки в Белграде в тот вечер: «Все улицы, ведущие к театру, были запружены белградцами, которые аплодисментами встречали советскую делегацию»⁵⁸. Обед, устроенный Тито в честь гостей во второй день визита, проходил уже в атмосфере раскрепощенности. Возможно, что именно тогда произошла сценка, ставшая на многие годы притчей во языцех среди советских дипломатов. Почувствовавший себя почти в своей тарелке Никита Сергеевич как всегда разошелся и стал рассказывать всякие истории – и веселые, и печальные, происходившие с ним в жизни. Но почему-то время от времени он обращался к Д.Т. Шепилову, за подтверждением истинности своих слов. И тот каждый раз вскакивал, сбрасывая салфетку, и бодро, по-солдатски, рапортовал: «Так точно, Никита Сергеевич!» И опять садился за стол⁵⁹.

По окончании второго дня переговоров советская делегация посетила Институт атомных исследований «Борис Кидрич», расположенный в местечке Винче близ Белграда. Сопровождать гостей на этот важнейший объект национальной гордости Тито направил вице-премьера С. Вукмановича-Темпо, который туда и обратно ехал в одной автомашине с советским лидером. Именно Вукманович-Темпо проявил себя во время встреч как один из наиболее открытых противников советской версии о вине Берии в разрыве 1948 г.⁶⁰ То, что Вукмановичу, который отвечал за хозяйственное развитие страны и был известен в Москве в качестве представителя Югославии на переговорах в Вашингтоне в ноябре 1954 г., удалось во время короткой поездки завоевать доверие Хрущева, стало важным неформальным достижением этих дней.

Кульминацией первой, белградской, части визита явился прием, устроенный президентом Тито в Белом дворце вечером 28 мая. Данный эпизод получил широкую известность благодаря репортажам в западной печати, где сообщалось о продолжительной

пикировке между Хрущевым и послом США в Белграде Дж. Риддлбергером⁶¹. Расслабляющую атмосферу, возникшую между югославскими и советскими представителями по итогам переговоров первых двух дней, удачно передали замечания, изложенные в донесении в Прагу уже упоминавшегося Питгарта. Для него наиболее красочным эпизодом ужина стал тост «за процветание Югославии», произнесенный А.И. Микояном⁶².

Югославская оценка итогов первого официального этапа советского визита была дана в депешах ГСИД ФНРЮ, направленных в представительства за рубежом: «1) После второго дня пребывания советской делегации атмосфера улучшилась. Заметны известное улучшение в их (членов делегации. – А.Е.) поведении и конструктивность в подходах вследствие того, что они были вынуждены учитывать реалии наших взглядов. 2) Тост Хрущева на обеде в субботу был трезвее. Упомянув свое выступление на аэродроме, Хрущев пояснил, что высказался в нем о целях советско-югославской встречи так, как это представлялось перед вылетом из Москвы. Сейчас, после двух дней встреч он выразил уверенность в достижении хороших результатов; он считает необходимым растопить лед, но нужно, чтобы «температура поднялась ровно настолько, насколько это полезно для развития организма, а не больше»». В телеграмме обращалось внимание на то, что советский руководитель «упомянул только о межгосударственных отношениях и сохранял товарищеский тон». Из того факта, что Хрущев «подчеркнул, что члены делегации не сожалеют о своем приезде, но, напротив, удовлетворены», в ГСИД сделали вывод, что в советской делегации «существовало некоторое недовольство тем, что дела пошли не так, как они ожидали»⁶³.

Из телеграммы стало также ясно, что во внешнеполитическом ведомстве Югославии приняли объяснения Хрущева в ходе переговоров. В ней сообщалось, что приезд «представлял для них (советских руководителей. – А.Е.) огромную проблему и им понадобилось много решимости и куража, чтобы принять решение о поездке. Не исключено, что слова Хрущева в Земуне о Берии были направлены не столько нам, сколько всему миру и Восточной Европе, так как им не так легко объяснить их приезд в Белград». При этом на основании бесед с освещавшими визит советскими журналистами югославские дипломаты сделали вывод, что «русские все еще склонны переоценивать пропагандистскую сторону переговоров, тогда как мы ориентируемся только на реальную работу в целях достижения конструктивных результатов»⁶⁴. В депеше высказывалось предположение, что, по всей вероятности, переговоры завершатся принятием «совместной декларации, в которой будут перечислены некоторые общие прин-

ципы действий в международных делах, на основе которых обе стороны смогут договориться»⁶⁵.

Вывод ГСИД о «совместной декларации» был сделан, скорее всего, на основе либо тех же бесед с советскими журналистами, либо инструкции участвовавшего в переговорах К. Поповича, ибо в расшифровке магнитофонной записи переговоров заседаний 27 и 28 мая речи об этом не шло. Хрущев не собирался обсуждать подобный документ после 28 мая, а хотел оставить его экспертам, «чтобы они все здесь подготовили, обменялись мнениями и после об этом нас оповестили... если мы все поедем, когда вернемся, то не будем ничего иметь готового». Он намеревался оставить в Белграде Громыко, Кумыкина и Шепилова. При упоминании Д.Т. Шепилова, советский лидер многозначительно пояснил, что «нас сильно интересуют идеологические вопросы». Сначала Тито пошел на уступку гостю, посулив с югославской стороны оставить в Белграде «Голубого» (партизанский псевдоним М. Тодоровича) или кого-то другого, но потом решил, что они могут работать и на Бриони. Его поддержал Кардель, заявивший, что он может работать и там. С мнением хозяев Хрущев легко согласился⁶⁶. Позиции обеих сторон в отношении итогового документа были заявлены во время предварительного согласования деталей визита. Напомним: в письме от 6 мая 1955 г. Хрущев принял предложение о том, что «встреча должна завершиться подписанием коммюнике или декларации»⁶⁷.

Подписание декларации в Белграде – один из наиболее неясных сюжетов как самого визита, так и всей деятельности Хрущева на югославском направлении в середине 50-х годов XX в. В историографии доминирует трактовка итогового документа переговоров в Белграде на основе югославских оценок. Известно, что югославы преподносили содержание декларации как свою самую большую победу, одержанную в почти семилетней борьбе против государственно-бюрократической системы советской имперской машины. Такие оценки прозвучали в югославской прессе сразу же после подписания документа. С течением времени формулировки СМИ были восприняты в политологической литературе и в появившихся в конце 70-х годов XX в. мемуарах Э. Карделя. В них «югославский лидер № 2» рассказал о том, как он, В. Влахович и М. Пияде, «в тесном сотрудничестве с Тито, подготовили текст декларации»: «Мы прописывали каждое слово очень тщательно, таким образом, ее текст стал подлинной Magna Carta для всех социалистических и других стран. Мы знали, что советская делегация привезла собственный проект. Когда мы обменялись проектами, стало очевидно, что тексты различаются весьма значительно. Хрущев очень быстро снял советский текст».

По словам Карделя, советский руководитель охотно пошел на то, что текст совместного документа будет подготовлен на основе югославских предложений. Не без тени бахвальства словенец отмечал: «В дискуссиях с советской делегацией мы были непреклонны и ни в коем случае не хотели уступать сильному». Свой тезис о декларации как более значительном документе, нежели двустороннее заявление, Кардель повторял неоднократно: «Мы хотели подписать декларацию, регулиующую отношения не только между Советским Союзом и нами, но также между социалистическими государствами и другими странами». Особенностью подхода членов советской делегации, по его мнению, являлось то, что «они были готовы на серьезные уступки даже тогда, когда вынужденно соглашались с тем, во что искренне не верили»⁶⁸.

Документы, ставшие доступными в 90-е годы минувшего века, не опровергают версию югославов. Советская делегация оказалась не готова к массивному давлению партнеров, хотя не следует исключать и расчета Хрущева на то, что жестко обязывающего документа по итогам визита можно будет избежать. Расплывчатая формулировка письма от 6 мая о подписании заключительной декларации или коммюнике допускала подобный поворот событий. В то же время произнесенные на митинге в середине мая слова Тито о желательности декларации, которая закрепила бы права «малой страны» на равноправные действия в мировой политике, свидетельствовали о том, что югославы желали завершения советского визита именно в такой форме. Отсутствие реакции Москвы на это заявление (в «Правде» на следующий день появилась лишь статья с упоминанием строительства социализма в Югославии) позволяло Белграду рассчитывать на согласие руководства СССР с подобным итогом предстоящих переговоров.

Последующие трактовки итогового документа визита, которые давались в выступлениях на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г., выявляли известное двуличие Н.С. Хрущева. К примеру, он скрыл от участников пленума и факт письма Тито от 6 мая, и то, что советская делегация в расчете на получение от югославов согласия на обсуждение возможности восстановления межпартийных связей фактически еще тогда отказалась от предложений МИД подготовить новый советско-югославский договор или возобновить договор 1945 г. Не следует исключать и того, что одержимый идеей договориться с югославами о возобновлении связей между партиями Хрущев просто не освоил весь объем материалов, готовившихся к визиту. Если исходить из его высказываний на упомянутом выше пленуме, то представление о конкретных целях визита в ФНРЮ у советского лидера отсутствовало⁶⁹.

Не менее туманным остается объяснение, данное Хрущевым относительно появления заключительной декларации. В материалах июльского пленума ЦК, посвященных сюжету о том, как советские и югославские руководители «вышли» на декларацию, существуют разночтения между стенограммой слов Первого секретаря ЦК КПСС и последующей их редакцией для стенографического отчета. Согласно стенограмме Хрущев заявил: «У нас декларация была, но мы ее придержали в кармане»⁷⁰. В опубликованной версии стенографического отчета эта фраза была отредактирована и серьезно дополнена, хотя смысл не изменился: «Когда мы увидели, что по ряду коренных вопросов международного положения и советско-югославских отношений наши точки зрения в значительной степени совпали, советская делегация для того, чтобы лучше выяснить, как югославы будут ставить эти вопросы в открытом документе, признала целесообразным не вручать им свой проект Декларации, а предложила, чтобы они сами составили проект документа. Такой подход оказался правильным»⁷¹.

В ночь на 29 мая члены обеих делегаций выехали правительственным поездом из Белграда, пересев утром на автомобили. И отъезд, и маршрут были окружены завесой таинственности, что стало поводом для многочисленных домыслов в зарубежных средствах массовой информации, посчитавших, что «Тито увозит делегацию для секретных переговоров». Дорога пролегла через живописные районы Югославии: хорватский город Карловац, известный курорт времен Австро-Венгрии Опатию и Риекку на Бриони. (Кстати, в Опатии Хрущева и Микояна заинтересовало, не боится ли югославское руководство, что многочисленные иностранные туристы шпионят в пользу зарубежных разведок и не лучше ли, пренебрегая иностранной валютой, обставить их появление многочисленными бюрократическими формальностями, отбивая всякое желание отдыхать на Адриатике⁷².)

Но и в пути продолжался обмен мнениями, в частности члены советской делегации стремились заверить югославов в отсутствии у руководства СССР диктаторских замашек. Так, находившийся в одном автомобиле с Э. Карделем Н.А. Булганин убеждал его в невозможности появления нового Сталина: «Даже если и появится какой-нибудь маленький Сталин, мы его немедленно арестуем»⁷³. Непринужденная атмосфера поездки сглаживала сложные рабочие моменты, которые легче было решать без обычной напряженности, характерной для любого переговорного процесса. Самым обостренным из них, но с легкостью снятым советской стороной, стал именно вопрос об итоговом документе. Во время путешествия на Брионские острова, по словам Хрущева, «сговорились, чтобы они сами дали проект декларации (на Брионах дали)»⁷⁴.

Приехав на Бриони, гости в сопровождении хозяев совершили поездку по острову, знакомясь с его достопримечательностями: античными развалинами, заповедником с непугаными, почти ручными оленями и первыми экзотическими животными (жирафами, страусами), которых Тито получил в подарок, будучи в недавнем турне в Индию и Юго-Восточную Азию. Знакомство с текстом югославского проекта итогового документа вызвало у советской стороны удовлетворение: оказалось, что замечания есть, но их не так много. Как указывал Хрущев, «с замечаниями послали Громыко». В проект добавили строки о системе коллективной безопасности в Европе, о поддержке позиции КНР в ООН по вопросу о Тайване, о социализме, о вооруженной борьбе, о «демократической основе», а сформулированный хозяевами седьмой пункт о «подрывной деятельности» информбюровской эмиграции из текста исключили⁷⁵. С югославской стороны это явилось существенной уступкой, ибо в ходе подготовки визита она намеревалась вынести вопрос о политэмигрантах в отдельную декларацию⁷⁶.

Горький осадок первых часов пребывания в Югославии уходил в прошлое. Настроение советских гостей улучшалось по мере продолжения визита. Дополнительное облегчение принесла весть из Албании: 29 мая на чрезвычайной сессии Народного собрания, посвященной вопросу о Варшавском договоре, в выступлении руководителя Албанской партии труда (АПТ) Энвера Ходжи были упомянуты проходившие в эти дни советско-югославские переговоры. Ходжа заявил, что албанский народ, АПТ и правительство приветствуют приезд советской делегации в Белград и, полностью солидаризируясь с высокими целями КПСС и советского правительства, выражают пожелание, чтобы переговоры послужили укреплению дружбы и взаимопонимания⁷⁷. Положительным эмоциям во время пребывания на Адриатической Ривьере советской делегации способствовало также сообщение о том, что «Кардель в беседе с т. Булганиным от всего отказался (такое впечатление осталось)»⁷⁸.

На остров для фотосессии допустили и иностранных корреспондентов. Цель снятия покровы секретности проявилась скоро. Оба главы делегации оказались падки на эффектные сцены для отечественных и зарубежных СМИ. К пристани, куда высадился отобранный пул из отечественных и иностранных журналистов, прибывших на нескольких катерах из ближайшего истринского порта Ровинь, «неожиданно» подъехал «кадиллак» с открытым верхом, которым управлял сам Тито. Он усадил в автомобиль Хрущева, Булганина и Микояна, эффектно выжал педаль газа, и лимузин скрылся среди деревьев, время от времени притормаживая на живописных поворотах, когда непуганые зайцы и косули.

привыкшие к тишине правительственной резиденции, никак не хотели уступать дорогу высокопоставленным пассажирам. Хотя появление югославского лидера было неожиданным, он не спешил, действуя в расчете на то, чтобы фото- и киножурналисты успели совершить съемку. После конфликта 1948 г. Президент ФНРЮ уделял большое внимание контактам с прессой⁷⁹. Репортерам же приходилось добывать информацию из «источников», которые, естественно, сами могли только приблизительно догадываться о том, что происходило между уединившимися лидерами при осмотре красот правительственного острова на автомашине или во время плавания вдоль побережья на катере «Подгорка» и яхте «Ядранка».

Неофициальной кульминацией пребывания на Бриони (впрочем, согласно протоколу, все пребывание здесь было неофициальным) стало 30 мая – второй день посещения острова, когда Тито с Хрущевым и Булганиным совершили совместную морскую прогулку на катере «Подгорка», посетив Пулу и Ровинь – порты на побережье Истрии. Пресса терялась в предположениях, высказывая догадки о том, что это не была чисто развлекательная экскурсия. Репортеры оказались недалеко от истины. Согласно записи В.Н. Малина, на заседании Президиума 6 июня Никита Сергеевич, спутав яхту с катером, поведал: «На яхте: Тито, я и Н.А. (Булганин. – А.Е.). Беседа: самый важный вопрос – партийный. Как путь найти. Он (Тито. – А.Е.) говорит: “Я считаю, что и по этому вопросу договоримся”. – “Вы спорите с кем?” – “Да. Я еще буду выступать”. – “Но, как с Карделем?” – “Договоримся и по этому вопросу”»⁸⁰. Позднее, на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, Хрущев изложил все членам ЦК подробнее: «Без всяких свидетелей... мы снова заявили, что придаем очень важное значение идеологическим вопросам и установлению контакта между нашими партиями». В ответ на слова о том, что вслед за улучшением отношений по государственной линии для стран, создающих социалистическое общество, «необходимо достигнуть взаимопонимания между партиями на базе марксизма-ленинизма... товарищ Тито уверенно заявил, что мы договоримся и по идеологическим вопросам». Югославский лидер подтвердил предположение советской делегации о том, что в своем выступлении в мае 1955 г. в Пролетарской дивизии он по данному вопросу спорил с другими руководителями СКЮ⁸¹.

Беседа с глазу на глаз с Тито на катере подтвердила неоднократно высказываемую ранее (с осени 1954 г.) советским послом В.А. Вальковым и прочно усвоенную Хрущевым версию – «лично с Тито можно договориться». Главной проблемой при этом оставались взгляды остальных видных югославских партийных и государственных деятелей и давление, оказываемое ими на

И. Броз Тито. Советская сторона, похоже, не задумывалась над тем, вынужден ли югославский лидер действительно считаться со своим окружением, которое не желало дальнейшего сближения между Москвой и Белградом, или же он просто разыгрывает подобный фактор давления? Второй вариант представляется более предпочтительным, ибо Тито как авторитарный лидер обладал полной властью прекратить все дискуссии и уверенно вернуть страну в советский лагерь, а не вести ее неизвестными тропами, лавируя между сильнейшими мировыми военно-экономическими союзами. По всей вероятности, Тито сознавал всю опасность избранного пути, но считал, что он позволяет на первых порах заимствовать для страны лучшее из обоих миров, дает возможность извлекать выгоды из такого положения, откладывая кардинальное решение проблем на будущее.

Впрочем, отчитываясь перед членами Президиума ЦК относительно атмосферы внутри югославского руководства, Хрущев заметил, что «отношения у них простые (между собой), без чиновничества»⁸². Этой версии подыграл и сам ход событий после возвращения с морской прогулки. Уже на обеде Д.Т. Шепилов, отвечавший в советской делегации за подготовку почвы для развития связей между КПСС и СКЮ, доложил Хрущеву, что «по партийным вопросам ничего не дадут». Сообщение разрушило (и прежде призрачные) надежды Первого секретаря ЦК КПСС. Последние часы пребывания на Бриони оказались смазаны. Согласно записи В.Н. Малина фрагментов заседания Президиума ЦК КПСС 6 июня, Хрущев описал их следующим образом: «Разговор с Тито: нас встревожило, если не договоримся, ничего не будет. Значит, мне придется провести борьбу. Долго беседовали. Обмен письмами. Обмен людьми. “Не сразу”, “Дайте время”»⁸³.

О крахе советских надежд «договориться по партийной линии» в прессе, естественно, ничего не сообщалось. Из чтения репортажей о последнем дне пребывания на Бриони должно было сложиться представление, что там никаких общих переговоров, за исключением застольных бесед во время завтрака и обеда, дававшихся Президентом ФНРЮ, уже не велось. В советских газетах писали, что «на обеде вспоминали эпизоды общей борьбы против фашистских захватчиков».

Провал на партийном направлении повлек за собой стагнацию нормализации связей в хозяйственной сфере, ибо советская сторона еще раньше завязала в тугой узел оба вопроса. В то время как руководители наслаждались стремительным движением мощного скоростного катера президента, члены делегации и советники разбились на группы «по интересам». А.И. Микоян вместе с П. Кумыкиным и С. Вукмановичем-Темпо провели предварительную беседу с целью наметить общий подход к расчистке

завалов в двусторонних экономических контактах. Югославский вице-премьер попытался добиться от советской стороны компенсации за разрыв хозяйственных связей, произошедших в конце 40-х годов в результате нарушения руководством СССР экономических соглашений с ФНРЮ, но встретил решительный отпор. По мнению Микояна, принятие требований Вукмановича-Темпо означало бы, по сути, выплату репараций Югославии Советским Союзом. Микоян, в свою очередь, указал на существующую проблему задолженности ФНРЮ перед СССР, которая сложилась во второй половине десятилетия. Общее стремление представить советский визит успешным не позволяло обсуждать проблему задолженности детально. К тому же, согласно занятой Хрущевым еще 19 мая позиции в данном вопросе, считалось возможным уступить югославам в их требованиях в зависимости от исхода переговоров по установлению отношений между партиями. Тогда он заявил: «На меры экономической помощи пойдем, если успешно будут идти дела»⁸⁴.

31 мая ранним утром обе делегации продолжили путешествие, отплыв из уютной правительственной гавани Бриони на яхте «Ядранка» в направлении Риеки. Этот небольшой город, некогда форпост военного флота Австро-Венгрии, стал с начала 50-х годов XX в. главным судостроительным центром Югославии. После высадки на пристань советская делегация разделилась: «Громыко, Шепилова, Кумыкина послали в Белград»⁸⁵, а остальные продолжили работать по предложенному хозяевами плану. Делегация посетила гавань и судоверфь «3 Мая», которой руководил хорошо известный советскому руководству Й. Копинич, бывший в 30-е и 40-е годы представителем Коминтерна и связным советских спецслужб в Юго-Восточной Европе. Осмотр производственных мощностей верфи поразил давно привыкших к индустриальной гигантомании советских гостей. По словам Н.А. Булганина, она представляла собой «очень большое предприятие, которое строит морские суда грузоподъемностью 10 тысяч тонн, т.е. такие суда, заказы на которые мы с большими трудностями размещаем в Западной Европе»⁸⁶. После торжественного движения по городу кортеж правительственных автомашин направился по дорогам Хорватии в соседнюю республику – Словению. Все это время Кардель не отходил от Хрущева. Последний так отчитался на заседании Президиума ЦК КПСС: «Я с Карделем поехал. Два дня с ним разговаривал»⁸⁷.

Поездка по югославской глубинке советским гостям понравилась. По горячим следам, 6 июня, в Москве Никита Сергеевич докладывал об этом следующее: «Страна: мы мало знаем. Села хорошие, крыши черепичные. Заводы: чисто, руководят бывшие партизаны. Управление: директор завода – рабочий, председа-

тель Совета – рабочий, секретарь ячейки – рабочий. По-русски говорят. Молодежи много»⁸⁸. По пути советская делегация заглянула в знаменитую сталактитовую пещеру в Постойно, а затем, проехав через Люблян и Крань, прибыла в расположенный в Южных Альпах городок Блед – еще одну резиденцию югославского руководства. На организованном лидерами Словении позднем обеде хозяева, по мнению Хрущева, вели себя «сдержанно».

Видимо, именно по этой причине произошел инцидент, который мог испортить выстроенные за последние дни отношения. Перед тем как подали кофе, лидер республиканской партийной организации Б. Крайгер произнес тост «за гостей». Глава советской делегации явно пребывал не в духе. Остается только гадать: то ли напряженный день сыграл свою роль, то ли его настроение было испорчено увиденным в поездке, ибо уровень и качество жизни в благоустроенной Словении, почти не тронутой военными действиями периода Второй мировой войны на фоне красоты альпийской природы и величественных резиденций югославского руководства повергли советского лидера в состояние уныния и зависти. Реакция выросшего в селе и работавшего на шахте Хрущева была более чем своеобразной: «Я ответил им с партийных позиций, о Сталине сказал»⁸⁹. Такой достаточно неожиданный выпад, возможно, следует объяснять также и тем, что, поняв уже на Бриони о провале надежд на возобновление тесных межпартийных связей, Первый секретарь ЦК КПСС маневрировал и готовил почву для объяснения в Москве этой неудачи.

Между тем встреча оставила тревожный осадок у словенских руководителей, подробно проинформировавших руководство ФНРЮ о поведении советского лидера. Как вспоминал Вукманович-Темпо, «Хрущев на ужине со словенскими товарищами настолько возвеличивал Сталина, что все присутствовавшие были шокированы»⁹⁰. Впоследствии Первый секретарь ЦК КПСС объяснил свое поведение тем, что «мы... внутренне еще не были подготовлены... духовно не освободились еще от рабской зависимости, в которой находились у Сталина»⁹¹. Не исключено, что он был искренен, ибо ему верили. При всей настороженности хозяев к тому, что говорил или вспоминал Никита Сергеевич, его природный артистизм побеждал недоверие партнеров. Как записал В. Дедиер со слов одного из впечатлительных югославов – участника встреч, казалось, что когда гости начинали говорить об атмосфере и событиях сталинского периода, они «сами себе все еще не верят в то, что остались живы. Тени прошлого постоянно стояли у них за спиной, а картины с погибшими товарищами – перед глазами»⁹².

На следующий день 1 июня, побывав в историческом центре Любляны и посетив завод «Литострой», советская делегация вер-

нулась в Хорватию. В Загребе гостей встречал руководитель ЦК СК Хорватии В. Бакарич. После экскурсии по заводу «Раде Кончар» был устроен обед, который, согласно репортажам в СМИ, «прошел в теплой обстановке». Очевидно, такая атмосфера встреч оказала благотворное воздействие на восприятие лидером СССР этой части визита. «Загреб. Хорошо встретили. Чудесные люди. Здесь тоже речь держал с партийных позиций. “Что вы нас нюхаете?”» – делился он впечатлениями этого дня⁹³. Вечером советские руководители и сопровождавшие лица отбыли поездом в Белград. Во время ужина в поезде Хрущев беседовал с Видичем, участвовавшим в сопровождении делегации на последнем участке ознакомительного турне по ФНРЮ. Посол попытался проверить искренность позиции высокого гостя: «Вы нам говорите не то, что другим», – заметил он. Его собеседник парировал эпатажно, но крайне неуклюже: «И вы нам не все говорите, что вы говорите другим»⁹⁴, давая понять, что обладает ценными разведанными о югославских подходах.

Сухим остатком подробно рассмотренного югославского турне с его разнообразными встречами и ознакомительными поездками, перемежавшимися постоянными дискуссиями и выступлениями Хрущева «с партийных позиций» о выдающейся роли Сталина, стало окрепшее убеждение членов советской делегации в следующем: ФНРЮ развивается по некапиталистическому пути и в стране нет американских военных баз. Однако для полноценного успеха столь длительного и такого высокого уровня визита, при всей важности подобных выводов, этого было явно недостаточно. Отмеренное время пребывания в Югославии завершалось, волнения первых дней относительно провала переговоров ушли в прошлое, и в центр внимания советской делегации неотвратимо выдвигался вопрос о том, с чем она вернется в Москву. Итоговый документ или другие ощутимые свидетельства успеха визита должны были опровергнуть разделяемый многими в высшем руководстве страны скептицизм Молотова относительно югославской политики.

Несмотря на то что югославы с самого начала намеревались подписать подготовленный ими текст декларации, о чем Тито публично обещал на одном из митингов за несколько дней до приезда Хрущева, до отправки советской делегации в турне по стране окончательной договоренности об итоговых документах не существовало. Решение о форме заключительного документа было согласовано по пути из Белграда на Бриони 28 мая после затянувшегося ночного банкета. Все оставшиеся дни сторонам удалось сохранить в тайне достигнутую договоренность. Это подтверждают косвенные свидетельства ведущих репортеров «Правды», не доверять которым у Хрущева не было основания.

Тем не менее и «правдивостов» держали в неведении относительно предполагаемых итогов, ибо советская сторона до самого последнего момента не представляла, чем закончится визит⁹⁵. Столь же слабо информированы были и западные газетчики, в том числе и американские, несмотря на то что пресса США по традиции имела значительные естественные преимущества во времени при подготовке и публикации сообщений из Европы. Даже в репортажах авторитетного обозревателя газеты «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергера (ему доверяли в окружении Тито) не содержалось точных деталей относительно предполагаемых итогов визита⁹⁶.

Но и сами участники переговоров до последнего момента и даже во время подписания 2 июня советско-югославской Декларации были не в состоянии вразумительно объяснить журналистам итоги визита. Когда для выступления перед представителями СМИ Хрущев предложил откомандировать Громыко и Поповича с заранее согласованными ответами, глава внешнеполитического ведомства ФНРЮ, опасаясь «опытных журналистов», которые могут «попытаться вызвать различные интерпретации», предложил отказаться от пресс-конференции вообще, ограничившись только присутствием журналистов на акте подписания Декларации и предоставлением им возможности для фото- и кино съемки⁹⁷. Завеса таинственности позволила появиться версии о неких дополнительных договоренностях, оставшихся вне текста подписанного документа. Очевидно, это более чем устраивало обе стороны. Именно такую версию стремились поддержать Хрущев и его соратники в ближайшие недели после завершения визита.

Расшифровка магнитофонной записи официальной встречи двух делегаций, сделанной 2 июня 1955 г., свидетельствует, что разговоры велись исключительно вокруг редакции текста итогового документа. Внесенная тогда в текст правка была незначительной, и с советской стороны ее обсуждал лишь один Громыко, тогда как остальные члены делегации вообще не появились в зале заседаний. Не следует исключать, что одной из причин этого являлось и то обстоятельство, что, как отметила постфактум советская пресса, «завтрак прошел в теплой, дружеской обстановке» и, по всей вероятности, наложился на общую усталость советских гостей, преодолевших нелегкий маршрут всего за несколько дней. Другим объяснением (впрочем, не исключавшим и первое) могло служить следующее: советская делегация стремилась получить от югославы некое материальное свидетельство их согласия на возобновление партийных связей как весомого козыря в пользу успеха визита для будущих докладов в Москве, не желала обострения ситуации дискуссиями по поводу формулировок декларации. Советские представители проявили исключи-

тельный интерес к получению от югославской стороны хотя бы черновика письма ЦК СКЮ с неким намеком на возможность восстановления контактов с ЦК КПСС. Стремление заполучить текст для предъявления его по возвращении в Москву являлось, скорее всего, определяющим для Хрущева и его сторонников, перевешивая значение официального итогового документа.

В пользу данной версии свидетельствует отчет Первого секретаря на Президиуме ЦК 6 июня: «Шепилов принес проект письма по партийной линии. Но времени уже мало. Договорились о порядке оформления и подписи Декларации. Тито сделал заявление: “Вот, в печати пишут, что выиграла Югославия. Это неверно”. По государственной линии – договорились; по экономической – еще вести переговоры (он предложил); по партийной – письмо пришло. Опубликовать. Всю переписку опубликовать»⁹⁸. Оговорка о том, что именно Д.Т. Шепилов принес требуемый текст, позволяет предполагать: он и являлся автором текста, который советская делегация намеревалась по возвращении в Москву выдать за письмо от ЦК СКЮ.

Впрочем, если принимать во внимание значение визита для Хрущева и поддерживавших его партийно-аппаратных сил в контексте продолжавшейся борьбы за захват всей полноты власти в Советском Союзе, многое встает на свои места. Задача пропагандистского прикрытия своих действий перекрывала все другие и служила объяснением, в том числе и недоумения Карделя по поводу излишне покладистой позиции советских участников переговоров. При обсуждении почти всех пунктов проекта Декларации они соглашались со всем, что им было предложено⁹⁹. По-видимому, для Хрущева и его сподвижников наиболее важно к этому времени было всего-навсего избежать срыва встречи и тем самым не дать лишнего козыря своим оппонентам в Москве. Тем более, что формально правительственный документ подписывал глава кабинета министров Н.А. Булганин и всегда оставался шанс (как в январе 1955 г. с Г.М. Маленковым) обвинить его затем во всех грехах, списать на него все ошибки.

В общих чертах поставленную задачу удалось решить в последний день переговоров, под самое их завершение. Хрущеву, несмотря на попытки Тито возразить, все же удалось вывести югославских собеседников на согласие направить в Москву письмо от имени ЦК СКЮ. Его текст до некоторой степени помогал объяснить состояние дел в интерпретации югославами процесса нормализации отношений между КПСС и СКЮ, а также расхождений в толковании их лидерами марксизма-ленинизма. В отличие от советской стороны, для югославского руководства после 1948 г. марксизм-ленинизм был уже не столько учением-догмой и стройной идеологией, сколько системой взглядов, которая мо-

жет изменяться «в процессе развития и на основе достигнутых ею результатов». Когда Хрущев заявил, что для советской делегации самым важным является вопрос о партийных отношениях, Тито, фактически получивший от ее визита все, что было можно, отклонил притязания гостя шутливой фразой: «Сейчас важно идти обедать»¹⁰⁰. Став серьезным, он заметил, что с учетом состоявшихся бесед на Брионах с Хрущевым, Булганиным и Микояном, у него сложилось такое мнение: обсуждение «идеологическо-партийных расхождений» затянулось бы «очень надолго», поэтому Тито согласился с предложением Хрущева обменяться письмами по этому вопросу («Письмо могло бы иметь такой характер, что его можно опубликовать»). В нем Тито не обещал многого, а лишь констатацию «существующей ныне ситуации». После чего Никита Сергеевич согласился, вытянув у Тито обещание, что «это будет сделано до нашего отъезда»¹⁰¹.

После незначительной редакционной работы над текстом совместной Декларации визит фактически завершился. Оставались лишь протокольные формальности. К семи часам вечера правительственные делегации в последний раз направились во Дворец Гвардии для участия в церемонии подписания Декларации от имени правительств СССР и ФНРЮ. Этот необычный для дипломатической практики тех лет документ, после оглашения его текста на сербскохорватском языке К. Поповичем и на русском Громыко, журналисты напряженно записывали, хотя на выходе их ожидали экземпляры на четырех иностранных языках и на сербском. Секретарь югославской делегации Антон Вратуша вынес на подпись тексты Декларации в красных кожаных переплетах, поставив один из них перед Булганиным, а другой – перед Тито. Под вспышки фоторепортеров и стрекотание кинокамер документ был подписан от имени правительства СССР Председателем Совета министров Н.А. Булганиным и от имени правительства Югославии Президентом ФНРЮ И. Броз Тито.

В преамбуле Декларации подчеркивалась атмосфера переговоров – они проходили «в духе дружбы и взаимопонимания». В трех разделах документа содержалось все, что можно было почерпнуть из общественно-политической мысли тех лет. Два раздела свидетельствовали о проведенном обмене мнениями по международным проблемам, затрагивающим интересы двух стран. Самый первый из них повествовал об общих принципах внешней политики СССР и ФНРЮ, подчеркивал их приверженность общечивилизационным нормам мирового развития, что стало определенной победой югославского руководства. Эти строки показывали: Югославия не только не вернулась к пролетарскому интернационализму, но и постаралась увести Советский Союз с дороги мировой революции на путь общедемократических государ-

ственных взаимоотношений. Раздел второй в самой общей форме свидетельствовал о единстве взглядов двух стран на основные проблемы международной ситуации. Третий раздел документа был посвящен двусторонним отношениям. Конфликт 1948 г. в нем стыдливо именовался «значительным расстройством во взаимоотношениях в последние годы». Но и здесь не содержалось ни слова о неких особых отношениях между СССР и ФНРЮ. Было заявлено только о том, что стороны полны «решимости развивать свои будущие отношения в духе дружественного сотрудничества» при опоре на общедемократические принципы, изложенные в первом разделе Декларации. Эта часть документа напоминала скорее соглашение о намерениях сторон в ближайшее время «предпринять все необходимые меры для введения нормального договорного положения, на основе которого будет развиваться всестороннее советско-югославское сотрудничество». Обе стороны высказались за расширение экономических связей и заключение соответствующих договоров, а также конвенций о культурном сотрудничестве и информационной службе в духе решений ООН, разрешении вопросов о гражданстве и др.

После подписания документа все присутствовавшие на церемонии тут же отбыли во дворец на Дединье, где посол Вальков устроил пышный прием по случаю пребывания в Белграде советской правительственной делегации. Перед тем как сесть за столы, приглашенные имели возможность насладиться концертом, в котором приняли участие выдающиеся деятели советского искусства Е. Чавдар, И. Петров, П. Лисициан, Р. Стручкова и А. Лапури, а также танцевальная группа хора имени Пятницкого¹⁰². На ужине после концерта восходящая оперная звезда Большого театра Союза ССР Г. Вишневская (в те годы сотрудничавшая с КГБ СССР, она срочно прилетела из Праги), играя, по замыслу организаторов приема, роль его хозяйки, была посажена с советской стороны рядом с Булганиным, Хрущевым и Микояном напротив Тито с супругой. Как Г. Вишневская вспоминала впоследствии, «Тито был преувеличенно спокоен, очень сдержан – чувствовалось, что поставил стену между собой и гостями и не собирается убирать ее сразу, в один день. У наших все роли, видно, были распланы заранее: Микоян как тамада провозглашал тосты, Булганин поддерживал светский тон беседы, а Хрущев эдаким своим в доску рубахой-парнем напирал и все лез целоваться. “Йося, да перестань ты сердиться. Ишь, какой обидчивый! Давай лучше выпьем и – кто старое помянет, тому глаз вон!”» Вишневская почувствовала, что югославский лидер «всем своим видом показывал, что память у него хорошая, а глаз ему не вынешь... Спокойно, похозяйски наблюдал он, как посланники великой державы перед ним шапки ломают. Чувствовалось, что ему хочется продлить

удовольствие, что он давно ждал этого часа: нет-нет, да и промелькнет в глазах ироническая ухмылка». После тоста Вишневской в честь супруги Тито, произнесенного по указанию стоявшего за ее спиной главы КГБ СССР Серова, советские вожди пустились в пляс, увлекая за собой окружающих, но Тито к ним так и не присоединился¹⁰³.

Установление личных контактов, согласие югославской стороны направить в скором времени письмо от имени ЦК СКЮ со словами о возможности возобновления официальных сношений между партиями и договоренность об обмене корреспондентами ведущих партийных газет («Правды» и «Борбы») явились главными долгожданными итогами визита для советской делегации. Два последних «достижения» могли использоваться Хрущевым и его единомышленниками для того, чтобы представить позицию руководства СКЮ как согласие на возобновление партийных связей. Это позволяло укрепить престиж КПСС в СССР и покопчить с наметившейся в послевоенные годы и в особенности в первые месяцы после смерти Сталина (при Берии и частично при Маленкове) тенденцией главенства государственной бюрократии и чиновников-технократов над партийным аппаратом.

Несомненно, обеим сторонам в равной мере (хотя каждой по-своему) было крайне важно создать видимость успеха состоявшегося визита. Тем не менее сопоставление текста Декларации с замечаниями, делавшимися в ходе переговоров, и с последовавшими комментариями советских участников визита, произнесенными на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г., показывает, что обе стороны действовали совершенно по разным парадигмам. Югославы стремились закрепить результаты советского визита в официальных документах с тем, чтобы сохранить полную независимость ФНРЮ от советского блока и упрочить ее роль как одного из мировых посредников между двумя военно-политическими союзами. Делегации Хрущева представлялось важным не допустить окончательного ухода Югославии на Запад и постараться вернуть отношения с ней на уровень, максимально приближенный к доконфликтному. Так как уже на стадии подготовки к визиту стало ясно, что последнее невозможно, серьезное значение приобрели личные контакты и некие скрытые договоренности. Слухами об этих договоренностях можно было манипулировать и во внутренней политике, и на международной арене, в том числе и прежде всего среди стран советского лагеря.

**2. «Неверие выражает т. Молотов в силы КПСС.
Т. Молотов ошибся. Должен признать.
Белые руки хочет сохранить, упорствует»^{*}
(3 июня – июль 1955 года)**

Советско-югославская Декларация от 2 июня, хотя и являлась громким, во многом беспрецедентным событием в международных делах, закрепившим в договорном порядке равноправные отношения между большим и малым левототалитарными государствами (каждое из которых называло себя «социалистическим»), никак не могла считаться значительным успехом Советского Союза. Впрочем, находясь в Белграде, члены советской делегации этому обстоятельству серьезного значения не придали. Первый секретарь ЦК КПСС больше был озабочен тем, как представить итоги визита после возвращения в Москву. В тот момент восприятие визита внутри страны волновало его гораздо больше, чем за границей. Атмосфера торжеств и секретности, сопутствовавшая переговорам, а также парадный антураж, созданный вокруг визита в советских СМИ, предоставляли широкие возможности для аппаратных интриг и закулисных маневров. Относительно скромные итоги двухнедельной поездки следовало представить в глазах «партийных масс» и всего советского народа как победу курса Хрущева, серьезный успех советского руководства, мирового коммунистического движения. Для подобной цели как раз игодились договоренности общего характера, звучавшие в неофициальных беседах с югославами. Они, по определению, не могли быть оформлены документально, но именно в силу этого обстоятельства Хрущев и его коллеги могли пользоваться ими для спекуляций на тему «успешного визита» и его «непреодолимого значения». Тем более что в их распоряжении имелась вся пропагандистская мощь партийно-государственной машины.

Как нельзя кстати пришлось и получение в день подписания Декларации столь нужного проекта письма ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС¹⁰⁴. В нем сообщалось, что поскольку во время переговоров в Белграде делегацией правительства СССР был поставлен вопрос о возможностях восстановления связей между СКЮ и КПСС, ЦК СКЮ «считает, что в настоящих условиях возможно восстановить контакт и определенные формы сотрудничества» между двумя компартиями и «это может быть полезным как для развития отношений между нами, так и для усиления социалистической мысли вообще». В тексте также отмечалось: «Приступая к такому сотрудничеству, ЦК СКЮ считает необходимым, чтобы

^{*} Реплика Л.М. Кагановича на заседании Президиума ЦК КПСС 8 июня 1955 г.

те вредные наслоения, которые произошли в течение последних лет, были преодолены и превзойдены развитием будущих отношений между КПСС и СКЮ на здоровой, принципиальной основе»¹⁰⁵. Словосочетание о «вредных наслоениях», заимствованное из выступления Хрущева на аэродроме 25 мая, свидетельствовало о подлинном авторстве текста.

Обработку общественного мнения относительно успеха визита советской делегации в Югославию верная Хрущеву пресса начала уже с момента самых первых сообщений о подписании советско-югославской Декларации. В репортаже «Правды» о последнем дне пребывания делегации в ФНРЮ отдельным абзацем сообщалось о «документе огромного международного значения», который «знаменует собой успешное завершение советско-югославских переговоров и открывает широкие перспективы полной нормализации отношений между СССР и Югославией в интересах обеих стран, в интересах мира во всем мире, в интересах социализма»¹⁰⁶. Первая оценка главной газеты ЦК КПСС задавала тон и последующим. С течением времени советская пропаганда сместила акценты с освещения содержания Декларации на значение визита в целом и возвеличивание его участников.

Югославская реакция на итоговый документ визита представляла зеркально противоположной. Кроме общих дискуссий югославские члены делегации имели с гостями различного рода неофициальные встречи, беседы, которые, как отмечал Э. Кардель, югославы «посчитали волнующими». «Мы имели ясное представление о том, – вспоминал он впоследствии, – что советская делегация хочет в обмен на ее согласие подписать документ. Ее ожидания заключались в том, чтобы мы рано или поздно присоединились к социалистическому лагерю. Все члены их делегации, в особенности Хрущев, старались убедить нас в том, что без солидарности коммунистических партий и социалистических стран, социализм не выживет». Представители советской стороны указывали на свою готовность после решения «спора» по государственной линии решить вопрос межпартийных связей, включая проблему отношений Югославии с социалистическим лагерем.

Югославская же сторона, по словам Карделя, «твердо стояла на том, что сотрудничество с СССР будет вестись на принципах, сформулированных в декларации». Словенский лидер считал, что визит советской делегации «закончился полным соглашением на поверхности и глубоким разделением внизу». Однако, по его мнению, «Хрущев никогда не сомневался в том, что Югославия рано или поздно войдет в социалистический лагерь и откажется от политики неприсоединения». У Карделя сложилось совершенно верное ощущение, что Первый секретарь ЦК КПСС

видит в нем главного противника возвращения ФНРЮ в советский лагерь, хотя югославская сторона в этом вопросе была «абсолютно единой». Как ему казалось, Никита Сергеевич «на него постоянно налетал», пытаясь посеять разногласия среди лидеров Югославии.

Оценивая итоги пребывания советской партийно-правительственной делегации, словенский политик полагал, что она признала ошибочность разрыва конца 40-х годов, но сделала это в мягкой форме. Он пришел к выводу, что ответственность за конфликт в результате разговоров во время визита все-таки была возложена на Сталина. При этом был перечислен «длинный список ошибок, который советские руководители уже начали ему приписывать». Вместе с тем, вспоминал Кардель, «они также требовали, чтобы мы вернулись на исходные позиции по различным вопросам и признали некоторые ошибки с нашей стороны». Среди ожидаемых советской стороной югославских признаний должно было быть согласие с частью прежней критики со стороны Москвы в отношении Белграда и отказ Карделя от положенной лекции «Социалистическая демократия в югославской практике», прочитанной им в Осло¹⁰⁷. Тем не менее в выступлении 17 июня 1955 г. перед членами Союзного исполнительного веча главный югославский идеолог отметил: новые советские руководители искренне придерживаются нового пути выхода из старой сталинистской практики. Теперешнее руководство лучшее из того, что в современных условиях могло бы возникнуть в СССР. А это самым позитивным образом скажется на международной обстановке¹⁰⁸.

Советская оценка визита представлялась более туманной, а путь к конечному одобрению югославского курса Хрущева более извилист. Он потребовал изоощренных усилий участников поездки в ФНРЮ по созданию атмосферы всестороннего одобрения в своей стране итогов советско-югославских переговоров. Произнесенная Никитой Сергеевичем в самом начале визита в Белград фраза о том, что приезд в Югославию – шаг опасный, который требовал определенного героизма, не была пустым звуком. Члены делегации понимали, что признание визита успешным зависит и от выполнения задачи убеждения в его успешности руководителей стран Восточной Европы. Добившись послушания младших союзников, можно было козырять этой «картой» в Москве, опровергая сомнения скептиков.

Третьего июня на аэродроме в Белграде советские гости разделились: Громько, Шепилов и Кумыкин отправились в Москву, а лидеры делегации – Хрущев, Булганин и Микоян вылетели в Софию. Перед ними стояла важная задача – для начала убедить в своем успехе болгарское руководство, а затем, перелетев в Буха-

рест, сделать это уже в присутствии собравшихся там руководителей Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Убедить «братские партии» в своей правоте оказалось делом не простым. После принятия решений в мае 1954 г. о необходимости активных действий по отношению к Югославии Хрущев от имени Центрального комитета направил несколько информационных писем по югославскому вопросу в адрес руководителей «братских партий». Однако эти послания вызывали недоумение и озабоченность лидеров восточноевропейских стран, которые и так были несколько дезориентированы разногласиями в советском руководстве (в том числе в отношении Югославии) и неясным общим курсом всего социалистического лагеря после кончины Сталина. Сообщения из ФНРЮ о ходе советского визита также порождали настороженность. К примеру, в письмах ЦК КПСС по югославскому вопросу постоянно говорилось о неправильной политике югославов, но в заявлении Хрущева, сделанном на аэродроме в самом начале визита, ответственность югославской стороны не упоминалась, а вся вина за разрыв была перенесена на «provokatora» Берию, и появился малопонятный термин «наслоения».

Надежду на успех Хрущеву давали достаточно прочные и доверительные отношения, сложившиеся у него с лидерами Восточной Европы. Особенно после того как они дважды (в июле 1953 г. и на рубеже 1953/1954 гг.) заявили, что верят направленным им материалам о «предательской роли Берии». Уже тогда лидеры компартий соцлагеря не скрывали наличия общих интересов в стремлении поставить под контроль партаппарата военные и государственные верхушки в своих странах. Облегчало задачу и то, что персонал дипломатических представительств СССР там контролировался доверенными представителями Хрущева. К началу 1954 г. на посольских должностях в регионе находились карьерные партийные работники¹⁰⁹. И советские послы, и лидеры восточноевропейских компартий умело улавливали и использовали слабости и привычки Хрущева, внося в отношения с Москвой элементы униженности и подобострастия (чем особенно отличался лидер КПЧ А. Новотный).

Однако Хрущев не имел намерений восстанавливать ленинско-сталинскую вертикаль управления мировым коммунистическим движением в прежних формах. В начале января 1955 г. он не поддержал инициативу главного редактора теоретического органа Коминформа М.Б. Митина реанимировать деятельность этой организации¹¹⁰. Первый секретарь предпочитал заниматься координацией международного коммунистического движения как через Секретариат ЦК КПСС, так и посредством личных встреч — преимущественно во время посещений съездов «братских пар-

тий» или же приезда восточноевропейских руководителей в СССР на консультации или отдых. Вместо возрождения Коминтерна и Коминформа предполагалось созывать лидеров коммунистических и рабочих партий на эпизодические совещания.

Как упоминалось выше, 3 июня из Белграда в Софию с официальным дружественным визитом прибыла правительственная делегация Советского Союза. Прямо с аэродрома Хрущев, Булганин и Микоян направились в центр города, где на площади 9 Сентября хозяева собрали 200-тысячный митинг. В своем выступлении Хрущев поведал, что советская делегация беседовала с руководителями правительства и Союза коммунистов Югославии, с Президентом Югославской Республики «товарищем Тито», что переговоры «проходили в духе дружбы и взаимопонимания» и завершились подписанием совместной правительственной декларации. Их итогом стало «открытие пути для установления и развития дружественных отношений Советского Союза и всех стран народной демократии с ФНРЮ». Глава советской делегации заявил, что «искреннее стремление правительств обеих стран к дальнейшему развитию всестороннего сотрудничества» между СССР и ФНРЮ «находится в полном соответствии с интересами обеих стран, с интересами других народов, с интересами дела мира и социализма». Хрущев также провозгласил окончание «периода, когда были нарушены добрые отношения между странами», и повторил отработанный тезис о том, что это состояние «было выгодно только силам империалистической реакции и агрессии, которые стараются столкнуть народы друг с другом, посеять между ними рознь и вражду с тем, чтобы легче было осуществлять свои коварные антинародные замыслы».

Столь же упрощенными выглядели и остальные тезисы. Поведав о поездках по ФНРЮ и беседах с трудящимися, Хрущев заметил, что «несмотря на трудности, которые пришлось пережить Югославии в результате имевшего место нарушения отношений между нею и нашими странами, Югославия не поступилась своим суверенитетом, полностью сохранила свою национальную независимость перед лицом империалистического лагеря». Он вновь повторил, что «создалась здоровая нормальная обстановка, расчищены пути для дальнейшего развития дружественных отношений и всестороннего сотрудничества между Югославией и Советским Союзом». Употребляя марксистско-ленинское «арго», Хрущев выразил уверенность в том, что улучшение отношений «явится новым вкладом в дело смягчения международной напряженности и укрепления мира», «послужит интересам всех миролюбивых народов, интересам трудящихся всех стран, которые с чувством одобрения встретили сообщение о положительных результатах советско-югославских переговоров». Без тени сомне-

ния он также заверил аудиторию в том, что «результаты этих переговоров с особым удовлетворением встречены народами Советского Союза и стран народной демократии, так как народы этих стран в течение долгих лет были связаны с народами Югославии узами совместной борьбы за общее дело»¹¹¹.

Для советской делегации весьма важным было получение формального одобрения болгарами состоявшейся поездки в Югославию. Эту задачу удалось решить в виде коммюнике о пребывании правительственной делегации Советского Союза в НРБ, в котором указывалось, что «при обмене мнениями выяснилось полное единство взглядов по вопросам установления дружественного сотрудничества как между СССР и Югославией, так и между Болгарией и Югославией». В документе нашлось место для следующего тезиса: «...дружественное сотрудничество Советского Союза и Болгарии с Югославией будет содействовать улучшению отношений Болгарии, а также Советского Союза с такими союзными им странами, как Греция и Турция»¹¹².

Начало процесса «единодушного одобрения» итогов визита советской делегации в ФНРЮ было положено, но большой ясности в перспективы развития отношений «советского блока» с Югославией встреча в Софии так и не внесла. Свидетельством этому может служить отправленная в Прагу в эти дни телеграмма посла ЧСР в Болгарии. Хотя дипломат затянул с отчетом до 6 июня, рассчитывая разобраться в происходившем, его донесение содержало лишь описание внешней канвы событий. Автора, как и остальных представителей посольств «советского блока», допущенных к наблюдению встречи вблизи, впечатлил поцелуй, которым обменялись Хрущев и Живков при встрече на аэродроме, а также двусмысленная фраза Булганина в его выступлении вечером 3 июня на торжественном приеме в здании Совета министров НРБ. Слова Булганина по поводу рассказа Хрущева об итогах визита в ФНРЮ: «И это еще не все из того, что было сказано в Белграде», – были истолкованы как намек на достижение иных договоренностей кроме опубликованной декларации¹¹³.

Вслед за визитом в Софию состоялась не менее важная акция, проведенная хрущевской «тройкой» в Бухаресте, куда советские руководители прибыли «с официальным дружественным визитом» 5 июня. Разумеется, без митинга, устроенного в этот раз на площади Победы, не обошлось. Вслед за публичными мероприятиями состоялись беседы в узком составе: Хрущев и сопровождающие его лица встретились не только с румынскими лидерами Г. Георгиу-Дежем и П. Гроза, но и с приглашенными в Бухарест с «дружеским визитом» руководителями Венгрии (лидером коммунистов М. Ракоши и председателем совета министров А. Хегедюшем) и Чехословакии (первым секретарем ЦК КПЧ А. Новот-

ным и секретарем ЦК КПЧ И. Гендрихом). В публичных выступлениях советских визитеров (говорил, как всегда, преимущественно Первый секретарь ЦК КПСС) новых акцентов не прозвучало. Переговоры в Югославии, по мнению Хрущева, «увенчались хорошими результатами и привели к разрешению многих нерешенных вопросов в отношениях между Советским Союзом и Югославией». Он сделал упор на «создании прочной здоровой основы, на которой будет развиваться дружба и сотрудничество советского и югославского народов». «Эти результаты, – заверил советский лидер, – стали возможными благодаря тому, что обе делегации, приложив должные усилия, достигли полного взаимопонимания как по вопросам, касающимся отношений между СССР и Югославией, так и по важнейшим международным проблемам»¹¹⁴.

Определение «полный» стало рефреном всех высказываний Хрущева в эти дни. Состояние советско-югославских отношений было охарактеризовано как «полная нормализация», имеющая «огромное значение не только для СССР и Югославии, но и для других миролюбивых народов, для укрепления мира во всем мире». Первый секретарь ЦК КПСС не стал конкретизировать врагов, указав на них в самой общей форме: «силы империалистической реакции, враги мира». Значение итогов визита в ФНРЮ подверглось расширению. В Бухаресте Никита Сергеевич попытался внушить своим слушателям и собеседникам мысль о том, что итоги состоявшихся переговоров не только приведут к смягчению международной напряженности, но и «сыграют важную роль в противодействии силам агрессии, в укреплении мира во всем мире». При этом советский лидер применил неотразимую аргументацию, назвав тех, кто одобряет итоги визита, «миролюбивыми народами»¹¹⁵.

В коммюнике о пребывании делегации в Румынии¹¹⁶ появилась запись, что во время встречи правительственная делегация Советского Союза информировала глав трех коммунистических партий о ходе своих переговоров в Югославии. «Были рассмотрены все вопросы международной политики, затронутые совместной декларацией правительств Советского Союза и Федеративной Народной Республики Югославии... В итоге состоявшегося в Бухаресте открытого обмена мнениями, – отмечалось в документе, – было констатировано полное единодушие с руководящими деятелями Румынии, Венгрии и Чехословакии по всем международным вопросам, затрагивающим интересы этих государств, и выражено удовлетворение по поводу достигнутого дружественного сотрудничества между СССР и Югославией». Строки документа о том, что «руководящие деятели Румынии, Венгрии и Чехословакии, приветствуя соглашение между СССР и Югославией,

выразили со своей стороны надежду и уверенность в том, что между их странами и Югославией будет достигнуто дружественное сотрудничество в интересах дальнейшего укрепления дела мира и социализма» и, что «обмен мнениями в Бухаресте происходил в духе полного взаимопонимания, в обстановке сердечности и дружбы», создали солидный задел для пропаганды позитивных итогов визита в ФНРЮ и в Советском Союзе¹¹⁷.

Коммюнике о пребывании советской делегации в Румынии было опубликовано в советской прессе 6 июня, а днем раньше Хрущев, Булганин и Микоян вернулись в Москву. На аэродроме хрущевскую «тройку» встречали члены Президиума ЦК КПСС, среди которых находился и Молотов. Как сообщал в Белград в отчете о возвращении Хрущева, Булганина и Микояна замещавший задержавшегося на родине посла Д. Видича Б. Осолник, «из дипломатов был только румынский посол, в то время как дипломатический корпус не был оповещен». Осолник доложил о том, как Молотов, увидев югославских дипломатов, подошел с вопросом, «насколько мы удовлетворены переговорами» и, не дожидаясь ответа, добавил, что «встреча была весьма значительной и полезной». Хрущев во время обмена рукопожатиями также «выразил удовлетворение результатами поездки и после повторил это и в кругу членов президиума ЦК». Осолник привел также и очередное емкое выражение Булганина в отношении поездки в Югославию: «Здорово сделано»¹¹⁸. 5 июня «Правда» в передовой статье «В интересах всех миролюбивых народов» положительно отозвалась о визите советской делегации в Югославию.

Шестого июня на заседании Президиума ЦК КПСС состоялось краткое обсуждение итогов визита всем составом советского руководства. С довольно подробным сообщением о поездке выступил Хрущев. Он сделал упор на втором дне переговоров в Белграде: «На заседании (перелом с этого) мы поставили вопрос прямо, и о партийных вопросах поставили. О Берия поставили. И о Сталине сказали (Сталина не допустим ронять)... Сказали о выступлении Карделя (подготовили статью). Вы ответите – опять разгорится война (идеологическая). Тито с этим согласился. Они стали говорить о постепенном решении»¹¹⁹. Хрущев остановился и на вопросе участия Югославии в Балканском пакте, изложив югославскую позицию и по сути согласившись с ней: «Но это когда было (в каких условиях). Турок не любят. На экономической и культурной линии греков оторвать – тогда турки одни останутся. Турок использовать – сдерживать в отношении арабских стран». Подробно остановился Никита Сергеевич и на спорном вопросе – о влиянии США в Югославии: «У США на 600 млн военной, 500 млн гражданской помощи взяли: баз – нет, советников –

нет. Они решают отказаться от помощи США. Мы им ничего не назвали»¹²⁰. В завершение доклада Первый секретарь ЦК КПСС резюмировал: «В итоге. По государственной линии – удачная поездка. По линии партии – еще не такой контакт (полный) установили. Продолжить линию. Проявить упорство, терпеливость. Посла заменить. В ЦК: разработать по линии культурной, печати, кино... Тито предложил черту подвести. Не ворошить старое. Сказали Тито, что согласовали со всеми компартиями». По окончании выступления Хрущева Булганин и Микоян заявили: «Мы присоединяемся к сказанному»¹²¹.

Продолжительный отчет Хрущева потребовал перерыва, после которого дискуссии не получилось, а поступил ряд рабочих предложений: дать на пленуме ЦК информацию о поездке (поручено Хрущеву) и принять резолюцию ЦК, подготовить которую и принять на одном из следующих заседаний Президиума ЦК КПСС поручалось комиссии во главе с Кагановичем. Ее содержание, совпадавшее с выводами, сделанными Хрущевым, было намечено тезисно: «Одобрить деятельность, линию. Большие успехи по государственной линии. Программа выполнена. Директива, данная Политбюро, выполнена полностью. По партийной линии – одобрить; выдержана линия. Не только никаких уступок, но принципиальное наступление, добились известного контакта»¹²².

Можно предполагать, что данное заседание могло бы оказаться более бурным, но день был заполнен весьма важным для членов Президиума ЦК событием. После отчета все высшее советское руководство – Булганин, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Хрущев и другие – встречали на взлетно-посадочной полосе Центрального аэропорта Москвы премьер-министра Индии Джавахарлала Неру с дочерью Индирой¹²³. Во время бесед с индийским лидером советское руководство попыталось использовать подписанный 2 июня советско-югославский документ для внесения новых характеристик в международные отношения, стремясь одновременно на его примере показать миролюбивый и конструктивный характер советской внешней политики. В частности, 8 июня в беседе с премьер-министром Дж. Неру Н.А. Булганин, поинтересовавшись, «знаком ли Неру с советско-югославской декларацией», пояснил, что «декларация положительно отвечает пяти принципам Неру и Чжоу Эньлая», и заметил, что «следовало бы расширить круг государств, поддерживающих эти принципы, так как их принятие способствует уменьшению напряженности и недоверия между государствами»¹²⁴. Югославские лидеры в эти дни также занимались «азиатским» визитом – 7 июня в Белград прилетел премьер-министр Бирмы У Ну.

Восьмого июня на заседании высшего руководящего органа партии первым вопросом повестки дня стоял «Проект резолюции Президиума ЦК КПСС по докладу правительственной делегации СССР о переговорах с Югославией», вторым – «Проект письма ЦК КПСС центральным комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров». Но принятие этих документов было отодвинуто выступлением В.М. Молотова, который попытался, по сути, поставить под сомнение итоги визита по партийной линии. Вкратце его позиция свелась к одному тезису: «Считаю неправильным утверждать, что мы в переговорах с Югославией основывались на позициях марксизма-ленинизма»¹²⁵. Формально поводом для возражения Молотова послужила фраза в проекте постановления, что в процессе переговоров по партийным вопросам советская делегация последовательно отстаивала принципы марксизма-ленинизма, достигнув первых результатов¹²⁶.

Выступление Молотова встретило возражения Л.М. Кагановича, которого два дня назад назначили координатором комиссии по подготовке резолюции Президиума ЦК по докладу Хрущева о переговорах с Югославией. Как указывалось в протоколе заседания, Каганович посчитал «неправильным разговаривать только официальным языком с Югославией. Делегация добилась серьезных результатов». Затем он перешел на абстрактный уровень полемики, возвращаясь к дискуссии с Молотовым о ленинизме на одном из майских заседаний. Дав определение ленинизма (это «значит бороться за людей; завоевание нашей партийной тактики»), Каганович перешел к характеристике действий МИД, оценив и действия его главы: «В отношении Югославии МИД занимал пассивную позицию. МИД усугублял положение. Т. Молотов не прав. Должен был бы извлекать уроки»¹²⁷.

А.И. Микоян в начале своего выступления, предложил вернуться к персональному обсуждению министра иностранных дел: «После выступления т. Молотова нельзя так теперь оставлять дело. Резолюцию надо изменить. Сказать, что есть две точки зрения. Есть разногласия в партии (сказать пленуму)». Далее он произнес ключевую фразу, объяснявшую всю остроту борьбы на югославском направлении, ее влияние на расстановку сил в советской партийно-государственной верхушке: «Убрать Берия, значит подставить других». Уже не останавливаясь на необходимости фиксации «разногласий в партии», Микоян поставил под сомнение взгляды главы Министерства иностранных дел: «Неправильно делает т. Молотов, отстаивая ошибочные позиции. Двусмысленная критика т. Молотова на счет позиции марксизма-ленинизма (позицию делегации как оценивает?)»¹²⁸.

Затем выступил Н.А. Булганин, который по-военному, без идеологической полемики констатировал: «Имеем дело с попыткой внести осложнения в работу нашего коллектива. Конец положить этому. По существу стремление нанести ущерб результатам, переговорам, дискредитировать...» Он высказал в адрес Министра иностранных дел СССР серьезнейшее обвинение, указав, что Молотов черпает аргументы из американской прессы¹²⁹.

М.Г. Первухин, также участвовавший в атаке на министра, назвал его взгляды «позицией обиды», в то время как «наша делегация стояла на позициях марксизма-ленинизма». Следующим слово взял главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов, который в ходе недавнего визита более всех занимался идеологическими вопросами, готовя вместе с хозяевами проект письма ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС. Характеризуя «природу государства Югославии», он заявил, что «это не буржуазное государство, а народное государство», «идейное оружие их – марксизм-ленинизм»¹³⁰. Вслед за этим М.З. Сабуров, вложивший в последний год в процесс советско-югославских отношений немало усилий, вышел на более широкие обобщения действий министра, используя его же лексику: «В югославском вопросе т. Молотов занимает не ленинскую позицию. У т. Молотова это разногласие по Югославии только предлог. Видно у него есть несогласие по другим вопросам».

Критику главы внешнеполитического ведомства СССР продолжил М.А. Суслов, назвавший его позицию «вредной». По его мнению, «итоги переговоров полностью опрокинули непартийную позицию т. Молотова», выступление которого является «попыткой смазать работу нашей делегации. Враги понимают результаты переговоров, а т. Молотов не понимает». Суслов поддержал Микояна в необходимости внесения изменений в проект резолюции по югославскому вопросу: «Добавить, раскритиковать позицию т. Молотова»¹³¹. После Суслова общее мнение поддержал и Г.М. Маленков: «Делегация большую работу провела. Т. Молотов игнорирует результаты поездки. Беззаботность проявляет к задаче завоевания Югославии на нашу сторону... Поездка дала большой результат, что и по партийной линии сближение провести». Маленков не стал разделять жесткую позицию Суслова, поддержав более мягкое предложение Микояна, «сказать и о другой точке зрения»¹³².

Последним выступил (Хрущев хранил молчание) председатель Президиума ВС СССР К.Е. Ворошилов, который попытался смягчить накалившуюся ситуацию: «Резолюция правильная, но мы пустяковые вопросы превращаем черт знает во что». Вспоминая о своих взглядах до визита, он заявил: «Я сомневался. Но клюнуло ведь». После этого формальный глава государства

попробовал урезонить Молотова: «Непонятно, почему т. Молотов упорствует. Если вернем Югославию, тогда МИД будет первую скрипку играть». В итоговой оценке Ворошилов проявил мягкость, но, вспомнив свое кавалерийское прошлое, присоединился к большинству: «Хорошие результаты дали переговоры. Закусил удила т. Молотов»¹³³.

Повторное выступление В.М. Молотова на заседании показало, что он, даже под напором подавляющего большинства, не готов поменять своих взглядов и в самом деле «закусил удила»: «Результаты поездки большие и положительные. Я не согласен с некоторыми положениями. По государственной линии добились больших результатов. По партийной линии – не добились результатов (черновик письма не удовлетворяет)». Молотов продолжил конкретизацию своих претензий: «Наши отношения с Югославией ухудшились из-за националистического уклона, а не из-за Берия (деятельность Берия усугубила (в тактике) дело)». Основной смысл расхождений перед разрывом 1948 г. министр видел в том, что «югославы национальные интересы ставят выше интересов СССР и нашей партии. О причинах ухудшения отношений с Югославией (неправильно излагали в документе и в речи)». Как опытный полемист и старый партиец, работавший еще с В.И. Лениным, Молотов не считал нужным скрывать разногласия: «Стоит возразить – говорят: “мешает работе. Разногласия изживем в процессе работы”. А можно обострить и теперь вопрос»¹³⁴.

После этого проработка непокорного ленинца пошла по второму кругу. Первым начал П.Н. Пospelов: «Могли бы улучшить отношения без привлечения марксизма-ленинизма (так отстаивает т. Молотов). Декларация большой результат. Можно ли югославскую партию повернуть на марксистско-ленинский путь? Да. Позиция т. Молотова обрекает нашу партию на пассивность». Выступающий предложил «в резолюции записать о неправильной позиции т. Молотова»¹³⁵. За Pospelовым повторно выступил Каганович. На этот раз он говорил без упоминаний о визите, сконцентрировавшись исключительно на министре иностранных дел: «Т. Молотов смешивает одно с другим. Неверие выражает т. Молотов в силы КПСС. Т. Молотов ошибся. Должен признать. Белые руки хочет сохранить, упорствует»¹³⁶.

Итог «показательной порке» подвел лично Никита Сергеевич: «Странность проявил т. Молотов, не высказался, когда обсуждали югославский вопрос. Пленум отложить. Чтобы присутствовал т. Молотов... Исходные позиции т. Молотова неправильные. Надо с уверенностью вести дело, чтобы привлечь на свою сторону Югославию. Шаг за шагом укреплять позицию. Доверие оказать, не допускать поражения. Т. Молотов в ряде вопросов отступает от своих позиций. Записать, что т. Молотов имеет

свою точку зрения и ее осуждаем. Мне, докладчику, дать сказать, что у нас есть разногласия. Пленум ЦК должен занять свое место в решении внутривнутрипартийных и международных вопросов. Поручить товарищам доработать резолюцию (уточнить). Информировать братские партии. Всю переписку членам ЦК. МИДу предложения»¹³⁷. Единственной заминкой в решениях, намеченных Хрущевым еще 6 июня, стал вопрос о замене посла В.А. Валькова в Белграде – постановили с ней повременить¹³⁸.

Как бы ни был серьезен югославский вопрос для Хрущева, но его поджимали более важные и не менее неотложные дела, участие в которых требовало времени. Первый секретарь не смог отказать себе в удовольствии обсудить проблемы развития животноводства, растениеводства и зернового хозяйства на совещании работников сельского хозяйства в Риге 14–16 июня с посещением колхозных хозяйств в Латвии и Эстонии. Из этой поездки Никита Сергеевич вернулся возбужденный, сетуя товарищам по Президиуму, что в прибалтийских республиках «положение тяжелое. Руководители слабые (но хорошие)». Особенно Первого секретаря ЦК КПСС напугало то, что «клевер на вешалах сушат: гниет все»¹³⁹. По этой причине к югославскому вопросу и проработке Молотова на заседаниях Президиума не возвращались. Тем более что сам Молотов вновь выехал в командировку за рубеж для участия в конференции по Индокитаю министров иностранных дел ведущих мировых держав.

11 июня 1955 г. «комиссия Кагановича» представила в аппарат Секретариата ЦК КПСС проект постановления по югославскому вопросу из четырех пунктов¹⁴⁰. Документ предваряла пояснительная записка Кагановича, Суслова, Пospelова, Шепилова и Пономарева¹⁴¹. Комиссия подготовила также и проект информационного письма «братским компартиям» с разъяснениями итогов визита в Югославию. Названные материалы приняли на заседании Президиума ЦК 20 июня, причем в редакции, не учитывавшей позицию Молотова. Внесенная в документы правка явилась исключительно стилистической. В этот день был одобрен как сам факт визита делегации в ФНРЮ, вновь поставленный Молотовым под сомнение, так и его итоги.

В первом пункте принятого постановления указывалось: «Советская правительственная делегация на переговорах с Югославией неуклонно проводила ленинскую линию и, действуя в полном соответствии с директивами ЦК КПСС, проделала большую плодотворную работу, отвечающую интересам Советского государства, КПСС и международного коммунистического движения. ЦК одобряет линию и практическую работу советской правительственной делегации в переговорах... в итоге переговоров осуществлен крутой поворот в отношениях между СССР и

ФНРЮ. Ненормальные, нездоровые отношения, сложившиеся после 1948 г., связанные с провокаторской ролью Берии и Абакумова, ликвидированы. Заложены прочные основы для развития дружественных отношений и всестороннего сотрудничества между СССР и ФНРЮ по государственной линии, что имеет большое значение для дела мира и социализма». В этом же абзаце, подводившем итоги визита, затрагивалась и партийная сторона двусторонних отношений: «В процессе переговоров по партийным вопросам, в которых советская делегация последовательно отстаивала принципы марксизма-ленинизма, достигнуты первые результаты и созданы предпосылки для контакта и сближения между КПСС и СКЮ»¹⁴².

Таким образом, в ходе обсуждения 8 июня на заседании Президиума ЦК Молотов не получил поддержки присутствовавших. Позиции Хрущева и других участников визита в Югославию оказались достаточно прочными для того, чтобы в постановление по югославскому вопросу включить и положение об особой позиции Молотова и вынести данный вопрос на намеченный на начало июля пленум ЦК КПСС. В документе было записано: «Итоги переговоров подтвердили безусловную правильность линии и практических мероприятий Президиума ЦК по вопросам отношений с ФНРЮ и СКЮ. Президиум ЦК считает позицию т. Молотова по югославскому вопросу не соответствующей интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающей принципам ленинской политики. Такая позиция привела бы к закреплению ненормальных отношений с Югославией и к дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь. Ввиду того, что т. Молотов не отказался от своей неправильной позиции, Президиум ЦК считает необходимым сообщить об этом на предстоящем пленуме ЦК в докладе т. Хрущева об результатах переговоров с Югославией»¹⁴³. Представив попытку Молотова тщательно разобраться в итогах советско-югославских переговоров именно в таких формулировках, Хрущев максимально капитализировал политические итоги визита в ФНРЮ для дальнейшего укрепления собственных позиций в руководстве партии и страны и использовал его как во внутренней пропаганде, так и для ряда заявлений в международном коммунистическом движении.

На заседании было также принято решение выработать предложения по развитию всесторонних отношений с Югославией. Впервые произошло четкое разделение ролей между Секретариатом ЦК КПСС и МИД СССР. Министерству иностранных дел и внешней торговли поручалось представить в ЦК предложения по вопросам дипломатических и экономических отношений, вытекающих из Декларации правительств СССР и ФНРЮ, а Секре-

тариату ЦК поручалось представить конкретные предложения по активизации в ближайшее время партийных, общественных и культурных связей с этой страной¹⁴⁴.

Одновременно Секретариату было поручено доработать проект письма «братским партиям» об итогах переговоров с Югославией¹⁴⁵. Все подготовительные материалы для решения о направлении письма были готовы к 20 июня¹⁴⁶. В постановлении ЦК по этому вопросу указывалось: «В основном одобрить представленный комиссией в составе тт. Кагановича, Сулова, Пospelова, Шепилова и Пономарева проект письма ЦК КПСС Центральным Комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров. Поручить той же комиссии на основе состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК КПСС доработать проект письма ЦК КПСС». 25 июня информационное письмо ЦК КПСС руководителям «братских партий» на одиннадцати страницах поступило в рассылку¹⁴⁷.

Не менее титаническая работа по изучению итогов советского визита и их последствий, реакции на них в обществе и высшем руководстве Советского Союза проводилась в Югославии (хотя и без существенной политической борьбы, ибо консенсус по проведению переговоров с Москвой в югославской элите был достигнут в 1954 г.). Мельчайшие детали, становившиеся известными югославским дипломатам, являлись предметом самого внимательного изучения. 12 июня в Белград поступила телеграмма из посольства ФНРЮ в СССР, где сообщалось о том, что декларация о переговорах поставлена в качестве обязательного материала для изучения на занятиях марксизма-ленинизма в советских вузах и на проходивших экзаменах. В донесении отмечалось, что «вопросы и ответы сконцентрированы строго на самом тексте декларации». В посольстве обратили внимание на то, что «несколько сильнее подчеркивается величие марксистско-ленинской советской внешней политики и огромное значение переговоров»¹⁴⁸.

Подобные проявления итогов переговоров в Белграде воспринимали как подтверждение искренности советской стороны, хотя эти детали являлись лишь подтверждением ярко выраженного стремления Хрущева закрепить в сознании молодой части советского общества понимание его руководящей роли, а также свидетельствовали об обретении им и его сторонниками прочного контроля над аппаратом ЦК КПСС (в частности, над отделами науки, пропаганды и агитации), работники которых, в свою очередь, стремились выслужиться перед Первым секретарем.

Визит в Югославию имел самое непосредственное влияние на дальнейшие контакты дипломатов двух стран. Их встречи превратились в доверительные беседы, в ходе которых шел нор-

мальный обмен информацией. 14 июня 1955 г. в Софии во время беседы посла Приходова с Милковичем¹⁴⁹ югослав, зная как радуются советские дипломаты, выслушивая антиамериканские высказывания, польстил собеседнику, отметив «неразумность заявлений Даллеса и других американских руководителей, пытавшихся вмешиваться во внутренние дела других государств». В отчете, направленном советским послом в Москву, указывалось: «В течение всей беседы Милкович заметно подчеркивал свое расположение, и у меня сложилось впечатление, что целью его визита было желание подчеркнуть дружественные взаимоотношения, устанавливающиеся между Югославией и Советским Союзом»¹⁵⁰.

Визит в Югославию и достигнутые по его итогам договоренности дали бурный старт развитию двусторонних связей. Советская сторона предприняла инициативу по их расширению в области культуры. Уже 11 июня Министерство культуры СССР «вышло» в Секретариат ЦК КПСС с двумя вопросами относительно развития контактов в своей сфере – о приглашении в СССР в 1955 г. делегации деятелей культуры Югославии для ознакомления с советскими учреждениями культуры, а также о переговорах с югославскими организациями о совместной съемке кинофильма «Олеко Дундич» и проведении кинофестивалей¹⁵¹. 15 июня 1955 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин повторил свое январское предложение в ЦК КПСС о направлении послания Всемирного форума демократической молодежи в адрес Народной молодежи Югославии, указав, что ЦК ВЛКСМ «считает необходимым» направить письмо¹⁵². В этот раз предложение Шелепина было поддержано уже через несколько дней заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б.Н. Пономаревым, который отметил, что «решение исполкома ВФДМ об исключении Народной молодежи Югославии из ВФДМ было несправедливым». Тем не менее, несмотря на поддержку влиятельных аппаратных сил, вынести материал на обсуждение Президиума ЦК не удалось¹⁵³. С резолюцией «Отложить»¹⁵⁴, свидетельствовавшей о том, что сторонники Хрущева явно не желали, чтобы их обошли (хотя бы и по молодежной линии) в деле установления партийных связей с югославской стороной, документ сдали в архив.

20 июня 1955 г. А.А. Громыко разослал членам Президиума ЦК КПСС проект постановления «О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений» и проект конвенции о культурном сотрудничестве¹⁵⁵. В пояснительной записке к этим документам акцент делался на необходимости развития контактов двух стран в области культуры¹⁵⁶. Непосредственной реакции советского руководства на эти предложения не последовало. И в дальнейшем материал, посвященный перспективам

развития отношений между СССР и Югославией, накапливался, но ни решений, ни практических шагов по его реализации не предпринималось.

23 июня свои предложения по развитию двусторонних отношений направило в МИД СССР советское посольство в Белграде¹⁵⁷. Они также концентрировались на культурной сфере. «Придавая важное значение расширению культурных связей между СССР и Югославией, направленных на популяризацию достижений советской науки, культуры и искусства и усиление нашего влияния в Югославии», посольство считало «возможным и целесообразным», наряду с ускорением заключения культурной конвенции, предусмотренной в Декларации правительств СССР и ФНРЮ от 2 июня, провести до конца 1955 г. ряд мероприятий в этой сфере. Первым из них, по мнению советского посольства, должно было стать приглашение в Советский Союз делегации руководящих работников Комиссии по культурным связям с заграницей и деятелей культуры в составе 9–12 человек «для ознакомления с культурной жизнью нашей страны». В документе оговаривалось, что «пребывание этой делегации можно было бы использовать и для ведения переговоров по вопросам дальнейшего развития культурных связей между СССР и Югославией».

В.А. Вальков и его подчиненные также полагали необходимым, «учитывая возросший интерес к научной и культурной жизни Советского Союза и желание некоторых югославских организаций иметь контакт с соответствующими советскими организациями и учреждениями, рекомендовать Союзу Советских Писателей, Союзу Композиторов, Радиокомитету, Комитету по делам физической культуры и спорта, профессиональным союзам, а также другим научным и культурным учреждениям устанавливать по согласованию с МИД СССР непосредственный контакт и переписку с соответствующими югославскими учреждениями и организациями и осуществлять с ними обмен литературой, музейными произведениями, и другими материалами»¹⁵⁸. Особо оговаривалось, что при внесении этого предложения имелось в виду, что «югославские официальные лица, выступая за полную нормализацию советско-югославских отношений по всем линиям, вместе с тем проявляют заметную сдержанность при решении конкретных вопросов, мотивируя свою позицию финансовыми трудностями, перегруженностью и рядом других причин»¹⁵⁹. По сути, данная фраза означала скрытую рекомендацию Москве приглашать югославские делегации за советский счет в надежде на то, что на таких условиях договориться с гостями будет легче. Но главным результатом и записки Громыко, и предложений посольства в Белграде явилось то, что в итоге смысл действий внешнеполитических служб СССР свелся к выполнению указа-

ний Президиума и Секретариата ЦК и концентрировался на связях в сфере культуры, что символизировало полную победу Хрущева и партаппарата в почти полуторалетнем противостоянии Секретариата ЦК КПСС и МИД СССР.

Предпринятые Хрущевым на югославском направлении шаги требовали поддержки со стороны коммунистических и рабочих партий, которые, в свою очередь, желали получить более развернутое объяснение советских действий. Встречи в Софии и Бухаресте, состоявшиеся сразу после визита советской делегации в ФНРЮ, стали первыми из мероприятий этого ряда. В письме ЦК КПСС коммунистическим и рабочим партиям от 25 июня 1955 г. сообщалось о достижении «первых результатов и создании предпосылок для установления контакта и сближения между СКЮ и КПСС и всем международным коммунистическим движением». Не ожидая легкого продвижения на этом направлении, авторы письма предусмотрительно воздерживались от скоропалительных обещаний: «Однако следует иметь в виду, что для полного взаимопонимания на основе принципов марксизма-ленинизма между компартиями и СКЮ потребуется немало времени, выдержки, терпения... много упорства, принципиальности и гибкости, совместных усилий»¹⁶⁰.

Москва имела достаточные основания для проявления сдержанного оптимизма. 21 июня председатель Скупщины ФНРЮ М. Пияде через посла В.А. Валькова повторно информировал советскую сторону о возможности визита югославской парламентской делегации в Советский Союз. Впервые Белград заявил о его желательности еще в начале апреля 1955 г.¹⁶¹, но тогда в Москве на это пожелание не отреагировали, считая необходимым уделить все внимание подготовке встречи на высшем уровне. По возвращении советской делегации из Белграда препятствий уже не оставалось. 25 июня ЦК КПСС принял постановление о согласии с приездом югославской делегации после 1 августа 1955 г. Послу СССР в Югославии Валькову предписывалось оговорить желательность ответного визита советской парламентской делегации в конце августа – сентябре. В Москве стремились использовать любой позитивный поворот в развитии двусторонних отношений для того, чтобы подчеркнуть успешность действий на югославском направлении советского руководства и лично Никиты Сергеевича, закрепить в общественном сознании мысль, что именно глава партии и придал главный импульс восстановлению и развитию связей с Югославией.

Тем не менее Хрущеву по-прежнему требовались ощутимые результаты визита, которыми можно было бы подтвердить правильность его действий. Верные ему политические силы в СССР поставили задачу создать хотя бы поверхностное впечатление о

безоговорочном успехе встреч в Югославии. Сначала для этого было использовано сообщение о ратификации 14 июня правительством Югославии советско-югославских торговых соглашений, заключенных еще в начале года¹⁶², а затем прозвучавшее в югославских СМИ 28 июня сообщение о намерении И. Броз Тито посетить СССР в 1956 г.

Вслед за этим была разыграна своего рода пропагандистская заготовка (сделанная Д.Т. Шепиловым еще в ходе недавнего визита в Югославию) о согласии ЦК СКЮ на возобновление партийных связей, отраженном в проекте письма от 2 июня. К этому времени заготовка превратилась в официальное письмо ЦК СКЮ от 28 июня в адрес ЦК КПСС. Но за данное послание советской стороне пришлось заплатить дорогую цену. Получение столь желанного для Хрущева письма югославов «чудесным образом» совпало с решением предоставить Белграду экономические преференции в финансово-торговой области.

Как уже отмечалось, вопрос о полноценном восстановлении и развитии двусторонних экономических отношений между СССР и ФНРЮ был чрезвычайно запутан. В начале 1954 г. советский посол в Белграде В.А. Вальков пытался инициировать его обсуждение, но не нашел поддержки в Москве. Обе стороны сознательно оставили в стороне его обсуждение в ходе визита советской делегации в Югославию в конце мая – начале июня 1955 г., опасаясь острых противоречий и не желая омрачать сравнительно бесконфликтный ход переговоров в Белграде и на Бриони. Имеется всего несколько свидетельств о том, что представители сторон лишь коснулись общего состояния хозяйственных связей, обозначив свои позиции. Судя по доступным отрывочным сведениям, Микоян и Вукманович-Темпо пытались начать обсуждение экономических проблем на Бриони, но тут же им стала ясна вся глубина имевшихся расхождений. Обе стороны словно боялись заглянуть в глубокую пропасть недавнего конфликта, не без оснований считая, что могут соскользнуть в нее, увлекая за собой остальных членов делегаций. «Я просто отдыхал», – так позднее намеренно упрощенно охарактеризовал свое почти двухнедельное пребывание в Югославии заместитель министра внешней торговли СССР П. Кумыкин¹⁶³.

Последним замечанием на экономические темы во время визита советской делегации были сказанные Тито 2 июня 1955 г. слова относительно имевшихся спорных подходов: «Очевидно, что мы так быстро не можем решить эти вопросы, и мы предлагаем оставить их на будущее, потому что мы смотрим на них как на единый комплекс... экономических отношений со всеми восточными странами вообще. И до некоторой степени это должно быть увязано, мы сейчас этот вопрос не можем решить... его про-

сто следует оставить на будущее, с тем, чтобы мы могли лучше обдумать и разделить темы... Мы договоримся о других переговорах». Согласно расшифровке магнитофонной записи этого обсуждения, слова Тито встретили одобрение членов советской делегации, которые заявили почти в один голос: «Мы согласны». Тито поддержал и Хрущев, хотя истолковал сказанное более широко, увязав этот вопрос с общим ходом дальнейшего развития двусторонних отношений. «Это произойдет постепенно, путем переговоров, обмена делегациями. Так будет лучше, – выразил уверенность советский руководитель, – мы понимаем, что вам необходимо подумать... вы согласованно сделаете это таким образом, чтобы не было нанесено ущерба вашей экономике». В ответ Тито подытожил: «Да, нашей экономике, кроме того, знаете, и народ...»¹⁶⁴

В результате, Хрущев и его коллеги по делегации продвинулись в понимании перспектив развития двусторонних связей в этой сфере. Несколько позже, 9 июля 1955 г., в своем выступлении на пленуме ЦК КПСС он суммировал высказывания югославской стороны по хозяйственным вопросам в ходе визита¹⁶⁵. Оговорившись, что разговор состоялся в предварительном порядке и на экспертном уровне. По его мнению (Хрущев сослался на объяснения Тито), для них это были прежде всего «вопросы задолженности Югославии Советскому Союзу, возникшей в послевоенный период»¹⁶⁶. Поясняя действия советской делегации, Хрущев отметил, что «в этой области возникли некоторые разногласия» и предварительные встречи и беседы членов делегации показали необходимость проведения дополнительной работы обеих сторон, чтобы покончить со взаимными претензиями и наладить прочные экономические связи. Советская сторона на экспертном уровне указала, что не требует оплаты (всего на сумму около 613 млн рублей) поставок вооружений и военной техники, предоставленных югославам для борьбы с фашистской Германией, а также по расходам на репатриацию югославских граждан, пострадавших от фашистской агрессии. Относительно задолженности, возникшей в послевоенный период на сумму около 528 млн рублей за вооружение, переданное Югославии после окончания войны, по товарным и военным кредитам и другим соглашениям, советские представители выразили готовность договориться об установлении новых льготных сроков и условий погашения. В ответ югославские эксперты заявили, что ФНРЮ имеет юридические права претендовать на компенсацию ущерба, причиненного югославской экономике в результате одностороннего разрыва СССР имевшихся договоров, что было примерно равно задолженности Югославии Советскому Союзу¹⁶⁷.

Тито и югославские эксперты, оценки которых выделялись реализмом еще осенью 1954 г., весьма проницательно предусмотрели подвижность границ советской позиции в экономической сфере, связанной со стремлением Хрущева получить согласие Белграда на искомые партийные контакты, и тонко использовали слабость этой позиции. Вопреки озвученной самим Тито 2 июня в заключительной части советско-югославских переговоров идеи «разделить претензии», он решил их объединить, да еще и сделать это на другой основе. Фактически, югославская сторона предложила «нулевой вариант» в экономических связях в обмен на свое заявление о согласии на партийные контакты.

По всей вероятности, импульс этой идее был дан как раз 2 июня, когда после обсуждения вопросов экономических претензий Хрущев вне всякого логического перехода заговорил о необходимости межпартийного сотрудничества. Вторым импульсом, подтолкнувшим югославов к выдвижению такой схемы, стало, очевидно, донесение Д. Видича о беседах с Ильичевым и Кумыкиным в середине июня 1955 г.¹⁶⁸ В них вопросы о партийных связях и экономическом сотрудничестве были прочно увязаны. В результате, югославской стороне оставалось лишь выдвинуть это предложение, что и произошло менее чем через месяц после визита советской делегации в Югославию.

Впрочем советская сторона не только готовила почву для подобного решения экономических вопросов, но и была занята разработкой соответствующих документов. Синхронность, с которой действовали обе стороны, являлась беспрецедентной. Однако сопоставление последовательности действий обеих сторон 28 июня позволяет предполагать, что в Москве все же действовали без оглядки на югославов.

28 июня руководство Минвнешторга СССР (И. Кабанов и Коваль) представили в ЦК КПСС проект постановления Совета министров «О развитии торговых и экономических связей с Югославией». В пятом пункте документа предполагалось: «В интересах развития дружественных и экономических отношений с Югославией считать целесообразным вступить в переговоры с Югославским правительством о полюбовном урегулировании вопросов о югославской задолженности Советскому Союзу и о встречных претензиях к СССР по убыткам, понесенным Югославией в результате прекращения торговых отношений и одностороннего нарушения нами соглашения 1947 г. о поставках в Югославию в кредит комплексного оборудования для ряда промышленных предприятий».

Проект предусматривал поручение урегулирования проблемы Министерству внешней торговли СССР. Его авторы предлагали «...исходить из того, что если югославская сторона сделает

предложение, чтобы мы не требовали от Югославии покрытия предъявленной ей во время переговоров в Белграде задолженности в сумме 528 млн руб., в том числе по военным поставкам в сумме 462 млн руб., и в свою очередь откажется от упомянутых выше претензий к СССР, то, в крайнем случае, дать согласие на это предложение»¹⁶⁹.

28 июня 1955 г. заместитель госсекретаря ФНРЮ по экономическим вопросам Х. Бркич пригласил на беседу советского посла Валькова, в ходе которой сначала уточнил советские претензии к югославской стороне, а потом сделал предложение о взаимном снятии претензий. Бркич отметил наличие «как правовых, так и особых моральных оснований» для возмещения ущерба, нанесенного экономике его страны в результате разрыва советской стороной хозяйственных связей с Югославией¹⁷⁰.

После этого в игру вступил Тито, который уже на следующий день, 29 июня, встретился с советским послом. Югославский лидер начал беседу с сообщения о предстоящем пленуме ЦК СКЮ, посвященном обсуждению экономических вопросов, которые «имеют для Югославии очень большое значение». В связи с информацией СМИ 28 июня о том, что Президент ФНРЮ принял приглашение посетить СССР, он, сославшись на «договоренность с товарищами Хрущевым и Булганиным», сообщил, что сделает это в будущем году. Валькову бросилось в глаза, что «при этом Тито заметил, что в текущем году он имеет очень большую нагрузку в отношении различных визитов». Упомянув о встрече Бркича с послом Вальковым, Тито заявил, что «самым лучшим решением вопроса, связанного с взаимными претензиями финансово-экономического характера, явился бы взаимный отказ от этих претензий. Тем самым был бы расширен путь для широкого развития экономических отношений». Как сообщил Вальков, «в дополнение к сказанному Бркичем о желательности помощи со стороны Советского Союза в развитии сельского хозяйства и связанному с этим строительству ряда промышленных предприятий, в строительстве металлургического завода, в развитии алюминиевой промышленности и промышленности по добыче руд и производству цветных металлов, в развитии угольной промышленности, железнодорожного и автомобильного транспорта, Тито указал и на то, что они хотели бы получить нашу помощь и в строительстве электростанций». Поясняя масштабы возможной помощи, президент привел цифры: выработка электроэнергии в прошлом году составила 4 млрд кВт·час, в этом году ожидается 6,5 млрд кВт·час, тогда как ее запасы оцениваются в 60 млрд кВт·час. В завершение беседы югославский лидер передал советскому послу пакет для ЦК КПСС¹⁷¹.

Сопоставление даты бесед югославов с советским послом (28 и 29 июня) с датами письма ЦК СКЮ об установлении отношений между партиями и сообщений в югославских СМИ о намерении Тито посетить СССР в 1956 г. позволяет утверждать, что именно прощенная задолженность явилась своего рода платой за полученную Хрущевым возможность для манипуляций результатами визита в Югославию и дискредитации позиций Молотова на открываемом 4 июля пленуме ЦК КПСС. 30 июня был подготовлен машинописный экземпляр первой редакции доклада Хрущева о состоянии советско-югославских отношений на пленуме¹⁷². Совпадение дат позволяет выдвинуть версию о том, что если между двумя лидерами и не имелось договоренности о синхронизации шагов, то и Хрущев, и Тито стояли перед сходными задачами, действуя в одной парадигме. Тито нужно было развитие торговли с СССР перед предстоящим пленумом ЦК СКЮ по хозяйственным вопросам, а Хрущеву – доказательства победного визита в Югославию накануне пленума ЦК КПСС.

В пользу этой версии свидетельствует также и то, что сформулированная в конце июня позиция Югославии не стала неожиданностью для Кремля. Советская сторона оказалась готова к такому варианту еще до предложений, высказанных Валькову 28 июня Х. Бркичем и 29 июня Тито. К данному моменту в Москве уже были подготовлены как раз те решения, которые и предлагал Белград.

Оба вопроса – и об отношениях между КПСС и СКЮ, и о развитии торговых отношений между СССР и ФНРЮ – пересеклись в одной точке именно 1 июля на заседании Президиума ЦК КПСС. Его первым вопросом стало обсуждение письма ЦК СКЮ, а вторым – того, какими должны быть советские шаги на пути воссоздания отношений с Югославией. В принятом постановлении Президиума ЦК «О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений» указывалось: «В интересах дальнейшего развития экономических, хозяйственных и политических отношений между СССР и Югославией считать целесообразным отказаться от старых взаимных экономических претензий. Исходя из этого, поручить комиссии в составе тт. Микояна (созыв), Сабурова, Сулова, Кабанова, Громыко, Кумыкина и Пономарева разработать мероприятия по развитию торговли и экономических связей с Югославией, а также выработать предложения о мерах по дальнейшему развитию политических, культурных, научных и общественных связей с Югославией и свои предложения внести на рассмотрение ЦК КПСС»¹⁷³. Выполнить это было несложно, ибо, как уже указывалось, руководство МВТ СССР еще 28 июня направляло соответствующий проект постановления Совета министров, который должен был подписать Булганин.

Характерно, что ранее этого вопроса Президиум кратко обсудил и полученное письмо ЦК СКЮ¹⁷⁴.

Данное заседание Президиума ЦК явилось последним перед пленумом ЦК КПСС, проходившим с 4 по 12 июля 1955 г. Особой спешки для реализации решений по югославскому вопросу не требовалось, ибо итоги визита в ФНРЮ на пленуме начали обсуждать лишь 9 июля. В то же время, учитывая позицию Молотова, Хрущев и его сторонники не желали давать дополнительных аргументов министру иностранных дел и вели подготовку решения через подконтрольный Н.А. Булганину аппарат Совета министров СССР. Так, 4 июля руководство Минвнешторга (Кабанов, Коваль) вновь подготовило проект постановления Совета министров по вопросу развития торговых и экономических отношений с Югославией, направив его на этот раз Микояну. Стиль подготовки документа и сопровождавших его проектов (указания советскому послу в Белграде, памятная записка для вручения Тито и др.) совпадал с тем, как они готовились ранее для Президиума ЦК КПСС¹⁷⁵.

Седьмого июля 1955 г., уже во время работы пленума ЦК, состоялось заседание Президиума ЦК, принявшее решение «О развитии торговых и экономических отношений с Югославией». Согласно ему был принят представленный комиссией в составе Микояна, Сулова, Кабанова, Громыко и Пономарева проект, и этой же комиссии предписывалось окончательно отредактировать проект постановления ЦК КПСС и предложения к нему с учетом состоявшегося обмена мнениями¹⁷⁶.

Вскоре советский посол в Югославии Вальков передал Тито письмо ЦК КПСС от 8 июля за подписью Хрущева, в котором заявлялось, что СССР не предъявляет и не предъявит в будущем требований об оплате задолженности Югославии советской стороне в сумме около 613 млн руб. (включая долг за предоставленное в ходе Второй мировой войны вооружение на сумму в 294 млн руб.). В послании говорилось, что поставки оружия служили общим целям борьбы с фашистской Германией. Советская сторона отказывалась также от права на получение 188 млн руб., затраченных на репатриацию югославских граждан, пострадавших от режима оккупантов. В послании снималось прежнее предложение об установлении льготных сроков и условий погашения оставшейся суммы задолженности в размере 528 млн руб. Хрущев сообщал, что советское правительство приняло решение отказаться от требования уплаты ФНРЮ данной суммы, так как СССР рассматривает это решение в контексте выполнения той части подписанной в Белграде декларации, где речь идет о принятии мер, которые ликвидировали бы последствия, возникшие в результате нарушения нормального договорного положения в

экономических связях между двумя странами. Например, в письме предлагалось в ответ на запрос югославской стороны оказать ФНРЮ помощь в развитии ряда отраслей экономики и принять в Москве югославскую торговую делегацию для переговоров по этим вопросам¹⁷⁷.

Столь длительная и весьма дорогостоящая для советского народного хозяйства подготовка общественного мнения к принятию тезиса об успешности последних шагов Н.С. Хрущева на югославском направлении была неслучайной. Руководству КПСС предстояло подтвердить правильность недавних действий в отношении Югославии на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, вторым вопросом повестки дня которого значился доклад Никиты Сергеевича о нормализации советско-югославских отношений. Многие из членов ЦК еще помнили события двухлетней давности, когда в том числе и за письмо, в котором предлагалась встреча полномочных представителей Москвы и Белграда, всеильный Берия был объявлен «предателем и империалистическим агентом», арестован и, в конечном итоге, расстрелян. Туман неясности в политическом курсе по отношению к Югославии сохранялся в первые месяцы 1955 г. Некоторые следы разногласий «наверху», прежде всего в связи с особой позицией Молотова, были очевидны. Тем не менее большинство участников партийного форума не представляли, что разногласия в руководстве столь серьезны. Стоявшую перед Хрущевым нелегкую задачу облегчало то, что в июле 1953 г. он воздержался от прямого осуждения Тито и действий Берии на югославском направлении, а еще ранее, во время зарождения конфликта и принятия советским руководством решений о разрыве отношений с Югославией в 1948 г. и последующей травли югославского руководства, большей частью находился на Украине.

Перед началом первого заседания пленума ЦК КПСС по югославскому вопросу 9 июля 1955 г. члены ЦК (во исполнение указания Хрущева на Президиуме ЦК 8 июня) получили подборку отпечатанных на ротапринтере документов по югославскому вопросу, в которую входили несколько писем ЦК КПСС ЦК СКЮ и руководству «братских партий» с июня 1954 г., а также ряд постановлений, принятых Президиумом ЦК в 1954–1955 гг.¹⁷⁸ С частью из них партийная элита была знакома, тем не менее участники пленума ждали объяснений странной метаморфозы в действиях высшего руководства страны по отношению к Югославии. Дополнительное напряжение предстоявшему обсуждению придавал тот факт, что, судя по разговору между Молотовым и Ворошиловым (о чем последний немедленно сообщил Микояну), министр иностранных дел пытался найти потенциальных сторонников, готовых поддержать его позицию и сорвать готовящееся

Хрущевым представлением по одобрению последних шагов руководства КПСС в отношении Югославии.

А.И. Микоян в свою очередь предупредил Молотова о возможных последствиях его независимого поведения: «Какая польза, Вячеслав, партии и тебе если на Пленуме будут обсуждать разногласия по югославскому вопросу? Ты по существу неправ, ты остался один в Президиуме, останешься в единственном числе и на Пленуме ЦК. Все братские компартии уже одобрили линию Президиума ЦК. Тебя партия будет прорабатывать после Пленума ЦК. Поэтому ты должен, конечно, выступить, разъяснить, как ты думаешь, но должен одобрить линию Президиума ЦК»¹⁷⁹. Со своей стороны, сторонники Хрущева продолжали работу по навязыванию членам ЦК образа успешного развития советско-югославских контактов. 5 июля «Правда» опубликовала статью Первого секретаря ЦК Албанской партии труда Энвера Ходжи с одобрением визита советской делегации и белградской декларации. В ней содержалась и ссылка на недавний съезд Демократического фронта Албании, который выразил солидарность с принятым в результате советского визита документом¹⁸⁰.

Выступая на пленуме утром 9 июля с докладом «Об итогах советско-югославских переговоров» Первый секретарь ЦК КПСС дал развернутые объяснения последних шагов высшего советского руководства на югославском направлении. Относительно причин недавнего конфликта и его развития Хрущев высказывался достаточно сдержанно. Принятую в июне 1948 г. резолюцию совещания Информбюро «О положении в КПЮ» он не стал опровергать, заметив, что «мы и сейчас считаем, что в этой резолюции содержится справедливая критика по принципиальным вопросам деятельности Компартии Югославии, вполне допустимая в отношениях между компартиями». Объясняя ее появление в июне 1948 г., он утверждал: «Мы хотели поправить ЦК Компартии Югославии. В этом ничего плохого нет. Без такой принципиальной критики нельзя отстоять идейную чистоту марксизма-ленинизма». Он напомнил, что всего лишь за полгода до этого представители КПЮ сами активно участвовали «в критическом разборе ошибок в компартиях Италии и Франции» и «считали это в порядке вещей».

Признав общий тон и тезисы резолюции правильными, Хрущев тем не менее заявил об отсутствии «партийного такта, терпения и внимания». По его мнению, «наряду с правильной критикой в этой резолюции содержались и необоснованные обвинения – о преследованиях советских специалистов в Югославии, о слежке за ними, а также делались некоторые неправильные выводы». Он утверждал: «Высказанная в резолюции уверенность в том, что здоровые силы Югославской Компартии сумеют заста-

вить ее руководство изменить политику или сменят это руководство... означала призыв к коммунистам Югославии, к народу сменить, убрать руководство КПЮ, что является неправильным, так как вопрос о руководстве в каждой компартии является не компетенцией Информбюро, а внутренним делом самой компартии». «Мы не должны уклоняться от признания допущенной в этом вопросе ошибки», – заметил он. Никита Сергеевич предпочел не давать оценку переписке между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ, которая предшествовала совещанию Информбюро в июне 1948 г., и лишь подчеркнул, что вместо того, чтобы «использовать все возможности к исправлению ошибок, допущенных югославскими коммунистами, путем товарищеской братской критики, путем терпеливого партийного выяснения спорных вопросов,... сразу была взята линия на разгром руководства, которая и потерпела поражение»¹⁸¹.

Сквозной темой обострения отношений с руководством Югославии Хрущев избрал действия Берия и Абакумова. Именно здесь он указал на виновников, поскольку, по его словам, при выборе линии на разгром «выводы были сделаны без знания внутреннего положения Югославии, без знания югославских кадров, без знания обстановки в стране, так и внутри партии, внутри руководства». Он считал, что выводы о положении в ФНРЮ основывались на фактах, «подтасованных врагами и провокаторами типа Берия, Абакумова и других». Хрущев отверг ошибки Сталина в югославском вопросе. «Если бы товарищ Сталин был правильно информирован, если бы его не подзуживали Берия, Абакумов и другие, которые секретно ему докладывали, – настаивал он, – я убежден, что он изучил бы положение дел более глубоко и нашел бы пути для правильного решения этого вопроса, не допустив дело до разрыва с Югославией». Всю вину за разрыв докладчик перенес на «вероломные методы Берия». При этом он упомянул попытку последнего наладить отношения с югославским руководством через Ранковича и Тито в июне 1953 г. Прodelал он это с использованием кондовой коммунистической лексики. Напомнив о том, как «при разоблачении вражеской деятельности Берия, было обнаружено подготовленное им письмо к тов. Тито», Хрущев продолжил: «Будучи прожженным авантюристом, Берия и в этом случае проявлял двурушничество. При жизни товарища Сталина он всячески добивался разрыва наших добрых отношений с Югославией по государственной и партийной линии, расширяя грязный поток извращенной и подтасованной информации о Югославии и ее руководящих деятелях. После смерти Сталина Берия пытался поспешно замести следы и восстановить личные связи с тов. Тито, которого раньше он всячески чернил в глазах Сталина и публично поносил самыми бран-

ными словами. Он и здесь руководствовался теми преступными планами, которые вынашивал в отношении Советского государства и Коммунистической партии».

Дальнейшее обострение отношений с Югославией в 1949 г. в докладе объяснялось «логикой борьбы против югославского руководства, а также и югославского руководства против КПСС и СССР, против стран народной демократии и братских партий». По словам докладчика, это привело «к отрыву Югославии от демократического лагеря, а следовательно, и к ликвидации прямого влияния нашей партии и всего коммунистического движения на Югославскую компартию и на развитие самой Югославии после 1948 года, когда враги Берия и Абакумов и их пособники сфабриковали пресловутое “дело Райка” в Венгрии». И в результате, заметил Хрущев, «судебный процесс и фальсифицированные признания обвиняемых были использованы в пропагандистской кампании против югославских руководителей». Поэтому, по его мнению, «мы должны определенно заявить, что принятая («принимать которую не было никаких оснований». – А.Е.) в ноябре 1949 г. резолюция Информационного бюро “Югославская партия во власти убийц и шпионов”, базировавшаяся главным образом на материалах “дела Райка”, является несправедливой и ошибочной». Вместе с тем Хрущев остался верен прежней линии на раздел ответственности за обострение конфликта с югославской стороной, объясняя принятие резолюции 1949 г. влиянием «сообщений о репрессиях, применявшихся в то время в Югославии к большому числу так называемых “коминформовцев”, то есть членов КПЮ, заявивших о своей солидарности с ВКП(б) и резолюцией Информбюро 1948 года»¹⁸².

Часть изложенных в выступлении тезисов (о сохранении в Югославии общественной собственности, преступной роли Берии и Абакумова в ухудшении и разрыве отношений с Белградом во второй половине 40-х годов¹⁸³; о новых принципах, на которых должны строиться отношения в будущем) стала известна участникам заседания из советской печати последних недель. Поскольку доклад был хорошо структурирован по разделам («Положение в Югославии и состояние советско-югославских отношений до 1948 года»; «Разрыв советско-югославских дружественных отношений»; «Современная Югославия»; «Результаты переговоров по государственной линии»; «Результаты переговоров по партийной линии»), то его зачитание производило впечатление четкого, продуманного курса на югославском направлении, уверенности руководства в сделанных и будущих шагах.

Подобному впечатлению не мешала некоторая расплывчатость и неясность в провозглашаемых целях этого курса. Остановившись на них, Хрущев заявил, что «священной обязанно-

стью» всех членов ЦК является необходимость «проявить большое упорство в борьбе за высвобождение Югославии из-под влияния империалистического лагеря, помочь югославским товарищам хорошенько разобраться в создавшейся обстановке и вернуть их на позиции марксизма-ленинизма». Впрочем, задачи по югославской проблеме докладчик ставил крайне осторожно, преподнося их не как свою личную позицию, но как общее мнение Президиума ЦК, употребляя местоимение «мы»: «Нам кажется, что в настоящий момент в отношении Югославии мы должны исходить из следующего: если бы нам и не удалось добиться взаимопонимания по партийной линии, мы должны строить с Югославской республикой хорошие, честные отношения по государственной линии». И далее данную задачу оратор истолковал более расширительно, но не менее осторожно: «Мы должны строить такие отношения с Югославией, чтобы она со временем перешла в наш лагерь, а если не войдет в него так, как входят страны народной демократии, то чтобы она была нашим союзником или нашим попутчиком»¹⁸⁴.

Касательно перспектив установления отношений между КПСС и СКЮ Первый секретарь ЦК был еще более сдержан: «Сейчас вряд ли следует нам исходить из тех позиций, что единство взглядов по идеологическим вопросам уже обеспечено. Думаю, что здесь следует занять более осторожную позицию»; «Нужно иметь в виду, что в Югославии активно действуют силы против сближения с Советским Союзом. Империалистические круги будут всячески помогать этим силам. Пособники империалистов – социал-демократы и разного рода буржуазные либералы – будут со стороны воздействовать на югославов». Несмотря на то что письмо ЦК СКЮ от 28 июня преподносилось в виде большой победы, его оценка, тем не менее, была далека от восторженной: «Оно составлено после многолетнего периода полного разрыва между нашими партиями». Так же осторожно докладчик очертил и перспективы отношений с СКЮ: «Антимарксистские, националистические элементы в Югославии будут стремиться затормозить процесс сближения Союза коммунистов Югославии с компартиями, могут проявляться антимарксистские, антикоммунистические рецидивы». Поясняя ситуацию в рядах югославских коммунистов, он разделил СКЮ на два лагеря, отнеся в один «здоровые коммунистические силы, способные бороться с такими тенденциями», заметив, что во втором – «немало чуждых коммунизму людей... В особенности засорены дипломатические органы, органы печати, радио, в том числе редакции газет “Борба” и “Политика”»¹⁸⁵.

Политическая острота выступления стала понятна участникам заседания в тот момент, когда Первый секретарь ЦК КПСС

зачитал проект постановления об одобрении итогов визита¹⁸⁶. Его формулировки, осуждавшие позицию Молотова в отношении Югославии, текстуально совпадали с решением Президиума ЦК КПСС от 8 июня. Тем не менее задуманного спектакля не получилось: сценарий первого дня пленума сорвал Молотов, выступивший вслед за Хрущевым. Заместитель главы правительства и министр иностранных дел не стал произносить ожидавшихся от него покаянных слов, а разразился полуторачасовой речью. В ней он обстоятельно аргументировал свои сомнения по поводу ряда аспектов нормализации советско-югославских отношений. Молотов заранее и основательно готовился к отстаиванию своих позиций. Хотя его влияние в сфере принятия внешнеполитических решений Советского Союза к этому времени значительно сократилось, он был хорошо известен в народе и оставался влиятельным государственным деятелем, к мнению которого прислушивались на верхних этажах власти.

Выступать против курса Хрущева в югославском вопросе у Молотова имелось достаточно оснований. С осени 1954 г., через несколько месяцев после начавшейся переписки между ЦК СКЮ и ЦК КПСС, МИД СССР под его руководством взял курс на возобновление старого, подписанного еще в апреле 1945 г. советско-югославского договора, денонсированного нотой Громыко в начале конфликта 1948 г. Эта линия проводилась до весны 1955 г., когда Хрущев в письме от 6 мая, заранее дав согласие на подписание заключительного документа предстоящих переговоров в виде «коммюнике или декларации», значительно сузил поле советского маневра на переговорах с югославской стороной и фактически свел на нет все усилия профессионалов со Смоленской площади, которые, до этого тщательно отыскивали имеющиеся возможности постепенного вовлечения Югославии в «советский блок». Не следует исключать, что профессиональные обиды Молотова тесно переплелись и с личными: Хрущев и остальные секретари ЦК, а вслед за ними и сотрудники Секретариата, не желая ограничиться доминирующим влиянием в организации взаимодействия с коммунистическими режимами, продолжали подминать под себя центральный аппарат МИД и аппараты посольств на других направлениях внешнеполитической работы советской дипломатии. Мнение Хрущева постепенно приобрело решающий вес при обсуждении многих международных проблем. В достижении поставленной цели «дорогой Никита Сергеевич» несколько не стеснялся использовать явно «грязные» трюки: Берину устранили якобы как агента международного империализма, Маленкова сместили под предлогом того, что может «дрогнуть» перед лицом американо-английской угрозы, а затем и действия МИДа (и соответственно, его руководителя Молотова)

подверглись разному за негибкость и излишнюю жесткость в отношении того же «западного блока». Впрочем, за долгую карьеру в советских верхах В.М. Молотову случалось переживать и не такое. Однако в этот раз усилия его противников были направлены на создание образа «престарелого партийца», который, дескать, устал, явно сдал под грузом лет и новых обстоятельств и находится в нескольких шагах от пенсии и политического небытия. Хрущев и другие, все более ориентирующиеся на него, члены советского руководства пытались использовать любую возможность для дискредитации самого влиятельного советского политика, который имел в партии непререкаемый авторитет представителя «ленинской гвардии».

Причина обид Молотова скрывалась также и в другом: уже долгое время Первый секретарь ЦК КПСС нарушал коллективный принцип руководства, за введение которого сам неоднократно высказывался. Сначала дискредитировав, а затем устранив с руководящих позиций Г.М. Маленкова, он стал самолично решать многие вопросы внутренней и внешней политики СССР. В мае 1955 г. Хрущев самочинно, без обсуждения на Президиуме, внес правку в статью министра обороны Г.К. Жукова о десятилетнем юбилее победы над фашизмом. По всей вероятности, Молотова возмущало, что все эти шаги не встречали отпора со стороны членов Президиума ЦК. При этом решения по многим внешнеполитическим вопросам, которые Молотов считал принципиальными (к их числу он относил и югославский), обсуждались и принимались в отсутствие министра иностранных дел. В стране начала создаваться обстановка непомерного возвеличивания «догорого Никиты Сергеевича». При этом Хрущев явно пытался остаться вне конституционных рамок, которые могли бы ограничивать его власть. В начале 1955 г. Молотов при поддержке Ворошилова оказался тем из участников заседания Президиума ЦК, кто во время обсуждения кандидатур на пост Председателя Совета Министров предлагал (причем дважды) кандидатуру именно Н.С. Хрущева¹⁸⁷, когда большинство уже склонялось к замене Г.М. Маленкова Н.А. Булганиным.

Но весь этот совокупный подтекст выступления Молотова остался за рамками пленума ЦК и не стал известен большинству его участников, ибо многолетний соратник Ленина и Сталина воздержался от перетряхивания «грязного белья» перед членами ЦК. Возражения заместителя Председателя правительства и министра иностранных дел сконцентрировались на двух аспектах югославского вопроса: во-первых, на причинах конфликта и разрыва конца 40-х годов, а во вторых – на наличии основ для нормализации связей двух партий. Молотов последовательно и логично развернул цепь своих аргументов. По его мнению, юго-

славское руководство продолжало вести самостоятельный курс, что не давало оснований даже надеяться на то, что он когда-либо изменится. В его выступлении прозвучало пророческое предостережение: беспринципное примирение с югославским руководством приведет к размыванию социалистического лагеря.

Несомненно, на эти оценки оратора подтолкнуло то, что он прекрасно осознавал жизнеспособность «социалистической модели» лишь в ее единственном, ленинском варианте командно-карательной системы времени «военного коммунизма», доведенной до совершенства Сталиным в 1930–1940-е годы, и не считал социализм эффективным в других формах. Уступки Белграду означали, по убеждению Молотова, не что иное, как разрыв с ленинизмом во внешней политике, требовавшим, чтобы все коммунистическое движение подчинялось единому руководящему центру. Только так, по его мнению, можно было рассчитывать на успешное противостояние миру капитала в условиях окружения СССР военно-политическими блоками Запада и провала расчетов большевиков в начале XX в. на «неизбежную» мировую революцию.

Полторачасовая выверенная, профессионально аргументированная и логичная речь Молотова вызвала среди участников пленума эффект разорвавшейся бомбы. Ни Хрущев, ни остальные руководители партии и страны не ожидали, что глава внешнеполитического ведомства бескомпромиссно пойдет в одиночку против всего Президиума ЦК. В отличие от Маленкова Молотов не просто отказался покаяться, как тот сделал в начале 1955 г., но даже перешел в нападение. Министр посмел вынести разногласия по югославскому вопросу за пределы узкого круга партийных вождей и тем самым поставил под сомнение ведущую роль Президиума ЦК и самого Никиты Сергеевича в глазах всегда безропотного Центрального Комитета.

Изумление Хрущева сразу же переросло в едва сдерживаемое раздражение – еще когда Молотов произносил свою речь, он неоднократно пытался помешать докладчику отдельными «едкими» репликами. Взвзвешенное слово вслед за Молотовым Н.А. Булганину вместо запланированного дежурного одобрения доклада Первого секретаря ЦК КПСС потребовалось полномасштабное выступление почти экспромтом, для того чтобы вернуть состояние умов в зале под контроль и восстановить сломанный сценарий пленума. Речь Булганина (настолько путанная, что даже многодневная редакторская правка в Секретариате ЦК КПСС не смогла скрыть этого), перемежавшаяся с поддерживавшими его репликами Хрущева, имела целью подкрепить военно-политическими аргументами (большинство их было исключено из текста отчета или подверглось жесткой редакции) необходимость принятых за последний год шагов в отношении Югославии. Одна-

ко фактически его выступление переросло во фронтальную атаку против ветерана советского руководства. Булганин не ограничился констатацией расхождений с Молотовым на югославском направлении, но и привел в качестве примера массу других деталей (начиная с разных подходов на Смоленской и Старой площадях по «триестскому кризису» в октябре 1954 г. и заканчивая общей критикой деятельности МИД в целом), а также упомянул и о разногласиях с Молотовым по вопросам экономического развития Советского Союза.

Ситуация, очевидно, возникла настолько непростая, что главе правительства пришлось использовать и личные обвинения против своего заместителя (одно грознее другого и зачастую мало соответствующее принципам формальной логики): «Мы имеем дело с человеком, потерявшим практическую перспективу. Все его выступление – это книжное, сектантское, талмудистское выступление... ничего общего не имеющее с жизнью и подлинными интересами нашей партии, нашего государства»¹⁸⁸. «Тов. Молотов забыл, как в 1939 году, хотя и по решению ЦК нашей партии, он ездил на поклон к Гитлеру и Риббентропу, – заявил Булганин. Я, может быть, делаю очень рискованные выводы, но есть основания полагать, что у тов. Молотова не все благополучно обстоит с представлением о роли партии по руководству делом государственного строительства, хотя он и ортодоксальный ленинец. Стоит над этим подумать»¹⁸⁹. Если первое двусмысленное высказывание «о поклоне Гитлеру и Риббентропу» оставляло слушателей в недоумении – то ли Булганин сравнивал поездку советской делегации в Югославию со встречами Молотова с фашистскими лидерами, то ли обвинял его в сговоре с нацистами перед Второй мировой войной, – то последняя фраза, несмотря на оговорку про «ортодоксального ленинца», звучала как приговор.

Сторонникам Хрущева понадобился целый день на осмысление нестандартной ситуации и подготовку как самих ораторов, так и текстов их выступлений. Впрочем, справились они с этим блестяще. В отличие от плохо скроенных «обвинений» против Берии на пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. и неудачного экспромта Булганина о Молотове 9 июля, ход дальнейших заседаний был четко срежиссирован в лучших традициях советских политических процессов 30-х годов. Никита Сергеевич буквально нависал над участниками заседания, дирижируя травлей из президиума, а выступавшие один за другим возвращались к докладу Молотова, с завидным постоянством штампуя слова об ошибочности тезисов министра иностранных дел и вместе с тем усиливая волну обвинений против их автора.

Возобновившему давлению на участников пленума Микояну потребовалось в два раза больше обычного времени, дабы попытаться доказать верность последних мероприятий советского руководства в отношении Югославии. Он подробно, шаг за шагом, раскрыл сжатые тезисы Хрущева, добавив много деталей и собственных размышлений. Югославская компартия была оценена им крайне высоко: «Югославия не ушла, а ее изгнали из лагеря социализма, она оказалась в полной изоляции, среди врагов, но сохранила коммунистическую партию и характер государства, не допустила возрождения буржуазных партий и буржуазных классов, сохранила независимость и если пошла на известное сближение с Америкой, то не стала ее пушечным мясом, а использовала противоречия между СССР и США для того, чтобы получать материальную помощь, продержаться и продолжать строительство социализма у себя»¹⁹⁰.

Выходившие на трибуну после Микояна Д.Т. Шепилов и М.А. Суслов окончательно закрепили в сознании участников заседания ошибочность позиции Молотова. Последующие выступления Л.М. Кагановича¹⁹¹, Г.М. Маленкова и М.Г. Первухина не оставили у присутствовавших рядовых членов ЦК сомнений в том, что большинство советского руководства самого старого члена «ленинско-сталинской гвардии» не поддерживает. Несмотря на очевидную победу, заведенный Хрущевым еще со времени расправы над Берией порядок выражения лояльности его действиям требовал и остальных выступлений, не отличавшихся, правда, излишней оригинальностью и самостоятельностью.

Выделялась лишь краткая покаянная речь редактора газеты «За прочный мир, за народную демократию!» П.Ф. Юдина, который отважно признал свою отрицательную роль в раздувании советско-югославского конфликта: «В конце 1947 года и в 1948 году мне пришлось быть в Югославии... Должен признаться перед Пленумом ЦК, что и моя информация о положении в Югославии сыграла известную роль в ухудшении отношений с Югославией... Если бы я и другие наши товарищи, работавшие в Югославии, подходили более глубоко к событиям в Югославии, то, конечно, кроме антимарксистских высказываний Джиласа, могли бы увидеть и другое и помочь ЦК более правильно разобраться в происходящем. Но мы, к сожалению, не сумели этого сделать»¹⁹². Впрочем, выступавший предусмотрительно оградил себя от критики, заявив, что отвечал только за освещение идеологических вопросов, а сейчас, по его словам, он всего лишь повторил уже сказанное им Хрущеву и Булганину в 1954 г. Юдин пролил некоторый свет на роль С. Жуйовича в событиях начала конфликта и выдал довольно оригинальную версию причин притеснения советских специалистов в это время: «Жуйович был связан с нашим

посольством и прямо с заседаний Политбюро ездил в посольство или встречался с послом в другом месте и тайно информировал обо всем, что говорилось на Политбюро. Дело дошло до того, что Жуйович стал тайно передавать в посольство документы Политбюро ЦК КПЮ... Фактически в наши тайные агенты был завербован член Политбюро ЦК КПЮ. Эти действия не могли не вызвать недовольство ЦК КПЮ и привели к тому, что югославы стали следить как за Жуйовичем, так и за нашими работниками, поддерживающими тайные связи с Жуйовичем»¹⁹³.

В заключительном выступлении Хрущева, ставшем уже некоторой апробацией заготовок для грядущего XX съезда, предпринималась попытка по-иному повернуть роль Сталина после Второй мировой войны, объясняя эксцессы того времени состоянием здоровья вождя. Никита Сергеевич раскрыл глаза на то, что «в последние годы своей жизни Сталин серьезно болел и был на большом ущербе» и «за эти годы у нас было много горечи» в связи с потерями множества «честных людей». Хрущев вновь напомнил о сфабрикованных делах второй половины 30-х – конца 40-х годов, по всей вероятности, имея в виду как уже затронутое им в начале доклада 9 июля «ленинградское дело», так и «дело Косарева», «дело Постышева» и уничтожение деятелей Польской компартии¹⁹⁴. Вместе с тем данное высказывание было построено так, что его можно было понять и как сожаление о «потерянных» югославских деятелях Хебранге, Жуйовиче и десятках тысяч сторонников резолюции Информбюро, репрессированных в Югославии за время недавнего конфликта. В заключение Хрущев также вбросил многообещающий тезис о необходимости «подмолодить... наш Президиум ЦК»¹⁹⁵.

В постановлении пленума ЦК КПСС по итогам визита советской делегации в Югославию на трех страницах сжато излагались основные положения в трактовке Первого секретаря ЦК. Взгляды, выражавшиеся Никитой Сергеевичем, были подтверждены участниками заседания, позиция Молотова – осуждена¹⁹⁶, а принятый курс, формально направленный на отслоение Югославии от Запада, а на деле – на корреляцию советских позиций со сложившимися к середине 50-х годов реалиями, – продолжен. При этом двойственный, демагогический курс Хрущева, в частности даваемые им же самим двусмысленные трактовки событий, порождал дополнительные недоразумения относительно оценок визита в Югославию и всех его непосредственных участников. Не вносило большой ясности и осуждение позиции Молотова на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г.

3. «Югославы идут к социалистическому лагерю, как грешники из Дантова “Ада”, повернув головы на Запад»* (июль – август 1955 года)

Закрытый характер постановления июльского (1955 г.) пленума ЦК КПСС по югославскому вопросу, покров секретности над всеми другими его материалами в сочетании с инерцией многолетней интенсивной антиюгославской пропаганды продолжали оказывать негативное воздействие на восприятие и партийной элитой, и всем советским обществом процесса советско-югославской нормализации и дальнейшего развития всего комплекса двусторонних связей между СССР и ФНРЮ.

Характерным примером создавшейся путаницы в головах явился ответ одного из сотрудников Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС на обращение директора Госполитиздата М. Сиволапова 16 июля 1955 г.¹⁹⁷ Предусмотрительный чиновник напоминал своим кураторам со Старой площади о подготовке к печати сборника «Албания, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия на пути к социализму». Его авторами являлись сами работники аппарата ЦК совместно с преподавателями Военно-политической академии имени В.И. Ленина и сотрудниками Института философии АН СССР. Сиволапов обратил внимание «вышестоящей инстанции» на то, что «в сборнике отсутствует статья по Югославии», и запрашивал, «можно ли в таком виде выпустить упомянутый сборник в свет». Рекомендация отдела ЦК: «Дать брошюрами по отдельным странам»¹⁹⁸ – явилась образцом партийно-бюрократической казуистики, позволившей выйти из затруднительного положения, однако оставила без ответа скрытый вопрос руководителя ведущего государственного издательства: «...является ли ФНРЮ социалистической страной?», – и показала, что даже у высокопоставленных аппаратчиков на Старой площади так и не появилось ясности в понимании отношения высшего руководства к югославской модели общественного устройства. И это после солидного доклада, подготовленного ведущими советскими философами и теоретиками марксизма-ленинизма для Президиума ЦК и вслед за почти официальным признанием ФНРЮ социалистической страной на первой полосе «Правды» – печатного рупора ЦК КПСС – перед отъездом советской делегации в Белград.

* Из сообщения корреспондента «Правды» в Белграде В. Платковского главному редактору Д.Т. Шепилову от 15 августа 1955.

Смятение царило не только в умах идеологических работников на Старой площади. Требования о необходимости уточнения курса на югославском направлении повсеместно звучали и в социалистическом лагере. Вопросы о советско-югославских отношениях задавались советским представителям постоянно. В августе 1955 г. секретарь Бухарестского горкома партии Дейч поинтересовался у посла СССР в Румынии итогами советско-югославских переговоров. Свой интерес он объяснил сохранением «многих еще неясных вопросов в отношениях между демократическими странами и Югославией». Советский посол попытался отделаться несколькими стандартными общими фразами о «переговорах, показавших наличие настоящей почвы для развития и укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией», а также о массовой поддержке, «единодушном одобрении» итогов визита, завершившегося подписанием Белградской декларации¹⁹⁹.

Между тем подобные объяснения не удовлетворяли представителей партийно-государственной элиты стран восточноевропейского блока, которые во многом оставались связаны с решениями Коминформа и по-прежнему не видели ощутимых результатов от проводимого Хрущевым курса на югославском направлении. Собеседники советских дипломатов, хотя и не возражали против тезиса о «провокационной роли», сыгранной в отношениях между Советским Союзом и Югославией «разоблаченными врагами народа – Берией, Абакумовым и другими», все-таки хотели бы получить дополнительную информацию. В условиях создавшейся неловкой ситуации возникла идея обсуждения югославского вопроса на совещании Информбюро компартий, для того чтобы «принять соответствующие решения, которые помогли бы всем членам братских компартий обстоятельно разобраться во всех вопросах, связанных с Югославией». Необходимость подобного мероприятия обосновывалась тем, что и предыдущие решения принимались в 1948 и 1949 гг. на совещаниях Информационного бюро компартий. В частности, данная идея была озвучена руководителем парторганизации Бухареста²⁰⁰.

Однако такого рода предложения выхода из создавшейся ситуации не получали поддержки у советских собеседников. Для хрущевской группировки согласие на это означало бы вынесение спора с Молотовым, который завершился постановлением пленума ЦК КПСС от 12 июля с осуждением непокорного министра, на уровень международного коммунистического движения. Можно было не сомневаться: при повторной «коминформизации» югославского вопроса последовательная позиция Молотова была бы поддержана рядом влиятельных руководителей коммунистических стран, включая руководство компартии Китая.

В доступных исследователям документах отсутствуют прямые директивы дипломатам отклонять подобные предложения, но послы в странах социалистического лагеря, которые являлись членами ЦК и большей частью были назначены уже в период усиления Хрущева, всячески затягивали конструктивное их обсуждение. Они уклонялись от него, ссылаясь на пребывание советской делегации в Софии и Бухаресте сразу после визита в Югославию и состоявшиеся там встречи Хрущева, Булганина и Микояна с руководством ряда восточноевропейских стран. Таким образом, послы «хрущевского призыва» твердо проводили в жизнь решения антимолотовской резолюции июльского (1955 г.) пленума ЦК КПСС.

И действительно, случай с руководителем парторганизации Бухареста не был единичным. К примеру, по данным работавших в Праге американских дипломатов, перенесение вины в советско-югославском конфликте на Берию и Абакумова стало предметом ироничных высказываний и шуток в чехословацкой элите²⁰¹. Известия о сомнениях подобного характера поступали и из других стран. По всей вероятности, именно эти обстоятельства, как и неординарность югославского вопроса, побудили советских лидеров поспешить с ознакомлением руководства союзников с материалами июльского пленума ЦК КПСС. Так, болгарское руководство получило текст стенограммы, когда Хрущев находился с визитом в Болгарии, а лидеры Албании – во время пребывания в СССР Э. Ходжи (Суслов вручил ему текст 30 августа)²⁰².

Произведенная группировкой Хрущева нормализация отношений с Югославией была встречена с подозрением и проживавшими в странах «советского блока» югославскими эмигрантами. Резкий поворот в политике кремлевских лидеров остался непонятен сербам и черногорцам, другим югославам, воспитанным в духе преданности Сталину и Советской России в период Второй мировой войны. Считая себя обманутыми ввиду так и оставшихся для них неясными побудительных мотивов Хрущева²⁰³, эти люди с трудом мирились с необходимостью согласиться с происшедшим. Однако «коминформовская» эмиграция, превратившаяся за годы конфликта в организованную политическую силу, связанную множественными нитями как с партийными аппаратами, так и с военными ведомствами и спецслужбами стран проживания, стала достаточно влиятельным фактором, который нельзя было сразу сбросить со счетов.

Его влияние на советскую политику начало ограничиваться постепенно уже с осени 1954 г., и меры эти были хорошо продуманы. Весной 1955 г. многим активистам-антититовцам предложили подать заявление о вступлении в члены КПСС. Военные чины получили новые звания и продвижение по службе. После

югославского визита Хрущева Секретариатом ЦК КПСС было принято специальное решение о проведении Министерством обороны СССР разъяснительной агитационно-воспитательной работы с противниками нормализации. Правда, предлагаемые доводы, главным из которых стали действия советской делегации «в интересах международного рабочего и коммунистического движения и его конечных целей»²⁰⁴, выглядели откровенно слабыми.

Ситуация с состоянием отношений между СССР и Югославией требовала проведения разъяснительной работы и в партийных организациях в стране. До самых последних месяцев 1955 г. на Старую площадь приходили предложения о необходимости проведения закрытых встреч руководства страны с партактивами для разъяснения решений пленума по югославскому вопросу. В частности, президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов и главный Ученый секретарь ее Президиума академик А.В. Топчиев 9 сентября 1955 г. просили «разрешить проведение расширенного партийного актива АН СССР по итогам июльского Пленума ЦК КПСС в октябре 1955 г.» и «при положительном решении вопроса» поручить М.А. Сулову выступить на нем с докладом об итогах июльского пленума²⁰⁵. Открытое письмо В.М. Молотова от 15 сентября в журнал «Коммунист», в котором он признавал себя виновным в неверных формулировках «по вопросу о построении социалистического общества в СССР», употребленных им в докладе на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. (но не содержалось даже намек на его осуждение на недавнем пленуме ЦК)²⁰⁶, затуманивало ситуацию в глазах советских коммунистов еще больше.

О запутанности проблемы отношений с Югославией достаточно определенно свидетельствовала также ситуация со сменой посла СССР в ФНРЮ, вопрос о которой поднимался на том же пленуме в июле 1955 г. За два года работы Валькову действительно удалось много сделать для развития советско-югославских контактов, до него находившихся практически на нулевой отметке. Однако его кандидатура не устраивала Хрущева: он, очевидно, хотел иметь на этом посту своего человека из партийной номенклатуры, а не профессионального дипломата. Министр иностранных дел оказался сломлен, не имел больше сил отстаивать свои позиции и был готов подписать любые документы. 30 июля за подписью Молотова было представлено в ЦК КПСС предложение о замене В.А. Валькова на Н.П. Фирюбина. Мотивацией служило утверждение о том, что Вальков якобы «по своей деловой и политической подготовке не подходит для этой работы в условиях нынешних взаимоотношений между СССР и Югославией»²⁰⁷. Молотов определенно высказался в пользу новой кандидатуры, «учитывая деловую и политическую подготовку т. Фирюбина, его

опыт партийной и дипломатической работы». В сопроводительной записке приводились факты из биографии Николая Павловича Фирюбина, которые раскрывали причины благоволения к нему Хрущева. Дело заключалось в том, что с 1938 по 1940 г. он был парторгом партийной организации комбината № 150, а с 1940 по 1949 г. – секретарем Московского комитета по авиационной промышленности. С 1953 г. Фирюбин работал в посольстве СССР в Чехословакии, первый год – советником, а затем и послом²⁰⁸. Немаловажным представляется и то, что как раз в 1954 г. он женился на хрущевской любимице Е.А. Фурцевой, бывшей в то время первым секретарем МГК КПСС, позже членом Президиума ЦК КПСС и министром культуры.

Дальнейшие действия по замене посла разыгрывались оперативно и в лучших традициях советской партноменклатуры. 2 августа из аппарата ЦК КПСС в Секретариат ЦК была направлена записка, в которой сообщалось, что «МИД СССР (тов. Молотов В.М.) внес предложение об освобождении т. Валькова В.А. от обязанностей посла СССР в Югославии в связи с тем, что он не справляется с порученным ему делом». Указывалось, что «тов. Вальков будет использован на работе в Центральном аппарате МИД СССР»²⁰⁹. Окончательно решение о назначении Фирюбина было оформлено решением заседания Секретариата ЦК КПСС от 3 августа. Секретарь ЦК Суслов, сославшись на предложение МИД, вынес вопрос на утверждение Президиума ЦК²¹⁰. 8 августа это решение было «проштамповано» на заседании последнего: «Принять предложение об освобождении Валькова В.А. (без нового назначения) и о назначении Фирюбина Н.П.»²¹¹.

Сложившееся положение с югославским вопросом еще более осложнялось также и тем, что в текстах «закрытых» материалов ЦК КПСС, имевших хождение в высших политических кругах, и у обслуживавших интересы советской партийно-государственной элиты журналистов сохранялось негативное отношение к создаваемой югославским руководством с конца 40-х годов особой модели общественно-экономического устройства в рамках социализма (позже получившей название «самоуправление»). Однако, в отличие от времени конфликта и первых лет начала нормализации, советская критика стала более сдержанной. Свою роль сыграло обстоятельное знакомство с ситуацией в Югославии в июле и августе 1955 г. двух корреспондентов «Правды» С. Крушинского и В. Платковского. По итогам командировок они направили отчеты главному редактору Д.Т. Шепилову (первый 8 июля, а второй 15 августа 1955 г.). Он передал оба документа в аппарат ЦК КПСС.

Журналистские отчеты имели существенное значение, принимая во внимание то, что одновременно с укреплением Хрущева

на властном Олимпе выходцы из партийного аппарата получали преобладающее влияние в планировании внешнеполитических действий Советского Союза, а главный редактор «Правды» в последние месяцы непосредственно участвовал в создании документов по югославскому вопросу и отвечал за идеологический компонент переговоров в Белграде и на Бриони. Д.Т. Шепилов к тому же рассматривался как вероятный (особенно после июльского пленума ЦК КПСС) новый глава советского внешнеполитического ведомства.

Представленные журналистами «Правды» аналитические материалы помогают проникнуть в атмосферу противоречивого отношения к Югославии и ее руководству, царившую в советской элите после подписания Белградской декларации 2 июня 1955 г. Можно с полной уверенностью утверждать, что первый материал был заказан Шепиловым еще накануне июльского пленума ЦК КПСС и мог использоваться для его выступления на нем. Автор второго материала (от 15 августа) по своему статусу не имел возможности участвовать в работе заседания пленума, но мог быть ознакомлен с его стенограммой, и он сумел в концентрированной форме выразить основное содержание советской политики в отношении Югославии всех последующих лет²¹².

Оба документа представляли собой причудливо-странноватую смесь подхода к явлениям внутривнутриполитической и международной жизни с позиций «реальной политики» и марксистско-ленинского идеологического флера, но явились одной из первых попыток непредвзятого (хотя и критического) осмысления теоретико-идеологических изысканий и практических шагов югославского руководства внутри страны и на международной арене после советско-югославского разрыва 1948 г. До некоторой степени эти размышления являли собой продолжение линии, отраженной в советских документах апреля–мая 1953 г., и находились в русле взглядов, озвученных советскими представителями (Зимининым, Александровым и др.) на встречах с югославскими дипломатами. Однако в значительной мере отчеты журналистов можно считать и развитием точки зрения, высказанной по югославскому вопросу Молотовым.

В отличие от работников советского МИД, ограниченных почти военной дисциплиной и своими непосредственными повседневными обязанностями, в рамки которых лишь время от времени входила потребность размышления на подобные темы, но совершенно не помещалась подготовка документов с выражением собственной точки зрения, у журналистов «Правды», не скованной формой дипломатического документа (шифротелеграммой, записью беседы или информационной справкой), имелось гораздо больше простора для осмысления событий, кои обычно

излагались ими в нескольких строках на газетной полосе. К тому же корреспонденты располагали значительно более развитой контактной сферой, ибо после успешного визита высокопоставленной советской делегации в июне 1955 г. они, не в пример сотрудникам посольства, имели почти неограниченные возможности для встреч и бесед с представителями разных слоев югославского общества.

Форма неофициального журналистского отчета как нельзя лучше подходила для вынесения свежих суждений и нетрадиционных оценок. В этом отношении особо знаменательна часть аналитической записки Крушинского, озаглавленная «Взгляд в будущее». Оценивая действия советской стороны на югославском направлении в последнее время и дальнейшие перспективы развития связей между СССР и ФНРЮ, он отмечал: «Достигнутое в сближении с этой страной, является крупным успехом нашей политики. Развитие этого процесса будет затруднено тем обстоятельством, что потребуются, чтобы Югославия отказалась от авангардизма и реваншизма. В противном случае ее возвращение в социалистический лагерь было бы одной видимостью и могло бы нанести только вред общему делу, внести разлад, ослабление связей, идейную разногласицу». Автор указывал, что «многие югославские изобретения, несмотря на их демагогический характер, а то и благодаря демагогическому характеру, просачиваясь и распространяясь, могут оказаться прилипчивыми и внести неуверенность в души иных людей в странах народной демократии». Он напоминал, что «мелкобуржуазные инстинкты живучи, трудности, вызываемые общей обстановкой, реально существуют». С учетом этого Крушинский предлагал подвергнуть на страницах «Правды» «абсолютно лояльной критике некоторые югославские претензии». В порядке такой «лояльной критики» он считал бы необходимым написание статьи под примерным заглавием «Дружеский разговор», в которой «с наивным видом и используя как повод... задиристые выступления югославской печати» воспроизвести «споры по поводу тех или иных югославских новшеств... так, чтобы обнажить их истинную сущность»²¹³.

Осмыслив проходящий процесс нормализации советско-югославских связей, Крушинский пришел к выводу о целесообразности «закончить период абсолютной уступчивости» в отношении Белграда, потому что «с помощью одной уступчивости наша политика не может больше развиваться успешно в этой части мира. Необходимо постепенно выбивать из рук наших партнеров то оружие, которое они взяли в руки в совершенно иных условиях, но с которым не желают расставаться». Внося свои предложения, автор не забыл подстраховаться, оговорив в конце документа, что все высказанные им идеи – «соображения мало осведомленного человека могут и не представлять какой-либо ценности», но

вместе с тем он выразил уверенность, что изложенные им «факты и наблюдения» могут «оказать известную помощь, будучи присоединены к ряду других фактов и наблюдений»²¹⁴.

Критические, но реалистические тенденции в оценках, имевшиеся у Крушинского, в еще большей степени нашли отражение в документе, подготовленном Платковским²¹⁵. Платковский обобщил свои наблюдения, которые получил в результате пребывания в стране в течение первых нескольких недель. Качество материала и затрагиваемые в нем вопросы показывают, что автор весьма основательно готовился к поездке по Югославии и либо ему были известны многие материалы закрытого характера по югославскому вопросу, либо он сумел достаточно быстро погрузиться в творческую дискуссионную атмосферу обсуждения советско-югославских проблем, которую непроизвольно создавали и на редкость умело поддерживали его югославские собеседники. Вне всякого сомнения, автор должен был довольно много времени провести и в беседах с советскими представителями в ФНРЮ, что также позволило ему проникнуть в суть проблем, вызывавших противоречивые суждения. Все это он с достаточной степенью отстраненности и несомненным литературным талантом, помноженным на определенные знания общественных наук, сконцентрированно выразил в небольшом по объему документе.

Корреспондент выделил ряд вопросов, по которым, по его мнению, «югославы принципиально расходятся с нами». В их числе находились: отношение к Сталину; различия между сталинской и послесталинской политикой; виновники конфликта 1948 г.; различия в оценках общественных систем друг друга и пр. Первым пунктом расхождений «правдист» назвал «отношение к товарищу Сталину». «В выступлениях Тито, – указывал он, – делаются открытые нападки на тов. Сталина. Тито заявляет, что в неправильном отношении к Югославии виноват т. Сталин, а не Берия и Абакумов. Об этом же говорят югославы и в личных беседах, когда речь заходит о прошлом, и в печати». Платковский отметил, что «в связи с этим же югославы говорят о “старом” и “новом” руководстве, о старой “сталинской” политике и новой политике СССР». Автор обратил внимание на то, что «всю вину за ненормальные отношения между СССР и Югославией югославы относят только на счет СССР. В беседах югославы не признают за собой никаких ошибок. Это полное отсутствие самокритики – характерная черта для югославов и печати»²¹⁶. Существенным расхождением, по его мнению, являлось различие в оценках общественного устройства двух стран: «Очень много говорят о бюрократической системе в СССР и “демократическом централизме” в Югославии». При этом «югославы признают успехи в

развитии экономики СССР, но совершенно избегают говорить о социализме в СССР». «Ни в одной статье югославских журналистов, – констатировал Платковский, – я не встретил даже слова, что в СССР построен социализм или социалистическое общество». Еще одним различием в подходах было, на его взгляд, то, что «югославы по-прежнему отвергают принципы деления на два мировых лагеря». Автор материала привел определения, почерпнутые им в одной из статей высокопоставленного македонского партработника Л. Мойсова, – такое деление является «глупым» и «чудовищным»²¹⁷.

Второй раздел документа, озаглавленный «Югославия и страны народной демократии», отражал восприятие Платковским сложного процесса нормализации отношений ФНРЮ с государствами, входившими в «советский блок». Автор отмечал, что «югославы с большим трудом» идут по этому пути. «Они проявляют высокомерное пренебрежение к европейским странам народной демократии, даже простое упоминание о том, что эти страны входят в лагерь социализма, вызывает иронические улыбки»²¹⁸. В заключительной части документа, названной Платковским «Общие выводы»²¹⁹, выдвигался ряд предположений о дальнейшем развитии ситуации. «На основании тех наблюдений, которыми я располагаю, – писал корреспондент, – я прихожу к твердому убеждению, что Югославия может повернуть на путь социалистического развития и вернуться в социалистический лагерь. Однако этот процесс будет очень длительным и медленным – слишком велик старый груз, прежде всего в области теоретических взглядов. Югославы идут к социалистическому лагерю, как грешники из Дантова “Ада”, повернув головы на Запад».

Платковский выделил ряд основополагающих принципов, которых, по его мнению, следовало придерживаться СССР в действиях на югославском направлении.

«В нашей тактике, – продолжил он, – ...мы должны соблюдать величайшую осторожность, терпение и выдержку. При этом следует нам учитывать ряд основополагающих моментов:

1. Тито пользуется безграничным авторитетом и по существу неограниченной властью. Поэтому его поведение будет оказывать большое влияние на дальнейшее развитие наших отношений. При этом надо постоянно учитывать не только полнейшую неразбериху в его идеологических взглядах и его беззаботное отношение к теории, но и его личные качества: гипертрофированное самолюбие, манию величия и претензии быть руководителем мирового социалистического движения. Каковы должны быть конкретные меры по отношению к нему, пока трудно сказать, это скорее всего можно определить в результате его поездки в Москву. Во всяком случае нашим работникам

здесь следует подчеркивать свое уважение к нему, не допуская угодничества и лести.

2. Одновременно следует шире и шире устанавливать контакты и дружеские отношения с видными государственными и партийными деятелями типа Бакарича, парализуя и нейтрализуя влияние Карделя и его окружения; создавать широкий актив искренних друзей в среднем звене. В конечном счете – ориентироваться на восстановление нормального положения СКЮ в стране с тем, чтобы в дальнейшем опираться не на отдельные личности, а на боевую организацию коммунистов.

3. По всей вероятности, американцы откажут в “помощи” югославам. В этом случае следует считаться с возможностью, что кое-кто попытается использовать это обстоятельство для ухудшения экономического положения в стране с провокационной целью: сказать, что это, дескать, последствие нормализации отношений с СССР. Такая возможность не исключена, и в нашей экономической политике в этой стране необходимо ее учитывать, ни в коем случае нельзя допускать ухудшения экономического положения в этой стране и снижения жизненного уровня. В беседах со мной директоры предприятий прямо предлагали закупать у них станки, корабли, трубы для нефтепромышленности, гидротурбины для электростанций (для колхозных), просили давать больше хлопка, угля, кокса, железа и т.д. Надо также иметь в виду, что многие виды сельскохозяйственной продукции вывозятся за границу, и интерес югославов к вывозу вполне понятен».

Автор документа попытался определить приоритетные узловые точки дальнейшего широкомасштабного сотрудничества, но сбивался на рутинную сторону взаимоотношений и делал упор на контакты в сфере культуры. «В наших отношениях, – сообщал он, – большую роль должны сыграть также различные формы культурного сотрудничества: книгообмен, обмен делегациями деятелей культуры, обмен кинофильмами и т.д. Неплохо было бы перевести несколько произведений югославских писателей и издать у нас. Хорошо было бы, например, выпустить совместный с югославами фильм, отражающий историю совместной борьбы против фашистских захватчиков и т.д.»

Тем не менее один яркий ход корреспондент «Правды» все же предложил. Высказываясь в корпоративных интересах (к тому же он мог быть информирован Шепиловым о высказанном на Президиуме ЦК КПСС Хрущевым мнении о необходимости замены посла), журналист указал на желательность видеть на этом месте представителя партийной номенклатуры. По мнению автора документа, для проведения изложенного им политического курса «необходим соответствующий состав посольства». «Нынешний посол тов. Вальков ни в коей мере не отвечает этим тре-

бованиям. Эта опереточная пара – Вальков со своей женой – просто компрометирует нашу страну. Я думаю, что здесь нужен посол не из обычных профессиональных дипломатов, а из партийных работников, имеющий широкий кругозор и опыт партийной работы», – писал Платковский.

В нашем распоряжении отсутствуют свидетельства того, что югославская сторона имела возможность знакомиться с подобными советскими документами, но в целом она достаточно верно представляла себе политику Москвы. С учетом этого и формулировался курс на нормализацию двусторонних отношений, на восстановление всей разорванной ткани сотрудничества. В Белграде по-прежнему не проявляли особой поспешности в развитии контактов с Москвой, продолжая их постепенное наращивание, и тем более не стремились форсировать полномасштабное восстановление связей между СКЮ и КПСС. Однако действия югославской стороны и поведение югославских представителей во время встреч с советскими дипломатами и журналистами внушали советской стороне оптимизм.

В августе 1955 г. был возобновлен обмен парламентскими делегациями. Прибытие делегации Скупщины ФНРЮ приурочивалось к открытию 3 августа сессии Верховного Совета СССР, на первом заседании которой и побывали югославские парламентарии в качестве почетных гостей. В начале заседания Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин особо и весьма подробно остановился на отношениях Советского Союза с Югославией. Его слова стали первой публичной официальной оценкой состояния советско-югославских отношений, высказанной в Москве после июльского пленума ЦК КПСС. В выступлении повторялась уже канонизированная формулировка об итогах визита советской делегации в Белград: «Переговоры положили конец тому ненормальному и недопустимому положению, которое сложилось между обеими странами после 1948 г., когда были искусственно нарушены отношения братской дружбы и тесного сотрудничества между югославским и советским народами». Советский премьер указал, что «существовавшее до недавнего времени ненормальное положение в советско-югославских отношениях было на руку лишь врагам мира. Оно наносило серьезный ущерб жизненным интересам обеих стран и интересам поддержания мира между народами. Такое положение не могло дальше продолжаться, и правительства обеих стран пришли к выводу о необходимости коренного улучшения в советско-югославских отношениях».

Булганин также сообщил собравшимся, что «отношения между СССР и Югославией строятся ныне и впредь будут строиться на основе признания принципов неделимости мира, уважения

суверенитета, независимости, территориальной неприкосновенности и равноправия, признания и развития мирного сосуществования между народами, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела». «Те результаты, – продолжил он, – которые уже достигнуты в настоящее время в деле улучшения советско-югославских отношений, дают все основания полагать, что обе страны избрали единственно правильный путь и что оба правительства со всей серьезностью относятся к делу дальнейшего развития и укрепления отношений между Советским Союзом и Федеративной Народной Республикой Югославии». Выступая от имени советского правительства и ЦК КПСС, глава кабинета министров обратился к югославской стороне, повернувшись в сторону гостей, со словами: «Мы с этой трибуны приветствуем наших югославских друзей и президента Югославии товарища Тито (эти слова вызвали “бурные аплодисменты”. – А.Е.) и считаем необходимым заявить, что Центральный Комитет нашей партии, Советское правительство и весь советский народ приложат дальнейшие усилия к тому, чтобы идти по совместно избранному пути дружбы и искреннего сотрудничества с братскими народами Югославии». Как сообщалось в газетных репортажах о заседании, эти высказывания Булганина также были встречены «бурными, продолжительными аплодисментами» его участников²²⁰.

Если летом 1955 г. подобные высказывания, включая слова о дальнейшем необходимом и неизбежном сближении, звучали повсеместно, то на практике, там где следовало материализовать вербальные сотрясения воздуха в конкретные дела, начинали вырисовываться пределы советско-югославского сближения. Как и во второй половине 40-х годов, проявилось это в экономической сфере.

Как правило, свои любые неожиданные просьбы о замещении тех или иных поставок из капиталистических стран представители ФНРЮ объясняли советским собеседникам необходимостью высвобождения своей страны из тисков зависимости со стороны Запада, не без основания считая, что подобные объяснения будут восприняты в Москве более благосклонно. Можно сказать, что в контактах с СССР югославы вели себя потребительски, несколько не заботясь о том, что даже при самом благоприятном отношении к ним советского партийно-политического руководства выполнить все их просьбы было бы невозможно без срыва тех или иных советских народнохозяйственных планов. Это, в свою очередь, порождало атмосферу качественно новой подозрительности в связях двух стран.

18 июля 1955 г. в рамках подготовки визита в Москву югославской экономической делегации и проработки повестки дня переговоров советник ГСИД ФНРЮ Сайчич в беседе с торговым

представителем СССР в Белграде высказал от имени своего правительства просьбу о поставке из СССР в Югославию в текущем году максимально возможного количества коксующегося угля. Сайчич заявил, что об этом будет просить делегация во время ее пребывания в августе–сентябре в Москве, так как «югославское правительство желает полностью удовлетворять свои нужды в этом товаре за счет импорта из СССР и Польши». Советский торгпред передал в Москву слова своего собеседника о том, что «импорт коксующегося угля всегда был для Югославии политическим вопросом, и югославское правительство желало бы освободиться от необходимости импорта его из США и Западной Германии». По словам торгпреда, Сайчич подчеркнул, что «отношения между Западной Германией и Югославией в последнее время настолько обострились, что Югославия не желает более упрашивать Западную Германию продавать уголь»²²¹.

23 июля Сайчич, выполняя указание члена правительства Карабеговича, повторно встретился с торгпредом и информировал его о полученном поручении «просить СССР поставить 200 тыс. тонн угля» и «начать поставку как можно раньше». Как гласит советская версия встречи, «эту просьбу он объяснил резким ухудшением отношений с Западной Германией». Обосновывая просьбу, Сайчич указал объемы югославского импорта угля, ввоз которого в 1954 г. из США (в порядке «помощи») составлял 500 тыс. тонн и из Западной Германии – 700 тыс. тонн. Потребности следующего 1956 г. югослав оценил в 1400 тыс. тонн. Когда эта просьба была передана в Москву, Министерство внешней торговли в телеграфном стиле уведомило ЦК КПСС, что «ресурсами экспортного коксующегося угля не располагает. Торговое соглашение на 1955 г. этого не предусматривает, на переговорах этот вопрос не ставился». Все же было отмечено, что ходатайство югославской стороны МВТ «считает целесообразным удовлетворить и предусмотреть в экспортно-импортном плане на 1956 г.»²²² Однако и без серьезных расчетов было ясно, что это внесет существенные перекосы в народнохозяйственные планы развития Советского Союза, принимаемые на пятилетку.

Уже 28 июля Микоян сообщил в ЦК КПСС о том, что Минвнешторг, Госэкономкомиссия и Министерство угольной промышленности, рассмотрев «просьбу югославского правительства в связи с прекращением поставки в Югославию из Западной Германии» о поставках советского угля в текущем году, рекомендовали ее удовлетворить²²³. 30 июля в рамках подготовки позиции советской стороны к предстоящим переговорам двух делегаций в августе в Москве Президиум ЦК КПСС принял решение: «Удовлетворить просьбу Югославского правительства о поставке из СССР в Югославию в 1955 г. 200 тыс. тонн коксующихся углей в

связи с прекращением поставки коксующихся углей в Югославию из Западной Германии»²²⁴. Совпадение этого положительно-го решения по хозяйственному вопросу с началом визита в Москву югославской парламентской делегации показало, что в Кремле продолжают увязывать политику и экономику самым тесным образом. Просьбу же югославской стороны о поставках на 1956 г. стыдливо обошли молчанием. Впрочем, не следовало исключать, что подобные запросы делались в рамках зондирования советских позиций перед предстоящими переговорами в Москве, которые должна была вести делегация во главе с С. Вукмановичем-Темпо. Поэтому столь серьезный вопрос можно было отложить до этой встречи, поставив его в контекст всего хода переговоров.

Очередной шаг на пути экономического взаимодействия (а в какой-то степени и взаимного обмана) последовал в конце лета 1955 г., когда в Москве в спринтерском темпе (23 августа – 1 сентября) прошли переговоры между первым заместителем Председателя правительства СССР А.И. Микояном и заместителем Председателя Союзного исполнительного веча ФНРЮ С. Вукмановичем-Темпо. В своих мемуарах Вукманович указывал, что инициатором визита явился именно он, ибо якобы он обратился к Тито с предложением направить его в Москву для расчистки экономических завалов, с чем лидер Югославии согласился²²⁵.

Оставим на совести автора этих мемуаров справедливость данного утверждения, ибо первоначально главой югославской торговой делегации был назначен член СИВ ФНРЮ М. Попович, о чем и было сообщено послу Валькову 8 августа 1955 г., и лишь в течение того же дня Поповича заменили на Вукмановича, о чем дважды проинформировали Валькова 8 и 9 августа²²⁶.

Тем не менее можно утверждать, что темпераментному черногорцу, который после визита в Вашингтон в ноябре 1954 г. считал себя опытным переговорщиком, не хотелось упускать своего шанса в Москве. Вукманович-Темпо достаточно хорошо представлял себе советских лидеров, с которыми познакомился в мае–июне 1955 г. во время визита в ФНРЮ советской делегации во главе с Хрущевым и Булганиным. Он даже провел несколько часов в одном лимузине с Хрущевым, о чем уже говорилось выше, сопровождая его и других членов советской делегации на ядерный объект в местечке Винче под Белградом.

О ходе переговоров сохранились подробные документальные свидетельства как югославские (пресловутые воспоминания Вукмановича-Темпо, написанные им в конце 70-х годов XX в.), так и советские, основными из которых являются отчеты для ЦК КПСС делегации во главе с А.И. Микояном. Лишенные эмоциональных оценок советские материалы, представлявшие высше-

му руководству КПСС в течение переговоров и сразу по их окончании, позволяют скрупулезно восстановить канву советско-югославских бесед. В то же время воспоминания Вукмановича, несущие отпечаток личности автора (при всей забывчивости их создателя, не исключено, что и намеренной), обеспечивают возможность проследить ход переговоров и тактику действий обеих сторон, привнеся экспрессию главы югославской делегации в оценку событий. Изложенная Вукмановичем-Темпо версия несколько отличается от документальной советской, но в общих чертах оба свидетельства совпадают.

Стороны начали первую встречу с обстоятельного доклада Вукмановича-Темпо о хозяйственном развитии Югославии после советско-югославского разрыва. Он остановился на основных экономических проблемах развития ФНРЮ и конкретных вопросах, которые его делегация хотела бы рассмотреть. Вукманович напомнил, что с 1948 по 1955 г. Югославия решала вопросы дефицита платежного баланса двумя способами: получением иностранной помощи, а также западных кредитов. Целью действий югославского руководства являлось обеспечение независимости Югославии и вывод ее из экономической отсталости. Докладчик сообщил, что на нужды обороны в 1949–1955 гг. вкладывалось по 20–25% (а в 1955 г. – 15%) национального дохода, тогда как нетто инвестиций составляли по 21% в год. Он подчеркнул, что из-за недостатка сырья проводилась политика отказа от использования мощностей легкой промышленности, а те ее отрасли, которые работали на импортном сырье (текстильная, кожевенная, резиновая и др.), были загружены лишь на 50–60 процентов²²⁷. При этом все инвестиции вкладывались в создание новых для Югославии отраслей тяжелой промышленности. Благодаря большим расходам на армию и инвестиции средний уровень жизни в стране за этот период почти не поднялся, но произошло существенное выравнивание жизненного уровня значительных слоев населения. Вукманович также напомнил, что несмотря на тяжелое положение удалось достичь роста промышленного производства в два раза и обеспечить возможность дальнейшего роста промышленной продукции до 15% в год.

Переходя к вопросам текущего состояния дел, Вукманович-Темпо заявил, что основными проблемами для экономики его страны по-прежнему являются внешние долги и инвестиционные кредиты. Он достаточно резко охарактеризовал политику Запада в отношении Югославии за последние семь лет. По его словам, капиталистические страны умело использовали ссору между СССР и ФНРЮ, и «кредиты предоставлялись Югославии на кабальных условиях». Однако докладчик не стал обвинять США в стремлении поработить ФНРЮ, хотя отметил, что американцы

«имели далеко идущие планы», «ставили своей целью задержать развитие промышленности Югославии с тем, чтобы мы не делали инвестиций и чтобы югославская промышленность оставалась на прежнем уровне развития». Именно такие условия предложило правительство США в 1951 г. при предоставлении помощи продовольствием и сырьем. Когда же руководство ФНРЮ отказалось принять их, через некоторое время помощь была предоставлена без предварительных обязательств. Вукманович указал, что структура помощи в 1951 и 1952 гг. и условия ее получения были нацелены на то, чтобы «Югославия могла плавать, не утонула, но и не выбралась бы из воды». Политика же руководства страны все это время была направлена на сохранение экономической независимости, однако достижению цели помешали «три засушливых года подряд», которые «очень усложнили положение». Как он подчеркнул, «западные государства использовали тяжелое положение Югославии и предоставили кредиты для закупки сырья и продовольствия на очень тяжелых условиях», согласно которым страна вынуждена была получать в начале года в кредит 50 млн долларов для закупки сырья с тем, чтобы в конце года его выплачивать. При закупке сырья и продовольствия по таким кредитам Югославии приходилось покупать товары по ценам на 20% выше мировых и «теряла 8–10 млн долларов на переплате ежегодно».

Не менее подробно Вукманович раскрыл перед советской стороной и проблему инвестиционных долгов ФНРЮ. Он указал, что Югославия получала два типа кредитов для инвестиций: а) долгосрочные на 20–25 лет (американские банки предоставляли эти кредиты стоимостью в 3,5 процентов годовых, Мировой банк – в 5 процентов годовых); б) среднесрочные и краткосрочные. Также в Западной Германии и Англии Югославией было получено по 55 млн долларов США (от каждой страны) среднесрочных и долгосрочных кредитов (стоимостью от 6 до 10 процентов годовых) у частных фирм. Хотя данные кредиты получали югославские предприятия, они были гарантированы Народным банком Югославии и правительством того государства, где получен кредит. При этом югославским предприятиям приходилось покупать товары в западных странах по ценам на 30 процентов выше мировых. В результате подобной кредитной политики платежный баланс страны оказался, по его словам, «в тяжелом положении», о чем было доложено Исполкому ЦК СКЮ.

В выступлении Вукмановича содержались и намеки на его собственную твердую позицию на переговорах в Вашингтоне в ноябре 1954 г. о получении новых кредитов и поставках пшеницы. Он рассказал о том, как американская администрация в самом начале переговоров потребовала согласия югославского

правительства на использование получаемой им выручки от продажи пшеницы, следующим образом: треть – на закупку американцами стратегических материалов на внутреннем рынке Югославии; треть – на закупку сырья по усмотрению американского правительства; треть – на капитальные вложения внутри Югославии, также по усмотрению американского правительства. Данный подход докладчик прокомментировал как стремление американцев «взять в свои руки внешнюю торговлю Югославии и регулирование капиталовложений внутри страны», «получив большую сумму динаров». Вукманович напомнил, что после его отказа согласиться на такие условия, переговоры были прерваны, и он собрался вылететь на родину, но хозяева вернули его буквально из аэропорта. В результате американская сторона согласилась дать 1300 тыс. тонн пшеницы на тех компромиссных условиях (выручку в динарах надлежало использовать на строительство шоссейной дороги вдоль Адриатического побережья Югославии), которые были предложены уже самим Вукмановичем. Тогда же американцы заявили о возможности предоставить долгосрочные кредиты, пообещав провести переговоры об этом позднее, но обещание было нарушено, и дополнительные кредиты предоставлены не были²²⁸.

Вукманович сообщил о решении Исполкома ЦК СКЮ сделать Югославию экономически независимой и о предпринятых для выполнения этого мерах. В частности, англичанам заявили о невозможности произвести выплаты по кредиту в 55 млн долларов США, предоставленному Югославии на два года. В ответ англичане согласились на продление срока выплат²²⁹. Как отмечалось в советском отчете о первом дне переговоров, после сообщения о состоянии экономики ФНРЮ и финансово-экономических связях с Западом Вукманович «заявил, что он изложил основные проблемы, стоящие перед Югославией, и что делегация просит помощи разрешить эти проблемы». По его мнению, сделать это можно поставками сырья и помощью в уплате кредитов, не нанося ущерба Советскому Союзу. Развивая свою мысль, он напомнил: «До последнего времени Югославия закупала пшеницу, коксующийся уголь и другие товары в Америке. США всегда могли поставить Югославию в тяжелое положение путем прекращения поставок этих товаров». Докладчик указал на желание ФНРЮ освободиться от такой зависимости, заключив договор с советской стороной «о поставках товаров на длительный период». Помимо этого он предложил внести кукурузу и цветные металлы в списки югославских товаров, поставляемых в СССР.

Глава югославской делегации сообщил о планах своего руководства относительно увеличения в 1955 г. общего экспорта ФНРЮ с 230–250 до 300 млн долларов США, а в последующем до

400 млн долларов в год. Среди препятствий для их осуществления указывалась низкая урожайность, которую югославское руководство рассчитывало (при применении достаточного количества искусственных удобрений и гибридных семян) довести до 70 ц с гектара. Он рассказал о плане засева (в 1958 г.) плодородных земель страны исключительно гибридными семенами²³⁰. Поэтому первой задачей для Югославии является развитие промышленности искусственных удобрений и проведение работ по осушению заболоченных земель в поймах реки Савы. Относительно перспектив развития югославской промышленности Вукманович заявил, что имеются огромные возможности производства алюминия и увеличения производства меди. Он пояснил, что еще один металлургический завод пока нецелесообразен – в стране есть мощности на производство 1100 тонн. Докладчик также сообщил о ведущихся (два года и пока безрезультатно) переговорах с Францией о строительстве медеплавильного рудника в районе Майданпек и с Западной Германией – о возведении двух алюминиевых заводов (в Мостаре и Никшиче). При этом он подчеркнул желание югославы, чтобы строительство велось полностью на средства иностранных фирм. Свое обширное повествование о состоянии югославской экономики и ближайших перспективах ее развития Вукманович закончил сообщением о планах по интенсификации имеющихся мощностей. От внимания советских собеседников не ускользнуло, что, рассказывая о планах по добыче руд и производства цветных металлов, Вукманович упомянул о наличии в стране залежей урановой руды с содержанием 1000–1200 грамм на тонну.

После пространного и весьма детального доклада глава югославской делегации перевел встречу в практическое русло, заявив, что его делегацию интересует возможность получения в СССР долгосрочных кредитов для покупки сырья и уплаты по долгам перед западными державами. Он указал, что югославское правительство считает целесообразным расширить товарооборот между СССР и Югославией, заключив соглашение о поставке товаров на длительный срок. В отношении новых предприятий Вукманович сообщил, что за исключением постройки заводов искусственных удобрений и заводов сельхозмашиностроения, ФНРЮ не может участвовать собственными средствами в строительстве предприятий для других отраслей промышленности. Он внес предложение об оплате кредитов на новые заводы продукцией, которую они будут выпускать (в частности алюминием и медью). Основываясь на имевшихся прецедентах строительства предприятий в счет 50 процентов – поставки товаров, 50 процентов – в кредит, Вукманович заявил о желании югославского руководства получить кредит от Советского Союза на строительст-

во промышленных предприятий в таких размерах, чтобы покрыть не только поставки оборудования, но и все расходы, связанные со строительством предприятий, в том числе и расходы, производимые в самой Югославии, в динарах²³¹.

В ответ на эти весьма конкретные запросы партнеров А.И. Микоян ограничился общим описанием советской позиции. Он напомнил о «принципиальном согласии», высказанном советской правительственной делегацией относительно «возможной помощи Югославии» во время недавних встреч с югославским руководством в конце мая – начале июня. Микоян сообщил, что «после возвращения в Москву делегация доложила вопрос и было принято решение оказать помощь Югославии кредитом». Он заметил, что «наша помощь будет, конечно, означать в экономическом смысле определенный ущерб для Советского Союза, так как у нас самих большая потребность в капиталовложениях в связи с широким строительством». «Но поскольку наша помощь укрепит экономику Югославии, и мы хотим усилить дружбу между нашими странами, – это принесет политическую пользу, – продолжил Микоян, – ...теперь, в ходе этих переговоров, речь идет таким образом не о нашем согласии на оказание помощи Югославии, а о размерах, формах и условиях кредита и поставок». Он высказал мнение, что условия предоставления кредитов ФНРЮ окажутся «такими же льготными, как странам народной демократии – 2% годовых на десять лет», упомянув, что «дружественным капиталистическим странам, таким, как Индия, Финляндия, а также Аргентине Советский Союз дает 2,5–3% годовых». Микоян вспомнил и об «исключениях», когда «странам народной демократии давались кредиты ниже двух процентов», указав на «Китай в период, когда страна переживала разорение, и Албанию – в период ее крайней бедности». «Но в последние годы такие исключения не делаются», – констатировал он. Условия кредитования под два процента годовых руководитель советской делегации назвал «весьма благоприятными» и подчеркнул, что кредит на капитальное строительство дается под более высокий процент.

Просьбу югославской стороны о строительстве предприятий за советский счет, Микоян посчитал «новым предложением», которое надо обсудить, однако сразу предупредил собеседников, чтобы не испытывали чрезмерных ожиданий: «Давая согласие на предоставление кредита, надо иметь в виду наши собственные нужды, в связи с чем вряд ли можно рассчитывать на слишком большие кредиты и на покрытие всех, в том числе и внутренних расходов». Он также обратил внимание партнеров на то, что подобным образом не поступают в странах народной демократии. Несмотря на оговорки, югославское предложение о возмещении

кредитов поставками продукции заинтересовало советскую сторону. Хотя Микоян и предостерег югославских партнеров от излишне радужных надежд, в советском отчете о первом дне переговоров указывалось, что предложение об оплате кредитов на строительство в Югославии заводов продукцией (в частности алюминием и медью), которую будут выпускать эти предприятия, «заслуживает внимания»²³².

Для ускорения дальнейшего хода переговоров Микоян предложил вести их сразу по трем направлениям, выделив от каждой делегации по три группы экспертов, и назвал советских представителей по каждому из них: о долгосрочном соглашении по вопросу взаимных поставок товаров (Кабанов), по вопросам поставок комплектного оборудования и технической помощи в строительстве предприятий (Коваль), по условиям платежей и кредитов (Кумыкин). Югославы посчитали советское предложение по процедуре организации дальнейших переговоров разумным. Вукманович назвал себя специалистом по инвестициям, сообщив, что примет участие в переговорах по строительству предприятий и поставкам оборудования²³³, тем самым давая понять приоритеты югославской позиции.

Драматический поворот в переговорном процессе случился уже 25 августа после более детального обсуждения заявленных 23 августа проблем в экспертных тематических группах²³⁴. Советская сторона выделила основное ядро запросов партнеров. Как отмечалось в одном из ее отчетов, составленном советскими участниками по итогам первых встреч, «югославы хотят получить от нас товарный кредит и заем в свободной валюте и золоте всего на сумму около 200 млн долларов или около 800 млн рублей с длительным сроком погашения – на 15–20 лет»²³⁵.

Предвидя жесткую реакцию партнеров и заранее смягчая ее, Микоян 25 августа на пленарном заседании²³⁶ дал понять, что высказывает лишь мнение своей делегации, а советское правительство вопрос еще не обсуждало. После этого он представил развернутый ответ на предложения югославской стороны. По вопросу о «размерах кредитов, которые Советский Союз может представить Югославии», глава советской делегации сослался на необходимость «учитывать большую собственную потребность в капиталовложениях», а также на «значительную помощь, которую Советский Союз оказывает таким странам, как КНДР, Китай, ДРВ, которые имеют большие неотложные нужды и находятся на стыке с капиталистическим миром». Микоян упомянул также о необходимости выделения значительных средств «на нужды обороны СССР», – их приходится увеличивать, несмотря на сокращение вооруженных сил. «Расходы на оборону очень велики. Войны

мы, конечно, не хотим, но заботиться об укреплении обороны обязаны, ибо это и есть гарантия мира».

После несколько затянувшегося вступления Микоян заметил: именно «этим и объясняется, что кредиты Югославии могут быть представлены с нашей стороны в меньших размерах, чем заявлено югославской делегацией»²³⁷. Сухой «канцелярит» советской записи встречи этого дня не передает в полной мере очевидного возмущения югославы первым советским ответом на их запросы (хотя с учетом темперамента гостей, в особенности Вукмановича, подобная реакция предвиделась неизбежной), но даже через официальные строки отчета проступало югославское недовольство словами Микояна.

Вначале Вукманович все же достаточно сдержанно заявил: «Принципы и условия Микояна в целом хорошие, хотя и не решают полностью стоящие перед Югославией проблемы». Повторившись, он заметил, что мы изложили «основные проблемы, стоящие перед страной», а «вы теперь сообщили свои возможности». Сложив предложенные Микояном суммы, глава югославской делегации сообщил, что валютный заем и товарный кредит составляют вместе примерно 80 млн долларов. «Это значительная сумма, но это не решает стоящих перед нами проблем». – вновь повторился он. Далее Вукманович высказал следующее: «Если Вы не можете предоставить кредиты в больших размерах, то мы будем вынуждены искать другие возможности». Всем участникам переговоров было ясно, что сказанное содержит скрытую угрозу неизбежности финансовых заимствований на Западе. Вновь обратившись к английскому примеру, он заявил, что англичане в частном порядке намекали на имеющиеся у них возможности, подчеркнув, что «в отношении наших долгов Западной Германии – большая борьба». И словно в расчете на советско-американское соперничество, он описал и позицию США: «Американцы в связи с моим заявлением, что не будем проводить политику эмбарго (в отношении Советского Союза. – А.Е.), волнуются, искажают смысл моего заявления, идут на обострение, и мы должны быть готовы к этому».

Позицию Вукмановича усилил и Х. Бркич, принимавший участие в переговорах как представитель внешнеполитического ведомства ФНРЮ. Он напомнил, что за 1949–1955 гг. Югославия получила от Запада экономическую помощь в размере 489 млн долларов, и о том, что имеется указание ЦК СКЮ выполнить пятилетний план без американской помощи. Однако «в связи с тем, что от Советского Союза кредит будет меньше, чем мы рассчитывали, возникает вопрос о получении в кредит пшеницы из США». «Сейчас мы получаем пшеницу в счет помощи, но теперь ситуация изменилась, – пояснил он, имея в виду значи-

тельное улучшение советско-югославских отношений, – и на помощь США мы уже рассчитывать не можем». Бркич напомнил о пятилетнем плане, которым предусматривается, что ввоз пшеницы должен составлять минимум 450 тыс. тонн в год при нормальном урожае. «Исходя из этого, – продолжил выступающий, – мы считаем, что должны попробовать получить пшеницу в кредит в США».

По всей видимости, Микоян ожидал подобный натиск со стороны собеседников, подготовился к его отражению и попытался сбить Бркича вопросами о позиции Конгресса США по поводу предоставления помощи иностранным государствам. В ответ югослав уточнил, что сенат США на год, до июля 1956 г., определил помощь Югославии в размере 41 млн долларов. В счет помощи из США ФНРЮ получила главным образом пшеницу, коксующиеся угли, хлопок и технические масла, т.е. ключевые товары в валютном и сырьевом балансе Югославии. «Но сейчас, – подчеркнул Бркич, – получение помощи от США находится под вопросом в связи с тем, что американцы требуют от Югославии продолжения политики эмбарго (на поставки в СССР стратегических товаров. – А.Е.), а также контроля в связи с предоставляемой помощью, вплоть до контроля за транзитом грузов через Югославию в Советский Союз и страны народной демократии». Он раскрыл часть югославских замыслов: «При помощи товарного кредита, который мы получим у Советского Союза, мы рассчитываем решить проблему отказа от помощи США и создать возможность для развития нашего сельского хозяйства». После этого Х. Бркич без обиняков заявил, что предложение Микояна «поможет нам, облегчит наше положение, хотя и не существенно».

В рассмотренном выше вопросе югославская торговая делегация была едина, хотя подходы ее членов отличались в нюансах. Вукманович, как глава делегации, поправил Бркича, указав, что заем в 30 млн долларов «дает возможность создать валютный резерв банку Югославии для маневрирования до того времени, пока не будет создан свой собственный валютный резерв, и что они не намерены расходовать его непосредственно на закупку товаров». Он заметил, что «эти 30 млн долларов дадут нам возможность меньше переплачивать при покупке товаров и маневрировать, тогда как до сих пор мы должны были покупать товары там, где получали кредиты, по высоким ценам, и, кроме того, платить большие проценты за кредит». Но при этом Вукманович высказал просьбу «рассмотреть возможность увеличения товарного кредита». Впрочем, он, как и ранее Микоян, дал понять, что окончательное решение об отношении к советскому предложению остается за югославским руководством²³⁸.

Тем не менее глава югославской делегации заметил, что свое собственное, «личное мнение он изложит уже сейчас. Валютный и товарный кредиты – им сильно помогут, хотя и не решат проблемы и придется лавировать, а как – об этом надо еще подумать». «Что касается списка югославских товаров, то к нему можно будет вернуться и рассмотреть вопрос об увеличении поставки медного проката и других товаров, исходя из необходимости маневрировать. Но он должен еще раз твердо заявить, что со следующего года эмбарго на стратегические товары Югославия уже проводить не будет»²³⁹. В нашем распоряжении не имеется более подробных документов, посвященных позиции Югославии в отношении соблюдения эмбарго на поставки в СССР товаров, оцениваемых США как «стратегические», но, судя по всему, делегация Вукмановича последовательно придерживалась точки зрения Тито о необходимости отказа от политики эмбарго, которую тот высказал на заседании Исполкома ЦК СКЮ 19 июля 1954 г.

Сразу после этой весьма напряженной встречи Микоян обстоятельно доложил о ходе переговоров в Президиуме ЦК²⁴⁰, отчитавшись как о деятельности рабочих групп, так и о заключительной беседе с югославами. 29 августа 1955 г. на основании подготовленных Микояном проектов решений и пояснительных документов было принято постановление Президиума ЦК, в котором содержались не только ответы на конкретные запросы югославской стороны, но и подтверждалась решимость советского руководства на долговременное экономическое сотрудничество с Югославией. Советские ответы на выдвинутые югославами запросы на много лет вперед определили параметры дальнейшего сотрудничества между двумя странами в хозяйственной сфере²⁴¹. Приведем этот документ:

«В целях дальнейшего развития экономических и торговых отношений между СССР и Югославией и учитывая просьбы Правительства ФНРЮ, высказанные во время переговоров с югославской экономической делегацией, о предоставлении Правительству ФНРЮ займа в золоте или иностранной валюте для облегчения платежей по внешним долгам и создания необходимых валютных резервов, а также товарного кредита и кредита для строительства промышленных предприятий, ЦК КПСС постановляет:

1. Дать согласие Правительству Югославии на предоставление:

а) займа в золоте или иностранной валюте на сумму 30 млн долларов из двух процентов годовых с правом использования в течение двух–трех лет и погашением золотом или валютой через 10 лет со дня предоставления соответствующих сумм (вместо запрошенных югославами 60 млн долларов на 15–20 лет. – *А.Е.*);

б) товарного кредита на сумму до 54 млн долларов (вместо 135 млн долларов, запрошенных югославами. – *А.Е.*) из двух процентов годовых с использованием в течение трех лет равными долями для оплаты части поставляемых из СССР сырья и продовольствия, в том числе 200 тыс. тонн пшеницы ежегодно (150 тыс. тонн из урожая 1955 г.) и нефти.

Срок кредита установить в 10 лет (вместо 15 лет, запрашиваемых югославами. – А.Е.) со времени использования каждой его годовой доли, с началом погашения с 1955 года равными ежегодными частями путем поставки в СССР товаров по согласованию.

2. Отклонить, как неприемлемое, предложение Югославской делегации о предоставлении кредита на полную стоимость алюминиевого завода с гидроэлектростанцией и медеплавильного завода, включая не только стоимость проектных работ, но и всех материалов и рабочей силы. Дать согласие на предоставление кредита из двух процентов годовых для строительства указанных двух заводов, на оплату выполняемых советскими организациями проектных работ и поставляемого из СССР оборудования и отдельных материалов, которые в СССР не производятся, с погашением кредита поставками Советскому Союзу алюминия или соответственно меди в течение 6 лет после пуска заводов.

В случае, если югославское правительство найдет такое предложение неприемлемым для себя из-за финансовых затруднений, не возражать против этого, чтобы оставить вопрос открытым и вернуться к нему, когда югославская сторона будет иметь возможность финансировать внутренние расходы по строительству упомянутых заводов, то есть обеспечить их строительство при получении кредита от СССР в указанном объеме.

3. Дать согласие на предоставление Югославии кредита для оплаты выполняемых советскими организациями проектных работ и поставляемого СССР в течение 1956–1959 гг. оборудования, а также изготовляемых в Югославии материалов для строительства; для оплаты поставляемого СССР оборудования для расширения и реконструкции двух свинцово-цинковых и одного ртутного рудника. Определить сумму кредита для указанных целей ориентировочно в 115 млн долларов. Кредит предоставлять сроком на 10 лет со времени его использования, из двух процентов годовых с погашением, начиная с 1955 года, поставками югославских товаров по согласованию сторон.

4. Принять предложение югославской экономической делегации о заключении долгосрочного соглашения о взаимных поставках товаров СССР и Югославии на 1955–1960 гг., т.е. на пять лет, с установлением для первых трех лет взаимно компенсируемых поставок в объеме не менее 35 млн долларов в год с каждой стороны (против 26 млн долларов в 1955 г. – А.Е.) с дальнейшим увеличением объема этих поставок в последние два года действия соглашения.

Утвердить прилагаемые списки товаров для поставок из СССР в ФНРЮ в 1956 г., включая поставки в кредит, из ФНРЮ в СССР, которые будут служить основой для установления списков взаимных поставок и на 1957 и на 1958 гг.

В связи с заявлением югославской экономической делегации о том, что Правительство Югославии по соображениям, вытекающим из отношений с западными странами, может гарантировать поставки в СССР согласованное на 1956 г. количество алюминиевого и медного проката, цинка, ртути, кабеля и провода, начав их к исходу первого полугодия и закончив до конца 1956 года, хотя возможно приступит к поставкам перечисленных выше товаров и раньше, – согласиться с тем, чтобы эти поставки начались не позднее конца первого полугодия 1956 года».

В числе прочих пунктов документа, в этом постановлении содержались: «согласие на командирование в Югославию трех–четырех специалистов для совместного изучения возможностей использования югославских углей для производства металлургического кокса», согласие «принять югославских представителей для изучения коксохимического производства в СССР», «согласие на передачу Югославии рабочих чертежей

одного сельскохозяйственного комбайна и одного трактора советской марки». Отдельным (восьмым) пунктом постановления стало поручение Микояну «подписать в соответствии с Постановлением Протокол о результатах переговоров по экономическим вопросам между СССР и ФНРЮ»²⁴².

Данное постановление было почти дословно озвучено советской стороной на последней официальной встрече двух делегаций 1 сентября 1955 г. Югославский вариант заключительного коммюнике²⁴³ даже не обсуждался. В итоге был подписан советско-югославский протокол по экономическим вопросам, в одном из пунктов которого отмечалось, что с советской стороны сотрудничество ведется по линии Главного управления по делам экономических связей.

После возвращения в Белград югославской торговой делегации было подготовлено пространное интервью С. Вукмановича-Темпо, опубликованное в «Борбе» на первой полосе²⁴⁴. В нем глава делегации стремился подчеркнуть все положительные стороны достигнутых договоренностей, в особенности важность советских кредитов. Он назвал условия их получения (с выплатой за десять лет, при начале выплат через три года после получения и с учетной ставкой 2% годовых) «очень благоприятными... значительно благоприятнее заключенных ранее договоров или тех, по которым сегодня предлагаются кредиты на других рынках». Вукманович сказал о значимости договоренностей о получении трех видов советского кредита (сырьем, средствами в валюте и в виде инвестиций) уже через несколько месяцев, с января 1956 г. Он также сообщил о закупках сырья (прежде всего коксующегося угля и хлопка по 18 млн долларов в год, на общую сумму в 54 млн долларов в течение трех лет) и кредите золотом и валютой на сумму в 30 млн долларов. Кроме того, высокую оценку получила договоренность о поднятии советско-югославского торгового обмена до 70 млн долларов в обе стороны в течение следующих трех лет²⁴⁵. Вместе с торговой делегацией в Югославию вернулся и полномочный представитель Госсекретариата по иностранным делам ФНРЮ Д. Джурич, который в качестве главы другой югославской делегации вел в Москве переговоры о развитии воздушного сообщения между двумя странами, которые завершились в конечном итоге подписанием соглашения об обмене почтовыми посылками и об установлении почтово-телеграфных связей от 27 сентября 1955 г.

Последовательное и заметное развитие связей происходило и в отношениях Югославии с другими странами Восточной Европы – участниками «коммунистического блока». При этом югославы, вдохновленные советским примером решения спорных

вопросов по торгово-финансовым проблемам в июле 1955 г., весьма требовательно поднимали спорные вопросы задолженности соседних стран перед ФНРЮ²⁴⁶.

В соответствии с установившейся практикой достигнутое на переговорах в Москве было прокомментировано югославскими властями для Запада совершенно в другом свете. 3 сентября, уже на следующий день после достигнутых договоренностей в Москве, Тито во время торжественного приема в честь американского сенатора из Луизианы А. Эллендера весьма сдержанно говорил о потенциале сотрудничества с СССР. Он заявил, что подписанный протокол представляет собой возмещение за ущерб, который был нанесен Югославии в результате того, что она была вышвырнута из Коминформа и восточные страны разорвали с ней все экономические связи²⁴⁷.

4. «Сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены... но спорить не будем...»* (сентябрь 1955 – июнь 1956 года)

К началу осени 1955 г. старательно разыгрывавшаяся Н.С. Хрущевым с мая 1954 г. партийная сюита в советско-югославских отношениях приобрела дополнительное институциональное оформление. С сентября все связи с Югославией с советской стороны перешли в руки хорошо известного Хрущеву кадрового партработника Н.П. Фирюбина. 24 сентября глава югославского государства и СКЮ И. Броз Тито принял верительные грамоты у нового советского посла. Контраст с почти частной встречей В.А. Валькова с Тито на Брионах два года назад (хотя и о том событии в августе 1953 г. сообщили центральные югославские средства массовой информации) был разительным. На этот раз в прессе был приведен полный список всех сотрудников советского посольства, сопровождавших своего нового начальника во время торжественной церемонии: советник Ф.Н. Грязнов, торговый представитель Ю.Ю. Красюк, военный посланник полковник В.П. Кардашев, секретари посольства А.Е. Малышев, А.Е. Черепанов, Ю.В. Любимов, Н.В. Стацкевич, Ю.А. Сидельников, военный атташе В.Н. Садков и его помощники полковник В.Ю. Климичев и подполковник В.М. Пономаренко²⁴⁸.

В нашем распоряжении не имеется сведений о том, как оценили замену посла во внутренних документах югославского внешнеполитического ведомства. Известно, что в Белграде стремились в мягкой форме довести через посольство ФНРЮ в Москве до советского МИД «удивление» рекомендацией советских дипломатов в Белграде «проявлять бдительность в отношении американских империалистов»²⁴⁹, якобы не учитывающих итоги и содержание недавних советско-югославских переговоров, однако нет свидетельств, что замену Валькова в Белграде расценили как результат подобных заявлений. Тем не менее уже первые встречи нового посла в ГСИД ФНРЮ хозяева попытались использовать для налаживания рабочей атмосферы взаимодействия. В ходе первой беседы Мичуновича, который проводил ее в качестве исполняющего обязанности госсекретаря, с Фирюбиным советский посол получил заверение, что со стороны властей и Госсекретариата ему будет оказано полное содействие в его работе. В частности, в отчете о встрече Фирюбин записал слова

* Из постановления Президиума ЦК КПСС от 19–20 июня 1956 г. «О Декларации и отношениях между СКЮ и КПСС».

собеседника о том, что ему будут «предоставлены неограниченные возможности для ознакомления с жизнью страны и югославским народом». Помимо этого посла заверили: «Политика Югославского правительства в отношении СССР одобряется не только югославской общественностью, но и югославским народом»²⁵⁰.

Персональная перестановка на югославском направлении, в результате которой профессиональный дипломат был заменен представителем партократии, явилась еще одним дополнительным штрихом, что свидетельствовало об усилении идеологической доминанты в советской дипломатии, в том числе и в контексте укрепления всей ткани контактов между ФНРЮ и СССР, где советские усилия по установлению официальных связей между СКЮ и КПСС занимали все большее место. На достижение указанной цели был направлен и визит Микояна, находившегося в Югославии с тайной миссией осенью 1955 г. Но усилия Москвы приблизить к себе Белград, выразившиеся, в частности, в ходе этой миссии, когда Микоян пытался во время бесед с Тито обсудить целый спектр вопросов идеологического сотрудничества между руководством двух стран, не принесли результатов. По возвращении Микоян подготовил письменный отчет о своих малоуспешных попытках и отправил его 15 октября Хрущеву в Ялту. Первый секретарь ЦК КПСС, в свою очередь, надеялся использовать визит Микояна для подтверждения верности избранного им курса и распорядился, чтобы отчет был отпечатан ограниченным тиражом типографским способом. Однако документ, по всей вероятности, ввиду того что и сами темы бесед с Тито и другими руководителями ФНРЮ, и высказывавшиеся собеседниками Микояна идеи, скорее, порождали сомнения в безупречности советских позиций по многим вопросам, распространения не получил²⁵¹.

Еще одним свидетельством того, что визит Микояна прошел не совсем гладко, можно считать следующий факт: 14 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС не утвердил предложенный Пономаревым текст телеграммы в Белград, в которой Фирюбину поручалось выяснить, «как бы отнеслись югославские друзья, если бы во время праздничных демонстраций в СССР в числе портретов были бы портреты т. Тито», и сделать это «на основах взаимности»²⁵².

В той же мере, в какой Москва руководствовалась надеждами на возвращение Югославии в соцлагерь, югославская сторона надеялась на постепенную десталинизацию и демократизацию советского режима. Причем, и в СССР, и в Югославии ставку делали на «трудящиеся массы», которые сумеют повлиять в нужном направлении на свои режимы. В ходе нормализации 1953–1955 гг. обе стороны стали несколько отходить от столь же-

стойкой позиции. В частности, у югославской стороны появились более мягкие формулировки о наличии в СССР социалистических сил – их следует поддерживать. Как показали более поздние события, Микояна, например, в Белграде (прежде всего сам Тито) относили к советским реформаторам, стремившимся изменить ситуацию в СССР в направлении десталинизации страны, и поэтому охотно шли на контакт с ним.

В то время как руководители правящих партий обеих стран серьезно расходились в идеологических вопросах, государственные связи и взаимообмены делегациями продолжали набирать обороты. 28 сентября 1955 г. газета «Борба» опубликовала состав представительной делегации Верховного Совета СССР, прибывавшей в Югославию с официальным визитом. Договоренность об этом была достигнута весной еще до визита в Белград делегации Хрущева–Булганина и подтверждена после поездки югославских парламентариев в СССР в августе 1955 г. Обе стороны отнеслись к содержательной части визита весьма серьезно: почти каждый шаг высокопоставленных советских депутатов был тщательно документирован²⁵³. Советские парламентарии находились в стране с первых дней октября 1955 г., проведя в поездках и встречах во всех республиках ФНРЮ почти три недели. Вышее югославское руководство уделило немало внимания представителям Верховного Совета СССР: с делегацией четырежды встречался Э. Кардель, а 16 октября «в теплой дружеской обстановке пять часов» советские парламентарии провели с президентом Тито. В тосте на обеде югославский руководитель отметил, что «период нормализации окончился. Задача – укреплять и развивать дружбу между нашими народами»²⁵⁴.

Во время многочисленных встреч в республиканских парламентах стороны придерживались прежних формулировок о советско-югославском сотрудничестве, затвержденных в ходе бесед высших руководителей двух государств и партий в июне 1955 г.²⁵⁵ Вместе с тем советская делегация стремилась доступными ей средствами укрепить сотрудничество. На банкете после встречи с Председателем Союзной Народной Скупщины Югославии М. Пияде глава советской делегации А.П. Волков включил в здравицу слова: «За славную партию коммунистов Югославии, ее ЦК и вождя югославского народа – маршала Тито»²⁵⁶. После встречи в парламенте Сербии его глава П. Стамболич повторил фразу, сказанную членом советской делегации А.Е. Корнейчуком за несколько дней до этого: «Не нужны переводчики, когда говорят от всего сердца»²⁵⁷.

Трения в ходе визита случались, но они не выходили за рамки обычных спорных ситуаций. Во время посещения советской делегацией Сараево хозяева попытались выяснить реакцию гостей

на возможность пересмотра точки зрения на разрыв 1948 г., возложив вину за него на Сталина. Однако дискуссии не возникло: советская сторона не только не стала отвечать «с партийных позиций», как поступал Хрущев несколько месяцев назад, а всего лишь уклонилась от обсуждения. Волков в ответ на выступление главы парламента Боснии и Герцеговины Джуро Пуцара-Старого заявил: «Если мы и говорим о том тяжелом моменте, который был между нашими странами, то это мы делаем не для того, чтобы найти виновников, виновники известны»²⁵⁸.

Встречи в Черногории, на которых так настаивала советская сторона, оказались не столь успешными. Как отмечалось в отчете советской делегации, председатель Скупщины Черногории Блажо Йованович «во время обеда поставил целый ряд вопросов и возмущенно в озлобленной форме высказывал обиду на Советский Союз и заявил, что не так легко будет достигнуть взаимной искренней дружбы». Впрочем, по мнению советской стороны, «как по форме, так и по содержанию поведение т. Йовановича было единственным, в котором было выражено явное недружелюбие»²⁵⁹.

На одной из встреч секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин, словно и не было двух прежних неудачных попыток внести на согласование Президиума ЦК КПСС решение о задаче возобновления связей по линии молодежных организаций, заговорил «о желательности установления прямого и непосредственного контакта» между ЦК ВЛКСМ и ЦК НМЮ. Но Шелепину пришлось лишь убедиться в прозорливости позиции советских руководителей, ибо его инициатива не нашла поддержки у югославской стороны – та высказывалась «на этом этапе только за обмен делегациями и информацией через печать»²⁶⁰.

За парадной стороной визита скрывались и более глубокие противоречия, связанные с различными подходами обеих сторон. Как отметил в отчете для Президиума ЦК КПСС Волков, «делегация всячески ограждалась от непосредственного контакта с народом». На предприятиях проводились беседы с руководителями и членами рабочих советов, но не организовывалось митингов, а отдельные попытки советской делегации «обратиться с приветствием к собравшимся рабочим на предприятиях, вызывали недовольство со стороны сопровождавших нас лиц»²⁶¹. В свою очередь, в югославских отчетах отмечалась почти маниакальная склонность советских представителей к митингам и восторженным речам (к которым, впрочем, в начале визита их приучила принимающая сторона по инициативе местного руководства) в ущерб деловому осмотру объектов и знакомству с опытом самоуправления²⁶². При посещении промышленных предприятий члены советской делегации установили,

что партийные организации почти не занимаются производственной деятельностью предприятий и ограничивают свою работу главным образом культурно-просветительской сферой. Общее заключение о состоянии югославской промышленности было также отражено в отчете А.П. Волкова: «Мнение членов нашей делегации... сводится к тому, что за исключением некоторых отраслей, как уголь, металлургия, химия, электроэнергия, единое руководство промышленностью отсутствует. Как обеспеченность сырьем, так и сбыт продукции осуществляется стихийно. Большая роль, которая отводится рабочим советам в Югославии, по нашему мнению, является показной стороной так называемой широкой демократии, а по существу члены рабочих советов не могут практически влиять на деятельность предприятий... Во время бесед мы убедились, что даже председатели советов не могут дать вразумительных ответов на вопросы о деятельности предприятия»²⁶³.

В целом осенью 1955 г. югославская сторона предпочитала продолжать неспешно отвечать вежливым согласием на советские инициативы по укреплению связей и в то же время осторожно вела идеологическую полемику. Вслед за выпадом в Сараево атака была продолжена и на других участках «идеологического фронта» противостояния СКЮ влиянию КПСС. В условиях потепления двусторонних контактов делалось это очень аккуратно, в опосредованной форме, к примеру, в виде критики «догматизма» СДПГ в Восточной Германии, время от времени появлявшейся в югославской прессе. В частности, 23 октября 1955 г. в газете «Борба» была опубликована статья «Отпор догматизму» о тенденциозных текстах германской социал-демократической газеты «Форвертс». Статья принадлежала, по всей вероятности, известному югославскому партийному публицисту Йоже Смоле (автор упрятан под инициалами «Й. С.»).

Подобные, хотя и существенные, но мелкие «уколы» и при этом в столь деликатной форме, не мешали дальнейшему развитию связей между странами, в особенности на уровне личных контактов советских и югославских дипломатов. 11 ноября 1955 г. посол ФНРЮ в Москве Д. Видич пригласил замминистра иностранных дел В.А. Зорина (уезжавшего в ФРГ на должность посла) с супругой на завтрак или обед в знак благодарности за предыдущее взаимодействие²⁶⁴. Это свидетельствовало о серьезном упрочении личных доверительных отношений между дипломатами двух стран. По сравнению с событиями двухлетней давности, когда любая подобная встреча (даже если она и происходила в русле исполнения непосредственных должностных обязанностей) воспринималась как событие чрезвычайной важности, контраст выглядел разительным.

Развитие контактов находило закрепление и в формулировках официальных выступлений от имени югославского руководства. 11 ноября 1955 г. на заседании Союзной Народной Скупщины с докладом по внешнеполитическим вопросам выступил госсекретарь по иностранным делам К. Попович. В той части выступления (в самом его начале), где он говорил «о духе Женевы», отражавшем переговорный процесс великих держав в 1955 г., содержались и фрагменты об отношениях Югославии с отдельными странами. Вопреки принятому они были расположены в тексте несколько в ином порядке: сначала глава внешнеполитического ведомства говорил о связях с СССР и восточноевропейскими государствами, затем – о «тройственном сотрудничестве» в рамках Балканского пакта и только в последнюю очередь об отношениях с США и другими ведущими западными партнерами²⁶⁵. Подобная расстановка приоритетов в докладе, хотя и не означала смены внешнеполитической ориентации, явно отражала значимость для Югославии процесса нормализации.

Пределы сближения Югославии с Советским Союзом были намечены югославским руководством еще в процессе обмена письмами в 1954 г. и подтверждены летом 1955 г. при подведении итогов визита советской делегации. Несколько позже они были закреплены самим ходом и результатами торговых переговоров между делегациями Микояна и Вукмановича-Темпо в Москве в конце августа 1955 г. Несмотря на бесконечные попытки Хрущева представить визит в ФНРЮ серьезным прорывом, советская сторона рассматривала события 1954–1955 гг. как начало длительного процесса возвращения югославского руководства в социальный лагерь, считая его неизбежным. В свою очередь, для югославской стороны эти же события явились лишь важным моментом фиксации в жестко поляризованном мире сбалансированных внешнеполитических подходов ФНРЮ в качестве внеблокового государства с прочным международным положением, которое стремится с опорой на собственную идеологию «недогматизированного (или аутентичного) марксизма» оказывать влияние на процессы мирового развития.

Столь различные цели сторон не могли не сказаться в скором времени на дальнейшем развитии связей между ними. Начало открытых дискуссий относительно интерпретации состоявшихся летом 1955 г. событий в советско-югославских отношениях не заставило долго ждать. И в Белграде, и в Москве были готовы к этому. Советская позиция получила отчетливое оформление в двух упомянутых материалах журналистов «Правды», подготовленных по результатам их командировки в Югославию и направленных в ЦК КПСС летом 1955 г., а югославская – отработана в документах внешнеполитического ведомства ФНРЮ еще летом 1953 г.

К осени 1955 г. она не претерпела существенных изменений и лишь оттачивалась по мере наращивания двусторонних связей.

Главной темой словесной конфронтации явилась необходимость толкования положений Белградской декларации – их весьма по-своему интерпретировала каждая сторона. На газетных страницах была развернута полемика именно с упоминанием этого документа, но обе стороны действовали крайне аккуратно, выбрав такой жанр дискуссии, который позволял расставить акценты без обязывавшей официальности и не перейти границы необидной в данном случае полемичности. 17 ноября «Борба» опубликовала статью Й. Смоле «Неверное понимание». В ней сообщалось о ряде материалов в советской печати, в частности упоминались статьи в «Правде» после визита в Югославию делегации Союза журналистов СССР в сентябре 1955 г. Автор указывал, что, хотя перечисленные материалы написаны в «дружественном тоне, с желанием содействовать дальнейшему развитию югославско-советского сотрудничества», а имевшиеся в них критические замечания естественны, его возмущение вызвали заключительные строки третьей статьи в «Правде» от 13 ноября 1955 г. В них утверждалось, что развитие дружественных отношений Югославии с Советским Союзом и странами народной демократии – «одно из решающих условий для успешного развития Югославии по пути социализма». Дословно процитировав этот абзац, Смоле назвал содержавшееся в нем утверждение «ошибочным тезисом», указав, что именно «внутренние факторы – решающее условие дальнейшего развития всякой страны». Формулировка же, представленная в статье в «Правде», по мнению Смоле, «отличается от “декларации Тито–Булганина”». Югославский публицист подчеркнул, что «правильная интерпретация и последовательное применение положений Белградской декларации – основа для успешного развития югославско-советских отношений»²⁶⁶.

Несмотря на различные интерпретации событий, произошедших в контактах между Москвой и Белградом летом 1955 г., отношение советской пропаганды к Югославии значительно изменилось. В отличие от прежних лет, когда руководители СССР и КПСС всего лишь посещали прием, устроенный югославским посольством в честь Дня образования ФНРЮ (хотя и это после 1948 г. выглядело знаменательным событием), государственный праздник Югославии в 1955 г. отмечался в Москве с особым размахом. 28 ноября по этому поводу в Большом зале Московской консерватории имени П.И. Чайковского состоялось специальное собрание «советской общественности». На нем выступил глава палаты Верховного Совета СССР А.П. Волков. Основным моментом в докладе была высокая оценка недавнего визита «прави-

тельствственной делегации Советского Союза во главе с тов. Хрущевым Н.С., который откровенно и со всей принципиальностью обсудил с руководителями правительства Югославии все проблемы отношений между нашими странами и положил конец враждебности и отчужденности между нашими народами, существовавшими в последний период времени». Текст выступления был заранее отредактирован и одобрен секретарем ЦК КПСС П.Н. Поспеловым. Приведенный выше абзац он дополнил строками о том, что в результате визита «созданы основы для дальнейшего всестороннего дружественного сотрудничества между нашими странами»²⁶⁷. Осуществленная правка показывала, что на Старой площади уже не желали вдаваться в подробности причин возникновения «враждебности и отчужденности», а стремились говорить больше о перспективе.

В те же дни в центральной советской печати появились материалы по случаю Дня образования ФНРЮ. 29 ноября газета «Известия» опубликовала статью «Праздник народов Югославии» за подписью секретаря Сталинградского обкома КПСС И. Гришина, который, ссылаясь на собственный опыт пребывания в ФНРЮ в составе парламентской делегации, мягко критиковал ситуацию в стране и делал вывод о возможности ее эволюции в «правильном» направлении. «У нас, побывавших в Югославии, – говорилось в статье, – создалось впечатление, что... поиск правильных путей нельзя еще считать законченным, как мы сами могли видеть и как говорили нам югославские друзья, в стране произошло известное оживление местнических тенденций и ослабление планового начала. Это привело к чрезмерно широкому развитию рыночных отношений с целым рядом отрицательных последствий, борьба против которых развертывается как в партийных организациях, так и в печати Югославии». Автор считал, что, «...исходя из собственного опыта, югославские товарищи настойчиво ищут более совершенные методы развития своей экономики в интересах социалистического строительства»²⁶⁸.

Все это время стороны, не ограничиваясь публичными высказываниями о необходимости наращивания сотрудничества, стремились подкреплять подобные заявления конкретными договоренностями. В частности, 28 ноября, в день выступления Волкова на юбилейном заседании, был подписан Протокол о переговорах по техническим вопросам между советскими и югославскими специалистами, ставший основой для подписания в последующем (4 мая 1956 г. в Москве) Устава советско-югославской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Чуть позже, 19 декабря 1955 г., в Белграде было заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве на срок до 31 декабря 1960 г.

Поступательное развитие сотрудничества, несмотря на порой существенные нюансы в его интерпретации обеими сторонами, происходило в условиях сложившейся, хотя и не окостеневшей, системы международных отношений ялтинско-потсдамских договоренностей конца Второй мировой войны. В силу этого влияние международной среды и прежде всего политики Вашингтона на их развитие было существенным. Коррективы в экономическое сотрудничество между СССР и ФНРЮ приходилось вносить весьма неожиданно. Так, вызвавший столько эмоций в ходе московских переговоров в августе 1955 г. спор об объеме поставок зерна из СССР в размере 150–200 тыс. тонн пшеницы к осени оказался беспредметным. После состоявшихся 26 сентября – 3 октября 1955 г. переговоров в Белграде между представителями югославского правительства и заместителем госсекретаря США Р. Мерфи, американская сторона заявила о готовности выделить Югославии 100–150 тыс. тонн пшеницы в счет обычной помощи, а также предоставить 300 тыс. тонн пшеницы и других сельскохозяйственных излишков. Поставки было обещано начать немедленно. В создавшейся ситуации советский экспорт зерна, представлявшийся югославской стороне во время московских переговоров недостаточным, показался теперь, если не избыточным, то по меньшей мере несвоевременным.

О договоренностях с Р. Мерфи югославы 6 октября немедленно уведомили главу торгпредства СССР в Белграде Красюка. Через него же советскому руководству было сообщено о проведении переговоров «о поставке американской пшеницы в Югославию в счет долгосрочного кредита». Это сообщение сопровождалось весьма красочной деталью переговоров с американцами – просьбой «югославам предоставить им кредит на 40 лет для закупки в течение трех лет по 500 тыс. тонн пшеницы ежегодно». Открывавшиеся после визита Мерфи масштабные перспективы заставили югославскую сторону передать в Москву просьбу принять во внимание, что «поставка пшеницы из СССР в текущем году может отрицательно повлиять на исход переговоров с США», и ввиду этого «перенести поставку 150 тыс. тонн пшеницы на начало 1956 г.» Предполагалось о сроках поставки этой пшеницы достичь договоренности до 1 января 1956 г. Желая сохранить благосклонность Москвы и не утратить доверия советских партнеров, югославы попросили Красюка сообщить своему руководству, что если от американцев «удастся получить долгосрочный кредит на закупку пшеницы по 500 тыс. тонн ежегодно, то югославское правительство намерено создать за счет этой пшеницы государственные резервы»²⁶⁹. Советская сторона не могла не согласиться с просьбой, ибо разница в возможностях Кремля по сравнению с Белым домом была очевидной²⁷⁰.

Коллизии вокруг поставок пшеницы явились еще одним подтверждением провала надежд Хрущева вернуть Югославию в «советский блок», используя экономические рычаги. Впрочем, со стороны Белграда были полностью соблюдены все правила дипломатической вежливости: югославское правительство выразило благодарность правительству СССР за удовлетворение просьбы о поставке 150 тыс. тонн пшеницы в 1955 г. и, кстати, не упрекнуло Москву за то, что в августе советская делегация не пошла на уступки югославским требованиям. В результате, советские представители даже не выразили неудовольствия действиями югославов, хотя подобные политико-экономические кульбиты партнеров сказывались не лучшим образом на планировании хозяйственной деятельности в Советском Союзе. Требовавшиеся коррективы, как через перераспределение зерновых потоков для получения нужных экспортных объемов, так и при доставке пшеницы, посредством создания неразберихи в транспортном планировании (необходимость выделения вагонов и составов, внесение изменений в расписание движения поездов, а также доставки груза через морские порты или по суше до границ с ФНРЮ), наносили удар по главному преимуществу советской системы – планированию.

Уступки со стороны руководства КПСС и Советского Союза югославским партнерам на этом не закончились. Они продолжались и в других сферах. В конце 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял решение, запрещавшее советской разведке проведение вербовочных операций в отношении югославских граждан. Вся агентура, подобранная за время советско-югославского конфликта, освобождалась от взятых обязательств. Представители советского разведсообщества в ФНРЮ были переориентированы на «легальные методы» и преимущественную работу с гражданами капиталистических стран Запада на югославской территории.

В последние месяцы 1955 г. советская сторона предприняла меры по наполнению августовских экономических договоренностей и общему увеличению поставок товаров с обеих сторон²⁷¹. Одновременно делались шаги по восстановлению производственной кооперации стран «народной демократии» и Югославии. 16 ноября 1955 г. по рекомендации Микояна²⁷² было принято постановление Президиума ЦК «О предварительных переговорах с Чехословакией и ГДР относительно их участия в строительстве медеплавильного и алюминиевого заводов в Югославии»²⁷³. В январе 1956 г. Советский Союз и Югославия заключили соглашение о предоставлении кредитов ФНРЮ, хотя их объем так и не был определен. В феврале югославская сторона согласилась с советским предложением на проведение в Белграде переговоров о заключении Конвенции о культурном сотрудничестве²⁷⁴ (перего-

воры успешно завершились в мае 1956 г. подписанием официального документа).

Дальнейшие изменения происходили и в восприятии советской партийной элитой теоретических изысканий югославских лидеров в области марксистской идеологии и реальной практики. Беседы А.И. Микояна с югославскими руководителями осенью 1955 г. имели ограниченный позитивный результат, что выразилось в том, что с информации о взглядах югославских лидеров был немного и крайне избирательно приподнят «железный занавес» советской цензуры. В конце года Микоян поддержал предложение редакции теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист» об издании в Советском Союзе выступлений югославских руководителей. Первым было решено опубликовать полный текст доклада Тито на IV пленуме ЦК ССНЮ. В направленной Микояну инициативной записке от 9 декабря 1955 г. главный редактор Румянцев писал, что «доклад тов. Тито в значительно большей степени, чем последние выступления гг. Карделя, Вукмановича и др., свидетельствует о стремлении югославских коммунистов выправить ненормальное положение в области планирования, усилить плановое, централизованное начало в экономике страны (особенно в промышленности и внешней торговле)»²⁷⁵.

Сходных мыслей о происходившей эволюции во взглядах советской элиты на марксизм-ленинизм (но с противоположным вектором) придерживались и в Белграде, считая, что в Кремле отходят от прежних устоявшихся тоталитарных коммунистических представлений. В январе 1956 г. глава секретариата Президента ФНРЮ Й. Вильфан в письме американскому издателю В. Бентону (он опубликовал в конце 1955 г. после поездки по СССР и странам Восточной Европы серию статей в американской «Нью-Геральд Трибюн») возражал своему адресату: «Вы вернулись уверенным в том, что положение (в «советском блоке». – А.Е.) в самой своей сути осталось неизменным, и маловероятны изменения в ближайшее время. Вы, несомненно, знаете, что, по крайней мере, в отношении Советского Союза мы считаем несколько иначе. Особо это касается изменений во внешней политике Советского Союза, прежде всего тех из них, которые нашли выражение в отношении Индии, Бирмы и Югославии. Они должны подтолкнуть Советский Союз к более глубоким переменам во всем их понимании. Не следует исключать, что отсутствие мобильности Запада – это именно то, что может вызывать обеспокоенность»²⁷⁶.

В самом начале 1956 г. высшее советское руководство собственноручный курс в отношении Югославии оценивало весьма высоко. Об этом свидетельствовала подготовка и обсуждение материала

«О некоторых итогах нормализации советско-югославских отношений», написание которого было поручено Суслову, Пономареву и Громыко²⁷⁷. Документ предполагалось использовать на московском совещании лидеров коммунистических и рабочих партий в начале января, а одновременно и как базовый документ при подготовке отчетного доклада Центрального Комитета XX съезду. Рассматривая состояние дел после визита в Югославию в мае 1955 г., авторы отмечали, что «срок небольшой, если принять во внимание решение основной задачи, которая стоит перед нами в этой области». Цели и задачи последних шагов в отношении Югославии были истолкованы в духе выступлений сторонников Хрущева на июльском (1955 г.) пленуме ЦК: «Принимая решение о новом подходе к советско-югославским отношениям, ЦК КПСС ставил перед собой в качестве главной задачи – расширить возможности для сближения с югославским государством и Союзом коммунистов Югославии с таким расчетом, чтобы усилить советское влияние на югославский народ и членов СКЮ, а при благоприятных условиях обеспечить возвращение Югославии в социалистический лагерь». Объясняя пробуксовку в их выполнении, документ указывал: «Ясно, что выполнить эту коренную задачу в полтора года невозможно, учитывая, что в предшествующий период югославское руководство довольно далеко зашло в своих связях с Западом, а также в отступлениях от марксистско-ленинских принципов в ряде основных вопросов государственного и партийного строительства»²⁷⁸. Тем не менее авторы текста считали необходимым говорить о позитивных изменениях во внутренней ситуации в ФНРЮ, трактуя их как осознание югославским руководством своих ошибок и необходимости их «исправления» под влиянием советских партнеров. «Происходят процессы известной эволюции во взглядах югославского руководства, наше коммунистическое, марксистско-ленинское влияние начинает сказываться», – отмечали они. Авторы полагали, что, «не закрывая глаза на то, что в СКЮ имеют еще хождение ошибочные взгляды по ряду вопросов, мы все же должны отметить некоторые важные шаги югославских товарищей по пути исправления своих ошибок»²⁷⁹.

Микоян, которому был отправлен данный документ для прочтения, сделал к нему ряд замечаний с тем, чтобы сгладить те факты, которые могли быть истолкованы как неудача на югославском направлении. В отношении прозвучавшей в документе констатации, что «до такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничество на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко» и, в частности, что «югославские товарищи так и не ответили на письмо ЦК КПСС, где предлагалось развивать сот-

рудничество по линии партии»²⁸⁰, он внес поправку, которая делала взгляд на эту проблему более обтекаемым. Микоян предложил считать подобное развитие отношений между СКЮ и КПСС ожидаемым: «Здесь, как это и предвидел ЦК КПСС, путь оказался не таким простым и быстрым». Он считал необходимым напомнить, что именно о таком варианте развития событий указывалось в письме ЦК КПСС от 25 июня 1955 г. в адрес руководителей коммунистических и рабочих партий²⁸¹. Впрочем, чуть ниже Микоян фактически поставил под сомнение правомерность визита советской делегации в Белград в мае, заметив, что «не всегда, конечно, целесообразно начинать каждой стране с одного и того же, например, с поездки в Белград делегации, составленной на самом высоком уровне»²⁸².

Безусловно, что советское руководство (прежде всего те, кто был в это время близок к Хрущеву) стремилось поднять собственный престиж. Однако подобные оценки имели под собой некоторое основание, потому что в развитии контактов между двумя компартиями действительно произошли определенные сдвиги – обмен письмами или информацией по международным вопросам между Центральными Комитетами двух компартий хотя и имел периодический характер, но уже не являлся чем-то неординарным. Во второй половине 1955 г. советская сторона направила в Белград два материала, в которых уведомила югославское руководство о советских действиях на международной арене. Югославская сторона, в свою очередь, сначала в конце июня информировала Москву о встрече с послами западных стран в Белграде, а затем в ноябре подготовила (за подписью Тито) письмо Хрущеву о состоявшейся встрече с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом²⁸³. Переписка была продолжена и в начале следующего года. В январе 1956 г. ЦК КПСС направил письма с информацией по созданию международного атомного агентства с участием стран «советского блока» и о развитии их хозяйственной интеграции, мягко предлагая Югославии подключиться к участию в ряде проектов²⁸⁴.

Со своей стороны, югославы достаточно умело поддерживали у советских партнеров иллюзию возможности дальнейшей интеграции ФНРЮ в структуры «советского блока». 5 января 1956 г. посол Д. Видич по собственной инициативе попытался получить сведения о деятельности СЭВ. Согласно советской версии записи этой встречи, «Видич сказал, что он не имеет поручения из Белграда по ознакомлению с деятельностью этой организации, но что такое ознакомление входит в круг его обязанностей, а из литературы он не мог себе составить полного представления о деятельности СЭВ». Югославский посол остался доволен ответами, данными на его вопросы: «В заключение беседы Видич сказал,

что он получил исчерпывающие ответы на интересовавшие его вопросы... Эта беседа поможет ему составить полное и правильное представление о деятельности СЭВ для информирования своего правительства и может принести пользу в наших отношениях»²⁸⁵. Обстоятельства состоявшейся беседы, произошедшей накануне встречи в Москве представителей коммунистических стран Восточной Европы с целью обсудить проблемы координации экономического сотрудничества, давала советской стороне некоторые основания для надежды на то, что ФНРЮ начинает интересоваться выгодами экономической интеграции в рамках советского лагеря.

События XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.) в значительной мере способствовали дальнейшему развитию двусторонних связей, облегчив, в конечном итоге, формирование положительного решения югославской стороны о восстановлении связей между СКЮ и КПСС. Югославы воздержались от направления на форум советских коммунистов своей делегации, мотивируя это рядом обстоятельств, в том числе и тем, что остальные компартии стран «советского блока» «не проявляют искреннего желания установить контакт с СКЮ»²⁸⁶. Тито ограничился направлением обращения к XX съезду КПСС, начав его словами «Дорогие товарищи!» Однако в последующих абзацах не содержалось желанных для Хрущева рассуждений об интернационализме, совместной борьбе за социализм и коммунизм, марксистско-ленинском единстве и т.п. Вместо всего этого подтверждалась неизменность позиции югославской стороны о нормализации связей между КПСС и СКЮ: «Мы можем быть удовлетворены постепенным и непрерывным улучшением наших отношений. Именно такой, постепенный, путь и является самым здоровым для восстановления прочного доверия и взаимного сотрудничества, а в то же время дает возможность устранять в повседневных практических действиях все то, что могло бы воспрепятствовать укреплению доверия между нами»²⁸⁷.

Письмо генсека ЦК СКЮ было передано советскому руководству на следующий день, 12 февраля, когда состоялся прием Н.С. Хрущевым посла Югославии в СССР Д. Видича, о чем (без указания содержания встречи) незамедлительно сообщила «Правда». Несколько дней спустя (15 февраля) в фойе Кремлевского дворца во время перерыва Видич поделился своими впечатлениями по поводу Отчетного доклада Первого секретаря ЦК КПСС²⁸⁸ с советским послом в Белграде Н.П. Фирюбиным, который присутствовал на съезде в качестве делегата. Делал он это в самых восторженных выражениях. Фирюбин тут же составил отчет о разговоре и немедленно передал его Хрущеву²⁸⁹.

По словам советского посла, «Д. Видич был в весьма приподнятом настроении. Он сказал, что хотел бы по-дружески, открыто поделиться со мной своими впечатлениями от доклада тов. Н.С. Хрущева». Далее Фирюбин писал: «Д. Видич заявил мне, что доклад в целом представляет триумф марксизма-ленинизма и классический образец развития теории революционной борьбы». «Д. Видич, – продолжил советский дипломат, – подробно остановился на разделе доклада²⁹⁰, где изложены некоторые принципиальные вопросы современного международного развития». Касаясь проблемы мирного сосуществования двух систем, югослав заявил, что ясность изложения в докладе принципа невмешательства во внутренние дела других стран и положение об установлении нового общественного строя в той или иной стране как внутреннем деле народов этих стран, «представляет серьезный удар по врагам социализма». В документе далее приводилось следующее мнение посла ФНРЮ: «Большое удовлетворение вызывает также утверждение о том, что фатальной неизбежности войны нет». Описывая реакцию Видича на отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС, Фирюбин обратил внимание и на то, что «особый интерес вызвал у него вопрос о формах перехода различных стран к социализму»²⁹¹. Он полностью привел такую точку зрения Видича: «Положения, изложенные в докладе по этому вопросу, имеют особо важное значение не только как подтверждение творческого развития теории, но и как сильнейшее средство, способствующее консолидации всех сил и партий, борющихся против капитализма»²⁹².

Высказывания посла ФНРЮ не являлись экспромтом, произнесенным после прослушивания выступления Хрущева со слуха в зале, а стали, скорее всего, итогом внимательного изучения текста доклада. Фирюбин отметил: «Д. Видич доверительно сообщил мне, что он еще вчера вечером телеграфно передал в Белград краткую запись из доклада т. Н.С. Хрущева». Слова посла ФНРЮ «о возможном издании в Белграде отчетного доклада ЦК КПСС отдельной брошюрой», как и вывод о том, что «отныне снимаются принципиальные разногласия по вопросам теории, имевшие место между КПСС и СКЮ», вместе с высказанной им уверенностью, что «приезд т. Тито в Москву положит начало прочному взаимодействию между нашими партиями»²⁹³, звучали как триумф Первого секретаря ЦК КПСС.

Можно с достаточно высокой степенью уверенности предполагать, что именно после ознакомления с данным сообщением Фирюбина в доклад «О культе личности и его последствиях», представленный Хрущеву Поспеловым и Аристовым накануне, Первый секретарь ЦК КПСС внес дополнения, уделив «югославскому вопросу» несколько абзацев в духе обличительного анти-

сталинского пафоса всего выступления. «Дело о Югославии выдуманно от начала до конца Сталиным, никаких оснований идейных и политических не было, за исключением мелочей, которые всегда могут быть. Но умный руководитель всегда сумеет обойти такие шероховатости, чтобы не довести до разрыва; в деле с Югославией не было оснований для такого разрыва. Сталин мне лично сказал: “Шевельну мизинцем и Тито слетит”... Но с Тито он так не мог поступить, потому что это целое государство со своим государственным аппаратом, со своим народом, который сплочен вокруг Тито и оказывает ему поддержку». Оттеняя собственную роль в советских действиях последних лет на югославском направлении, Хрущев констатировал: «В вопросе с Югославией мы теперь решили правильно, что одобряется народом и Советского Союза, и Югославии, и народами стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством, что это сделано в интересах социализма, в интересах мира во всем мире»²⁹⁴.

Встречи с советскими дипломатами и аналитические документы, присылаемые в Белград посольством в Москве в первые недели после XX съезда КПСС, внушали югославской стороне оптимизм относительно менявшегося политико-идеологического климата в СССР²⁹⁵. Столь радужные оценки в определенной степени возникали и под влиянием последних недель пребывания в Москве Д. Видича. Советское руководство весьма тепло его «проводило», щедро одарив посла ФНРЮ охотничьим ружьем работы тульских мастеров, палантином из соболей, картиной (пейзаж Л. Бродской) и организовав прием в его честь. Всем этим югослав был настолько поражен, что на следующий день специально посетил МИД для выражения благодарности. Его фраза о нехватке «слов, чтобы выразить всю признательность как за эти подарки, так и за тот неожиданный и теплый прием, который был оказан мне вчера вечером и который прошел в теплой товарищеской обстановке», была зафиксирована чиновниками Смоленской площади и доложена в Президиум ЦК²⁹⁶. Однако наиболее дорогим подарком для посла и всего югославского руководства явился сам «секретный доклад», – его Хрущев вручил Видичу уже после прощального ужина во время расставания, вынув небольшую брошюру из внутреннего кармана пиджака. Советский лидер попросил передать ее «товарищу Тито» и сопроводил подарок словами: «Он прочтет с интересом. Думаю, что и вы, югославы, вряд ли бы лучше написали»²⁹⁷.

В печатной версии доклада позиция по югославскому вопросу была отражена весьма подробно. В тексте уже не просматривалось прежнего стремления разделить вину за конфликт 1948 г. Хотя некоторая доля ответственности за него переносилась и на югославов («это не значит, однако, что у югославских руководи-

телей не было ошибок и недостатков»), Сталин назывался главным его виновником, ибо «эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной». Причину обострения отношений Хрущев усмотрел в «мании величия Сталина», который «полностью утратил чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран». Характеристика ситуации в Югославии также явно производилась с расчетом на то, чтобы польстить руководству ФНРЮ и СКЮ. По поводу угрозы «шевелинуть мизинцем», якобы высказанной Сталиным Хрущеву в самом начале конфликта, Никита Сергеевич заявил: «Сколько не шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям»²⁹⁸.

С текстом доклада «О культе личности...» XX съезду КПСС весьма широкий круг югославских руководителей был ознакомлен во время заключительной части работы VI пленума ЦК СКЮ 14 марта 1956 г. (сам текст роздан не был, но его зачитал в зале М. Пияде). Чтение предварили краткие замечания Тито, который охарактеризовал доклад в контексте общего состояния отношений с СССР. «Решения съезда, прежде всего доклад Хрущева и дискуссия на XX съезде КПСС, затронули и вопрос отношений с Югославией, этим, хотя и весьма скупо, – заметил генсек ЦК СКЮ, – но все же дано необходимое признание того, что в отношении нас они поступили неправильно и ошибочно. Это имеет огромное значение не только для нас и всего мирового пролетариата, но и для самого XX съезда КПСС». Тито призвал членов ЦК СКЮ «прийти к собственному единому подходу в отношении значения и решений XX съезда КПСС», специально оговорив, что сделать это надо «не в виде резолюции, но, тем не менее, выработать все-таки единый подход». Далее он продолжил: «Было бы очень неудобно, если члены нашего Союза будут иметь на это различные взгляды, если у них не сложится ясная картина того, что сейчас происходит в Советском Союзе, и если мы не будем иметь... ясного курса нашей дальнейшей политики как в отношениях с СССР и остальными восточными странами, так и в нашей общей международной политике»; «Разумеется, эти крупные изменения, которые произошли после доклада Хрущева и дискуссии на съезде, не могут и не должны оказать влияния на то, что мы будем менять наш политический курс в целом, так как наша политика не проводилась в расчете на краткосрочную перспекти-

ву – в зависимости от, возможно, еще нерешенных известных проблем с Советским Союзом и другими восточными странами».

Все шаги ФНРЮ на международной арене, подчеркнул Тито, совершаются «в результате глубокого анализа и достаточно серьезного знания современной международной ситуации, а также и веры в то, что только такая политика, которую мы до настоящего времени проводили, правильная... Мы будем действовать и во внешней политике как независимая социалистическая страна, которая как раз и будет соотносить свои отношения и с Советским Союзом, и с остальными странами со своим социалистическим характером». Лидер югославских коммунистов отверг возможность возвращения Югославии в советский лагерь, отметив, что ему известно о наличии в рядах СКЮ и таких настроений. «Не следует думать, – убеждал он, – что мы сейчас, хотя и кое-кто, возможно, этого желает, готовы вновь перейти на позиции до 1948 г., так как такое положение при сегодняшних событиях в мире и после того, как Югославия обрела в международном прогрессивном движении огромный престиж и доверие, нанесло бы огромный ущерб не только нам, но и Советскому Союзу и другим восточным странам, а также силам мира и прогресса во всем мире... Товарищам в Советском Союзе, которые, возможно, еще не понимают достаточно хорошо некоторые вещи, – а на прошедшем съезде они показали, что они все еще перегружены некоторыми вещами, – мы это должны хорошенько объяснить. До настоящего времени мы имели возможность убедиться, что они охотно с нами соглашались, если мы хорошо и аргументированно с ними разговаривали». При этом Тито перечислил поименно этих «товарищей в СССР»: Хрущев, Булганин, Микоян «и вообще сегодняшнее руководство».

Генсек ЦК СКЮ продолжил линию на необходимость оказывать влияние на ход политических событий в СССР, подчеркнув, что советские товарищи «находятся в весьма тяжелой ситуации... заняты очень крупными и смелыми делами. То, что они совершили на XX съезде, смелее, чем их приезд в Белград, это для нас и для всех – огромное дело. После более двадцати пяти лет сталинского периода, когда не только члены ВКП(б), но и весь советский народ были воспитаны на культе одной непогрешимой личности и созданной ею системы, являющейся, возможно, самым мрачным явлением в истории русского народа, и не только русского народа, но и истории международного рабочего движения вообще, понятно, что не легко все это ломать. Они должны идти постепенно в том направлении, в котором нужно следовать самой большой и по числу, и по своим географическим размерам социалистической стране, совершившей Октябрьскую революцию. И когда они отбросят весь этот негативный балласт, который еще,

может быть, мешает, тогда страна будет способна сыграть в мире роль носителя социалистической мысли и заработать авторитет, который в этом случае никто не сможет отрицать». Характеризуя значение Югославии, Тито уточнил, что югославам не следует «из некоей скромности» отречься от своей позитивной роли, сыгранной не только в международных масштабах, но и в конкретном случае как прелюдии к тому, что сейчас там происходит. Он заметил: «Мы можем смело заявить, что Югославия сыграла решающую роль в сломе прежней системы». В то же время при оценке «секретного доклада», Тито присовокупил и порцию сарказма: «Мне очень жаль, что... читая данный материал (и дискуссию, и доклад), который мне понравился, по неизвестным мне причинам... обойдена роль Югославии в мире – не буду говорить в сломе сталинской системы, но и в борьбе за мир, за правильные отношения между народами. Там перечислены заслуги и Советского Союза, и Китая, и стран народной демократии, но именно в этом контексте как страна, которая много сделала для существенного изменения сегодня баланса сил в мире в пользу сил прогресса, Югославия не упомянута. Югославия, хотя в географическом отношении небольшая страна, сыграла большую роль, которую до настоящего времени никто не оспаривал, однако этим замалчиванием они желают нашу роль оспорить»²⁹⁹.

Обсуждение доклада на пленуме ЦК СКЮ его участниками Тито посчитал излишним. Дальнейший обмен мнениями проходил в неофициальной обстановке. К примеру, такое обсуждение состоялось вечером 14 марта в весьма узком кругу югославских руководителей (Э. Кардель, А. Ранкович, К. Попович), собравшихся на ужин по случаю отъезда в Москву нового посла ФНРЮ в СССР В. Мичуновича³⁰⁰. Они обсуждали причины, по которым доклад имел статус секретного, что, по их мнению, являлось его слабой стороной. В результате импровизированного ситуационного анализа все пришли к выводу, что с учетом политической обстановки в Советском Союзе доклад действительно мог быть только тайным или бы его не было вообще. Внимание обратили также и на то, что, оценивая деятельность Сталина, Хрущев ограничился перечислением ряда конкретных случаев «нарушения социалистической законности» в отношении в основном партийных работников высшего звена, но не говорил о миллионах советских граждан. Однако выйти за генеральную линию, очерченную Тито на недавнем пленуме ЦК, никто из участников ужина не пытался. В конечном итоге собравшиеся посчитали, что «Хрущев не мог идти на более резкую критику под давлением учета политических реалий, а не вследствие того, что советский руководитель не сумел дать общую оценку деятельности Сталина». Поэтому, полагали они, «если и следует чему-то удивляться, то

политической храбрости и воле Хрущева, который сказал о Сталине то, что он сказал, а не критиковать его за то, что он о нем не сказал больше»³⁰¹.

Атмосфера благодушия, охватившая югославскую сторону в эти недели, ни в коей мере не распространялась на назначенного вместо Видича нового посла в СССР В. Мичуновича, который отличался резкостью суждений и твердостью в их отстаивании. Его последняя (перед отъездом в Москву) встреча с И. Броз Тито состоялась 23 марта 1956 г. В ходе беседы с лидером Югославии Мичунович попытался понять ту линию, которой ему следует придерживаться на новом месте службы, чтобы выработать «универсальную формулу в отношениях с Советским Союзом» для определения принципов, применяемых во всех сферах (дипломатической, торговой, партийной). «Следует избегать столкновений и ссор с русскими», – подытожил Тито, пожелав выполнения рекомендации в той мере, насколько это будет зависеть от самого Мичуновича. «Не следует также уступать в имеющих крупное политическое значение вопросах», – продолжил он. Посол заверил, что уступок с его стороны не последует, и не исключил возможности новой ссоры с Кремлем. Мичунович пообещал, что если таковая и произойдет, то не потому, что он намерен ее искать. В ответ Тито заметил, что не должно случиться ни того, ни другого³⁰². При встрече с персоналом посольства в Москве Мичунович передал слова лидера Югославии следующим образом: «С русскими не надо ссориться, но и не надо уступать»³⁰³.

Днем позже, 24 марта, на вилле Карделя состоялся ужин в связи с предстоящим отъездом в Москву нового посла ФНРЮ, на который были приглашены советский посол Н.П. Фирюбин и советники Ф.Н. Грязнов и М.А. Сергейчик (в отчете о встрече особо оговаривалось, что приглашение было получено за несколько дней). Состав югославских участников выглядел весьма представительным. Помимо Карделя участие в ужине приняли Ранкович, Стамболич, Влахович, Тодорович, Лескошек, Маркович, заместитель госсекретаря по иностранным делам Прица, а также оба югославских посла (Видич и Мичунович). Уже в первом тосте Кардель провозгласил здравицу в честь руководителей КПСС и Советского государства. В ответном тосте Фирюбин предложил выпить за здоровье руководителей СКЮ и югославского правительства, а также за развитие дружбы и сотрудничества между двумя странами. Сообщая в Москву о мероприятии, Фирюбин в первую очередь указал, что в беседе с ним «тов. Кардель неоднократно подчеркивал огромное влияние XX съезда КПСС на судьбы международного революционного движения. Он сказал, что коммунисты Югославии не скрывают своей радости по поводу решений XX съезда». Фирюбин выделил также то, что «тов. Кар-

дель особо остановился на докладе Н.С. Хрущева на закрытом заседании съезда, при этом он сказал, что ЦК СКЮ получил счастливую возможность ознакомиться с содержанием доклада товарища Хрущева “О культе личности и его последствиях”. Тов. Кардель сказал, что члены ЦК СКЮ проявили настоящее коммунистическое понимание этого вопроса и высказали должную оценку мужеству и ленинской принципиальности, с которыми ЦК КПСС выступил по этому вопросу». При этом югославский «лидер № 2» оградился от критических выступлений югославской прессы. В изложении советского посла это выглядело следующим образом: «Тов. Кардель заметил, что некоторые югославские газеты допустили на своих страницах неправильное по форме, сенсационное освещение вопроса о культе личности и его последствиях, который был рассмотрен на XX съезде КПСС. Мы вынуждены были, сказал тов. Кардель, собрать редакторов югославских газет и серьезно предупредить их о недопустимости подобного подхода к изложению столь важнейшего политического вопроса».

И на этот раз югославская сторона не нарушила привычной связи сближения по партийной линии с экономической ситуацией в Югославии. Благожелательно отозвавшись о действиях руководства КПСС, Кардель тут же перешел к экономическим вопросам. Как и обычно, сославшись на неблагоприятные климатические возмущения (паводковую ситуацию в житнице ФНРЮ Воеводине и гибель маслин и цитрусовых в Далмации), он заметил, что «текущий год несет с собой очень большие трудности нашему народному хозяйству. Сейчас мы заканчиваем обсуждение хозяйственного плана на 1956 год. В связи с этим, заметил тов. Кардель, мы окончательно определим в ближайшие несколько дней перечень тех вопросов, с которыми мы обратимся к правительству Советского Союза о помощи». При этом югославский руководитель уточнил, что, помимо уже известных вопросов о помощи в области мелиорации, в повышении мощностей судостроительных предприятий, в разведке недр на газ и нефть, а также в повышении добычи лигнитовых углей, югославское руководство «намерено обратиться к Советскому правительству о помощи в области использования электроники для автоматизации производственных процессов». Кардель упомянул также о недавней беседе Вукмановича-Темпо с Хрущевым в Варшаве, заметив, что «результатами этой беседы мы все очень довольны и благодарны Н.С. Хрущеву»³⁰⁴.

Заседание Исполкома ЦК СКЮ на Бриони 2 апреля 1956 г. было посвящено обсуждению внешнеполитических вопросов. Формулируя задачи на советском направлении, Тито развил оценки, высказанные им на пленуме ЦК две недели назад. «В от-

ношениях с СССР, – заявил он, – мы ни в чем не ошиблись в нашей ориентации на то, чтобы с самого начала оказывать помощь пошедшим на соглашение с нами антисталинистским силам. После Белградской встречи мы проявили к ним некоторую осторожность. Сейчас, после XX съезда, ситуация меняется. Нам совершенно ясно, что дело не в маневре и тактических действиях со стороны русских, а в их внутривластной потребности. Необходимо оказать поддержку группе Хрущева. Они находятся в нелегкой ситуации и внутри страны наталкиваются на сопротивление бюрократии. Наша излишняя осторожность может только укрепить бюрократические сталинистские элементы в СССР». Тито был поддержан К. Поповичем, который напомнил, что «XX съезд затронул некоторые вопросы... ограждения от сталинизма. Здесь мы должны помочь. Мы должны оставаться вне блоков, так как любое отступление от этой линии ослабляет силы социализма и мира, которые повсюду дают о себе знать». Данную тему развил также Вукманович-Темпо, уже приобретший тогда большой вес как эксперт по отношениям с группировкой Хрущева. «XX съезд, – заметил он, – результат внутренних противоречий в СССР. Сталинизм привел к кризису в экономике, и партия находится в критическом положении. В экономике у них нет успехов в тяжелой промышленности, то есть именно там, где можно успешнее всего руководить централистскими методами, но и в другом – производство находится в кризисе и по качеству, и по ассортименту». Сославшись на свою недавнюю встречу с Первым секретарем ЦК КПСС в Варшаве, югославский вице-премьер заявил, что «доклад Хрущева – компромисс со сталинистскими элементами, но все же сильный удар». Соглашаясь с Тито относительно действий Хрущева и его сторонников, Вукманович добавил, что «они не могут реализовать многие вещи, которые полагают необходимыми. Поэтому им следует помочь и быть более активными в наших действиях». Но вместо этого, по словам Вукмановича, в Советский Союз «едут люди, которые не умеют ни видеть вещи реально, ни объяснить нашу систему». Он обратил внимание, что в СССР «проявляют интерес к деталям нашей коммунальной системы, однако сталинистские элементы в восточных странах выделяют у нас только негативные проявления»³⁰⁵.

Вскоре Хрущев подал Белграду еще один символический знак, который стал очередной победой югославского руководства в конфликте 1948 г. 17 апреля 1956 г. в Москве было распространено сообщение о роспуске Коминформа. 18 апреля оно было целиком опубликовано в газете «Борба». Кроме самого факта роспуска организации, столь ожесточенно атаковавшей руководство КПЮ в 1948–1949 гг., югославскую сторону в сообщении

привлекло также то, что в его заключительных строках говорилось о будущей координации действий коммунистических партий именно в тех рамках, на которых настаивали югославы все это время.

19 апреля 1956 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев направил письмо в адрес «ЦК СКЮ, товарищу Тито» с предложением начать обсуждение даты приезда в Москву высокопоставленной югославской делегации во главе с И. Броз Тито (советскую сторону устраивало 1 июня) и формы официального приглашения. Тито были предложены на выбор три варианта приглашения: от Председателя Президиума Верховного Совета СССР (Ворошилов), от Совета министров СССР (Булганин) или от ЦК КПСС (Хрущев) с одновременным сообщением об этом в советской и югославской печати³⁰⁶. Близость дат обоих событий свидетельствовала, что Хрущев начал сознательно разыгрывать антисталинскую карту с тем, чтобы, с одной стороны, пойти навстречу Тито, а с другой – укрепить свой образ политика, решительно разрывающего со Сталиным и сталинизмом.

В ходе дальнейших консультаций, кроме определения основных параметров визита Тито в СССР, большое внимание уделялось и протокольным тонкостям, важным для международных наблюдателей и соображений престижа государственных деятелей. Личность югославского лидера и занимаемые им посты в сочетании с событиями недавнего многолетнего конфликта требовали тщательного соблюдения всех протокольных тонкостей, соответствовавших характеру визита. Дополнительные сложности вносили особенности властной иерархии в Советском Союзе, где первым лицом являлся лидер правящей партии (Первый секретарь), а не глава государства или правительства. Подобные тонкости требовали, чтобы в автомобиле с открытым верхом, который должен был провезти почетного югославского гостя от Киевского вокзала, куда прибывал специальный поезд из Белграда, по Бережковской набережной и до резиденции на Ленинских горах, вместе с Президентом ФНРЮ и лидером СКЮ И. Броз Тито находились К.Е. Ворошилов и Н.С. Хрущев. На согласование подобных вопросов, по признанию посла в Москве В. Мичуновича, уходила уйма времени³⁰⁷ (а вопросов с учетом того, что визит был запланирован почти на три недели, так как Тито, не приезжавший в Советский Союз десять лет, был намерен не только побывать в Москве, но посетить Ленинград, Сталинград и на обратном пути – Киев, а также был приглашен Хрущевым отдохнуть в Сочи). Нельзя было упустить ни одной детали ни во встречах, ни в перемещении и размещении делегации. Тем более что к весне 1956 г. Тито, не отличавшийся особой скромностью и в годы жизни на нелегальном положении, уже вошел во вкус пышных зару-

бежных визитов. За его плечами были и торжественная поездка с приемом у английской королевы в Лондоне в марте 1953 г., и помпезные новогодние путешествия в Египет и Индию в конце 1954 – начале 1955 г.

В ходе подготовки к визиту Тито советским руководством были проработаны все вопросы, которые могли возникнуть в ходе предстоящих встреч. В утвержденных директивах советской делегации на заседании Президиума ЦК КПСС 26 мая 1956 г. основные задачи были поставлены в самой общей форме. Ей предписывалось добиваться: а) дальнейшего расширения и укрепления отношений между СССР и Югославией по всем направлениям как между двумя социалистическими государствами; б) сближения между КПСС и СКЮ на позициях марксизма-ленинизма, имея в виду, что это является одной из важнейших задач в развитии советско-югославских отношений в интересах мира и социализма; в) дальнейшего сближения Югославии со странами народной демократии и ослабления тех ее связей с капиталистическими странами, которые отрицательно влияют на внутреннюю и внешнюю политику югославского правительства. Для решения всех трех поставленных в общей форме проблем существовали конкретные рекомендации³⁰⁸.

В этот раз советская сторона рассчитывала на расширение сфер сотрудничества и была готова к обсуждению самых неожиданных вопросов, в частности в Москве не исключалось серьезное сближение сторон в военной сфере. Четвертый пункт инструкций советской делегации на предстоящих переговорах подразумевал обмен «мнениями относительно установления и расширения связей между СССР и ФНРЮ по военной линии путем установления контактов между военными ведомствами, обмена информацией, обмена визитами и т.д., как это предусматривается в постановлении ЦК КПСС № П12/XIV от 26 апреля 1956 г. В случае, если югославская делегация внесет предложение об оказании Югославии со стороны СССР помощи по военной линии, дать согласие рассмотреть этот вопрос»³⁰⁹.

В эти же дни в советском руководстве произошли персональные перестановки. 25 мая 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении вопроса «О мероприятиях в связи с предстоящим приездом и пребыванием т. Тито в СССР» В.М. Молотов выступил с критикой югославского руководства, упомянув, в частности, недавнее высказывание Тито – «в царствование Сталина» – и критику югославами компартии Франции, предложив «более определенно выразить отношение к этим недостаткам». Несмотря на то что Каганович, Маленков, Булганин согласились с позицией Молотова, Хрущев решительно атаковал министра. «Молотов остался на старых позициях. Неправильно то, что

предлагает Молотов. Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился»³¹⁰. На следующий день на очередном заседании Президиума ЦК, где обсуждался вопрос «О назначениях по Министерству иностранных дел СССР», Хрущев усилил обвинения в адрес Молотова: «У Молотова плохо идет с МИДом, он слаб как министр иностранных дел. Молотов – аристократ, привык шефствовать, а не работать. Т. Молотова освободить от обязанностей министра». Первый секретарь ЦК предложил на его место сразу три кандидатуры – Микояна, Сулова и Шепилова³¹¹. В ходе заседания Президиума ЦК 28 мая голоса его участников относительно немедленного смещения Молотова разделились, но его критика Хрущевым по югославскому вопросу была поддержана. Сабуров указал на «разрыв между решениями Президиума ЦК и линией МИДа». Микоян заявил о «согласии с Хрущевым в вопросе о недостатках». Булганин заметил, что «МИД не шел в ногу с ЦК. В последнее время меньше споров. Факты недисциплинированности – выступление по югославскому вопросу». Столь же категоричны были и остальные выступавшие: «Сейчас надо заменить т. Молотова. Ошибки – по Югославии, по германскому вопросу. У военных т. Молотов авторитетом не пользуется» (Жуков), «Ошибки по югославскому вопросу, где гарантии, что они не повторятся?» (Брежнев). Сам Хрущев в разносе старейшего члена советского руководства пошел еще дальше, повторяя сценарий июльского пленума ЦК 1955 г.: «Молотов после смерти т. Сталина твердо продолжает стоять на старых позициях – завинчивать. Кроме лордства, ничего нет за т. Молотовым. По внутренним вопросам – о целинных землях. Колхозного вопроса т. Молотов не понимает. Не совсем правильно, что существует мнение насчет авторитета Молотова. Переместить. Форма превращается в политику»³¹².

Югославская сторона не менее тщательно готовилась к визиту. В отличие от весны прошлого года возможности для изучения советской позиции стали несоизмеримо большими. Приезд в Москву весной 1956 г. нового посла В. Мичуновича и его первые встречи давали Белграду возможность из первых рук детально познакомиться с теми, кто принимал решения в СССР, выявляя мельчайшие оттенки представлений советских лидеров на перспективы советско-югославских связей, развитие событий в СССР до XX съезда КПСС и по его завершении, а также на существенные проблемы современного мира. Признание ответственности Сталина за конфликт с Югославией в 1948 г. и его последующее обострение, прозвучавшее в «секретном докладе» Хрущева на XX съезде КПСС, снимало прежнюю угрюмость и настороженность советских руководителей в отношении Белграда.

Мичунович полностью использовал возможности, имевшиеся у посла в первый месяц приезда в страну, и с самого начала проявил себя как профессионал, способный наладить многочисленные контакты. С первой встречи он вошел в доверительные отношения с Хрущевым, получив от него приглашение на чай уже после того, как необходимая протокольная часть беседы завершилась. С первых дней своего пребывания в СССР В. Мичунович – «человек № 2» в югославских спецслужбах – стал получать из первых рук самые разнообразные сведения о положении в стране. Они сопоставлялись с другими многочисленными источниками информации, в приобретении которой персонал югославского посольства проявлял неординарную изобретательность даже в годы конфликта 1948 г. Все данные в дальнейшем препарировались соответствующим образом в процессе ее обработки. В частности, сообщения о расстрелах демонстрантов в Тбилиси, вышедших на улицы после XX съезда под лозунгами о поддержке Молотова и Василия Сталина, позволили посольству сделать вывод о существенных расхождениях среди советского руководства.

Для подведения итогов развития советско-югославских отношений после визита советской делегации в Югославию в мае 1955 г. Мичунович использовал Белградскую декларацию, полагая, что позиции двух сторон в оценке ее выполнения диаметрально противоположны. Если в Москве считали декларацию «выполненной и перевыполненной», то в Белграде придерживались иного мнения, будучи убеждены, что к реализации большинства ее пунктов стороны еще и не приступали. В изложении Мичуновича, ключевым вопросом выполнения Декларации стал вопрос об эмигрантах-информбюровцах³¹³. Югославское правительство добивалось возвращения в Югославию этих эмигрантов, формально заявляя о согласии с принципом добровольности, но в то же время настаивая на том, чтобы тем из них, кто хочет вернуться, не чинилось в том препятствий. Советскую позицию в этом вопросе югославы продолжали интерпретировать, сохраняя верность логике конфликта 1948 г. и не останавливаясь перед самыми широкими обобщениями и смелыми предположениями. В частности, сам Мичунович в нежелании Москвы пойти навстречу Белграду выделял несколько причин, среди которых на первое место ставил опасение советской стороны обнаружить свою агентурную сеть и тем самым предоставить многочисленные подтверждения о недавней антиюгославской деятельности. Имелось и такое объяснение, находящееся в русле текущей политики: русские ожидают результатов переговоров с Тито по «идеологическому единству», и пока невысока вероятность достижения этой цели, лучше приберечь «доверенных исполнителей

советской политической гегемонии». В подтверждение подобной позиции В. Мичунович приводил информацию о том, что организация югославских эмигрантов направила антититовскую резолюцию в адрес XX съезда КПСС и, хотя президиум форума сообщил о ней делегатам, «документ был помещен в архив официальных материалов съезда». Из данного факта посол делал вывод, что «таким образом русские пытаются придать своей агентуре некоторый политический статус»³¹⁴.

Особую зависть у Мичуновича вызывало то, что советская сторона широко использовала читальный и выставочный залы в Доме советской культуры (ДСК) в столице Югославии, который превратился во влиятельный центр информационно-пропагандистской деятельности. Посол указывал, что в фондах библиотеки ДСК есть книги, которые бесплатно распространяются среди югославских граждан, а бесплатный прокат советских фильмов сделал его «конкурентоспособным» в сопоставлении с коммерческими кинотеатрами Белграда. По югославским данным, в среднем за год через ДСК проходило три–четыре сотни тысяч посетителей (что явно преувеличено, ибо многие приходили по нескольку раз. – А.Е.) В то время как югославская сторона в столице СССР не располагала и минимальными возможностями для информационной деятельности и пропаганды. В Белграде также не соглашались с советской позицией в отношении доступа граждан к информации печатных изданий. Советская сторона настаивала на строгой взаимности, что означало распространение равного количества экземпляров в обеих странах. Югославы в этом отказывали, ибо, по мнению В. Мичуновича, советская печать не возбуждала интереса читателей (она больше напоминала официальные статистические издания), тогда как интерес граждан СССР к югославской печати был весьма велик. Югославы также проявляли недовольство неравноправным положением в Советском Союзе своих представителей средств массовой информации. Советские журналисты, по их мнению, свободно передвигались по Федеративной Народной Республике, готовили и направляли в Москву репортажи без оглядки на око цензора, в то время как их коллеги здесь подвергались всевозможным ограничениям³¹⁵.

Особое беспокойство весной 1956 г. у югославской стороны вызывали также два вопроса в сфере экономического сотрудничества: получение кредитов на строительство заводов по производству алюминия и необходимость возобновления военных поставок из СССР. Посол Мичунович, основываясь на собственных рассуждениях и разговоре с главой правительства Булганиным 3 апреля 1956 г., сообщал, что Кремль использует вопрос о кредитах в политических целях: «Мы были заинтересованы еще

в прошлом году подписать соглашение о получении советских кредитов на создание новой алюминиевой промышленности в Югославии, но русские не спешили. Переговоры затягивались, я полагаю, прежде всего, по причине того, что русские не были удовлетворены Белградской декларацией и теми политическими результатами, которых они добились в Югославии». Поэтому советская сторона, считал Мичунович, увязывала вопрос о кредитах с визитом Тито в СССР, избегала назвать общую сумму и давала понять, что она «зависит от дальнейших переговоров». По мнению посла ФНРЮ в Москве, во время визита делегации Хрущева–Булганина в Югославию в 1955 г. «вопрос алюминиевых кредитов был с советской стороны умело использован в ходе переговоров и политически облегчил русским их успешное завершение». Поэтому, предполагал он, во время визита Тито в СССР в июне 1956 г. «русские вновь намереваются эксплуатировать этот вопрос как свой главный “идеологический аргумент”»³¹⁶.

Второй слабой позицией ФНРЮ, по оценке югославских дипломатов, являлась «потребность в современном военном снаряжении, оборудовании и вооружении армии». Как указывал Мичунович, вопрос обновления «военной торговли» русские еще не используют, но это – «сильный козырь в отношениях с Югославией». Он считал весьма вероятным, что советская сторона попытается разыграть этот козырь во время визита Тито³¹⁷. Однако весной 1956 г. югославская сторона четко дистанцировалась даже от попыток начать подготовку предварительного обсуждения военно-технического сотрудничества до визита. Несмотря на то что в Югославии существовала неотложная нужда в поставках вооружений из СССР и, в особенности, в получении запчастей и амуниции к вооружениям, доставшимся от советской армии в середине 40-х годов, в составе сопровождавшей Тито делегации не имелось военных чинов. Даже ограниченное возобновление военно-технического сотрудничества оставалось прерогативой политического руководства.

В конце мая 1956 г. посол Мичунович провел два дня в Белграде где с обычной для него жесткостью информировал высшее югославское руководство о внутренней ситуации в Советском Союзе. Посол отмечал, что там процесс демократизации крайне замедлен: «События не пошли в направлении, ожидаемом отдельными товарищами у нас». Мичунович считал, что «и сам Хрущев этим удивлен». Вывод посла был противоречив: в сложной ситуации, в которой оказался советский руководитель, возможна его более жесткая позиция на переговорах, как раз потому, что он не силен, и будет нуждаться в поддержке со стороны югославов³¹⁸.

Факт замены на посту министра иностранных дел СССР В.М. Молотова Д.Т. Шепиловым накануне визита югославского руководителя тут же был истолкован наблюдателями как демонстрация серьезности намерений Хрущева по упрочению связей с Белградом. Тем не менее югославская сторона не спешила принимать произошедшее столь однозначно. Так полагал Мичунович, используя и данные, получаемые им в годы предыдущей работы «на советском направлении», и рассказы Хрущева и других членов советской делегации в мае 1955 г. Как вспоминал посол, «Молотов в течение тридцати лет являлся первым сотрудником Сталина и вместе с ним инициатором агрессивной политики СССР, направленной на подчинение Югославии. В Белграде мы слышали, что Молотов был противником политики нормализации отношений между Югославией и СССР, политики, инициатором которой являлся Хрущев». «Нам было известно, – продолжал Мичунович, – что Молотов был против отъезда советской делегации в Белград. Он соглашался с нормализацией межгосударственных отношений с Югославией, только по его представлению югославы должны были приехать в Москву для переговоров, а не ждать, что к ним русские “явятся лично”»³¹⁹. Вместе с тем югославская сторона не желала слишком сильно акцентировать внимание на этой отставке, так как это давало повод для рассуждений о возвращении Югославии в «советский блок». По словам Мичуновича, «со стороны выходило так, будто бы Молотов потерял пост министра иностранных дел из-за Югославии. Это дало повод для различных спекуляций, особенно на Западе, относительно того, что теперь устранено и последнее препятствие для включения Югославии в советскую политическую орбиту, ибо она получила в подарок ни больше, ни меньше, а смещение Молотова». Посол ФНРЮ не был склонен делать далеко идущие выводы из факта смещения Молотова, так как «нам ничего не известно о подлинных причинах этого неожиданного изменения в политическом руководстве СССР»³²⁰.

Югославский визит был продуман до мельчайших деталей. И. Броз Тито плохо переносил дальние перелеты еще со времен Второй мировой войны, поэтому решил отправиться в Москву по железной дороге. Несколько недель интенсивно обсуждалась возможность появления в СССР его личного поезда. Однако, хотя Тито и придавал особое значение поездке по Советскому Союзу именно таким образом (приводя в пример Сталина, который выезжал на поезде даже в Германию), это оказалось невозможным. Югославские железнодорожники не сумели перемонтировать президентский «Голубой поезд» для более широкой советской железнодорожной колеи³²¹.

Кроме обычных заготовок по вопросам двустороннего сотрудничества и международных отношений (их подготовкой занимались в посольстве ФНРЮ в Москве), во внешнеполитическом ведомстве в Белграде и в секретариате Тито чрезвычайно большое внимание уделялось мерам безопасности делегации на протяжении всего пути до советской столицы и во время пребывания в СССР. За эти вопросы непосредственно отвечали Ранкович, глава министерства внутренних дел Стефанович и отдел безопасности президентской гвардии. Но в их обсуждении Тито принимал самое активное участие, демонстрируя исключительное знание деталей работы советских спецслужб. Одну из титовских инструкций привел начальник его охраны М. Жежель: «Русские подготовят всех своих людей, которые вступят в контакт с вами. Будьте осторожны в критических замечаниях. Удивляйтесь и высказывайте позитивные впечатления даже там, где это не нужно. Они записывают каждый, даже самый наивный разговор, и докладывают начальству. Кроме того, они имеют различную прослушивающую аппаратуру. Невзирая на местонахождение любого из наших, в составе поезда или в помещениях, они будут знать и докладывать о том, что делает каждый из вас»³²².

Маршрут следования югославской делегации был выбран не прямой, через Венгрию (где у власти по-прежнему находился Ракоши, один из организаторов антиюгославского процесса над Райком), а через Румынию (с ее руководителем Георгиу-Дежем Тито продолжал поддерживать контакты и в период советско-югославского конфликта). Для встречи югославской делегации на границе в Молдавию вылетел секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Пегов, являвшийся также и членом ЦК КПСС. Встреча гостей состоялась на румыно-советской границе в Унгенах. И. Броз Тито сопровождал довольно ограниченный (во внимание были приняты высказанные Микояном пожелания), но чрезвычайно представительный круг лиц, относившихся к высшему эшелону руководства Югославии: Э. Кардель, К. Попович, М. Тодорович, Я. Блажевич, Й. Вильфан, а также группа экспертов в областях приоритетного сотрудничества двух стран³²³. В составе сопровождения делегации находилась также и супруга Тито «товарищ Йованка» со своей родной сестрой (преподавателем русского языка) З. Будисавлевич, которую по этому случаю возвели в ранг секретаря при Секретариате Президента ФНРЮ и личного переводчика Йованки. Еще одним переводчиком при делегации являлся преподаватель русского языка из Пулы Милованов. Последние детали протокола стороны согласовывали уже на пути в Москву, в частности советская сторона запросила согласия охраны Тито на поездку по городу от вокзала до резиденции в открытом автомобиле, в ответ югославы ответи-

ли требованием ареста всех информбюровцев, в противном случае, заявили они, «товарищ Маршал» должен ехать в бронированном автомобиле. Среди вектора возможных угроз главное опасение у югославов вызывала сохранявшаяся в СССР информбюровская эмиграция³²⁴.

Процесс нормализации советско-югославских отношений достиг своего логического завершения в июне 1956 г., когда Президент Югославии совершил трехнедельную (с 1 по 23 июня) поездку по СССР. Пребывание югославской делегации в стране было насыщено яркими событиями. Тито, как уже сказано, не приезжавший в СССР более десяти лет, стремился наверстать упущенное, увидеть результаты развития послевоенного десятилетия, сочетая официальные переговоры с посещением ведущих советских промышленных предприятий (с учетом предложения, сделанного в январе 1956 г. о присоединении Белграда к ядерным исследованиям государств «советского блока», среди них находился и предмет особого интереса – Обнинская АЭС³²⁵) и военных объектов, а также с многочисленными приемами, банкетами и торжественными встречами в крупных городах. На поезде делегация совершила несколько поездок по стране, посетив Ленинград (вернувшись в столицу), а затем Сталинград, Краснодар, Новороссийск и Сочи, откуда перелетела в Москву самолетом.

В выборе маршрутов присутствовала и собственная символика. К примеру, посещение Ленинграда означало уважение революционных традиций «города Ленина», мужества ленинградцев в годы фашистской блокады. Поездка туда получала и новый символ в свете разоблачения Сталина в секретном докладе Хрущева на XX съезде. Она символизировала уважение к городу, превратившемуся после убийства Кирова в колыбель сталинского террора, в которой позже, в разгар советско-югославского конфликта, было сфабриковано «ленинградское дело».

В речи на Московском вокзале 7 июня 1956 г. Тито сообщил, что «прибыл сюда с моими товарищами, чтобы увидеть город-герой, который во время Великой Отечественной войны показал пример, как следует защищать свою жизнь, свою семью, свой город, свою родину». Лидер ФНРЮ не преминул провести параллель с событиями в Югославии: «Мы... в это же время вели такую же тяжелую войну, в постоянном окружении, в положении, которое как-то походило на то, в котором вы находились». В краткой речи звучали еще два тезиса, порадовавшие хозяев. Тито заявил, что «Советский Союз, как великая социалистическая страна, имеет огромные возможности для всесторонней помощи всем силам в мире, борющимся также за лучшую жизнь и социализм». Впрочем, каждая фраза, сказанная Тито, имела скрытый подтекст. К примеру, в данном тезисе наряду с признанием СССР

«великой социалистической страной» присутствовали двусмысленные слова об имеющихся у него возможностях для всесторонней помощи тем, кто борется «за лучшую жизнь и социализм». Еще одна фраза Тито в беседах с советским руководством: «мы убедились в том, что между нами нет ничего существенного, с чем мы не могли бы согласиться», – предвещала несомненный успех переговоров. Но она сопровождалась другим изречением, которым Тито лишь в общей форме обещал, что «мы и ваши товарищи (имея в виду советское руководство. – А.Е.) сделаем все возможное, чтобы наши народы, народы Советского Союза и Югославии, в будущем шли вместе, навстречу своей лучшей судьбе»³²⁶.

Помимо посещения Ленинграда и Сталинграда югославская делегация совершила еще один символический жест: 4 июня Тито побывал на Красной площади и возложил венки к мавзолею Ленина–Сталина, сделав это по-своему. Венок с надписью «Владимиру Ильичу Ленину – Йосип Броз Тито» был возложен к той стороне здания, ближе к которой находились его останки. Вниз Тито спускаться не стал. Этому решению предшествовала шифровка от 24 мая начальнику гвардии Тито М. Жежелю от представителя спецслужб ФНРЮ Л. Божовича, который, согласовывая с руководством КГБ СССР маршруты передвижения югославской делегации, заранее осмотрел помещение: «Эта старая падаль все еще находится в мавзолее, и ежедневно тысячи людей проходят возле него. Его посмертная маска полна мрачного цинизма. Мы это видели. Страшно и ужасно выглядит. Мы выскочили оттуда как из пушки. Надеемся, что вы не будете смотреть. Достаточно и того, что в наши обязанности входило увидеть это чудо»³²⁷.

После прибытия югославы в Москву их постоянно сопровождали представители советского руководства. В Ленинград с ними ездил глава советского правительства Булганин, а в Сталинград Хрущев, который во время Сталинградской битвы являлся членом Военного совета фронта. На Черноморском побережье делегации хозяев и гостей находились в полном составе. О плотности графика свидетельствует, к примеру, день 9 июня, когда югославы по возвращении из Ленинграда в Москву провели официальные переговоры, после обеда посетили Военную академию Генерального штаба имени Ворошилова, а вечером побывали на спектакле в Большом театре.

Атмосферу поездок описал адъютант Тито М. Жежел в донесении министру внутренних дел ФНРЮ Стефановичу: «Мы выехали поездом из Москвы сегодня утром в направлении Сталинград–Краснодар–Новороссийск и Сочи. Вдоль всей дороги огромные встречи. Настроение отличное. Жара страшная – свыше

30 градусов, а в поезде даже – выше 40! Вместе с нами едут Хрущев и Микоян. Как раз сейчас в купе товарища Маршала настроение в соответствии с русскими привычками...»³²⁸

Наиболее ярким среди многочисленных банкетов оказался торжественный ужин, данный Тито в особняке МИД на Спиридоновке в Москве (его временной резиденции), после первой официальной встречи двух делегаций. Почувствовав настроение советских партнеров, югославский руководитель произнес «речь–тост» на русском, отказавшись от отпечатанного заблаговременно текста. Он говорил о том, как югославские коммунисты глубоко верили в КПСС и были убеждены, что конфликт 1948 г. без сомнения будет ликвидирован. Заслугу в его разрешении Тито приписал в равной мере и югославскому, и советскому руководству, народам обеих стран. При этом он указал на историческое значение XX съезда КПСС, предложив «выпить за здоровье ЦК КПСС, несущего огромную ответственность не только за СССР, но и за дальнейшее развитие социализма в мире». Как отметил югославский посол Мичунович, «это своего рода признание, высказанное Тито сегодняшнему советскому руководству вместо слов критики СССР, будто задело русских “за живое”, поскольку точно отвечало модной в то время теории советского руководства о постоянном существовании “ленинского ядра” в КПСС, которое действовало и во времена Сталина независимо от “культы личности”». После слов Тито получалось, что уже не следует искать дополнительного подтверждения данной теории, а членами этого «ленинского ядра» и являются те самые люди, которые сидят за столом с ним на торжественном ужине. Психологически точно выверенные слова югославского лидера вызвали бурю положительных эмоций у советских участников ужина. Он затянулся далеко за полночь, ибо каждый из высокопоставленных советских собразников стремился произнести тост, в котором извинялся за свое поведение во время недавнего конфликта. Выступил даже Молотов, взявший слово уже тогда, когда все готовы были разойтись»³²⁹.

Четыре встречи советской и югославской делегаций носили официальный характер: 5 июня 1956 г. обсуждались преимущественно международные проблемы, 9 июня – состояние и перспективы межпартийных связей, встречи 18 и 20 июня были посвящены обсуждению и согласованию текста итогового документа. 5 июня делегации обсудили весьма широкий круг международных проблем: от отношений Югославии со странами советского лагеря (включая непростые контакты с Албанией и Венгрией) до политики США, Балканского пакта и «германского вопроса»³³⁰. По свидетельству Мичуновича, стороны ограничились в основном общими высказываниями. Выступление Тито было построе-

но весьма «умеренно» даже тогда, когда он говорил об отношениях ФНРЮ с ее соседями, хотя, «можно было больше сказать об антиюгославской политике государственного и партийного руководства Албании и Болгарии»³³¹.

В выступлении Тито прозвучало недовольство американской политикой эмбарго, которая не позволяла полноценно развивать отношения Югославии с государствами «советского блока». Югославский лидер раскрыл свое намерение освободиться от американской зависимости, заметив, что потребуются некоторый срок – от нескольких месяцев до года. В связи с этим он высказал мнение, которое можно было принять и за предложение советской стороне, о возможности «без излишней шумихи» вести торговлю стратегическими товарами. При объяснении действий Югославии относительно Балканского пакта Тито нашел новые, в данном случае «антизападные» аргументы, касающиеся его пользы: «Конкретной пользы от этого пакта нет. Но нам нужно сотрудничать с Турцией и Грецией, и особенно с греками, которые все больше выступают против англичан и даже американцев. Что касается пакта, то он имеет в настоящих условиях лишь экономическое значение...»³³² Со своей стороны, Хрущев также пошел навстречу югославам, неожиданно сменив прежние жесткие оценки по вопросу американской помощи югославскому режиму. Новые нотки, вероятно, должны были продемонстрировать понимание интересов югославского руководства. «Положение, которое сложилось сейчас, надо хорошо использовать, – заметил Хрущев, – чтобы не получилось так, что мы толкаем Вас на разрыв и конфликт с западными странами, в то время как сами хотим улучшить наши отношения с западными странами. Стоит подумать, как отразить это в нашем заключительном коммюнике»³³³.

Наиболее существенной частью официальных переговоров стала встреча 9 июня, состоявшаяся после возвращения югославской делегации из Ленинграда. Если югославы продолжали сохранять уклончивую позицию, не давая обязательств в отношении перспектив дальнейшего сотрудничества, то с советской стороны отмечались настойчивые усилия придать обсуждению теоретический характер, за которыми проявлялось стремление выявить и преодолеть скрытые идеологические и политические расхождения³³⁴. На этот раз центром столкновения стала формулировка «социалистический лагерь». Сам термин Тито называл неприменимым и неприемлемым, подчеркивая, что он имеет ассоциации с диктатурой. Он, а вслед за ним и Кардель, утверждали, что социализм не может быть четко очерчен границами государств, в которых у власти находятся коммунистические партии, так как это будет фатальным для развития социа-

лизма в мире. Противясь вовлечению Югославию в «социалистический лагерь», Тито в то же время настаивал, что «она является неразделимой частью “социалистического мира”». Контакты с Западом югославский лидер считал значительными и не был готов их прервать. Он оправдал их необходимостью ковенной поддержки «социалистических сил» в мире и укрепления развития социализма³³⁵.

Тито выразил надежду, что таким же образом будет рассматриваться и вопрос отношений Югославии со странами «народной демократии». «Мы совершенно не имеем намерений вмешиваться в их внутренние дела. Может быть, они в своем дальнейшем развитии также что-либо поменяют в своем развитии. Но это их дело», – сказал он. Тито вновь подчеркнул, что не считает нужным «ослабить различные договора и договоренности, которые Советский Союз имеет с разными восточноевропейскими странами», и указал на необходимость «считаться с тем, что в этих странах есть еще реакционные элементы и коммунисты там сталкиваются с рядом трудностей, так как развитие у них шло иначе, чем в Югославии, где новый порядок был установлен революцией»³³⁶.

Согласно советской записи беседы, «Тито резко отмежевался от тех деятелей на Западе, которые думают использовать Югославию для отрыва восточных стран от СССР. Их отношения с Западом должны строиться не в ущерб Советскому Союзу». «Вы должны верить, – заключил он, – что у нас нет никаких задних мыслей»³³⁷. Свои замечания Тито назвал лишь «наброском мыслей», подчеркнув, что «социализм уже стал системой. Надо обсудить новую обстановку. Ясно одно – выражение – “лагерь” слишком узко», приобретает застарелый организационный характер³³⁸ (согласно югославскому варианту записи встречи, Тито сослался на то, что Запад воспринимает данный термин как диктатуру СССР, к тому же он способствует «замерзанию» отношений между Востоком и Западом). Хрущев, соглашаясь, что термин действительно напоминает «военный блок», заверил, что использует его лишь для того, чтобы подчеркнуть необходимость согласования действий социалистических стран, единство которых подрывается Западом (он привел пример волнений в Польше и отношении Запада к развитию событий в Чехословакии и Венгрии) – и предложил термин «социалистический фронт» как более подходящий³³⁹. Как представляется, делая такое предложение, Хрущев опять вряд ли подумал, что, с учетом приведенной аргументации, слово «фронт» не так далеко уходит от военной терминологии, и лишь ненамного, нежели «лагерь», ассоциирующийся как с войной, так и с арестами в мирное время.

Согласно советской записи, хозяева не стали настаивать на терминах, проявив якобы внимание к югославским подходам. На слове «лагерь» мы упорствовать не будем, заявил Хрущев. Его поддержал до недавних пор официальный теоретик КПСС Д.Т. Шепилов, а склонный в последние месяцы к размышлениям на темы развития марксизма-ленинизма А.И. Микоян добавил: «Термин отпугивающий. Можно, например, взять термин “содружество”». Однако советские собеседники ни в коем случае не хотели приравнять контакты между социалистическими странами к связям с другими странами, например с США или Норвегией. «Нужно, чтобы идеи социалистического содружества стояли выше, – продолжил Микоян. – Мы должны показать, что между собой мы стоим ближе друг к другу. Это очень важно... у нас есть идеологическая солидарность, свой комплекс идей и комплекс задач, которые мы должны решать. Нам и вам нужно подумать, чтобы иметь общий язык». На слова Тито: «Мы имеем общий язык» – Микоян прореагировал достаточно туманно: «Нужна ясность»³⁴⁰.

Все же Хрущев смазал благоприятное впечатление, создававшееся в результате явного стремления продемонстрировать гибкость и готовность к компромиссам. В ходе обмена мнениями Никита Сергеевич вновь, как и год назад, настаивал на необходимости «единства» и «дисциплины», считая, что не следует бояться негативного опыта с Коминформом, ибо конфликт с Югославией «был выдуман», а его последствия преодолены в результате сотрудничества КПСС и СКЮ на основе Белградской декларации 1955 г. При этом Хрущев подчеркнул, что Коминформ несмотря ни на что сыграл прогрессивную роль, сохранив единство социалистического лагеря. Высказавшись так, советский лидер явно перечеркнул югославские надежды на его подлинный антисталинизм (который в Югославии связывали прежде всего с осуждением Коминформа) и все содержание нормализации, которое вкладывали в нее югославы, показав тем самым, что за прошедший год, хотя он и произнес антисталинский доклад на XX съезде КПСС, в его взглядах мало что изменилось³⁴¹.

Далее Хрущев весьма прямолинейно заявил, что предоставление возможности всем коммунистическим партиям действовать без согласования своих шагов с другими компартиями, явится отступлением, отказом от основных ленинских принципов и приведет к развалу общего дела, к разобщению и поражению. Он подвел итог дискуссии: «В результате конфликта Югославия оказалась в промежуточном положении, но из выступлений югославских товарищей я не вижу, какой они указывают выход из такого положения. Я допускаю, что в тактических целях мы можем отказаться от термина “лагерь”, это будет промежуточное

решение и только применительно к Югославии, не распространяя это на другие социалистические государства». При этом, вероятно, не желая отпугнуть собеседников еще больше, Хрущев заметил: «Речь не идет о лидерстве, мы против лидерства», пообещав обсудить этот вопрос в конце июня в Москве на совещании с представителями других компартий³⁴².

Во время встречи 9 июня югославская сторона расставила точки над «i» в вопросе участия Югославии в различных совместных структурах, созданных Советским Союзом и его союзниками. Это сделал Э. Кардель, который, изложив общие размышления о путях перехода к социализму, включая парламентский путь завоевания власти, и о различных формах организации этой власти, неожиданно закончил: «Мы никогда не думали ослабить те организации, которые уже существуют, но мы считаем бесполезным для себя вступать в Варшавский пакт и в Совет экономической взаимопомощи». Карделя поддержал Тито, указав, что Югославия не отказывается от сотрудничества с СЭВ, но считает необходимым по каждому вопросу договариваться отдельно. Целеобразность создания Варшавского пакта, по его словам, югославы так и не поняли³⁴³. В беседе 18 июня, в развернувшемся обсуждении проекта заключительного документа встречи, Хрущев вынудил Тито сформулировать югославский подход в отношении совместных действий с советским лагерем: «Мы не находимся вне социалистического фронта, но мы вне Восточного блока»³⁴⁴. В сложившейся ситуации весьма комичным выглядело то, что говоривший ранее Кардель, подробно обосновывая взгляды югославского руководства на возникшие спорные вопросы, пытался убедить советских руководителей ссылками на материалы XX съезда КПСС³⁴⁵.

Таким образом, как показывают сделанные обеими сторонами записи беседы, из всех аргументов советских деятелей, убеждавших собеседников в необходимости единства руководителей обеих стран и партий, югославы положительно отреагировали лишь на слова Микояна о том, что «мы и вы не допускаем существования других партий». В этом месте Тито подал реплику: «Правильно, мы тоже не допускаем, на что они нам нужны?» Его слова встретили полное одобрение со стороны советской делегации³⁴⁶.

Парадной кульминацией визита стал многотысячный митинг на московском стадионе «Динамо» 19 июня, который был призван символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Перед его началом оба лидера выступили со «значительными политическими речами». Как отметил Мичунович, судя по текстам выступлений, «наше согласие с русскими много больше, чем это на самом деле. И это облегчает нам продвижение к короткому и

более скромному совместному сообщению о партийном сотрудничестве... Была достигнута договоренность о публикации целиком выступлений Хрущева и Тито. Мы были довольны атмосферой, господствующей на митинге». Присутствовавшие на стадионе москвичи приняли гостей весьма дружелюбно. «С другой стороны, – отмечал Мичунович, – эти приветствовавшие нас десятки тысяч людей и не догадывались, каковы различия между югославами и русскими по основным вопросам, вызвавшим дискуссию»³⁴⁷. Выступление Тито, которое он подготовил за два часа, несмотря на то что накануне допоздна сидел на приеме, устроенном послом ФНРЮ, а утром посетил авиазавод³⁴⁸, было логичным и вызвало аплодисменты собравшихся.

В тот же день Тито раздал подарки (в Белграде в поезд погрузили 20 сундуков с презентами) охранявшим его советским офицерам госбезопасности, водителям и персоналу, обслуживавшему делегацию в резиденции. Самые дорогие сувениры получили генерал-майор Н. Захаров (часы «Patek», золотые пуговицы и коллекцию сигарет) и начальник охраны, отвечавший за безопасность Тито с советской стороны, полковник А. Волков, которому досталась табакерка с 18-ю каратами золота и сигареты. Большинство офицеров было награждено серебряными табакерками, а два водителя – золотыми часами «Shafhausen». Горничным и поварам были розданы резные коробки-пачки для сигарет, 60 бутылок югославской водки-ракии и 4000 рублей.

Днем раньше, 18 июня, на аэродроме «Кубинка» подарок от советского руководства получил и сам Тито. В присутствии Хрущева и Г.К. Жукова министр авиации СССР П. Дементьев передал югославскому лидеру пассажирский самолет «Ил-14» с салоном, переоборудованным для высшего руководства³⁴⁹.

Заключительным аккордом визита Тито стало подписание двустороннего документа между СКЮ и КПСС. Его подготовка вызвала значительные трения между делегациями. Хотя беседы в Сочи носили спокойный и дружеский характер, к 15 июня, согласно дневниковой записи посла Мичуновича (сделанной там же), у членов югославской делегации возникли сомнения в том, что визит завершится столь же гладко, как и начался. «Поэтому мы решили, в ожидании переговоров с русскими, сократить наш проект декларации о партийном сотрудничестве, подготовленный в Белграде, считав, что он ни в коей мере не будет приемлем для советского руководства. Не потому, что он достаточно обширен – русские любят такие пространственные сообщения, – но потому, что в нашем проекте выставлены принципы сотрудничества между нашими компартиями согласно югославскому пониманию. Мы не собирались поступиться принципами, но считали, что чем короче будет проект, тем меньше спорных вопросов», – пи-

сал посол в своем дневнике. Югославская делегация ожидала продолжения ожесточенных дискуссий по «вопросу о лагере».

«Было совершенно ясно, – считал Мичунович, – что русские видят основную задачу визита Тито в том, чтобы попытаться вернуть старое положение в отношениях Югославии и Советского Союза... Советские амбиции значительно менее реальны, чем наши. Мы заинтересованы в восстановлении сотрудничества между компартиями. Для этого мы не будем ставить никаких условий кроме тех, на основе которых это сотрудничество возможно: равенства, независимости и равноправия. В этом им будет тяжело отказать»³⁵⁰. Еще более серьезные опасения в счастливом завершении визита высказывали лица в окружении Тито, ответственные за безопасность президента. В частности, вопреки инструкциям, полученным еще до его начала, они были вынуждены согласиться на возвращение Тито и остальных членов делегации из Сочи на самолете. Их подозрения вызывал тот факт, что Микоян, задержавшийся в Сочи с югославами (остальные вернулись в столицу на день раньше), не летел в Москву вместе с Тито на одном самолете³⁵¹.

18 июня, во время третьей встречи, посвященной обсуждению итогового документа, советская сторона отказалась принять сокращенный югославский проект документа. Его необходимость обосновал Тито. Он высказался, в частности, против существования какой-либо международной организации коммунистических партий с централизованным руководством, отметив правильность прежних решений о роспуске Коминтерна и Коминформа, так как они мешали развитию отношений коммунистических партий с социалистическими. Отношения между КПСС и СКЮ, по мнению Тито, должны были строиться на двусторонней основе, с обменом мнениями по всем интересующим партии вопросам. На этом же сделал акцент и Кардель, который заявил, что мир изменился, а старые методы изолируют коммунистов от международного прогрессивного движения, а потому изоляцию следует ликвидировать.

В ответных высказываниях советские представители не скрывали своего разочарования. Микоян указал, что если сопоставлять с Белградской декларацией, то московский документ – шаг вперед, однако по сравнению с достигнутым между представителями двух стран и партий в ходе последних встреч и обменов мнениями – шаг назад. Хрущев вновь высказался прямолинейно: предлагаемые строки в тексте проекта документа о намерении сотрудничать на базе марксизма-ленинизма для коммунистов недостаточны, а для социалистов – излишни. «Ваша позиция, – заметил он в адрес собеседников, словно и не было обсуждений этого вопроса на официальной встрече 9 июня, – проистекает из

Вашего желания остаться вне лагерей»³⁵². По наблюдению Мичуновича, самыми упорными противниками югославского проекта проявили себя Хрущев и Микоян (Булганин был не столь решителен). Впрочем, согласно записи в дневнике того же Мичуновича, Хрущев упомянул возможность подписания двух документов, об одном были бы оповещены в мире все, о другом – только коммунисты. Однако, как показалось югославскому послу, Хрущев был в своем предложении недостаточно ясен, и этот вариант не нашел поддержки у югославских представителей, высказавшихся в пользу только одного, единственного документа, который следует обязательно опубликовать³⁵³. Данное предложение советские лидеры приняли без воодушевления. Мичунович объяснил это разной трактовкой обеими сторонами событий XX съезда КПСС. В итоге бесплодных выступлений, в ходе которых участники встречи выдвигали все новые и новые аргументы в свою пользу, было решено, чтобы Кардель и Микоян при помощи экспертов продолжили обсуждение и выработали новый совместный текст³⁵⁴.

На протяжении всех переговоров в Москве советская делегация фактически использовала экономические рычаги для давления на партнеров, рассчитывая тем самым облегчить решение задачи укрепления сотрудничества между КПСС и СКЮ. Югославы, в свою очередь, понимая резкое расхождение между целью и методами ее достижения, которые делали саму задачу невыполнимой, все равно де-факто соглашались с подобной увязкой этих сфер отношений двух сторон. Советская сторона с самого начала давала партнерам по переговорам понять, что целью визита Тито в СССР считает прежде всего партийную, а не экономическую. Югославы же, наоборот, подразумевали, что считают экономическое сотрудничество весьма важной областью взаимодействия, и, фактически, одним из условий дальнейшего развития связей. 28 мая, перед самым началом визита Тито, в СССР была направлена югославская экономическая делегация для ведения переговоров по подписанию соглашения о создании в ФНРЮ мощностей по производству алюминия³⁵⁵.

Связь экономики и политики наглядно подтвердилась в конце визита, когда на переговорах экспертов возникшие трудности по поводу финансирования объектов по разработке руд бокситов и производства алюминия вынудили Тодоровича привлечь к ним внимание высшего руководства. Констатируя, что Советский Союз занимает первое место в югославском экспорте, и упомянув успешно развивающееся научно-техническое сотрудничество и заключение амбициозных инвестиционных соглашений относительно советского участия в сфере электролиза и производства электроэнергии, он подчеркнул, что югославское правительство

с самого начала намеревалось производство алюминия финансировать исключительно иностранным капиталом, а за счет собственных средств модернизировать имеющиеся производственные объекты и сельское хозяйство. Также предполагалось, что импорт западной пшеницы в будущем планировалось заменить закупками из СССР в размере 1 млн – 1 млн 300 тыс. тонн ежегодно. Тодорович обосновал это тем, что правительство ФНРЮ не хочет попасть в одностороннюю зависимость, имея в виду получение из Советского Союза как можно большего количества пшеницы, а также коксующегося угля и других товаров. В ответ югославы могли бы поставлять стекло, цемент, кровельный толь. По его мнению, срок и условия предоставления советского займа (на десять лет с выплатой 2% годовых) означают, что все производство пошло бы на выплату кредита, в то время как создание производства по добыче бокситов и их дальнейшей переработки потребуют дополнительных финансовых вложений.

В ответ на поставленные вопросы Хрущев пообещал оповестить югославскую делегацию о подходах советского правительства, но при этом добавил, что можно было бы обещать 1 млн 300 тыс. тонн пшеницы в 1956 г. В будущем, продолжил он, СССР не может взять никаких обязательств, кроме обещания, что «не оставит Югославию ни с чем», если в другом месте она не будет в состоянии купить зерно. После этого советский лидер перевел разговор на экономические программы СЭВ и ГДР как модели, которая должна стать привлекательной не только для Западной Германии, но для всех стран Запада³⁵⁶. Позиция советской стороны по экономическим вопросам, ставшая предметом дополнительного обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС 19 июня, оставалась весьма жесткой. На заседании было решено «придерживаться позиций, записанных в директивах, и дальше не идти». Однако стремление Хрущева получить от югославы приемлемый текст итогового документа заставляло его не только говорить о необходимости пойти навстречу югославам в поставках пшеницы, но даже быть готовым возобновить военно-техническое сотрудничество в виде передачи ФНРЮ лицензий на производство военных истребителей МИГ-17. Впрочем к политическому интересу здесь добавлялся и экономический – Советский Союз рассчитывал на поставки из ФНРЮ меди и других цветных металлов³⁵⁷.

Отъезд югославской делегации был согласован заранее и не следовало рисковать, чтобы столь длительный и помпезный визит завершился без принятия итогового документа. В подобном исходе не была заинтересована ни одна из сторон, что побудило к поиску конечного компромисса. При заключительном обсуждении Декларации Кардель дал обоснование того, почему в тек-

сте не должно быть формулировок о необходимости постоянных форм многостороннего сотрудничества коммунистических стран. Югославский отказ от их внесения он обосновал мягко, отметив, что, кроме как с КПСС, СКЮ ни с кем не установил соответствующего сотрудничества. Он также напомнил, что их делегация приехала в СССР прежде всего как государственная, поэтому считает необходимым ограничиться фиксацией отношений только между КПСС и СКЮ. Надежды советской стороны на то, что Тито не поддержит своего ближайшего соратника, не оправдались. Он сказал: «Мы не боимся заявить о своих социалистических убеждениях, но считаем, что определенные вещи следует говорить тогда, когда в этом действительно имеется необходимость, и в той форме, которая будет приемлема для как можно более широкой аудитории». Это высказывание генсека ЦК СКЮ показало, что он не намерен учитывать сиюминутные интересы партнеров, связанные с предстоящим через два дня в Москве совещанием представителей компартий стран советского блока. В ответ Хрущев заявил, что «нельзя объять необъятное». В то же время Первый секретарь ЦК КПСС не упустил возможность вновь заявить о необходимости терпеливого устранения всех оставшихся открытыми вопросов с тем, чтобы «в конце концов достичь полной монолитности по всем внутреннеполитическим и международным внешним проблемам»³⁵⁸.

Как свидетельствуют архивные материалы, Хрущев был вынужден пойти на уступки и принять предложенный югославами вариант. Согласие советской делегации потребовало специального решения Президиума ЦК КПСС, утвержденного после сообщения Микояна о результатах его дискуссий с Карделем. Как и обычно, когда речь шла о югославском вопросе, решение советского руководства было половинчатым: «Принять текст декларации» и при этом «Сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем». Было также решено «поручить т. Микояну доложить о декларации по партийной линии на совещании с югославскими товарищами», а также «ознакомить представителей братских партий стран социалистического лагеря, приезжающих на совещание, с проектом декларации об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза, составленным ЦК КПСС»³⁵⁹.

Советско-югославская декларация была подписана в Георгиевском зале Кремлевского дворца 20 июня вечером и опубликована на следующий день. Хотя начиналась она словами об официальном визите делегации правительства ФНРЮ в Советский Союз, ее югославские участники были названы представителями СКЮ и ССТНЮ, а советские – представителями КПСС. Подпи-

сали документ: Тито от имени ЦК СКЮ как его генеральный секретарь и Хрущев как Первый секретарь ЦК КПСС. Уникальность декларации заключалась в том, что после Второй мировой войны КПСС не подписала ничего подобного ни с одной компартией в мире.

Несмотря на то что документ получил громкое название «Московская декларация», он был скромным по объему – значительно короче, чем прошлогодняя Белградская (на нее содержалась прямая ссылка). По мнению сторон, принятая в июне 1955 г. Декларация «поставила на здоровую основу отношения между двумя социалистическими странами, и основы, опубликованные в ней, находят все более широкое применение в их взаимном сотрудничестве». Характерно, что в тексте при упоминании слова «социализм» рядом всегда стояло определение «современный», что должно было показать необходимость развития марксистско-ленинской теории. Существенным было и определение основ сотрудничества КПСС и СКЮ – «руководящих партий в странах, у власти в которых находится рабочий класс и которые имеют общей целью построение полного социалистического общества в своих странах, обеспечение прогресса человечества и прочного мира». Подчеркивалось, что развитие связей между ними, «несомненно, будет способствовать развитию дальнейшего сотрудничества между ФНРЮ и СССР и укреплению прочной дружбы между народами Югославии и Советского Союза».

Сама стилистика фраз, столь необычных для советских партийных документов, подтверждала, что текст Московской декларации составлялся в Белграде. Позитивной стороной его для советского руководства было, пожалуй, лишь признание югославами того, что у власти в СССР «находится рабочий класс», что означало отказ лидеров СКЮ от пропаганды тезисов в отношении Советского Союза, принятых в начале 50-х годов при самом активном участии Джиласа и закрепленных в документах VI съезда КПЮ–СКЮ в 1952 г. Снятие данного тезиса из официальной югославской пропаганды представлялось важным для советских руководителей. Дипломаты ФНРЮ перестали высказывать его при проведении встреч в странах Азии и Африки, что было существенным с учетом выбора лидерами национально-освободительных движений в освобождавшихся от колониальной зависимости странах путей дальнейшего развития. Восприятие советской действительности как государственного капитализма (под воздействием югославской дипломатии и пропаганды) сокращало вероятность выбора этими лидерами пути «социалистической ориентации», что в свою очередь снижало вес Советского Союза в постколониальном мире и в ООН, где новые государства концентрировали свою внешнюю политику.

Значительным был и третий пункт документа: «Обе стороны придерживаются взгляда, что пути социалистического развития в разных странах и условиях различны, что богатство форм развития социализма способствует его укреплению, и исходя из факта, что и одной, и другой стороне чужда любая тенденция к навязыванию своего мнения в определении путей и форм социалистического развития, – согласились в том, что вышеупомянутое сотрудничество следует основывать на полной добровольности и равноправии, на дружеской критике и на товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями». Все эти, и ряд других положений, с одной стороны, означали победу югославского руководства во время продолжительного визита в СССР, а с другой – еще раз подтверждали действенность XX съезда КПСС, где в посвященной международным проблемам части отчетного доклада Хрущева содержались строки и о различных путях к социализму.

В Московской декларации не зафиксировано упоминаний ни об «идеологическом единстве» КПСС и СКЮ, ни о «социалистическом лагере», на которых так настаивали советские руководители. Психологическое состояние высшего руководства КПСС хорошо передано в воспоминаниях одного из партийных работников о совместном обеде, на котором, «якобы в шутку», Хрущев говорил Тито: «А вы, югославы, все-таки ревизионисты». В ответ Тито посмеивался³⁶⁰.

Тем не менее, как показывает запись четвертой, последней официальной, на этот раз непродолжительной встречи двух делегаций, которая состоялась перед самым подписанием декларации, обе стороны демонстрировали высокую оценку и заключительного документа, и самого визита. Э. Кардель выразил мнение, что контакты между СКЮ и КПСС явятся импульсом для развития отношений с другими социалистическими странами и их компартиями. И. Броз Тито отметил, что декларация является первым открытым шагом в сотрудничестве двух партий, высказав сожаление, что с другими компартиями у югославского руководства еще нет настоящего контакта. Хрущев смирился с неудачей: «Не будем вести дискуссию, согласимся с поправками югославских товарищей. Декларация дает нам очень много. Она является основой для улучшения наших отношений, как государственных, так и партийных. Нужно еще время. Нельзя объять необъятное». Примирительный тон советского лидера поддержал Тито: «Самое важное, что между нами имеется доверие»³⁶¹. Общее восприятие итогов визита советской делегацией весьма чутко уловил посол Югославии в Москве В. Мичунович, который записал в своем дневнике о последнем официальном торжественном приеме: «Атмосфера была хорошей, только не похожа на ту,

в доме приемов на Спиридоновке двумя неделями раньше... Стало яснее, что было желанием, а что стало действительностью. Судя по поведению русских, им не остается ничего другого, кроме как, хотя бы на некоторое время, выражать удовлетворение результатами визита Тито, хотя, по моему мнению, на самом деле они разочарованы. Они вложили в визит очень много, но большие инвестиции не окупились»³⁶².

Разочарование текстом декларации с советской стороны проявлялось тем сильнее, что итоговый документ не удалось представить в качестве победы верности курса последних лет на нормализацию отношений с Югославией на совещании лидеров компартий социалистических стран, которое состоялось в Москве 22–23 июня 1956 г., сразу же после отбытия югославской делегации. Совещание, на котором затрагивался вопрос о форме отношений и сотрудничества социалистических стран после роспуска Коминформа, представлялось весьма уместным для обсуждения итогов советско-югославской нормализации. Тем не менее его ход свелся к рассмотрению экономического сотрудничества и внутривосточного положения стран «социалистического лагеря»³⁶³.

Отсутствие серьезного анализа итогов визита в СССР югославской делегации на этом совещании не встретило понимания лидеров «братских партий», что и вызвало появление очередного письма ЦК КПСС о нормализации отношений с Югославией. Оно датировано 13 июля 1956 г. и адресовано руководителям ЦК коммунистических партий социалистических стран. Содержание этого письма («О результатах Советско-югославских переговоров, проведенных в июне 1956 г.») стало известно югославскому руководству. Его текст подтверждал вынужденный характер согласия советской стороны на подписание текста Московской декларации. Безоговорочная уверенность Хрущева в том, что коммунисты в странах «соцлагеря» не имеют права «руководствоваться примером Югославии», свидетельствовала о различиях между продекларированными принципами в подписанном 20 июня советско-югославском документе и реальными поступками СССР во взаимоотношениях между компартиями и социалистическими странами³⁶⁴.

Хрущев не преминул воспользоваться визитом Тито в СССР для дальнейшего укрепления собственной власти в советском партийно-государственном аппарате и во всем «социалистическом лагере». Визит не только был преподнесен как большой успех советской политики и самого Хрущева, но и в очередной раз использован для атаки на потенциальных соперников Первого секретаря ЦК КПСС. На этот раз жертвой стал Председатель Совмина СССР Н.А. Булганин – последний из тех, кто был бли-

зок к Сталину в самом начале конфликта 1948 г. Поводом для критики стало его высказывание 5 июня на завтраке в честь югославской делегации, когда Булганин поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища»³⁶⁵. На заседании Президиума ЦК Н.С. Хрущев назвал это заявление «преждевременным», отметив «неосторожность т. Булганина»³⁶⁶. В информации, разосланной в партийные организации, ЦК КПСС отметил, что «у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов»³⁶⁷.

Прозвучавшая косвенная критика Булганина, который, в отличие от Молотова, выступал верным соратником Хрущева и поддержал того год назад в югославском вопросе (как мы помним, он сначала в Белграде подписал совместную Декларацию от имени правительства СССР, а затем активно выступил против Молотова в июле 1956 г.), была адресована прежде всего тем в партии, кто выражал сомнения в необходимости безусловной нормализации связей с СКЮ. Данный кульбит Хрущева явно продемонстрировал его вероломство, свидетельствуя о стремлении Первого секретаря ЦК КПСС к монополизации авторства курса на нормализацию и развитие советско-югославских отношений после смерти Сталина. Это обстоятельство в сочетании с высказанными Тито во время одного из приемов идеями о наличии «ленинского ядра» в КПСС позволяло поддерживать имидж Никиты Сергеевича как главного «ленинца» и иллюзию о возможности возвращения Югославии в советский лагерь после изгнания из советского руководства всех противников Первого секретаря ЦК КПСС.

Несмотря на блеск событий и внешне громкий успех двадцатидвухдневного визита Тито в СССР, он не вышел за рамки предыдущих договоренностей, возникших в ходе переписки ЦК двух партий летом 1954 г. и советского визита в Белград в мае 1955 г. Взаимные противоречия в восприятии Белградской и Московской деклараций и интерпретации итогов обмена визитами в целом определили дальнейшее развитие контактов на всех уровнях вплоть до приезда в СФРЮ весной 1988 г. Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. В то же время визит югославской государственной делегации во главе с Президентом ФНРЮ и руководителем СКЮ в июне 1956 г. окончательно подвел черту под конфликтом 1948 г. и стал формальным рубежом завершения периода нормализации советско-югославских отношений, который начался весной 1953 г. после смерти Сталина. Он открывал новый этап во взаимоотношениях двух стран. Визит стал событием и для всего процесса коррекции системы международных отношений, сложившейся в мире во второй половине 40-х годов XX в.,

признаком некоторой эволюции СССР от агрессивной коммунистической догматики к цивилизованным внешним контактам, в том числе и с социалистическими странами.

Главным политическим итогом для Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и сколоченной вокруг него в это время с конъюнктурными целями группировки «постсталинских» руководителей стало манипулирование достаточно неопределенными итогами визита югославской делегации для получения полного контроля внутри страны и в сфере государственной внешней политики. Внешне представленные как исключительно успешные, итоги были разыграны не только группировкой Хрущева, но и Тито и его окружением. Сделано это было прежде всего во внешнеполитической области, где Югославии удалось сохранить прежний уровень отношений с Западом, несмотря на нормализацию связей с «советским блоком». Во внутренней политике нормализация контактов с «коммунистическим Востоком», представленная как победа Тито в конфликте со Сталиным конца 40-х годов, также способствовала укреплению положения югославского руководства в стране, являясь своего рода дополнительной легитимизацией власти коммунистов в однопартийной левототалитарной системе, просуществовавшей в Югославии до конца 80-х годов XX столетия.

¹ FRUS. 1955–1957. Wash., 1997. Vol. XXVI. P. 650–651: Telegram from the Embassy in Yugoslavia (Riddlberger) to the Department of State. Belgrade, May 13, 1955.

² AJ. F. 507. IX, 119/II-139. S. 9: Telegram iz Švajcarske. Str. pov. br. 211. Predmet: O odlučujućoj ulozi Molotova prilikom pregovora sa austriskom vladinom delegacijom u Moskvi. Авторы телеграммы, зная о том, что в Белграде предполагали резкое снижение влияния Молотова в советском руководстве, уравновесили это сообщение оговоркой, что «русская позиция очевидно была уже наперед основательно обсуждена и определена. Таким образом Молотов точно знал, что хочет и до каких пределов может идти» (Ibid.).

³ Из выступления Микояна 11 июля 1955 г. и реплики Хрущева участники пленума могли узнать, что 9 мая «тов. Молотов... назвал Югославию страной фашистов». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 156.

⁴ Правда. 1955. 27 мая. С. 1.

⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 159 об.

⁶ Там же.

⁷ *Milutinović M.* Staljin pokopan u Zemunu // *Danas* (Zagreb). 1988. 10. V. S. 58.

⁸ На следующий день, 27 мая, в опубликованном в советской печати сообщении специального корреспондента ТАСС из Белграда о составе делегации Хрущев был назван ее главой, членом Президиума Верховного Совета СССР и Первым секретарем ЦК КПСС, тогда как Булганин – только Председателем Совета Министров СССР и стоял в списке вторым. См.: Известия. 1955. 27 мая. С. 1.

⁹ Во время встреч Громыко с Видичем и Валькова с Мичуновичем советская сторона стремилась «предусмотреть возможность присутствия дипкорпуса и жур-

налистов не только при отъезде Советской правительственной делегации, но и при ее встрече». Внимание придавалось и другим пропагандистским мероприятиям, таким как возложение венков на могилы югославских и советских воинов, погибших в совместной борьбе против фашистских захватчиков, а также на могилу Неизвестного солдата. См.: АВП РФ. Ф. 022. Оп. 8-а. П. 123. Д. 75. Л. 4.

¹⁰ *Marović M. Tri izazova staljinizmu. Opatija, 1983. S. 111–112.* В воспоминаниях Хрущева эта фраза была воспроизведена следующим образом: «Переводить не падо. У нас все знают русский язык». См.: *Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. М., 1999. Кн. 3. С. 147.*

¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записки заседаний. Степограммы / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2004. С. 47. Док. 11: Протокол № 125. Заседание 6 июня 1955 г.

¹² *Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 3. С. 148.*

¹³ *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broz Tita. Beograd, 1984. T. 3. S. 565.*

¹⁴ *Marović M. Sumrak staljinizma. Beograd, 1978. Knj. 1. S. 21.*

¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47. Док. 11.

¹⁶ *Marović M. Sumrak staljinizma. Knj. 1. S. 21.*

¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47. Док. 11.

¹⁸ При описании событий этого дня советская пресса сделала акцент на выстулении Хрущева на аэродроме, а факт обеда не упоминался вовсе. Было сообщено лишь о том, что по прибытии советская делегация нанесла визит Тито. См.: *Правда. 1955. 27 мая. С. 1.*

¹⁹ *Taubman W. Khrushchev. The Man and His Era. N.Y.; L., 2004. P. 343.*

²⁰ *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio R. Ljuburić. Podgorica, 1999. S. 531. Dok. 3: Telegram iz Stokgolma (Baće)–DSIP-u. Br. 211. 3.VI. 1955.*

²¹ *AS. F. 1277. 1955. Šk. 34. Št. 20: Kabinet druga Price – Svim šefovima diplomatskih predstavništva. 27 maj 1955. Str. pov. br. 250.*

²² *Ibid.*

²³ Уже в восемь часов утра был возложен венок к могиле Неизвестного солдата Югославии на горе Авала. Надпись на ленте венка была следующей: «...Героическим воинам Югославской народной армии, павшим в борьбе за освобождение своей родины». Несколько позже на окраине Белграда были возложены венки из красных роз к барельефам по обеим сторонам входа на братское кладбище советских и югославских воинов, погибших в боях за освобождение Белграда. На ленте одного из них было написано: «...Героическим воинам Советской Армии, павшим в совместной борьбе за освобождение братского югославского народа от фашистских захватчиков» (*Правда. 1955. 28 мая. С. 1.*)

²⁴ *Milatović A. Pet diplomatskih misija. Zagreb, 1985. Knj. 2. S. 140.*

²⁵ *Dedijer V. Op. cit. T. 3. S. 568–583.*

²⁶ *AJ. F. 507. IX. 119/1-56: Tok konferencije jugoslovenske i sovjetske delegacije.* Этот материал полностью опубликован в издании Исторического института Черногории. См.: *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 391–510. Dok. 17.*

²⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47. Док. 11: Заседание 6 июня 1955 г.

²⁸ *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 391. Dok. 17.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47.

³¹ *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 392. Dok. 17.*

³² *Ibid. S. 391.*

³³ *Ibid. S. 391–392.*

³⁴ В этом абзаце текста Хрущева при обращении к Карделю имелись фразы: «Но это не для протокола», а несколько ниже: «Как далеко проникла

разведывательная служба» (Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 393. Dok. 17). Принимая во внимание особенности цитируемого документа (распечатка записанного на магнитофон выступления Хрущева была сделана на сербско-хорватском языке, и поэтому, помимо, возможно, намеренно сумбурных высказываний их автора не следует исключать еще искажения переводчика и машинистки), они оставляют место и для гипотезы о том, что Хрущев давал понять Карделю и всем присутствующим об имеющихся фактах сотрудничества последнего с советскими карательными органами. Фраза о «глубоко проникших в партию... добравшихся до самых ее руководящих верхов», могла относиться и к КПЮ. Во время послеобеденного заседания Хрущев напомнил Карделю, что тот «хорошо знает русский язык» (Ibid. S. 420).

³⁵ Согласно пятому пункту инструкции о деятельности аппарата офицеров связи НКГБ СССР в федеральных единицах Югославии, утвержденной Меркуловым 7 июля 1945 г., «оставалось в силе прежнее запрещение вербовки в югославском государственном и партийном аппарате (КПЮ), армии и лиц, связанных с ОЗНА (Органы защиты народа. – А.Е.)». Впрочем в этом документе присутствовал шестой пункт, разрешающий «лиц вышеуказанных категорий осторожно использовать в порядке установления с ними личного дружественного контакта для получения от них интересующей нас информации» (Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 309), что позволяло размыть границы предшествующего пункта. Правда, с учетом пребывания большинства югославских лидеров в Советском Союзе в 30-е годы, инструкция об отказе от их вербовки в 40-е могла быть уже излишней.

³⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 393–394. Dok. 17.

³⁷ Ibid. S. 394.

³⁸ Ibid. S. 414.

³⁹ Крайне живописно это общее волнение с югославской стороны, видевшей причины конфликта в ином и не без основания считавшей, что ее обманывают, описаны в воспоминаниях С. Вукмановича-Темпо. См.: *Vukmanović-Tempo S. Revolucija koja teče. Memoari*. Beograd, 1977. Knj. 2. S. 230–233. Сам Вукманович даже нарушил ход заседания, излив сомнения в советской искренности в довольно несдержанной манере. См.: Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 439–441. Dok. 17.

⁴⁰ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 455–457. Dok. 17.

⁴¹ В расшифровке магнитофонной записи их фамилии не указаны. Со слов Хрущева можно понять, что это были Микоян и Булганин (Ibid. S. 458–459).

⁴² Один из членов советской делегации, означенный в тексте как «новый выступающий», явно передергивал факты: «Но в связи с Западом нам было ясно, что Югославия и югославское руководство не делает уступки по принципиальным вопросам... мы всегда считали, что Югославия занимает правильную принципиальную позицию – хочу, чтобы вы это знали» (Ibid. S. 459).

⁴³ Ibid.

⁴⁴ О влиянии «югославского фактора» на развенчание культа личности Сталина Микоян упоминал в июне 1957 г.: «Мы не сразу правильную оценку Сталину дали. Сталин умер, мы его два года не критиковали. Во-первых, мы психологически не дошли тогда до такой критики. Во-вторых, защищая Сталина от югославов, мы не хотели под влиянием югославов давать оценку Сталину, исправляя собственные ошибки. Мы готовы исправлять ошибки, но не югославам нас учить, как относиться к Сталину». См.: «Последняя антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1994. № 4. С. 40.

⁴⁵ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 460. Dok. 17.

⁴⁶ Ibid. S. 469.

⁴⁷ Ibid. S. 463.

⁴⁸ Ibid. S. 464.

⁴⁹ Ibid. S. 468.

⁵⁰ В расшифровке магнитофонной записи указано, что данные слова произнес «русский делегат». Из контекста можно предположить, что именно Хрущев (Ibid. S. 469).

⁵¹ Ibid. S. 470.

⁵² Ibid. S. 470–471.

⁵³ Ibid. S. 471.

⁵⁴ Ibid. S. 469–470.

⁵⁵ Согласно «записи Малина» об отчете Хрущева о визите в Югославию на заседании Президиума ЦК КПСС 6 июня, этот момент на переговорах был выделен им следующим образом: «Тито рассказал о факте с Берией. “Береги себя... кто у тебя Ранкович? Не верь ему”. Беседа произвела большое впечатление». См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 48.

⁵⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 474–475. Dok. 17.

⁵⁷ Ibid. S. 475.

⁵⁸ AMZV. F. TD. 1955. Kr. 5. Č. 7690/55. Bělehrad. 28. 5.1955/28. Pithart 623.

⁵⁹ *Гриневский О.* На Смоленской площади в 1950-х годах // *Международная жизнь.* 1994. № 11. С. 120–121. Хозяевам же бросилась в глаза и другая деталь из отношения главы делегации к своим коллегам. Когда Хрущев хотел сказать, что вопрос очень простой, он приговаривал: «Это даже и Булганин понимает». См.: *Marović M.* Sumrak staljinizma. Knj. 1. S. 44.

⁶⁰ Вукманович-Темпо со всей горячностью высказался по поводу состояния советско-югославских отношений и их предьстории в конце первого дня переговоров, вызвав неудовольствие Хрущева, вспоминавшего выступление «как грубое, с нападкама на нас... Тито стал слаживать» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47). Как впоследствии вспоминал Вукманович-Темпо, Тито рассчитывал, что импульсивный черногорец найдет общий язык с советскими лидерами и это поможет не только вывести из тупика стагнации экономические связи двух стран, но и развеять советские сомнения о проамериканской политике Югославии, ибо Хрущев получит разъяснения о визите Вукмановича в Вашингтоне в ноябре 1954 г. из первых рук. См.: *Vukmanović-Tempo S.* Op. cit. Knj. 2. S. 235–238.

⁶¹ Американский дипломат, позиция которого была представлена в самом выгодном для США свете, был даже удостоен нескольких снимков на страницах американских газет.

⁶² AMZV. F. TD. 1955. Kr. 5. Č. 7690/55. Bělehrad. 28. 5. 1955/28. Pithart 623.

⁶³ AS. F. 1277. 1955. Šk. 34. Št. 21: Kabinet druga Price – Svim šefovima diplomatskih predstavništva. 30 maj 1955. Str. pov. br. 252.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 476–477. Dok. 17: Tok konferencije jugoslovenske i sovjetske delegacije.

⁶⁷ AJ. F. 507. IX. 119/I-54: Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев – Исполком ЦК СКЮ, товарищу Тито. 6 мая 1955 г.

⁶⁸ Впоследствии Кардель указывал, что югославская сторона стремилась придать этому документу универсальный характер. См.: *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944–1957. Ljubljana; Beograd, 1980. S. 146–147.

⁶⁹ Как пояснил Хрущев в июле 1955 г. на пленуме ЦК КПСС, встреча «давала возможность непосредственного обращения к югославскому народу, возможность общения с народом, продемонстрировать дружественные чувства народов СССР к народам Югославии и создавала наилучшие предпосылки для прямого, откровенного обмена мнениями с югославскими руководителями». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 135–136.

70 Согласно неправленому варианту стенограммы пленума выступления Хрущева. См.: Там же. Д. 157. Л. 66.

71 Там же. Д. 180. Л. 137. В одной из реплик Хрущев заметил с присущей ему хитровой простотой: «Мы, конечно, свой проект имели...»

72 *Dedijer V.* Op. cit. Т. 3. S. 584; *Хрущев Н.* Указ. соч. Кн. 3. С. 160.

73 *Dedijer V.* Op. cit. Т. 3. S. 584.

74 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 48.

75 Там же.

76 *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a...* S. 301–302. Dok. 22.

77 Правда. 1955. 30 мая. С. 3.

78 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 49.

79 *Terzić M.* Josip Broz Tito i informisanje (Videnje i samopredstavljanje 1945–1952) // *Vojno-istorijski glasnik*. 1997. Br. 2/3. S. 99–110.

80 Ibid.

81 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 138.

82 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 48.

83 Там же. С. 49.

84 Там же. С. 43.

85 Там же. С. 49.

86 Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 28.

87 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 49. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергер в репортаже немало внимания уделил острым разногласиям между Хрущевым и Карделем по поводу лекции последнего в Осло. См.: *New York Times*. 1955. I.VI. P. 32.

88 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 49.

89 Там же.

90 *Vukmanović-Tempo S.* Op. cit. Knj. 2. S. 238.

91 *Хрущев Н. С.* Указ. соч. Кн. 3. С. 150.

92 *Dedijer V.* Op. cit. Т. 3. S. 588.

93 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 49.

94 Там же.

95 В опубликованном официальном коммюнике о событиях 31 мая – 1 июня констатировалось: «В настоящее время завершается работа по подготовке *заключительного коммюнике* (курсив мой. – А.Е.) советско-югославских переговоров» (Правда. 1955. 2 июня. С. 3). В советской печати слово «Декларация» появилось в этой газете в репортаже, озаглавленном «Переговоры в Белграде завершены». Его авторы (Ю. Жуков и В. Маевский) в материале, помеченном «г. Белград, 2 июня», сообщали, как «ранним утром специальный поезд, которым следовали члены Советской и Югославской правительственных делегаций, совершавших поездку по стране, прибыл из Загреба в Белград». Корреспонденты указывали, что «сразу же по возвращении в столицу Югославии делегации возобновили свою работу над подготовкой *заключительной Декларации*» (курсив мой. – А.Е.)» (Там же. 3 июня).

96 В материале от 1 июня корреспондента «Нью-Йорк Таймс» Сульцберге-ра отмечалось, что 31 мая делегации достигли общей договоренности о политических отношениях двух стран, после этого Хрущев и Булганин в сопровождении Карделя и Ранковича оставили Бриони и вечером приехали на Блед, а Тито с Громько, Шепиловым и др. вылетел в Белград для согласования текста коммюнике. См.: *New York Times*. 1955. I.VI. P. 1, 14.

97 *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a...* S. 489–490. Dok. 17.

98 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 49–50.

99 *Kardelj E.* Op. cit. S. 131.

100 *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a...* S. 485. Dok. 17.

101 Ibid. S. 484–487.

102 Советская правительственная делегация устроила во дворце на Дединье обед в честь Правительственной делегации Югославии. См.: Известия. 1955. 3 июля. С. 2.

103 *Вишневская Г.* Галина. История жизни. М., 1991. С. 166–167.

104 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 991. Л. 35–38. № П1081. 6 июня 1955 г. Письмо ЦК Союза коммунистов Югославии Центральному Комитету КПСС от 2 июня 1955 г. по вопросу о возможностях восстановления контакта между СКЮ и КПСС. Текст письма (вх. 3101), отпечатанный в 20 экземплярах, был отправлен членам Президиума ЦК 6 июня 1955 г. В сопроводительном документе он назывался «Перевод с сербского письма ЦК Союза коммунистов Югославии ЦК КПСС по вопросу о возможностях восстановления контакта между СКЮ и КПСС».

105 Там же.

106 Правда. 1955. 3 июня. С. 1.

107 *Kardelj E.* Op. cit. S. 131–132.

108 *Osolnik B.* Med svetom in domovina. Spomini 1945–1981. Maribor; Novo Mesto, 1992. S. 192.

109 Указывая на то, что «ряд советских дипломатических назначений был недавно заполнен известными членами партии, а не карьерными дипломатами», аналитические службы британского Форин офиса еще в начале 1954 г. считали, что «в советском блоке, как в самом Советском Союзе, партия усиливает контроль». См.: PRO. FO 371/111670: Northern Department to the Chancery of British Embassy in Moscow. February 2, 1954. Сходные оценки давали и спецслужбы в США. См.: *Baeva I.* Stalin's Death and Some Aspects of US Policy towards Eastern Europe in the 50-es // Balkan posle drugog svetskog rata: Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1996. S. 94.

110 *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 221–224.

111 Речь товарища Н.С. Хрущева на митинге по прибытии в гор. Софию 3 июня 1955 г. // Правда. 1955. 4 июня. С. 1.

112 Там же. 5 июня. С. 1.

113 AMZV. F. TD. 1955. Kr. 5. Č. 8305: Telegram ze ZÚ Sofie. 6.VI. 55/18.

114 Правда. 1955. 6 июня. С. 1.

115 Там же. 5 июня. С. 1.

116 Там же. 6 июня. С. 1.

117 AMZV. F. TD. 1955. Kr. 5. Č. 8305: Telegram ze ZÚ Sofie. 6.VI. 55/18.

118 Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 533–534. Dok. 6: Telegram iz Moskve (Osolnik) – SIP-u. Br. 312. 5.VI. 1955.

119 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 48.

120 Там же. С. 50.

121 Там же.

122 Там же. С. 50–51.

123 AMZV. F. TD. 1955. Kr. 5. Č. 8382: Moskva. 7.6. 1955–7. Vosahlik 6102.

124 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 82: Прием Н.А. Булганиным премьер-министра Индии Неру 8 июня 1955 г.

125 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 51.

126 Там же. С. 896–897. Док. 12: Протокол № 126 от 8 июня. Примеч. 2.

127 Там же. С. 51–52.

128 Там же. С. 52.

129 Там же.

130 Там же.

131 Там же.

132 Там же. С. 52–53.

- 133 Там же. С. 53.
- 134 Там же.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 Там же. С. 53–54.
- 138 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 135. № П126/XXVII: 8.VI. 1955 г. Выписка из Протокола № 126 заседания Президиума ЦК от 8.VI. 1955. «О после СССР в Югославии»
- 139 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 54.
- 140 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 972. Л. 18: Проект постановления Президиума ЦК КПСС по докладу советской правительственной делегации об итогах переговоров с Югославией.
- 141 Там же. Л. 20–22.
- 142 Там же. Л. 19.
- 143 Там же.
- 144 Там же.
- 145 Там же. Л. 23: 20.VI. 1955. Выписка из Протокола № 127 заседания Президиума ЦК от 20 июня 1955 г. – «Проект письма ЦК КПСС Центральным комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров».
- 146 Там же. Л. 24–37. Среди материалов были «Записка» Л. Кагановича, М. Сулова и П. Поспелова от 17 июня 1955 г. и проект письма братским партиям.
- 147 Там же. Л. 39–50.
- 148 А. J. F. 507. IX. 119/II-139: Str. pov. br. 98: 12.VI. 1955. Iz Moskve. Deklaracija o beogradskim razgovorima – obavezno građivo na časovima Marksizma-Lenjinizma. В телеграмме также указывалось, что «кое-где на экзаменах таким же образом вставлен и представленный как большой вклад в дело мира визит Неру в СССР».
- 149 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. Д. 7. Л. 28–32: Из дневника Ю.К. Приходова. Запись беседы с послом Югославии в НР Болгарии М. Милковичем 14 июня 1955 г.
- 150 Там же. Л. 31–32.
- 151 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1514. Л. 54–55.
- 152 Там же. Л. 103.
- 153 Там же. На партийно-бюрократическом языке оно было названо как «желание ЦК ВЛКСМ... послать письмо от ВФДМ (через представителя ВЛКСМ внести на обсуждение Секретариата ВФДМ) относительно восстановления сотрудничества Народная молодежь Югославии–ВФДМ».
- 154 Там же. Л. 98.
- 155 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 142–146.
- 156 Там же. Л. 139–141.
- 157 Там же. Л. 191–192: Вальков (Белград) – Зорину. 23 июня 1955 г.
- 158 Там же. Л. 191.
- 159 Там же. Л. 192.
- 160 Там же. Д. 972. Л. 23: Выписка из Протокола № 127 заседания Президиума ЦК от 20 июня 1955 г. – «Проект письма ЦК КПСС Центральным комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров». Президиум постановил «в основном одобрить» представленный комиссией в составе тт. Кагановича, Сулова, Поспелова, Шпилова и Пономарева проект письма ЦК КПСС и поручить этой комиссии его доработку «на основе состоявшегося обмена мнениями» на заседании Президиума ЦК.
- 161 Согласно этим документам предварительный план пребывания в СССР югославской делегации был утвержден уже 19 мая 1955 г.
- 162 14 июня соглашения были ратифицированы Союзным исполнительным вече ФНРЮ. Громыко подчеркнул, что они должны быть подписаны самим Ти-

то, придавая этому факту особый смысл: «МИД считает целесообразным, чтобы в настоящее время указанные соглашения были ратифицированы». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 141: Записка А. Громыко от 14 июня 1955 г.

¹⁶³ АЈ. F. 507. IX. 119/II-139. S. 12: Odeljenje za koordinaciju DSIP FNRJ. Telegram iz Moskve. Str. pov. br. 101 od 18.VI. 1955. Predmet: Vidić sa prijema kod Islandjana.

¹⁶⁴ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 484–485. Dok. 17: Tok konferencije jugoslovenske i sovjetske delegacije.

¹⁶⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 137.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ АЈ. F. 507. 119/II-139. S. 12. Br. 424/55: Odeljenje za koordinaciju DSIP FNRJ. Str. pov. br. 101 od 18.VI. 1955: Telegram iz Moskve. Predmet: Vidić sa prijema kod Islandjana.

¹⁶⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 153.

¹⁷⁰ Там же. Л. 165–168. 28.VI. 1955. спец. 434–438: Шифротелеграммы Валькова о беседе с Бркичем.

¹⁷¹ АВР РФ. Ф. 0144. Оп. 40. П. 163. Д. 4. Л. 131–135: Из дневника В.А. Валькова. Запись беседы с президентом Тито 29 июня 1955 г.

¹⁷² Об итогах советско-югославских переговоров. Доклад т. Хрущева Н.С. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 33.

¹⁷³ АП РФ. Оп. 66. Д. 911. Л. 138: Постановление Президиума ЦК – «О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений». П128/II. 1.VII. 1955: Выписка из Протокола № 128 заседания Президиума ЦК от 1 июля 1955 г. Как объяснял это решение на пленуме ЦК Хрущев, по итогам обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС было признано, что Югославия «имеет какие-то моральные основания предъявлять претензии, так как расторжение было начато СССР». При этом Хрущев сослался на ведущуюся борьбу «за Югославию» с американцами, которые надеются на новую советско-югославскую ссору и благоприятную ситуацию для «втягивания Югославии в блок против СССР». Это решение Первый секретарь ЦК КПСС обосновал также необходимостью расчистки путей для широкого развития советско-югославских связей с тем, чтобы они не были обременены какими-либо неурегулированными финансовыми вопросами. Подчеркнув выгодность развития экономических отношений стран «советского блока» с Югославией, Хрущев отметил, что их нельзя наладить без ликвидации взаимных претензий. «К тому же, – заметил докладчик, – Югославии будет тяжело погасить такие платежи». См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 137 об.

¹⁷⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 972. Л. 101. 1.VII. 1955. П129/1: Постановление Президиума ЦК – Письмо ЦК СКЮ – ЦК КПСС. Письмо ЦК СКЮ было зарегистрировано двумя днями раньше. См.: Там же. Л. 102–104. 29.VI. 1955. П 1336. Вх. 3832: Перевод письма ЦК Союза коммунистов Югославии (Тито) в ЦК КПСС.

¹⁷⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 32–40.

¹⁷⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 911. Л. 193.

¹⁷⁷ Там же. Д. 912. Л. 1–2. 8.VII. 1955: Постановление Президиума ЦК – «О развитии торговых и экономических отношений с Югославией»; К п. 1. Протокол № 130. Письмо ЦК КПСС (Там же. Л. 3–4).

¹⁷⁸ Выступавшие на пленуме часто ссылались на «красную папку», в которой были собраны документы, связанные с перепиской между ЦК КПСС и ЦК СКЮ. Она представляла собой подборку целенаправленно собранных и отредактированных в выгодном свете для Хрущева и его группировки документов (от постановления Президиума ЦК КПСС 31 мая 1954 г. до текста письма ЦК КПСС коммунистическим и рабочим партиям 25 июня 1955 г.) с тем, чтобы под-

твердить правильность проводимого курса и капризность Молотова. См.: Там же. Д. 972. Л. 65–96.

¹⁷⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 153 об.: Пленум ЦК КПСС. Июль 1955 г.

¹⁸⁰ Ходжа Э. Вклад в дело мира на Балканах // Правда. 1955. 5 июля. С. 3.

¹⁸¹ Об итогах советско-югославских переговоров... С. 21–22.

¹⁸² Там же. С. 22–24.

¹⁸³ Хрущев придерживался антибериевской версии разрыва отношений с Югославией. «Если бы товарищ Сталин был правильно информирован, если бы его не подзуживали Берия, Абакумов и другие, которые ему секретно докладывали, я убежден, – отметил Первый секретарь ЦК КПСС, – что он изучил бы положение дел более глубоко и, бесспорно, нашел бы пути для правильного решения этого вопроса, не допустив дела до разрыва с Югославией» (Там же. С. 22).

¹⁸⁴ Там же. С. 38–39.

¹⁸⁵ Там же. С. 37, 40–43.

¹⁸⁶ Там же. С. 46–47.

¹⁸⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1 С. 35–36. Док. 5: Заседание 22 января 1955 г.

¹⁸⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 151.

¹⁸⁹ Там же. Л. 138 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 160: Пленум ЦК КПСС. Июль 1955 г.

¹⁹¹ Впрочем, Каганович выступил недостаточно обличительно, и необходимо жесткость пришлось внести в текст стенографического отчета.

¹⁹² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 187 об.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Об итогах советско-югославских переговоров... С. 13.

¹⁹⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 197–198.

¹⁹⁶ В решении от 12 июля 1955 г. было записано, что «Пленум ЦК осуждает политически неправильную позицию т. Молотова по югославскому вопросу, как несоответствующую интересам Советского государства и социалистического лагеря и несоответствующую принципам ленинской политики. Позиция т. Молотова вела к закреплению ненормальных отношений с Югославией и к дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь. Несмотря на то что Президиум ЦК в течение длительного времени терпеливо разъяснял т. Молотову ошибочность его позиции по югославскому вопросу, т. Молотов упорно продолжал отстаивать эту позицию. Пленум ЦК КПСС считает политически ошибочным выступление на Пленуме ЦК т. Молотова, который продолжает отстаивать свою неправильную линию по югославскому вопросу, считая, что с Югославией надо нормализовать отношения только по государственной линии как с буржуазным государством» (Там же. Л. 205).

¹⁹⁷ В этот день Сиволопов подписал в печать миллионным тиражом брошюру «Постановления июльского Пленума ЦК КПСС 1955 г.», где решение пленума ЦК КПСС по югославскому вопросу формулировалось предельно кратко: «Заслушав и обсудив доклад тов. Хрущева Н.С. об итогах советско-югославских переговоров, Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет: Одобрить результаты переговоров между Правительственными делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республики Югославии» (С. 30).

¹⁹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 92. Л. 138.

¹⁹⁹ Там же. Оп. 28. Д. 298. Л. 241–244: Из дневника В.К. Паламарчука. Запись беседы с секретарем Бухарестского горкома партии Дейч 12 августа 1955 г. В ответе советского дипломата, в частности, указывалось, что «в Югославии господствует общественная собственность на основные средства производства, у власти стоит рабочий класс и крестьяне. Несмотря на то что импери-

алистический лагерь стремится внедриться в ее экономику, Югославия сохранила свою национальную независимость».

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ FRUS. 1955–1957. Vol. XXV: Eastern Europe. Wash. (D.C.), 1990. P. 37: Telegram from the Embassy in Czechoslovakia (U. Alexis Johnson) to the Department of State. Prague. June 12, 1955.

²⁰² Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 161–162.

²⁰³ 22 июля 1955 г. один из лидеров югославских эмигрантов-коминформовцев Р. Голубович направил в Президиум ЦК КПСС (Суслову) письмо, написанное от руки, в котором со скрытой иронией отмечал: «Как и раньше, и теперь одобряю все эти шаги и мероприятия, которые ЦК КПСС и Правительство СССР предпримут на базе принципов марксизма-ленинизма, чтобы оторвать Югославию от лагеря империализма и вновь вернуть в лагерь социализма». См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1515. Л. 39.

²⁰⁴ После решений Секретариата ЦК КПСС 5 и 24 августа 1955 г. с югославскими эмигрантами, проживающими в СССР, были проведены разъяснительные беседы по вопросам нормализации советско-югославских отношений (Там же. Л. 34–56). Авторы краткой установочной справки, использованной для этих «бесед», считали необходимым говорить о том, что прошедшие в июне переговоры были успешны и «положили конец ненормальным, нездоровым отношениям между СССР и Югославией, создавшимся после 1948 года». См.: Там же. Л. 35. 1.VIII. 1955 г.: Краткий текст разъяснительной беседы.

²⁰⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 89. Л. 19: Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов и Главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев (9 сентября 1955 г.) – ЦК КПСС.

²⁰⁶ Коммунист. 1955. № 14. Сент. С. 127–128: (Номер был подписан к печати 30 сентября 1955 г.).

²⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 903. Л. 143: В. Молотов – ЦК КПСС. 30.VII. 1955.

²⁰⁸ Там же. Л. 144.

²⁰⁹ Там же. Л. 142: Зав. Отделом ЦК КПСС Бараненков – ЦК КПСС. 2.VIII. 1955.

²¹⁰ Там же. Л. 141. № Сп-80/999-гс: Выписка из Протокола заседания Секретариата ЦК от 3.VIII. 1955. – «О тт. Валькове В.А. и Фирюбине Н.А.»

²¹¹ Там же.

²¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 60–61: С. Крушинский (8 июля 1955 г. Будапешт) – главному редактору газеты «Правда» товарищу Шепилову Д.Т.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Если С. Крушинский, будучи корреспондентом «Правды» в Будапеште, использовал географическую близость для посещения Югославии, то С. Платковский, согласно договоренности, достигнутой в ходе визита советской делегации, стал аккредитованным в Белграде корреспондентом «Правды».

²¹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 75: Платковский – главному редактору газеты «Правда» товарищу Шепилову Д.Т. Белград, 15 августа 1955 г.

²¹⁷ Там же. Л. 74–75.

²¹⁸ Там же. Л. 76.

²¹⁹ Там же. Л. 81–83.

²²⁰ Булганин Н.А. Итоги женевского совещания глав правительств четырех держав. Доклад и заключительное слово на третьей сессии ВС СССР 4 и 5 августа 1955 г. М., 1955. С. 10–11.

²²¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 912. Л. 49: Заместитель министра внешней торговли С. Борисов – ЦК КПСС. 25.VII. 1955.

222 Там же.

223 Там же. См. также: Л. 44: А. Микоян – ЦК КПСС. 28 июля 1955 г.

224 Там же. Л. 42: Выписка из Постановления № 137/XIX. 30.VII. 1955: Тг. Борисову (МВТ), Коробову.

225 *Vukmanović-Tempo S. Op. cit. Knj. 2. S. 239.*

226 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 40. П. 163. Д. 4. Л. 175: Из дневника В.А. Валькова. Запись беседы с заместителем государственного секретаря по иностранным делам Х. Бркичем 8 августа 1955 г.; Там же. Л. 177: Из дневника В.А. Валькова. Запись беседы с заместителем государственного секретаря по иностранным делам Х. Бркичем 9 августа 1955 г.

227 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 912. Л. 99.

228 Там же. Л. 100.

229 Там же. Он также рассказал о стремлении ФНРЮ к взаимному зачету югославских долгов Западной Германией (они с учетом процентов составляли к тому времени около 85 млн долл., а требования к Западной Германии – 100 млн долл. США).

230 Там же. Л. 102.

231 Там же. Л. 102–103.

232 Там же. Л. 104–105.

233 Согласно версии С. Вукмановича, изложенной в его мемуарах, вопрос об этом не ставился прямо. Советской стороне было предложено создание схемы по кредитованию ФНРЮ в том случае, если СССР заинтересован в получении алюминия. Среди других запросов Вукмановича была просьба в содействии строительству завода удобрений выдачей кредитов для получения оборудования для двух фабрик азотных и фосфатных удобрений. (Мотивировалось это тем, что на Западе их применение дает до 30 центнеров с гектара против 11 центнеров в Югославии.) Вукманович говорил о сложной ситуации, ввиду которой приходилось брать кредиты на Западе на весьма неблагоприятных условиях, что привело «к известной зависимости от иностранных партнеров». Югославия обязана текущим вывозом выплачивать краткосрочные кредиты, тогда как снабжение промышленности сырьем обеспечивается через новые краткосрочные кредиты, что делает произведенный товар дороже на 20 процентов от того, если покупать продукцию за наличные. Вукманович-Темпо считал, что СССР мог помочь освободить Югославию от этого «рабства», предоставив долгосрочный кредит в 30 миллионов золотом или в валюте, что позволило бы выплатить краткосрочные задолженности и начать покупать сырье в счет текущего экспорта.

Третьим вопросом, поднятым югославской стороной перед хозяевами, было сообщение о дефиците платежного баланса ФНРЮ, произошедшего ввиду необходимости поднятия жизненного уровня городского населения, что привело к снижению объема инвестиций и остановке строительства нескольких промышленных объектов, которые по их завершении могли бы облегчить положение с платежным балансом. В общей форме перед советской стороной был поставлен вопрос о необходимости целевого иностранного кредита для строительства алюминиевого комбината, что сделало бы возможным урегулирование проблемы платежного баланса. См.: *Vukmanović-Tempo S. Op. cit. Knj. 2. S. 243.*

234 Советские участники переговоров отчитывались об их ходе в мельчайших деталях. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 912. Л. 89–97: 23.VIII. 1955 г. Записка И. Кабанова и П. Кумыкина о беседах с представителями югославской экономической делегации, состоявшихся в Министерстве внешней торговли 23 августа 1955 г. Информация (И. Кабанов, П. Кумыкин, М. Лошаков) о переговорах представителей югославской экономической делегации).

235 Там же. Л. 93.

²³⁶ Там же. Л. 81–86: Запись переговоров с экономической делегацией Югославии 25.VIII. 1955 г. В составе советской делегации наряду с ее главой Микояном, были Кабанов, Коваль, Кумыкин, Смалов, Зорин и Красюк. В делегацию ФНРЮ, которую возглавлял Вукманович-Темпо, входили также Х. Бркич, Д. Видич и М. Божич.

²³⁷ Там же. Л. 81.

²³⁸ Там же. Л. 87.

²³⁹ Там же. Л. 86–87.

²⁴⁰ Там же. Л. 80–88: Записка А.И. Микояна от 26.VIII. 1955 г. и запись переговоров с экономической делегацией Югославии 25.VIII. 1955 г.

²⁴¹ Там же. Л. 108–111: Запись переговоров с экономической делегацией Югославии. 29 августа 1955 г. Среди материалов, представленных Микояном, имелась его записка с приложением проекта Постановления Президиума ЦК КПСС (Там же. Л. 63–74).

²⁴² Там же. Л. 59–61. 29.VIII. 55. П143/XXII: Постановление Президиума ЦК – Вопросы экономических отношений с Югославией. К п. XXII. Протокол № 143.

²⁴³ Там же. Л. 112–113: Югославский проект коммюнике (перевод с сербского).

²⁴⁴ Борба. 1955. 3.IX. С. 1.

²⁴⁵ Там же. 5.IX. С. 1.

²⁴⁶ К примеру, осенью югославская общенациональная газета «Борба» опубликовала статью Р. Вуйовича о задолженности Венгрии перед Югославией. См.: Борба. 1955. 13.X. С. 3.

²⁴⁷ *Bogetić D. Jugoslavija i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u. Beograd, 2000. S. 254.*

²⁴⁸ Борба. 1955. 25.IX. С. 2.

²⁴⁹ *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 546–547. Dok. 14: Prica – Ambasadi FNRJ. Moskva. Pov. br. 48222. 21.VI. 1955.*

²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 40. П. 163. Д. 4. Л. 191–192: Из дневника Валькова В.А. Запись беседы с временно исполняющим обязанности госсекретаря по иностранным делам Югославии Мичуновичем 15 сентября 1955 г.

²⁵¹ О пребывании А.И. Микояна в ФНРЮ имеется его отчет из Ялты, подготовленный 11 октября 1955 г., который планировалось отпечатать типографским способом. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 973. Л. 20–49: «Сообщение Микояна о пребывании в Югославии и беседах с Тито».

²⁵² Там же. Д. 929. Л. 32–36: Постановление Президиума ЦК – «О телеграмме Совпослу в Югославии». (П149/XV от 14 сентября 1955 г). Советское руководство решило «воздержаться от посылки телеграммы совпослу по вопросу, поставленному в записке от 12 сентября» (Там же. Л. 32).

²⁵³ В российских архивах сохранились весьма пространные документы советской делегации: А. Волков – тов. Хрущеву Н.С. 1 ноября 1955 г. (А. Волков. Отчет делегации ВС СССР о поездке в Югославию. 1 ноября 1955 г.); Информация делегации Верховного Совета о беседах с руководителями югославского правительства (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 934. Л. 42–68). Не менее интересные материалы сохранились и у югославской стороны. Один из них – официальный, парадный отчет на семи страницах, а второй – детальный (почти в три раза больший по объему) и чрезвычайно критический текст о советских парламентариях начинающего дипломата ГСИД ФНРЮ Р. Диздаревича (в 80-е годы ставшего госсекретарем по иностранным делам СФРЮ), сопровождавшего гостей в поездке по стране. См.: А.И. Ф. 507. IX. 119/V-78: *Dizdarević Raif, III sekretar DSIPA. U Beogradu, 27 oktobra 1955. Zabeleška o boravku delegacije Vrhovnog Sovjeta SSSR u Jugoslaviji od 3 do 24 oktobra 1955 god.*

²⁵⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 934. Л. 64.

- 255 Изложения текстов выступлений М. Пияде и А.П. Волкова во время официальной встречи советских и югославских парламентариев были опубликованы в газете «Борба». См.: Борба. 1955. 5. IX. С. 2.
- 256 Правда. 1955. 6 окт. С. 4.
- 257 Там же. 8 окт. С. 4.
- 258 Там же. 12 окт. С. 4.
- 259 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 934. Л. 63: А. Волков – тов. Хрущеву Н.С. 1 ноября 1955 г. Информация делегации Верховного Совета о беседах с руководителями югославского правительства.
- 260 Там же. Л. 58: Отчет делегации ВС СССР о поездке в Югославию. А. Волков. 1 ноября 1955 г.
- 261 Там же. Л. 58–59.
- 262 А. J. F. 507. IX. 119/V-78. S. 8–25.
- 263 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 934. Л. 58.
- 264 По свидетельству помощника Зорина Войкова, посол ФНРЮ отметил, что «за два года пребывания в Москве, он, Видич, много раз встречался с Зориным в официальной и неофициальной обстановке и имел с ним беседы, имеющие большое значение для него как посла». По его словам, «почти каждая беседа с т. Зориным содержала ту или иную информацию об отношениях Советского Союза к международным проблемам, и эта информация имела важное значение для правительства Югославии». Видич заявил, что «в знак признательности т. Зорину за постоянный дружеский контакт с ним, он, Видич, желает хотя бы немного отблагодарить за это т. Зорина». См.: АВП РФ. Ф. 021. Оп. 10. П. 8. Д. 47. Л. 1.
- 265 Борба. 1955. 12.XI. С. 1–2.
- 266 Там же. 17.XI. С. 3.
- 267 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 124. Л. 88: А. Волков – П.Н. Поспелову. 28 ноября 1955 г. Проект доклада на вечере, посвященном десятилетию провозглашения ФНРЮ, 29 ноября в Большом зале Московской консерватории имени П.И. Чайковского. Тот же проект был направлен Волковым Суслову.
- 268 Правда. 1955. 29 нояб. С. 3.
- 269 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 912. Л. 132–133: Красюк (6.X.1955) – Кабанову.
- 270 Там же. Л. 128. П163/14: Постановление Президиума ЦК от 14 октября 1955 г. – «Об отгрузке пшеницы из СССР в Югославию». В документе было рекомендовано принять представленное МВТ распоряжение Совета министров СССР, предусматривавшее, что 150 тыс. тонн пшеницы, выделенных постановлением Совмина СССР от 26.IX. 1955 г. в IV квартале 1955 г., поставить в ФНРЮ «в сроки по указанию МВТ, согласованные с югославской стороной» (Там же. Л. 129).
- 271 Там же. Л. 171–177: Записка (от 9 декабря 1955 г.) замминистра внешней торговли с приложениями; Л. 169–170. П174/XVII: Постановление Президиума ЦК от 15 декабря 1955 г. «Об увеличении взаимных товарных поставок между СССР и Югославией на 1956 г.»
- 272 Там же. Л. 139–142: Записка (от 10.XI. 1955 г. 347с/ам) Микояна А.И.
- 273 Там же. Л. 137–138. П169/XLIX: Постановление Президиума ЦК от 16 ноября 1955 г. «О предварительных переговорах с Чехословакией и ГДР относительно их участия в строительстве медеплавильного и алюминиевого заводов в Югославии».
- 274 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 15-а. П. 33. Д. 200. Л. 1–2: Из дневника К.Д. Левычкина. Запись беседы с послом ФНРЮ в СССР Видичем 7 февраля 1956 г.
- 275 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 973. Л. 119–121: А. Румянцев (журнал «Коммунист») – А. Микояну. 9 декабря 1955 г.
- 276 AS. F. 1206. Tehnična enota 2. Vilfan – Bentonu. Beograd. 18.I. 1956.

277 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 170. Л. 1–20; М. Суслов, Б. Пономарев, А. Громыко «О некоторых итогах нормализации советско-югославских отношений». 7 января 1956 г.

278 Там же. Л. 2.

279 Там же. Л. 8.

280 Там же. Оп. 30. Д. 169. Л. 12.

281 Там же. Л. 23; А. Микоян (9.1. 1955) – тов. Суслову. Замечания к записке тт. Сусллова, Пономарева и Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией» от 7 января 1955 г.

282 Там же. Л. 25.

283 АЈ. F. 507. IX.119/I-59: Drugu Hruščevu.

284 Ibid. 119/I-60: 18 января. Сов. секретно. ЦК Союза коммунистов Югославии; 119/I-61. 20 января 1956 г. Центральный комитет Союза коммунистов Югославии, товарищу Тито.

285 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 928. Л. 3–5: Запись беседы заместителя представителя СССР в Совете экономической взаимопомощи Захарова А.В. с послом Югославии в СССР 5 января 1956 г.

286 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 24.

287 АЈ. F. 507. IX.119/I-62.

288 В отчетном докладе Хрущева Югославия упоминалась несколько раз. В разделе доклада о борьбе Советского Союза за укрепление мира и международную безопасность «нормализация отношений с братской Югославией» была упомянута в числе мирных инициатив СССР по урегулированию отношений с рядом государств «в целях смягчения напряженности в Европе». См.: Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева Н.С. // Правда. 1956. 15 февраля. С. 3.

289 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 928. Л. 11; Н. Фирюбин – тов. Н.С. Хрущеву. 16 февраля 1956 г.

290 В данном разделе доклада Югославия была выделена из остальных коммунистических стран, с которыми КПСС предписывалось «всемерно укреплять братские отношения». Формулировка в отношении югославы не содержала без упоминания СКЮ. КПСС следовало «всемерно укреплять дружбу и сотрудничество с братскими народами ФНРЮ» (Отчетный доклад... С. 6). На самом высоком уровне наконец-то было высказано официальное отношение КПСС к ФНРЮ: «Власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического сотрудничества складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата» (Там же).

291 По всей вероятности, Видич имел в виду и высказывание Хрущева о том, что «формы перехода к социализму будут становиться все более разнообразными», и о «возникновении вопроса о возможности использования парламентского пути для перехода к социализму» (Там же).

292 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 928. Л. 12–13; Н. Фирюбин. Запись беседы с югославским послом в Москве Д. Видичем 15 февраля 1956 г.

293 Там же. Л. 13.

294 Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956 г.: Документы. М., 2000. С. 378–379. Док. 21: Продиктованные Н.С. Хрущевым дополнения к докладу «О культе личности и его последствиях» 19 февраля 1956 г. Согласно итоговой версии доклада, «югославскому вопросу» в нем было уделено гораздо больше места. См.: О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154.

295 АЈ. F. 507. IX. 119/I-82. 1 odeljenje DSIP-a. Pov. br. 42963: Zabeleška o razgovoru Dragoja Djurića sa sovjetnikom sovjetske ambasade Grjaznovom na dan 18 feb-

ruara 1956 g.; Zabeleška o razgovoru Dragoja Djurića sa sovjetnikom sovjetske ambasade Sergejčikom na dan 20 i 21 februara 1956 g.; Ibid. 119/II-42: I odeljenje DSIP-a. Referada SSSR. Osnovi spoljnopolitičke koncepcije izražene na XX Kongresu KP SS; 31.III. 1956. Reagovanje istočnoevropskih zemalja i Kine na XX kongres KP SS; Ibid. 119/I-66; Milatović. Zabeleška o razgovoru sa sovjetkim ambasadorom Ponomarenkom na dan 31 marta 1956 g.

²⁹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 904. Л. 58: 2 марта 1956 г. К. Кочетков. Об организации обеда у В.М. Молотова в связи с отъездом югославского посла Видича; Там же. Л. 65: В. Молотов – в Президиум ЦК. 9 марта 1956 г.; Там же. Л. 64. 13.III. 1956. П4/1: Постановление Президиума ЦК – «О подарках послу Югославии в СССР в связи с его отъездом из СССР». Последовательность этих документов дает основания предполагать, что и появление Хрущева на ужине, и дары Видичу (оформленные постановлением ЦК «задним числом») были спонтанным жестом Первого секретаря ЦК КПСС.

²⁹⁷ *Marović M. Sumrak staljinizma*. Knj. 1. S. 64.

²⁹⁸ О культуре личности и его следствиях... С. 154.

²⁹⁹ А.И. Ф. 507. П/14: Završni deo rada VI Plenuma CK SKJ 14 marta 1956 g.

³⁰⁰ Мичунович вылетел в Москву лишь 24 марта, через десять дней после этого «прощального ужина». Хотя в своих мемуарах он не акцентировал внимание на столь большом разрыве между этими датами, можно предполагать, что новый посол ожидал приема у Тито.

³⁰¹ *Mičunović V. Moskovske godine 1956–1958*. S. 25–27.

³⁰² Ibid. S. 33.

³⁰³ Ibid. S. 39. Эту позицию новый посол подтвердил уже в первые дни своего пребывания, затеяв небольшой скандал в связи с тем, что его заявление корреспонденту ТАСС в Белграде, сделанное на аэродроме перед вылетом, не было опубликовано в печати, ибо в Москве ограничились заранее подготовленной трафаретной заметкой о прилете нового посла ФНРЮ. Опытный политик и знаток тонкостей советской системы, Мичунович зарекомендовал себя в глазах советских лидеров безусловным сторонником дальнейшего сближения двух стран, но в то же время умелым дипломатом, с которым следует быть предельно аккуратным. Скандал, устроенный новым послом, потребовал разбирательства в советских верхах и, таким образом, уже первыми своими шагами на советской земле Мичунович поставил себя в особое положение, задал общий вектор отношения советских чиновников к югославским представителям как к тем, кто занимает особое положение среди других зарубежных представителей и может создать проблемы тем, кто не желает этого учитывать даже в самых мелочах. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 170. Л. 35–36: Ответственный руководитель ТАСС при Совете министров СССР Н. Пальгунов – Д.Т. Шепилову 2 апреля 1956 г.

³⁰⁴ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 41. П. 169. Д. 5. Л. 19–21: Из дневника Фирюбина Н.П. Запись беседы с заместителем председателя Союзного исполнительного веча Эдвардом Карделем 23 марта 1956 г.

³⁰⁵ А.И. Ф. III/66. СК SKJ. 2. April 1956 godine: Zapisnik sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane na Brionima.

³⁰⁶ Ibid. IX. 119/I-67.

³⁰⁷ *Mičunović V.* Op. cit. S. 77.

³⁰⁸ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 168–169.

³⁰⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 975. Л. 31.

³¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 136. Док. 51: Протокол № 18. Заседание 25 мая 1956 г.

³¹¹ Там же. С. 137. Док. 52: Протокол № 19. Заседание 26 мая 1956 г.

³¹² Там же. С. 137–138. Док. 53: Протокол № 20. Заседание 28 мая 1956 г.

³¹³ Некогда самые злейшие политические противники режима Тито, они, фактически ими и оставались. Причем жили эмигранты в СССР совсем непо-

хо. По данным посольства ФНРЮ в Москве, размер денежных средств, которые советские офицеры-информбюровцы отсылали в Югославию родственникам, был больше, чем жалование, получаемое высшим командным составом ЮНА. См.: *Mičunović V.* Op. cit. S. 65.

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Ibid. S. 66.

³¹⁶ Ibid. S. 67.

³¹⁷ Ibid. S. 78.

³¹⁸ Ibid. S. 77–78.

³¹⁹ Ibid. S. 42–43.

³²⁰ Ibid. S. 81.

³²¹ *Adamović M.* Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata. Beograd, 2004. S. 169.

³²² Ibid. S. 167–169.

³²³ *Mičunović V.* Op. cit. S. 79.

³²⁴ Как сообщал начальник Отдела безопасности гвардии Президента ФНРЮ Л. Божович, вылетевший в Москву для налаживания взаимодействия с 9-м управлением КГБ СССР, «здесь не все идет для нас самым лучшим образом. Этой эмиграции слишком льстят и дали нам мало конкретных ответов». См.: *Adamović M.* Op. cit. S. 170; Faksimil pisma Luke Božovica iz Sovjetskog Saveza generalu Žeželju.

³²⁵ В начале 1956 г. был подготовлен проект соглашения между ФНРЮ и СССР о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии. На заседании Координационного комитета СИВ ФНРЮ 30 января 1956 г. были приняты предложения югославской Союзной комиссии по ядерной энергии. См.: АЖ, F–130. Fasc. 629: Načelnik Biroa sekretariata SIV L. Lakić – Sekretaru Savezne komisije za nuklearnu energiju S. Jovanoviću. B. 1887. 6 februara 1956.

³²⁶ *Tuto Броз И.* Избранные статьи и речи. М., 1987. С. 228.

³²⁷ *Adamović M.* Op. cit. S. 170; Faksimil pisma Luke Božovica iz Sovjetskog Saveza generalu Žeželju.

³²⁸ Ibid. S. 184.

³²⁹ *Mičunović V.* Op. cit. S. 83–85.

³³⁰ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 169.

³³¹ *Mičunović V.* Op. cit. S. 82.

³³² *Волков В.К.* Указ. соч. С. 169.

³³³ Там же. С. 170.

³³⁴ Там же.

³³⁵ *Borožan Đ.* Posrednik mira između «Gvođenih zavjesa» (Razgovori Tito–Hruščov u Moskvi 1956) // *Vojno-istorijski glasnik.* 1997. Br. 2/3. S. 134, 136.

³³⁶ *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i Mađarsko pitanje 1955–1956 // *Tokovi istorije.* 1998. N 1/4. S. 35.

³³⁷ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 171.

³³⁸ Там же. С. 170–171.

³³⁹ *Borožan Đ.* Op. cit. S. 134.

³⁴⁰ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 170–171.

³⁴¹ *Borožan Đ.* Op. cit. S. 134–135.

³⁴² *Волков В.К.* Указ. соч. С. 170–171.

³⁴³ Там же. С. 171.

³⁴⁴ *Borožan Đ.* Op. cit. S. 142.

³⁴⁵ Ibid. S. 140.

³⁴⁶ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 170.

³⁴⁷ *Mičunović V.* Op. cit. S. 91.

³⁴⁸ *Adamović M.* Op. cit. S. 194.

³⁴⁹ Ibid. S. 193–194.

³⁵⁰ *Mičunovič V.* Op. cit. S. 90.

³⁵¹ *Adamović M.* Op. cit. S. 191.

³⁵² *Волков В.К.* Указ. соч. С. 172.

³⁵³ Не следует исключать того, что Мичунович в данном случае был не совсем точен. Согласно югославской записи переговоров, Тито, обосновывая краткий вариант декларации, представленный его делегацией, говорил о возможности того, что если бы декларация была «для внутреннего пользования», она была бы «более конкретной». См.: *Borožan Đ.* Op. cit. S. 139.

³⁵⁴ *Mičunovič V.* Op. cit. S. 90–91.

³⁵⁵ AJ. F. 130. Fasc. 629: Program rada Privredne delegacije FNRJ za pregovore sa SSSR-om.

³⁵⁶ *Borožan Đ.* Op. cit. S. 144–145.

³⁵⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 141. Док. 57.

³⁵⁸ *Borožan Đ.* Op. cit. S. 146.

³⁵⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 975. Л. 51: Выписка из Постановления Президиума ЦК от 19–20 июня 1956 г. № 24 «О декларации об отношениях между СКЮ и КПСС». (Тт. Микояну, Пономареву).

³⁶⁰ *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары. М., 1996. С. 20.

³⁶¹ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 172.

³⁶² *Mičunovič V.* Op. cit. S. 91.

³⁶³ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 173.

³⁶⁴ *Đimić Lj.* Op. cit. S. 35, 40.

³⁶⁵ Правда. 1956. 6 июня.

³⁶⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 145. Док. 59.

³⁶⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 979. Л. 86: Закрытое письмо ЦК КПСС партийным органам о советско-югославских отношениях. Выписка из протокола № 153 заседания Президиума ЦК от 13 мая 1958 г. – «Проект закрытого письма ЦК КПСС о советско-югославских отношениях в связи с VII съездом СКЮ».

**ОТ ХРУЩЕВА ДО ГОРБАЧЕВА:
ДВА ВЗГЛЯДА
НА СОБЫТИЯ 1953–1956 ГОДОВ
КАК ИСТОЧНИК
СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ**

О тношения между СССР и Югославией, ближайшими союзниками в первые послевоенные годы, которых разделил период открытой враждебности в результате конфликта 1948 г., были нормализованы наследниками Сталина в 1953–1956 гг. Однако и впоследствии, несмотря на схожесть национально-государственных структур (и в немалой степени по причине этого), связи между двумя странами были отмечены пульсирующей противоречивой динамикой. Советско-югославские отношения вплоть до распада обоих федеративных государств в начале 90-х годов XX в., представляли собой чередование периодов «потепления» и «охлаждения» в зависимости от глобальных изменений в системе международных отношений и кризисных явлений в «советском блоке». Это продемонстрировали «чехословацкие события» 1968 г. Если в начале 1967 г. югославское руководство во внутренних документах МИД СССР перечислялось в ряду братских партий, то после августа 1968 г. Белград вновь рассматривался почти как союзник западного блока.

Тем не менее весомое влияние внешних факторов не затеняло собственную логику дальнейшего развития контактов этих государств, во многом связанную с особенностями процесса нормализации отношений в 1953–1956 гг. и его итогами. В результате встреч высших руководителей двух стран и партий, подписания двусторонних документов, среди которых основополагающими явились Белградская межгосударственная декларация и Московская декларация об отношениях между КПСС и СКЮ, была подведена черта под периодом советско-югославской конфронтации конца 40-х – начала 50-х годов XX в. Однако новое качество отношений интерпретировалось руководством обоих государств и партий различно.

Советские руководители видели в нормализации отношений всего лишь промежуточный этап в процессе устранения

взаимных противоречий, которые резко обострились в последние годы жизни Сталина, и питали иллюзии относительно возможности успешных действий по вовлечению Белграда в советский лагерь, восстановления иерархической структуры подчинения СКЮ Кремлю. Стремление Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева представить себя политиком, решившим «югославскую проблему» на выгодных для советской партотократии условиях, и продемонстрировать провалы на этом направлении его соперников в борьбе за власть в партийном, а затем и государственном руководстве поставило его политическую судьбу в серьезную зависимость от дальнейшего развития связей с Югославией. Югославский вопрос и после смещения Хрущева осенью 1964 г. постоянно всплывал в ходе соперничества между сторонниками «сталинского» и «антисталинского» курса, превратившись в существенный фактор внутривнутриполитической жизни Советского Союза.

В свою очередь, югославское руководство считало произошедшие изменения во взаимоотношениях с СССР, оформленные в двусторонних документах 1955–1956 гг., собственной победой в конфликте, который возник еще до 1948 г. и завершился, по их мнению, формированием модели равноправных отношений двух социалистических государств как новым словом в мировой политике. К тому же иллюзии относительно возможности ускоренной десталинизации советского общественного устройства под влиянием югославского примера и расширяющихся контактов между Белградом и Москвой нередко брали верх над реалистичной политикой руководителей ФНРЮ.

Складывание данной модели контактов между двумя государствами как раз в первые годы послесталинского периода явилось определяющим для всех последующих этапов советско-югославских отношений. В «хрущевский период» отечественной истории югославский вопрос превратился в одно из важнейших направлений внешней политики советского государства, руководимого КПСС, неотъемлемую составляющую в ее геополитической и идейно-политической борьбе. Осознав бесперспективность силового давления на Югославию, в Москве перешли к действиям по ликвидации прецедента раскола блока союзных СССР государств при помощи менее конфронтационного набора мер, кои вырабатывались Кремлем после марта 1953 г. Политика в отношении Белграда являлась для высших руководителей страны сложным сплетением не только геополитических проблем, соперничества двух военно-политических систем, но и важным вопросом статуса близких Москве режимов, а также ключевых проблем идеологии ком-

мунистического движения и, не в последнюю очередь, собственного престижа как в международном рабочем движении, так и на мировой арене.

С началом конфликта со сталинским Советским Союзом, отказом от советского образца и конструирования собственной модели развития государства и общества на основах «подлинного марксизма», югославское руководство зашло достаточно далеко в критике системы «сталинского деспотизма» и ее внутренней и внешнеполитической практики. Наиболее одиозные проявления югославской системной критики советского режима руководству КПСС и СССР удалось устранить в ходе встреч 1955–1956 гг., но ее латентные проявления сохранялись вплоть до конца 80-х годов. К тому же с течением времени острота югославского вопроса для Москвы в условиях нарастающего с 1956 г. советско-китайского соперничества в мировом коммунистическом движении и в странах «третьего мира» отошла на задний план, хотя и не исчезла. Поэтому «югославский фактор» поставил перед Кремлем задачу создания в стране изоцированной системы дезинформации общественного мнения по вопросам внутреннего развития Федеративной Народной Республики Югославии (с 1963 г. Социалистической Федеративной Республики Югославии) и ее внешнеполитической деятельности. Данная система работала весьма эффективно вплоть до первых месяцев 1991 г., а последствия сказались и в период затянувшегося развала этой федерации, и во время балканского кризиса 90-х годов прошлого столетия.

Особенности действий югославского руководства, касающихся Советского Союза, на этапе нормализации двусторонних отношений и в дальнейшем имели ярко выраженный прагматический характер. Если в первые месяцы после смерти Сталина в Белграде относились с сомнением к советским сигналам, принимая их за намерение посеять недоверие к Тито и его окружению в сложившемся комплексе контактов ФНРЮ с Западом, то в последующем югославская сторона после долгих колебаний поверила шагам СССР и пошла им навстречу. Экономическая зависимость от западной поддержки и вся установившаяся структура хозяйственных связей Югославии с внешним миром в период конфликта с «советским блоком» требовали выверенной реакции на любые предложения из Москвы как в годы нормализации отношений 1953–1956 гг., так и впоследствии. Давление Запада вызывало определенное раздражение у И. Броз Тито и его окружения, которое вырвалось наружу после того как в Белграде к осени 1954 г. появилась уверенность в искренности инициатив Москвы. Но и позднее югославское руководство продолжало мириться с западным давлением,

находя внеблоковое положение для себя во всех отношениях гораздо более выгодным, чем возвращение в советский лагерь.

С марта 1953 г. лидеры Югославии выстроили достаточно эффективную схему взаимоотношений с СССР, пройдя путь от возвращения дипломатических отношений на уровень послов, нормализации ситуации на своих границах, начала обмена информацией по международным проблемам, возобновления экономического сотрудничества и связей в области культуры до постоянных государственных контактов и, наконец, регулярного обмена официальными визитами и неформальными встречами на уровне саммита. Белград, обнаружив заинтересованность Хрущева (и поддержавшей его партийно-государственной части советского руководства) в возобновлении партийных контактов, добился прощения финансовой задолженности Югославии. Сделано это было весьма виртуозно: подписание советско-югославских документов 1955–1956 гг. (Белградской и Московской деклараций) обеспечивало фиксирование международно-правовых договоренностей без необходимости возвращения в советский лагерь.

Создание международно-правовой основы внеблокового курса Югославии заложило предпосылки успешного противостояния повторяющимся советским попыткам (не прекращавшимся до самого конца 80-х годов) по втягиванию ее в «социалистическое содружество» под прикрытием тезисов об общности идеологии и целей. Механизм обмена экономических дивидендов на кажущееся сближение с Кремлем весьма успешно эксплуатировался югославской стороной до самого окончания «эпохи Горбачева», так как выбранная схема и тщательно выстроенная система отношений с Москвой позволили Белграду (вне зависимости от искренности заявлений руководства СССР и КПСС) добиться наибольшего эффекта от развития связей на советском направлении. На первых стадиях нормализации были урегулированы при участии Москвы отношения с балканскими соседями–участниками «советского блока». На последующих этапах Югославии удавалось получать из Советского Союза энергоносители на весьма льготных условиях и обеспечить широкий рынок для югославских товаров, которые не являлись конкурентоспособными на Западе, но сметались советскими потребителями. При этом и в период нормализации 1953–1956 гг., и в дальнейшем, «советская карта» весьма успешно разыгрывалась Югославией для шантажа США в целях ослабления политико-военного давления стран Североатлантического альянса и получения экономических выгод от сотрудничества

с промышленно развитыми индустриальными державами, а также международными финансовыми институтами, контролируемые Вашингтоном и Лондоном.

Сложившаяся в 1953–1956 гг. схема взаимоотношений СССР и ФНРЮ по принципу партнера-оппонента во внешнеполитических концепциях и конкретных внешнеполитических шагах относительно друг друга и остального мира не менялась существенно и в последующие годы советско-югославских взаимосвязей. На этот комплекс постоянно оказывало сильное воздействие несколько факторов, в числе которых могут быть перечислены следующие: влияние устоявшихся «восприятий» СССР и Югославии; национально-государственные интересы (все же пробивавшиеся за рамки идеологических барьеров); влияние личного престижа лидеров в целях достижения прорыва во взаимоотношениях (у югославских лидеров – резонный престиж в стране и мире от равноправного взаимодействия с руководством одной из двух мировых сверхдержав, у советского руководства – использование югославского фактора в борьбе за власть или за упрочение политического положения в партийно-государственном аппарате); влияние на отношения с Западом югославского фактора в советской внешней политике (геополитическом и идеологическом соперничестве с США), для Югославии – советского фактора в контактах с Западом и странами «третьего мира».

С учетом всего этого не представляются неожиданными и периодические кризисы в советско-югославских отношениях. Они вспыхивали во время венгерского восстания 1956 г., обсуждения и принятия новой программы СКЮ в 1958 г., в период ввода войск ОВД в Чехословакию в 1968 г., событий в Афганистане в конце 70-х и польского кризиса начала 80-х годов – вплоть до правления М.С. Горбачева. Только тогда югославский вопрос уходит на периферию советской внешней политики, поскольку основное внимание Москвы переключается на сдачу геополитических завоеваний сталинской эпохи под предлогом слабости хозяйственного механизма СССР, который не выдерживал бремя оборонных расходов в ходе изнурительной гонки вооружений, и на взлет надежд на кредитно-финансовую помощь Запада, получаемую без учета инвестиционных потребностей экономики Советского Союза.

Вне зависимости от субъективных пожеланий и практических шагов руководящих элит обоих государств, а также действий соответствующих внешнеполитических структур по их реализации, развитие советско-югославских связей стало

существенной частью процесса эрозии «советского блока», перехода от биполярного устройства международной системы отношений второй половины XX в. к однополярному миру начала XXI столетия. Вместе с тем легитимизация создававшихся в мировом коммунистическом движении центров влияния. альтернативных Кремлю, а затем и организации в «третьем мире» Движения неприсоединившихся государств, которое противостояло двум доминирующим в мире политико-экономическим моделям, объективно содействовала сохранению национально-государственных особенностей в международном сообществе, богатству политико-экономического выражения человеческого гения в мировой цивилизации.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 410, 411, 438, 446, 483, 496, 497, 505, 506, 512
Александров Г.Ф. 219, 306, 312, 510
Ангелов Л. 132, 260
Андреев 22
Андрианов А. 114
Андропов Ю.В. 87
Апостол Г. 231, 246
Аристов А.Б. 545
Армянинов 23, 24
- Бабич Ф.** 241
Бакарич В. 18, 32, 314, 464, 514
Баранов 40, 163
Барановский 169
Библер А. 55, 57, 63, 65, 68, 93, 94, 102, 103, 153, 154, 161, 166, 195, 196, 223–227, 252, 301, 304, 305, 308–310, 365
Бекич Д. 192
Белкин М.И. 41, 42, 106
Бентон В. 541
Берия Л.П. 6, 53, 57, 60, 61, 66, 82, 87, 89, 90, 104, 106–109, 111–115, 117–126, 128, 133, 171, 179, 187, 206, 229, 230, 232, 233, 237, 248, 254, 256, 265, 269, 270, 320, 334, 349, 361, 365, 410, 411, 438, 441, 446, 448, 450, 451, 453, 469, 473, 477, 479, 481, 483, 494, 496, 497, 502, 503, 505, 506, 512
Берман 54
Бернштейн Э. 24
Берут Б. 231, 246
Блажевич Я. 560
Бодров М.Ф. 128
Божич М. 58, 69, 71, 245, 271, 272
Болен Ч. 103, 252
Бранков Л. 42, 46
Брежнев Л.И. 555
Бркич Х. 491, 492, 525, 526
- Брилей Й. 182
Бродская Л.И. 546
Будисавлевич З. 560
Булаич К. 49
Булганин Н.А. 22, 53, 114, 238, 266, 271, 327, 343, 348, 361, 364, 368, 383, 388, 405, 406, 410, 411, 436, 437, 451, 458–460, 462, 466–468, 472, 474, 475, 477, 478, 480, 491, 493, 500–503, 506, 515, 518, 533, 537, 548, 553–555, 557, 558, 562, 570, 575, 576
Бухарин Н.И. 24
- Вальков В.А.** 37, 49, 87, 90–92, 97, 98, 103, 110, 119, 127–131, 153–156, 159, 165, 166, 170, 174, 175, 179, 181–183, 195, 196, 198, 209, 210–212, 214, 215, 224–226, 230, 233, 242, 249, 251, 252, 257, 258, 260–262, 266, 271, 289, 301, 305, 309–311, 314, 324, 359, 365, 366, 374, 377, 378, 383–385, 388, 397, 460, 468, 482, 486–488, 491–493, 508, 509, 515, 518, 531
Велебит В. 21, 210
Веселинов Й. 260, 436
Видич Д. 117, 119, 128, 131, 156, 159, 160, 163, 164, 167, 168, 172, 174–176, 178, 188–191, 194, 196, 211–213, 219, 240–243, 245, 246, 251, 303–304, 306, 307, 312, 313, 318–320, 324, 335, 338, 343, 344, 348, 352, 360–365, 383, 384, 397–400, 464, 490, 535, 544–546, 550
Вильфан Й. 153, 170, 227, 364, 541, 560
Вильфан М. 364
Виноградов В. 290, 305
Вишневская Г. 468, 469
Владимиров 45

- Власов А.П. 109, 110
Влахович В. 436, 456, 550
Вознесенский Н.А. 361
Волков А.П. 343, 533–535, 537, 568
Ворошилов К.Е. 22, 36, 159, 175, 341, 342, 387, 405, 406, 409–411, 436, 480, 481, 494, 500, 553
Воянович 328
Вратуша А. 443, 467
Вукманович–Темпо С. 24, 34, 117, 315, 324, 346, 365, 380, 397, 413, 436, 454, 461–463, 488, 518, 519, 520–522, 524–526, 529, 536, 541, 551, 552
Вышинский А.Я. 42, 161, 163, 263, 347
- Гаспери де 161
Гендрих И. 476
Георгиу-Деж Г. 28, 45–47, 54, 127, 231, 475, 560
Гитлер А. 502
Голуб М. 82, 105, 156, 159, 174, 175
Голубович Р. 34, 39
Горбачев М.С. 576, 597, 598
Готвальд К. 31, 32, 35, 447, 448
Гошняк И. 75, 436
Григулевич И.Р. 107
Гришин И. 538
Гроза П. 475
Громько А.А. 44, 45, 159, 188, 189, 191, 266, 289, 357, 358, 388, 397–399, 401, 406, 407, 451, 456, 459, 462, 465, 467, 472, 485, 486, 492, 493, 499, 542
Гротеволь О. 232
Грязнов Ф.Н. 531, 550
Гэре Э. 54
- Даллес Дж.Ф. 8, 244, 365, 442, 485, 543
Дементьев П. 568
Дапчевич П. 34
Деднер В. 84, 122, 124, 127, 181, 368, 439, 443, 463
Дейтчер И. 171
Дейч 506
Джилас М. 15, 18, 20, 23, 24, 31, 36, 42, 43, 48, 55, 57, 58, 75, 78, 119, 166, 167, 169, 170, 180, 181, 183–189, 191, 193–196, 205, 213, 222, 228, 229, 240, 254, 256, 270, 331, 333, 349, 368, 405, 503, 573
Джурич Д. 50, 55, 57, 58–61, 63, 65, 67–69, 71–74, 77–79, 86, 87, 90, 92, 93, 98, 103, 109, 110, 116, 119, 120–122, 152, 153, 173, 243, 341, 529
Димитров Г. 16, 19
Дорошев И. 404
Дэвис Дж. 95, 263–265
Дюкло Ж. 28, 54, 232
- Жагар 58
Жданов А.А. 11, 15, 17, 27, 29, 108
Жежель М. 55, 560, 562
Живков Т. 132, 232, 246, 475
Жуйович С. 21, 23–27, 29, 32–34, 47, 187, 503, 504
Жуков 159
Жуков Г.К. 107, 343, 389, 401, 500, 555, 568
- Заволжский С.Г. 47
Захаров Н. 568
Запотоцкий А. 231
Зенькович 45
Зец М. 443
Зимянин М.В. 79, 87, 89–92, 104, 152, 153, 163, 172–174, 178, 210–212, 215–217, 266, 307–309, 510
Зорин В.А. 53, 77, 79, 153, 159, 160, 167, 169, 176, 196, 198, 199, 214, 229, 231, 232, 234–237, 243–245, 307, 311, 344, 360, 365–367, 383, 386
- Ивановский П. 356
Ивекович М. 205
Игнатъев С.Д. 120
Иден А. 63, 82
Ильичев Л.Ф. 490
- Йованович А. 33–36
Йованович Б. 534
- Кабанов И.Г. 234, 235, 247, 262, 263, 293, 344, 348, 352, 490, 492, 493, 524

- Каганович Л.М. 114, 169, 199, 327, 348, 349, 405, 406, 410, 415, 436, 470, 478, 479, 481, 482, 484, 503, 554
- Кардашев В.П. 531
- Климичев В.Ю. 531
- Каммари М.Д. 404
- Капичич Й. 167
- Кардель Э. 14, 15, 19, 23, 25, 32, 34, 43, 46, 47, 62, 64, 75, 99, 101, 109, 116, 122–124, 126, 153, 163, 165, 167, 170, 187, 193, 259–261, 309, 310, 314, 315, 336–339, 346–348, 354, 355, 358, 378, 394, 395, 436, 444, 446, 456–460, 462, 466, 471, 472, 477, 514, 533, 541, 549, 550, 551, 560, 564, 567, 569–572, 574
- Кеннан Д. 50
- Кидрич Б. 21, 24, 122, 124, 187
- Кириченко А.И. 405
- Киров С.М. 561
- Кирсанов С.П. 45, 76–82, 85, 86, 89–92, 104, 105
- Киселев Е.Д. 128
- Кишиневский И. 54
- Кликовац Й. 241, 380–382
- Кнез А. (“Савва”) 117
- Коваль Б. 490, 493, 524
- Ковачевич Н. 334
- Козин 153
- Колишевский Л. 436
- Колт 162
- Конев И.С. 364, 389
- Константинов Ф.В. 294, 313
- Копинич Й. 18, 462
- Копржива Л. 54
- Корнейчук А.Е. 533
- Коробов 263
- Косанович С. 313
- Косарев А.В. 504
- Костов Т. 28, 54, 294
- Косыгин А.Н. 169
- Крайгер Б. 463
- Красюк Я.И. 539
- Кролл 62
- Крстулович В. 25
- Круглов С.Н. 24
- Крушинский С. 509, 511, 512
- Кузнецов А.А. 361
- Кузнецов В.В. 198, 199, 228, 229, 366
- Куле 395
- Кумыкин П. 388, 406, 451, 456, 461, 462, 472, 488, 490, 492, 524
- Куримски Ш. 175, 310
- Лаврентьев А.И. 13, 18, 19, 21–25, 32, 33, 36, 42, 128
- Лаврич А. 55
- Лаврищев А.А. 381
- Лавров И.М. 24
- Лалич Р. 443
- Лапаури А. 468
- Латинович 39, 44, 45
- Лацис В. 343
- Лебедев 21
- Ленин В.И. 8, 244, 354, 481
- Лесаков В.И. 40
- Лисициан П.Г. 468
- Лескошек Ф. 550
- Любимов Ю.В. 531
- Маленков Г.М. 27, 40, 51, 54, 55, 57, 58, 60, 61, 66, 79, 83, 89, 94, 102, 107, 108, 111, 114, 115, 120, 123, 126, 128, 129, 131–133, 153, 154, 171, 173, 187, 188, 197, 206, 238, 316, 317, 318, 319, 324, 326–328, 336, 338, 343, 348–350, 353, 355, 356, 360–362, 364–368, 380, 382, 405, 406, 411, 436, 466, 469, 478, 480, 499–501, 503, 554
- Малик Я.А. 58, 60
- Малин В.Н. 411, 460, 461
- Маллет И. 83, 84, 102, 103, 208
- Малышев А.Е. 531
- Мамула Б. 241
- Мануильский Д.З. 169
- Мао Цзэдун 102, 231, 236, 247
- Маркович 550
- Маркс К. 436
- Маршалл 11, 14
- Масларич Б. 335
- Матес Л. 158
- Мельников Л.Г. 169, 328
- Мерфи Р. 539
- Микоян А.И. 169, 197, 231, 235, 247, 341, 344, 350, 388, 405–407, 409–411, 435–437, 449, 451, 455, 459, 461, 462, 467, 468, 472, 474, 477–479, 488, 492–495, 503, 506, 517, 518, 523–527, 529, 532, 533, 536, 540, 541, 543, 548, 555, 556, 560, 563, 566, 567, 569, 570, 572

- Милатович А. 59, 65, 168, 169, 172, 195, 443
 Милкович М. 362, 369, 370, 375, 376, 485
 Милованов 560
 Милутинович М. 397
 Митин М.Б. 473
 Михайлов Н.А. 114
 Мичунович В. 57, 58, 60, 93, 103, 154, 155, 166, 167, 170, 257, 335, 336, 351, 365, 377, 397, 531, 549, 550, 553, 556–559, 563, 567–570, 574
 Мойсов Л. 513
 Молотов В.М. 6, 19, 21–23, 25, 34, 39, 48, 55, 57, 58, 60, 61, 63, 66, 67, 69, 71, 72, 74, 77, 79, 83, 86, 87, 89–92, 98, 112–114, 116, 128, 133, 152, 153, 155, 159, 160, 172, 173, 181, 188–191, 196, 199, 204–207, 210, 212, 213, 226, 228, 229, 231, 236, 237, 240, 243–245, 248, 261, 266, 307, 311, 312, 318, 343, 344, 348–350, 363–367, 369–372, 374, 378, 383, 384, 386, 390, 394, 399, 400, 404–411, 435, 436, 477–483, 493–495, 499–502, 504, 505, 508–510, 554–556, 559, 563, 576
 Мразович К. 38, 39, 44, 45, 334

 Надь Имре 108, 231, 360
 Неру Д. 366, 478
 Несмеянов А.Н. 219, 508
 Новотный А. 231, 246, 473, 475

 Осолник Б. 364, 389, 436, 477
 Островитянинов К.В. 381

 Патоличев Н.С. 87
 Пуцар-Стари Дж. 534
 Пегов Н.М. 560
 Пенезич С. 33
 Первухин М.Г. 169, 197, 405, 406, 410, 436, 478, 480, 503
 Пик В. 232
 Пияде М. 78, 86, 165, 167, 170, 180, 436, 456, 487, 533, 547
 Питгарт 455
 Платковский В. 509, 512, 513, 515
 Подцероб Д.Ф. 58
 Полевой Б.Н. 389
 Поллит Г. 334
 Пономарев Б.Н. 40, 386, 404, 406, 407, 482, 484, 485, 492, 493, 542
 Пономаренко В.М. 531
 Попивода П. 73
 Попов Г.М. 199, 204
 Попович В. 23, 25, 31, 51
 Попович К. 55, 57, 61, 84–86, 98, 153, 157, 170, 210, 249, 252, 261, 310, 379, 395, 397, 436, 447, 456, 465, 467, 536, 549, 552, 560
 Попович М. 156
 Поптомов В. 54
 Поспелов П.Н. 169, 228, 229, 231–233, 235–237, 296, 368, 386, 405, 406, 436, 481, 482, 484, 545
 Приходов Ю.К. 257, 362, 369, 370, 375, 376, 485, 538
 Прица О. 550

 Радица Б. 117, 118, 188
 Райк Л. 41–46, 106, 294, 497, 560
 Ракоши М. 28, 29, 47, 106, 128, 231, 246, 475
 Ранкович А. 6, 15, 23, 24, 25, 34–36, 41–43, 45, 54, 55, 63, 69, 73, 75, 107, 108, 111, 112, 115, 121, 122, 153, 167, 205, 223, 230, 233, 237, 294, 310, 315, 352, 397, 436, 437, 453, 496, 549, 550, 560
 Рафаэль Т. 124, 125
 Риббентроп Й. 502
 Рибникар Я. 359
 Риддлбергер Дж. 455
 Рюмин М.Д. 66, 107, 120

 Сабуров М.З. 169, 199, 219, 306, 312, 313, 317–320, 321, 322, 327, 338, 341, 344, 405, 478, 480, 492
 Савич 389
 Садков В.Н. 531
 Сазанов А.Н. 381
 Сайчич Вл. 516, 517
 Сахаров В.М. 40
 Секкья П. 54
 Сени Т. 42
 Сергейчик М.А. 550
 Серов И.А. 197, 245, 357, 386, 401, 437
 Сиволапов М. 505
 Сидельников Ю.А., 531
 Сидорович 18
 Симонов К.М. 66

- Сланский Р. 54, 294
 Смирнов 236, 247
 Смоле Й. 535, 537
 Сталин В.И. 556
 Сталин И.В. 6, 11, 13, 14, 16, 17, 20, 22, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 35–37, 43–45, 53, 55–57, 59, 60, 62, 66, 80, 83, 89, 95–97, 100, 104, 106, 120, 121, 125, 130, 171, 244, 264, 265, 315, 320, 337, 354, 361, 374, 378, 381, 382, 411, 446–450, 453, 458, 463, 464, 469, 472–477, 496, 501, 504, 506, 512, 534, 546, 547, 549, 550, 561, 594–596
 Стамболич П. 533, 550
 Стацкевич Н.В. 531
 Степанов В. 341, 357, 358
 Стефанович С. 560, 562
 Стручкова Р.С. 468
 Сульцбергер П.А. 107
 Сульцбергер 465
 Сундестрем 67, 68, 69
 Суслов М.А. 23, 27, 41, 46, 54, 197, 198, 228, 229, 231–237, 289, 295, 341, 345, 353–357, 368, 374, 386, 406, 407, 436, 480, 482, 484, 492, 493, 503, 506–509, 542, 555
 Сухарев 131
 Сюч 42
- Тито Й.Б.** 5, 6, 12–17, 19–27, 29, 32, 33, 34–36, 37, 39–44, 46, 48, 50–57, 60, 61, 63, 65, 67, 69–71, 73, 75, 76–78, 82–85, 87–89, 91, 92, 95–101, 103, 105, 107–122, 127, 129, 130, 152, 153, 156, 160, 161, 164, 170, 175, 176, 179, 187, 188, 191, 208–210, 212, 213, 217, 222, 223, 227–231, 233, 238, 240, 241, 246, 248, 252, 253, 256, 258–261, 263–265, 267, 269–271, 296, 301–303, 305, 306, 308–316, 319, 322–324, 326, 328–335, 337–343, 346, 347, 351–353, 355, 362, 366, 368, 371–374, 377, 378, 380, 383–385, 387–389, 394–397, 401, 404, 412, 435, 436, 439–444, 447–454, 456–461, 464, 466–469, 474, 477, 478, 488, 489–493, 496, 512, 513, 516, 530–532, 537, 541, 543, 544–554, 556, 558–570, 573–576, 596
- Тихонов Н.С. 24
 Тодорович М. 344, 346–354, 356, 360, 369, 384, 397, 449, 456, 550, 560, 570, 571
 Тольятти П. 16, 28, 29, 54, 232, 246, 248
 Топчиев А.В. 508
 Горез М. 232, 246, 248
 Троцкий Л.Д. 24, 404
 Тункин Г.И. 408
- У Ну** 478
 Ульбрихт В. 232, 246
 Уоллнер 304
- Фажон** 54
 Фаркаш М. 42
 Федосеев С.М. 87, 107, 109, 110
 Феич С. 31, 35, 37, 38
 Фильд 42
 Фирюбин Н.П. 508, 509, 531, 544, 545, 550
 Фолмар 24
 Франгулис 82, 83
 Фурцева Е.А. 509
- Хайтер** 95
 Хегедюш А. 475
 Хенди 53
 Хебранг А. 13, 16, 21, 24–27, 29, 32, 504
 Ходжа Э. 232, 236, 247, 459, 495, 507
 Хрущев Н.С. 6, 7, 18, 22, 66, 83, 120, 128, 130, 133, 173, 183, 187, 197–199, 204, 208, 215, 226, 228, 236–238, 240, 242, 244, 246, 248, 251, 252, 256, 258, 261, 263, 269, 270, 296, 297, 301, 318–319, 324, 327, 328, 338, 342, 343, 348–350, 353, 355, 356, 360, 361, 367, 368, 374, 383–389, 394, 404, 405, 407–409, 411, 415, 436–448, 450–480, 482–484, 487–497, 499–509, 518, 531–534, 536, 538, 540, 542–556, 558, 559, 561–576, 595, 597
- Цекич** С. 389
 Црнобрня Б. 97, 167

- Чавдар** Е.И. 468
Чабричевич М. 397
Червенков В. 28, 54, 115, 128, 131, 132, 232
Черчилль У. 11, 61, 63, 64, 78, 82, 83, 450
Чжоу Эньлай 478
Чикалини 54
Чолакович Р. 21, 32, 33
Чулич Д. 238, 241, 246
Чумак И.В. 70, 71, 81, 89, 90, 105
- 482, 484, 488, 503, 509, 510, 514, 555, 559, 566
Шноков Г.П. 59, 76, 78, 79, 97, 98, 105, 106
Шумония М. 55
- Эйзенхауэр** Д. 61, 95, 395
Эллендер А. 530
- Юдин** П.Ф. 18, 54, 503
- Шаталин** Н.Н. 198, 263
Шелепин А.Н. 485, 534
Шепилов Д.Т. 388, 404, 406, 407, 451, 454, 456, 461, 462, 466, 472, 480,
- Яковлев** Б. 177–179, 183, 194, 199, 203, 229
Янич В. 25

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АП РФ	– Архив Президента Российской Федерации
АПТ	– Албанская партия труда
БКП	– Болгарская коммунистическая партия
Бюробин	– Центральное бюро по обслуживанию иностранцев
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи
ВМФ	– Военно-морской флот
ВПТ	– Венгерская партия труда
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГСИД	– Государственный секретариат по иностранным делам
ЕОС	– Европейское оборонительное сообщество
ЗЕС	– Западноевропейский союз
ИККИ	– Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
КПП	– Коммунистическая партия Польши
МВД	– Министерство внутренних дел СССР
МВТ	– Министерство внешней торговли СССР
МГБ	– Министерство государственной безопасности СССР
МИД	– Министерство иностранных дел
МГК	– Московский городской комитет (партии)
МК	– Московский областной комитет (партии)
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НКГБ	– Народный комиссариат государственной безопасности СССР
НОАЮ	– Народно-освободительная армия Югославии
ОВП	– Отдел внешней политики
ПНР	– Польская народная республика
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории

СКЮ	– Союз коммунистов Югославии
СМИД	– Совет министров иностранных дел
сп	– специальное послание (в документах)
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ССТНЮ	– Социалистический союз трудового народа Югославии
СФРЮ	– Социалистическая Федеративная Республика Югославия (с 1963 г.)
СЮП	– Союз югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито-Ранкович и империалистической неволи
ТАНИЮГ	– Телеграфное агентство новой Югославии
ТАСС	– Телеграфное агентство Советского Союза
УДБ	– Управа државне безбедности
ФНРЮ	– Федеративная Народная Республика Югославия (с 1945 до 1963 г.)
ЦК КПСС	– Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦК КПЮ	– Центральный Комитет Коммунистической партии Югославии
ЦК СКЮ	– Центральный Комитет Союза коммунистов Югославии
AJ	– Arhiv Jugoslavije
AS	– Arhiv Slovenije
СК КПЈ	– Centralni komitet Komunističke partije Jugoslavije
СК КПСС	– Centralni komitet Komunističke partije Sovjetskog Saveza
DASIP	– Diplomatski arhiv Sekretarijata inostranih poslova
FNRJ	– Federativna Narodna Republika Jugoslavija
FRUS	– Foreign Relations of the United States
IB	– Informbiro
KI	– Komunistička internacionala
KPJ	– Komunistička partije Jugoslavije
KPSS	– Komunistička partija Sovetskog Saveza
JA	– Jugoslovenska armija
JIČ	– Jugoslovenski istorijski časopis
JNA	– Jugoslovenska narodna armija
MUP	– Ministarstvo unutrašnjih poslova
NARA	– National Archives & Records Administration
OS	– Oružane snage
PRO	– Public Record Office
SEV	– Savet za uzajamnu ekonomsku pomoć
SIP	– Sekretarijat inostranih poslova
SSRNJ	– Socijalistički savez radnog naroda Jugoslavije

SSSR	– Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika
STT	– Slobodna Teritorija Trsta
SUP	– Sekretarijat unutrašnjih poslova
TANJUG	– Telegrafska agencija nove Jugoslavije
UDB	– Uprava državne bezbednosti
UP	– United Press
VII	– Vojnoistorijski institut

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения: «Да здравствует дорогой товарищ Тито и его клика!»	5
--	---

Глава I

От конфликта Кремля с «самым верным союзником Югославией» до восстановления отношений с ФНРЮ «как с буржуазной страной» (1948 – лето 1953 года)	11
1. На крутых виражах советско-югославского конфликта (февраль 1948 – февраль 1953 года)	11
2. «Клика Тито сумела закрепиться у власти и выдержала примененную против нее тактику прямого удара» (март – май 1953 года)	55
3. «Составленное Берия письмо было рассчитано на установление тесных отношений с “тов. Ранковичем” и с “тов. Тито”» (июнь 1953 года)	82
4. «Специальные мероприятия по линии борьбы с титовцами... должны быть гораздо более квалифицированными и тщательно подготовленными» (июль 1953 года)	109

Глава II

Новый виток отношений (август 1953 – октябрь 1954 года)	152
1. «Обходить все вопросы, о которых мы заранее знаем, что они приведут к обострению отношений, и искать приемлемую форму для нашей инициативы» (август – декабрь 1953 года)	152
2. «Мы идем в социализм своей дорогой, мы не поддадимся попыткам нас с нее столкнуть» (январь – март 1954 года)	181
3. «Следует заставить уважать нашу концепцию межгосударственных отношений: уважение независимости, взаимность и т.п.» (апрель – май 1954 года)	215
4. От начала «партийной дипломатии» к первым уступкам Кремля (июнь – август 1954 года)	243

Глава III

И в Москве, и в Белграде желают «встречи в верхах», но понимают ее по-своему (сентябрь 1954 – май 1955 года)	289
1. «Предложить встречу Тито и Маленкова в Югославии, а в случае советского отказа найти другие формы личной встречи» (осень 1954 года)	289

2. «Мы твердо намерены сидеть только на одном стуле, а именно на своем...» (ноябрь – декабрь 1954 года)	317
3. «Вчера еще кляли на чем свет стоит Тито и Ранковича – этих врагов, шпионов и убийц, а сегодня снова с ними якшаемся и чуть ли не целуемся» (январь – март 1955 года)	352
4. «Если мы сумеем договориться по таким вопросам, как признание суверенитета и невмешательство во внутренние дела, то в наших отношениях никаких трудностей не будет» (апрель – май 1955 года)	383

Глава IV

Бурное развитие нормализации (май 1955 – июнь 1956 года)	435
1. «Этот подход, как и любая пропаганда такого рода, будет иметь для них плохие последствия, ибо факты выявят его лживость» (26 мая – 2 июня 1955 года)	435
2. «Неверие выражает т. Молотов в силы КПСС. Т. Молотов ошибся. Должен признать. Белые руки хочет сохранить, упорствует» (3 июня – июль 1955 года)	470
3. «Югославы идут к социалистическому лагерю, как грешники из Дантова “Ада”, повернув головы на Запад» (июль – август 1955 года)	505
4. «Сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены... по спорить не будем...» (сентябрь 1955 – июнь 1956 года)	531

Вместо заключения

От Хрущева до Горбачева: два взгляда на события 1953–1956 годов как источник советско-югославских противоречий	594
Указатель имен.....	600
Список сокращений	606

Научное издание

Едемский Андрей Борисович

**ОТ КОНФЛИКТА
К НОРМАЛИЗАЦИИ**

***Советско-югославские отношения
в 1953–1956 годах***

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев,*

Р.В. Молоканова, А.В. Морозова

Подписано к печати 04.02.2008
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 38,5. Усл.кр.-отт. 38,5. Уч.-изд.л. 43,5
Тип. зак. 3090

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: scrcct@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт:
www.LitRAS.ru E-mail: info@litras.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-6-
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием библинистических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137
("Книга-почтой"); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой");
(код 3952) 42-96-20 aknig@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17)
292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00 akadkniga@nm.ru
(Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495)
621-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
akademkniga@naukaran.ru
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812)
272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472)
23-47-62, 23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-035195-0

9 785020 351950

ДЕМСКИЙ

ОТ КОНФЛИКТА К НОРМАЛИЗАЦИИ

8-5=02=C35195=0 (7) 13.6 (25с97
емский А.Б.О конфликта к нор Ед
71213
440.00
"Академкнига" РАН

